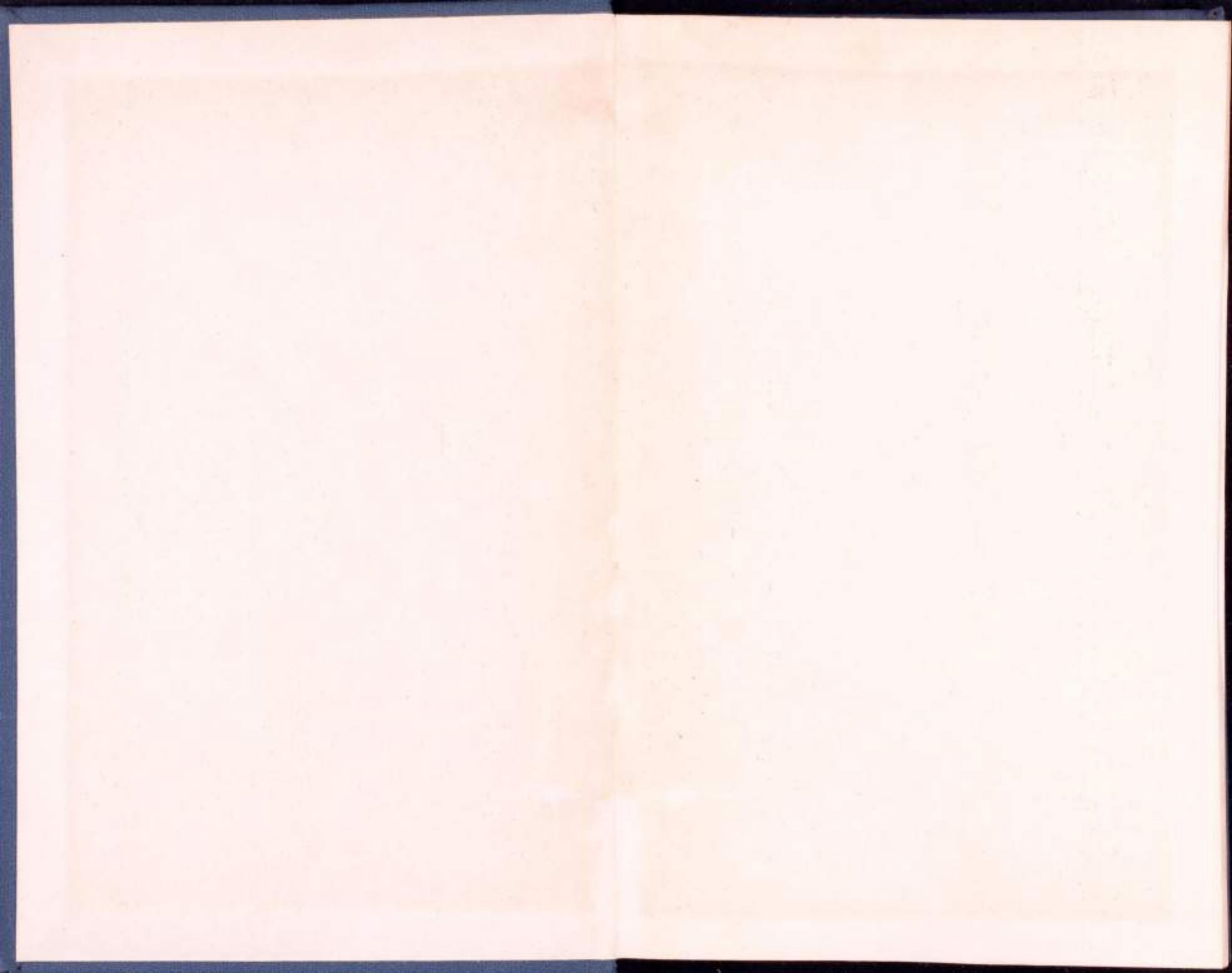

ЗАРУБЕЖНЫЙ
ВОСТОК
И СОВРЕМЕННОСТЬ

1

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Издательство «Наука»

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

•
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СТРАН
ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

в 3 томах

Редколлегия

Г. Ф. Ким
(председатель редколлегии),
К. Н. Брутенц,
О. К. Дрейер,
А. С. Кауфман,
М. С. Лазарев,
А. И. Левковский,
В. Ф. Ли,
Л. Р. Полонская,
Е. М. Примаков,
В. Г. Растяжников,
Б. Г. Саложников,
Н. А. Симонни

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТОМ I

Главная редакция восточной литературы

Москва

1980

Руководитель первого раздела

А. И. ЛЕВКОВСКИЙ

Руководитель второго раздела

Р. Г. ЛАНДА

З-34 Зарубежный Восток и современность. Т. I.
М., Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

533 с.

В книге исследуются процессы, протекающие в социально-экономическом базисе главным образом развивающихся стран Азии и Северной Африки, а также вопросы классовой и политической борьбы в этих странах. Различные экономические проблемы рассматриваются в неразрывной связи с анализом специфики производственных отношений, господствующих на современном Востоке.

З $\frac{11104-193}{013(02)-80}$ подписное. 0803000000

327.25

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ВВЕДЕНИЕ

Среди величайших общественных перемен, которые вот уже более шести десятилетий после исторической победы Великого Октября сотрясают мир социального и национального угнетения, важное место принадлежит революционному созидательному творчеству народов Востока. Как было подчеркнуто в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева XXV съезду партии, одной из характерных черт современного мирового развития является «серьезное усиление влияния государств, которые еще недавно были колониями или полуколониями»¹. Вторая половина 70-х годов подтвердила правоту этой оценки. Преодолевая противодействие неокolonизма, национально-демократическое движение народов получает дальнейшее углубление и расширение в Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Тропической Африке. Молодые суверенные государства выступают в качестве одного из самых динамичных компонентов современного быстро меняющегося мира. Речь не идет лишь о показателях экономического развития, хотя и в этом отношении достигнуты важные сдвиги. Мы имеем в виду более широкий круг вопросов, охватывающих фактически всю совокупность основных аспектов общественной жизни развивающихся стран, — экономический базис, социальную структуру, политическую надстройку и идеологию. Вследствие переходного характера развития освободившихся стран все эти сферы подвержены быстротечным, хотя и далеко не однозначным изменениям.

Завершение первого большого исторического этапа в национально-освободительном движении, связанного с крахом колониальной системы, означало наступление качественно нового этапа в истории стран Азии, Африки и Латинской Америки, характеризующегося изменением тех традиционных форм борьбы народных масс против империализма, которые были направлены прежде всего на изгнание колонизаторов.

Сама логика жизни подвела народы освободившихся стран к пониманию той истины, что национально-освободительная борьба не может завершиться достижением политической неза-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.

висимости, что колониализм пустил глубокие корни в разные сферы социально-экономической и идейно-политической жизни поработанных стран и что поэтому окончательная ликвидация всех пережитков колониализма немислима без выкорчевывания его корней. Отсюда перед освобожденными странами возникает императивная необходимость продолжения освободительной борьбы, однако уже с акцентом на внутренние и внешнеполитические аспекты, т. е. борьбы, обращенной прежде всего против наследия колониализма, против внутренней эксплуататорской верхушки.

В документах московского Совещания коммунистических и рабочих партий (июнь 1969 г.) отмечалась всевозрастающая роль антиимпериалистического движения народов Азии, Африки и Латинской Америки в мировом революционном процессе². Это явление носит не только количественный характер. Речь идет о новом качественном этапе, когда наряду с борьбой против империализма (внешние противоречия) все больше обнажаются внутренние социальные противоречия.

Хотя крах колониальной системы не означает ликвидации колониализма вообще, он, несомненно, создает новую ситуацию в антиимпериалистической борьбе народов Азии, Африки и Латинской Америки. Сегодня эта борьба направлена главным образом против тех социально-экономических устоев и социально-классовых сил, опираясь на которые империализм стремится сохранять и даже по возможности расширять эксплуатацию народов развивающихся стран. Если раньше существовало четкое разграничение, при котором по одну сторону баррикады стояли национально-патриотические силы, а по другую — империализм и его прямая агентура, то ныне все выглядит намного сложнее. Борьба против империализма неизбежно преломляется через призму внутренних социальных противоречий, а борьба за выбор пути развития нередко приводит к новому размежеванию мелкой буржуазии, средних городских слоев, в особенности национальной интеллигенции, и других социальных групп переходного общества.

Середина 70-х годов стала новым важным переломным моментом в борьбе за экономическую самостоятельность освободившихся государств, в ходе которой они стали переходить к коллективным и координированным методам борьбы и выдвинули лозунг кардинальной перестройки системы международных экономических отношений на равноправной основе. В этой борьбе уже одержаны первые серьезные победы, в том числе на «нефтяном фронте». Теперь даже буржуазные эксперты развитых капиталистических стран пришли к выводу о настоятельной необходимости для сообщества наций решить «задачу выработки новой политики и новых форм сотрудничества», с тем

² См.: Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 310.

чтобы преодолеть разрыв между развитыми и развивающимися странами, нестабильность мировой денежной системы, резкие колебания на товарных рынках, истощение мировых запасов сырья, последствия многолетних стихийных бедствий, ухудшенные положения беднейших стран и районов, спад мирового капиталистического производства и безработицу, постоянно растущую инфляцию и т. п.³

Однако решение проблем, связанных с преодолением экономической отсталости, созданием самостоятельной экономики, повышением жизненного уровня населения, предполагает глубокие социально-экономические преобразования, проведение демократических аграрных реформ в интересах трудового крестьянства, при его участии, уничтожение отживших феодальных и трайбалистских отношений, ликвидацию монополий, радикальную демократизацию общественной и политической жизни, государственного аппарата, возрождение национальной культуры и развитие ее прогрессивных традиций, укрепление революционно-демократических партий и создание таких партий там, где их нет⁴.

Таким образом, современный этап национально-освободительного движения характеризуется прежде всего его поворотом в сторону решения острых социальных проблем, причем уже нередко ставится вопрос о ликвидации не только национального, но и всякого социального гнета. В 60-е и особенно в 70-е годы борьба за национальное освобождение во многих странах стала перерастать в борьбу против эксплуататорских отношений, как феодальных, так и капиталистических⁵.

Антикапиталистическая, или социалистическая, ориентация становится одной из ведущих тенденций современных национально-освободительных революций.

Предлагаемая читателю трехтомная коллективная монография «Зарубежный Восток и современность» представляет собой второе переработанное издание вышедшей в 1974 г. двухтомной книги того же названия. Она посвящена характеристике важнейших явлений в социально-экономической и политической жизни развивающихся стран Азии и Северной Африки в основном 60-х — первой половины 70-х годов. Нужно сказать, что термин «зарубежный Восток» здесь носит весьма условный характер. Он в значительной мере утратил былое значение, ибо с крушением колониальной системы исчезла главная его основа. Ведь в прошлом Восток представлял собою колониальную периферию империализма и с этой точки зрения как бы символизировал колониальный мир.

³ См.: Development Co-operation Efforts and Policies of the Members of the DAC, 1976. Review. P., 1976, с. 9.

⁴ См. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, с. 312.

⁵ См. Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, с. 18.

Вместе с тем в литературе этот термин стал традиционным, несущим в себе не только географическое, но и социально-политическое начало. С учетом всех этих обстоятельств мы под термином «Восток» имеем в виду главным образом развивающиеся страны Азии и Северной Африки.

Еще одно важное предварительное замечание. Книга обращена к процессам сегодняшнего дня, и, стало быть, многие описываемые в ней явления и события не устоялись и сложны для понимания современников, ибо они динамичны и быстро трансформируются. Оставляет желать много лучшего и состояние статистики; исследование осложняется также отсутствием достаточно репрезентативной информации о положении в большинстве развивающихся государств. Не случайно многие важные проблемы развития стран Востока стали предметом оживленных дискуссий, и это нашло отражение в том, что внутри авторского коллектива существуют неодинаковые подходы к некоторым теоретическим вопросам (например, о характере многоукладности и тенденциях ее эволюции, особенностях социально-классовой структуры, перспективах развития революционной демократии). В таких условиях мы сочли возможным максимально сохранить в книге существующие точки зрения, не подвергая их редакторской «нивелировке».

В социально-экономических разделах монографии предпринята попытка детально и в то же время комплексно проанализировать основные процессы, протекавшие и протекающие ныне в экономическом базисе стран Азии и Северной Африки. Производственные сдвиги в сельском хозяйстве, в мелкой и фабричной промышленности, перемены в ходе накопления и в подготовке национальных кадров, положение с занятостью и другие экономические проблемы рассматриваются в неразрывной связи со специфическими производственными отношениями, господствующими на современном Востоке. Их множественность, многоукладность создают большое своеобразие, изучение которого и стало одной из важнейших задач авторов этих разделов. Поэтому не только технико-хозяйственные аспекты развития или, иными словами, изменения в состоянии производительных сил в определенной отрасли народного хозяйства увязываются с эволюцией многоукладной социально-экономической структуры, но и сама она является объектом всестороннего исследования. Отдельные главы посвящаются анализу укладов и изменениям в них за последние два — два с половиной десятилетия на примере конкретных государств и отраслей народного хозяйства.

Подобный подход к раскрытию темы позволяет лучше и глубже разобраться в реальных трудностях и противоречиях борьбы развивающихся стран за достижение экономической самостоятельности. В результате зримо становятся связи производственной и социальной сторон борьбы с неокOLONIALИЗМом, пережитками средневековья и местным крупным бизнесом.

В настоящее время среди востоковедов имеются разные мнения относительно сущности самого феномена многоукладности и конкретных форм ее проявления. Совершенно ясно, однако, что социально-экономический облик развивающихся стран невозможно сегодня воссоздать без учета одной из важнейших характерных черт его — наличия нескольких укладов. Взаимодействие и столкновение различных укладов лежат в основе многих общественных противоречий и в немалой степени определяют процессы дальнейшей эволюции стран Востока. Вместе с тем при всей устойчивости многоукладности во второй половине 60-х и особенно в 70-е годы в качестве актуальнейшей задачи востоковедной науки выдвигается анализ основных тенденций в процессе эволюции и трансформации многоукладности, выявление в этом процессе роли ведущего, структурообразующего уклада, анализ методов и форм ее преодоления. В процессе решения этой задачи авторский коллектив данной работы стремился избежать как недооценки, так и преувеличения значения многоукладности. Это важно в связи с тем, что отдельные уклады (например, государственно-капиталистический и частнокапиталистический) действуют как единый воспроизводственный комплекс, а основные классы переходного общества Востока органически связаны не с одним, а с несколькими укладами. Нельзя игнорировать и того факта, что некоторые важные составные части социальной структуры развивающихся стран воспроизводятся в процессе взаимодействия и «стыковки» различных типов производственных отношений.

Впервые, как известно, научный разбор феномена многоукладности и путей ее канализации в единый, органически целостный социалистический способ производства произвел В. И. Ленин. Объектом изучения была Советская Россия в период нэпа. Полученные выводы были блестяще использованы на практике. Однако все значение ленинского анализа мы полнее начинаем осознавать именно сейчас, когда сходный феномен многоукладности обнаруживается на громадных просторах развивающихся стран.

Что выражает многоукладность? Она — наилучший показатель глубинных процессов переходного состояния производственных отношений. Растущий интерес общественных наук к переходным состояниям общества, надо думать, приведет к открытию специфики многоукладности при становлении определенной формации. Для развивающихся стран результаты подобного анализа будут иметь не просто познавательный, но и самый что ни на есть актуальный интерес, ибо они помогут раскрыть важные элементы их сегодняшней действительности. И все же в данном случае нас занимает проблема не переходности вообще, а переходности в конкретных условиях, в определенное время и в определенном направлении.

В. И. Ленин заложил основу для изучения переходности и

многоукладности, проанализировав эти проблемы в специфических условиях сперва дореволюционной, а затем послереволюционной России. В результате мы получили классический образец диалектического подхода к изучению общего и частного в проблеме многоукладности, методику которого необходимо применять при анализе многоукладности в современном мире. Разумеется, при этом необходимо учитывать все специфические особенности многоукладности в афро-азиатских странах.

В основных районах Азии и отчасти Северной Африки давно утвердившийся феодализм сосуществовал с иными, более древними видами социально-экономических укладов, значимость и распространение которых были неизмеримо больше и шире, чем при «европейских» видах феодализма.

Экономическое, а затем и политическое вторжение колонизаторов кардинально изменило ход общественной эволюции поработанных стран. Заморские захватчики долгое время стремились не к распространению новых, капиталистических отношений, а к максимальной выкачке богатств. Они, насколько это было для них возможно, ставили себе на службу все разновидности «туземных» видов производства. Тем достигался противоречивый эффект: с одной стороны, сохранялись (точнее, консервировались) традиционные виды общественного устройства, с другой — искажалась их внутренняя суть. Противоречивое влияние колонизации привело к дифференциации местных докапиталистических укладов. Одни приспособлялись к колониальной эксплуатации лучше, другие хуже.

С наступлением эпохи монополистического капитализма в колониальных и полуколониальных странах под влиянием внешних и внутренних факторов происходит мучительнейшее становление капиталистических укладов. При этом капиталистические производственные отношения не были однородными: часть капиталистических предприятий создавалась иностранным монополистическим капиталом в его интересах, часть выростала в результате затяжного развития местного капитализма. Так под прессом колониальной эксплуатации сложилась основа этой специфической многоукладности.

Анализ укладов и выявление всех механизмов социально-экономического развития создают важную основу для изучения отдельных классов и классовой структуры общества в целом. Специальный раздел книги посвящен современной социально-классовой структуре, характеризующейся «сосуществованием» старых, традиционных и новых, современных классов и социальных групп. При этом авторы стремились не только показать специфику основных классов восточного общества, но и выделить те важнейшие классовые прослойки и группы (средние слои, непролетарские слои трудящихся и др.), которые имеют свои специфические интересы и занимают особое место в социально-политической жизни. Только в результате такого подхо-

да, на наш взгляд, можно раскрыть важные особенности классовых сражений в развивающихся странах на современном этапе, выявить относительно самостоятельный характер политических факторов.

Сегодня в центре классовой борьбы в освободившихся странах стоит вопрос о выборе пути социального прогресса. Отсюда всевозрастающее значение приобретает изучение идеологической ситуации в зоне национально-освободительного движения, процесса зарождения и развития главных идейных концепций, борьбы различных течений. Весьма сложны для исследователя определение и интерпретация важнейших идеологических течений Востока, представляющих в своем подавляющем большинстве пеструю смесь традиционных и новых воззрений, классовое содержание которых подчас проступает через сложную систему опосредствованных оболочек религиозно-общинного или родоплеменного характера.

Одной из характерных черт этой идеологической ситуации является наряду с наличием традиционных, буржуазных и мелкобуржуазных идеологических концепций возникновение множества «переходных», в основе своей мелкобуржуазных, течений.

Как известно, общее для большинства стран Востока заключается в том, что они покончили с прямым политическим господством империалистических держав, перед ними стоят сложные задачи преодоления губительной социально-экономической отсталости. Сегодня они находятся в состоянии конфронтации к колониализму и особенно к неоколониализму.

На пути упрочения национальной независимости им предстоит преодолеть ряд кардинальных трудностей, решить многие коренные противоречия. Назовем наиболее важные из них.

Во-первых, противоречие между зависимым (по своей структуре колониальным) характером народного хозяйства и объективной необходимостью его интенсивного развития для достижения экономической самостоятельности и укрепления политической независимости. Речь идет о необходимости решающих сдвигов в материальном производстве, о перестройке уродливой, однобокой, аграрно-сырьевой специализации экономики, что неизбежно повлечет за собой существенные изменения всей социальной структуры общества и его производственных отношений.

Во-вторых, противоречие между демократическими силами, стремящимися к коренным изменениям в интересах социального прогресса, и реакцией, склонной к сделке с империализмом. Это противоречие приводит к резкому обострению классовой борьбы.

В-третьих, противоречия между различными идеологическими течениями. Из этих противоречий следует выделить борьбу неоколониалистских и революционно-демократических кон-

цепций. «Расщепление» буржуазного национализма и возникновение мелкобуржуазных течений переходного характера, а также предсоциалистических концепций, несущих заряд революционного радикализма, стали одной из особенностей в идейно-политической жизни многих развивающихся стран.

Создание независимых национальных государств предопределило свертывание тех традиционных форм борьбы народных масс против империализма, которые были направлены на слом аппарата колониальной администрации и изгнание колонизаторов. Центр тяжести борьбы против империализма был перенесен в сферу межгосударственных отношений. Ныне она приобрела характер экономических, политических, дипломатических противоречий и даже военных столкновений. Страны с национально-демократическими режимами используют в борьбе против империализма мощь своего государственного аппарата. Важное место занимает при этом возможность установления договорных отношений с другими государствами (в первую очередь со странами социалистического содружества), что приводит к интернационализации борьбы и качественному изменению соотношения сил, находящихся в конфронтации.

Афро-азиатские страны не представляют собой органически целостной и однородной группы. Они неоднотипны, между отдельными группами стран существуют большие различия. Понимая всю условность любой классификации таких динамичных явлений, как современные развивающиеся страны, мы все же попытались выделить четыре группы стран, принимая во внимание прежде всего типы эволюции их в ходе социального прогресса.

К первой группе принадлежат страны со сравнительно развитыми национальными капиталистическими укладами в экономике и относительно самостоятельной национальной буржуазией, которая, вступая в союз или идя на компромисс с другими классами, способна на определенные антиколониальные и антиимпериалистические действия в защиту национальной экономики и политического суверенитета. В странах этой группы произошла в основном классовая дифференциация, капиталистические уклады господствуют в городе и ведут наступление на деревню. Находящаяся у власти национальная буржуазия достаточно сильна и опытна, чтобы повести эти страны по пути капиталистического развития. Свои противоречия с империализмом эти страны решают не только борьбой, но и соглашением с ним. К этой группе относится ряд стран Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии.

Во вторую группу входят страны с преобладанием полуфеодальных и даже дофеодальных укладов, с еще слабо развитой классовой структурой. Находящаяся у власти сравнительно узкая элита не имеет более или менее устойчивой социальной базы. Поэтому зачастую там идет острая борьба между соци-

альными группами и даже узкими политическими группировками по вопросу о выборе пути дальнейшего развития. В эту группу следует включить многие государства Тропической Африки.

В третьей группе находятся страны или территории, в которых капиталистические уклады развиваются под решающим воздействием или при прямом участии иностранного монополистического капитала, причем последний давит на другие уклады и уродует их. Национальная буржуазия в этих странах подчинена иностранным монополиям, политические институты и государственный аппарат — империализму. Как правило, зависимые от империализма правительства этих стран участвуют в сколачивании различных военных блоков.

Четвертую группу составляют страны, принявшие социалистическую ориентацию. В них подорваны основные позиции иностранного капиталистического уклада, аграрная реформа наносит ощутимый удар по феодальному укладу, ведется серьезное наступление на крупный национальный капитал. Структурные изменения в базисе приводят к сдвигам, правда не всегда адекватным, и в надстройке. Проводится ряд прогрессивных социальных реформ (в области рабочего законодательства, здравоохранения, просвещения и т. д.). Внешнеполитический курс этих государств направлен на расширение сотрудничества с социалистическими странами.

Уровень экономического и социального развития, соотношение классовых сил, степень вмешательства империализма и возможности сотрудничества со странами социализма создают ту конкретно-историческую обстановку, которая определяет основное содержание национально-освободительных революций в каждой стране. В то же время для 70-х годов характерно не только дальнейшее углубление дифференциации между двумя крайними полюсами — социалистическим и капиталистическим, но и процессы внутренней кристаллизации и дифференциации в самих группах развивающихся стран, уже начавших ориентироваться на социализм или капитализм. Это приводит порой к новой расстановке сил в региональном, а отчасти и мировом масштабах.

Независимые государства Азии и Африки в своем социально-экономическом развитии отстали от передовых стран на многие десятилетия. Это значит, что замена капитализма социализмом — длительный по времени и сложный по своей сути процесс. Он может занять относительно большой отрезок времени и распасться на ряд этапов. Опыт показывает, что для большинства освободившихся стран капиталистическая ориентация не сулит кардинального решения коренных социально-экономических задач. Несмотря на возможные частичные хозяйственные успехи, их ждет в конечном счете участь превращения в неокolonии, т. е. формально независимые государства с подчиненной,

уродливой экономикой. На капиталистическом пути они останутся на положении «деревенской периферии» капиталистического мира, ибо пропасть, отделяющая их от развитых стран, в век научно-технической революции будет все больше расширяться.

Государства социалистической ориентации, используя такие рычаги мобилизации экономических потенциалов, как национализация добычи и переработки полезных ископаемых, расширение государственного сектора в промышленности, энергетике и на транспорте, развитие кооперации в сельском хозяйстве, упрощение государственных финансов, а также экономическую помощь социалистических стран, развивая плановое начало в хозяйствовании, мобилизуя творческую энергию масс, способны при благоприятных исторических условиях проскочить дистанцию вековой отсталости в несколько десятилетий, т. е. при жизни одного поколения.

Конечно, сам выбор пути некапиталистического развития автоматически не гарантирует успешного решения этих задач. В равной степени нельзя ожидать на этом пути немедленного эффекта. Исторический опыт ранее отсталых народов СССР показывает, что здесь требуются кропотливая работа, сопряженная со многими трудностями, мобилизация всех материальных и духовных ресурсов наций.

Для перспектив национально-освободительного движения (под коим мы понимаем и современный этап развития стран Азии и Африки) громадное значение будет иметь дальнейшее распространение научного социализма. В этой связи в монографии показаны роль и место афро-азиатского пролетариата, его ближайших политических союзников (крестьянства, непролетарских слоев трудящихся, национальной интеллигенции и других групп) и важнейшие проблемы, связанные с деятельностью коммунистических и революционно-демократических партий стран Востока.

Правильная характеристика обстановки на Востоке немаловажна без выявления места и роли национального вопроса на современном этапе. Страны Азии и Африки, как известно, в преобладающем большинстве являются многонациональными. В настоящее время в связи с тем, что главный центр освободительной борьбы переместился в сферу социально-экономических преобразований, происходит значительное обострение национального вопроса. Различные народности, находящиеся на неодинаковом уровне социально-экономического развития и социально-классовой дифференциации и в силу исторических условий занимающие неодинаковое положение в системе внутренних общественных взаимосвязей данного государства, по-разному понимают задачи экономического развития и социальных преобразований.

Националистические трения по экономическим проблемам

не обязательно принимают характер борьбы по поводу выбора пути развития. Они могут возникнуть и в связи с выбором типа капиталистической эволюции. Интересы более развитой буржуазии одной нации или народности приходят в столкновение со стремлением аристократических, племенных, бюрократических лидеров другой нации и народности сохранить свои привилегии, а тогда обе силы апеллируют к «своим» этническим массам, выдвигая националистические лозунги. Сплошь и рядом в афро-азиатских странах наблюдаются попытки буржуазии одной народности нажиться за счет буржуазии другой народности, обеспечить себе монопольное право эксплуатации на региональном, «внутриэтническом» рынке. Короче говоря, за многими «национальными» требованиями стоит вполне определенный социально-классовый интерес, хотя и маскируемый националистическими лозунгами.

Важная причина обострения национального вопроса заключается в характере самих этнических процессов на Востоке. Они отличаются динамичностью и незавершенностью. Во многих странах сосуществуют все три главные стадии этнического процесса: складывание племен в народности, формирование наций из народностей, внутренняя консолидация уже сложившихся наций. Таким образом, существует исторически сложившаяся неравномерность этнического развития, которая, естественно, рождает национальное неравноправие, а стало быть, может служить источником национальных конфликтов.

Квалификация и классификация национальных движений на Востоке как естественного следствия обострения национального вопроса — дело первостепенной важности и в то же время исключительной сложности. В сфере национальных отношений классовое содержание проступает в весьма опосредствованном виде; современникам часто бывает трудно выделить в том или ином национальном движении коренные интересы трудящихся масс и избежать рифов как националистического, так и шовинистического подхода. Особо важное значение в этой связи приобретает необходимость решительной борьбы против идеологии и политики маонизма, играющего чрезвычайно пагубную роль в национально-освободительной борьбе народов Востока. Крайние проявления шовинизма и антисоветизма, вульгаризация принципов научного социализма, блокирование с наиболее реакционными империалистическими кругами не оставляют сомнений в том, что маонистская стратегия превращается в особую, чрезвычайно опасную разновидность современного антикоммунизма. Правильное сочетание национального и интернационального в духе революционной диалектики и в применении к конкретной национальной ситуации в наше время без последовательного разоблачения маонизма невозможно.

Оценивая национальные движения с точки зрения их прогрессивности или реакционности, надо исходить, во-первых, из

их глубинного классового содержания и, во-вторых, из их объективных, в первую очередь международных, последствий. При этом неправильно будет отдавать предпочтение первой или второй стороне вопроса: в современном мире внутренние и международные аспекты национальных движений, как никогда прежде, образуют органический сплав. Кроме того, следует помнить, что в условиях многоукладных стран, глубоко расколотых самыми различными общественными противоречиями, «чистые типы» национальных движений встречаются не часто. Нередко прогрессивные и реакционные тенденции сосуществуют и противостоят в одном и том же движении, и не всегда представляется возможным заранее предвидеть, какая тенденция окажется ведущей.

В этнических процессах в странах Востока имеются две основные тенденции: объединительная (консолидационная) и дифференциальная (дезинтеграционная). Подчас обе эти тенденции сосуществуют.

Не только богатейший опыт истории, но и текущая политическая жизнь народов Азии и Африки демонстрирует обреченность узконационалистических, изолированных движений. Уроки истории и современности диктуют жизненную необходимость для борющихся за свои национальные права народов объединяться с демократическими силами и трудящимися массами господствующей нации и других национальных меньшинств. Это самый действенный метод борьбы за ликвидацию национального гнета и одновременно главное средство борьбы как против узколобного национализма, так и против великодержавного шовинизма. Другая, международная сторона продемонстрировавшей свою эффективность тактики единого фронта национальных движений — это ориентация на страны социалистического содружества и на передовые демократические силы в странах капитализма. В противном случае неизбежна самоизоляция, резко ослабляющая любое национальное движение, или использование его в своекорыстных целях империализмом и местной реакцией. Это особенно наглядно продемонстрировали миру события в районе Африканского рога в 1977—1978 гг.

В монографии значительное место уделено анализу основных этнических процессов, их социально-экономического и политического аспектов, национальных движений.

В заключительном разделе монографии предпринята попытка поставить и осветить ряд новых социально-политических проблем современного национально-освободительного движения, органически вытекающих из существования двух противоположных общественных систем на мировой арене.

Особое внимание при этом обращено на новые аспекты социально-политической стратегии неокolonизма, связанные с его настойчивым стремлением несколько ослабить противоре-

чия с растущей национальной буржуазией развивающихся стран — решающей внутренней силой в борьбе за утверждение капиталистических производственных отношений. При этом империалистические круги Запада, проявляя определенную заинтересованность в «подтягивании» производительных сил освобожденных стран, в обеспечении более или менее стабильных пропорций в их структуре, стремятся прежде всего укрепить и расширить позиции современных капиталистических укладов, а следовательно, классовое положение национальной буржуазии, бюрократической верхушки, местной элиты и иных правонационалистических, антисоциалистических сил.

Немаловажное место в неокolonизмских программах модернизации международного капиталистического разделения труда отводится научно-технической революции, призванной по замыслам империалистических кругов блокировать проведение последовательно прогрессивных преобразований в освобожденных странах. Однако реальная практика со всей очевидностью выявила несостоятельность стратегической линии неокolonизма на противопоставление научно-технических преобразований социальной революции народов Азии и Африки. Использование передовых достижений научной и инженерно-технической мысли открывает перед молодыми государствами объективные возможности резко повысить общественную производительность труда, достигнуть крупной экономии во времени и материальных ресурсах в борьбе за экономическую самостоятельность и социальный прогресс.

Реализация этих неисчерпаемых возможностей вступает в непримиримое противоречие с общей социально-экономической отсталостью освобожденных стран и стремлением неокolonизма закрепить и увековечить их экономическую зависимость от системы развитого капитализма. Более того, неравноправное положение развивающихся стран в международном капиталистическом разделении труда приводит к парадоксальным социально-экономическим последствиям, когда наибольшие выгоды от внедрения передовой технологии в освобожденных странах извлекают империалистические монополии, что является одной из предпосылок увеличения разрыва в уровне общественной производительности труда между двумя частями мирового капиталистического хозяйства.

Реальное содействие в передаче молодым государствам новейших научно-технических знаний, передовой технологии производства, в подготовке квалифицированных национальных кадров, в развитии наиболее перспективных отраслей научных исследований оказывают социалистические государства. Эта помощь имеет не только экономическое, но и важное социальное значение, всемерно содействуя победе прогрессивных сил в антиимпериалистической борьбе. «В лице социалистических стран эти государства, — подчеркнул Л. И. Брежнев в докладе „Ве-

ликий Октябрь и прогрессе человечества⁶, — имеют верных и надежных друзей, готовых оказать им возможную помощь и поддержку в развитии по прогрессивному пути. Поддержку не только моральную и политическую, но и экономическую, организационную — вплоть до содействия в укреплении обороноспособности»⁶.

Активная, действенная и эффективная поддержка мирового социализма, международного рабочего класса представляет решающий внешний фактор дальнейшего углубления и расширения национально-освободительной борьбы народов. Именно эта поддержка парализует многие экспансионистские акции современного империализма, направленные против народов Востока.

В. И. Ленин говорил, что победа пролетарской революции создает «совершенно иные международные отношения, дающие возможность всем угнетенным народностям избавиться от империалистического гнета»⁷. Укрепляя союз с национально-освободительным движением, социалистические страны свято выполняют ленинские заветы о единстве мировых антиимпериалистических сил в общей борьбе за национальное и социальное раскрепощение народов нашей планеты.

Глубинные, нередко скрытые от внешнего наблюдения процессы дальнейшего социального размежевания и обострения классовой борьбы и в особенности заметное сближение империалистических кругов Запада с реакционными правонационалистическими (а также и промаоистскими) кругами развивающихся стран по-новому группируют движущие силы современной национально-демократической борьбы. Неуклонно усиливается изоляция правонационалистических, реакционных, проимпериалистических сил, выступающих против назревших задач национального возрождения и социального прогресса. И вместе с тем неизмеримо возрастает роль подлинно прогрессивных демократических сил, кровно заинтересованных в упрочении национальной независимости, в продвижении в перспективе к реальному социализму.

⁶ Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., 1977, с. 21.

⁷ В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. 1. Доклад о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря. — Т. 42, с. 107. Труды В. И. Ленина приводятся по Полному собранию сочинений, труды К. Маркса и Ф. Энгельса — по изд. 2 Сочинений.

Проблемы социально- экономического развития стран Востока

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
МНОГОУКЛАДНОГО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЗИСА
РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН ВОСТОКА

подавляющая часть стран зарубежного Востока уже сравнительно давно добилась политической независимости. Однако тяжелое колониальное наследие все еще дает о себе знать в различных сферах их жизни, тормозит прогрессивные начинания. Борьба реакционного прошлого с новыми, жизнепреобразующими тенденциями пронизывает всю социальную действительность освободившихся стран Азии и Африки.

При изучении зарубежного Востока отчетливо обнаруживаются особые проблемы, которые стоят перед его народами, причем мы сталкиваемся как с проблемами, общими для всех развивающихся стран, так и со специфическими их проявлениями в отдельных регионах и странах Востока.

Современный этап развития освободившихся стран связан с борьбой за достижение хозяйственной самостоятельности. Точнее, все проблемы их общественной жизни (как внешние, так и внутренние) неразрешимо переплетены с задачами экономического возрождения. Это обуславливает необходимость не только ясного определения того, что такое экономическая самостоятельность, но и нахождения, так сказать, расстояния, отделяющего разные государства от данной цели. От четкого понимания положения страны, естественно, во многом зависит отыскание наилучших конкретных путей, методов и форм продвижения к указанной цели, нащупывание вероятных этапов этого продвижения и определение задач каждого из них.

Кризис старой, колониальной структуры производства охватывает ныне все стороны экономической жизни развивающихся стран, но выход из него — дело очень сложное, так как преобладающая часть самодеятельного населения большинства этих стран трудится в отсталых сферах экономики, в первую очередь в сельском хозяйстве. Перед государствами Востока, а в данном случае мы всюду имеем в виду развивающиеся страны этого региона, стоит задача преодоления аграрно-сырьевого харак-

тера экономики и соответствующей ей структуры внешнеэкономических связей с целью создания устойчивого и крепкого национального хозяйства, способного к быстрому расширенному воспроизводству.

До сих пор значительная доля экспортной выручки этих стран поступает от небольшого числа традиционных видов сырья, что ограничивает их финансовые и вообще производственные возможности. Аграрно-сырьевой характер экономики при сегодняшнем международном разделении труда становится тормозом не только для общего экономического подъема, но и для поддержания простого воспроизводства. В исключительно тяжелое положение ставит экономику стран Азии и Африки совокупность двух разнородных факторов. Первый связан с государственно-монополистическим развитием капитализма на Западе и его негативным влиянием на международные хозяйственные связи, второй — с возрастающим, хотя и противоречивым воздействием научно-технической революции на мировую экономику и торговлю. В главной сфере экономики большинства развивающихся стран — в производстве сырьевых товаров — влияние этих факторов сказывается в усложняющемся сбыте, в трудностях с экспортом. Серьезнейшая опасность для производства и реализации некоторых сырьевых изделий освободившихся стран заключается в нарастающей конкуренции синтетических заменителей.

Аграрно-сырьевые отрасли развивающихся государств подвергаются усиливающимся ударам как на внешних, так и на внутренних рынках. К тому же они не обладают необходимой мобильностью, что отражается и на структуре экспорта, остающейся малоподвижной. Развивающиеся страны ныне переживают (в технико-производственном смысле) такой этап переходного периода, когда потребность в быстрой перестройке структуры хозяйства становится особенно острой. Одно из важнейших условий этой перестройки — максимальное использование всех остающихся у традиционных сырьевых отраслей возможностей получения средств, необходимых для модернизации самих этих отраслей и проведения назревающих преобразований во всей экономике. Перед странами Востока встала острая проблема борьбы за изменение их положения в мировом хозяйстве, за новый мировой экономический порядок.

По данной проблеме среди развивающихся государств сформировалась в целом единая позиция, которая была зафиксирована и развита в документах ряда международных форумов, в том числе VI специальной и XXIX очередной сессий Генеральной Ассамблеи ООН, III—V сессий ЮНКТАД. В этих документах речь идет, в частности, о создании нормальных условий для реализации сырья на внешних рынках. Имеются в виду ограничение и в конечном счете полная отмена дискриминационной (особенно фискально-таможенной) политики и практики

империалистических государств относительно ввоза товаров из развивающихся стран, резервирование определенной доли рынка для импортных товаров, конкурирующих с внутренним производством в развитых странах. Развивающиеся страны требуют проведения мероприятий, гарантирующих устойчивость внешних рынков сбыта, стабильность мировых цен на сырье на достаточно высоком уровне (сюда примыкает создание буферных запасов, их финансирование и т. д.).

Достижение указанных целей мыслится, например, путем заключения международных товарных соглашений по сырью. Подобные соглашения, введение различных экспортных квот, фиксирование на определенное время цен или пределов их колебаний призваны ослабить или ликвидировать опасную для развивающейся экономики неустойчивость реализации ведущих видов ее товарной продукции. Освободившиеся страны стремятся хотя бы частично компенсировать свои потери от конвульсий монополистического капитализма, обезопасить себя в первую очередь от инфляции и экономических кризисов.

Преодоление кризиса унаследованной от колониализма и поддерживаемой неоколониализмом структуры экономики в конечном счете возможно лишь на основе подъема производительных сил во всех отраслях хозяйства, на основе создания и совершенствования современной фабрично-заводской промышленности.

Диверсификация экономики (в тенденции предусматривающая и индустриализацию) на длительное время не уменьшает, а увеличивает количество проблем и трудностей, встающих перед развивающейся страной. Но это уже новые проблемы хозяйственного роста. Сложность диверсификации помимо всего прочего кроется в узости национального рынка для новых отраслей промышленности. Чтобы они нормально функционировали, а тем более развивались, необходим на определенной стадии выход на мировые рынки. Пример Индии, Пакистана и некоторых других азиатских стран, вырвавшихся вперед в создании новых отраслей фабричного производства, демонстрирует этот специфический аспект трудностей перестройки колониальной или полуколониальной структуры экономики. Диверсификация взрывает старые рамки этой структуры, но одновременно сковывается и в какой-то мере направляется ими. В Азии она протекает очень неравномерно. Например, по темпам и даже по объему строительства к середине 70-х годов лидировали такие страны, как Малайзия, Иран; по достигнутому уровню общего развития производительных сил впереди шли Турция и Индия.

Страны монополистического капитализма прибегают к различным ограничениям импорта готовых изделий и полуфабрикатов из развивающихся стран. Таможенная политика империалистических держав предусматривает резкое увеличение по-

шли на трудоемкие изделия и их снижение на капиталоемкие. Подобный подход явно нацелен на торможение экспорта готовых и иных изделий из развивающихся стран, на торможение процессов их экономического развития.

Диверсификация производства в странах Востока пошла бы гораздо быстрее, если бы там были созданы благоприятные условия для развития современных предприятий по переработке отечественного сырья в готовую продукцию. Налаживание подобного производства прямо зависит от обеспечения, в частности, гарантированного внешнего сбыта, ибо внутренний рынок в подавляющем большинстве случаев не сможет поглотить сколько-нибудь значительной доли этого производства.

Ясно, что для выхода из углубляющегося кризиса колониальной структуры хозяйства необходимо преодоление как последствий прошлого колониального грабежа, так и результатов сегодняшней неоколониалистской практики империализма.

Борьба за экономическую самостоятельность органически включает в себя не только значительный комплекс технических изменений в производительных силах, но и серьезные социальные изменения. Разобраться в существе социального фактора и его действия в развивающихся странах не просто, ибо специфика его таится в особенностях наличествующих здесь производственных отношений, которые почти не наблюдаются в развитых государствах — как капиталистических, так и социалистических. Понять и проанализировать эту принципиально важную социальную специфику помогают ленинские идеи.

В январе 1923 г. в одной из самых последних своих статей, «О нашей революции», В. И. Ленин пророчески писал: «Нашим европейским мещанам и не снится, что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция»¹. Мысль о глубочайшей связи проблем социалистической революции в России с проблемами грядущих революций в поработанных странах пронизывает, по сути дела, почти все труды В. И. Ленина, написанные после Октября. Поэтому самое тщательное изучение его послереволюционных трудов, творческое осмысление их — непременное условие для успешного анализа социальных процессов в бывших колониальных и полуколониальных странах. Характерный для марксизма методологический принцип — сочетать раскрытие универсального и частного в явлениях общественной жизни, видеть в ней общее и своеобразное — имел для В. И. Ленина кардинальное значение при разработке теоретических основ подготовки, проведения и дальнейшего развития революции в

¹ В. И. Ленин. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова). — Т. 45, с. 381.

России как конкретной части мирового движения трудящегося люда за ниспровержение эксплуататорских обществ и построение коммунизма на всем земном шаре.

В докладе на IV конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 г. В. И. Ленин считал необходимым сконцентрировать особое внимание коммунистов на вопросе о нэпе. «Я, — объяснял В. И. Ленин, — умышленно беру только эту малую часть, чтобы ознакомить вас с этим важнейшим теперь вопросом, — важнейшим, по крайней мере, для меня, ибо я над ним сейчас работаю»². Из проблем и истории российского нэпа В. И. Ленин полагал возможным «сделать очень важные практические выводы и для Коммунистического Интернационала»³. В нэпе В. И. Ленин видел и своеобразные черты послереволюционного социального развития нашей страны, и черты общие, которые с различными «национальными» вариациями проявляются в других странах на определенном этапе их общественной эволюции. За разработкой новой экономической политики лежала одна из самых блестящих ленинских идей, ставшая весомым вкладом в марксистско-ленинское учение об обществе.

В ленинских исследованиях разработке проблем нэпа, как правило, предшествовал (или сопровождал ее) анализ проблемы укладов. Теоретические положения об укладах, высказанные В. И. Лениным для решения практических задач социалистического строительства в молодой Советской Республике, явились одной из новых глав в развитии марксистской политэкономии. Они стали также ключом к научному раскрытию закономерностей социально-экономического развития современных государств Востока.

Социально-экономический базис развивающихся государств характеризуется особой многоукладностью, позволяющей говорить о том, что мы имеем дело с переходными, многоукладными государствами.

Понимание характера данной многоукладности не только позволяет вскрыть состояние социальной переходности развивающихся государств, но и создает прочную научную базу для анализа и классификации этих государств, внутреннее разнообразие которых по сравнению с капиталистическими или социалистическими государствами неизмеримо шире. Перед нами предстает проблема анализа общества особого переходного типа.

В. И. Ленин с первых месяцев существования Советской власти последовательно исходил из наличия многих укладов при выработке наилучшей, или, как мы теперь сказали бы, оптимальной, экономической политики, для научного объясне-

² В. И. Ленин. [IV конгресс Коммунистического Интернационала 5 ноября—5 декабря 1922 г.]. 2. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. — Т. 45, с. 278.

³ Там же, с. 280.

ния и преодоления разного рода заблуждений и извращений, появившихся в те годы в партии и в стране. Уже весной 1918 г. он прямо указывал в работе «О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности», что «гвоздь вопроса» в том, чтобы увидеть, «каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов», имеющиеся в стране⁴. Для России В. И. Ленин тогда перечислил элементы пяти укладов. Ввиду особой важности ленинского анализа составных частиц, клеточек многоукладности приведем одно из его основных высказываний по данному вопросу. В «Докладе о продовольственном налоге» В. И. Ленин говорил: «Мы наблюдаем по меньшей мере пять различных систем или укладов, или экономических порядков, и, считая снизу доверху, они оказываются следующими: первое — патриархальное хозяйство, это когда крестьянское хозяйство работает только на себя или если находится в состоянии кочевом или полукочевом, а таких у нас сколько угодно; второе — мелкое товарное хозяйство, когда оно сбывает продукты на рынок; третье — капиталистическое, — это появление капиталистов, небольшого частнохозяйственного капитала; четвертое — государственный капитализм, и пятое — социализм»⁵. Здесь в самой сжатой форме заложена основа для дальнейшего углубления анализа каждого из укладов, существовавших в то время в России. В. И. Ленин уподобляет перечисленные пять укладов пяти ступеням исторического развития⁶.

Вооружившись ленинскими идеями, мы можем понять социально-экономическое многообразие сегодняшнего Востока, в частности, как различное сочетание разных укладов (в неодинаковых, так сказать, пропорциях и формах). Разные стадии исторической эволюции неравномерно представлены отдельными странами, демонстрируют к тому же неравномерность и своеобразные пути общественного развития тех или иных стран за долгое время, выражают в конечном счете разные этапы и виды взаимодействия укладов.

В странах зарубежного Востока укладов больше, чем было в России первых лет после Октября, а уклады, аналогичные перечисленным В. И. Лениным, обладают серьезными особенностями, нуждающимися в конкретном анализе. В большинстве стран Востока выделим прежде всего уклад иностранного, особенно монополистического, капитала (в ряде государств — Алжире, Индонезии и др. — был или еще остался значительный слой немонополистического иностранного предпринима-

⁴ В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. — Т. 36, с. 296.

⁵ В. И. Ленин. Доклад о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек РКП(б) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. — Т. 43, с. 158.

⁶ См.: В. И. Ленин. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия). — Т. 43, с. 221.

тельства). Его отрицательное воздействие на социально-экономическую структуру общества бывших колоний и полукolonий известно, но закономерности эволюции самого уклада требуют специального раскрытия. Помимо иностранного монополистического (разновидностью которого может быть иностранный государственно-монополистический уклад) отметим наличие местных частнокапиталистических укладов. Последних по крайней мере два: уклад мелкого капиталистического предпринимательства и уклад развитого капиталистического предпринимательства. Затем следует назвать государственно-капиталистический уклад. Определенным особняком располагаются низшие уклады (натурально-патриархальный и мелкотоварный), охватывающие, как правило, основную (по занятости) часть народного хозяйства.

Каждый уклад — это особый тип производственных отношений со своими специфическими законами развития. Существуют уклады неантагонистические и антагонистические (т. е. порождающие антагонистические классы). Есть уклады, отживающие свой век, есть стагнирующие и есть поднимающиеся, растущие. Углубление анализа многоукладности, безусловно, принесет нам и новые виды их классификации.

Анализ укладов современных развивающихся государств необходим и потому, что он содействует выяснению точного состояния их классовой структуры.

Многоукладность — основа многоклассовости общества. Пока не преодолена многоукладность, будет существовать и сказываться во всех областях жизни многоклассовость. С каждым из укладов прямо связано существование одного или нескольких (обычно двух) классов. Нередко связь эта весьма специфична (точнее, необычна для истории Запада), как, например, у натурально-патриархального и мелкотоварного укладов с классом феодальных помещиков. Тут отдельные отряды сельских тружеников, объединяемые общим сословным наименованием «крестьяне», противостоят феодальному классу эксплуататоров. Отличительная черта данных укладов (особенно мелкотоварного) и классов, базирующихся на них, состоит, в частности, в том, что более или менее полное уничтожение класса феодалов далеко не обязательно ведет к развалу этих укладов, а может лишь изменить общие условия их эволюции.

Для подавляющего большинства стран Востока до настоящего времени типично теснейшее переплетение натурально-патриархального и мелкотоварного укладов, незавершенность отмежевания последнего. Но уже нынешний «нечистый» уклад, наличествующий во всех отраслях экономики, составляет основу существования очень важного класса многоукладных государств — мелкой буржуазии, а вместе с натурально-патриархальным — основу бытия огромной полупролетарской или непролетарской массы трудящихся.

Мелкая буржуазия в странах Востока также обладает серьезными отличиями, которые обязательно нужно исследовать, чтобы разобраться в действиях класса и его многочисленных групп. Свойственная мелкой буржуазии экономическая и иная двойственность здесь особенно велика. Но, пожалуй, ведущая особенность этого класса на данном этапе состоит в продолжающемся росте и противоречивом укреплении позиций в многочисленных сферах общественной жизни большого числа развивающихся стран.

В целом мелкотоварный уклад и соответственно мелкая буржуазия имеют в подавляющем большинстве стран огромные потенции для развития, что не исключает идущих и сейчас процессов их размывания. Прогрессивные пути перестройки данных уклада и класса проходят чаще всего через их серьезное укрепление на определенный промежуток времени. Всякое последовательное ограничение или уничтожение феодально-помещичьей собственности, феодальных и сходных методов эксплуатации, торгово-ростовщической кабалы и ряда иных реакционных и консервативных явлений, как и распадение всяких вариантов натурально-патриархального уклада, особенно ощутимо сказывается, как правило, в расширении и укреплении мелкотоварного уклада и мелкой буржуазии.

Не менее важна и политическая сторона проблемы. Мелкая буржуазия или социальные слои и прослойки, по своему общественному положению примыкающие к ней, — основной массовый классовый союзник пролетариата как в борьбе за достижение возможных демократических, прогрессивных реформ внутри досоциалистического строя, так и в борьбе за построение нового, социалистического общества. Формы, методы, цели этого союза всегда конкретны, как конкретны и организации и движения, олицетворяющие его.

Другие уклады порождают принципиально иные взаимодействия между возникающими на их основе классами. Это характерно для всех капиталистических укладов, своеобразие которых и различия между которыми весьма велики. Классовое деление и классовая борьба в пределах капиталистических укладов более понятны, чем в ряде других укладов. Везде эти уклады пронизывает разграничение на наемных рабочих и присвоителей прибавочной стоимости — капиталистов. Однако в каждом капиталистическом укладе заключены существенные отличия, проникающие во все поры общественных явлений.

В многоукладном обществе перед нами предстают как причины, так и следствия принципиальной дробности укладов и классов, связанных с ними, отражение продолжающегося процесса формирования основных классов и одновременно определенной их раздробленности. Складывание пролетариата и буржуазии идет через консолидацию или размежевание их отдельных, зачастую относительно изолированных групп, нередко

противостоящих одна другой. Каждому капиталистическому укладу соответствуют и определенные отряды рабочего класса и буржуазии с их специфическими интересами, отличающими их от других отрядов тех же классов.

В развертывающейся ныне социальной битве на Востоке существующие там капиталистические уклады выступают в неодинаковых комбинациях, не вместе, а один против другого. То же самое следует сказать и о связанных с ними классовых группах. Поэтому выделение особых капиталистических укладов как специфического явления в жизни молодых государств — дело необходимое для подлинно научного познания их общественной эволюции.

Капитализм в многоукладных странах преодолевается в напряженной классовой борьбе, так сказать, по частям. Парадокс социально-экономического развития многоукладного общества заключается в том, что оно само, в том числе под влиянием специфического развития капитализма, неизбежно ставит, особенно в моменты общественных кризисов, проблему серьезного ущемления или даже ликвидации определенного капиталистического уклада, нередко к выгоде другого «куска» капитализма. Если эта возможность политически не закрепляется, не реализуется, то может происходить обратное — общее укрепление капитализма. Естественно, никогда нельзя забывать, что все эти процессы протекают в обстановке глобальной борьбы двух социальных систем и испытывают на себе колоссальное влияние этой борьбы.

Исследование, которое игнорирует необходимость доведения анализа многоукладности до признания существования нескольких капиталистических укладов, мало что дает для понимания специфики экономики и политики развивающихся государств. Процесс изживания или трансформации капиталистических укладов обычно начинается с ликвидации или преобразования уклада, представляющего иностранные монополии на местной почве (борьба против их экономических позиций, как известно, развертывалась в странах Востока еще до достижения политической независимости). От того, какой класс и в каких условиях приходит к власти, зависит и судьба иностранного капиталистического предпринимательства, характер его уничтожения, если оно ликвидируется, и дальнейшей эволюции, если оно сохраняется.

Обрисовав социально-экономические уклады, отметив, какие классы базируются на них, В. И. Ленин особенно подробно разобрал важнейшую для переходного периода стратегическую проблему — как взаимодействуют отдельные уклады между собой⁷. Ленинский подход и ленинская методология решения

⁷ См., например: В. И. Ленин. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. — Т. 39, с. 272 и др.; он же. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, с. 296 и др.

данной проблемы имеют неограниченное значение для анализа сегодняшних путей общественной эволюции многоукладных стран, и в первую очередь для анализа некапиталистического развития, пути социалистической ориентации, ибо социальная суть его, на наш взгляд, прежде всего в особом сочетании, взаимодействии и направлении эволюции многоукладности при наличии особой политической надстройки. Многоукладный базис не является собой некоей механической суммы отдельных укладов. Наоборот, это диалектическое единство, взаимопроникновение и борьба составляющих его укладов. Всегда необходимо видеть не просто переходное состояние общества, а определенное его переходное состояние. Конкретный анализ многоукладности наполняет реальным социально-экономическим содержанием понятие переходного периода и в современных государствах Востока. Одновременно становится понятным, что определенное соотношение определенных укладов составляет и социально-экономическую суть определенного переходного периода, в котором наличествует свой ведущий, наступающий уклад и своя господствующая классовая коалиция.

Неантагонистические и антагонистические уклады, существующие в условиях многоукладности, причудливо переплетаются. Антагонистические уклады представляют собой как бы классовое общество в миниатюре. В укладной смеси мы сталкиваемся не просто с непривычными объектами и формами классовой борьбы. То обстоятельство, что как уклады, так и порожденные ими классы сложнейшим образом взаимодействуют, неизмеримо усложняет ситуацию.

Существование нескольких социально-экономических укладов неизбежно порождает вопрос: какое же классовое противоречие в многоукладном обществе главное? Для отдельных антагонистических укладов эта проблема ясна. Классовое противоречие, порождаемое данным укладом, и является для него главным. Проблема возникает именно тогда, когда все классы берутся в комплексе. Классы (или их прослойки) рождаются в определенных укладах, но их интересы и обуславливаемая этими интересами сфера классовой борьбы гораздо шире.

Развитие многоукладного общества есть следствие сложного взаимодействия внутри- и межукладных противоречий, реализующихся через соответствующие виды классовой борьбы. Специфика последней заключается в том, что принципиальное разрешение задач развития определенного уклада, обычно связанных с проблемой дальнейшего существования его (или важнейших атрибутов его политического бытия), становится на известное время главным для всего общества.

Переходное общество не стоит на месте, оно проходит определенные этапы качественных изменений. В разных странах этот процесс протекает крайне неравномерно. Один и тот же этап может захватывать неодинаковые промежутки времени,

завершаться не совсем схожими результатами. И все же каждый этап решает свои задачи и обладает своими, только ему присущими признаками: своим главным объектом классовой борьбы и своей расстановкой классовых сил. Поэтому выяснение главного классового противоречия тесно связано с изучением соответствующего этапа в движении переходного общества.

Важнейшими своеобразными чертами классовой борьбы в таком обществе являются, во-первых, ее двухслойность, под которой мы здесь понимаем наличие внутри- и внеукладных столкновений; во-вторых, объективная разбивка всех классов и их важнейших прослоек на коалиции и противоборство последних. В повседневной жизни происходит теснейшее переплетение этих двух аспектов классовой борьбы, которое не найти в «чистой» формации. Прямое приложение схемы классовой борьбы в «чистом» антагонистическом обществе (класс против класса) к реальности многоукладных стран будет неверным. Здесь по важнейшим проблемам одна коалиция классов (или их прослоек) выступает против другой коалиции классов (или их прослоек), причем для определенных этапов развития характерна включенность отдельных прослоек одного и того же класса (например, буржуазии) в противоборствующие лагеря.

Признание всего этого позволяет увидеть, что основное классовое сражение в многоукладном обществе очень часто происходит между классами, связанными с различными укладами. В этом, на наш взгляд, заключается определенная закономерность переходного периода, становления новой общественной формации. Однако в развивающихся странах прослеживается еще одна важная особенность классовой борьбы. Столкновение различных классовых коалиций сопровождается (перекрещивается) борьбой за лидерство в собственной коалиции. В той из них, которая отстаивает старое в социальном строе, схватка за первенство разворачивается между представителями различных имущих классов (или прослоек). Иная ситуация складывается в противоположном лагере. Тут различие между претендентами на руководство принципиально в социальном отношении: одни — представители имущих слоев, другие — трудящихся классов. Поэтому задачи определенного этапа движения переходного общества не только могут неодинаково решаться, но и приводят к неодинаковым вариантам последующей социально-экономической эволюции.

Огромное значение для революционной практики анализа примерно аналогичной ситуации, который был впервые проделан В. И. Лениным и результаты которого были претворены в жизнь трудящимися массами России под руководством созданной им партии. Буржуазно-демократические задачи революции были решены не при гегемонии буржуазии, а под главенством рабочего класса. Несмотря на все качественное отличие стран

Востока, этот опыт революционной теории и практики поучителен для них и сегодня.

Важная особенность переходности — это огромные социальные контрасты между городом и деревней. Конечно, было бы серьезной ошибкой полагать, что на Востоке имеются какие-то принципиально отличные друг от друга городские или сельские производственные отношения, специфика которых объяснялась бы разницей в местонахождении. Различия определяются существенными особенностями и неравномерностью развития отдельных укладов в разных условиях. Даже городская и деревенская части одного и того же уклада обладают, как правило, заметными особенностями, которые нуждаются в особом разборе. Поэтому, хотя и условно, иногда целесообразно говорить о городских или деревенских укладах, подразумевая под этим либо уклады, наличествующие только в той или иной местности, либо их особые проявления, либо особое сочетание и взаимоотношение укладов.

Существуют три аспекта социально-классового взаимодействия (упрощенно — сотрудничества или столкновения) города и деревни: а) взаимодействие разных классовых сил, б) взаимодействие различных частей одного и того же класса, в) взаимодействие особого сочетания деревенских классов с иным сочетанием городских классовых сил.

В подавляющем большинстве современных многоукладных стран город — это то место, где первоначально вызревают новые производственные отношения. Как правило, он сам — следствие их развития. Именно в городах и начиналось становление всех капиталистических укладов и в значительной степени мелкотоварного уклада. Необходимость выделения нескольких капиталистических укладов наглядно видна и в этом случае, так как на различных этапах развития городов их социальное лицо определяли разные капиталистические уклады. Нынешний же лик городов Востока в целом определяется характером смешения различных капиталистических укладов и удельным весом уклада мелкотоварного. Поэтому город социально неодинаков даже в пределах одной страны, не говоря уже о Востоке в целом.

Сосредоточение наиболее развитых укладов или их частей в городах обуславливает и соответствующую классовую структуру городского населения. В нем достаточно легко просматриваются три крупных класса: буржуазия, пролетариат и мелкая буржуазия. Но заметить только это — значит не увидеть важнейшие отличия города развивающейся страны. Для города такой страны типичны дробность буржуазии и пролетариата (их крупные прослойки связаны с различными укладами), существование переходных к основным классам массовых непролетарских или полупролетарских социальных прослоек (тут и проблема люмпенства) и очень большой удельный вес мелко-

буржуазной части горожан (не говоря уже о специфической структуре ее). Таким образом, город развивающейся страны — социально особый тип города, ибо отмечен многоукладностью и многоклассовостью.

В деревне подавляющего большинства освободившихся стран также насчитывается несколько крупных укладов: натурально-патриархальный, мелкотоварный, частнокапиталистический (как правило, мелкий). Все заметнее тенденции к становлению кооперативного уклада.

Конечно, на сельское хозяйство оказывают колоссальное влияние и все другие уклады, имеющиеся в данной развивающейся стране (например, госкапиталистический, развитой частнокапиталистический, иностранный монополистический). Это влияние проходит и через экономическую политику, в том числе политику империалистических государств. В целом крестьянство — оболочка, скрывающая существование в деревне переходного общества нескольких классов (патриархального крестьянства, мелкой буржуазии, сельскохозяйственных рабочих, сельской буржуазии и др.). Но существование этой оболочки отражает наличие у деревенских «крестьянских» классов ряда общих интересов. Эта общность базируется главным образом на наличии общих противников — феодалов-помещиков, иностранного монополистического капитала, местной крупной буржуазии и т. д.

Проблема взаимоотношения города и деревни многоукладной страны в классовом смысле имеет еще один важный аспект. Основные классовые коалиции, сталкивающиеся между собой, обычно состоят из двух подкоалиций, включающих группировки определенных городских и определенных сельских классовых сил. Эти подкоалиции не являются копией (тем более полной) друг друга, классовый состав каждой из них может быть или шире, или уже, они могут обладать различной долей относительной самостоятельности, возглавляться не совсем одинаковыми классовыми слоями и организациями. Естественно, что и степень «смычки» между ними определяется многими объективными и субъективными причинами.

В развивающихся странах тот или иной тип многоукладности складывается задолго до образования социалистического уклада, что порождает своеобразные пути, методы, формы подготовки, свершения и углубления социалистических преобразований. И все это является специфическим и даже неповторимо оригинальным проявлением общих закономерностей общественного развития.

Анализируя различные уклады и их взаимоотношения в России в начале социалистического переустройства общества, В. И. Ленин пришел к выводу, что «не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и

против государственного капитализма, и против социализма»⁸.

Основатель первого в мире социалистического государства постоянно повторял и подчеркивал эту идею. В 1921 г. он сделал важное заключение, прямо касающееся изучения современных развивающихся стран:

«На ближайшие же годы надо уметь думать о посредствующих звеньях, способных облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму. „Мы“ часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо“»⁹.

Эти строки, так и кажется, нацелены на многие работы о нынешних многоукладных странах. В. И. Ленин объясняет, почему так поступать нельзя: «Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них.

Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству, по отношению к связанному с распыленностью мелких производителей бюрократизму»¹⁰.

При анализе развития освободившихся стран абстрактное осуждение капитализма, таким образом, недостаточно. Вероятно, требуется научное раскрытие конкретно-диалектического сочетания отдельных укладов, характера борьбы (взаимодействия) между ними и строгого учета возможных результатов классовых сражений.

Сегодняшний тип многоукладности в развивающихся государствах скрывает в себе, следовательно, такую особенность, которая, как правило, отсутствовала в ныне развитых странах на ранних перевальных этапах становления капиталистической формации. Наличие многоукладности всегда является основным показателем переходного периода от одной социально-экономической формации к другой. Протяженность перехода в зависимости от типа отмирающего способа производства, степени его завершенности различна, но существо, направление перехода остается однозначным. При этом в сегодняшних многоукладных странах положение иное, нежели в прежних состояниях общества при переходе к капитализму. Борьба протекает не просто между отмирающей и нарождающейся формациями, когда последняя рано или поздно одерживает победу и становится господствующей. В социальной переходности развивающихся государств Востока, возникшей в результате необычного сочетания внешних и внутренних факторов, заложена объективная возможность двух основных вариантов развития, утверждения не одной, а

⁸ В. И. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, с. 296.

⁹ В. И. Ленин. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия), с. 229.

¹⁰ Там же.

одной из двух противоборствующих и новых для этих государств формаций. Нынешние изменения в социальной переходности происходят из борьбы противоположных начал (за каждым из которых стоят определенные уклады или их комбинации) за преодоление традиционной структуры многоукладности с разным социальным исходом. Разумеется, огромное влияние на все эти социальные процессы оказывает борьба двух мировых систем.

Анализ укладов позволил В. И. Ленину детально рассмотреть состояние экономического базиса послереволюционной России и наметить конкретные пути, формы и средства его преобразования в социалистический. Естественно, для определения этих наметок и последующей реализации их потребовалось глубокое изучение специфики классовой борьбы, взаимодействия экономики и политики, базиса и надстройки и использование результатов такого изучения. И в нынешних странах зарубежного Востока сдвиги в многоукладном базисе не происходят сами по себе, они совершаются, в частности, через напряженную классовую борьбу, важным субъектом и объектом которой является государство. Обладание государственной властью имеет в конечном счете решающее значение для реализации возможностей движения укладов в том или ином направлении. Если многоукладный базис определяет основы специфики классовой борьбы и возможных надстроечных образований, то последние, в свою очередь, создают необходимые условия для конкретной эволюции переходного общества в целом. Буржуазная власть может вести общество лишь в направлении капитализма. И только государственная власть трудящихся в состоянии обеспечить последовательное развитие по пути социалистической ориентации.

Все это постоянно подтверждается практикой современного многоукладного Востока с его огромной неравномерностью социально-экономических процессов, социальной пестротой и различиями в путях развития и типах составляющих его стран.

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТИПЫ РАЗВИВАЮЩИХСЯ АФРО-АЗИАТСКИХ СТРАН

Различия в путях развития молодых независимых стран зарубежного Востока позволяют подразделить эти страны на две большие группы: страны социалистической ориентации, т. е. взявшие курс на построение в перспективе социалистического общества, и страны, развивающиеся по капиталистическому пути.

К странам социалистической ориентации относятся Алжир, Народная Демократическая Республика Йемен, Сирия, Бирма, Эфиопия, Ангола, Мозамбик, Народная Республика Конго и ряд других стран Азии и Африки.

Среди стран капиталистического развития можно выделить три основных типа: 1) аграрные, с ведущими докапиталистическими укладами и находящимися в зачаточном состоянии капиталистическими отношениями (большая часть стран Тропической Африки, Непал, Йеменская Арабская Республика); 2) нефтедобывающие, с ведущими докапиталистическими укладами, стремительно трансформирующимися в капиталистические (Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты и др.); 3) аграрно-промышленные, с ведущими капиталистическими укладами, постепенно вытесняющими и трансформирующими докапиталистические (в частности, Индия, Пакистан, Турция, Шри Ланка, Филиппины, Марокко, Тунис).

Страны социалистической ориентации. Государства, ориентирующиеся на строительство в перспективе социализма, отвергают капиталистический путь. Уровень социально-экономического развития этих государств различен, но общим для всех них является революционно-демократический характер власти, проведение антиимпериалистических, антифеодалных и антикапиталистических преобразований, разностороннее сотрудничество с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Под руководством революционных демократов — прогрессивно настроенных представителей средних слоев общества

(младших и средних офицеров, трудовой интеллигенции и др.), т. е. наиболее грамотной и политически осведомленной части неэксплуататорских слоев населения, — в этих государствах осуществляются важные политические и экономические реформы. Широкое распространение получили национализация иностранной собственности (земельных владений, промышленных предприятий), ликвидация иностранных концессий и т. п. Из государственного аппарата изгоняются проимпериалистически настроенные элементы. Уничтожаются неравноправные договоры и соглашения, навязанные этим странам империалистическими державами. Принимаются необходимые меры для укрепления национального суверенитета.

Важное место в жизни стран социалистической ориентации занимают социальные реформы, которые направлены на повышение материального благосостояния населения, ликвидацию безработицы, введение системы обязательного начального образования, улучшение медицинского обслуживания. Характерной особенностью этих стран стало принятие и совершенствование трудового законодательства, предусматривающего существенное улучшение условий труда и социальное страхование.

Программные документы, намечающие стратегию развития стран социалистической ориентации, провозглашают стремление руководства этих стран ликвидировать все формы политической и экономической зависимости от империалистических держав, построить общество социальной справедливости, в котором не должно быть места эксплуатации человека человеком, расовой и национальной дискриминации или религиозной нетерпимости.

Ведущим и направляющим в экономике стран этого типа выступает государственный сектор социалистической ориентации. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, государственный сектор здесь «является, по сути дела, экономической базой революционно-демократической политики»¹. Его рост и развитие создают объективные предпосылки для прогрессивного преобразования всей социально-экономической структуры этих стран, укрепления их национального суверенитета и развития национального производства, для всемерного расширения политических, экономических и культурных связей с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Государственный сектор занимает руководящие позиции в основных сферах социально-экономической жизни стран социалистической ориентации и использует их в целях проведения прогрессивных преобразований. Мероприятия госсектора направлены на решение общенациональных революционно-демократических задач.

¹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 18.

В этих странах государственный сектор контролирует финансово-банковскую систему и внешнюю торговлю, охраняя внутренний национальный рынок от экспансии иностранного монополистического капитала и стремясь к созданию оптимальных условий для развития национального производства. В целях разностороннего экономического развития и преодоления полученной в наследство от эпохи колониализма моноотраслевой структуры производства, ориентированной преимущественно на западноевропейские рынки, государственный сектор всемерно способствует диверсификации экономики. Значительные ассигнования он направляет на развитие новых отраслей промышленного производства, особенно на строительство предприятий, производящих средства производства (в металлургию и машиностроение). Эти наиболее капиталоемкие отрасли промышленности развиваются, как правило, в рамках государственного сектора при отсутствии или весьма ограниченном участии частного капиталистического сектора. Кроме того, госсектор своей льготной кредитной политикой способствует реконструкции традиционных отраслей местного промышленного производства. Это дает возможность значительно расширить выпуск товаров народного потребления и сократить их импорт. В целом государственный сектор в странах социалистической ориентации осуществляет от 60 до 80% всех инвестиций в их промышленное производство, что создает определенные возможности и для планирования процессов индустриализации.

В сельском хозяйстве государственный сектор производит крупные капиталовложения в мелнорацию и освоение новых пахотных земель, с помощью специальной кредитной политики способствует расширению производства продуктов питания, растительного и животного сырья. Ростовщический капитал, подвергающийся жестокой эксплуатации мелких производителей, особенно в деревне, вытесняется из сферы социально-экономических отношений путем развития кредитно-сбытовой кооперации. Этот процесс направляется и финансируется государственным сектором.

Опираясь на госсектор, руководящие круги стран социалистической ориентации проводят аграрные реформы, направленные на подрыв феодальных и полуфеодальных отношений. Крупные земельные наделы, находящиеся в руках представителей феодально-помещичьего класса, национализируются и передаются безземельным и малоземельным крестьянам обычно за выкуп с рассрочкой в платежах. Расходы, связанные с проведением аграрных реформ, берет на себя государственный сектор.

Крестьяне, получающие в ходе аграрной реформы земельные наделы, объединяются в кооперативы (преимущественно кредитно-сбытовые, отчасти производственные). Кредитование деятельности сельскохозяйственных кооперативов осуществляет госсектор, который также оказывает им содействие в снабжении

сортовыми семенами и химикатами, способствует внедрению там прогрессивных методов агротехники.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества всемерно содействуют укреплению национального суверенитета, политическому, экономическому и культурному развитию стран социалистической ориентации. Л. И. Брежнев отмечал, что «у нас существуют хорошие, основанные на взаимном доверии и уважении отношения с молодыми национальными государствами... Наиболее тесные экономические и политические связи, наиболее близкие отношения установились у нас со странами, взявшими в своем развитии курс на социализм»².

Страны, идущие по капиталистическому пути развития. Упомянутые три типа стран, идущих по капиталистическому пути, значительно отличаются один от другого по уровню социально-экономического развития и характеру власти.

Аграрные страны с ведущими докапиталистическими укладами и находящимися в зачаточном состоянии капиталистическими отношениями. Страны этого типа не обладают большими земельными угодьями, пригодными для сельского хозяйства, а также крупными запасами минерального сырья. В эпоху колониализма они не представляли большого интереса для империалистических держав как объекты прямых капиталовложений и эксплуатировались ими чаще всего через сферу кредитно-финансовых отношений. Развитие капитализма там шло под влиянием не западноевропейского, а куда более слабого азиатского инационального капитала, что явилось одной из основных причин особенно медленного формирования капиталистических отношений в таких странах.

Власть в аграрных государствах с ведущими докапиталистическими укладами принадлежит представителям верхних слоев феодально-помещичьего класса и торгово-ростовщической буржуазии. В основных пластах социально-экономические отношения базируются на докапиталистических формах собственности. При этом феодальные формы собственности являются там наиболее устойчивыми. Феодальные рентополучатели продолжают удерживать в своих руках большую часть обрабатываемых земель, сдавая ее в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Так как в сложившихся социально-экономических условиях крупные землевладельцы получают значительно большие доходы от сдачи в аренду земли, чем от ведения собственного хозяйства, в странах этого типа широко распространены абсентеизм — особая форма землевладения, характерная обычно для феодальных отношений на стадии разложения.

² Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1973, с. 125.

Землевладельцы-абсентеисты не участвуют в процессе производства и в значительной мере избегают инвестирования капитала в хозяйство, однако изымают прибавочный и часть необходимого продукта у крестьян в форме натуральной или отработочной ренты. Как правило, эти землевладельцы не являются жителями сельской местности, а постоянно проживают в городах. Они формируют верхние слои городской аристократии, широко вторгаются в политическую жизнь, занимают высшие государственные посты. Многие из них вовлекаются в сферу торговли и ростовщичества, некоторые становятся вкладчиками иностранных и национальных банков.

Поскольку преобладающая часть накоплений сосредотачивается здесь у представителей феодально-помещичьего класса, которые не склонны инвестировать их в национальное производство, а предпочитают использовать в непроизводительной сфере или для личного потребления (закупка дорогостоящих импортных товаров, золота, различных драгоценностей и т. п.), для экономики этих стран характерна стагнация.

Основными формами землепользования в рассматриваемых странах до сих пор остаются натуральная издольщина и отработочная рента. Эти формы органически связаны с преобладанием натуральных и полунатуральных хозяйств, с кабальной зависимостью крестьян от крупных землевладельцев, с крайней отсталостью агротехники. При очень низкой продуктивности сельского хозяйства землевладелец-рентополучатель присваивает себе от $\frac{1}{2}$ до $\frac{4}{5}$ урожая крестьянина-арендатора в зависимости от принадлежности используемых в хозяйстве орудий труда, рабочего скота, семян. В целом в аграрном секторе этих стран продуктовая рента достигла таких размеров, при которых, по определению К. Маркса, «она является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и принуждает непосредственного производителя довольствоваться физически необходимым минимумом жизненных средств»³.

Значительная часть крестьян в странах данного типа не может быть причислена к мелкой буржуазии, поскольку лишена земли, а нередко и других средств производства. Эти крестьяне продолжают оставаться либо общинниками, либо арендаторами-издольщиками, ведущими натуральное или полунатуральное хозяйство.

Широкое распространение получило в этих странах и мелкое товарное производство. Последнее, как указывал В. И. Ленин, «характеризуется совершенно примитивной, ручной техникой, которая оставалась неизменной чуть ли не с незапамятных времен»⁴. Мелкое производство представлено преимущественно

³ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2. — Т. 25. Ч. 2, с. 360.

⁴ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Т. 3, с. 543.

парцеллярными крестьянскими хозяйствами и мастерскими ремесленников. В этом секторе осуществляется, как правило, простое воспроизводство. Мелкие производители целиком потребляют свои доходы и редко используют их в качестве источников накопления капитала и расширения производства. Предприятия мелкотоварного сектора либо не пользуются, либо крайне мало пользуются наемным трудом. Основная их рабочая сила помимо хозяина — члены его семьи, а иногда и несколько (обычно не более пяти) наемных рабочих. Не менее важной особенностью предприятий мелкотоварного сектора в этих странах является также преобладание ручного труда и использование архаических орудий производства. В сельском хозяйстве, в частности, основными орудиями производства продолжают оставаться мотыга, серп, деревянная соха, приводимая в движение тягловым скотом. Однако многие крестьянские семьи тягловым скотом не располагают. Ремесленники не используют механической энергии.

В странах рассматриваемого типа имеются также промышленные предприятия переходных форм с числом занятых от пяти до десяти человек. На некоторых из них перевешивают доходы от личного труда, на других — от наемной рабочей силы. Чаще всего перевес от наемного труда достигается на предприятиях в том случае, когда там начинает использоваться механическая энергия или применяется труд высококвалифицированных ремесленников (например, ювелиров), создающих продукты высокой стоимости.

Предприятия натурального, полунатурального, мелкотоварного и частично переходного к капиталистическому типов производства не кредитуются обычно государственными и частными банками. В результате они оказываются вынужденными обращаться за кредитами к ростовщикам.

В свою очередь, рост и развитие ростовщического капитала в рассматриваемых странах обуславливают стагнацию мелкого производства, а также разорение мелких производителей. «Ростовщичество, — указывал К. Маркс, — не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях... При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»⁵. Ростовщик часто стремится не просто к возвращению ссуды с процентами, а к закабалению мелкого производителя. В результате широкое развитие получает так называемое долговое рабство — один из наиболее распространенных пережитков докапиталистических и раннекапиталистических отношений. Ростов-

⁵ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2, с. 145—146.

щик при этом зачастую превращается в скупщика продуктов мелкотоварного сектора и до известной степени способствует внедрению товарных культур в мелкокрестьянские хозяйства.

Мануфактура в странах рассматриваемого типа находится на начальной стадии развития. Рост фабрично-заводского производства замедлен и осуществляется за счет накоплений вне сферы ремесленного и мануфактурного производства. Используемые для этого накопления имеют обычно три источника: иностранный капитал, местное сельское хозяйство и торговлю.

Капитализм в этих странах представлен в основном иностранным капиталом, инвестированным в горнодобывающую, реже — в обрабатывающую промышленность или плантационное хозяйство. Основная масса продукции иностранных предприятий направляется на экспорт и лишь частично потребляется на месте. Крупные фабрично-заводские предприятия, принадлежащие иностранному капиталу, имеют единичный характер.

Национальный частный капитал функционирует преимущественно в непродуцирующей сфере. Он вкладывается в иностранные банки, услуги, торговлю и ростовщичество.

Нефтедобывающие страны с ведущими докапиталистическими укладами, стремительно трансформирующимися в капиталистические. Страны этого типа выступают на мировом рынке как поставщики жидкого минерального топлива, с одной стороны, и потребители иностранной промышленной продукции — с другой.

До начала 70-х годов их нефтяные богатства находились в руках иностранных монополий, которым принадлежала также и нефтяная промышленность. Эксплуатация этих нефтяных богатств при относительно низких концессионных платежах и дешевой рабочей силе приносила иностранным монополиям колоссальные прибыли. Поскольку главным источником государственных доходов стран рассматриваемого типа служили платежи иностранных нефтяных компаний, они находились в сильной зависимости от монополий.

Социально-экономическая структура этих стран характеризовалась преобладанием докапиталистических укладов, которые с конца 60-х — начала 70-х годов стали подвергаться значительной эрозии (рост товарно-денежных отношений в сельской местности, ослабление племенных связей и т. д.). Вместе с тем мелкотоварный уклад все еще располагал значительным простором для развития в силу специфики национальных рынков, на которых сохранялся спрос на кустарно-ремесленные изделия. Сохранялось и ростовщичество, хотя сфера его действия была в этих странах более узкой, чем в странах первого типа. Развивающаяся сеть кредитно-банковских учреждений ограничивала операции ростовщиков, особенно в городе. Банковский кредит все шире внедрялся не только в крупное и среднее, но и в мелкотоварное производство.

Главенствующее положение в экономической жизни этих стран до начала 70-х годов занимал иностранный крупнокапиталистический уклад, представленный в основном нефтедобывающей промышленностью и обслуживающими ее предприятиями. Развитие капиталистических отношений в данных странах осуществлялось непосредственно под его воздействием. Иностранный крупнокапиталистический уклад стимулировал развитие товарно-денежных отношений, способствовал росту экономического и социального неравенства населения, процессу формирования национальной торгово-финансовой буржуазии и промышленного пролетариата. Характерной особенностью последнего являлось преобладание в его рядах иммигрантов, поскольку относительно низкий уровень социально-экономического развития этих стран не создал еще объективных предпосылок для формирования индустриального пролетариата из местного населения.

Разразившийся в начале 70-х годов мировой энергетический кризис способствовал значительному продвижению большинства таких стран по пути капиталистического развития. В связи с ростом цен на нефть на мировом рынке с 1970 по 1975 г. примерно в 4 раза значительно увеличился и их валовой продукт. Стремительно возрастали капиталонакопления.

В первой половине 70-х годов развивающиеся страны рассматриваемого типа, опираясь на волну национально-освободительного движения, осуществили национализацию собственности иностранных нефтяных монополий на своей территории. Национализированные предприятия были переданы государственному сектору, что значительно расширило и укрепило позиции государственного капиталистического уклада этих стран.

Преобладающая часть доходов данных стран направляется на пополнение государственных золотых и валютных резервов. Вместе с тем эти доходы используются для расширения внутренних и внешних ссудных операций. Уже в 60-е годы нефтедобывающие страны предоставили займы ряду молодых афрозийских государств, не имеющих таких источников дохода, а также собственным национальным компаниям. К середине 70-х годов наметилась новая тенденция: нефтедобывающие страны стали предоставлять займы и некоторым промышленно развитым капиталистическим державам (Японии, Франции и др.) на основе двусторонних межправительственных соглашений и скупки их ценных бумаг. Заметно возросли также займы международным финансовым организациям — Международному банку реконструкции и развития, а также Международному валютному фонду. Поскольку объем внешних ссудных операций нефтедобывающих стран, как правило, намного превышает размеры их прямых капиталовложений, эти страны во все большей мере выступают на мировом капиталистическом рынке как государства-рантье.

«Нефтяной бум» способствовал росту национального частнокapиталистического сектора нефтедобывающих стран. Национальная буржуазия значительно увеличила свои вклады в иностранные, а также в растущие национальные банки, приступила к скупке акций многих иностранных предприятий, в том числе и крупных западноевропейских компаний. Идет активный процесс сращивания национального капитала молодых нефтедобывающих стран с западноевропейским, что является беспрецедентным, совершенно новым явлением в мировой капиталистической экономике.

В национальной экономике этих стран к середине 70-х годов наметилась тенденция перелива национального капитала из сферы услуг и торговли в производство, особенно в инфраструктуру и промышленность. Наиболее значительными сферами его вложения стали такие отрасли, как портовое и ирригационное строительство, создание аэродромов, строительство шоссе и дорог, энергетика, градостроительство. Стимулируется развитие нефтехимической промышленности с целью расширения экспорта нефтепродуктов. Это должно привести к диверсификации источников дохода рассматриваемых стран и ослаблению их зависимости от экспорта сырой нефти.

Правящие круги этих стран всемерно способствуют росту предприятий смешанного сектора — с участием помимо национального еще и иностранного капитала. Стремясь привлечь иностранный капитал к строительству ряда промышленных объектов в своих странах, они предоставляют иностранным компаниям ряд льгот, таких, как свободный вывоз прибылей, освобождение от таможенных пошлин при импорте оборудования, сырья, полуфабрикатов и т. д. Вместе с тем правительства нефтедобывающих стран ограничивают сферу деятельности иностранного капитала рамками только смешанного сектора (при обязательном участии национального капитала). Как правило, иностранный капитал допускается к участию лишь в тех предприятиях, где контрольный пакет акций принадлежит национальному капиталу.

Аграрно-промышленные страны с ведущими капиталистическими укладами, постепенно вытесняющими и трансформирующими докапиталистические. Страны этого типа, власть в которых принадлежит национальной буржуазии, находятся на стадии вытеснения простого товарного хозяйства капиталистическим. В ходе этого процесса численно растет и консолидируется пролетариат.

В. И. Ленин, характеризуя признаки развития капитализма, писал, что «капитализм бывает разный: помещичий, полуфеодальный, с тьмой остатков всяких привилегий, наиболее реакционный и наиболее мучительный для массы, — а также капитализм свободных фермеров, наиболее демократический, менее мучительный для массы, с наименьшими остатками привиле-

гий»⁶. В большинстве рассматриваемых стран со второй половины XIX в. развивался консервативный, полуфеодальный капитализм. В деревне капиталистические отношения переплетаются с феодальными, а в некоторых случаях — с остатками родо-племенных отношений. Наряду с принадлежащими иностранному и национальному капиталу крупными предприятиями там имеется множество мелких полунатуральных хозяйств, мануфактур, кустарных и ремесленных мастерских. Сфера действия докапиталистических укладов суживается, но не ликвидируется, и капитализм надолго сохраняет полуфеодальные черты.

После второй мировой войны развивающийся национальный капитал потеснил иностранные монополии и занял важные позиции в национальной экономике. Ускорился процесс концентрации национального капитала, образовались национальные монополии, которые наряду с государственным сектором стали играть важную роль в социально-экономической и политической жизни стран указанного типа.

Частнокapиталистические предприятия получили значительную государственную помощь: кредиты, различные налоговые льготы и т. п. С 60-х годов в этих странах развивается смешанный сектор — при участии национального государственного и частного капитала.

Несмотря на развитие в этих странах государственно-капиталистического и частнокapиталистического секторов, характерной их особенностью является численное преобладание некорпоративных форм собственности. В корпоративном же секторе основная масса предприятий представлена компаниями-партнерствами, объединяющими чаще всего нескольких капиталистов, связанных родственными узами. Такие компании стоят ближе к индивидуальной собственности, чем к акционерным обществам. Вместе с тем в ряде этих стран уже есть и крупные акционерные предприятия, ставящие под свой контроль средние и мелкие компании.

Капиталистические отношения, получившие более или менее значительное развитие в городе, не имеют пока аналогичного распространения в деревне, хотя уже и там нанесли чувствительный удар по крестьянству. Разорение мелких производителей, становящееся типичным явлением в городе, затронуло и деревню, что нашло свое непосредственное выражение в росте внутренних миграций.

Система аграрных отношений вплоть до второй мировой войны характеризовалась в большинстве стран данного типа наличием огромного груза разнообразных докапиталистических форм и методов эксплуатации крестьянства. После второй мировой войны, несмотря на проникновение капиталистических отношений в деревню, аграрные отношения там не подверглись

⁶ В. И. Ленин. Землеустройство и деревенская беднота. — Т. 24, с. 6.

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

коренной ломке. Общей характерной особенностью стало переплетение капиталистических отношений с докапиталистическими. Капиталистические плантационные хозяйства сосуществуют с большим числом натуральных и полунатуральных хозяйств. Значительная часть земельных наделов еще и теперь остается в руках помещиков, использующих феодальные методы эксплуатации, прежде всего сдачу земли в кабальную аренду на условиях издольщины.

Среди крестьян преобладают владельцы парцелл, не имеющие возможности прокормить себя и свои семьи, возделывая принадлежащие им земельные участки. Эти крестьяне либо систематически занимаются отходничеством в городах, либо часть времени работают по найму в хозяйствах местных помещиков. Все большее развитие получают процессы обезземеливания и пауперизации значительных масс крестьянского населения. Безземельные крестьяне в странах рассматриваемого типа часто насчитывают более половины всего сельского населения, и доля их продолжает увеличиваться.

Аграрный вопрос в этих странах решается главным образом путем проведения реформ, направленных на подрыв феодальных отношений и замену их капиталистическими. Эти реформы постепенно расчищают путь для капиталистического развития, но не ведут к полной ликвидации докапиталистических укладов в деревне. Национальная буржуазия, хотя экономически и заинтересована в интенсивном развитии капитализма, отказывается от проведения радикальных аграрных преобразований, опасаясь усиления революционного процесса.

Таковы вкратце особенности социально-экономического развития различных типов стран многоукладного Востока. Всем этим странам приходится сталкиваться как со специфическими, так и с общими проблемами. И одной из самых острых для них проблем является проблема занятости и эффективного использования трудовых ресурсов.

Массовая безработица (частичная и полная), огромная армия обнищавших людей — явления, сопутствовавшие развитию стран Востока на протяжении многих десятилетий колониального прошлого и сохраняющиеся после достижения независимости.

Нерешенность проблемы занятости оказывает резко отрицательное воздействие на социально-экономическую эволюцию освободившихся стран. Безработица превратилась в тормоз их развития. Огромный избыток рабочей силы в этих странах снижает темпы роста общественной производительности труда и в конечном счете ведет к увеличению отставания развивающихся стран от развитых государств.

Относительное перенаселение в развивающихся странах Азии и Африки отличается от резервной армии труда в развитом капиталистическом мире. Как известно, безработица в капиталистических странах возникает на почве накопления и изменения органического строения капитала, является необходимым условием и результатом капиталистического способа производства. В развивающихся странах Востока относительное перенаселение было и остается важнейшим следствием и условием существования особого переходного общества, сложившегося в период колониальной зависимости этих стран. В недрах этого общества постоянно подрываются и одновременно воспроизводятся в ухудшенном, хиреющем виде докапиталистические отношения, которые существуют наряду с капиталистическими. Формирование относительного перенаселения здесь обусловлено действием законов не одного какого-либо способа производства, а сочетания разных способов; оно определяется закономерностями развития как докапиталистических укладов, так и капиталистических, их взаимодействием.

Механизм товарно-денежных отношений в рамках сохранившихся докапиталистических укладов и внеэкономические факторы воздействия постоянно приводят к разорению огромной массы трудящихся. Эти уклады выталкивают из своего производства все новые массы обезземеленных крестьян, разорившихся ремесленников, формирующих армию полностью безра-

ботных, и вместе с тем не обеспечивают полной занятости работников, продолжающих оставаться в данном производстве.

Воспроизводству перенаселения способствуют и многие элементы развития капиталистических укладов. Однако в настоящее время основное воздействие капиталистических укладов на формирование относительного перенаселения в развивающихся странах заключается не столько в создании современных капиталистических форм безработицы (хотя есть и такие), сколько в содействии росту скрытого перенаселения в низших укладах. Процесс отторжения огромных масс населения от традиционных занятий либо от орудий и средств производства большей частью не сопровождается вовлечением этих людей в новые связи капиталистических отношений. В то же время конкуренция крупного современного производства усугубляет бедственное положение «самостоятельных хозяев» и наемных рабочих, занятых в мелком производстве.

В результате всего этого в недрах докапиталистических укладов скапливается и постоянно возрастает неполная занятость. А в целом в переходных обществах формируется перенаселение во всем многообразии его форм.

Наиболее массовая форма относительного перенаселения на Востоке — частичная безработица, или неполная занятость. Органическая связь неполной занятости трудовых ресурсов в этом регионе с мелким производством и сферой традиционных услуг обуславливает не только огромные размеры, но и весьма разнородный состав армии частично безработных.

Основной сферой распространения частичной безработицы в странах Азии и Северной Африки является сельское хозяйство. От неполной занятости страдают многие крестьянские дворы. Хозяева или арендаторы небольших земельных участков в полную силу трудятся только в период страды, во время пахоты, сбора урожая. В период затишья сельскохозяйственных работ на полях заняты лишь отдельные члены крестьянской семьи, да и то часть рабочего дня. Крохотный земельный участок не обеспечивает прожиточного минимума семьи и полной ее занятости.

Чрезвычайно высок удельный вес не полностью занятых среди сельскохозяйственных рабочих. Более половины из них не имеют постоянных занятий, привлекаются к работе в земледелии в горячую пору. Рабочий период сельскохозяйственных рабочих длится не более пяти-шести месяцев в году. Все остальное время они заняты поисками случайных заработков. Многие из них становятся «бродягами», постоянно ходят по стране в надежде получить поденную работу. «Бродячее население» — довольно обыденное явление в развивающихся странах Востока.

Представление о размерах скрытого аграрного перенаселения на Востоке дают материалы международной статистики. Так, по оценкам экспертов ФАО, в начале 60-х годов доля не

полностью занятых в общей численности самодеятельного сельского населения колебалась в странах Ближнего и Среднего Востока от 28 до 64%, а в странах Южной и Юго-Восточной Азии составляла 20%. Если обратиться к национальной статистике рынка труда отдельных стран Азии, то оценки уровня неполной занятости будут несколько иными. Например, в Индии избыточная рабочая сила, по различным подсчетам, достигала в конце 50-х годов 25—50% общего числа занятых в земледелии, в Шри Ланке — 20%. На Филиппинах в 1960 г. 12% земледельцев страдали от неполной занятости. Угрожающие размеры скрытая безработица принимала в сельском хозяйстве стран Северной Африки, где «лишние», по самым умеренным оценкам, составляли от 30 до 50% самодеятельного населения деревни. В Марокко земледelec в 60-х годах в среднем не был занят не меньше 150 дней в году. В Египте «избыточными» являлись 45% деревенских жителей¹.

Со времени проведения в странах Востока рассматриваемых нами выборочных обследований рынка труда (конец 50-х — начало 60-х годов) прошло немало лет. И на протяжении всего этого периода скрытое аграрное перенаселение продолжало расти, о чем свидетельствует целый ряд фактов. Сокращались средние наделы земли, прогрессировал процесс обезземеливания крестьян, снижались доходы беднейших крестьянских семей от сельского хозяйства, уменьшалась продукция земледелия в расчете на одного занятого.

С середины 60-х годов появилась угроза роста безработицы под влиянием «зеленой революции». Заметно усилившийся переход части зажиточных хозяйств к предпринимательской деятельности вызвал рост современной технической базы сельского хозяйства. А это означало высвобождение из производства части рабочей силы, занятой постоянно в земледелии. Например, в пакистанском Пенджабе, по показаниям фермеров, число постоянных работников в хозяйствах в расчете на единицу площади после перехода на тракторную тягу сократилось на 50% (в среднем с 2 до 1 человека на 10 га). Внедрение в земледелие современных средств производства чревато в перспективе увеличением безработицы. По подсчетам мичиганского Центра изучения проблем Азии, применение одного трактора высвобождает из земледелия от 20 до 30 семей². Правда, «зеленая революция» затронула еще очень небольшое число хозяйств, и ее влияние на рост перенаселения пока не слишком ощутимо. Но

¹ Employment Objectives in Economic Development. Geneva, 1961, с. 23—25, 32; "International Labour Review", 1965, vol. 94, № 1, с. 16; 1968, vol. 97, № 1, с. 41; ILO. Employment Policy in Africa. Report Prepared for the African Advisory Committee, 3rd Session, Dakar, October 1967. Doc. AF. AC/III, 3. Geneva, 1967; The World Employment Programme. Report of the Director-General. Geneva, 1961, с. 32.

² Development and Change in Traditional Agriculture: Focus on South Asia. Michigan, 1968, с. 6.

с ее развитием (вширь и вглубь) это воздействие будет возрастать, обостряя и без того одну из самых наболевших проблем.

В городах Азии и Северной Африки основным типом перенаселения является все та же неполная занятость. Проявления частичной безработицы в городе, как и в деревне, многообразны. Она может выступать в форме неполного трудового дня работника. В этом случае мы имеем дело с видимой частичной безработицей. Неполная занятость существует также в скрытой форме, проявляясь в низком уровне производительности труда и доходов трудящихся. Иными словами, неполная занятость выступает в городе как неэффективное использование его трудовых ресурсов.

Частичная безработица широко распространена в городской мелкой промышленности, где от нее страдают как «самостоятельные хозяева», так и наемные работники. Труд большинства из них имеет прерывистый характер, иногда спады в производственной деятельности ремесленников кратковременны, исчисляются днями, но чаще работники страдают от сезонной безработицы. Например, в странах Южной Азии «мертвый» период совпадает с сезоном дождей. Эта форма частичной безработицы порождена неравномерностью рыночной конъюнктуры, перебоями в обеспечении товаропроизводителей сырьем и материалами. Чаще неполная занятость в мелкой промышленности существует в виде низкой производительности труда и низких доходов работников.

Скрытые и видимые формы перенаселения взаимосвязаны и зачастую проявляются в судьбе каждого ремесленника, страдающего от неполной занятости.

Обозримое будущее не предвещает рассасывания частичной безработицы в мелкой промышленности. Наоборот, эта форма перенаселения имеет устойчивую тенденцию к возрастанию, распространению на новые отряды рабочих. Приток рабочей силы в мелкое промышленное производство ныне большей частью вызывает рост неполной занятости в данной сфере. Особенно это ощутимо в традиционных отраслях. Дети ремесленников, испытывая большие сложности в трудоустройстве, вынуждены заниматься «семейным делом», причем сокращается объем работ на каждого занятого. Эти лишние с точки зрения потребности производства работники не становятся формально безработными, они существуют за счет снижения общего жизненного уровня семьи.

Тенденция роста численности мелких производителей при уменьшении среднего количества полных рабочих дней, приходящихся на каждого занятого, характерна для очень многих стран Востока.

Резервуаром частичной безработицы в городе служит розничная торговля. Лоточники, наполняющие деловые кварталы

азиатских городов,— это, по существу, полунищие. За день работы мелким торговцам удается совершить очень небольшой объем операций, а выручки едва хватает на полуголодное существование.

Неполная занятость сопутствует работникам сектора услуг. Рабочие отелей, разнорабочие коммунального хозяйства, уборщики мусора, чистильщики обуви, брадобреи и прочие представители сферы обслуживания— все они живут преимущественно за счет случайных заработков. Лиц, предлагающих услуги, слишком много, а работы очень мало. Их деятельность в одних случаях почти целиком, а в других— в значительной степени сопряжена с частичной безработицей. Работа лиц, занятых в сфере услуг, представляет собой неэффективную занятость и свидетельствует о бесполезной трате какой-то части трудовых ресурсов.

Частичная безработица в развитых капиталистических странах носит капиталистический характер, объективная база ее— совершенствование условий производства, экономической деятельности, повышение производительности общественного труда. Эти факторы приводят к сокращению рабочего времени, необходимого для осуществления различных операций, что открывает возможность неполной занятости работающих на капиталистических предприятиях.

В хозяйственно отсталых странах частичная безработица, как правило, рождается на докапиталистическом базисе. Основными носителями этой формы перенаселения являются низшие уклады, которые не в состоянии обеспечить полную утилизацию рабочей силы.

Однако неэффективная занятость (один из признаков скрытого перенаселения) в развивающихся странах распространена и в современных секторах городского хозяйства. Это относится прежде всего к какой-то части государственных служащих. В развивающихся странах наблюдается гипертрофированное возрастание государственного аппарата, превышающее потребности развития производительных сил этих стран. Однако правительства молодых государств идут на искусственное разбухание аппарата, пытаясь тем самым занять «излишнее» рабочее население и смягчить проблему безработицы.

Неполная занятость в развивающихся странах затрагивает также постоянные кадры промышленного пролетариата, фабрично-заводских рабочих. В таких случаях частичная безработица выступает на капиталистической основе. Она может возникать в связи с обновлением промышленного оборудования, т. е. с техническим прогрессом, ведущим к снижению уровня необходимого рабочего времени, но также появляться в зависимости от стремления капиталистов законсервировать производство с целью поднять либо удержать на высоком уровне цены на продукцию. Крупный капитал периодически останавливает пред-

приятия, сокращает объем работ, не увольняя рабочих, а переводя их на сокращенную рабочую неделю.

Рассмотренные нами отраслевые и иные характеристики неполной занятости уже сами по себе свидетельствуют о колоссальных масштабах этой формы перенаселения и в деревне и в городе. К сожалению, до настоящего времени статистическая служба в развивающихся странах не дает достоверных сведений о действительных масштабах частичной безработицы. Одна из причин этого — отсутствие единого метода учета неполной занятости. Не случайно на конференции по проблемам регионального развития стран Азии, проходившей в Бангкоке в 1971 г., обсуждались вопросы методологии статистического наблюдения за состоянием занятости. На конференции были предложены новые методы учета занятости, в частности регистрация неполной и предельной занятости населения при данном уровне развития производительных сил в той или иной стране. Были выделены следующие основные категории учета: «видимая» безработица, когда продолжительность рабочего дня ниже уровня, установленного для данной страны, и «невидимая», когда продолжительность рабочего времени соответствует установленному уровню, однако фактически действуют другие факторы: не полностью используется рабочая сила в данной стране; неполная занятость приводит к снижению доходов рабочих; в результате неполной занятости падает уровень производительности труда.

И по сей день выяснение размеров частичной безработицы остается одной из задач освободившихся стран. Существующие показатели неполной занятости весьма разноречивы. В этом отношении характерен пример Индии: оценки численности частично занятых там на 1970 г. колебались от 100 млн. до 170 млн. человек³. Несмотря на скудость материалов национальных статистик развивающихся стран о неполном использовании рабочей силы, сотрудники Международной организации труда попытались произвести соответствующие расчеты. Согласно этим расчетам, в 1975 г. в Азии было 168 млн. и в Африке — 58 млн. частично безработных, что составляло соответственно 36 и 38% самодеятельного населения регионов⁴.

В городах уровень неполной занятости ниже (23% в Азии и 25% в Африке), чем в деревнях⁵. Однако в отдельных, особенно ремесленных и торговых, городских центрах проблема неполной занятости стоит так же остро, как и в сельской местности.

Наряду с частично безработными в состав армии «лишнего» населения входит многочисленный отряд полностью безра-

³ V. V. Giri. Jobs for Our Millions. Madras, 1970, с. 19.

⁴ L'Emploi, la croissance et les besoins essentiels: problème mondial. Rapport du Directeur Général du Bureau international du Travail. Genève, 1976, с. 19.

⁵ Там же.

ботных. Полная безработица постоянно возрастала и достигла на рубеже 60—70-х годов весьма внушительных размеров. Согласно данным выборочных обследований, в этот период полностью безработные составляли 5—11% экономически активного населения развивающихся стран (в том числе в Индии — 10%, на Филиппинах — 12%, в Шри Ланке — 20% в деревнях и 10% в городах)⁶.

Приведенные оценки масштабов полной безработицы — частичное отражение действительных размеров ее. К данным об уровне открытой, полной безработицы следует относиться так же, как и к сведениям о неполной занятости, т. е. с большой осторожностью. Статистические службы развивающихся стран пользуются неодинаковыми методами наблюдения за полной безработицей, причем расхождения в методе подсчета полностью безработных отмечаются не только по странам, но и в рамках одной и той же страны. Поэтому данные очень часто несопоставимы. Кроме того, сами критерии, по которым оценивается безработица, искажают действительные размеры этой формы перенаселения. Как правило, к категории безработных относят лиц неработающих, но ищущих работу. Такая методика учета игнорирует граждан, потерявших надежду найти работу, а потому не регистрирующихся в соответствующих органах.

По уровню полной безработицы развивающиеся страны превзошли развитые капиталистические государства. Например, в странах Азии доля безработных в самодеятельном населении в 60-е годы была в 2—3 раза выше таковой в развитых капиталистических странах. В 70-е годы, в результате резкого роста безработицы в капиталистических странах в условиях экономических кризисов, разрыв в уровнях незанятой рабочей силы обеих групп стран несколько сократился, однако и в настоящее время размеры полной безработицы в развивающихся странах Востока выше, чем на капиталистическом Западе.

Как и неполная занятость, полная безработица в странах Востока имеет свою специфику, связанную с особенностями их социально-экономического развития.

Вследствие неравномерности экономического развития стран Азии и Северной Африки процесс формирования безработицы современного типа в них также неравномерен. Естественно, в государствах с более высоким уровнем развития капитализма «классическая» безработица проявляется более отчетливо и шире распространена. При неблагоприятной конъюнктуре за воротами фабрик и заводов оказываются огромные массы рабочих. Кроме того, развитие капитализма вглубь в наиболее передовых в техническом отношении развивающихся странах приводит к тому, что в отдельных из них в результате капита-

⁶ The World Employment Programme. Geneva, 1969, с. 44; Economic Survey for Asia and the Far East, 1968. Bangkok, 1969, с. 164.

листической модернизации предприятий и целых отраслей фабричной промышленности (например, в Индии, Пакистане) по-прежнему так называемая «технологическая» безработица.

Современные формы относительного перенаселения распространены главным образом в городе. Полная безработица существует также в деревне, однако уровень ее значительно ниже, чем в городе (в Индии, на Филиппинах — в 2 раза⁷).

Нередко полную городскую безработицу в развивающихся странах рассматривают исключительно как современную, «классическую». Это не совсем точно. Какая-то часть полностью безработных в городах развивающихся стран представляет мигрантов из деревни, не сумевших приобщиться к трудовому процессу. Безработица в этом случае есть результат перелива скрытого аграрного перенаселения на городской рынок труда. Перемещение населения из сельских районов в города не только увеличивает армию полностью безработных, оно оказывает влияние на скрытое городское перенаселение. Небольшая часть приехавших на жительство в город получает работу в современных секторах городского хозяйства. Основными сферами приложения труда мигрантов становятся розничная торговля, ремесло, традиционное обслуживание, т. е. области, где распространена неполная занятость. Приезд в город для большой массы отходников из деревни не содействует росту их занятости, они и в городе остаются в лучшем случае полубезработными бедняками. Миграция, таким образом, способствует изменению соотношения между аграрной и городской безработицей, перемещению значительной массы безработных из деревень в города, главным образом крупные, и разрастанию там перенаселения.

Исследованием, проведенным в столице Индонезии, установлено, что в середине 70-х годов из 5 млн. ее жителей только 1,5 млн. имели постоянную оплачиваемую работу. Остальное самостоятельное население Джакарты перебивалось случайными заработками и жило за счет семейной взаимопомощи. В Индии доля безработных в самостоятельном населении крупнейших городов, по данным на начало 60-х годов, превышала в 2,5 раза этот показатель в средних и малых городах⁸.

Относительное перенаселение в многоукладных странах отличается от безработицы в развитых капиталистических государствах еще по одному важному показателю. В первых с момента своего возникновения оно носит застойный характер и постоянно возрастает. В развитых капиталистических странах лишь в эпоху общего кризиса капитализма резервная армия труда стала непрерывно сопутствовать производству, превратилась в постоянную массовую армию безработных, которая

⁷ «Journal of Development Planning», N.Y., 1972, № 5, с. 21.

⁸ «Merderka», Jakarta, 9.IV.1975; Report on Some Characteristics of the Economically Active Population, Delhi, 1962.

продолжает существовать даже в периоды оживления и подъема промышленного цикла. В развивающихся странах со времени возникновения безработицы значительная часть населения существует постоянно как «избыточное» население. В результате мы сталкиваемся там с преобладанием застойных форм перенаселения. Деревни и особенно города переполнены хроническими безработными, нищими, лицами без определенных занятий, живущими случайными заработками. Эти представители общества уже не питают надежды влиться в активную, экономически действующую армию труда.

Состояние полной и длительной незанятости для многих миллионов трудящихся развивающихся стран означает постепенную трудовую и моральную деградацию. Это касается разных возрастных групп, но прежде всего молодежи. В 60-х годах в Индии 79% безработных мужчин и 63% безработных женщин были моложе 25 лет, в Шри Ланке 83% и на Филиппинах 60% безработных составляли молодые люди 15—23 лет⁹. Для сравнения уместно отметить, что в развитых капиталистических странах застойное перенаселение формировалось в значительной степени из людей старше 40 лет. Наличие в развивающихся странах огромной массы граждан, страдающих от хронической безработицы в молодом возрасте, свидетельствует о глубоких кризисных явлениях в социально-экономической структуре этих стран. Многие из таких обездоленных не могут приобщиться к эффективному труду, они вступили в трудоспособный возраст, живут и, не исключено, умрут безработными, в лучшем случае полубезработными, с сознанием своей ущемленности.

Прошедшая в 1975 г. в Институте востоковедения АН СССР научная конференция по проблемам пауперизма и люмпенства показала, что определение размеров деклассированности пока практически невозможно. Однако все участники конференции подчеркивали возросшую социальную значимость деклассированной прослойки, заметный численный рост ее.

Возрастание этой и других форм перенаселения в развивающихся странах происходило в условиях повышения экономической активности. Этим странам удалось поднять темпы роста производства. Однако увеличение числа рабочих мест не поспевало за ростом численности трудоспособного населения.

Поступление новой рабочей силы на рынок труда в 60—70-х годах увеличилось по сравнению с предшествующими годами. Между тем потенциальные возможности роста занятости в фабрично-заводской промышленности относительно сократились. Это было вызвано тем, что в результате преимущественного развития капиталоемких, а не трудоемких отраслей усилилась тенденция к снижению занятости на единицу капиталовло-

⁹ The National Sample Survey No 85. Tables with Notes on Employment and Unemployment in Urban Areas. Calcutta, 1964, с. 19; P. Richards, Employment and Unemployment in Ceylon, P., 1971, с. 59.

жений. В настоящее время капиталистическая, особенно частная, промышленность является слабым источником занятости, она не обеспечивает работой даже естественный прирост промышленного населения города. «Демографический взрыв», не подкрепляемый соответствующим ростом производства, особенно современного, увеличивал порожденное империализмом несоответствие между медленно развивающимися техническими элементами производительных сил и быстро растущим трудоспособным населением. Углубление диспропорции иногда выражалось в снижении темпов роста валового национального продукта на душу населения. Демографический фактор становится ныне реальным тормозом развития стран Востока. В результате быстрого роста населения «демографические инвестиции» съедают значительную часть прироста национального продукта, сокращая тем самым возможности использования трудовых ресурсов.

Немаловажным фактором, осложнившим обстановку на рынке труда развивающихся стран, явились мировые экономические кризисы 70-х годов.

Инфляционные процессы, заметно усилившиеся в годы кризисных потрясений, больно ударили по трудящимся. В 1973—1975 гг. стоимость жизни в городах большинства развивающихся стран возросла в среднем на 30—50%, а в таких странах, как Пакистан или Индонезия, удвоилась¹⁰.

Падение реальных доходов трудящихся происходило параллельно со снижением общего уровня занятости. В результате роста инфляции, развернувшейся в большинстве развивающихся стран в условиях огромных дефицитов торгового и платежного балансов, резко сократился импорт промышленного сырья и оборудования, что отрицательно сказалось на работе промышленных предприятий: многие фабрики и заводы закрывались, увеличился объем неиспользованных мощностей, что, естественно, вызвало рост безработицы.

Наряду с относительным перенаселением важным аспектом проблемы занятости является отраслевая структура экономически активного населения. Распределение рабочей силы по отраслям народного хозяйства развивающихся стран продолжает отражать черты отсталой экономической структуры, длительный период складывавшейся на основе неравноправного разделения труда.

По-прежнему основная часть (более 70%) самодеятельного населения развивающихся стран Востока занята в сельском хозяйстве, уровень производительности труда в котором во много раз ниже, чем в промышленности. По данным на 1970 г., в Непале в сельском хозяйстве было занято 92% самодеятельного населения, в Афганистане — 82, в Индонезии и на Филип-

¹⁰ "Year Book of Labour Statistics, 1976". Geneva, 1977, с. 772—775.

пинах — 70, в Индии — 68% и т. д. В наиболее производительной отрасли экономики — промышленности — в странах Востока было занято всего около 12% самодеятельного населения, а в ряде случаев и того меньше (в Непале — около 2%, в Таиланде — около 7, в Индии и Шри Ланке — около 10%). В сфере обслуживания и торговле было занято (по оценке) 22% рабочей силы, т. е. почти в 2 раза больше, чем в промышленности¹¹.

Архаический характер структуры занятости в хозяйственно отставших странах особенно явно обнаруживается при сопоставлении ее со структурой занятости в индустриальных государствах. Доля во всей рабочей силе лиц, занятых в сельском хозяйстве, в развивающихся странах в три с лишним раза превышает соответствующую долю в развитых странах. В промышленности процентное соотношение почти обратное: в развивающихся странах Востока оно в 4 раза меньше, чем в развитых государствах. Различия в структуре занятости проявляются и в использовании умственного и нефизического труда: в первой группе стран трудящиеся этой категории составляют меньше 5% рабочей силы, во второй — 13,5%.

Сравнение моделей занятости индустриальных капиталистических государств и развивающихся стран выявляет еще одну существенную характеристику структуры экономически активного населения многоукладных стран Востока. Модель занятости в развитых капиталистических странах отличается высокой динамичностью, внутри ее под воздействием научно-технической революции происходят глубокие сдвиги — прежде всего заметно ускорился процесс перемещения рабочей силы из сельского хозяйства в другие отрасли. Модель занятости в странах Востока отличается крайней неподвижностью. В колониальный период соотношение занятых в сельском хозяйстве и вне его на протяжении многих десятилетий практически оставалось неизменным. Понадобилось 20 лет (1930—1950), чтобы доля сельских тружеников сократилась всего на 1,5%¹². Правда, в годы независимого развития изменения в структуре занятости ускорились. За 20 лет (1950—1970) доля сельского населения снизилась уже на 9%¹³. Перелив самодеятельного населения из сельского хозяйства в другие отрасли национальной экономики особенно усилился в Турции (где доля занятых в сельском хозяйстве только за 1960—1970 гг. сократилась с 75 до 67%), в Таиланде (с 82 до 76%), в Малайзии (эта доля снизилась до 56%), в Шри Ланке (до 52%)¹⁴. В большинстве же стран рассматри-

¹¹ ILO. Bulletin of Labour Statistics. Special Edition. 1974. World Population Year. Geneva, 1975, с. 3; "ECAFE Asian Industrial Development News". UN. N.Y., 1971, № 7, с. 31; «Мировая экономика и международные отношения» (далее — МЭиМО), 1969, № 3, с. 149—151.

¹² The World Employment Programme, 1961, с. 28.

¹³ МЭиМО, 1969, № 3, с. 149—151.

¹⁴ ILO. Bulletin of Labour Statistics. Special Edition. 1974, с. 3.

ваемого региона уменьшение доли населения, занятого в сельском хозяйстве, было незначительным. При этом сокращение удельного веса сельского населения вовсе не означало уменьшения его численности. Напротив, число сельских труженников ежегодно возрастало в среднем на 1,7%. Перемещение рабочей силы из сельского хозяйства шло главным образом в торговлю и сферу обслуживания. За 1960—1970 гг. число занятых там в большинстве развивающихся стран значительно увеличилось, а их доля возросла на 8%¹⁵. Рост занятости в промышленности не обеспечивал использования сельских отходников. Дополнительное поступление рабочей силы концентрировалось преимущественно в неиндустриальных отраслях.

Степень перестройки модели занятости в различных государствах неодинакова. В отдельных странах процесс ломки старой отраслевой структуры был более ощутим. Например, в 1969 г. по сравнению с 1963 г. индекс роста числа занятых в промышленности в Турции увеличился на 66 пунктов, в Полуостровной Малайзии — на 26,2, в Пакистане — на 24 пункта¹⁶. Однако в целом малоподвижная модель занятости многоукладных стран свидетельствует о том, что нынешние темпы экономического развития недостаточны для заметной перестройки и модернизации отсталого народного хозяйства стран Востока.

При нынешней социально-экономической структуре развивающихся стран Востока вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем существенных сдвигов в характере использования их трудовых ресурсов. Проблема обеспечения работой трудоспособного населения чрезвычайно сложна. По многим оценкам, интенсивность прироста рабочей силы в последней четверти века увеличится. В 1960—1970 гг. среднегодовой прирост самодеятельного населения развивающихся стран составлял 2,0%, в 1975—2000 гг. он повысится до 2,7%¹⁷. Казалось бы, небольшой процент прироста в абсолютном выражении будет означать выход на рынки труда десятков и даже сотен миллионов претендентов. По прогнозам МОТ, в 1970—1980 гг. для обеспечения работой только нового пополнения трудовых ресурсов развивающимся странам требуется свыше 267 млн. новых рабочих мест, в том числе странам Южной и Восточной Азии — 206 млн. и странам Африки — 34 млн. Если к этой величине прибавить 33 млн. полностью безработных (оценка МОТ на 1975 г.), то получится, что за 70-е годы развивающимся странам требуется создать 300 млн. новых рабочих мест. Они же планируют обеспечить работой лишь 177 млн. человек¹⁸.

Развивающиеся страны придают немалое значение изменению модели занятости. Как известно, перемещение рабочей

¹⁵ The World Employment Programme, 1969, с. 14, 28; МЭиМО. 1969, № 3.

¹⁶ Statistical Yearbook. 1973, UN, с. 88—89.

¹⁷ L'Emploi, la croissance et les besoins essentiels..., с. 19.

¹⁸ The World Employment Programme, 1969, с. 11, 13—14.

силы из менее производительных в более производительные отрасли оказывает влияние на уровень и динамику производительной силы труда. Попытки молодых государств повысить долю промышленного населения прогрессивны и важны для развития их производительных сил. Однако возможности для осуществления стремлений этих государств ограничены. Поэтому проекты перестройки их модели занятости носят весьма умеренный характер. Из планируемых на 1970—1980 гг. 177 млн. новых рабочих мест 26% мест намечается создать в сфере сельского хозяйства, остальные 74% — в несельскохозяйственных секторах экономики. Предполагалось, что перемещение самодеятельного населения из земледелия ускорится, однако сокращение доли занятых в сельском хозяйстве (до 59% в Азии и 57% в Африке) будет сопровождаться существенным ростом численности занятых в нем (на 47 млн.); развитие промышленности и расширение строительства поглотят приблизительно пятую часть нового пополнения, т. е. 50 млн. человек, а доля лиц, занятых в промышленности, возрастет к 1980 г. до 15% в странах Азии и до 16% в странах Северной Африки¹⁹.

Как известно, в период промышленной революции в Европе темпы роста числа работающих вне сельского хозяйства не превышали 2,5% в год. При аналогичных (но еще не достигнутых) темпах в многоукладных странах им понадобится не менее 70 лет, чтобы доля занятых в несельскохозяйственных секторах увеличилась вдвое, и больше 100 лет, чтобы она увеличилась втрое, т. е. чтобы структура занятости в хозяйственно отставших странах соответствовала требованиям индустриально развитого состояния производительных сил.

Трудность решения проблемы занятости (даже в рамках, которые ставят сами развивающиеся страны) очевидна, однако объективная необходимость развития все настойчивее требует осуществления молодыми государствами мероприятий, способных сократить масштабы трудовых потерь.

Проблема занятости становится важным объектом политической активности. Принятие соответствующей политики в области занятости населения происходит в условиях борьбы внутренних социально-политических сил, развернувшейся вокруг определения моделей экономического роста и путей дальнейшего социального развития.

Наилучшие возможности для решения проблемы занятости, сокращения трудовых потерь открываются перед развивающимися странами Азии и Северной Африки на пути некапиталистического развития, позволяющего использовать принципиально новые, более широкие ресурсы для экономического роста и создания новых рабочих мест за счет ограничения и постепенного вытеснения эксплуататорских классов.

¹⁹ Там же.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ

При капитализме безработица сохраняется как неизбежный его атрибут. Однако развитие молодых государств и по пути капитализма не исключает возможности сокращения трудоизбыточности.

Политика в области занятости является весьма важной составной частью общей технико-экономической политики развивающихся стран. И это понятно. В условиях колоссального избытка рабочей силы и нехватки капиталов молодые государства поставлены перед необходимостью развития как мелкого, так и крупного, как ручного, так и машинного производства. Они ищут оптимальные варианты сочетания экстенсивных и интенсивных факторов роста, стремятся развивать трудоемкие и капиталоемкие отрасли производства в пределах, обеспечивающих повышение темпов роста общественной производительности труда и постепенное рассасывание безработицы.

Несомненно радикальное решение проблемы занятости требует кардинальной ломки устаревших производственных отношений, является частью комплексной программы прогрессивных социальных сил и реализуется через напряженную классовую борьбу.

Ускорение темпов роста производства в промышленности, расширение и совершенствование ее отраслевой структуры образуют первоочередное условие для модернизации всей базы воспроизводства в многоукладных, отставших в экономическом отношении странах, ликвидации их неравноправного положения в мировой капиталистической системе хозяйства и в конечном счете достижения ими экономической самостоятельности. Ведущая роль обрабатывающей промышленности в развитии производительных сил нашла отражение в официальных программах индустриализации, к выполнению которых, хотя и в неодинаковом объеме, приступило большинство развивающихся стран.

Различаясь по направлениям и масштабам в отдельных странах, индустриализация дала толчок росту обрабатывающей промышленности развивающихся стран в целом. В 50-е годы средний темп этого роста составил здесь 10% (в капиталистических государствах — 4,8%). Средний ежегодный прирост валового национального продукта в развивающихся странах (4%) превышал соответствующий прирост в развитых капиталистических странах (3%)¹.

Эти данные явились «материальной» основой для появления некоего оптимизма, надежд на то, что хозяйственно отставшие страны хотя и медленно, но все же начинают подтягиваться к передовым (по состоянию производительных сил). Однако уже 50-е годы продемонстрировали существенные различия в технико-экономической эволюции разных освободившихся стран, что омрачило надежды на «плавный подъем» и «нормальное подтягивание».

Прирост промышленной продукции и валового национального продукта в 50-е годы был крайне неравномерным по главным континентам развивающегося мира. В Азии он равнялся соответственно 13,8 и 2,9%, в Латинской Америке — 8,4 и 5%, в Африке — 8 и 4,5%². По отдельным странам разность показателей была еще более значительной.

¹ «Industrial Development Survey». UN. N.Y. Vol. 2. 1970, с. 1.

² Там же, с. 1—2.

Следует также помнить, что относительно высокие темпы роста промышленного производства развивающихся стран в этот период имели место на очень ограниченной исходной основе. В результате даже при замедленном росте всего народного хозяйства доля обрабатывающей промышленности в создании валового национального дохода поднялась с начала по конец десятилетия незначительно — с 14% (средняя за 1950—1954 гг.) до 16% (средняя за 1955—1959 гг.). Объем продукции обрабатывающей промышленности многоукладных стран на начало 60-х годов равнялся 5% общемирового. Еще хуже обстояло дело с ежегодным выпуском промышленных товаров на душу населения: в среднем он составил в этих странах в ценах 1958 г. 20 долл. по сравнению с 600 долл. в капиталистических государствах, т. е. был в 30(1) раз меньше. Для очень многих азиатских и африканских стран показатель в 20 долл. был недостижим (в Индонезии, например, он составлял 4 долл., в Пакистане — 8, в Индии — 12 долл.)³.

Приведенные данные наглядно вскрывают колоссальный количественный разрыв в уровне развития производительных сил в различных частях нашей планеты, указывают на длительный путь, который предстоит пройти развивающимся странам, чтобы достигнуть нынешнего состояния промышленности в хозяйственно передовых районах. Но эти данные, безусловно, не раскрывают того огромного качественного разрыва, скрытого в неравноправном участии в мировой научно-технической революции, который отделяет экономически отставшие страны от индустриального мира и ликвидация которого сопряжена с наиболее серьезными трудностями. Некоторые из этих трудностей относятся к социально-экономическим и политическим аспектам развития, хотя, конечно, не только к ним (есть также национально-психологические и культурно-традиционные препятствия).

Период 50-х годов был наиболее благополучным с точки зрения динамики промышленного производства в развивающихся странах. После этого вследствие комплексного воздействия негативных внутренних и внешних факторов темпы прироста продукции отрасли стали падать, причем не только относительно предыдущих лет, но и относительно других «социальных частей» земного шара. В первой половине 60-х годов ежегодный прирост производства в обрабатывающей промышленности составил в многоукладных странах 6,6%, в капиталистических — 6,4, в социалистических — 8,5% (табл. 1).

Снижение темпов промышленного развития проявилось в невыполнении плановых наметок в ряде многоукладных стран и в неудаче реализации целей, намеченных по программе Первого десятилетия развития, провозглашенной Организацией

³ General Issues of Industrial Policy. UN. N.Y., 1969, с. 4.

Объединенных Наций для всех развивающихся стран (в обрабатывающей промышленности за десятилетие намечался рост на 130%, или в среднем за год на 8,6%).

Таблица 1

Рост продукции обрабатывающей промышленности основных типов стран за 1955—1970 гг.*

Тип стран	Среднее ежегодное изменение, %		
	1955—1960 гг.	1960—1965 гг.	1965—1970 гг.
Многоукладные	7,2	6,6	6,2
Азии	8,5	6,9	5,1
Африки	8,3	10,6	4,5
Латинской Америки	6,2	5,9	7,2
Капиталистические	4,0	6,4	5,3
Социалистические	10,7	8,5	8,8
Мир в целом	6,0	6,9	6,4

* «Industrial Development Survey». Special Issue. 1974, с. 10.

Показатели подушевого изменения промышленного производства рисуют еще менее радужную картину. Даже в странах, лидирующих в развитии обрабатывающей промышленности на многоукладном Востоке, производство продукции на душу населения остается в 60-х годах, по сути, неизменным. Так, в Индии и Алжире с 1963 по 1970 г. оно возросло всего на 2 долл., в Пакистане — на 4, в Египте — на 7 долл. В тот же период в Англии абсолютный прирост фабричной продукции на одного жителя составил 124 долл., во Франции — 152, в США — 229 и в ФРГ — 241 долл.⁴

Спад 60-х годов, как видно из табл. 1, не в равной степени затронул развивающиеся регионы. В то время как в Латинской Америке после некоторого сокращения производства вновь начался промышленный рост, темпы роста производства в обрабатывающей промышленности стран Азии неизменно снижались, а в Африке они сначала поднялись, а потом резко упали — до самого низкого показателя в группе многоукладных стран и в мире в целом.

Средние ежегодные изменения в странах Азии и Северной Африки в 1960—1971 гг. составляли⁵ (%):

⁴ «Industrial Development Survey». Vol. 5. 1973, с. 5.

⁵ Там же, с. 22—23. Иран за 1960—1965 гг. — из расчета добавленной стоимости в постоянных ценах. В колонке 1965—1971 гг. данные по Алжиру, Ливии и Тунису за 1965—1970 гг.

Азия	1960—1965 гг.	1965—1971 гг.
Бирма	3,8	7,7
Индия	10,5	3,8
Индонезия	0,1	6,4
Иордания	2,0	8,5
Ирак	2,9	5,2
Иран	11,5	8,4
Кувейт	4,3	16,5
Малайзия	5,6	7,2
Пакистан	8,7	9,9
Сингапур	3,5	10,0
Таиланд	7,4	9,2
Филиппины	4,9	7,1
Шри Ланка	3,0	15,3
Северная Африка		
Алжир	3,12	6,1
Ливия	8,7	7,4
Марокко	4,8	9,1
Тунис	6,0	7,2

Начало 70-х годов ознаменовалось дальнейшим усилением неравномерности роста производства в обрабатывающей промышленности, по отдельным странам в особенности. В целом объем продукции отрасли по всем развивающимся странам возрос за 1970—1976 гг. на 54%, причем в Азии — на 57%. Если же взять отдельные страны Азии и Северной Африки, то в Индии объем производства в отрасли, последовательно возрастая в течение всего периода, увеличился на 29%, в Пакистане — на 20% (1970—1975 гг.), тогда как, например, на Филиппинах — на 41%, в Тунисе — на 42, в Марокко — на 43, а в Малайзии — на 98%⁶.

В этой неравномерности сложно переплетаются экономические, социально-экономические и даже политические причины: цикличность экономического развития капиталистических держав, усиление инфляционных процессов; различия в направлении социального развития, неоднородность уровня и структуры промышленной диверсификации самих многоукладных стран; неодинаковая зависимость от внешних рынков сбыта и изменений на них; неурожай в сельском хозяйстве ряда стран, сократившие как внутренний рынок сбыта, так и источники сырья.

В значительной степени дифференциация развивающихся стран с точки зрения динамики промышленного производства явилась следствием энергетического кризиса, разразившегося в мировом капиталистическом хозяйстве в самом начале 70-х годов и продолжающегося и ныне. Поскольку материальную базу индустриализации практически всех без исключения мно-

⁶ «Monthly Bulletin of Statistics». UN. 1978, vol. 32, № 2, February, с. XVIII, XXII, 24, 26, 28.

гоукладных стран образует импорт техники и технологии, колоссальное увеличение платежей в результате повышения цен на нефть и роста ее потребления развивающимися странами — импортерами нефти означало сокращение потенциальных закупок на внешнем рынке «факторов промышленного роста», а значит, и частичное свертывание промышленных программ. По оценкам, дефицит платежного баланса нефтеимпортирующих развивающихся стран составлял в 1972 и 1973 гг. примерно 13—14 млрд. долл., а в 1974 г. уже превысил 15 млрд. долл.

Среди многоукладных государств Азии платежи за нефть особенно резко возросли у таких более развитых в промышленном отношении стран, как Индия (с 255 млн. долл. в 1972 г. до 1350 млн. в 1974 г.), Пакистан (с 65 млн. до 265 млн.), Филиппины (со 185 млн. до 714 млн. долл.), Таиланд (со 125 млн. до 510 млн. долл.)⁷. Крайне неблагоприятно рост цен на нефть отразился на развитии промышленности Бангладеш и Шри Ланки.

Вместе с тем значительные накопления денежного капитала в инвалюте обеспечили возможность резкого повышения темпов промышленного роста некоторых нефтедобывающих стран. Так, например, используя постоянно увеличивающиеся доходы от продажи своей нефти, перешли к реализации крупномасштабных проектов по созданию новых отраслей и производств Алжир, Ирак и Ливия. Широкое промышленное строительство было начато и в ряде других нефтедобывающих стран.

Таким образом, мировой энергетический кризис самым непосредственным путем, и притом неоднозначно, сказался на индустриальном росте многоукладных стран.

Объективный результат неравномерного движения производства заключается в развитии процесса своеобразной территориальной концентрации, в сосредоточении все большей части обрабатывающей промышленности в относительно небольшой группе многоукладных стран. Доля этой лидирующей группы, состоящей всего из 16 стран, в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности развивающихся стран растет особенно быстро. Так, в 1970 г. она составляла 78,7%, а через год увеличилась до 82,7% (табл. 2). На четыре страны из лидирующей группы — Индию, Индонезию, Иран, Пакистан — в 1970 г. приходилось 57,1% всего объема продукции отрасли всех многоукладных стран Азии, причем самой значительной была доля Индии — 36,7%⁸.

Однако даже у «лидеров» развитие промышленности не привело к кардинальному изменению народнохозяйственных пропорций. Преобладающая часть валового внутреннего продукта

⁷ «Industrial Development Survey». Special Issue, с. 29, 142.

⁸ «Industrial Development Survey». Vol. 5, с. 10.

Таблица 2

Доля регионов и отдельных развивающихся стран
в производстве продукции
обрабатывающей промышленности*,
%

Регион, страна	1960 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.
Латинская Америка	53,9	54,7	54,5	54,6
Азия	39,4	37,9	37,3	37,3
Африка	6,7	7,4	8,2	8,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
Индия	15,7	15,2	16,2	15,8
Бразилия	14,0	14,7	15,2	—
Аргентина	12,9	12,0	12,5	12,3
Мексика	8,8	10,7	11,3	11,3
Индонезия	4,4	2,9	3,2	—
Чили	3,5	2,8	2,9	2,8
Иран	2,8	2,5	2,2	2,4
Колумбия	2,8	2,8	3,1	—
Венесуэла	2,8	3,3	3,5	3,3
Пакистан	2,6	3,0	3,5	3,3
Филиппины	2,4	2,1	2,3	2,2
Египет	1,8	2,5	2,5	—
Перу	1,4	1,6	1,6	—
Таиланд	0,9	1,0	1,1	—
Марокко	0,9	0,9	0,9	—
Бирма	0,8	0,7	0,7	—
Всего	78,5	78,7	82,7	—

* «Industrial Development Survey». Special Issue, с. 11.

создается в сельском хозяйстве. На долю обрабатывающего сектора, например, в Индии в 1969 г. приходилось лишь 13%, в Индонезии в 1970 г. — всего 9%. Из многоукладных стран Востока только Иран имел на пороге 70-х годов несравненно более высокую долю обрабатывающего сектора в ВВП — 28% — и приблизился к уровню промышленного развития, определяемому, согласно классификации экспертов ООН, как индустриальный⁹.

Соотношение обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в валовом продукте по странам Азии в целом существенно хуже, чем в других районах мира, не считая Африки. Согласно сопоставимым данным, в 1970 г. в странах Латинской Америки доля обрабатывающей промышленности составила

⁹ «Industrial Development Survey». Special Issue, с. 15.

24,0% и сельского хозяйства — 15,2%, тогда как в странах Азии (без Среднего Востока) — равнялась соответственно 15,2 и 39,8%. В развитых капиталистических государствах удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП к началу 70-х годов достиг 32,7%, а доля сельского хозяйства снизилась до 5,1%¹⁰.

Одна из важнейших объективных сторон начального этапа индустриализации многоукладных стран Востока заключается в том, что темпы экономического роста в огромной степени зависят от движения производства в сельском хозяйстве — сфере, которая подвержена влиянию множества случайных факторов, погодных условий в частности. Но в тех странах, где сложилась хотя бы минимальная фабричная промышленная база, рост ее становится все более значимым стимулом перемен во всем народном хозяйстве.

Внутри самой промышленности многоукладных стран при всех пространственных и временных зигзагах опережающими темпами тем не менее развивается производство средств производства. Согласно сводным данным по тяжелой и легкой промышленности (в основном совпадают с I и II подразделениями), темпы роста этих отраслей в 1955—1970 гг. равнялись соответственно 8,8 и 5,2%¹¹. Однако исходная база тяжелой промышленности была гораздо слабее и уже, чем легкой: в начале 60-х годов на это подразделение во всей группе развивающихся стран приходилось от 20 до 40% промышленной продукции (в индустриально развитых государствах — 50—67%)¹². Крайне незначительную долю составляла продукция машиностроения: по сути, отрасль находилась в зачаточном состоянии. Машиностроительные заводы, как и предприятия черной металлургии, химической промышленности, энергетики, были сосредоточены в наиболее крупных странах (Индии, Бразилии, Аргентине, Мексике и Индонезии), на которые приходилось больше половины всей промышленной продукции развивающихся стран в целом.

В странах Азии средний темп роста тяжелой промышленности в 1955—1970 гг. был самым высоким в развивающихся регионах — на уровне 10,1%. При этом по годам отмечались весьма значительные перепады¹³.

В технико-экономическом отношении одной из основных трудностей в развитии отрасли явилась узость внутреннего рынка сбыта для ряда изделий, что привело к существенной недогрузке производственных мощностей (табл. 3). Последнее представляет собой хроническое явление в большинстве много-

¹⁰ Там же, с. 219.

¹¹ «Industrial Development Survey». Vol. 5, с. 118.

¹² General Issues of Industrial Policy, с. 12.

¹³ «Industrial Development Survey». Vol. 5, с. 127.

Таблица 3
Использование производственных мощностей
в некоторых отраслях промышленности стран Азии в 1970 г.%,
%

Отрасль	Индонезия	Малайзия	Сингапур	Таиланд	Филиппины	Шри-Ланка
Производство азотных удобрений	45,6	93,5	—	43,5	47,9	—
фосфорных удобрений	—	—	—	—	23,7	—
цемента	82,5	75,7	80,7	92,4	49,3	64,4
фанеры	66,0	83,8	68,8	68,8	47,7	87,5
бумаги газетной	75,0	100	76,9	100	100	75,0
кабеля и электропровода	—	—	85,0	55,0	45,0	66,7

* «Asian Industrial Development», UN. N.Y., 1974, № 11, с. 15.

укладных стран, где существует более или менее развитая фабричная промышленность.

Узость внутреннего рынка в странах Азии усугубляется неразвитостью экономического сотрудничества на региональной основе. Интеграционные процессы здесь не получили столь заметного развития, как в Латинской Америке и даже Африке. Создавая в соответствии с требованиями мировой научно-технической революции крупные промышленные комплексы, такие страны, как Индия, Пакистан, Иран, в рамках национальных рынков не могут обеспечить их эффективную эксплуатацию. Экономическое сотрудничество на региональной основе остается потенциально перспективным направлением в разрешении проблемы рынка для действующих предприятий и необходимым условием для дальнейшего расширения крупного промышленного строительства.

Тормозящее воздействие на развитие промышленности оказывает и нехватка капиталов, иностранной валюты, технического опыта и квалифицированной рабочей силы. Но, конечно, это только некоторые негативные экономические факторы, обусловившие перепады в темпах роста производства в отрасли и диспропорции в движении технологически связанных между собой отраслевых групп в ходе специфического воспроизводства в многоукладных странах.

Повышение в 60-х годах удельного веса тяжелой промышленности в индустриальной продукции стран азиатского региона с 31,6 до 39,4% можно считать значительным, однако не следует забывать при этом об ограниченной в целом базе промышленного роста. Все развивающиеся страны производили в 1970 г. только 6,7% мировой промышленной продукции, при-

чем на страны Азии приходилось менее половины этой доли — 2,7%¹⁴.

Структура промышленности азиатских стран отражает фактически начальную стадию промышленного переворота, его незавершенность. Продукция различных отраслей легкой промышленности составила в 1970 г. свыше 60% всей индустриальной продукции. В них была сосредоточена и большая часть рабочей силы — 72,3% в 1969 г. Несмотря на неуклонное снижение удельного веса пищевой (включая производство напитков и табачных изделий) и текстильной промышленности, их позиции остаются преобладающими, на эти две отрасли приходится 40,7% общего объема промышленной продукции и 41,2% всех работающих в промышленности¹⁵.

Незавершенность промышленного переворота в странах Азии приобретает подчеркнутое выражение при характеристике отдельных базисных отраслей — машиностроения и металлообработки, черной металлургии, химической промышленности, электроэнергетики. Машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность — база технического перевооружения всей промышленности и народного хозяйства в целом — крайне неразвита в странах азиатского региона. Несмотря на то что в 1955—1970 гг. в этой отрасли был отмечен наиболее высокий средний темп роста — 12,1%, удельный вес продукции металлообработки и машиностроения в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности достиг к началу 70-х годов лишь 14,8%¹⁶. Местное машиностроение (и металлообработка) представлено в основном ремонтом машин и оборудования, изготовлением предметов домашнего обихода, сборкой отдельных видов энергетического оборудования и машин, производством металлических контейнеров и простейшего инструмента. Только в таких вырвавшихся вперед азиатских странах, как Индия, существует развитое машиностроение, дифференцирующееся на станкостроение, приборостроение и радиоэлектронику, производство электрооборудования и др.

По количеству занятых машиностроение ровно вдвое уступает текстильной промышленности: доля первой отрасли в общей занятости в сфере промышленности равнялась в 1969 г. 12,3%, тогда как второй — 24,6%¹⁷.

Вся машиностроительная промышленность такой крупной страны Азии, как Пакистан, на начало 70-х годов насчитывала 1700 предприятий, причем на 800 из них было занято менее чем по 10 человек. Общий парк оборудования составлял всего 21 тыс. станков разных типов. Как следствие неразвитости машиностроения и металлообработки собственно производство

¹⁴ «Industrial Development Survey», Vol. 5, с. 127, 5, 8.

¹⁵ Там же, с. 127.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

средств производства остается в стране на весьма низком уровне. Предприятия отрасли изготовили в 1972/73 г. лишь 334 токарных, фрезерных и сверлильных станка, и, хотя производственные мощности использовались далеко не полностью, слабость ведущего звена в расширении промышленного производства очевидна¹⁸.

По существу, в стадии становления находится машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность Таиланда, Малайзии, Филиппин. Об этом свидетельствует, в частности, состояние одной из основных ее подотраслей, которая определяет объем производства в отрасли в целом. Годовое производство литья в Малайзии в 1974 г. не превышало 15 тыс. т, в литейных мастерских было занято 3 тыс. рабочих. В Таиланде в начале 70-х годов имелось 300 литейных мастерских, однако их мощность составляла всего 20 тыс. т литья в год¹⁹.

Общая для всех освободившихся стран трудность в развитии машиностроения состоит в отсутствии технического опыта, в слабости научно-технического обеспечения производства. Индия, создав наиболее крупную в многоукладных странах производственную базу в станкостроении, продолжает зависеть от импорта научно-технических знаний. На 1974 г. индийские государственные и частные организации заключили примерно 156 соглашений о техническом сотрудничестве с партнерами из 15 стран, причем соглашения касались всех видов станков и вспомогательного оборудования²⁰. Становление новых и новейших отраслей машиностроения в развивающихся странах объективно невозможно без импорта техники и технологии, будь то в форме готовых продуктов — машин и оборудования либо в форме научно-технических знаний — патентов, лицензий, технологических описаний или в их комбинации. Данное положение распространяется и на другие отрасли промышленности и в этом смысле является общей закономерностью в процессе индустриализации многоукладных стран в эпоху мировой научно-технической революции.

Неразвитость машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности в странах Востока подчеркивается и тем обстоятельством, что отрасль потребляет лишь незначительную часть продукции черной металлургии, хотя объем производства стали в этих странах относительно невелик. Производственные мощности черной металлургии в развивающихся странах Азии в 1969 г. равнялись всего 10,6 млн. т, из них 9 млн. приходилось на Индию²¹. По сути, рост выплавки стали в одной этой стране в основном определяет изменение показателей производства по всему региону.

¹⁸ Machine Tools in Asia and the Pacific. UNIDO. N.Y., 1975, с. 26—27.

¹⁹ Там же, с. 25, 30.

²⁰ Там же, с. 24.

²¹ Industrial Development of Asia and the Far East. UN. N.Y., 1971, с. 13.

Доля черной металлургии в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности азиатских стран остается незначительной, несмотря на относительно высокие показатели динамики производства. Если средний темп роста производства в обрабатывающей промышленности в целом за 1955—1970 гг. равнялся 7,4%, то в черной металлургии — 11,4%. Однако удельный вес продукции отрасли вырос всего на 1,4%, поднявшись с 2,8 до 4,2%²². Рентабельное, эффективное функционирование современных, оптимальных по размеру производства металлургических комбинатов предполагает помимо наличия крупных капиталов и высококвалифицированной рабочей силы достаточно значительный спрос со стороны других отраслей промышленности. Пока главным потребителем чугуна, стали, проката в азиатских странах является строительство. Поэтому спрос на конструкционные материалы малодиверсифицирован. Подотрасли черной металлургии развиваются неравномерно, что создает внутренние диспропорции.

Наращивание производственных мощностей в черной металлургии, как и в ряде других отраслей промышленности, в решающей мере зависит от объема импорта капитального оборудования. Собственного производства оборудования для металлургических комбинатов в развивающихся странах Востока до сих пор нет. Среди них практически лишь Индия осваивает выпуск некоторых видов специальных машин и оборудования. По самым оптимистическим прогнозам, все развивающиеся страны вместе будут производить к 1985 г. примерно 60 млн. т стали, для чего необходимы суммарные капиталовложения в размере 25 млрд. долл., из них не менее $\frac{2}{3}$ в инвалюте²³.

Перспективное направление для общего подъема экономики многоукладных стран — развитие группы отраслей химической промышленности (включая нефтехимию, производство пластмасс и др.), тесно связанной с разработкой природных ресурсов. Широкий и изменяющийся круг выпускаемых изделий рассчитан на удовлетворение потребностей всех основных отраслей производства (включая сельское хозяйство).

Однако по среднему темпу роста химическая промышленность существенно отстает от других отраслей тяжелой промышленности и всего подразделения в целом: в 1955—1970 гг. темп роста химической промышленности в Азии равнялся 7,8%. В результате ее доля за этот период не изменилась — осталась на уровне 14—15%²⁴. Рост производства сдерживают нехватка электроэнергии, недостаток квалифицированных кадров, трудности транспортировки продукции и в значительной мере сама сложность технологии производства. В странах Ближнего Востока, где добывается огромное количество сырой неф-

²² «Industrial Development Survey». Vol. 5, с. 122.

²³ The Iron and Steel Industry in the Developing Countries. N.Y., 1974, с. 8.

²⁴ «Industrial Development Survey». Vol. 5, с. 127.

ти, конверсия нефтехимических продуктов из минерального сырья, по существу, не развита, если не считать производства удобрений. Большая часть природного газа, например, попросту сжигается.

Значительные темпы роста обнаруживает энергетика, составляющая одну из важнейших основ для развития всей промышленности и вообще народного хозяйства. Так, в 1955—1966 гг. производство электроэнергии в развивающихся странах региона ЭСКАТО (тогда ЭКАДВ) ежегодно увеличивалось в среднем на 12,4%. При этом абсолютно оно поднялось с 24 млрд. до 77 млрд. кВт·ч (в трех промышленно развитых капиталистических странах региона — Японии, Австралии и Новой Зеландии — оно увеличилось тогда с 92 млрд. до 264 млрд. кВт·ч)²⁵. Если взять расчеты по всем многоукладным странам, относящиеся к 1960—1971 гг., то окажется, что ежегодный темп роста потребления электроэнергии в них был выше общемирового, составляя 6,9% против 5,4%, но доля в общемировом потреблении равнялась лишь 9%²⁶.

По приблизительным подсчетам, развивающиеся страны на основе внутреннего производства удовлетворяют лишь 20—30% спроса на средства производства, от 40 до 50% — на полуфабрикаты и примерно $\frac{2}{3}$ — на потребительские товары²⁷. Зависимость от импорта промышленных изделий, таким образом, весьма значительна. Уменьшается ли она?

Довольно широко распространено представление, будто с ростом местной промышленности нужда в ввозе иностранных промышленных изделий сокращается. Следует тут же заметить: практика всех стран в новое и новейшее время обнаруживает прямо противоположные тенденции. Стремление к «индустриальной автаркии», наблюдавшееся в отдельных странах, было весьма относительным, хронологически недолговечным и вызывалось особыми причинами.

Индекс импорта промышленных товаров во всем мире с 1960 по 1967 г. поднялся до 187, причем доля промышленных товаров в общем импорте возросла с 55 до 61%. В основных группах стран прослеживаются те же явления: в социалистических государствах соответствующий индекс повысился до 174, а доля — с 59 до 66%; в капиталистических государствах индекс увеличился до 214, а доля — с 50 до 59%; в многоукладных странах индекс возрос до 152, а доля — с 64 до 67%²⁸. Объем импорта стран Азии в 1965 г. равнялся почти 11 млрд. долл., а в 1971 г. превысил 18,6 млрд. долл., т. е. за шесть лет увеличился на 70%²⁹.

²⁵ Electric Power in Asia and the Far East, 1966. UN. N.Y., 1968. с. 4.

²⁶ «Industrial Development Survey», Special Issue, с. 139.

²⁷ General Issues of Industrial Policy, с. 12.

²⁸ «Industrial Development Survey», Vol. 2, с. 47.

²⁹ «Industrial Development Survey», Special Issue, с. 42.

Для многоукладных стран задачи индустриального развития не сводятся только к налаживанию производства ранее ввозимых предметов на месте. То, что на первом этапе строятся именно предприятия, продукция которых может заменить иностранные товары, вполне объяснимо. Местный рынок для некоторых фабричных товаров (прежде всего потребительских) создавала капиталистическая промышленность заморских держав, используя экономические, политические и военные рычаги колониального порабощения. С достижением страной политической независимости возникает естественная потребность удовлетворять спрос внутреннего рынка изделиями отечественного производства.

В отношении определенных промышленных товаров отчетливо наблюдается процесс реализации указанной потребности; стремление заменить их ввоз отечественным производством действительно претворяется в жизнь. При этом обнаруживается тенденция не столько к абсолютному, сколько к относительному уменьшению поступлений данных товаров из-за рубежа.

Иначе говоря, потребность в вытеснении импортных изделий местными есть лишь частичное проявление гораздо большей потребности во всестороннем развитии производительных сил, в достижении экономической самостоятельности. А материально-техническая база экономической самостоятельности не может не быть динамичной, требования к ней неизбежно меняются.

Отметим в этой связи два важных фактора или условия достижения экономической самостоятельности. Первый фактор: модернизация существующих и создание новых отраслей, необходимых для расширенного воспроизводства на национальной основе. Второй фактор (следствие первого): в целом примерно среднемировая производительность национального труда при превышении этого уровня в тех отраслях народного хозяйства, которые особенно связаны с международным разделением труда и персонифицируют выход данной экономики на мировые рынки. Речь, таким образом, идет о реально равноправном вхождении хозяйственно высокоразвитых экономических единиц (стран) в мировое хозяйство на взаимовыгодных и многообразных (динамических) условиях. Тут нет ни абсолютной зависимости, ни примитивной автаркии.

Продвижение к указанным структуре и уровню развития производительных сил, которые мы называем экономической самостоятельностью, объективно требует возникновения особого переходного состояния во внешнехозяйственных связях и особого переходного положения в сфере накопления. Эти процессы находят частное выражение во внешней торговле развивающихся стран.

В импортной торговле продолжает сказываться тенденция к преимущественному ввозу промышленных средств реконструк-

ции и модернизации экономики. Так, в 1970 г. закупки промышленного и транспортного оборудования составили 33,5% общего импорта развивающихся стран, химических продуктов — 9%, на другие промышленные товары, в основном легкой промышленности, и продукцию сельского хозяйства приходилось соответственно 26,4 и 31,1%³⁰.

Велика хозяйственная зависимость восточных стран и от внешних рынков сбыта. В этой зависимости причудливо переплетаются последствия труднопреодолеваемой колониальной специализации и элементы новых внешнеэкономических связей. У отдельных государств количественные показатели неодинаковы. Вот некоторые примеры наивысшего процентного отношения величины экспорта к валовому национальному продукту на 1966 г.: Сингапур — 119,9, Саудовская Аравия — 108,5 (обе страны включая реэкспорт), Ливия — 65,3, Кувейт — 58,4, Малайзия — 46,6, Ирак — 41,8, Алжир — 25,1³¹.

Сложность внешнеэкономического положения развивающихся государств имеет несколько аспектов. Один из главных состоит в следующем: в то время как потребность во внешнеэкономических связях возрастает, суммарная доля (и поэтому в какой-то мере и значение) развивающихся стран в мировой торговле промышленными изделиями снижается. В 1965—1971 гг. доля промышленных товаров, экспортированных развитыми капиталистическими странами в многоукладные, упала с 23,2 до 19,2%, тогда как доля этих товаров, вывезенных одними капиталистическими государствами в другие, поднялась с 72,7 до 76%, а в социалистические страны — с 3,6 до 4%. Удельный вес многоукладных государств в экспорте промышленных товаров из этих же государств (т. е. их взаимная торговля) до 1965 г. колебался на уровне 29,7%, но в 1971 г. упал до 27,6%. Зато оставалась огромной доля капиталистических стран, она даже несколько возросла — с 66,2 до 66,5%. Удельный вес социалистических стран увеличился с 3,8% в 1965 г. до 5,3% в 1971 г. Во внешней торговле социалистических государств доля многоукладных стран как импортеров промышленных изделий в 1971 г. составила 14,6%, в том числе азиатских стран — 8,4%³².

Относительное падение значимости многоукладных государств на мировом рынке промышленных изделий связано с тем, что нынешний процесс индустриального роста в этих государствах сильно отстает от прогресса промышленности в экономически развитых государствах. Бурная диверсификация современной индустрии порождает все новые широкие комплексы взаимосвязей внутри ее самой. Чтобы плодотворно включиться в этот процесс возрастания общественного разделения труда и

³⁰ «Industrial Development Survey». Vol. 5, с. 56.

³¹ Development of Industrial Exports. N.Y., 1970, с. 59.

³² «Industrial Development Survey». Special Issue, с. 38—39.

тем самым воспользоваться плодами роста производительности труда, нынешним многоукладным странам требуется достигнуть, хотя бы на малой «хозяйственной площадке», современного индустриального уровня, того, что в этих странах иногда называют «саморазвивающейся экономикой».

Государственный монополистический капитализм западных стран ставит серьезные препоны на пути быстрого и наименее болезненного достижения многоукладными государствами данной цели. Объективные законы социалистического мира действуют в прямо противоположном направлении, и их влияние будет все возрастать.

Связи по линии промышленности между самими многоукладными странами становятся внешне все парадоксальнее. При прохождении в одиночку начальных этапов индустриализации эти страны, как правило, создают такие отрасли, преимущественно легкой промышленности, которые не дополняют друг друга, а нередко конкурируют между собой. Это не случайно, ибо в свое время колонизаторы превращали поработанные страны в более или менее однотипные рынки сбыта определенных промышленных товаров метрополии. Но удивительно, что ответная реакция большинства освободившихся стран также стала хозяйственно однотипной.

Конечно, подобное положение никак не способствует промышленному сближению многоукладных государств и дробит и ослабляет их ряды перед западными монополиями. В этой связи большую роль приобретают поиски путей совместных, планируемых, взаимодополняющих действий для стимулирования промышленного роста, лежащих в основе идей регионального и иного сотрудничества. Реализация таких прогрессивных идей в ощутимом объеме — дело экономически трудное и, разумеется, не быстрое.

Узость внутреннего рынка, особенно для крупного производства, острейшая потребность в иностранной валюте заставляют многоукладные страны всемерно форсировать экспорт промышленных товаров. У этих стран соотношение индекса роста вывоза промышленных товаров и индекса роста их производства показывает резкое опережение первым второго. При 1960 г. = 100 эти индексы составили в 1967 г. соответственно 212 и 153 (у капиталистических стран — 189 и 148, у социалистических — 185 и 178)³³. Для многоукладных стран подобный опережающий рост — отражение одной из трудностей того переходного периода, о котором упоминалось выше. Это показатель не индустриальной развитости их, а сложностей начальных шагов в создании и расширении собственной промышленности.

Зависимость многоукладных стран от зарубежных (пока преимущественно капиталистических) рынков сбыта при осу-

³³ «Industrial Development Survey». Vol. 2, с. 56.

ществлении расширенного воспроизводства в промышленности не только высока, но и имеет тенденцию повышаться. Подобный путь наращивания промышленной «мускулатуры» во многом неизбежен, особенно при определенной социально-экономической ориентации развития. Но при неустойчивости западной капиталистической экономики такая высокая зависимость от внешних рынков таит в себе грозную опасность больших экономических потрясений (подобных нынешним энергетическому кризису и валютно-инфляционным бурям и т. д.).

Отсюда, в частности, у развивающихся государств увеличивается потребность в устойчивых внешнеэкономических связях, в надежных рынках сбыта. В такой обстановке нетрудно предвидеть дальнейшее сближение развивающихся и социалистических государств и возрастание хозяйственных контактов между ними.

Несмотря на значительный рост вывоза промышленных товаров из многоукладных стран, доля их в общемировом экспорте этих изделий не увеличивалась и в 1960—1971 гг. составляла 5,5—6% (табл. 4).

Таблица 4

Экспорт готовых изделий и полуфабрикатов из многоукладных стран*

Год	Абсолютный объем, млн. долл.	Доля в мировом экспорте этих товаров, %	Доля этих товаров во всем экспорте, %
1960	3 840	5,5	14,1
1965	6 395	5,8	17,5
1970	12 120	6,0	22,9
1971	12 400	5,5	20,9

* «Industrial Development Survey», Vol. 4, 1972, с. 34; «Industrial Development Survey», Special Issue, с. 36, 38.

Для развивающихся государств Азии характерна особая зависимость от внешних рынков сбыта промышленной продукции. За 1960—1966 гг. промышленный экспорт возрос на 13%, и в 1967 г. его доля составляла 25% в общем их вывозе. На эти страны приходится примерно 33—34% промышленной продукции всех развивающихся стран, но до 54—55% промышленного экспорта³⁴. Перед нами не только косвенное свидетельство создания новых крупных предприятий, но и доказательство значительной узости внутренних рынков сбыта и большой заинтересованности в валютной выручке.

³⁴ Там же, с. 45.

Наиболее концентрированный показатель уровня развития производительных сил и общего экономического состояния той или иной страны — производительность национального труда. По имеющимся подсчетам, базирующимся на данных 1969 г., производительность труда одного работника, занятого в обрабатывающей промышленности многоукладной страны, составляет $\frac{1}{6}$ производительности в этом секторе народного хозяйства развитых капиталистических государств. Выработка на одного занятого в отрасли из расчета добавленной стоимости в экономически развитых капиталистических государствах равнялась 5759 долл. (в долл. США 1963 г.), тогда как в развивающихся странах — 895 долл.³⁵ Это — примерное количественное выражение средней меры отставания развивающихся государств от развитых капиталистических по самой передовой отрасли экономики.

Перед нами свидетельство гораздо более низкого органического строения капитала (насколько это понятие применимо к многоукладной экономике), большего удельного веса трудоемких производств, наличия в каждом слое многоукладной промышленности своей средней производительности труда.

Многоукладная Азия, производя немногим более 2% мировой промышленной продукции, далеко отстает по средней производительности индустриального труда от Латинской Америки (табл. 5). Если выработка на одного занятого в обрабатывающей промышленности стран Латинской Америки в 1969 г. составляла более 2200 долл., или $\frac{2}{5}$ уровня выработки в развитых капиталистических государствах, то в Азии она равнялась только 500 долл., или менее $\frac{1}{11}$ выработки в развитых капиталистических государствах. Основные отрасли промышленности многоукладных стран Азии по производительности труда также находятся позади соответствующих отраслей Латинской Америки.

Что касается динамики производительности труда, то она характеризуется довольно скромным общим среднегодовым ростом. Так, в 1960—1966 гг. по развивающимся странам в целом этот рост составлял приблизительно 2%, по Азии был несколько выше — 3%³⁶. Естественно, что изменение выпуска продукции на одного занятого в различных странах и отраслях промышленности сильно колебалось; в некоторых странах и отраслях произошло даже снижение.

Сдвиги в производительности труда в промышленности есть итог сложного взаимодействия многих факторов, например перемен в промышленной структуре, в количестве проработанных человеко-дней, в степени использования оборудования, в численности рабочей силы. Остановимся на роли последнего фак-

³⁵ «Industrial Development Survey», Vol. 5, с. 121.

³⁶ «Industrial Development Survey», Vol. 2, с. 70.

Таблица 5

Уровень производительности труда в обрабатывающей промышленности развивающихся стран Азии и Латинской Америки*

Отрасль	Добавленная стоимость на одного занятого, долл. США 1963 г.					
	Азия			Латинская Америка		
	1955 г.	1960 г.	1969 г.	1955 г.	1960 г.	1969 г.
Вся обрабатывающая промышленность	306	364	500	1358	1598	2219
Легкая	286	324	424	1256	1371	1669
Тяжелая	436	498	694	1558	2013	3237
Пищевая, производство напитков, табачная	488	532	710	2023	1931	2187
Текстильная	223	247	343	1071	1242	1754
Швейная	188	202	280	729	777	841
Деревообрабатывающая	138	147	248	555	690	866
Бумажная	435	569	862	1331	1664	2496
Химическая	1169	1429	1692	2530	3175	3545
Производство строительных материалов	186	225	338	1252	1409	1920
Металлургия	892	1069	1450	2378	2772	4265
Машиностроение и металлообработка	326	385	593	1054	1563	2590

* «Industrial Development Survey», Vol. 5, с. 128.

тора несколько подробнее, ибо с ним связано решение еще одной важнейшей проблемы — проблемы занятости.

Удельный вес людей, занятых во всех сферах промышленного производства, по отношению ко всему самодеятельному населению в 60-е годы в сравнении с 50-ми практически не изменился. В разных развивающихся странах он колебался от 10 до 20%³⁷. В результате острота проблемы занятости и связанных с ней проблем не уменьшилась. Рабочая сила росла (табл. 6), и возрастала потребность в обеспечении работой все новых и новых людей.

Увеличение занятости в промышленности развивающихся стран протекало неодинаково. Впереди шел азиатский регион, давший в 1960—1969 гг. 5% среднегодового прироста. Наивысший прирост приходился на начало 60-х годов (1961 г.—5%, 1962 г.—4, 1963 г.—7, 1964 г.—5%), затем произошло резкое сокращение его³⁸. Относительно высокое втягивание новых работников в промышленность в это время является определенным свидетельством значительного роста нефабричных видов

³⁷ Там же, с. 58.

³⁸ Financial Resources for Development Economic Growth and Development Financing: Issues, Policies and Proposals. Santiago, 1972, с. 62.

Таблица 6

Происшедший и предполагаемый средний прирост рабочей силы за год*, %

Регион или субрегион	1950—1960 гг.	1960—1965 гг.	1965—1970 гг.	1970—1980 гг.
Латинская Америка	2,4	2,5	2,6	2,8
Азия (без КНР и Японии)	1,5	1,8	1,9	2,2
Восточная Азия	1,4	2,7	2,8	3,1
Южная Азия	1,3	1,6	1,7	2,0
Юго-Восточная Азия	1,9	1,9	2,0	2,5
Юго-Западная Азия	1,5	2,7	2,7	2,7
Африка (без ЮАР)	1,4	1,9	2,0	2,1
Северная Африка	0,5	2,3	2,4	2,6

* «Industrial Development Survey», Vol. 2, с. 60.

промышленной деятельности, т. е. мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в данной области народного хозяйства.

Снижение промышленной активности в середине 60-х годов было настолько значительным, что индекс роста занятости в отрасли опустился ниже индекса общего роста рабочей силы. В результате промышленность оказалась неспособной не только уменьшить, но и сдержать рост общей безработицы.

Известно, что зачатки современной фабричной промышленности в странах Востока появились как метод создания аграрно-сырьевой специализации и как средство достижения и закрепления последней. Поэтому определенное и ограниченное промышленное развитие нельзя противопоставлять общему аграрному характеру народного хозяйства, общей механике экономического колониализма. Различие целей и методов колониальной эксплуатации лишь на определенном этапе вызывает, в частности в сфере промышленного производства, появление непримиримых внутренних противоречий. Последние явственно проступают с возникновением и развитием всех форм национального промышленного предпринимательства.

В течение продолжительного времени эволюция промышленности имела очень отдаленное отношение к процессам индустриализации. Создание предприятий фабричного производства вовсе не свидетельствовало о деколонизации поработанных стран, как утверждали в 20—30-е годы апологеты империализма и социал-реформизма. Напротив, промышленное развитие, как правило очень ограниченное, повышало прибыли колонизаторов и одновременно делало еще более настоятельной необходимостью их политического изгнания для создания государственных предпосылок подлинной экономической деколонизации.

Развитие фабрично-заводской промышленности в многоукладных странах — проявление эволюции или роста по крайней мере трех укладов: иностранного капиталистического (в основном монополистического), местного развитого частнопредпринимательского и государственно-капиталистического. Конечно, в каждом укладе социальная значимость развития фабричной промышленности иная, а иногда и принципиально отличная. Важно отметить также, что социальная, укладная форма отнюдь не нейтральна к технико-экономической характеристике структуры фабричного производства, развивающегося в ее недрах. Укладная форма активно влияет на структуру, направление и темп роста производительных сил.

С достижением независимости становление промышленности на национальной основе повсеместно ускоряется. Это демонстрирует объективную тягу к диверсификации народного хозяйства, стремление хоть к какому-то его сбалансированию. Однако и сейчас промышленное развитие и индустриализация — далеко не однозначные понятия. Только на достаточно высоком уровне промышленного развития начинается его перерастание в индустриализацию. Среди развивающихся стран Востока стадии индустриализации, на наш взгляд, достигла лишь небольшая группа государств вроде Индии, Турции, Египта, Пакистана, Ирана, которые либо уже превратились в аграрно-индустриальные страны, либо близки к этому уровню.

Становление фабричной промышленности в отдельных государствах хронологически происходило крайне неравномерно. На территории первых трех упомянутых стран механизированное изготовление промышленных товаров возникло сто с лишним лет назад. Конечно, протяженная прединдустриальная стадия промышленного роста создает ряд предпосылок для вступления в стадию индустриальную. Однако практика 60-х — начала 70-х годов показывает, что очень длительный «подготовительный» период не есть нечто обязательное для начальных шагов индустриализации в многоукладном обществе, хотя определенный период подготовки нужен.

Ускорение промышленного производства и значительная диверсификация его в конце 60-х годов в Таиланде, Малайзии, на Филиппинах указывают на подход к индустриализации новых восточных стран. Это одно из проявлений неравномерности экономической эволюции многоукладных государств: к «признанным лидерам» быстро подтягиваются новые страны.

И все же основная масса многоукладных восточных стран еще далека от индустриальной перестройки народного хозяйства. Для многих государств трудноразрешимой проблемой остается элементарная диверсификация промышленного производства. Но даже начавшаяся в некоторых многоукладных государствах индустриализация, на наш взгляд, не определяет все процессы изменений в промышленности. В течение длительного

времени в этих странах сосуществуют (взаимодействуют) доиндустриальные виды промышленности с индустриальными. Многослойность промышленного развития не исчезает, а на какой-то срок даже увеличивается.

Становление фабричной промышленности выражает наиболее разительные и глубокие изменения в состоянии и эволюции производительных сил. Но этот же процесс неизбежно порождает принципиальные перемены в производственных отношениях. Действительно, возникает кардинальный вопрос: в каких укладах возможно наиболее быстрое и всестороннее развитие фабричной промышленности? Ответ несет социальную, классовую нагрузку. История азиатских стран уже показала, какой ограниченный и антинациональный аспект имеет создание очагов фабричного производства в пределах иностранного монополистического уклада. Местный крупный капитал также все больше обнаруживает неспособность справиться со сложностями индустриализации. Не удивительно, что в развитии современной промышленности везде, и особенно в странах социалистической ориентации, возрастает роль государственного сектора. В этом наглядно проявляется историческая ограниченность капиталистических методов индустриализации, невозможность эффективного решения проблем индустриализации на капиталистическом пути развития.

ВНУТРЕННЕЕ НАКОПЛЕНИЕ

Особенности накопления в развивающихся странах Востока неразрывно связаны с характером современной эпохи. При всей хозяйственной отсталости этих стран накопление в них не может быть точной копией процессов, свойственных странам Запада в эпоху первоначального накопления. Наиболее одиозные открытые формы грабежа мелкого производителя и накопления богатств в руках буржуазии ныне обычно вызывают организованное противодействие широких масс трудящихся.

Цели, формы, методы накопления в странах Востока во многом определяются сущностью государственной власти. Там, где у власти стоит национальная буржуазия вкупе с прочими эксплуататорами, накопление используется для расширенного воспроизводства определенных капиталистических отношений и в конечном счете для укрепления власти имущих в ущерб интересам трудящихся. Здесь основа накопления антагонистическая. В тех странах, где в результате национально-освободительной борьбы к власти пришли революционно-демократические силы, где шаг за шагом происходит ограничение крупной и средней частнокапиталистической собственности и растут государственный и кооперативный секторы,— в таких странах открываются перспективы постепенного превращения накопления в процесс, во все большей степени отвечающий интересам народа.

Необходимость всемерного увеличения накопления в большинстве стран Востока предопределяется сохранением в них по преимуществу экстенсивного расширенного воспроизводства. Осуществление воспроизводства такого типа в первую очередь связано с вовлечением в процесс труда новых контингентов рабочей силы, не использовавшихся ранее природных ресурсов и дополнительных производственных фондов. Данная общественная потребность приобретает особую остроту в этих странах вследствие крайней бедности основной массы их граждан, бурного роста населения и все большего разрастания и без того огромных контингентов людей, вступающих в трудоспособный возраст и нуждающихся в работе и средствах существования. Если учесть, что, по оценкам экспертов ООН, темпы прироста рабочей силы в странах Азии в первой половине 70-х годов уве-

личились до 2,4% (9,6 млн. человек) в год, то окажется, что для обеспечения условиями производства только дополнительного притока рабочей силы при уже достигнутом к началу 70-х годов уровне фондовооруженности (инвестиционные затраты на каждого работника — около 2,8 тыс. долл.) здесь требуется ежегодно инвестировать 26—27 млрд. долл.¹ По другим расчетам, за 1970—1985 гг. при среднегодовом приросте фондовооруженности в 1,5% и суммарном увеличении потенциальных трудовых ресурсов на 290 млн. человек развивающимся странам Азии потребуется инвестировать около 720 млрд. долл.²

Научно-техническая революция, затронувшая и страны Востока, обусловив дальнейшую концентрацию производства и капитала (в частности, в связи с резким увеличением капиталоемкости оптимальных по масштабам производства предприятий во многих отраслях промышленности), обострила для них проблему накопления. Под воздействием НТР уже на современном этапе меняются и масштабы накопления, и отраслевое соотношение его источников. Если ранее на начальных фазах индустриализации первенствующую роль, как правило, играла мобилизация ресурсов сельского хозяйства и мелкого промышленного производства, то ныне в ряде стран процесс накопления в национальном масштабе опирается на отрасли горнодобывающей промышленности, особенно на нефтедобычу (Иран, Индонезия, Саудовская Аравия и некоторые другие арабские страны), либо на отрасли промышленности, связанные с обслуживанием транзитной торговли (Сингапур).

В условиях многоукладной экономики накопление выступает как реализация системы антагонистических производственных отношений, как некая равнодействующая процессов аккумуляции части стоимости, создание которой и превращение в условия производства связано с разными производственными укладами. В большинстве стран ведущим элементом в этой системе является накопление самовозрастающей стоимости, воспроизводство капитала в расширяющемся масштабе. К. Маркс отмечал, что кругооборот промышленного капитала, функционирующего то как денежный, то как товарный, в форме денег или товара, неизбежно перекрещивается с обращением товаров, произведенных внутри докапиталистических укладов. Как товары и деньги продукты докапиталистических хозяйств входят в кругооборот промышленного капитала и в кругооборот заключающейся в товарном капитале прибавочной стоимости (поскольку она расходуется в качестве дохода и обращается, в частности, в жизненные средства, необходимые для воспроизводства рабочей силы). Характер процесса производства, ре-

¹ Подсчитано по: Implementation of the International Development Strategy. Vol. 1. N.Y., 1973, с. 11, 64, 81—82.

² Population and Labour. ILO. Geneva, 1973, с. 85, 88.

зультатом которого эти продукты являются, не имеет значения. При превращении их в производительный капитал следы собственного происхождения этих товаров уничтожаются, поскольку они включаются в состав промышленного капитала. Однако при этом остается в силе необходимость воспроизводства данных элементов производительного капитала для возмещения, и в этом смысле капиталистический способ производства оказывается обусловлен иными способами производства. Но тенденция капитала заключается в том, чтобы по возможности всякое производство превратить в товарное. Его главным средством для этого служит как раз вовлечение таких способов производства в свой процесс обращения³.

Последовательное расширение сферы накопления капитала за счет ресурсов докапиталистических форм производства, которые направлены преимущественно на удовлетворение непосредственных собственных потребностей производителя и основой которых служит собственный труд производителя или просто продажа в виде товара только излишка продукта, связано с разложением таких форм⁴.

Однако переходный характер экономической структуры развивающихся стран, незавершенность самого превращения производства в единый воспроизводственный комплекс не позволяют отождествлять полностью накопление в развивающихся странах с аккумуляцией самовозрастающей стоимости в виде производительного капитала. Соответствующие его формы в сфере обращения дополняются до определенной степени самостоятельными формами денежного богатства, допотопного капитала — купеческого и ростовщического. Важную роль в процессе накопления сохраняет также превращение части прибавочного продукта в условия производства непосредственно (без прохождения сферы обмена) в хозяйствах производителей. Последние формы накопления К. Маркс выделял особо, именуя их простым накоплением, простым умножением богатства в отличие от всеобщего накопления (капитала)⁵.

Следует также отметить, что в многоукладной экономике в отличие от развитой капиталистической накопление денег не обязательно является процессом, лишь временно сопровождающим действительное накопление, т. е. расширение масштаба промышленного капитала. В той мере, в какой сохраняются неразвитые формы хозяйства, образование денежных сокровищ может выступать в качестве одной из самостоятельных целей производства⁶. (Как писал К. Маркс, «даже при простом воспроизводстве, хотя здесь и исключается накопление в собствен-

³ К. Маркс, Капитал, Т. II. — Т. 24, с. 126—127.

⁴ Там же, с. 43.

⁵ К. Маркс, Экономические рукописи 1857—1859 годов, Ч. I. — Т. 46, Ч. I, с. 179.

⁶ К. Маркс, Капитал, Т. II, с. 97.

ном смысле этого слова, т. е. исключается воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагается накопление денег, или образование сокровища»⁷.)

Первоначальное накопление в современных восточных государствах, которое по сути своей в значительной мере совпадает с аналогичным процессом эпохи становления капитала в Европе, довольно своеобразно по методам осуществления и их сочетанию, хотя каждый из применяемых способов далеко не всегда оригинален. В частности, широко используются насильственные государственные методы, направленные на то, чтобы сократить переход к современным формам производства. В арсенале применяемых средств — система общественного кредита или государственных долгов, а вместе с нею система международного кредита (про нее К. Маркс говорил, что она зачастую есть один из скрытых источников первоначального накопления⁸); налогообложение, «осью» которого является обложение наиболее необходимых жизненных средств, что неизбежно приводит к их вздорожанию; протекционизм, сам являющийся составной частью фискальной системы и выступающий либо в виде покровительственных импортных пошлин, либо в виде экспортных субсидий. Огромное распространение получает дефицитное финансирование с сопутствующим ему обесценением денежных знаков, выпущенных государством в обращение. Правда, ныне не применяются грубейшие методы первоначального накопления — грабеж колоний, торговые войны, сопровождавшиеся массовым истреблением населения. Однако во многих странах широко распространено разграбление государственного имущества, пышно расцветает коррупция.

Проявлением процесса первоначального накопления выступают возрастающая концентрация денежных богатств у сравнительно узкого слоя эксплуататоров и обнищание широких масс трудящихся. В сфере распределения доходов, например, эта поляризация собственности выражается в заметном сокращении доли доходов беднейших слоев населения и существенном увеличении доли эксплуататорской верхушки, в росте классового разрыва в доходах. Углубление этого неравенства в ходе экономического развития признается не только учеными различных направлений, но нередко и официальными представителями развивающихся стран⁹.

⁷ Там же, с. 537.

⁸ К. Маркс, Капитал, Т. I. — Т. 23, с. 765.

⁹ См., например: Problems in the Third Plan, a Critical Miscellany, Delhi, 1961, с. 82; Report of the Committee on Distribution of Income and Levels of Living, P. 1, New Delhi, 1964, с. 12; Fourth Five Year Plan 1969—74. Draft, New Delhi, [б. г.], с. 8; F. Golay, The Philippines: Public Policy and National Economic Development, Ithaca, 1961, с. 422; G. Murdal, Asian Drama, Vol. 1, N.Y., 1968, с. 569—571; Economic Survey of Asia and the Far East, 1971, Bangkok, 1972, с. 46—60.

Разрыв в доходах полярных групп населения еще более возрастает в результате разницы в темпах экономического развития по отдельным районам, в частности из-за неодинакового распространения «зеленой революции», что приводит к увеличению порайонных различий в доходах¹⁰.

Особо следует сказать о накоплении в странах социалистической ориентации, в которых по мере социально-экономического прогресса и преобразований в отношениях собственности сам характер и цель накопления меняются. Сохраняя в целом многоукладный характер и оставаясь в основе противоречивым, накопление в этих странах отражает переход от накопления докапиталистического и капиталистического к накоплению материальных предпосылок развития производственных отношений, отвечающих общегосударственным интересам, а чем дальше, тем больше интересам большинства населения — трудящихся масс. По мере роста государственной и кооперативной собственности повышается ее удельный вес в структуре накопления, растет доминирующая роль государства в механизме расширенного воспроизводства, сужается основа накопления, связанного с антагонистическими производственными отношениями.

Потенциал накопления в большинстве стран Востока сравнительно невелик из-за низкой производительности труда, преобладания малопродуктивных укладов. Валовая продукция предприятий таких укладов в лучшем случае едва превышает фонд средств, необходимых для поддержания существования производителей. Высокий удельный вес непроизводительного потребления при чрезвычайно низком жизненном уровне основной массы населения, естественно, ограничивает расширение производительного потребления. Некоторое ускорение экономического развития в 60-х годах, увеличение национального дохода на душу населения способствовали расширению возможностей внутреннего накопления, но лишь в очень ограниченных размерах. Дело в том, что тенденция к расширению потенциального фонда накопления противоборствует с тенденцией к росту (в том числе и относительному) фонда потребления, стимулируемой изменением самих условий воспроизводства, а главное — высокими темпами роста населения, достигавшими 2,5—3,3% во многих странах, и соответственно увеличением доли иждивенцев (во всех развивающихся странах Азии в 60-х — первой половине 70-х годов возрастная группа до 15 лет составляла не менее 38% всего населения, достигая во многих странах 43—44% всей численности, тогда как в Японии на детей указанного возраста приходилось лишь 24% всего населения)¹¹.

¹⁰ См., например: «Economic Bulletin for Asia and the Far East». Bangkok, 1969, vol. 20, № 3, December, с. 25.

¹¹ Современная Азия. Справочник. М., 1977, с. 24—25.

Масштабы возможного роста потенциального фонда накопления за счет прибавочного продукта в конечном счете определяются не столько размерами прироста валового продукта, сколько его приростами в пересчете на душу населения, а последний фактор во многих странах Азии «съедает» больше половины валового прироста.

Темп роста национального дохода неравномерен, к тому же в ряде стран наметилась опасная тенденция к его снижению.

Исчисление доли накопления в азиатских странах (учитываются масштабы капитальных вложений, т. е. реализация накопления) крайне приблизительно. По-видимому, приводимые в национальных и международных источниках сведения о валовых капиталовложениях занижены. При этом сказываются: неполный учет трудовых вложений в ходе мелнорации, освоения новых земель, строительства; завышенный официальный курс ряда национальных валют, приводящий к занижению стоимости импортного оборудования в пересчете на местные денежные единицы; определение движения запасов нередко лишь по нескольким видам сельскохозяйственных товаров без учета возросшей доли промышленных товаров. К тому же разная методика подсчетов и разные ошибки затрудняют сравнение массы накопления и его нормы по странам.

Норма действительного накопления, включая основные фонды и запасы, составлявшая в среднем по странам Азии в 1960—1962 гг. 15,3% валового отечественного продукта, в 1970 г. возросла до 19,3%¹². Масса валового капиталовложения в 1970 г. составила (данные по 17 странам, включая Южную Корею, которую статистика ООН учитывает в категории развивающихся стран) около 26 млрд. долл. (табл. 7).

В первой половине 70-х годов в большинстве из тех развивающихся стран Азии, которые не являются нефтеэкспортерами (здесь речь идет о 12 странах из 17, включенных в таблицу), увеличение массы и нормы накопления замедлилось, а кое-где даже проявилась тенденция к попятному движению. Снизились (особенно в 1974—1975 гг.) и темпы роста конечного продукта, которые оказались в среднем ниже предполагавшихся в соответствии со стратегией Второго десятилетия развития. По азиатским странам — импортерам нефти они уменьшились с 5,3% в 1967—1973 гг. до 4,6% в 1974—1976 гг. (Понизились и темпы роста стран — экспортеров нефти — соответственно с 9,2 до 7,8%¹³.)

Среднегодовые темпы прироста фонда накопления в группе 12 стран — импортеров нефти с 9,2% в 60-х годах уменьшились

¹² World Economic Survey, 1969—1970. The Developing Countries in the 1960: the Problem of Appraising Progress. N.Y., 1971, с. 209—210; «Yearbook of National Accounts Statistics». UN (далее — YNAS), 1965, 1975.

¹³ См.: «International Monetary Fund, Annual Report 1977». Wash., 1977.

Таблица 7

Норма и масса накопления (инвестиции в основные фонды) в некоторых развивающихся странах Азии в 1960—1975 гг.*

Страна	Норма накопления, процент к валовому внутреннему продукту					Масса накопления, млрд. долл. (в текущих ценах)			
	1960 г.	1970 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.	1960 г.	1970 г.	1974 г.	1975 г.
Бирма	8	11	9	8	...	0,12	0,24	0,25	...
Индия	13	16	15	17	...	4,11	8,4	13,4	...
Индонезия	8**	14**	18**	17**	20**	0,52	1,2	4,3	6,2
Иордания	18	13	19	20	...	0,05	0,08	0,22	...
Ирак	20	14	...	16	19	0,34	0,52	1,81	2,59
Иран	17**	19**	19**	18**	30**	0,74	2,2	8,4	15,5
Кувейт	14	14	7	5	7	0,27	0,3	0,55	0,84
Малайзия	11	16	22**	28**	23**	0,21	0,55	2,16	1,99
Пакистан	12	14	11	16	...	0,93	1,47	1,75	...
Саудовская Аравия	13	13	8	11	22	0,27	0,58	4,14	9,63
Сингапур	10	33	34	38	36	0,07	0,61	2,09	1,95
Сирия	13	15**	20	22	29	0,14	0,26	0,85	1,54
Таиланд	14	24	20	22	23	0,36	1,53	2,9	3,33
Турция	15	19	18	0,85	1,57	3,77***	...
Филиппины	12	18	18	21	28	0,54	1,19	2,91	3,7
Шри Ланка	15	19	16	13	15	0,21	0,4	0,43	0,46
Южная Корея	11	25	24	26	25	0,41	2,06	3,63	4,82

* YNAS, 1965, 1973, 1975; «International Financial Statistics», 1977, № 12.

** Включая запасы.

*** 1973 г.

до 3,1% в 1970—1974 гг. Хотя валовые капиталовложения в 12 странах — импортерах нефти увеличились с 21 млрд. долл. в 1970 г. до 24 млрд. долл. в 1974 г. (в ценах 1970 г.), норма накопления за тот же период возросла незначительно (с 19,8 до 20,4%). При этом увеличилась лишь доля товарных запасов (с 2,4 до 2,9%, в том числе в Индии — с 2 до 4,2%). Что же касается инвестиций в основные фонды, то их норма практически оставалась на одном уровне (17,4% в 1970 г. и 17,5% в 1974 г.)¹⁴.

По-видимому, такая динамика роста промышленного и товарного капитала — свидетельство особой «живости» спекулятивного торгово-ростовщического капитала в условиях многоукладной экономики. Вместе с тем здесь проявилось и гнетущее воздействие на промышленный капитал инфляции, а также падения рыночного спроса на промышленную продукцию (в результате повторявшихся неурожаев в самих развивающихся

¹⁴ Подсчитано по: YNAS, 1965, 1973, 1975.

странах, ослабления импортного спроса со стороны развитых капиталистических стран).

В пяти странах — экспортерах нефти (Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Индонезия) положение складывалось своеобразно. В этой группе масса реальных капиталовложений (включая основные фонды и запасы) суммарно увеличилась с 5 млрд. долл. в 1970 г. до 21 млрд. долл. в 1974 г. и 37 млрд. долл. в 1975 г. (в текущих ценах). Что же касается денежных накоплений, то они возросли еще больше и превышали возможности внутренней реализации в самих этих странах, превратившихся в экспортеров капитала. Норма же накопления действительного капитала из-за ограниченной способности к поглощению ресурсов (нехватка квалифицированной рабочей силы, инженерных и административных кадров, неразвитость инфраструктуры и т. д.) в 1970—1974 гг. снижалась (соответственно она упала с 17,3 до 15,6%) при увеличении ресурсов свободной валюты, а затем стала возрастать (24,4% в 1975 г.)¹⁵.

Опыт первой половины 70-х годов показал, что динамика реального накопления и расширенного воспроизводства в развивающихся странах определяется не только внешними факторами (через масштабы импорта средств производства, которые, в свою очередь, обуславливаются доступностью валютных ресурсов), но также и внутренними причинами (движение производства и спроса, предопределяемое в значительной мере состоянием сельскохозяйственного производства; возможности роста внутренних сбережений, а также сами возможности реализации капитала).

Увеличение прироста массы накопления, которое было неустойчивым, как правило, соответствовало увеличению прироста валового продукта, и, наоборот, уменьшение прироста накопления сопровождалось сокращением прироста валового продукта. Однако какая-либо пропорциональность между показателями роста продукта и накопления, очевидно из-за воздействия прочих факторов, отсутствовала (табл. 8).

Одна из причин, сдерживающих рост нормы валового накопления, заключается в небольших размерах фонда возмещения: последний, как известно, определяется размерами наличных основных производственных фондов, а они пока составляют в многоукладных странах Востока гораздо меньшую часть национального богатства, чем в промышленно развитых государствах. Удельный вес фонда возмещения основного капитала в 50-х — первой половине 70-х годов обычно не превышал трети объема всех источников капиталобразования (в Бирме — 30% в 1955 г., 38% в 1962 г.; в Индии — 30% в 1960 г., 32%

¹⁵ Подсчитано по: YNAS, 1972—1975; World Economic Survey, 1975. Fluctuations and Development in the World Economy. N.Y., 1976, с. 116, 168; «International Financial Statistics», 1976, 1977.

Таблица 8

Динамика среднегодового темпа прироста накопления
и валового внутреннего продукта в 1960—1975 гг.
(в текущих ценах)*

Страна	Годы	Темп прироста, %	
		накопления	валового внутреннего продукта
Индонезия	1960—1965	0,8	1,7
	1965—1970	17,8	5,3
	1970—1975	17,0	11,1
Иран	1960—1965	7,4	7,4
	1965—1970	13,0	10,3
	1970—1975	38,5	19,5
Пакистан	1960—1965	10,7	5,9
	1965—1969	1,8	5,3
	1970—1975	11,1	6,2
Сирия	1963—1965	10,7	10,1
	1965—1970	7,4	8,4
	1970—1974	36,3	13,2
Таиланд	1960—1965	16,4	7,4
	1965—1970	14,3	8,4
	1970—1975	5,8	6,7
Филиппины	1960—1965	12,6	5,4
	1965—1970	3,8	4,5
	1970—1975	13,0	6,1
Шри Ланка	1963—1965	0,1	4,0
	1965—1970	11,4	6,2
	1970—1975	7,3	4,8
Южная Корея	1960—1965	15,1	6,5
	1965—1970	28,1	11,3
	1970—1975	10,0	10,1

* См.: YNAS, 1972, vol. 3; 1975, vol. 1, 2; «International Financial Statistics», 1977, № 12.

в 1965 г., 30% в 1972 г.; в Иране — 38% в 1965 г., 31% в 1973 г.; в Ираке — 29% в 1955 г., 25% в 1969 г., 28% в 1971 г.; в Таиланде — 26% в 1960 г., 29% в 1970 г., 24% в 1974 г.; в Шри Ланке — 33% в 1960 г., 28% в 1970 г., 27% в 1973 г.)¹⁶.

Основным источником накопления в большинстве стран Азии выступает мобилизация собственных ресурсов. Доля внутренних источников накопления здесь в 60-х годах составляла в среднем 80—90% всех аккумулированных средств. В 1966—1968 гг. в 29 развивающихся странах континента объем накопления внутренних ресурсов равнялся 21 млрд. долл., в 1968—1970 гг. в 20 странах — около 22 млрд. долл.¹⁷.

¹⁶ YNAS, 1962, 1965, 1970, 1975.

¹⁷ Там же.

Задания по повышению доли национальных сбережений (при росте фонда валового капиталобразования) зафиксированы в программах развития, которые реализуются в ряде стран (в том числе в Индии, Шри Ланке, Малайзии, Сирии).

Осложнения на мировом рынке и рост внешнеторгового дефицита группы из 12 стран Азии (в 1970 г. — 5 млрд. долл.; в 1974 г. — 7,5 млрд.; в 1975 г. — более 10 млрд. долл.) привели к увеличению роли внешнего финансирования экономического роста вопреки ранее планировавшемуся уменьшению ее. Доля внешних источников накопления увеличилась с 15% в 1970 г. до 20% в 1974 г., а затем была еще большей¹⁸. Не исключено, что подобная тенденция сохранится для ряда стран и в ближайшем будущем, а это неизбежно вызовет дальнейшее обострение проблемы внешней задолженности.

В нефтедобывающих странах Востока дело обстоит иначе. Всевозрастающие доходы от нефти стали в большинстве этих стран основным источником национального фонда накопления. Потенциал национального накопления здесь до 1972—1973 гг. складывался в основном за счет перераспределения в пользу государства части доходов иностранных компаний, осуществлявших разработку нефтяных месторождений. Поступления в государственные бюджеты отчисляемых прибылей нефтяных компаний в странах Ближнего и Среднего Востока с 1,6 млрд. долл. в 1962 г. возросли до 8,5 млрд. долл. в 1972 г.¹⁹.

В результате повышения справочных цен на нефть и национализации части предприятий объем государственных доходов от нефти шести нефтедобывающих стран Ближнего и Среднего Востока увеличился с 19,3 млрд. долл. в 1973 г. до 70,95 млрд. долл. в 1974 г., а в 1975 г. составил 70,2 млрд. долл. По отдельным странам объем этих доходов в 1970—1975 гг. был следующим (млн. долл.)²⁰:

	1970 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Саудовская Аравия	1200	3107	7200	29000	27000
Иран	1093	2308	5600	22000	20500
Кувейт	895	1657	2800	8000	7500
Ирак	521	575	1900	6000	8000
Абу-Даби	233	551	1200	4300	5500
Катар	122	255	600	1650	1700

Прирост ресурсов свободной валюты азиатских стран — экспортеров нефти составил за 1971—1976 гг. 160—170 млрд. долл., в том числе золотовалютных резервов — более 40 млрд. долл.²¹.

¹⁸ Подсчитано по: «Monthly Bulletin of Statistics», N.Y., March 1977, с. 108—111.

¹⁹ «Middle East Economic Digest», L., 1973, vol. 17, № 43, с. 1239.

²⁰ «The Middle East and North Africa 1976—77», L., 1976, с. 94.

²¹ Здесь и ниже подсчитано по: «International Financial Statistics», 1972—1977.

Особенно велики свободные валютные ресурсы в таких странах, как Саудовская Аравия (только золотовалютные резервы на конец 1976 г.— 23,3 млрд. СДР), Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты.

Вследствие ограниченных возможностей производительного использования накопленных денежных ресурсов внутри собственных стран такие государства, как Кувейт, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и ряд других, превратились в экспортеров денежного капитала, который направлялся главным образом в промышленно развитые страны Запада. Таким образом, на Ближнем и Среднем Востоке образовался новый тип стран-рантье.

Небезынтересно отметить, что размер фонда свободной валюты этих стран примерно равен внешнему долгу развивающихся государств (164 млрд. долл. в 1975 г.). Можно сказать, что система помощи капиталистического Запада стала питаться фактически ресурсами экспортеров нефти и превратилась в механизм перераспределения стоимости, произведенной в развивающихся странах. Предполагается, что, хотя во второй половине 70-х годов доля внутринациональной реализации накопления стран — экспортеров нефти и возрастет (в первой половине десятилетия эта часть капиталовложений составила 40—45 млрд. долл.), ресурсы свободной валюты этих стран, главным образом арабских государств (особенно малых), по-прежнему останутся важным потенциальным источником внешнего кредита.

Охарактеризовав динамику нормы накопления по развивающимся странам Азии в целом, а также ее особенности в отдельных группах государств, остановимся более подробно на различных стадиях (фазах) процесса накопления. Таковыми являются: первичная фаза — аккумуляция конечных доходов главным образом в денежной форме (нередко говорят об этой фазе как об источниках накопления), перераспределительная фаза и конечная стадия — производственная реализация.

Структура источников накопления не отражает «зеркально» поукладных пропорций производства стоимости в связи с влиянием разных закономерностей воспроизводства в различных формах хозяйства, разницы в производительности труда, различий в пропорциях воспроизводства. Это несоответствие еще более велико в конечной фазе — на стадии реализации накопления — как результат действия межукладного перераспределительного механизма и разной способности отдельных частей народного хозяйства к производительному поглощению накапливаемой овеществленной стоимости. В определении конечных пропорций накопления в развивающихся странах наряду с экономическим, стоимостным механизмом очень велико значение внеэкономических, административных рычагов, безвозмездных и неэквивалентных отношений. В частности, присвоение дополнительной доли прибавочного продукта через рыночный

механизм обмена означает возможность расширить накопление денежных ресурсов, т. е. обеспечить более благоприятные условия воспроизводства, для тех укладов, отраслей, предприятий, которые характеризуются более высоким уровнем производительности труда, более высокой отдачей, большей конкурентоспособностью продукции. Чем больше межукладные разрывы в производительности труда, тем больше при прочих равных условиях возможности и масштабы перераспределения между отдельными укладами части чистого продукта. Это, в свою очередь, дополняется и корректируется государственным финансовым механизмом.

Важное место в исследовании накопления в многоукладных странах занимает структура его распределения по укладам, секторам, отраслям экономики. Национальная статистика, к сожалению, не позволяет составить представление о реальных пропорциях накопления по укладам, выделяя три сектора, не совпадающие с укладами: государственный, корпоративный (или частнокорпоративный) и так называемый индивидуально-хозяйственный²². При этом нередко из двух составных источников внутреннего накопления — сберегаемой части национального дохода (сбережения) и фонда возмещения — приводятся сведения о посекторной разбивке лишь первого источника — сбережений. Фонд же возмещения в ряде случаев характеризуется как нечто целое, хотя он также складывается из поукладных элементов и в разных формах хозяйства играет неодинаковую роль как источник денежного накопления.

Соотношение роли секторов экономики в некоторых странах Азии на разных стадиях накопления, показанное в табл. 9, не позволяет сделать общего вывода о результатах перераспределения. Тенденция к резкому повышению роли госсектора в конечной фазе накопления по сравнению с первичной фазой прослеживается в большинстве отраженных в таблице случаев. Исключение составляют Малайзия в 1960 г. (что, по-видимому, связано частично с вывозом капитала, посекторные потоки которого не отражаются статистикой), Филиппины в 1974 г. и Южная Корея в 1965 г.; в последних двух случаях статистическая характеристика перераспределения затуманена отсутствием отдельных сведений по реализации накопления в секторе государственных корпораций, которые характеризуются совместно с

²² К индивидуально-хозяйственному сектору отнесены не только мелко-товарные хозяйства и мелкокапиталистические заведения города и деревни, но также многие крупные и средние капиталистические предприятия реакционерного типа, но последние составляют важную часть капиталистического уклада в развивающихся странах Азии. Здесь учитываются личные доходы как эксплуататоров, так и какой-то категории трудящихся, обращаемые в сбережения. Масштабы накопления в корпоративном секторе не тождественны всему накоплению частного капитала, а соответственно меньше его на ту его долю, которая включена в состав накопления индивидуально-хозяйственного сектора.

Таблица 9

Структура источников и реализации накопления по секторам экономики в 60—70-х годах*, процент к валовому накоплению

Год	Элемент структуры	Распределение по секторам			Статистическая погрешность	Всего
		государственный**	частный корпоративный	индивидуально-хозяйственный		
Индия						
1960	ВИН	16,9	10,3	53,6	—	80,8
	ЧФА	1,5
	ИИН	28,0	—	17,7
	ВН	44,9	21,4	36,8	-2,1	100,0
1965	ВИН	18,3	8,9	58,8	-0,1	85,9
	ЧФА	1,8
	ИИН	35,4	—	12,3
	ВН	50,3	16,0	34,4	-0,7	100,0
1972	ВИН	15,3	8,8	72,1	—	96,1
	ЧФА	0,5
	ИИН	26,7	—	3,5
	ВН	42,3	15,2	48,3	-5,8	100,0
Малайзия						
1960	ВИН	83,3	66,0***	...	—	149,3
	ЧФА	—	1,3
	ИИН	—	-50,6
	ВН	26,2	67,3***	...	6,5	100,0
1966	ВИН	35,4	64,7***	...	—	100,0
	ЧФА	—	-6,6
	ИИН	—	6,6
	ВН	42,0	56,3***	...	1,7	100,0
Таиланд						
1964	С	5,8	7,8	50,3	13,8	77,7
	ВОФ	26,0
	ИИН	-2,7
	ВН	16,6	69,6	...	13,8	100,0
1967	С	10,3	5,8	53,1	-2,3	66,9
	ВОФ	32,6
	ИИН	0,5
	ВН	25,5	76,8***	...	-2,3	100,0
Филиппины						
1965	С	-2,2	8,5	61,0	4,5	71,8
	ВОФ	—	32,9
	ИИН	—	-4,7
	ВН	10,0	90,0***	...	—	100,0
1974	С	24,0	13,5	14,9	—	52,4
	ВОФ	—	42,3
	ИИН	—	5,3
	ВН	14,1	85,9***	...	—	100,0

Продолжение табл.

Год	Элемент структуры	Распределение по секторам			Статистическая погрешность	Всего
		государственный**	частный корпоративный	индивидуально-хозяйственный		
Южная Корея						
1965	ВИН	40,8	26,6	26,4	8,1	102,0
	ЧФА	-0,7	0,9	-0,1	—	—
	ИИН	-14,4	33,7	-13,2	-8,1	-2,0
	ВН	31,2	61,3	13,1	—	100,0
1974	ВИН	10,9	16,1	38,6	-4,5	61,1
	ЧФА	-4,0	4,2	-0,2	—	—
	ИИН	6,4	41,0	-13,0	4,5	38,9
	ВН	13,3	61,3	25,4	—	100,0

* Исчислено по: YNAS, 1969, vol. 2; 1972, vol. 3; 1975, vol. 1, 2, «National Income of Thailand 1967 Edition», Bangkok, [6. г.], с. 115, 151.

Принятые сокращения: внутренние источники накопления — ВИН; сбережения — С; возмещение потребления основных фондов — ВОФ; чистое приобретение финансовых активов — ЧФА; чистый приток капитала из зарубежных стран — ИИН (со знаком «минус» — чистый отток из страны); валовое накопление — ВН.

** По Таиланду, Филиппинам, Южной Корее — без государственных предприятий, которые учтены вместе с частными корпорациями.

*** Включая индивидуально-хозяйственный сектор.

частными (в этом случае сведения о государственном накоплении ограничиваются данными о накоплении через госбюджет). Что касается тенденции к концентрации накапливаемого капитала в наиболее современных подразделениях — государственном и крупном частнокапиталистическом (корпоративном) секторах, то и этот вывод можно сделать лишь с оговорками. В трех из пяти анализируемых в таблице стран (Малайзии, Таиланде, Филиппинах) группировка статистических данных по реализации накопления не позволяет судить о доле корпоративного сектора, ибо сведения о нем приводятся объединенными с данными об индивидуально-хозяйственном секторе. Данные по Индии и Южной Корее свидетельствуют о преобладании крупного производства в накоплении, однако нельзя не отметить, что его доля в последние анализируемые годы стала меньше, чем в начальные годы анализа. Можно сказать, что тенденция к сокращению роли индивидуально-хозяйственного сектора в процессе накопления пока еще прослеживается не везде либо прерывается довольно часто.

Основная масса накопления в индивидуально-хозяйственном секторе осуществляется за счет стоимости, произведенной в мелкоотварном укладе, главным образом в крестьянских хозяйствах.

Масштабы сбережения конечных денежных доходов населения определяются многими причинами, среди которых — струк-

тура собственности, уровень доходов и их распределение, система предпочтений или мотиваций, в том числе традиционное отношение к богатству, труду и свободному времени.

В результате крайне низкого уровня доходов трудящихся в развивающихся странах для значительной части трудящихся характерно не наличие сбережений, а жизнь в долг, превышение текущих расходов над доходами.

Несмотря на высокую долю расходов на питание, одежду, жилье и т. п., уровень реализации главнейших жизненных потребностей большинства населения азиатских стран низок. И без того небольшие возможности мобилизации ресурсов в фонд сбережения еще более суживаются из-за некоторых традиций потребления, связанных с отправлением религиозных церемоний и бытовых обрядов. Такого рода траты составляют до 10—15% (иногда до половины) потребительских расходов крестьянской семьи во многих странах.

Ограниченность потенций накопления в мелком производстве развивающихся стран, в частности в крестьянских хозяйствах, определяется самим типом воспроизводства, которое в большинстве такого рода хозяйственных единиц близко к простому. Однако и здесь возможно некоторое увеличение накопления за счет добавочного труда. Определенная (хотя и ограниченная) способность крестьянского хозяйства увеличить субстанцию накопления за счет большего напряжения рабочей силы связана, например, с использованием систем искусственного орошения, применением семян более урожайных сортов, что должно повышать продуктивность земли.

Накопление в мелкотоварном хозяйстве определяется в большой степени также условиями реализации продукции (рыночная конъюнктура) и условиями распределения (зависимость от ростовщического и торгового капитала). Особая затрудненность накопления в мелкотоварном укладе вызывается высокой нормой эксплуатации как внеэкономическими, так и экономическими методами. По расчетам советских исследователей В. Г. Растяникова, М. А. Максимова, Б. В. Сеницына и др., при товарном выходе 30—45% всего продукта во многих восточных странах в 50-х — начале 60-х годов примерно от трети до половины отчуждаемого продукта приходилось на рентные платежи, ростовщический процент и налоговые изъятия, т. е. обязательства, не связанные с внутренними потребностями хозяйства²³. Крестьянские дворы, в которых валовой расход обычно менее валового дохода, в азиатских странах составляют меньшинство деревенских хозяйств. В Индии (1962 г.) к этому типу относилось 37,4% всех дворов, в Пакистане (1965 г.) — 7,8, в Таиланде

²³ В. Г. Растяников, М. А. Максимов. Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии. М., 1965, с. 265, 268; Б. В. Сеницын и др. Очерки экономики Южной Кореи (1953—1964). М., 1967, с. 114, 115.

(1952 г.) — около 25%²⁴. К тому же вследствие закономерностей мелкого хозяйства, которое ведется главным образом ради того, чтобы обеспечить средства существования производителю и его семье, далеко не всякий «избыток» над прежним потреблением обращается на расширение производства. Он скорее используется как запас, предназначенный для некоторого увеличения потребления в будущем («потребительское накопление»), однако, как правило, величина его слишком мала, чтобы прекратить отношения зависимости производителя от владельца денег. Так, в указанное выше время в 73% всех накоплевших дворов в индийской деревне норма накопления была не выше 3%, а масса накопления — не более 26 долл.; в Пакистане 70% накоплевших дворов сберегали не более 2,2% валового дохода, а масса накопления была менее 27 долл.; в Таиланде 73% таких дворов сберегали не более 5,9% валового дохода, а масса накопления не превышала 22 долл.²⁵

Реализация накопления части стоимости, произведенной в крестьянских хозяйствах подобного типа, главным образом мелкособственнических, связана с особенностями их функционирования. Характеризуя эти особенности, К. Маркс писал, что часть прибавочного труда крестьян, работающих в самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в образовании стоимости вообще. Пределом эксплуатации для мелкого собственника земли — крестьянина — является не средняя прибыль на капитал (он сам мелкий капиталист) и не рента (он сам собственник), а лишь заработная плата, которую он за вычетом издержек выплачивает сам себе. Этот крестьянин будет возделывать свою землю, пока цена продукта покрывает хотя бы физический минимум заработной платы²⁶.

На нынешнем этапе развития «зеленой революции» происходит определенный рост доходов деревенских товаропроизводителей, особенно собственников средств труда. Этот весьма неравномерный процесс сопровождается увеличением разрыва в уровнях валового дохода между мелкими крестьянскими хозяйствами и хозяйствами фермерского типа, широко применяющими методы современной агрикультуры. Если основная часть увеличившихся сбережений в традиционных хозяйствах, по-видимому, реализуется по-прежнему непроизводительно, то в фермерских хозяйствах все чаще наблюдается повышение органического строения капитала в результате перехода к новой технике, что сопряжено с ростом производительности труда и снижением издержек производства. По мере обретения капиталом своей основной роли и в земледелии все это неизбежно

²⁴ Развивающиеся страны Азии. Проблемы экономического роста. М., 1975, с. 119—120.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2. — Т. 25. Ч. 2, с. 370—371.

должно усиливать тенденцию к разорению мелкого производителя под воздействием закона стоимости.

Другой сферой накопления в индивидуально-хозяйственном секторе является мелкая промышленность.

Субстанция накопления этой сферы в развивающихся странах, по оценкам советских экономистов, занимает около трети ее чистого продукта²⁷. Если учесть, что в странах Азии на мелкую промышленность приходится около трети (а иногда больше) всей добавленной стоимости, созданной в промышленности²⁸, станет понятно, что потенциал накопления мелкотоварного промышленного производства здесь довольно значителен. Однако немалая часть прибавочного продукта мелкой промышленности многих восточных стран отчуждается (и в большой мере непродуцируемо используется) торгово-ростовщическим капиталом, осуществляющим первоначальное накопление.

Хотя определить масштабы первоначального накопления методами торгово-ростовщического капитала представляется затруднительным вследствие его смыкания с товарным и денежным капиталом (а последний, как известно, имеет и собственное, не зависящее от промышленного капитала существование), можно полагать, что в целом в его пользу изымается 10—15% чистого дохода, создаваемого в сельском хозяйстве, и не меньшая доля прибавочного продукта ремесленного производства. Кризисный характер развития сельскохозяйственного производства, особенно выявившийся в крупнейших странах Азии в середине 60-х годов, активизировав процесс первоначального накопления, увеличил аккумуляцию торгово-ростовщического спекулятивного капитала.

Весьма важную роль с точки зрения возможностей использования сбережений индивидуально-хозяйственного сектора для накопления в более производительных секторах играют изменения в денежно-вещественной структуре личных накоплений. Определенное представление о таких изменениях дает статистика Индии, судя по которой личные сбережения в 1954—1974 гг. эволюционировали следующим образом (%)²⁹:

	1964/65 г.	1968/69 г.	1972/73 г.	1973/74 г.
Финансовые активы	59	74	91	60
Финансовые пассивы	-9	-31	-29	-
Физические активы	50	57	38	40

Иначе говоря, наметилась тенденция к сокращению доли физических и увеличению финансовых активов. При этом среди

²⁷ С. А. Кузьмин. Развивающиеся страны: занятость и капиталозло-ужения, М., 1965, с. 160—172.

²⁸ Подсчитано по: «The Growth of World Industry, 1973 Edition», Vol. 1, N.Y., 1975; «Yearbook of Industrial Statistics, 1975 Edition», Vol. 1, N.Y., 1977; YNAS, 1970, 1975.

²⁹ «Reserve Bank of India Bulletin», September 1969, с. 1390; «Report on Currency and Finance for the Year 1973—74», [б. г.], с. 6.

финансовых активов индивидуально-хозяйственного сектора уменьшилась доля наличных денег (с 23,9% в 1954/55 г. до 18,8% в 1972/73 г.) и возросла доля банковских депозитов (соответственно с 17,5 до 47,2%)³⁰, что говорит о расширении масштабов перераспределения личных доходов через кредитные учреждения.

Сохранение большого удельного веса вещественных активов в структуре накопления в определенной мере отражает традиционные отношения, а также стимулируется инфляцией, тем более что далеко не всегда аккумуляция стоимости в вещественной форме носит производительный характер. О масштабах непродуцируемого накопления можно судить по росту частных запасов золота в странах Азии. По оценочным данным, они возросли с 2933 т в 1962 г. до 4976 т в 1972 г., т. е. увеличивались в среднем в год примерно на 200 т. Стоимость этих запасов золота превышала 22 млрд. долл. (13% к объему ВВП в 1970 г.). В 1975—1976 гг. резко увеличился спрос на золото в странах Ближнего и Среднего Востока. В этот период главным образом частным лицам здесь было продано, по некоторым оценкам, более 1400 т золота³¹.

В основе накопления в капиталистическом секторе, как известно, лежит широкое использование прибавочной стоимости для расширенного воспроизводства, самовозрастания капитала. Важнейшей формой мобилизации ресурсов наряду с самофинансированием за счет части прибыли является использование внешних источников финансирования (кредит, эмиссия ценных бумаг).

Своеобразие накопления в крупнокапиталистическом укладе стран Востока состоит в том, что крупная буржуазия нередко паразитирует на докапиталистических укладах и широко прибегает к методам, характерным для первоначального накопления. Вместе с тем в процессе накопления крупный национальный капитал тесно связан с иностранным финансированием, на долю которого в некоторых странах приходилось в 60-х — первой половине 70-х годов более трети накоплений корпоративного сектора³².

В ряде стран Востока происходит интенсификация накопления капитала, особенно в корпоративном секторе. Так, в Индии среднегодовой прирост оплаченного капитала акционерных компаний в 1958—1968 гг. составлял 0,84 млрд. рупий, а в 1969—1973 гг. увеличился до 1,34 млрд. рупий. В Таиланде рост оплаченного капитала по корпоративному сектору в 1953—

³⁰ Там же.

³¹ «1969 Pick's Currency Yearbook», N.Y., [б. г.], с. 578; «Pick's World Currency Report», N.Y., 3.XI.1972; «Middle East Economic Digest», L., 1977, vol. 21, № 14, с. 9.

³² YNAS, 1974, vol. 1, с. 746—747.

1956 г. составил 1 млрд. бат, в 1956—1966 гг. — 4,9 млрд., а в 1967—1970 гг. — 19,2 млрд. бат³³. В значительной мере это было результатом роста массы и доли прибылей, получаемых крупнейшими компаниями, что объективно обуславливало дальнейшую концентрацию капитала³⁴.

Прибыли, присваиваемые капиталистами, увеличивались в первую очередь в результате усиленной эксплуатации трудящихся. Повышение степени эксплуатации проявлялось, в частности, в том, что рост прибылей происходил параллельно с падением, в лучшем случае — с сохранением на прежнем уровне реальной заработной платы значительной части трудящихся. Подобного рода тенденции отмечаются в официальных документах, например, Индии и Пакистана³⁵.

Общие условия денежного рынка в странах Востока сдерживают рост накопления капитала в корпоративном секторе за счет внешних источников. В некоторых странах даже со сравнительно более развитыми формами крупного капиталистического предпринимательства доля внешних источников финансирования сокращается. Так, в Индии она понизилась с 64% в 1956—1959 гг. до 50% в 1969/70—1973/74 гг. Главным образом это было связано с падением доли поступлений от дополнительной эмиссии ценных бумаг, частично под воздействием ограничительной политики государства. Если в 1956—1959 гг. за счет этого источника финансировалось около 18% всех накоплений корпоративного сектора в стране, то в 1969/70—1973/74 гг. — менее 8%. Несколько сократилась также и доля банковских кредитов — соответственно с 46 до 42%. (Вместе с тем эти данные свидетельствуют о том, что даже крупный капитал в многоукладных странах не способен полагаться в процессе воспроизводства только на собственные источники накопления.) Одновременно заметно повысился уровень самофинансирования корпораций, в том числе возросла роль реинвестиции части прибылей. Доля фонда зарезервированных прибылей в Индии с 1% в 1956—1959 гг. увеличилась до 14% в 1969/70—1973/74 гг. Более важное место в самофинансировании корпоративного сектора стали занимать амортизационные фонды, чья доля в Индии за тот же период возросла с 35 до 37%³⁶. В большинстве стран осуществляется налоговое поощрение расширенного накопления капитала в частном секторе, особенно в промышленности, путем использования ускоренной амортизации, так называемых скидок на развитие и пр.

³³ Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970, с. 117; В. Павловский. Экономика современного Таиланда. М., 1961, с. 100; «Report on Currency and Finance for the Year 1973—74», с. 13; «Bank of Thailand. Monthly Report», Bangkok, 1959—1971.

³⁴ См., например: Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 80, 121.

³⁵ «Economic Survey of Asia and the Far East. 1969». Bangkok, 1970, с. 19.

³⁶ «Report on Currency and Finance for the Year 1973—74», с. 13; «Reserve Bank of India Bulletin». September 1961, с. 1424.

Невысокая норма частного хозяйственного накопления в целом и широкие масштабы непроизводительного использования накапливаемых денежных ресурсов в частном секторе стран Востока с особой остротой ставят проблему государственного накопления. Опыт развития освободившихся стран Азии показывает, что увеличение нормы накопления не может быть достигнуто без всестороннего усиления хозяйственно-организаторской деятельности государства. Чем шире и глубже эта деятельность, чем активнее осуществляются радикальные социально-экономические преобразования в борьбе за преодоление экономической отсталости, тем значительнее роль государства в капиталонакоплении. Необходимость в большом государственном накоплении признается во всех многолетних планах-программах экономического развития, составленных и реализуемых в странах Востока.

Несмотря на экономические трудности, в широких масштабах осуществлялось государственное накопление в Бирме. Только в 1961/62—1974/75 гг. государством были профинансированы капиталовложения в экономику в сумме 8,6 млрд. джа. В этот период на долю государства приходилось 54% совокупного объема валовых капиталовложений. В соответствии с директивами четырехлетнего плана на 1974/75—1977/78 гг. предусматривались среднегодовые ассигнования на капиталовложения до 1,6 млрд. джа (за предшествующее четырехлетие государственные капиталовложения составляли в среднегодовом исчислении 0,78 млрд. джа). Удельный вес государственных капиталовложений в 1975/76 г. достиг 61% всего валового накопления. За счет государственных ассигнований в стране построены крупные современные предприятия машиностроения, химической, электротехнической, бумажной, радиотехнической и других отраслей промышленности, повысился уровень механизации сельского хозяйства и т. п.³⁷

Значительно увеличиваются масштабы государственного участия в капиталонакоплении в Сирии. В 1969 г. государственные расходы на развитие экономики составляли 1,15 млрд. сир. ф., в 1972 г. — 2,0 млрд., в 1975 г. — 5,8 млрд. Четвертым пятилетним планом (1976—1980) предусмотрены совокупные бюджетные ассигнования на цели экономического развития в сумме 70 млрд. сир. ф. Планом намечено обеспечить такое возрастание государственных доходов от нефти, поступлений от промышленных предприятий и сельского хозяйства, которое позволит финансировать будущее развитие главным образом за счет внутренних источников накопления³⁸.

В середине 70-х годов заметно возросли масштабы государственных капиталовложений в Ираке. Если по плану 1970—

³⁷ А. П. Муранова. Экономическое развитие Бирмы: проблемы финансирования. М., 1978, с. 10, 35, 53, 54, 122 и др.

³⁸ «The Middle East and North Africa 1976—77». L. 1976, с. 666—667.

1974 гг. среднегодовые ассигнования на развитие предусматривались в объеме 0,7 млрд. долл., бюджетом 1975 г.—3,65 млрд., то в соответствии с пятилетним планом 1976—1980 гг. предполагалось выделить на капиталовложения 33,8 млрд. долл., причем в 1976 г. было ассигновано около 5 млрд. долл. Основная цель намеченного строительства — диверсификация промышленного производства, повышение уровня развития сельского хозяйства с целью обеспечения страны собственным продовольствием³⁹.

Выделяются значительной ролью государства в накоплении и другие страны — экспортеры нефти. Так, в соответствии с пятым пятилетним планом Ирана (1973—1978) государство должно было обеспечить около $\frac{2}{3}$ объема капиталовложений. В Саудовской Аравии по плану 1975—1980 гг. было предусмотрено ассигновать на цели развития около 90 млрд. долл.⁴⁰

Роль государственного капиталонакопления велика и в Индии. Уже в период осуществления первого и второго пятилетних планов государственные капиталовложения были равны 52% общей суммы инвестиций. В 1973/74 г. они достигли 55,6%. В среднегодовом абсолютном исчислении государственные инвестиции составляли в 1951—1956 гг. 3,2 млрд. рупий, в 1956—1961 гг. — 7,3 млрд. В 1973/74 г. они возросли до 40,7 млрд. рупий⁴¹.

Повышение роли государства в процессе капиталонакопления неотделимо от усиления его перераспределительных функций, поскольку главное воздействие на экономику при господстве частной собственности государство осуществляет через сферу обращения. Сосредоточение в руках государства все большей части национального дохода в условиях борьбы за экономическую самостоятельность может содействовать росту реального накопления и повышению нормы накопления в масштабах всего хозяйства. Но хотя в целом внутренние ресурсы, мобилизуемые через бюджет (налоги, доходы государственных предприятий и др.), увеличивались, они все же росли недостаточно быстро и составляли в подавляющем большинстве развивающихся стран долю валового национального продукта меньшую, чем в промышленно развитых капиталистических странах, где государство перераспределяет 25—35% ВВП.

Поскольку важнейшим средством мобилизации ресурсов в государственный бюджет в странах Востока служат налоги, значительную роль в расширении накопления призвано сыграть повышение эффективности налоговых систем за счет осуществ-

³⁹ «The Middle East and North Africa 1975—76». L., 1975, с. 384; «The Middle East and North Africa 1976—77», с. 384.

⁴⁰ «The Middle East and North Africa 1975—76», с. 345; «The Middle East and North Africa 1976—77», с. 346—347, 608.

⁴¹ Fourth Five Year Plan 1969—74. Draft, с. 83; «Reserve Bank of India Bulletin», September 1976, с. 603.

ления прогрессивного подоходного и поимущественного обложения. Хотя во всех развивающихся странах Востока масштабы перераспределения налоговыми методами части ВВП возрастают, они еще очень ограничены (10—20%⁴²).

О потенциальных возможностях использования налогов для дальнейшей мобилизации национального дохода в многоукладных странах свидетельствует постоянный рост доли налогов в ВВП этих стран по мере подъема реального дохода на душу их населения. Особенно значительные возможности открываются для увеличения прямого налогообложения быстро возрастающих доходов имущих слоев.

Вследствие объективных обстоятельств, связанных с отсталостью экономики, большую долю налоговых поступлений (65—88%)⁴³ приносят все увеличивающиеся косвенные налоги, с помощью которых основное налоговое бремя перекладывается на трудящихся. Прямое же налогообложение, направленное на изъятие доходов имущих, эксплуататорских элементов, все еще используется в большинстве стран Востока явно недостаточно. По официальным данным, доходы представителей буржуазии и крупных землевладельцев во многих восточных странах растут быстрее, чем суммы уплачиваемых ими налогов. До сих пор в большинстве стран почти не практикуется обложение всей собственности, всего капитала, а применяется главным образом обложение доходов. Такие налоги, как налог с реализации капитала, налог на богатство, на недвижимую собственность, на наследство, либо составляют мизерную часть поступлений, либо вообще отсутствуют, хотя могли бы стать немаловажным источником государственного накопления.

В ряде стран налогообложению доходов буржуазии, особенно крупной, сопутствуют чрезмерные льготы. Крайне редко используется такой способ изъятия у нее доходов, как налог на сверхприбыль.

Наиболее значительные налоги в некоторых странах предусмотрены при обложении прибылей акционерных компаний. Как правило, ставки корпоративного налога ниже, чем ставки налога на физических лиц. Кроме того, инвесторы в определенных отраслях крупной фабричной промышленности освобождаются от уплаты подоходного налога на несколько лет. Многие развивающиеся страны, стремясь увеличить приток зарубежных инвестиций, создают льготные условия для деятельности некоторых иностранных компаний, хотя, например, политика чрезмерных льгот в отношении перевода прибылей за рубеж таит в себе угрозу подрыва валютно-финансового положения этих стран. Рационализация системы налоговых скидок в применении к сравнительно быстро растущему в некоторых стра-

⁴² Финансово-экономические проблемы развивающихся стран Азии. М., 1978, с. 129—130.

⁴³ «Statistical Yearbook 1975». UN. N.Y., 1976.

нах Востока корпоративному сектору, безусловно, может вскрыть важные дополнительные источники поступлений в государственный бюджет.

Несмотря на проведение в ряде стран Азии аграрных реформ, в руках крупных рентополучателей по-прежнему сосредоточивается в виде ренты немалая часть совокупного сельскохозяйственного продукта. Большая доля доходов крупных землевладельцев, как правило, не используется в производственных целях. Уровень обложения землевладельцев нередко в несколько раз ниже, чем уровень обложения промышленных компаний. Поземельное обложение в большинстве стран имеет регрессивный характер. Ставка налога растет очень незначительно по мере увеличения масштабов землевладения. В некоторых странах Востока размеры поземельного налога, установленные много лет назад, не пересматривались, хотя цена земельных участков выросла в несколько раз.

Повышение эффективности налогового аппарата может сыграть заметную роль в борьбе с широко распространенной практикой сокрытия доходов, особенно высоких, и уклонения от уплаты налогов.

Потенциальным источником увеличения государственного фонда накопления служит сокращение непроизводительных расходов в бюджетах. Большинство азиатских стран пока не может выделить на капиталовложения свыше трети своих текущих бюджетных доходов. Сравнительно низкие темпы прироста бюджетных поступлений и нередко более быстрый рост государственных расходов в ряде стран делают реальной перспективу уменьшения доли бюджетных накоплений. Главными причинами быстрого роста непроизводительного государственного потребления являются увеличение административно-управленческих расходов, возрастание доли выплат по государственным займам и особенно повышение военных расходов. Нарастание административных расходов отражает процесс перестройки аппарата управления, нередко связанный с еще большей его бюрократизацией. Расходы на военные цели в большинстве азиатских стран составляют четверть — половину расходов текущего бюджета.

Рациональное использование государственного потенциала накопления требует постоянной борьбы с коррупцией и казнокрадством. В результате махинаций и злоупотреблений в государственном аппарате из производительного накопления, осуществляемого через государственный сектор, изымаются огромные средства, которые используются частными лицами прежде всего для спекуляций. Реакционные элементы в ряде стран всячески дискредитируют деятельность госсектора и пытаются склонить правящие круги к приватизации его предприятий. Очевидно, что демократизация всей политической жизни — единственно действенный способ обуздания казнокрадов.

Важным источником перераспределения средств в пользу государства являются внутренние и внешние кредиты и займы, а также дефицитное финансирование.

Низкий уровень сбережения, характерный для основной массы населения многоукладных стран с их узким денежным рынком, заставляет размещать большую часть внутренних займов этих стран в учреждениях кредитно-банковской системы. Ведущую роль в кредитовании государства играют центральные банки.

Определенная часть государственных обязательств размещается также в коммерческих банках (10—25% их активов⁴⁴). С целью мобилизации сбережений власти поощряют создание сберегательных, страховых и пенсионных фондов, прибегают к выпуску принудительно размещаемых сберегательных сертификатов.

Разумеется, кредитные системы стран Востока не только выступают опосредствующим звеном в механизме государственного накопления. Их более широкая функция состоит в аккумуляции свободных денежных капиталов и средств населения и использовании тех и других для кредитования экономического развития.

Хотя кредитно-банковские системы в восточных странах росли быстрыми темпами, в целом уровень их развития все еще очень низок и ни в одной из этих стран они не в состоянии удовлетворить потребности в обеспечении кредитными ресурсами наиболее важных отраслей производства.

Государство, как правило, играет ныне главную роль в укреплении национальных кредитно-банковских систем, выступая в роли учредителя и владельца банков развития, кредитной кооперации и других учреждений, субсидируя их деятельность.

Общая социально-экономическая отсталость, преобладание докапиталистических отношений предопределили узость местных денежных рынков и затруднили мобилизацию ссудного капитала. Если в развитых капиталистических странах главным источником денежного капитала выступают денежные средства, временно высвобождающиеся в процессе оборота промышленного капитала, то в многоукладных странах из-за недостаточного развития промышленного капитала, его низкого органического строения формирование денежного капитала во многом связано с оборотом торгового капитала. Например, в Индии срочные депозиты промышленных предприятий в 1961 г. составляли 36% остатков на банковских счетах торговых предприятий, а в 1969 г. — 80%⁴⁵.

⁴⁴ Финансирование экономики развивающихся стран Азии. — «Народы Азии и Африки». 1968, № 1, с. 12.

⁴⁵ Исчислено по: «Statistical Tables Relative to Banks in India for the Year 1969». Bombay, 1970, с. 23.

Мобилизации ссудного капитала содействует устойчивое денежное обращение. Между тем инфляционная обстановка во многих азиатских странах отрицательно сказывается на накоплении капитала, препятствует нормальному функционированию кредитной системы, стимулирует сохранение традиции у владельцев денежных средств обращать их в недвижимость, золото, иностранную валюту.

В условиях, когда спрос на ссудный капитал значительно превышает предложение, коммерческие банки предпочитают предоставлять краткосрочный кредит, обеспечивающий высокую скорость оборота банковского капитала и соответственно высокую прибыльность банковских операций. Что же касается операций коммерческих банков по долгосрочному кредитованию, связанному с финансированием производственных капиталовложений, то им принадлежит скромное место.

Основной сферой, поглощающей большую часть кредитных ресурсов коммерческих банков, остается обращение. Перераспределение капитала в пользу промышленности и других отраслей производства осуществляется главным образом в результате вмешательства государства. Чем активнее роль государства в накоплении, тем больше перелив капитала из сферы обращения в материальное производство. Однако в целом сдвиги в переключении ограниченных ресурсов кредитной системы в пользу различных отраслей материального производства происходят медленно, хотя доля кредитов промышленности, строительству, транспорту растет. Государство форсирует этот процесс, мобилизуя через кредитную систему часть ресурсов различных частнохозяйственных укладов и направляя их на развитие особо важных отраслей экономики, которые малопривлекательны для частного капитала (из-за высокой капиталоемкости, низкой прибыльности).

Однако возможности банковской системы в странах Востока слишком малы, чтобы только обычными кредитными операциями удовлетворить нужды указанных отраслей в дополнительных средствах. Поэтому осуществляемые государством функции межсекторного и межотраслевого перераспределения ресурсов за счет кредитного механизма дополняются действием системы государственных финансов. Часть средств, мобилизованных при помощи бюджета, государство обращает в ссудный капитал, пополняя тем самым наличные кредитные ресурсы главным образом государственных кредитно-банковских учреждений. Эффективность мобилизации кредитных ресурсов банковской системы повышается в результате национализации частных банков. Последняя уже проведена в ряде стран Востока, например в Афганистане, Бирме, Индии, Ираке, Пакистане, Сирии.

Постоянный, нередко весьма существенный дефицит государственного бюджета в развивающихся странах, вызванный опе-

режающим ростом текущих расходов государства и потребностями финансирования экономического развития, и ограниченные возможности мобилизации государственных кредитных ресурсов повышают важность такого средства покрытия бюджетного дефицита, как выпуск бумажных денег сверх потребностей обращения (дефицитное финансирование).

Таким образом, дефицитное финансирование выступает как орудие принудительного изменения пропорций между и без того ограниченным фондом личного потребления и фондом накопления в целях форсированного увеличения последнего.

Политика дефицитного финансирования внутренне противоречива. Будучи направлена на ускорение процесса накопления и всего экономического развития, на содействие разрушению патриархальных форм хозяйства, она в то же время чревата серьезным расстройством всей экономики через механизм денежного обращения. Расстройство денежного обращения сопровождается неравномерным по отраслям ростом товарных цен. В результате приводится в действие механизм межотраслевого перелива части чистого продукта в пользу отраслей с более высокими ценами, усугубляются различия в отраслевых нормах прибыли, подрываются основы воспроизводства там, где норма прибыли ниже (отрасли I подразделения). В конечном итоге нарушается нормальное с точки зрения экономического развития распределение функционирующих капиталов между сферами и отраслями хозяйства, повышается неэквивалентность обмена стоимостями между городом и деревней, расширяется база спекуляции, растет инфляция, которая сопровождается падением реальных доходов основной массы населения, прежде всего трудящихся.

В течение 70-х годов инфляционные тенденции во многих странах Азии резко обострились. Будучи многофакторным процессом, инфляция во многих развивающихся странах Востока усугубляется внешними экономическими причинами, в том числе кризисом международной валютной системы капитализма, ростом импортных цен, в особенности на горючее, промышленные товары, продовольствие.

Отрицательное влияние инфляции на состояние экономики и материальное положение трудящихся и некоторых других социальных групп, включая часть буржуазии, сдерживает использование властями методов дефицитного финансирования, тем более что, как показывает опыт ряда стран Азии, инфляция, доводя до крайней остроты социальные и классовые противоречия, влечет за собой не только экономические, но и политические осложнения для правящих кругов. Поскольку разрушение традиционных форм хозяйства чревато опасными социальными взрывами, государство вынуждено возвращать часть изъятой стоимости через субсидирование определенных участков мелкотоварного производства. Это позволяет несколько смягчить ост-

роту проблемы занятости, облегчить снабжение некоторыми дефицитными товарами за счет мелкого производства и в целом означает поддержку государством роста капитализма снизу.

Заключая главу, следует подчеркнуть, что накопление выступает одним из решающих факторов роста производства в развивающихся странах Азии. Эффективность использования накопления в этих странах в значительной степени определяет возможности повышения эффективности общественного производства. Однако сам процесс накопления в развивающихся странах осложняется воздействием таких факторов, как империалистическая эксплуатация, гипертрофия торгового и ростовщического капитала, спекуляция, паразитическое потребление эксплуататоров, особенно докапиталистического типа, непомерно высокая доля текущих госбюджетных расходов, связанных с содержанием раздутого государственного аппарата и большими военными расходами. Во многих странах к этому добавляется систематическая утечка национального капитала за границу. Ограничение пагубного воздействия этих факторов, несомненно, могло бы создать во многих освободившихся странах возможности для повышения нормы накопления и определенного ускорения темпов экономического развития. Реализация этих возможностей связана с осуществлением дальнейших прогрессивных социально-экономических преобразований.

ИНОСТРАННЫЙ КАПИТАЛ И ВНЕШНЕЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ

Перед молодыми государствами Востока возникла сложная и в основе своей противоречивая задача: с одной стороны, они должны преодолевать экономическую, в частности финансовую, зависимость от иностранного монополистического капитала, а с другой — привлекать извне крупные финансовые ресурсы для развития.

Для многих стран Востока характерен дефицит накоплений, т. е. разрыв между необходимыми накоплениями и наличествующими сбережениями. По подсчетам экономистов Секретариата ЮНКТАД, дефицит накоплений только развивающихся стран Азии в конце 60-х годов составил 4,6 млрд. долл., а к 1980 г. он должен был возрасти до 6,8 млрд.¹ Эта цифра дает лишь весьма приблизительное представление о потребности развивающихся стран в иностранном капитале для покрытия данного дефицита, так как даже при наличии достаточных внутренних накоплений в денежной форме развивающимся странам необходимы крупные средства в иностранной валюте для производительной реализации накоплений, а, кроме того, для многих из них характерен крупный внешнеторговый дефицит.

Внешнее финансирование включает импорт иностранного капитала в форме государственной помощи, частных инвестиций, займов и экспортных кредитов. С конца 60-х годов наблюдается сокращение доли государственной помощи в общем потоке финансовых средств, направляемых в развивающиеся страны из экономически развитых государств (с 62% в 1967 г. до 37,5% в 1978 г.), и увеличение удельного веса частного капитала (соответственно с 38 до 62,5%)².

По некоторым данным, общий приток финансовых ресурсов в развивающиеся страны из промышленно развитых государств увеличился с 15,7 млрд. долл. в 1970 г. до 71,4 млрд. долл.

¹ UN, Document TD/118/ Suppl. 3/Rev. 1, с. 31.

² «World Economic Survey, 1974». N.Y., 1975, с. 137—138; «Development Co-operation. Efforts and Policies of the Members of the Development Assistance Committee. 1979 Review». P., 1979, с. 226.

в 1978 г., при этом официальная помощь развитию возросла с 6,8 млрд. до 19,9 млрд. долл., а приток частного капитала (включая экспортные кредиты) — с 7,7 млрд. до 44,6 млрд. долл. Кроме того, увеличивается поток заемных ресурсов в развивающиеся страны из нефтедобывающих государств — членов ОПЕК; в 1975 г., например, он достиг 6,6 млрд. долл. Следует, однако, иметь в виду, что эти данные основываются на подсчете в текущих ценах и не отражают реальной динамики финансовых ресурсов, направляемых в развивающиеся страны. Так, по оценке специалистов ООН, чистый приток государственных и частных ресурсов в развивающиеся страны, составивший в 1974 г. в текущих ценах 24,9 млрд. долл., в постоянных ценах 1970 г. оценивается всего в 15,5 млрд. долл.³

Наряду с ресурсами, предоставляемыми развивающимся странам на двусторонней межгосударственной основе, в условиях расширяющейся интернационализации мирохозяйственных связей все большее значение приобретают займы и кредиты через международные финансовые учреждения, такие, как Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и его филиалы — Международная финансовая корпорация (МФК) и Международная ассоциация развития (МАР), а также Азиатский банк развития (АзБР).

Основное содержание финансовой деятельности МБРР и его филиалов — гарантия частных займов, создание материальных и социальных условий для функционирования частного капитала в многоукладных странах, содействие расширению товарного экспорта из развитых капиталистических стран, в конечном счете упрочение привязки развивающихся государств к мировому капиталистическому хозяйству, к странам развитого капитализма.

Различные условия кредитования группы МБРР позволяют международному капиталу более широким фронтом и более целенаправленно по сравнению с действиями «в одиночку» проникать в хозяйственную структуру многоукладных стран: в каждом отдельном случае используются либо «мягкие» долгосрочные займы МАР, взимающей лишь 0,75% комиссионных сборов, либо не требующие правительственной гарантии займы МФК, либо «жесткие» займы самого МБРР.

Общая сумма займов и кредитов группы МБРР странам Востока за первую половину 70-х годов значительно увеличилась, достигнув к середине 1977 г. 25,6 млрд. долл., в том числе странам Юго-Восточной Азии — 8,4 млрд., Южной Азии — 9,6 млрд., Ближнего Востока и Северной Африки — 7,6 млрд. долл. Наиболее крупные суммы кредитов МБРР, по состоянию на

³ «World Bank Annual Report, 1976», Wash., 1976, с. 10—11; International Finance, Depressed Regions and Needed Progress. UN. N.Y., 1976, с. 9; «Development Co-operation... 1979», с. 226.

30 июня 1977 г., получили: Индия (2015,6 млн. долл.), Южная Корея (1568,5 млн.), Индонезия (1337,0 млн.), Турция (1289,9 млн.), Филиппины (1234,4 млн.), Иран (1210,7 млн.)⁴.

Индии — крупнейшему получателю льготных кредитов МАР — на 30 июня 1977 г. предоставлено около 40,4% всех выделенных Ассоциацией ресурсов — 4606,7 млн. долл. (из 11 396,8 млн.); сумма распределенных кредитов на эту дату составила 3443,6 млн. долл.⁵

Займы МБРР предназначены главным образом для финансирования конкретных экономических объектов, и это лишает страны-получатели гибкости в использовании полученных средств.

Основное направление займов МБРР и МАР в 70-е годы — финансирование сельского хозяйства, наиболее отсталой отрасли экономики многоукладных стран. В 1972/73 г., впервые за весь период функционирования группы Банка, объем средств, предоставляемых ею на развитие сельского хозяйства, превзошел суммы, выделяемые на финансирование любого другого сектора экономики развивающихся стран⁶.

Изменение направления политики МБРР в сторону преимущественного финансирования сельского хозяйства объясняется объективными факторами, которые связаны с опытом многих развивающихся стран, страдающих от неблагоприятных погодных условий. Низкие урожаи продовольственных и технических культур, резкое сокращение производства в сельском хозяйстве и промышленности, основанной на переработке сельскохозяйственного сырья, вызывают необходимость значительного потребительского импорта, отвлекающего огромные валютные средства от нужд развития, и приводят к увеличению задолженности и крайнему напряжению платежных балансов этих стран. Объективная потребность в скорейшем подъеме сельского хозяйства развивающихся стран не может не учитываться новой стратегией МБРР, вынужденного расширять свое участие в социальных проектах этих стран, направленных на ликвидацию голода, нищеты, неграмотности населения и т. д.

В 1974/75 г. 53% всех займов, полученных странами Южной Азии от МБРР и МАР, были предназначены для развития сельского хозяйства и связанных с ним отраслей (в том числе производства удобрений). В 1975/76 г. сельскохозяйственные кредиты группы Банка составили почти 25% всех ее кредитов и займов — 1627,0 млн. из 6632,4 млн. долл.⁷ Характерно, что на увеличение сельскохозяйственного производства (косвенно или

⁴ Подсчитано по: «World Bank Annual Report, 1977». Wash., 1977, с. 162—163.

⁵ Там же, с. 162, 148.

⁶ См.: «World Bank IDA Annual Report, 1973». Wash., 1973, с. 5.

⁷ «World Bank Annual Report, 1975». Wash., 1975, с. 9; «World Bank Annual Report, 1976», с. 12—13.

в перспективе) направлено и большинство кредитов, предоставленных для развития образования или транспорта и связи азиатских стран. Этому призвано способствовать, например, участие в финансировании строительства сельскохозяйственных университетов в индийских штатах Ассам и Бихар, организации школ и специальных образовательных центров в сельских местностях Таиланда, строительства сельскохозяйственных радиостанций и обеспечения оборудованием высших сельскохозяйственных школ на Филиппинах, массового производства школьных учебников в Индонезии⁸.

Важным показателем заметной диверсификации заемных средств, предоставляемых Банком, является также увеличение кредитов на финансирование промышленности стран Востока, в том числе и в государственном секторе. В последнем случае, идя на нежелательное сотрудничество, МБРР тем не менее обязательно обеспечивает условия для расширения частного предпринимательства. По подсчетам американского экономиста Розенштейн-Родана, каждые 100 млн. долл. помощи по государственной линии создают благоприятные возможности для частных инвестиций международных монополий на сумму от 30 млн. до 40 млн. долл.⁹.

Принимая участие в финансировании какого-либо государственного проекта, Банк привлекает известные международные компании, открывая для них выгодные сферы капиталовложений, новые рынки для их товаров и услуг. Расширение сотрудничества международных монополий с предпринимателями некоторых развивающихся стран в разных формах, в том числе и в рамках финансово-технических соглашений, позволяет сделать вывод о несомненной выгоде для этих монополий такого сотрудничества, в значительной степени обеспечиваемого предынвестиционной деятельностью МБРР и его политикой в целом. Этот вывод подтверждается откровенным высказыванием бывшего президента МБРР Б. Блэка, охарактеризовавшего программы иностранной помощи Банка как «новый источник крупного международного бизнеса»¹⁰.

Но если сам Банк все же оказывает содействие финансированию государственного сектора в различных сферах хозяйства многоукладных стран, то МФК по-прежнему направляет международные капиталы преимущественно в частные предприятия, создающиеся с участием национальных и иностранных компаний. До 1970 г. наибольшие средства МФК в Азии были инвестированы в предприятия химической промышленности, металлургии и промышленности строительных материалов (в основном в Индии и Пакистане). Инъекция капиталов

⁸ «World Bank. IDA. Annual Report. 1973», с. 42—48.

⁹ Н. А. Аркадьев, В. В. Жарков, Э. Е. Обминский. Эволюция концепции международной стратегии развития. М., 1974, с. 151.

¹⁰ «La Revolution Africaine», 1968, № 224, с. 46.

МФК осуществляется в форме займов, приобретения акций или сочетания того и другого. В случаях, когда МФК соглашается также на участие в финансировании смешанных с государственным капиталом предприятий, в качестве обязательного условия такого участия выдвигается увеличение доли частного владения в будущем. Займы МФК обычно предоставляются сроком на 7—12 лет по ставке, размер которой устанавливается конкретным соглашением. За 1959—1970 гг. общий объем капиталовложений МФК в Индии составил 42,3 млн. долл., т. е. около 20% инвестиций Корпорации в Азии. Из них наиболее крупные вложения были произведены в тяжелую промышленность. Финансируя в среднем не более 25% стоимости проекта, МФК выполняла в значительной степени роль катализатора его создания и связующего звена между иностранными и местными предпринимателями, облегчая процесс слияния их капиталов и ускоряя производительное использование последних¹¹.

В начале 70-х годов наблюдаются некоторые структурные сдвиги в кредитно-инвестиционной деятельности МФК на Востоке, обусловленные изменениями в государственной экономической политике по отношению к иностранному капиталу в странах, использующих ресурсы Корпорации.

Так, после 1970 г. МФК на протяжении ряда лет не предоставляла займов ни Индии, ни Пакистану, поглощавших наибольшие суммы инвестируемых Корпорацией капиталов. Упор в ее инвестиционной политике переместился на Индонезию и Филиппины, рассматривавшиеся ею как более подходящие районы с точки зрения и политической обстановки, и инвестиционного климата. Только за три года (1971—1973) и Индонезия и Филиппины получили капиталов МФК больше, чем Индия за 21 год (соответственно 45,2 млн. и 64,5 млн. долл.)¹².

С каждым годом возрастают займы Азиатского банка развития. В 1973—1974 гг. общая сумма их увеличилась на 30% (с 421,48 млн. до 547,68 млн. долл.). Ныне $\frac{2}{3}$ займов АзБР на социально-экономическое развитие стран Азии предоставляется на обычных коммерческих условиях: на срок от 10 до 30 лет из 8,75% годовых (для стран с подушевым доходом свыше 850 долл. — из 9,5% годовых), и $\frac{1}{3}$ — на льготных условиях: из 1—3% годовых сроком на 25—40 лет. В 1974 г. сумма льготных займов Банка на 46% превысила их объем в 1973 г., достигнув 172,8 млн. долл. В 1977—1981 гг. намечен ежегодный рост кредитов АзБР на 11%, при этом доля займов на развитие сельского хозяйства и промышленности в странах Азии должна быть увеличена (в 1976 г. она не превышала 26% всех кредитов АзБР)¹³.

¹¹ Иностраный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. М., 1977, с. 265—266.

¹² Там же, с. 267.

¹³ «Economic Bulletin», Bangkok, 1977, May 4, с. 17—18.

Сильное влияние Японии в дирекции АзБР обусловило тот факт, что он, по существу, превратился в орудие проникновения японского капитала в развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, в которые и направляется более $\frac{3}{4}$ кредитов Банка.

Быстро увеличивается приток в многоукладные страны Азии экспортных кредитов. Эти кредиты — наиболее обременительная для стран-получателей форма ввоза частного капитала. Они предоставляются на жестких условиях, в основном на срок от 5 до 12 лет под высокий процент: при гарантированных кредитах ставка, как правило, колеблется от 5,5 до 6,5%, при кредитах без гарантии — от 10 до 12%. Их общая сумма возросла с 1965 по 1974 г. более чем в 3 раза (с 0,75 млрд. до 2,49 млрд. долл.)¹⁴.

Подобные дорогостоящие кредиты ухудшают валютно-финансовое положение развивающихся стран, увеличивая их внешнюю задолженность. Внешний государственный долг этих стран с 1965 г. по 1978 г. вырос в 6 раз (с 38,1 млрд. до 264 млрд. долл.)¹⁵. По состоянию на 31 декабря 1977 г. наиболее высока внешняя задолженность Индии (14 928 млн. долл.), Индонезии (12 041 млн.), Алжира (10 065 млн.), Южной Кореи (9 066 млн.), Египта (8 140 млн.), Пакистана (6 850 млн. долл.)¹⁶.

Затраты стран Востока на погашение задолженности и выплату процентов поглощают значительную долю их экспортных поступлений, достигающую в ряде стран 16—25% (Индонезия, Индия, Бангладеш, Бирма, Пакистан, Шри Ланка, Египет)¹⁷.

Тесно связан с предоставлением кредитов и иных форм помощи вывоз частного капитала. Экспорт частного капитала (в самых различных формах и на разнообразных условиях) — это, как и вывоз государственного капитала, один из методов в осуществлении общей стратегии империализма, направленной на сохранение и усиление эксплуатации развивающихся стран.

С конца 60-х годов наблюдается значительный рост прямых частных иностранных инвестиций, усиливается экспансия частного монополистического капитала в развивающиеся страны. С 1967 по 1978 г. прямые частные капиталовложения стран развитого капитализма по стоимости увеличились более чем в 5 раз: с 2103 млн. до 11 489 млн. долл.¹⁸.

Тенденция к увеличению прямых инвестиций характерна, в частности, для США. Рост американских прямых инвестиций в развивающихся странах (в 2,6 раза с 1960 по 1976 г.)¹⁹ обус-

¹⁴ «World Bank Annual Report, 1975», с. 90.

¹⁵ UN, Document TD/B/545/Rev. 1, N.Y., 1975, с. 3; «Development Co-operation... 1979», с. 94.

¹⁶ «Development Co-operation... 1979», с. 254—255.

¹⁷ «World Bank Annual Report, 1977», с. 112—113.

¹⁸ UN, Document TD/188/Suppl. 1, Add. 1, 20 février 1976, Ann. 1, с. 11; Development Co-operation... 1979», с. 226.

¹⁹ «Survey of Current Business», Wash., 1977, № 8, с. 45.

ловлен прежде всего стремлением империализма США расширить сферу своего влияния. С конца 60-х годов резко активизировали деятельность в развивающихся странах западногерманские и японские монополии; они значительно увеличили свои активы, особенно в некоторых странах Южной и Юго-Восточной Азии.

Большую долю прямых частных зарубежных инвестиций осуществляют в многоукладных странах крупнейшие международные монополии, или, как их нередко называют, много-(меж-, интер-, транс-)национальные корпорации — МНК (ТНК). Инвестиции МНК в этих странах возрастали в 60-х годах на 9% в год, а в 70-х годах — на 15% в год²⁰. В целом на многоукладные страны приходится более четверти всех прямых зарубежных инвестиций МНК²¹.

Британский капитал продолжает оставаться одной из серьезных экономических сил в Азии. При этом для современной эпохи характерно постепенное относительное ослабление его влияния в регионе.

Например, по данным, опубликованным индийским инвестиционным центром в 1974 г., Англия сохраняла первое место в общей сумме иностранных инвестиций в Индии (6,4 млрд. рупий из 16,2 млрд.)²². Однако в процессе конкурентной борьбы английский капитал уступает свои позиции под натиском других империалистических стран, и в первую очередь США. Согласно отчетам министерства торговли США, прямые американские инвестиции в Индии за 1950—1976 гг. возросли в 9,5 раза — с 38 млн. до 362 млн. долл.²³.

Вообще, как правило, капитал бывших стран-метрополий теряет господствующее положение в их бывших колониях. Если в 1967 г. на американские компании приходилось 88,4% иностранных активов на Филиппинах, то к 1976 г. их доля сократилась до 47,9% за счет увеличения доли японского, западноевропейского и иных капиталов²⁴.

Разумеется, говорить об исчезновении в бывших колониях монополистического капитала бывших метрополий нельзя. Достаточно отметить, что в странах Северной Африки сохраняют сильное влияние французские монополии. Например, в Алжире среди всех иностранных партнеров, с которыми в 1962—1976 гг. были заключены контракты, первое место продолжала занимать

²⁰ Multinational Corporations in World Development. UN, N.Y., 1973, с. 9; «Development Co-operation... 1979», с. 88.

²¹ Transnational Corporations in World Development: a Re-examination. UN, N.Y., 1978, с. 237.

²² «Мировая экономика и международные отношения», 1975, № 8. Прил., с. 137.

²³ Подсчитано по: «Overseas Business Reports», Wash., 1972, № 9, May, с. 4; «Survey of Current Business», 1977, № 8, с. 45.

²⁴ Multinational Corporations in World Development, с. 183; Transnational Corporations in World Development, с. 256.

Франция; на ее долю приходилось 25% всей суммы контрактов²⁵.

В целом иностранный капитал постепенно утрачивает ведущую роль в экономическом развитии многих освободившихся стран, где главным фактором социальной и хозяйственной эволюции становятся национальные уклады. Но развивающиеся страны, как известно, все еще зависят от внешних источников финансирования. Поэтому создание условий, при которых зависимость от иностранного капитала прекратится возможно быстрее, объективно является одной из основных экономических задач государства, причем речь идет не о формальном отказе от внешних ресурсов, а об ослаблении и в итоге прекращении связи между внешним финансированием и желательными темпами хозяйственного роста.

Степень зависимости, определяемая в конечном счете мерой несоответствия между внутренними возможностями накопления капитала и объективными потребностями в капитальных ресурсах для нужд растущей экономики, — категория непостоянная, меняющаяся. Она может усиливаться или ослабевать в связи с падением или ростом валютно-финансового, технического и прочего потенциала, что, в свою очередь, может быть обусловлено теми или иными изменениями как в экономической, так и в социально-политической сфере. Однако зависимость, как таковая, сохраняется на разных этапах развития производительных сил, в числе других факторов определяя характер эволюции государственной экономической политики.

Так, в Индии в период осуществления первых трех пятилетних программ развития за счет внешних источников финансирования обеспечивалось от половины до трети плановых ассигнований²⁶. Была поставлена цель уже к концу пятого (1974/75—1978/79) пятилетнего плана достигнуть самообеспечения финансовыми средствами²⁷. Однако постановка подобной задачи в условиях Индии рассматриваемого периода скорее отражала стремление к ослаблению зависимости от внешних факторов развития, чем была обоснованном, базирующимся на надежных экономических расчетах решением. Индия, являясь частью мирового капиталистического хозяйственного организма, не могла не испытывать отрицательного воздействия циклического и структурных кризисов капитализма, обостривших все противоречия, в том числе и в отношениях между развитым капиталистическим миром и развивающимися странами. Переплетение внешних и внутренних экономических, политических и социальных проблем, естественно, только умножило трудности роста и

²⁵ «Industrie et travaux d'outremer», P., 1976, № 276, с. 758.

²⁶ Resources for Third Five Year Plan. A Research Study and Analysis, Bombay, 1968, с. 59—60.

²⁷ Planning Commission of India. Notes on Perspective of Development, India; 1960—61 to 1975—76. New Delhi, 1964, с. 27.

обусловило необходимость такого государственного регулирования, которое обеспечило бы дальнейшее продвижение страны по пути к экономической независимости. Пятый пятилетний план Индии в сентябре 1976 г. был пересмотрен в связи с ухудшением валютно-финансового положения, вызванным влиянием энергетического и сырьевого кризиса, ослаблением платежных позиций, усилением инфляционных тенденций, повлекших за собой удорожание плановых проектов и т. п. На 1977—1979 гг. в рамках пятилетнего плана потребность в иностранных ресурсах стала оцениваться в 24 млрд. рупий²⁸.

Можно привести много других примеров сохраняющейся зависимости экономики развивающихся стран от внешних источников финансирования.

Анализируя изменения в отраслевой структуре иностранного частного капитала, следует прежде всего отметить, что до настоящего времени в большинстве стран Востока он занимает сильные позиции в производстве и вывозе товаров, являющихся важным источником получения иностранной валюты. Как и раньше, он направляется прежде всего в те отрасли, где обеспечено получение наибольшей прибыли. При этом для многонациональных компаний нередко важное значение имеет не столько даже норма прибыли, сколько ее масса, увеличение самих продаж, захват рынков развивающихся стран и устранение конкурентов.

Традиционной сферой приложения иностранного капитала является добыча сырья. Особое значение придается нефтедобыче. На начало 70-х годов в нее было вложено около 90% прямых иностранных инвестиций в странах Ближнего Востока и 30% — в других странах Азии²⁹. В условиях энергетического кризиса и усиления зависимости развитых капиталистических стран от поставок жизненно важных видов сырья, в первую очередь нефти, интерес МНК к этой сфере, несмотря на национализацию ряда иностранных компаний, возрастает. Иностранный, прежде всего английский, капитал продолжает сохранять важные позиции в добыче олова в Малайзии. В середине 70-х годов на долю иностранного капитала приходилось более 70% инвестиций в корпоративном секторе горнодобывающей промышленности Полуостровной Малайзии. По-прежнему выплавка олова и его экспорт осуществлялись двумя английскими компаниями — «Истерн Шиппинг» и «Стрейтс Трейдинг»³⁰. США, являясь крупнейшим инвестором в экономике Индонезии (в 1976 г. сумма прямых американских капиталовложений в Индонезию составила 1475 млн. долл.), большую часть капиталов направляют в горнорудную и нефтедобывающую промышленность. На

²⁸ «The Times», 25.I.1977, с. VIII.

²⁹ Transnational Corporations in World Development, с. 260.

³⁰ «L'Asie nouvelle», P., 19.XII.1975; В. А. Жеребилов, Внешнеэкономические связи Малайзии. М., 1975, с. 80.

долю США приходится 70—80% инвестиций в нефтедобывающей промышленности Индонезии³¹.

Другая традиционная сфера инвестиций монополий — плантационное хозяйство. В нем сосредоточено около 18% всех иностранных частных капиталовложений в Азии. Ведущие позиции в этой сфере занимает английский капитал, на долю которого в конце 60-х годов приходилось 75% всех прямых частных иностранных инвестиций в сельское хозяйство Азии³². Значительный удельный вес иностранного капитала в плантационном хозяйстве развивающихся стран Востока сохраняется в Малайзии, на Филиппинах, в Индонезии, отражая унаследованные от колониальных времен связи бывших метрополий с бывшими колониями.

На современном этапе развития, в условиях роста влияния мирового социализма, усиления борьбы многоукладных стран за экономическую самостоятельность, характер и сферы экспансии иностранного капитала претерпевают глубокие изменения. К середине 60-х годов правящие и деловые круги империалистических стран перестали открыто выступать против создания в государствах Востока многоотраслевой национальной экономики. Сохранение аграрно-сырьевой специализации освободившихся стран теперь представляется этим кругам неоправданным сужением возможностей выгодного приложения капитала. В такой переоценке отражается и происходящий ныне процесс перевода в развивающиеся страны нижнего этажа экономического здания капитализма, связанный с необходимостью размещения трудоемких, материалоемких, энергоемких и загрязняющих среду предприятий вблизи источников сырья и энергии.

Поскольку мировой капитализм оказывается заинтересованным в развивающейся, а не стагнирующей экономике многоукладных обществ, именно в переплетении объективных нужд этих обоих контрагентов мирового капиталистического хозяйства выявляются общие закономерности эволюции экономических связей в рамках данного мирового хозяйства. При этом империализм, используя лозунг «партнерства в развитии», навязывает освободившимся странам роль неравноправного, подчиненного партнера. Для воспроизводства таких отношений подчинения и зависимости вырабатываются модернизированные, подчас замаскированные системы приспособления к меняющимся условиям и участия в экономическом развитии хозяйственно отставших стран.

Наиболее современной в этом смысле и является система интернационализации производства и капитала, объединение усилий частного монополистического и государственно-монополистического капитала в стремлении не выпустить из сферы

³¹ «Survey of Current Business», 1977, № 8, с. 45.

³² Multinational Corporations in World Development, с. 181.

неоколониалистского воздействия социально-экономические процессы в освободившихся странах. В 70-е годы четче проявляется наметившаяся ранее тенденция участия иностранных монополий в развитии обрабатывающей промышленности, причем не только легкой, но и тяжелой, усиливается активность иностранного капитала в наиболее динамичных ее отраслях — химической, электронной и электротехнической, транспортном и сельскохозяйственном машиностроении, расширяется проникновение иностранных компаний в пищевую, фармацевтическую промышленность — отрасли, сбыту продукции которых способствует наличие популярных торговых марок.

Направление частных инвестиций разных групп капиталистических стран в 70-е годы неодинаково. Для США, например, если исходить из имеющихся на 1976 г. данных о частных прямых и портфельных инвестициях, характерна следующая примерная схема (%):³³

Добывающая промышленность (без нефтедобывающей)	7,9
Нефтедобывающая	9,9
Обрабатывающая	38,8
Торговля	11,1
Прочие отрасли	32,3

Весьма близко к указанной структуре распределение английских частных прямых и портфельных инвестиций.

Несколько иную картину дает ФРГ: 75—80% западногерманских прямых инвестиций направляется в обрабатывающую промышленность многоукладных стран³⁴.

В определенной степени этой схеме распределения частных прямых и портфельных инвестиций следуют Франция, Италия и Япония, причем особенно быстрыми темпами росли японские инвестиции. На конец марта 1974 г. общая сумма их в многоукладных странах Азии достигла 2391 млн. долл., в том числе в Индонезии — 814 млн., Малайзии — 201 млн., Таиланде — 163 млн., Саудовской Аравии и Кувейте — 644 млн., в Иране — 66 млн. долл.³⁵ Японские капиталовложения направлялись главным образом в текстильную, металлургическую и электротехническую отрасли промышленности, а также в добычу сырья.

Проявляющаяся в экспансии иностранного частного капитала в условиях научно-технической революции тенденция к некоей модернизации характера международного капиталистического разделения труда, к перемещению ряда трудоемких производств (экспортно ориентированных отраслей обрабатыва-

³³ Подсчитано по: «Survey of Current Business», 1977, № 8, с. 45.

³⁴ «Development Co-operation... 1973 Review», P., 1973, с. 143, «Development Co-operation... 1975 Review», P., 1975, с. 139—140.

³⁵ «Oriental Economist», Tokyo, 1975, January, с. 18.

ющей промышленности, а также отраслей, вызывающих загрязнение окружающей среды) из стран развитого капитализма в страны развивающиеся наиболее отчетлива в тех странах Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, которые в конце 60-х годов стали объектом своеобразного «инвестиционного бума». Столь привлекательными для МНК эти страны делают особо льготный режим, предоставляемый им национальными правительствами для развития новых отраслей своей обрабатывающей промышленности, наличие дешевой и сравнительно квалифицированной рабочей силы.

Вместе с тем с начала 70-х годов, в условиях обострения общего кризиса капитализма и развития научно-технической революции и особенно в связи с возникновением энергетического и сырьевого кризисов, усиливается интерес МНК к источникам сырья, монополии империалистических держав активизируют свою деятельность в добывающих отраслях молодых государств. Так, если с 1965 по 1968 г. прямые вложения США в горнодобывающую промышленность стран Азии (без нефтедобычи) увеличились на 20%, а в обрабатывающую — почти в 2 раза, то в последующие годы американские инвестиции в горнодобывающую промышленность росли более высокими темпами, чем в обрабатывающую³⁶. Недра развивающихся стран и их континентальный шельф становятся объектом все более острой борьбы между монополиями трех центров капитала — США, Западной Европы и Японии.

Сферы деятельности, размеры поступлений иностранного капитала в отдельные многоукладные страны зависят, как правило, от уровня и характера развития этих стран, степени их экономической зависимости и роли, отводимой им в планах внешнеэкономической экспансии империалистических государств.

Позиции иностранного капитала в отдельных регионах и странах Востока далеко не одинаковы. Если прежде иностранный капитал, в первую очередь метрополий, пользовался поддержкой со стороны властей колониальных стран, то после завоевания этими странами независимости, а особенно с началом форсированной индустриализации и усилением вмешательства государства в процесс воспроизводства, национальные правительства предпринимают попытки регулирования деятельности иностранного капитала, чтобы подчинить ее целям национального развития.

В регулировании переплетаются две противоречивые тенденции: с одной стороны, к привлечению иностранного капитала в определенные отрасли путем предоставления ему льгот, с другой — к ограничению роли, вытеснению иностранного капитала.

³⁶ «Development Co-operation... 1973», с. 149.

В одних странах преобладает первая тенденция, в других — вторая. В ряде стран активно протекает процесс замены иностранного капитала национальным, значительная часть иностранной собственности национализирована, круг отраслей, в которые допускается иностранный капитал, суживается. Однако в большинстве развивающихся государств политика наступления на иностранный капитал носит непоследовательный, противоречивый характер.

Примером может служить, в частности, изменение правительственной политики по отношению к иностранному капиталу в Египте. Здесь уже в начале 70-х годов были нарушены принципы принятой в 1962 г. Хартии национального действия, разрешавшей иностранные капиталовложения лишь в «исключительных случаях», когда «иностранных капиталовложений избежать нельзя». Правительство Садата повернуло социально-экономический курс страны в сторону широкого привлечения иностранного капитала и предоставления ему льгот и гарантий («политика открытых дверей»)³⁷.

В Индии неоднократно пересматривались основные положения государственной экономической политики, провозглашенной в 1948—1956 гг. и обеспечивавшей преимущественное развитие государственного сектора с закреплением за ним права на развитие ключевых отраслей промышленности, а также определявшей статус частного, в том числе иностранного, капитала. Принятие особых мер по пересмотру этой политики (отмена государственного контроля над производством и ценами на некоторые виды промышленной продукции, изменение порядка их распределения, допуск частного, в том числе иностранного, капитала в сферы, ранее открытые только для государственного капитала, и т. д.³⁸) было вызвано замедлением темпов экономического роста и валютно-финансовыми трудностями страны, которые она испытывала уже в середине 60-х годов, в период осуществления третьего пятилетнего плана.

Активизация деятельности иностранного капитала, привлечение его новых звеньев должны были, по расчетам индийского правительства, оживить рынок капиталов, улучшить инвестиционный климат в стране, способствовать расширению местного предпринимательства.

Вместе с тем, проводя политику привлечения частного иностранного капитала, правительство Индии стремилось оградить национальный капитал от иностранной конкуренции. В конце

³⁷ См.: Б. Н. Гашев. Отношения государственного сектора Египта с иностранным частным и государственно-монополистическим капиталом. — Иностраный капитал и иностранное предпринимательство в странах Азии и Северной Африки. М., 1977, с. 154, 156.

³⁸ См.: Е. А. Панкова. Некоторые аспекты эволюции позиций иностранного капитала в Индии и Пакистане. — Мировая экономика. Экономическое положение стран. Т. 2. М., 1974, с. 240—241.

60-х — начале 70-х годов была осуществлена национализация коммерческих банков, нескольких предприятий горнодобывающей промышленности, принадлежащих иностранному капиталу, нефтеперерабатывающих заводов, контролируемых нефтяными монополиями США и Англии.

Капиталистический кризис 70-х годов обострил проблемы платежного баланса Индии. Это обусловило политику использования иностранного капитала преимущественно в ориентированных на экспорт отраслях, где заморским инвестициям разрешалась большая доля в капитале смешанных предприятий.

Тенденция предоставления особых льгот иностранному капиталу в экспортном секторе характерна для многих стран Востока, испытывающих валютные трудности в обеспечении экономических программ. Между некоторыми странами Юго-Восточной Азии разворачивается своего рода конкуренция по привлечению иностранного капитала. Правительства Индонезии, Сингапура, Малайзии, Филиппин идут в этих целях на обеспечение различных льгот МНК. В Сингапуре, например, предприятиям обрабатывающей промышленности предоставляется «пионерный статус», если отрасль, в которую инвестируется капитал, недостаточно развита в стране и существуют благоприятные перспективы ее развития и экспорта продукции.

«Пионерный статус» дает право на «налоговые каникулы» в течение пяти лет, начиная со дня выпуска продукции, на освобождение от уплаты налога на дивиденды сроком на пять лет, на ускоренную амортизацию (списание затрат на основной капитал в течение трех лет). Максимальный срок «налоговых каникул» — 15 лет. Освобождаются от налогообложения также затраты на расширение предприятия, если их сумма превышает 10 млн. синг. долл. (Компании, выпускающие продукцию для внутреннего рынка, этими льготами не пользуются.) В Сингапуре не ограничиваются репатриация дивидендов и капитала и доля участия иностранных инвесторов в капитале³⁹.

В Малайзии, на Филиппинах также проводится политика поощрения иностранных инвестиций в ориентированные на экспорт отрасли обрабатывающей промышленности: иностранному капиталу предоставляются налоговые льготы, разрешается высокая доля участия.

В Индонезии после 1965 г. произошло, по сути дела, воссоздание ликвидированного ранее уклада иностранного монополистического предпринимательства. Этот процесс получил оформление в ряде законов. Так, в январе 1967 г. был издан закон об иностранных капиталовложениях, предусматривающий многочисленные налоговые льготы. Импорт оборудования, сырья, полуфабрикатов и готовых изделий для создания новых предприятий освобождался от таможенных пошлин, инвестору га-

³⁹ «Overseas Business Reports», 1975, № 8, March, с. 22—23.

рантировался неограниченный перевод прибылей и освобождение от уплаты налогов на шесть лет. Максимальная ставка налогов на прибыль с иностранных вкладчиков была в середине 1970 г. снижена с 60 до 45%. В том же году правительство Индонезии решило впредь отдавать предпочтение иностранным инвестициям в те отрасли экономики, развитие которых способствовало бы общему экономическому развитию страны. Одновременно был прекращен допуск новых иностранных инвестиций в 30 отраслей промышленности, в том числе в фармацевтическую промышленность Джакарты и Западной Явы⁴⁰.

Страны Востока, пытающиеся регулировать деятельность иностранных компаний, как правило, стремятся и к ограничению перевода прибылей в страны — экспортеры капитала. В большинстве государств Юго-Восточной Азии за иностранными компаниями сохранено формальное право переводов не более 10—15% прибылей на инвестированный капитал. Многие страны Востока допускают иностранные инвестиции лишь в смешанные компании с участием национального (в том числе и государственного) капитала, ограничивают долю участия иностранных инвесторов в этих компаниях. В Алжире эта доля обычно не превышает 49%. В Индии с 1973 г. потолок иностранного участия в капитале смешанных промышленных компаний установлен в 40%, в исключительных случаях (для компаний, производящих экспортную продукцию или использующих сложную технологию производства) — 74%⁴¹. Показательно, что даже страны, всячески поощряющие иностранные инвестиции, вводят определенные ограничения, аннулируют ранее предоставленные иностранным инвесторам льготы. Например, Малайзия, установившая льготный режим для инвестиций в экспортные отрасли обрабатывающей промышленности с «пионерным статусом», в апреле 1975 г. в условиях валютно-финансовых затруднений практически предоставила государственной нефтяной компании «Петронас» право национализировать часть акций в компаниях, занятых сбытом и переработкой нефти и нефтепродуктов (впоследствии, под нажимом МНК, Малайзия смягчила свои требования). Власти Индонезии после волны антияпонских демонстраций, прокатившейся по стране во время визита премьер-министра Японии в январе 1974 г., ограничили льготы, предоставляемые иностранному капиталу, повысили требуемую долю собственно индонезийского участия в капитале смешанных компаний с 10—20% до 51%, на 10 лет запретили иностранные инвестиции в лесоводстве⁴².

⁴⁰ «Overseas Business Reports», 1972, № 9, May, с. 5—7; «The Financial Times», L., 18.VIII.1971.

⁴¹ «Eastern Economist», 1974, Jan. 4, с. 43.

⁴² См.: «Far Eastern Economic Review», 1975, August 29, Suppl., с. 14; 1977, July 29, с. 95; «Overseas Business Reports», 1975, № 2, February, с. 22.

В целом применительно к странам Востока можно говорить о тенденции ограничения участия (доли) иностранного капитала в разработке природных ресурсов и поощрения в той или иной степени инвестиций МНК в предприятия обрабатывающей промышленности, особенно выпускающие экспортную продукцию. Транснациональные корпорации вынуждены учитывать эту тенденцию и модифицировать формы и методы своей деятельности в многоукладных странах, приспособляясь к их требованиям.

Преобладающей формой участия империалистических монополий в эксплуатации вновь создаваемых в многоукладных странах предприятий является организация смешанных предприятий как с национальными частными, так и с государственными компаниями этих стран. Если раньше такие монополии, как «Дженерал Моторс», категорически отказывались вкладывать капитал в предприятия, где им не принадлежало бы 100% капитала, то теперь, учитывая позицию стран Востока (как уже отмечалось, многие из них допускают привлечение иностранных инвестиций только в смешанные компании), они все чаще вынуждены идти на определенное партнерство с национальным капиталом. Наиболее приемлемый партнер для МНК — местный крупный капитал. Это партнерство — развитие смешанного предпринимательства, технического сотрудничества частного иностранного и национального капитала — несет на себе определенную классовую нагрузку: оно призвано способствовать укреплению социальной опоры капиталистического уклада. Отдельные МНК идут на сотрудничество также с госсектором.

В конкретных условиях развития сегодняшних многоукладных стран участие в смешанных компаниях приносит иностранному капиталу немалые экономические выгоды. Такая форма сотрудничества позволяет ему проникать в важнейшие отрасли экономики этих стран, расширять свой экспорт, завоевывать внешний и внутренний рынки, пользуясь всеми льготами, предоставляемыми национальным компаниям. Инвестирование в смешанные предприятия своего капитала, оказание технических услуг при пользовании льготами, обеспечиваемыми национальному капиталу, нередко дает иностранным участникам этих предприятий возможность получать более высокие прибыли, чем владельцам «чистых» иностранных предприятий. Определенные выгоды, в частности с точки зрения освоения новых отраслей промышленности и получения более высоких прибылей, смешанные компании приносят и национальному предпринимательству.

Смешанные компании, однако, ни в коей мере нельзя рассматривать как «идиллию сотрудничества». В них происходит борьба между национальным и иностранным капиталом. По словам советского исследователя Э. Е. Обминского, форма сме-

шанной компании заключает в себе в миниатюре глубокие противоречия, свойственные взаимоотношениям развивающихся стран и империалистических государств⁴³.

Стремясь сохранить свои позиции в странах Востока, МНК идут на увеличение доли местных кадров в управленческом персонале, приспособляют к специфическим условиям развивающихся стран свою продукцию и технологию ее производства, заключают контракты о передаче технических знаний, об услугах без участия в капитале.

К новым формам экспансии международного монополистического капитала относится и получившая широкое распространение, в частности в странах Юго-Восточной Азии, особая система субподрядов. При этой системе заводы на местах специализируются на производстве каких-то элементов (деталей, узлов, частей) для более сложных товаров, производимых международными монополиями. Такие заводы, а они могут быть либо филиалом иностранной компании, либо смешанным обществом, либо даже собственностью местного капитала, не обладают производственной самостоятельностью. Фактически они превращаются в придатки многонациональных корпораций⁴⁴.

Приток капитала из развитых капиталистических стран в многоукладные в известной степени способствует развитию экономики последних, росту в них промышленного строительства. Вместе с тем, внедряясь в важнейшие отрасли экономики многоукладных стран, иностранный капитал становится существенным элементом процесса воспроизводства в них и оказывает значительное давление на их хозяйство. Первоначально инвестирование иностранного капитала является для многоукладных стран притоком, а для страны-инвестора — оттоком капитала. Впоследствии положение меняется в связи с отливом капитала из страны, куда он был инвестирован, в форме перевода прибылей, дивидендов, оплаты импортируемого технического опыта. Страны, ограничивающие репатриацию прибылей, тем самым поощряют их реинвестирование. Реинвестиции играют в экономике развивающихся стран двойственную, противоречивую роль. В краткосрочном плане они способствуют смягчению трудностей платежного баланса, росту капиталовложений и, следовательно, стимулируют развитие экономики. Однако в перспективе реинвестиции ведут к росту оттока прибылей (ибо возрастает сумма иностранных капиталовложений), к ухудшению валютно-финансового положения страны — импортера капитала, к росту ее зависимости от многонациональных корпораций.

⁴³ Э. Е. Обминский. Развивающиеся страны и международное разделение труда. М., 1974, с. 95.

⁴⁴ См.: Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., 1975, с. 82.

НЕФТЬ И НОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МНОГОУКЛАДНЫХ СТРАН

В большинстве стран, где вывоз прибылей иностранного капитала не ограничивается, большая их часть вывозится. Например, в странах Южной и Юго-Восточной Азии в 1973 г. отток дивидендов был равен притоку новых иностранных прямых частных инвестиций, а в целом в развивающихся странах — более чем в 3 раза превысил его⁴⁵.

Переводы прибылей и дивидендов по частным инвестициям, а также выплата процентов и погашение государственных и частных займов и кредитов поглощают огромную долю национальных ресурсов развивающихся стран. Рост внешней задолженности и связанный с этим отток средств из них являются серьезными причинами ухудшения их валютно-финансового положения, вынуждают многие страны сокращать импорт машин и оборудования, сырья и материалов, что, в свою очередь, тормозит рост промышленного производства в этих странах.

Иностранный частный капитал, который обычно направляется в наиболее развитые или располагающие месторождениями сырья районы страны, ведет к углублению неравномерности развития отдельных районов внутри ее, к углублению разрыва между сравнительно развитыми и менее развитыми странами Востока. Поскольку заработная плата на предприятиях МНК выше, чем на местных, их функционирование усугубляет также неравномерность распределения доходов в развивающихся странах.

Привлечение иностранного частного капитала многоукладными странами Востока является объективной необходимостью и представляет собой сложный и противоречивый процесс. Деятельность иностранного капитала в этих странах неоднозначна: с одной стороны, он преследует исключительно своекорыстные цели и его проникновение таит в себе реальную угрозу сохранения и усиления экономической зависимости многоукладных стран от империалистических держав, что является одной из главных задач неокOLONИализма; с другой — использование иностранного капитала способствует ускорению развития производительных сил этих стран, диверсификации и укреплению их национальной экономики.

⁴⁵ Transnational Corporations in World Development, с. 251.

С начала 70-х годов особую, беспрецедентную роль в мировой экономике и политике приобрела проблема нефти, равно как особое место среди развивающихся стран заняли многоукладные нефтедобывающие государства.

Проблема нефти в международном масштабе изначально возникла на рубеже XIX—XX вв., когда развивавшаяся экономика капиталистических стран стала предъявлять все больший спрос на топливо. В конце прошлого столетия были заключены первые концессионные соглашения, и компании из империалистических стран приступили к поискам месторождений нефти в колониальных и зависимых странах.

Потребность в нефти резко возросла в годы первой мировой войны, давшей мощный толчок развитию авиации, автотранспорта, переводу военных и гражданских судов на жидкое топливо. С этого времени нефть постепенно превращается во все более важную часть мирового энергетического баланса, и вопрос о том, кто, где, как, на каких условиях осуществляет ее добычу, становится одним из самых животрепещущих экономических, социальных и политических вопросов внутренней и международной жизни.

Коренные сдвиги в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма после второй мировой войны и успехи национально-освободительного движения в огромной степени способствовали развитию самосознания освободившихся народов, укрепляли их решимость покончить с отсталостью и нищетой, добиться подлинной политической и экономической независимости. Для нефтедобывающих стран одним из важнейших аспектов борьбы за такую независимость стала борьба против зарубежных нефтяных монополий. Позиции того или иного класса, той или иной партии, того или иного правительства в этой борьбе определяют отношение этих классов, партий, правительств к развитию своей страны в целом.

Уже в конце 40-х — начале 50-х годов нефтедобывающие страны Ближнего Востока были охвачены национально-освобо-

дательным движением, которое вынудило империалистов пойти на увеличение концессионных платежей. В соответствии с пересмотренными тогда финансовыми условиями концессий монополиям пришлось вместо фиксированных платежей с единицы добытой нефти установить принцип так называемого «равного раздела прибыли». Впервые на Ближнем Востоке он был введен в 1950 г. соглашением правительства Саудовской Аравии с американской нефтяной компанией АРАМКО (до того в 1948 г. его ввели только в Венесуэле). Этот прецедент дал основание другим нефтедобывающим странам Востока требовать пересмотра соглашений.

После введения принципа «равного раздела прибыли» колониальная сущность концессионных договоров, однако, не изменилась. Их условия, как и прежде, ущемляли суверенные права народов, а сам «равный раздел прибыли» от продажи сырой нефти оставлял широкий простор для всякого рода жульнических махинаций. Уступки, вырванные нефтедобывающими странами у монополий, были лишь первым успехом этих стран в их борьбе за экономическую независимость.

Одновременно с борьбой нефтедобывающих стран за экономическую независимость усиливается и межимпериалистическая борьба за эксплуатацию природных богатств этих стран. Главными соперниками в ней выступают Международный нефтяной картель и нефтяные монополии государств, не имевших ранее доступа к нефтяным богатствам развивающихся стран, например монополии Италии, Франции, Японии. Эти компании-аутсайдеры предлагают нефтедобывающим странам концессионные соглашения более выгодные, чем кабальные концессии членов Международного нефтяного картеля, что неизбежно обостряет конкуренцию между обеими группами монополий.

Стремление Международного нефтяного картеля и в новых условиях во что бы то ни стало сохранить свои гигантские сверхприбыли толкает его на поиски нефти во многих районах мира, в частности в Африке.

Западные нефтяные монополии, общее число которых к 70-м годам достигло примерно 100, за 60-е годы удвоили свои капиталовложения в нефтяную промышленность стран Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки. К концу 70-х годов нефтедобывающими странами в этом регионе уже были 15 стран вместо 7 в 1960 г. Разведанные запасы нефти в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке повысились до 55 млрд. т (74% разведанных запасов несоциалистического мира), а добыча нефти возросла до 1357 млн. т (59% общей добычи несоциалистического мира)¹.

В нефтяной промышленности концентрировалась значительная масса направлявшихся в эти районы частных инвестиций

¹ Подсчитано по данным журнала «The Oil and Gas Journal» за 1978 г.

США, Англии, Франции и других капиталистических государств. В 1971—1972 гг., например, в добычу нефти и газа было инвестировано 64% прямых вложений промышленно развитых капиталистических стран на Ближнем Востоке; немалую долю (44%) такие инвестиции составляли и в других районах Азии².

Важным стимулом служили исключительно широкие возможности для наживы: доходы монополий в нефтяной отрасли во много раз превышали их расходы.

В списке основных иностранных инвесторов в странах Северной Африки и Ближнего Востока в начале 70-х годов на первое место выдвинулись США.

Прямые частные инвестиции США в этих странах неуклонно увеличивались: в 1950 г. они составляли 692 млн. долл., в 1957 г. — 1138 млн., в 1964 г. — 1331 млн., а в 1973 г. — уже 2378 млн. долл., причем 93% американских инвестиций здесь составили капиталовложения в нефтедобывающую промышленность³.

Последнее отражало тот известный факт, что иностранные монополии в нефтедобывающих странах способствовали развитию лишь узкого круга отраслей добывающей промышленности. Условия же для развития прочих отраслей материального производства оставались здесь крайне неблагоприятными.

Уровень экономического развития нефтедобывающих стран ко времени появления там иностранных нефтяных концессий был настолько низок, что концессионные платежи с самого начала играли важную роль в системе государственных финансов этих стран. Так, уже в 40-х годах удельный вес концессионных платежей в доходной части государственного бюджета Ирака (1947 г.) составлял 10%, Саудовской Аравии (1948 г.) — 49,3, Бахрейна (1946 г.) — 54,6%⁴.

В дальнейшем, с ростом добычи нефти, поступления от ее экспорта стали составлять весьма существенную часть доходов нефтедобывающих стран. Экономика таких стран, как Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Бахрейн, Ливия, практически целиком зависит от экспорта нефти, так как доходы от нее составляют более 90% доходной части их бюджета.

Сложность положения, в котором находятся молодые национальные государства Востока, в том числе и нефтедобывающие, заключается прежде всего в том, что сама логика экономического развития требует от них, с одной стороны, преодоления отрицательных последствий навязанной им монополярной специализации, а с другой — ее максимально эффективного использования для ускорения процесса экономического развития, конечной целью которого является создание многоотрас-

² «Development Co-operation 1973 Review». P., 1973, с. 149.

³ «Survey of Current Business». Wash., 1974, № 8, с. 18.

⁴ Р. Н. Андреасян, А. Я. Эльянов. Ближний Восток, нефть и независимость. М., 1961, с. 121.

левой национальной экономики. При этом учитывается, что соответствующие экспортные отрасли стран Востока развивались на базе определенных природных условий, к тому же аккумулировали трудовой опыт, навыки и высокий уровень производительности труда, наконец, легли в основу сложившихся мирохозяйственных связей.

Начиная с 60-х годов, несмотря на сопротивление иностранных нефтяных компаний, правительства нефтедобывающих стран добились существенного ограничения деятельности последних и повысили свою роль в эксплуатации нефтяных месторождений. Ослаблению позиций иностранных нефтяных монополий способствовала деятельность нефтедобывающих стран по координации их нефтяной политики. Наиболее представительной в этом отношении организацией является созданная в 1960 г. Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК)⁵. Нацеленные первоначально на решение проблем цен, действия ОПЕК затем распространились на налоговую политику, а позднее поднялись до попыток утверждения национального контроля над добычей нефти.

Деятельность правительств нефтедобывающих стран развивается в нескольких направлениях. Одно из них — борьба за пересмотр соглашений с иностранными компаниями об условиях эксплуатации нефтяных ресурсов. В ходе упорной борьбы против господства иностранных нефтяных монополий все нефтедобывающие страны Востока стали создавать государственные нефтяные компании, наделенные правом организовывать совместно с иностранным капиталом смешанные компании, а также самостоятельно разведывать, добывать, транспортировать и сбывать нефть. Таковы, например, СОНАТРАК в Алжире, ЛИНОКО в Ливии, ИНОК в Ираке, ПЕТРОМИН в Саудовской Аравии, ПЕРТАМИНА в Индонезии.

Сторону нефтедобывающих стран в смешанных компаниях всегда представляют государственные национальные компании, так как национальный частный капитал этих стран слишком слаб для такого партнерства. Что касается иностранного капитала, то тут можно проследить любопытные явления. Во всех нефтедобывающих странах, как правило, оперирует иностранный частный капитал в лице могущественных нефтяных монополий. Такое положение вещей сохраняется до тех пор, пока правительство нефтедобывающей страны не начинает борьбу за улучшение условий нефтяных соглашений. Тогда на арене появляются конкуренты — государственные нефтяные монополии других империалистических стран, предлагающие лучшие условия и прокладываящие тем самым дорогу своему частному капиталу. Примером может служить деятельность в нефтедобы-

⁵ На середину 1978 г. в ОПЕК состояло 13 членов: Саудовская Аравия, Ирак, Кувейт, Катар, Абу-Даби, Иран, Индонезия, Алжир, Ливия, Нигерия, Габон, Венесуэла и Эквадор.

вающих странах Ближнего Востока и Северной Африки ЭНИ — второй по величине государственно-монополистической группы Италии.

В ряде случаев иностранные государственные монополии не только поддерживают свой частный капитал в конкурентной борьбе, но и защищают его, когда ему угрожает ограничение сфер деятельности или национализация. Так, ЭРАП, крупнейшая государственная монополия Франции, с одной стороны, пробивая дорогу французскому капиталу в Ираке и Ливии, вступила в сотрудничество с местными государственными компаниями ИНОК и ЛИНОКО; с другой — стремясь сохранить в Алжире позиции своего частного капитала, взяла на себя ответственность за деятельность всех французских нефтедобывающих компаний в этой стране и от их имени подписала в 1965 г. соглашение с алжирским правительством.

Важным направлением деятельности правительств нефтедобывающих стран стало повышение доходов от нефти. Успеху ОПЕК в этой области в начале 70-х годов в немалой степени способствовали коренные изменения на мировом капиталистическом рынке нефти, где вследствие явного отставания производства энергии от возрастающего объема энергопотребления спрос на нефть впервые за долгие годы стал опережать ее предложение. В этих условиях роль импорта нефти, особенно для стран Западной Европы и Японии, где производство национальных энергоресурсов или недостаточно, или чрезвычайно мало, значительно возросла. Так, доля нефти, ввозимой только из арабских стран, в 1970 г. составила в нефтепереработке Англии 71,4%, Франции — 73,4, Италии — 76,3 и Японии — 40,7%⁶.

Твердая позиция стран ОПЕК уже в 1971 г. вынудила нефтяные монополии пойти на серьезные уступки. Согласно решениям конференций в Тегеране и Триполи справочная цена на нефть в странах Персидского залива была поднята на 20% и в Ливии — на 46%, причем было предусмотрено ежегодное повышение цен (в течение срока действия соглашения) в среднем на 5% для стран Персидского залива и 2,5% — для Ливии с прибавкой для всех по 5—7% (на 1 баррель нефти) в возмещение потерь от инфляции, т. е., по существу, для компенсации роста цен на промышленные изделия, составляющие основу импорта нефтедобывающих стран.

В январе 1972 и в июле 1973 г. на конференциях в Женеве страны ОПЕК вновь вынудили нефтяные монополии в связи с девальвацией доллара поднять справочные цены на нефть соответственно на 8,5 и 11%.

Решения, принятые в Тегеране, Триполи и Женеве, стали поворотным пунктом в борьбе ОПЕК за цены. Государства —

⁶ Подсчитано по: «International Petroleum Annual. 1972». Wash., [6. г.].

экспортеры нефти сумели добиться также повышения своей доли в прибылях от экспорта нефти до 55%⁷.

К 70-м годам страны — экспортеры нефти уже подошли к осознанию необходимости принципиальных изменений в характере отношений с иностранными нефтяными монополиями. Национализация собственности иностранных нефтяных компаний, осуществленная в Алжире и Ливии в 1971 г., хотя и носила частичный характер (в середине 70-х годов национальные компании этих стран контролировали добычу нефти уже соответственно на 80% и более чем на 60%), положила начало целой волне национализаций в странах — экспортерах нефти.

Первой страной, осуществившей полную национализацию иностранной собственности в нефтедобывающей промышленности (если не считать окончившуюся неудачей попытку Ирана в 1951 г. национализировать Англо-Иранскую нефтяную компанию), стал Ирак. 1 июля 1972 г. «Ирак Петролеум Компани» была национализирована. Одновременно Сирия национализировала всю собственность ИПК на своей территории.

Вслед за названными странами осуществили национализацию иностранных нефтяных компаний многие другие нефтедобывающие государства, которые стали контролировать большую часть нефтедобычи в своих странах. Так, Бахрейн к середине 70-х годов контролировал 60% нефтедобычи, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Дубай — все 100%. Нигерийская национальная нефтяная корпорация для увеличения своей доли участия в добыче нефти в стране приобрела 55% акций крупнейших нефтяных компаний «Шелл-БП», «Галф», «Мобил», «Аджип-Филипс» и «Эльф»⁸.

Национализация, усиление государственного контроля позволили нефтедобывающим странам укрепить госсектор и увеличить свои поступления от экспорта нефти.

Очевидно, что толчком для перехода нефтедобывающих стран к решительным действиям, направленным на ликвидацию их неравноправного положения в мировом хозяйстве, послужило вступление в 70-х годах капиталистического мира в полосу серьезных экономических потрясений.

Разразившийся энергетический кризис является прежде всего отражением кризиса империалистической системы ограбления стран — экспортеров нефти. Нефть перестала быть и колониальным, и дешевым товаром.

Очень высокая степень зависимости основных капиталистических стран от импорта нефти из развивающихся стран влияет на характер их политических и экономических связей в целом.

Коллективные меры, осуществленные в 1973 г. нефтедобыва-

⁷ Вики. 1972 Прил. № 7, с. 48.

⁸ «Petroleum Economist», L., 1976, № 6. В 1979 г. правительство Нигерии полностью национализировало компанию «Шелл-БП» у себя в стране.

ющими арабскими странами по ограничению добычи и поставок нефти, имели не только экономические, но и большие политические последствия, вынудив многие развитые капиталистические страны встать на путь переоценки своей ближневосточной политики.

Ограничения на поставки нефти в страны Западной Европы и Японию в основном были сняты уже к марту 1974 г. Тем не менее энергетический кризис продолжается, выражаясь теперь не в нехватке нефти, а в целом ряде факторов долговременного порядка. В их числе постоянное повышение цен на нефть и нефтепродукты, возросший дефицит торговых и платежных балансов капиталистических и развивающихся стран — импортеров нефти, рост инфляции, спад производства и вытекающие отсюда осложнения социального характера.

Перечисленные факторы выступили сейчас на передний план, и среди них, как и указано в нашем перечне, первое место занимает повышение цен на нефть и нефтепродукты.

События бурного 1973 года позволили странам ОПЕК неоднократно повышать цены на нефть, и к началу 1974 г. они были вчетверо выше, чем в первой половине 1973 г.

Ярким примером небывалого роста цен на нефть в течение года могут служить данные по одному из членов ОПЕК — Алжиру. Цена 1 барреля сырой нефти здесь составляла: 1 января 1973 г. — 3,00 долл., 1 апреля — 3,60, 1 сентября — 5,00, 16 октября — 7,75, 1 января 1974 г. — 14,00 долл.⁹.

После этого вплоть до 1979 г. ОПЕК повышала справочную (базовую) цену на сырую нефть еще дважды: с 1 октября 1975 г. — на 10% и с 1 января 1977 г. — также на 10%. В результате она увеличилась в среднем до 12,7 долл. за баррель. В 1979 г. в три приема было осуществлено новое повышение цены на нефть, и она достигла 18—23,5 долл. за баррель¹⁰.

Таким образом, ныне нефтедобывающие страны — обладатели не только уникальных по ценности природных ресурсов, без которых современная капиталистическая хозяйственная машина не может нормально функционировать, но и колоссальных финансовых средств, приток которых продолжается.

Энергетический и валютный кризис отчетливо обнаружил слабость одной из важнейших социально-экономических основ государственно-монополистического капитализма. Стало очевидным, что нынешний ход расширенного воспроизводства в развитых капиталистических странах в значительной мере определяется такими материальными и стоимостными факторами, которые прямо базируются на нещадной эксплуатации развивающихся стран. Естественно, что любое уменьшение подобной

⁹ «Petroleum Economist», 1975, № 2, с. 51.

¹⁰ «Мировая экономика и международные отношения» (далее — МЭиМО), 1980, № 1, с. 45.

эксплуатации, приближение к равноправным внешнеэкономическим связям между развитыми капиталистическими и развивающимися государствами сотрясает основы мирового капитализма, вызывает его мучительную перестройку, свидетельствует о дальнейшем углублении его общего кризиса.

Своеобразное сочетание природных, экономических и исторических факторов привело к обогащению нескольких развивающихся стран и созданию там благоприятных условий для решения проблемы накопления. При этом следует учесть, что нефтедобывающие страны различаются между собой по территории, численности населения, уровню развития производительных сил и лишь часть их в состоянии утилизировать весь доход от экспорта нефти внутри страны. Перед этими странами встал вопрос, как рациональнее использовать денежные фонды на внутреннем и внешнем рынке. Буржуазия Запада кровно заинтересована в том, чтобы удержать «нефтяные деньги» в своей экономике, тем более что золотовалютные резервы стран ОПЕК летом 1977 г. достигли 71 млрд. долл. — трети всех резервов несоциалистического мира¹¹.

С начала значительного повышения цен на нефть (январь 1974 г.) прошло сравнительно немного времени, однако его оказалось достаточно, чтобы четко наметились тенденции развития нефтедобывающих стран. Высокие доходы от экспорта нефти позволили правительствам этих стран смелее и последовательнее осуществлять свои планы, причем особое значение имел такой фактор, как превращение в ряде этих стран государства в хозяйственный орган.

В многоукладных нефтедобывающих странах за счет доходов от экспорта нефти формируется преобладающая доля национального дохода, валютной выручки и доходов государственного бюджета. В прямой зависимости от этих доходов находится объем ассигнований на планы национального развития. В таких условиях экономическая функция государства выдвигается на одно из первых мест и от классового содержания государственной власти зависят предпосылки формирования и развития тех или иных производственных отношений. Использование нефтедолларов стало важной проблемой направления социально-экономического развития нефтедобывающих стран.

Огромное значение доходов от нефти для экономики нефтедобывающих стран является важнейшей причиной их стремления к установлению полного государственного контроля над деятельностью иностранных монополий в различных секторах нефтяной промышленности. Вместе с тем тот факт, что продажа нефти является результатом завершения длинной цепи последовательных этапов разведки месторождений, добычи нефти, транспортировки ее по нефтепроводам и морем, перегонки на

¹¹ «Middle East Economic Digest», 14.X.1977, с. 18.

специальных заводах и наконец сбыта через торговую сеть, вынуждает страны — экспортеры нефти, даже осуществившие 100%-ную национализацию нефтедобычи, сотрудничать с иностранными компаниями на разных этапах процесса.

Следует при этом также отметить зависимость доли участия национального государства в развитии своей нефтегазовой промышленности от размеров запасов нефти и газа и их значения в снабжении сырьем мирового рынка. Например, в Тунисе, где достоверные запасы нефти невелики и добыча началась недавно, разведка нефти почти целиком, а добыча не менее чем наполовину находится в руках иностранных нефтяных монополий.

Все многоукладные нефтедобывающие страны резко увеличили капиталовложения в экономическое развитие. Так, в Ливии планом на 1976—1980 гг. предусмотрены вдвое большие среднегодовые капиталовложения, чем предыдущей трехлетней программой; в Алжире плановые ассигнования на 1974—1977 гг. в 3 раза превышали их уровень в 1970—1974 гг.; в Саудовской Аравии на осуществление плана 1975—1979 гг. были выделены капиталовложения, более чем втрое превышающие инвестиции на план 1971—1975 гг.; в Ираке капиталовложения в план развития 1974—1979 гг. в 6 раз превосходили инвестиции по плану на 1970—1974 гг.^{11а}.

Конкретные направления таких огромных ассигнований нефтедобывающих стран во многом зависят от уровня развития производительных сил, а также от классовой и политической сущности государственного сектора в каждой конкретной стране. Различное сочетание и взаимодействие названных факторов в большой мере обуславливает известные различия экономического курса той или иной страны, притом что практически все эти страны стремятся к преодолению экономической отсталости, разностороннему развитию производительных сил.

Организация и расширение промышленных видов производства в многоукладных странах обычно связаны (правда, в разной степени) с деятельностью государства. Особенно это относится к созданию предприятий нефте- и газоперерабатывающей промышленности, а также нефтехимии.

В настоящее время, по сути дела, все нефтедобывающие страны создают у себя такие предприятия. При этом ими руководит стремление «облагородить» экспорт и соответственно увеличить экспортные доходы и в то же время удовлетворить собственные потребности в нефтепродуктах, тем более что запасы нефти в некоторых из них, в том числе в Кувейте и Ливии, оказались не так велики, как представлялось раньше.

Повсеместно в нефтедобывающих странах поощряется смешанное предпринимательство. Но если в Алжире, Ираке, Ливии

^{11а} Подсчитано в текущих ценах на основании данных национальных статистик.

постоянным партнером иностранного капитала в смешанных компаниях является государство, то в других странах — экспортерах нефти в создании с иностранным капиталом смешанных фирм партнером нередко выступает местный частный капитал. Определенной защитной мерой от активного проникновения в экономику этих нефтедобывающих стран многонациональных корпораций является поощрение правительствами некоторых из них создания смешанных компаний с капиталом других многоукладных государств.

Весьма своеобразную группу нефтедобывающих стран являют собой такие арабские страны зоны Персидского залива, как Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Катар, Абу-Даби. Если пролившийся внезапно «золотой дождь» застал в других многоукладных нефтедобывающих странах относительно развитые производительные силы, то тут он пал на почву феодально-племенного общества, для которого нефтяная промышленность — одна из самых передовых отраслей индустрии XX в. — в целом ряде случаев все еще остается инородным телом. Феодальная элита этих стран получила возможность проводить определенную политику с целью сглаживания социальных противоречий: повышать доходы местных трудящихся, препятствуя процессу их пролетаризации и противопоставляя иностранным рабочим. Взаимоотношения феодально-монархических членов ОПЕК с империализмом носят противоречивый характер: с одной стороны, это соперничество в борьбе за дележ доходов от нефти, с другой — союзничество в области внешнеполитических интересов, в международной классовой борьбе, что проявляется в невиданных ранее формах и масштабах сотрудничества этих нефтедобывающих стран с монополиями Запада.

Как уже отмечалось, не все нефтедобывающие страны из-за экономической слабости в состоянии использовать огромные денежные поступления от экспорта нефти на собственные производительные нужды. Только за 1976 г. доходы стран — членов ОПЕК достигли 103,5 млрд. долл., но лишь 63 млрд. долл. было использовано ими для развития своей экономики и на другие внутренние цели¹². Нефтедоллары стали определенным фактором воздействия на валютный рынок. В частности, и поэтому страны развитого капитала стремятся расширить экономическое сотрудничество прежде всего с теми развивающимися государствами, в которых добывается нефть. Вместе с тем перед нефтедобывающими странами стоит проблема: как в обстановке непрекращающейся инфляции уменьшить валютные потери. Предпринимаются самые различные варианты использования нефтедолларов, в том числе посредством установления особых новых связей нефтедобывающих стран с иностранным монополистическим капиталом.

¹² «Деньги и кредит», 1977, № 7, с. 93.

Один из таких вариантов — создание смешанных банковских учреждений. Интерес к подобному использованию капиталов очень велик. Уже к концу 1974 г. было открыто более 20 таких учреждений с арабским, иранским, американским, западноевропейским и японским капиталом¹³.

Широко практиковались двусторонние связи стран ОПЕК с промышленно развитыми странами. Так, в 1974 г. Иран предоставил английским национализированным промышленным предприятиям кредиты в 1,2 млрд. долл. и обязался разместить в Банке Франции за трехлетний период депозиты в размере 1 млрд. долл. под поставки французского оборудования. Тогда же между Францией и Ираном был подписан ряд соглашений и контрактов о строительстве на его территории различных промышленных предприятий, включая нефтехимические комплексы, сталелитейный завод, АЭС, газопроводы и пр., общей стоимостью 10,5 млрд. долл. Ираном было подписано также соглашение с Италией на сумму в 3,1 млрд. долл.¹⁴.

По расчетам экономиста из нью-йоркского «Чейз Манхэттен Бэнк» Ш. Галиба, общая сумма иностранных активов, принадлежащих странам ОПЕК, оценивалась на конец 1978 г. в 188 млрд. долл. При этом, по его данным, основная часть названной суммы (порядка 70%) приходилась на долю лишь трех стран — Саудовской Аравии, Кувейта и Объединенных Арабских Эмиратов¹⁵.

Капитал многоукладных нефтедобывающих государств появился практически во всех развитых капиталистических странах. Его появление вызывает противоречивую реакцию деловых кругов этих стран. С одной стороны, они крайне заинтересованы в том, чтобы использовать нефтедоллары государств — экспортеров нефти, с другой — опасаются роста влияния последних. В 1974 г. арабские компании приобрели акции всемирно известной американской нефтяной монополии «Оксидентл Петролеум Корпорейшн» на 4 млн. долл.; тогда же Кувейт купил 14% акций компании «Даймлер-Бенц АГ», занимавшей второе место среди автомобилестроительных компаний ФРГ. Однако, когда даже шахский Иран, проводивший явно проимпериалистическую политику, попытался купить большой пакет акций той же фирмы, он получил отказ.

Тогда же потерпела неудачу попытка ливанского банка «Ферст Арабиэн Корпорейшн», представлявшего капитал стран Персидского залива, приобрести пакет акций крупной американской компании в авиационной и космической промышленности «Локхид»¹⁶.

¹³ Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975, с. 377.

¹⁴ «The Banker», 1975, № 589, с. 324.

¹⁵ МЭиМО, 1980, № 1, с. 55.

¹⁶ «U.S. News and World Report», 16.XII.1974, с. 60; А. Васильев. Факелы Персидского залива. М. 1976, с. 40—41, 43.

Ответом на попытки некоторых нефтедобывающих стран поставить под свой контроль ряд ведущих компаний в развитых капиталистических государствах были разработанные в США и западноевропейских странах меры по недопущению в ключевые отрасли экономики развитых капиталистических государств «нефтяного капитала».

Примерно с 1977 г. страны ОПЕК стали все решительнее ограничивать инвестирование свободных финансовых средств в Англию и США и переходить к большей региональной диверсификации своих зарубежных активов. Причиной этого является тот факт, что большая часть экспортной выручки стран ОПЕК теряется вследствие обесценения доллара и инфляционного роста цен на промышленную продукцию, ввозимую из развитых капиталистических стран. С конца 1979 г. страны ОПЕК проводят более жесткую политику в отношении доллара, так как американо-иранский финансовый конфликт показал ненадежность помещения нефтедолларов в США.

Важность нефтяных финансовых ресурсов, находящихся в руках нескольких государств, все больше ощущается развивающимися странами в целом. Возникла реальная возможность удовлетворять потребности основной части развивающихся стран во внешнем финансировании за счет огромных валютных авуаров нефтедобывающих стран — феномен большой экономической и политической значимости. Существенная часть нефтедолларов выделяется странами ОПЕК на оказание помощи развивающимся странам — импортерам нефти. Начавшись еще в 1970 г., эта помощь по мере повышения цен на нефть и роста доходов от ее реализации увеличивается и играет все более значительную роль в экономике стран-нефтеимпортеров.

Дополнительные расходы капиталистических стран на импорт нефти в какой-то, а иногда в весьма значительной мере компенсировались резко возросшим импортом нефтедобывающих стран. Так, в 1975 г. ФРГ удалось покрыть свои расходы по импорту нефти и нефтепродуктов на 82%, Швейцарии — на 60, Франции — на 46,8 и Италии — на 40%¹⁷. Развивающиеся страны — импортеры нефти лишены такой возможности, особенно многие африканские страны, которые долготяная засуха в зоне Сахеля поставила в крайне бедственное положение.

В 1974—1975 гг. роль основной международной организации, распределявшей финансовые средства ОПЕК между многоукладными странами, имеющими крупные дефициты платежных балансов, выполнял Международный валютный фонд. В рамках его был создан «нефтяной пул» (функционировавший до апреля 1976 г.), в ресурсах которого доля нефтедобывающих стран составляла 70—80%. Однако на развивающиеся страны — импор-

¹⁷ БИКИ, 18.IX.1976.

теры нефти пришлось всего треть средств, распределенных «пулом»¹⁸.

МБРР, чья деятельность в значительной мере затронута повышением цен на нефть, всячески стремится аккумулировать у себя нефтедоллары. Для этого он неоднократно выпускал в нефтедобывающих странах свои облигационные займы. За 1974 г., например, страны — экспортеры нефти приобрели его облигаций на 1419 млн. долл. и за первую половину 1975 г. — на 725 млн.¹⁹

Учитывая, что МВФ находится под контролем капиталистических стран Европы, а МБРР — США, страны — экспортеры нефти активизируют деятельность по созданию своего рынка капиталов. За 15 лет (1960—1975) арабские страны — члены Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК) создали более 20 специальных фондов и банков для предоставления финансовых средств развивающимся странам. Наиболее значительными среди них являются Арабский фонд экономического и социального развития, Кувейтский фонд экономического развития арабских стран, Фонд Абу-Даби, Арабский фонд экономического развития Африки, Фонд развития Саудовской Аравии и Иракский фонд помощи развитию.

Нефтедобывающие страны предоставляют развивающимся государствам также двустороннюю помощь и создают с ними смешанные компании, причем соответствующие соглашения заключаются обычно на межгосударственном уровне.

По оценке советника ОПЕК, основателя Арабского центра по изучению проблем нефти, Н. Саркиса, только в 1974 г. страны ОПЕК предоставили развивающимся странам помощь, составляющую 5,5% их (стран ОПЕК) ВВП. При этом страны — члены ОАПЕК выделили 9,5 млрд. долл. (из них 4,5 млрд. другим арабским странам), т. е. около 10% своего ВВП. Для сравнения можно отметить, что сумма помощи 10 капиталистических стран всем развивающимся странам тогда составляла 10 млрд. долл., т. е. только 0,7% их ВВП²⁰.

Если взять период с 1973 по 1976 г., то всего страны — члены ОПЕК приняли на себя обязательства финансировать развивающиеся страны в следующих размерах: в 1973 г. — 3274 млн. долл., в 1974 г. — 12 563 млн., в 1975 г. — 15 324 млн. и в 1976 г. — 10 360 млн. долл. Суммы выплаченных кредитов равнялись соответственно 1591 млн. долл., 7561 млн., 11 457 млн. и 8978 млн. долл.^{20а}

Среди этих обязательств были как займы, предоставленные

¹⁸ Там же.

¹⁹ Энергетический кризис в капиталистическом мире, с. 378.

²⁰ N. Sarkis. Le Pétrole à l'heure arabe. P., 1975, с. 142.

^{20а} ЮНКТАД. Финансовая солидарность в целях развития. Деятельность и учреждения стран — членов ОПЕК. Доклад Секретариата ЮНКТАД. Doc. TD/B/C.7(31), с. 33.

на льготных условиях (в 1975 г., например, они достигали 46% всех кредитов ОПЕК), так и обычные²¹.

В целом кредиты и иную помощь стран ОПЕК развивающимся государствам нельзя характеризовать однозначно: с одной стороны, реальная помощь этим государствам объективно укрепляет антиимпериалистический фронт, с другой — в ряде случаев, особенно когда донором оказывается страна, где у власти находится консервативный режим, помощь может способствовать определенным регрессивным явлениям в стране-реципиенте.

Уникальное положение нефтедобывающих стран выдвинуло их в условиях коренного изменения соотношения сил в мире в авангард борьбы развивающихся стран за новый мировой экономический порядок (НМЭП).

Как известно, одним из проявлений обострения общего кризиса капитализма явилось в наше время фронтальное столкновение между империализмом и развивающимися странами. В этом столкновении проблема НМЭП играет далеко не второстепенную роль. Сомнения относительно справедливости международного экономического порядка, игнорирующего чаяния большей части человечества, уступили в 70-х годах место открытому вызову империализму. Развивающиеся страны поняли, что их природные ресурсы, без которых невозможно процветание индустриальных стран, — это важное оружие в борьбе за самостоятельность. Первыми это оружие применили нефтедобывающие страны.

Имея перед глазами пример успешной борьбы стран — экспортеров нефти против засилья иностранного капитала, и другие многоукладные страны начинают координировать свои усилия в области производства и сбыта некоторых видов сырья и сельскохозяйственной продукции.

На VI и VII специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН развивающиеся страны единым фронтом выступили с требованием признать их право на суверенитет над своими природными ресурсами, на национализацию активов МНК и регулирование деятельности МНК в соответствии с национальными планами и целями развития. (Важность скорейшего овладения этим правом видна хотя бы из того, что только за 1973—1975 гг. инвесторы иностранного капитала изъяли из развивающихся стран, по оценке Секретариата ЮНКТАД, свыше 23 млрд. долл. чистой прибыли, причем масштабы этой эксплуатации непрерывно нарастают²².) На сырьевом рынке многонациональным корпорациям приходится теперь иметь дело не с одиночными атаками, а с коллективным наступлением развивающихся стран. Отчетливо проявляется стремление этих стран

²¹ «World Bank Annual Report, 1976». Wash., 1976, с. 11.

²² «Внешняя торговля». 1976, № 8, с. 4.

к полной или частичной национализации природных ресурсов, к повышению своей доли участия в добыче сырья.

По примеру стран — членов ОПЕК многоукладные страны — экспортеры разных видов сырья объединяются в ассоциации, которые в известной степени монополизуют производство и экспорт соответствующего сырья. Так, союз стран — экспортеров бананов контролирует 23% производства бананов и 70% их экспорта; ассоциация производителей натурального каучука сосредоточила 86% его производства и 93% экспорта; под контролем ассоциации производителей бокситов находится 71% мирового производства бокситов и 80% их экспорта; на долю ассоциации стран — экспортеров железной руды приходится 35% ее мирового производства и 65% экспорта и т. д.²³

Характерным для нашего времени стало не только создание ассоциаций производителей разных видов сырья, но и объединение самих этих ассоциаций и выдвижение коллективных требований в сфере международных экономических отношений. Так, группа развивающихся стран в ООН, известная как «группа 77-ми» (к 1980 г. присоединились еще 40 развивающихся стран), сформулировала требования, среди которых основными являются: стабилизация цен на сырье, всеобщий мораторий на долги, расширение доступа на западные рынки, передача развивающимся странам современной техники и технологии, а также помощь в повышении их самообеспеченности продовольствием и увеличение всех видов помощи беднейшим странам²⁴.

Принятие этих требований развитыми капиталистическими государствами привело бы к уменьшению эксплуатации многоукладных стран империализмом, формированию отношений, основанных на равноправном участии всех государств в решении мировых экономических проблем.

Однако на пути подобной перестройки международных экономических отношений стоят многочисленные препятствия, среди которых главные — ожесточенное сопротивление империализма и неоднородность и политическая пестрота развивающихся стран. Империализм не оставляет попыток укрепить свои позиции в многоукладных странах, в первую очередь прилагая усилия для их раскола. Реакционные режимы в ряде этих стран нередко способствуют проискам империалистов.

В таких условиях, перед лицом постоянного давления со стороны современного неокOLONиализма, основная масса развивающихся государств, и прежде всего страны социалистической ориентации, все отчетливее сознают важность их сплоченности между собой и объективную необходимость прочного единства со странами социалистического содружества.

²³ «Commerce extérieur». P., 1976, № 10, с. 1142.

²⁴ МЭиМО, 1977, № 5, с. 16.

МЕСТНОЕ РАЗВИТОЕ ЧАСТНОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Положение и роль местного развитого частнокапиталистического предпринимательства (как одного из капиталистических укладов) в социально-экономической структуре стран зарубежного Востока после освобождения от колониального гнета существенно изменились. Нынешнее состояние этого уклада в разных странах представляет разные (а в целом все) этапы и формы его эволюции: становление, развитие и укрепление (большинство развивающихся стран), значительное ограничение или сужение сферы его функционирования, серьезный подрыв (развивающиеся страны социалистической ориентации), полную его ликвидацию (социалистические государства). Подобные изменения от страны к стране отражают многообразие, сложность и противоречивость социального развития многоукладных стран.

Эволюция уклада местного развитого частнокапиталистического предпринимательства в основной массе развивающихся стран Востока происходит в условиях устойчивой многоукладности и колоссального распространения мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов. Социальная значимость этого уклада определяется прежде всего тем, что он выступает материальной основой бытия развитой части класса национальной буржуазии, класса, который стоит у власти (или делит власть с представителями других имущих слоев) в большинстве восточных стран. Особая роль этого уклада заключается в том, что он служит фундаментом, главной опорой функционирования среднего и крупного капитала. Чем прочнее данный уклад и чем шире он распространен, тем прочнее и шире сама основа существования прослойки средней и крупной буржуазии. В этой связи возникает необходимость в определении понятия «крупный капитал» применительно к многоукладным странам Востока.

На примере классического пути развития капитализма в странах Западной Европы видно, что понятие это относительно и исторически изменчиво. В течение долгого времени (до наступления господства промышленного капитала) крупный капи-

тал как понятие связывался преимущественно со сферой обращения или примыкающими к ней областями (откуп, подряды). Тогдашние крупные дельцы были или торговцами, или банкирами, или откупщиками. Когда эпоха первоначального накопления на Западе подошла к концу, когда возобладала капиталистическая фабричная промышленность, изменилась и основа понятия «крупный капитал». Доминирующей стала сфера производства. Поэтому на первый план выдвинулась фигура крупного фабриканта и лиц, связанных с ним. С этой поры понятие «крупный капитал» ассоциируется политэкономически прежде всего и главным образом с крупным, капиталистически организованным производством, определяющим и сферу обращения, т. е. крупный капитал теперь — это и крупный промышленник, и крупный торговец, и крупный банкир.

Применимо ли это установившееся понимание категории крупного капитала для развивающихся государств Востока? Применимо, но не полностью.

В этих странах первоначальное накопление далеко еще не закончилось, многоукладность не только не исчезает, но, наоборот, усиливается. В подобных условиях денежный капитал (торговый, ростовщический и т. п.) не потерял известной самостоятельности, не стал полностью обособившейся частью промышленного капитала (особенно национального), контактирует не только с капиталистическими укладами, и тем более с развитым. Степень этой самостоятельности неодинакова в различных странах Востока и обусловлена уровнем развития в них капитализма.

Понятие «крупный капитал» связано не только с крупной (или огромной) суммой денег (или собственностью), но и с определенным общественным характером производства, точнее, с крупным общественным производством в капиталистической форме. В капиталистически развитых странах денежное выражение величины капитала в целом совпадает с характером его материально-социальной базы. В многоукладных странах такой меры совпадения нет. Понятие «крупный капитал» для многоукладных стран имеет далеко не то же значение, что для капиталистически развитых государств, ибо в нем проступают отличия и особенности становления и развития капитализма в многоукладных странах. Следует добавить, что в некоторых странах наблюдаются различные стадии эволюции крупного капитала, причем каждый национальный крупный капитал обладает и своими специфическими чертами, обусловленными особенностью места и времени появления и динамики самого крупного капитала.

Итак, развитой частнокапиталистический уклад — естественная основа верхних слоев национальной буржуазии. Однако эта основа не является пока достаточно широкой и прочной. Ни в одной развивающейся стране Востока данный уклад не стал

Таблица 10

Чистый продукт (в текущих ценах)
и доля различных видов промышленного производства
в национальном доходе Индии*

Отрасль	1955/56 г.	1960/61 г.	1965/66 г.	1969/70 г.	1970/71 г.**	1974/75 г.**
Горнодобывающая промышленность						
млрд. рупий	1,0	1,3	2,2	3,4	3,5	6,4
%	1,0	1,0	1,1	1,1	1,0	1,1
Обрабатывающая промышленность						
млрд. рупий	17,5	18,5	30,1	41,5	47,7	86,2
%	17,5	13,9	14,4	12,9	13,7	14,2
В том числе:						
фабрично-заводская						
млрд. рупий	7,8	10,7	18,2	26,8	29,5	57,2
%	7,8	8,0	8,7	8,3	8,5	9,4
мелкая						
млрд. рупий	9,7	7,8	11,9	14,7	18,2	29,0
%	9,7	5,9	5,7	4,6	5,2	4,8
Всего:						
млрд. рупий	18,5	19,8	32,3	44,9	51,2	92,6
%	18,5	14,9	15,5	14,0	14,7	15,3

* Составлено и подсчитано по: Estimates of National Income 1948/49 to 1955/57. Delhi, 1958, с.2—3. Reserve Bank of India. Report on Currency and Finance for the Year 1975—76. Vol. 2. Statistical Statements. Bombay, [6. г.], с. 16. Цифры округлены.

** Оценка.

доминирующим с точки зрения занятости в нем рабочей силы и удельного веса в общественном производстве. В то же время по темпам своего развития он нередко значительно опережает прочие уклады, а само «крупное дело» объективно выдвигает его на ведущее место. Об этом можно приблизительно судить, например, по общей динамике промышленности Индии и соотношению фабрично-заводского и мелкого производства в обрабатывающей промышленности (табл. 10).

В начале 60-х годов фабрично-заводская промышленность Индии выходит вперед, и с тех пор ее преобладание над мелкой промышленностью (различные формы дофабричной организации капиталистического производства, мелкотоварное хозяйство) и по удельному весу в национальном доходе, и по абсолютному объему производства, и в целом по темпам развития становится совершенно очевидным. В этом процессе ведущую роль играют

развитые формы капиталистического предпринимательства, связанные с деятельностью крупной и средней национальной буржуазии, а также постепенно во все большей степени и с ростом государственного сектора.

Представление о соотношении крупного и мелкого производства в фабрично-заводской промышленности Индии можно получить на основании ряда статистических данных. В 1960 г. крупные и средние предприятия (механизированные и мануфактурные с числом занятых соответственно не менее 50 и 100 человек) составляли 20,7% предприятий фабрично-заводского типа (включающих также мелкие механизированные и мануфактурные заведения с числом занятых соответственно 10—49 и 20—99 человек), но на них приходилось 87,4% функционирующего капитала, 80,3% валовой продукции, 79,5% занятых; в 1970 г. эти четыре показателя были равны: 20,6; 93,8; 82,4; 81,6%. Темпы роста крупного и среднего производства по важнейшим параметрам заметно опережали темпы роста мелкого производства.

В 1960—1970 гг. число крупных и средних предприятий увеличилось на 58% (мелких — на 60%), размер их функционирующего капитала — в 5,5 раза (в 2,5 раза), валовая продукция — в 3,6 раза (в 3,1 раза), численность занятых — на 46,6% (на 28,7%)¹.

В связи с довольно интенсивной механизацией мелких заведений в Индии параллельно существует классификация предприятий фабрично-заводского типа по размеру основного капитала. Если исходить из этого критерия, то преобладание крупной промышленности над мелкой (верхняя граница — основной капитал в 750 тыс. рупий) выявляется также вполне отчетливо. В 1974/75 г. на долю крупных и средних предприятий приходилось 24,3% всех фабрик, 94,3% основного капитала, 78,1% валовой продукции, 85,4% условно-чистого продукта, 69,3% занятых².

Однако в общей численности несельскохозяйственной и по-прежнему всей рабочей силы доля занятых в развитом капиталистическом предпринимательстве оставалась в начале 70-х годов незначительной. По имеющимся оценкам, численность несельскохозяйственной рабочей силы Индии составляла в 1971 г. 50,4 млн. человек. Из этого количества на долю государственного сектора приходилось 22% (11,1 млн. человек), а частного развитого предпринимательства — 12% (6 млн.). Последняя цифра несколько завышена, так как статистика включает сюда и мелкие заведения с числом занятых от 25 и выше. В крупной промышленности частного сектора (включая и горнодобывающую) было занято приблизительно 3,8 млн. человек (в том чис-

¹ Подсчитано по: «Statistical Outline of India. 1976». Bombay, 1976, с. 85.

² «The Economic Times». Bombay, 5.IV.1977.

Таблица 11

Условно-чистая продукция (в постоянных ценах 1959/60 г.)
и доля различных видов промышленного производства
в валовом национальном продукте Пакистана*

Отрасль	1950/ 51 г.	1955/ 56 г.	1956/ 57 г.	1960/ 61 г.	1964/ 65 г.	1966/ 67 г.	1968/ 69 г.	1969/ 70 г.
Горнодобывающая промышленность								
млн. рупий . . .	37	50	55	82	131	141	151	158
%	0,1	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Обрабатывающая промышленность								
млн. рупий . . .	1539	2439	2580	3262	4711	5346	6153	6530
%	6,1	8,8	8,7	9,8	11,5	11,8	12,0	12,0
В том числе:								
фабрично-заводская								
млн. рупий . . .	427	1193	1305	1860	3156	3709	4429	4761
%	1,7	4,3	4,4	5,6	7,7	8,2	8,6	8,8
мелкая								
млн. рупий . . .	1112	1246	1275	1402	1555	1637	1724	1769
%	4,4	4,5	4,3	4,2	3,8	3,6	3,4	3,2
Всего:								
млн. рупий . . .	1576	2489	2635	3344	4842	5487	6304	6688
%	6,2	9,0	8,9	10,1	11,8	12,1	12,3	12,3

* Подсчитано по: «Pakistan Economic Survey, 1969/70». Islamabad, 1970, Statistical Section, с. 2—3. Пакистан в границах до 1971 г., т. е. включая и нынешнюю Бангладеш.

ле в фабрично-заводской — 3,5 млн.), т. е. 7,6% несельскохозяйственной рабочей силы³.

Примерно аналогичные тенденции прослеживаются в эволюции развитого капиталистического предпринимательства в Пакистане (табл. 11).

Здесь, как и в Индии, несмотря на абсолютный рост продукции мелкой промышленности, доля ее в валовом национальном продукте постепенно падала, и на рубеже 50—60-х годов фабрично-заводская промышленность выходит вперед. При этом за 1960/61—1969/70 гг. объем ее производства увеличился почти в 2,6 раза, тогда как мелкой промышленности — примерно в 1,3 раза. Как и в Индии, быстрое развитие фабрично-заводской промышленности обуславливалось прежде всего темпами роста развитого капиталистического предпринимательства. Уже в

³ Подсчитано по: «Statistical Outline of India, 1976», с. 85; «Statistical Pocket Book, India, 1975», Delhi, 1976, с. 161—162.

1957 г. на долю средних и крупных фабрик (23,7% общего числа) приходилось 86,6% основного капитала, 81,1% валовой продукции, 83,7% добавленной стоимости и 83,8% занятой рабочей силы фабричной промышленности⁴. В середине 60-х годов из общего числа занятых в несельскохозяйственных отраслях на долю занятых в промышленном производстве (добывающая и фабрично-заводская промышленность) приходилось около 5%⁵. Территориально фабрично-заводская промышленность сосредоточивалась преимущественно в тогдашнем Западном Пакистане. Поэтому ее удельный вес в валовом национальном продукте Пакистана в нынешних границах несколько выше: в 1959/60 г. — 7,2%, в 1969/70 г. — 12,5, в 1971/72 г. — 11,7, в 1973/74 г. — 12,5, в 1974/75 г. — 12,6%⁶.

Естественно, что в странах с более низким уровнем развития капитализма позиции развитого капиталистического предпринимательства слабее. Однако и среди этих стран есть такие, в которых оно в 60—70-х годах росло очень интенсивно. К ним относится, например, Иран, где, согласно официальной статистике, в 1961/62—1970/71 гг. удельный вес горнодобывающей и обрабатывающей промышленности в ВВП увеличился с 15,9 до 20,6% (исключена нефтедобыча, доля которой возросла с 18,9 до 26,8%)⁷.

Правда, в 60-е годы темпы роста различных форм дофабричной организации капиталистического производства в Иране еще были выше, чем развитого предпринимательства. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что объем производства промышленной продукции в деревне (главным образом ремесленно-кустарное производство, а также капиталистическая работа на дому, мзнуфактура) рос быстрее, чем в городе, в результате чего преобладание городской промышленности над деревенской имело тенденцию к понижению. Если в 1959/60 — 1963/64 гг. доля городской промышленности в общем объеме условно-чистой продукции обрабатывающей промышленности составляла в среднем 93,7%, то в 1964/65 г. — 93,2, в 1965/66 г. — 92,0, в 1966/67 г. — 88,9, в 1968/69 г. — 88,3%⁸. И это происходило в условиях значительной государственной поддержки процесса становления развитого предпринимательства (в 1963—1967 гг.,

⁴ Подсчитано по: Census of Manufacturing Industries, 1957. Karachi, 1960, с. 32—33.

⁵ Подсчитано по: Доклад о мировом социальном положении за 1970 г. Добавление 1. Социальное развитие Азии. — ООН. Экономический и социальный совет. Комиссия социального развития. 22-я сессия, 1—19 марта 1971 г. [б. м.], с. 13; «Pakistan Statistical Yearbook, 1967». Karachi, 1968, с. 48—49, 54—55, 61, 286—289.

⁶ «Pakistan Economic Survey, 1974/75». Islamabad, 1975, Statistics, с. 7. Данные за 1973—1975 гг. — оценочные.

⁷ «Iran Almanac and Books of Facts, 1972». Tehran, 1972, с. 293.

⁸ Подсчитано по: Annual Industrial Survey of Iran. Report on the Results of Annual Industrial Survey in 1966. [б. м., б. г.], с. IV. См. также: Современный Иран (Справочник). М., 1975, с. 500.

например, долгосрочные кредиты, предоставленные государством частному сектору, составили треть всех расходов на обрабатывающую промышленность⁹).

Тем не менее в иранском городе в 60-е годы фабрично-заводская промышленность, а также близкие к ней или переходные формы организации производства постепенно начинают теснить дофабричную промышленность. В 1963/64 — 1968/69 гг. доля рабочих, занятых на предприятиях фабрично-заводского типа (с числом занятых 10 и более), в общей численности рабочей силы города увеличилась с 32,4 до 36,2%, а продукции этих предприятий в общем объеме условно-чистой продукции города — с 55,1 до 65,9%. Удельный вес городской промышленности фабрично-заводского типа в ВВП страны возрос с 6,1 до 8,3%, а удельный вес мелкой промышленности понизился с 5,0 до 4,3%¹⁰. Численность занятых на промышленных предприятиях фабрично-заводского типа иранского города возросла со 150 тыс. (или 14,1% всей рабочей силы, занятой в промышленности города и деревни) в 1962 г. до 316 тыс. (19,1%) в 1970 г. (оценка). Доля занятых на таких предприятиях в общей численности занятых в различных отраслях городского хозяйства (т. е. включая строительство, транспорт, сферу услуг) в 1966 г. составляла 11,5%¹¹.

О позициях развитого капиталистического предпринимательства Ирана в конце 60-х годов можно судить по некоторым сводным данным (табл. 12).

Таблица 12

Обрабатывающая промышленность иранского города: масштабы предприятий, их численность, занятость, продукция в 1967/68 г.*

Размер предприятия по числу занятых	Численность предприятий		Занятость		Продукция	
	тыс.	%	тыс. человек	%	млрд. риалов	%
Всего	160,7	100	681,3	100	184,1	100
Менее 10	156,2	97,2	458,9	67,4	60,5	32,8
10—50	3,9	2,4	65,3	9,5	38,7	21,1
Более 50	0,6	0,4	157,1	23,1	84,9	46,1

* Составлено на основании данных: «Iran, Ministry of Economy, Annual Industrial Survey, 1967» по кн.: R. Looney, The Economic Development of Iran. A Recent Survey with Projection to 1981. Printed in USA, 1973, с. 111. Включая коммунальные предприятия, исключая нефтепереработку. Цифры округлены.

⁹ «Economic Survey of Asia and the Far East, 1969». Bangkok, 1970, с. 157.

¹⁰ См.: Современный Иран, с. 499; «Statistical Yearbook for Asia and the Far East, 1969». Bangkok, 1970, с. 163.

¹¹ Подсчитано по: «Iran Almanac... 1972», с. 302, 319.

Из таблицы видно, что крупные и средние предприятия (с числом работающих свыше 50 человек) к концу 60-х годов заняли заметное место в промышленном производстве Ирана. На них приходилось 13,3% всех городских предприятий фабрично-заводского типа (с 10 занятыми и более), они сосредоточивали 70,6% рабочей силы всех таких предприятий и выпускали 68,7% всей их продукции. Следует учитывать, однако, внушительную роль государственного предпринимательства: в начале 70-х годов на него приходилось около 33% фабрично-заводского производства Ирана¹².

Количественные параметры, характеризующие состояние местного развитого капиталистического предпринимательства в Иране, в целом уступали до начала 70-х годов соответствующим показателям Индии и Пакистана. Однако затем превосходство последних если и сохранялось, то было не столь значительно, как прежде. Интенсивное насаждение в 70-х годах развитого капиталистического предпринимательства (главным образом в отраслях обрабатывающей промышленности) государством, обладающим огромными суммами нефтедолларов, изменили это соотношение.

Специфика эволюции развитого частнокапиталистического предпринимательства на Востоке определяется прежде всего сложным взаимодействием его с другими укладами. Крупный и средний капитал здесь вследствие недостаточной широты и прочности своей естественной основы стремится проникнуть во все другие уклады и обогащаться на их эксплуатации. Многоукладность объективно обуславливает наличие многоосновности для развития крупного и среднего капитала, а неоднородность этой многоосновности вызывает и внутреннюю неоднородность национальной буржуазии, ее разнослойность и противоречивость. Крупный и средний капитал Востока несет в себе свойства незавершенного процесса первоначального накопления, серьезно деформирован глубокой многоукладностью, страдает от недостаточного развития производительных сил, отражает восточную специфику надстроечных институтов и т. д. Отличия, вместе взятые, проявляются в структуре, характере действий, психологии, взглядах верхних слоев местной буржуазии. Отсюда же и своеобразие пути складывания, выделения крупных предпринимателей из традиционных (еще средневековых и т. п.) торгово-ростовщических, национальных, религиозных общин, каст и иных групп. Отсюда и дополнительные внутренние и внешние противоречия, и неповторимая разнородность буржуазии в странах Востока.

Местная крупная и средняя буржуазия кровно заинтересована (и в идеале стремится) эволюционно абсорбировать, переварить, втянуть в «свой» капитализм иные уклады, а иные имущие

¹² Там же, с. 791.

слои обуржуазить. Однако при реализации своей заинтересованности она наталкивается на серьезные препятствия, значительная часть которых обусловлена самой природой этой буржуазии и теми способами обогащения, к которым она прибегает. У такой буржуазии существуют крайне противоречивые по своей социальной значимости и последствиям связи (контакты) с другими местными имущими классами, и в первую очередь с крупными землевладельцами феодального или полуфеодального типа (не последнюю роль здесь играют генетические связи). Но главное — она экономически заинтересована в эксплуатации докапиталистических укладов даже по достижении определенной зрелости, что объясняется значительными трудностями расширенного воспроизводства в развивающихся странах. Отсюда проистекает и известная (зачастую противоречивая) общность политических интересов, внутренняя прочность которых, разумеется, может меняться во времени и пространстве. Все это в конечном счете ведет к определенной консервации пережитков докапиталистических отношений (там, где они сохранились), препятствует завершению аграрных реформ, тормозит даже ограниченный социальный прогресс, мыслимый при капитализме.

Особенно значительные доходы получает развитое частнокапиталистическое предпринимательство от эксплуатации сферы мелкого товарного производства и низших форм капиталистического предпринимательства. Изъятие средств крупным торгово-ростовщическим, а также промышленным капиталом приводит к тому, что эти уклады долгое время с трудом осуществляют простое воспроизводство, которое поддерживается нередко, так сказать, в хиреющем виде. Такого рода взаимодействие сильно тормозит развитие капитализма вглубь, препятствует росту развитого частнокапиталистического предпринимательства в целом. Другими словами, крупный и средний капитал, стремясь к расширению и укреплению своей опоры, реализует это стремление путем, порождающим совершенно противоположные тенденции. В результате возникает ряд серьезных социально-экономических и политических затруднений, а на определенных этапах — и кризисов.

В 60—70-е годы продолжают существовать и даже нарастать экономические противоречия между развитым местным капиталом и иностранным монополистическим капиталом. Длительное время первый приспосабливался к экономическим и политическим нуждам второго и преимущественно являлся его торгово-посредническим и финансово-ростовщическим прислужником. Только таким путем и могли первоначально появиться местные толстосумы. По мере расширения и укрепления местного капиталистического предпринимательства (фабричного и сходного с ним) постепенно возникает конкурентная борьба. Однако и в 70-е годы, т. е. спустя много лет после достижения независимости большинством стран Востока, характерная черта взаимоот-

ношений между верхними прослойками местного капитала и иностранными монополистами — противоречивое сочетание серьезного соперничества с взаимной заинтересованностью и сотрудничеством.

После ликвидации колониального гнета иностранные монополии не могут рассчитывать на продолжение (хотя и в изменившихся формах, иными методами и даже в сократившемся объеме) своих операций без поддержки со стороны влиятельной местной социальной силы и опоры на нее. Сам же национальный крупный капитал еще крепко привязан сложившимися структурой своей материально-производственной базы, деловыми отношениями и т. д. к мировой капиталистической системе хозяйства и не представляет себе развития современного капиталистического предпринимательства, организации доходного бизнеса без технической и финансовой помощи чужеземных монополий. Поэтому верхушка буржуазии идет на существенные уступки и компромиссы, которые под прямым воздействием политических причин нередко начинают граничить с предательством национальных интересов (некоторые группы буржуазии эту границу перешагнули). Однако местные крупные и средние предприниматели все время стремятся ослабить сковывающие их (на определенном этапе весьма крепко) путы чужого предпринимательства, заменить их более равноправными связями. С этой целью реализуются всевозможные экономические и политические факторы, как внешние (изменение сил на международной арене, межимпериалистические противоречия, роль новых государств), так и внутренние (возмущение народных масс собственных стран эксплуатацией со стороны чужеземных монополистов и т. д.).

В целом крупная национальная буржуазия мечтает эволюционно, постепенно, без сильных и опасных для нее социальных потрясений поощрить нужное ей развитие капитализма в своих странах. Но налицо явное противоречие между целью и средствами ее достижения, ибо иностранные монополии объективно являются серьезным, а иногда и главным препятствием «нормального», «полного» и быстрого развития местного капитализма.

В результате местный развитый капитал, связанный с империализмом и феодализмом (или с иными способами докапиталистической эксплуатации) и одновременно стиснутый ими, эволюционирует качественно отлично от западного капитала в соответствующую историческую эпоху. По сравнению с последним развитие первого идет уродливо и односторонне.

Получая значительные доходы от эксплуатации докапиталистических и раннекапиталистических укладов и от сотрудничества с чужими монополиями и обладая обычно сравнительно узкой собственной базой (часть современного капиталистического предпринимательства), скованное в своем развитии вширь, местное крупное и среднее частное предпринимательство стремится

ся на определенном этапе форсировать развитие вглубь путем ускорения концентрации производства и капитала. В итоге — углубление контрастов и противоречий в переходном обществе и в известной мере внутри самой национальной буржуазии, ибо отдельные ее слои развиваются неравномерно и производственная база их деятельности имеет свои отличия. Интенсивное развитие капитализма вглубь, выразившееся в процессах быстрой, а иногда и бурной капиталистической концентрации и централизации производства и капитала, явилось наиболее рельефной и значительной тенденцией социально-экономической эволюции ряда стран Востока после достижения независимости. Именно на этой основе происходило укрепление экономической мощи верхушки национальной буржуазии.

Можно привести не один пример интенсивной концентрации капитала в частнокапиталистическом секторе Востока.

Так, в Индии число акционерных компаний увеличилось с 26 007 в 1961 г. до 43 852 в 1976 г., а их оплаченный капитал — с 12,7 млрд. до 27,1 млрд. рупий. Сумма акционерного капитала в расчете на одну компанию возросла с 488,3 тыс. до 618,9 тыс. рупий. Общая сумма прибыли (после вычета налогов) только средних и крупных компаний (с оплаченным капиталом более 500 тыс. рупий) поднялась с 2,2 млрд. рупий в 1960/61 г. до 2,9 млрд. рупий в 1965/66 г. Обследование в 1960 г. 1001 частной публично-правовой компании, охватывавшей 67% всего оплаченного капитала таких фирм, показало, что на долю крупных компаний (с капиталом свыше 10 млн. рупий каждая), составлявших только 10% общего числа обследованных компаний, приходилось 58,4% их оплаченного капитала. В 1967/68 г. была обследована уже 1501 частная публично-правовая компания с суммарным оплаченным капиталом в 86% общего оплаченного капитала соответствующих акционерных учреждений, и результаты оказались примерно такими же: крупным компаниям (17,8% общего числа обследованных компаний) принадлежало 69,2% оплаченного капитала¹³.

Несопоставимость публикуемых данных не позволяет проследить динамику концентрации капитала с необходимой степенью точности. Однако контуры общей картины достаточно ясны, чтобы сделать предположение о тенденции усиления этого процесса в 60-е годы. Косвенно это подтверждается тем, что крупные компании аккумулировали львиную долю прибылей, т. е. имели возможность развиваться темпами, намного опережавшими темпы роста мелких и средних фирм. Например, в 1960 г. 100 крупных публично-правовых компаний (из 1001 выборочно обследованной компании) получили 57,7% всех прибылей; в

¹³ Подсчитано по: «India. Reference Annual. 1970», New Delhi, 1970, с. 201, 203; Reserve Bank of India. Report on Currency and Finance for the Year 1975—76. Vol. 1. Economic Review. Bombay, [6. г.], с. 265; «Reserve Bank of India Bulletin», June 1962, October 1970, June 1971.

1965/66 г. 177 таких же фирм (из 1333 выборочно обследованных) сконцентрировали в своих руках 75,1% прибылей¹⁴.

В первой половине 70-х годов процесс концентрации капитала в Индии продолжал идти быстрыми темпами. В 1973 г. доля собственного капитала (оплаченный капитал плюс резервы) 100 первых, крупнейших, компаний частного сектора (менее 0,3% всех частных фирм) в суммарном оплаченном капитале всех частных компаний страны составила 65,5%, а первых 200 компаний (т. е. менее 0,6% фирм) — 82,9%; в 1974 г. соответствующие показатели были равны 68,3 и 86,8%. В 1973/74 г. прибыли 100 крупнейших частных корпораций возросли на 11,4% против 7,7% в 1972/73 г. и 8,2% в 1971/72 г. Увеличение активов крупнейших фирм осуществлялось намного быстрее, чем средних и мелких компаний. Размеры активов крупнейших 100 корпораций возросли за 1955/56—1975/76 гг. в 2,6 раза (с 19,2 млрд. до 53,1 млрд. рупий)¹⁵.

Индия унаследовала от колониального прошлого высокий уровень концентрации производства. Так, в обрабатывающей промышленности в 1947 г. на предприятиях с числом рабочих свыше 1000 (7% всех фабрик) было сосредоточено 67,1% всех занятых и производилось около 50% валовой продукции¹⁶. В дальнейшем, несмотря на заметный рост мелкой промышленности, концентрация продолжала оставаться высокой. В 1974/75 г. на 3436 крупных предприятий (5,4% общего числа) с капиталом свыше 2,5 млн. рупий приходилось 90,3% основного капитала, 68,5% валовой продукции, 77,4% добавленной стоимости, 58,1% занятых¹⁷.

Высокая концентрация облегчала и стимулировала централизацию производства, которая также достигла высокого уровня, хотя этот процесс был далеко не одинаков для отдельных отраслей и видов продукции. В 1960/61 г. в 12 отраслях (из 21 обследованной) крупные объединения контролировали свыше 50% продукции; еще в четырех отраслях одна крупная фирма сосредоточивала в своих руках контроль над 50% производства¹⁸. Комиссия по монополиям, учрежденная индийским правительством в апреле 1964 г. и представившая свой доклад в декабре 1965 г., исходила при определении степени концентрации производства из следующих критериев: степень концентрации высокая, если доля трех самых крупных объединений в произ-

¹⁴ Подсчитано по: «Reserve Bank of India Bulletin», June 1962; December 1967.

¹⁵ «Reserve Bank of India. Report on Currency and Finance for the Year 1973—74», Bombay, [6. г.] с. 284; «The Economic Times», 12.II.1968; 24. III.1975; 21.III.1977.

¹⁶ А. И. Левковский. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963, с. 382.

¹⁷ «The Economic Times», 5.IV.1977.

¹⁸ B. Kishor, B. Singh. Indian Economy through the Plans. Delhi, 1969, с. 382—383.

водстве той или иной продукции составляет не менее 75%; средняя, если эта доля находится в пределах от 60 до 75%; низкая, если она колеблется от 50 до 60%. Выяснилось, что в начале 60-х годов в производстве 65 видов продукции (из 100) существовала высокая степень концентрации производства, 10 видов — средняя и 8 видов — низкая степень¹⁹. Согласно специально изданному в 1966 г. закону («Монополист энд рестриктив трейд практисис акт») 1300 компаний (т. е. около 5% общего числа частных компаний) должны были зарегистрироваться в качестве «доминирующих предприятий», т. е. предприятий, которые контролируют более трети производства данного вида продукции и торговли ею²⁰. Более высокая степень концентрации характерна для так называемых новых отраслей: машиностроения, металлургии, электротехнической, фармацевтической, горнодобывающей. В производстве традиционных товаров (хлопчатобумажных тканей, джутовых тканей, чая, сахара, соли, угля) концентрация меньше.

Бурными темпами происходила централизация и концентрация производства и капитала в Пакистане. Например, если в 1949 г. на фондовой бирже в Карачи было зарегистрировано лишь 13 публично-правовых (т. е. наиболее крупных) компаний с оплаченным капиталом около 110 млн. рупий, то в 1967 г. — уже 207 компаний, оплаченный капитал которых достиг 2634 млн. рупий. Таким образом, за 18 лет число только крупных акционерных учреждений (т. е. не более 3% общего числа) увеличилось в 16 раз, а оплаченный капитал — в 24 раза²¹.

О росте концентрации капитала в Пакистане можно судить также по другим данным. В 1962—1968 гг. активы компаний, акции которых котировались на фондовой бирже (исключая страховые и банковские фирмы, а также все государственные и иностранные корпорации), увеличились с 2273 млн. до 7010 млн. рупий, т. е. за шесть лет возросли более чем в 3 раза. Уже в 1957 г. на долю 56 крупных предприятий (с числом занятых свыше 1000 человек на каждом), составлявших 1,9% всех фабрик, приходилось около 40% валовой продукции. В 1965 г. доля предприятий такого масштаба в валовой стоимости продукции увеличилась до 52%, а их удельный вес в общем числе фабрик (при абсолютном росте) уменьшился до 1,7%. Во второй половине 60-х годов 20 семейств контролировали 66% цензовой промышленности, 70% всех страховых фондов и 80% общей суммы банковских активов²².

¹⁹ Там же, с. 384. Производство 17 видов продукции не было классифицировано.

²⁰ «Economic and Political Weekly». Bombay, 1971, vol. 6, № 26, с. 1273.

²¹ Stock Exchange Guide of Pakistan. Karachi, 1968, с. 8.

²² L. White. Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan. Princeton, 1974, с. 216; Census of Manufacturing Industries, 1957, с. 32—33; С. Ф. Левин. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 116, 215.

Высокой степени концентрация производства и капитала достигла и в Турции. В промышленности ее уже давно доминируют крупные предприятия: в 1963 г. они давали 80—85% всей продукции. Чистый прирост капитала акционерных компаний в 1964—1970 гг. составил 11,3 млрд. лир, что отражало заметную активизацию местного развитого предпринимательства. По данным государственного статистического института, в 1966 г. 2948 акционерных компаний получили прибыль в размере 2,2 млрд. лир, причем 85% прибылей пришлось на долю всего 301 компании²³.

Отмеченные тенденции характерны и для Ирана 70-х годов, где происходило интенсивное образование крупных промышленных группировок и где 45 семейств контролировали 85% компаний. Среди этих групп появились уже и свои лидеры, например промышленные группы Шахрияров, Мелли, концерн по производству бумаги «Парс» семейства Телекхани (его глава в качестве министра входил в состав пяти кабинетов в течение семи лет). В 1972 г. капиталовложения этого концерна оценивались в 185 млн. туманов, т. е. были одними из самых крупных в частном секторе. Ежегодные прибыли крупнейших промышленно-финансовых объединений Ирана, по официальным данным, в отдельных случаях превышали 30%²⁴.

В Таиланде крупные промышленные предприятия, составляя в 1963 г. всего 6,7% общего числа предприятий обрабатывающей промышленности, сосредоточивали 47% фабричных рабочих, 65% основного капитала, 44% фабрично-заводской продукции. В отдельных отраслях концентрация производства была еще более значительной: от 60 до 90% продукции приходилось на крупные предприятия²⁵.

В таких территориальных образованиях современного колониализма, как Южная Корея, четко прослеживаются те же процессы. Если в 1958 г. доля крупных предприятий южнокорейской обрабатывающей промышленности составляла в валовой продукции 30,1%, а в валовых капиталовложениях — 30,8%, то в 1966 г. она была равна соответственно 59,5 и 77,9%²⁶.

Анализ движения капитала в сфере обращения также наглядно рисует картину интенсивной централизации и концентрации денежных средств. В Индии численность коммерческих банков в 1960—1968 гг. сократилась с 329 до 73, но общая сум-

²³ Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970, с. 78; Е. И. Урзаева. Турция: проблемы финансирования экономического развития. М., 1974, с. 174.

²⁴ «Проблемы мира и социализма», 1977, № 12, с. 40. «Tehran Economist», 1972, vol. 20, № 938, May 27, с. 1, 3, 11.

²⁵ Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 270.

²⁶ Подсчитано по: Final Report. Census of Mining and Manufacturing, 1958. Seoul, 1959, с. 16, 302—305, 320—327, 390—391, 402—409, 522, 770—773; Report of Mining and Manufacturing Census, 1966. Ser. 1. Basic Tables. Seoul, 1967, с. 164.

ма депозитов возросла с 17,6 млрд. до 40,4 млрд. рупий, т. е. почти в 2,3 раза (при увеличении оплаченного капитала с 414,8 млн. до 466 млн. рупий). Если в 1960 г. 13 крупнейших банков (с депозитами свыше 250 млн. рупий каждый) сосредоточивали 55% суммарного оплаченного капитала и 82,3% суммы депозитов, то в 1968 г. 22 крупнейших банка контролировали 84,2% оплаченного капитала и 94,3% всех депозитов²⁷.

Быстро нарастал размах операций банковских институтов в Пакистане. В 1960—1967 гг. число так называемых списочных банков (с оплаченным капиталом и резервами каждого не менее 500 тыс. рупий) увеличилось с 29 до 36, общая сумма частных депозитов возросла с 3370 млн. до 10 768 млн. рупий, т. е. более чем в 3 раза, объем активных операций расширился с 3,6 млрд. до 12,2 млрд. рупий, т. е. в 3,3 раза²⁸. О концентрации банковского капитала в Пакистане можно судить также по данным, относящимся к 12 частным и полугосударственным банковским институтам, зарегистрированным в конце 1967 г. на бирже. Суммарный оплаченный капитал этих крупнейших в стране финансовых учреждений составлял 216,5 млн. рупий. Из данной суммы на семь учреждений приходилось 192 млн. рупий, т. е. около 90%. Среди них выделялись «Хабиб Бэнк» (60 млн. рупий), «Нэшнл Бэнк» (30 млн.) и «Пакистан Индастриэл Кредит энд Инвестмент Корпорейшн» (30 млн.)²⁹.

В 60-е годы значительно возросла роль частных банковских институтов в Турции: удельный вес их активов в общей сумме активов банковской сферы страны в 1962—1971 гг. повысился с 28 до 37%. При этом в 1971 г. в пяти крупнейших частных банках Турции (Деловом, Строительно-кредитном, Акбанке, Турецком торговом и Гарантийном) сосредоточивалось почти 92% всей суммы сберегательных вкладов частных коммерческих банков, и на них приходилось около 90% всех вкладчиков данной группы банков³⁰.

В Таиланде в 1964 г. 6 из 16 национальных коммерческих банков сосредоточивали 67% всех депозитов, осуществляли 66% всего объема ссудно-учетных операций, их доля во всех банковских инвестициях составляла 73%. В банковском деле Таиланда уровень концентрации и централизации капитала был намного выше, чем в других отраслях частнокапиталистического предпринимательства, в том числе в промышленности³¹.

На основе происходящей в странах Востока концентрации и централизации производства и капитала усиливается тенденция

²⁷ Подсчитано по: Banks of India for the Year 1960. Bombay, [6. г.], с. 20; Statistical Tables Relating to Banks of India, 1968, Bombay [6. г.], с. 15.

²⁸ Подсчитано по: «Pakistan Statistical Yearbook, 1967», с. 301.

²⁹ Stock Exchange Guide of Pakistan, Karachi, 1968, с. 63—64.

³⁰ Е. И. Уразова. Турция: проблемы финансирования экономического развития, с. 134—135.

³¹ Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 285.

к выделению, кристаллизации верхнего, высшего слоя крупного капитала. Эта тенденция, сопровождающая рост крупного капитала вообще, проявляется в 60—70-е годы достаточно ярко и рельефно в самых различных странах региона, в которых стадии развития капитализма очень существенно разнятся, что еще более подчеркивает неоднородность и разнослойность местного развитого капиталистического предпринимательства в целом. Другими словами, в 60—70-е годы продолжается становление и оформление особых, специфичных группировок крупного капитала. По мере нарастания количественных показателей постепенно (разновременно и далеко не повсеместно как по отраслям хозяйства, так и по странам) выявляются и качественные отличия. Эти качественные отличия выражаются в том, что отдельные группировки крупного капитала начинают приобретать некоторые черты, свойственные монополистическому капиталу. В конечном итоге этот процесс, характеризующий одну из важных тенденций эволюции крупного капитала на Востоке, ведет и уже кое-где привел к образованию национальных монополий.

В Индии уже в 1960 г. на долю 50 крупнейших компаний приходилось около 23% оплаченного капитала так называемого корпоративного сектора (исключая государственные компании). По данным Комиссии по монополиям, в 1963/64 г. активы 75 крупных объединений страны (с капиталом не менее 50 млн. рупий) составляли около 26 млрд. рупий, а их оплаченный капитал — 6463,2 млн. рупий. Это было равно соответственно 46,9 и 44,1% по отношению к активам и оплаченному капиталу всех частных компаний. В 1967/68 г. 75 самых мощных групп контролировали уже около 54% всех активов частного сектора³². Эти 50—75 группировок акционерного капитала с большей или меньшей степенью вероятности можно отнести к корпорациям, обладающим теми или иными признаками монополистических объединений.

Среди указанных групп уже к середине 60-х годов выделяются 20 крупнейших объединений (с капиталом не менее 100 млн. рупий), которые имеют все или большинство признаков монополий (табл. 13). За 1963/64—1975/76 гг. их активы увеличились с 13,2 млрд. до 51,1 млрд. рупий, т. е. почти в 4 раза, причем за 1972/73—1975/76 гг. их собственный капитал увеличился на 40,6%, объем производства — на 67%, объем годового оборота — в 1,6 раза, размер прибылей после вычета налогов — на 17%.

На протяжении 60—70-х годов ведущие позиции здесь сохраняются за двумя группами — Бирлы и Таты.

³² B. Kishor, B. Singh. Indian Economy through the Plans, с. 384; L. A. Joshi. The Control of Industry in India. A Study in Aspects of Combination and Concentration. Bombay, 1965, с. 91; Monopolies and the Public Policy. A Round Table Discussion Organized by Society for Democracy. New Delhi, 1972, с. 41—42.

Двадцать крупнейших монополистических групп Индии*

Группа	Активы, млн. рупий				Место в списке крупнейших объединений по размеру активов			
	1963/ 64 г.	1966/ 67 г.	1972/ 73 г.	1975/ 76 г.	1963/ 64 г.	1966/ 67 г.	1972/ 73 г.	1975/ 76 г.
Бирла	2829	4469	7258	10 646	2	2	1	1
Тата	3750	5206	6855	9 746	1	1	2	2
Мафатлал	395	1065	2189	2 843	10	3	3	3
Сингхания	545	638	1368	2 241	6	11	8	4
Скиндия	463	639	1270	2 171	9	10	11	5
Тхапар	633	853	1320	2 041	4	6	9	6
Бангур	625	979	1399	1 959	5	4	5	7
Шри Рам	503	732	1378	1 869	8	8	6	8
Сарабхай	338	567	1295	1 825	14	12	10	9
ИКИ	369	490	1460	1 815	12	15	4	10
Кирлоскар	191	459	1144	1 771	16	16	12	11
АСС	769	913	1372	1 691	3	5	7	12
Пэрри	117	727	1112	1 481	18	9	13	13
Махиндра	201	425	831	1 439	15	17	18	14
Баджай	167	403	948	1 432	17	18	15	15
Киллик	383	514	937	1 394	11	13	16	16
Валчанд	527	831	996	1 351	7	7	14	17
Моди	113	194	623	1 161	19	20	19	18
Ларсен-Тоубро	—	212	543	1 135	—	19	20	19
Кастубхай-Лалбхай	339	493	858	1 092	13	14	17	20
Итого	13257	20809	35160	51103				

* Составлено по: «The Economic Times», 14.II, 5, 12.III, 1977. Критерий 1975/76 г. Поэтому несколько монополистических групп, фигурировавших в

Группа Бирлы (в 1968 г. 155 компаний) свои главные интересы сосредоточивает в легкой промышленности, преимущественно в производстве традиционных для Индии потребительских товаров (хлопчатобумажные и джутовые ткани, сахар, чай), а также в сфере обращения (торговля, финансы). На деловые операции в этих областях к концу 60-х годов приходилось 82% валового оборота группы³³.

Группа Таты (в 1968 г. 53 компании) концентрирует капиталовложения главным образом в черной металлургии, в производстве химикалий, станков, машинного оборудования, текстиля, в банковском деле. Около 73% валового оборота группы давала тяжелая промышленность³⁴.

В 1975/76 г., как видно из табл. 13, на долю этих двух мощных объединений приходилось около 40% активов 20 крупней-

³³ Tabe Noboru. Indian Entrepreneurs at the Cross Roads. Tokyo, 1970, с. 51.

³⁴ Там же.

Собственный капитал, млн. рупий		Объем производства, млн. рупий		Валовой оборот, млн. рупий		Прибыль (после вычета налогов), млн. рупий	
1972/73 г.	1975/76 г.	1972/73 г.	1975/76 г.	1972/73 г.	1975/76 г.	1972/73 г.	1975/76 г.
3609,0	5494,8	9631,1	15 233,8	8500,6	13 093,2	442,9	405,1
2874,6	3661,6	6751,1	12 149,2	7312,1	11 806,3	230,1	338,9
888,4	1345,0	2413,6	4 065,3	2442,8	3 792,9	168,0	138,8
556,4	872,3	862,8	1 731,6	878,9	1 856,4	60,7	130,7
413,5	635,3	580,6	1 092,5	580,4	1 092,0	71,0	126,1
575,1	831,2	1631,7	2 864,2	1621,2	2 749,2	77,0	164,6
474,5	673,0	1513,2	2 506,9	1388,7	2 268,3	59,3	69,1
652,9	723,7	1740,2	2 503,5	1813,4	2 456,9	60,4	41,8
244,3	187,6	1482,3	2 255,0	1504,1	2 214,4	0,9	-78,3
687,4	987,2	1202,1	2 162,4	1216,0	2 133,8	148,3	171,5
441,7	644,8	935,1	2 354,7	961,1	2 408,3	5,4	80,6
543,1	610,0	984,8	1 493,4	963,9	1 444,3	15,0	56,9
310,3	594,7	1212,2	1 534,9	1254,6	1 821,2	66,7	141,9
257,1	369,5	939,4	1 247,5	954,8	1 258,8	43,2	7,3
368,3	481,5	1158,1	1 944,9	1281,3	1 948,8	81,6	38,8
430,6	587,0	618,2	1 095,8	610,4	1 083,1	43,8	-7,5
298,4	331,3	1101,0	1 763,2	1128,6	1 782,9	-7,1	29,2
195,6	341,7	736,8	1 353,3	721,8	1 264,7	35,3	-30,2
130,5	270,4	4 7,1	880,4	376,3	881,7	23,8	55,3
357,7	477,8	870,5	1 373,7	867,8	1 429,7	41,4	53,6
14 310	20 120	36777,9	61606,2	36380,0	58790,0	1667,7	1934,2

включения — размер (последовательно от большего к меньшему) активов на подобных списках в 60-е годы, в данной таблице не учтены.

ших монополистических группировок, 45% собственного капитала, 44% объема производства, около 42% валового оборота, 38% объема прибылей (после вычета налогов).

В ходе конкурентной борьбы, на которую сильное влияние оказывали такие факторы, как производственно-технический профиль объединений, общая экономическая конъюнктура в стране, государственная политика, «порядковые номера» монополий изменялись. Так, группа Бирлы в начале 70-х годов сумела обойти группу Таты по всем показателям. Резкий скачок вперед совершила группа Мафатлала, переместившаяся с 10-го места в 1963/64 г. на 3-е в 1966/67 г. и прочно удерживающая это 3-е место и в 70-е годы. Меняли места и другие группы, а некоторые, например Мартин Бёри, Сурадджал-Нагармал, Гоенка, к середине 70-х годов не удержались в списке двадцати.

Ряд компаний перечисленных 20 групп входит в число 100 крупнейших частных корпораций страны, занимая среди них видное место. В 1975/76 г. в их число входило 9 компаний Таты

(с активами 8,2 млрд. рупий), 13 компаний Бирлы (7,3 млрд.), 5 компаний Мафатлала (1,8 млрд.), 2 компании АСС (1,6 млрд.), 3 компании Сингхании (1,3 млрд.), 2 компании Пэрри (1 млрд.), 2 компании ИКИ (1 млрд.), 2 компании Махиндры (750 млн.), 2 компании Моды (521 млн. рупий). Доля активов указанных 40 компаний индийских монополистов составила 44,6% суммарного размера активов 100 самых мощных частных корпораций страны³⁵.

Показательно, что из 15 монополистических группировок, которые суммарно, по размеру активов и валовому обороту, занимали в середине 60-х годов первые места, деятельность 6 объединений была в значительной степени связана с производством и распределением традиционных индийских товаров (табл. 14).

Таблица 14

Удельный вес деловых операций, связанных с производством и распределением традиционных товаров, в валовом обороте крупнейших монополистических групп, %

Группа	Место по размеру активов и валовому обороту	Удельный вес по товарам				Итого
		Сахар	Хлопчатобумажные ткани	Чай	Джут	
Бирла	2	5,8	33,6	2,0	4,0	45,4
Бангур	4	2,1	31,3	—	24,9	58,3
Сингхания	9	—	38,8	—	14,7	53,5
Сураджмал—Нагармал	10	7,6	8,2	9,4	47,0	72,2
Гоенка	14	—	24,1	11,4	33,2	68,7
Мафатлал	15	4,0	80,2	—	6,3	90,5

* Table No. 14. Indian Entrepreneurs at the Cross Roads, с. 57.

Производственно-техническая база даже крупнейших монополистических группировок Индии пока все же недостаточно прочна; это одна из экономических причин их стремления к сотрудничеству с иностранным монополистическим капиталом.

В Пакистане к 70-м годам насчитывалось более 40 группировок крупного капитала (с валовыми активами не менее 100 млн. рупий каждая), экономические позиции и деятельность которых свидетельствовали о процессах монополизации. Среди них выделялись 22 «семейства», в том числе особенно четыре группы с активами свыше 1 млрд. рупий каждая, которые представляли собой относительно сформировавшиеся монополии: финансовая группа Хабибов, группа Сайголов, концерн Адамджи, концерн Дауда. В 1968 г. эти 40 слишим объединений крупно-

³⁵ Подсчитано по: «The Economic Times», 21.III.1977.

го пакистанского капитала контролировали 73,7% валовых активов всех частных пакистанских фирм (нефинансовых), зарегистрированных на Карачинской фондовой бирже, 74,2% собственного капитала этих фирм, 72,2% основного капитала (после вычета амортизационных сумм), 73,1% валового оборота. Четыре первые, самые мощные группировки сосредоточивали 27,7% основного капитала всех частных компаний, 24,6% собственного капитала, 24,8% оборотного капитала, почти 30% валового оборота³⁶.

В деловом мире Турции важные экономические позиции занимают такие монополистические корпорации, как Всетурецкая компания сахарных заводов, Всетурецкая нефтяная акционерная компания, Всетурецкая компания цементной промышленности, Всетурецкая компания стекольной промышленности, концерн «Коч Холдинг АШ», компании (холдинги) Эдзаджибашы (фармацевтическая промышленность), Хаджы Омера (обработка хлопка, производство пряжи и цемента) и т. д., которые устанавливают монопольные цены на продукцию своих предприятий³⁷.

В названных странах движение денежного капитала в сфере организованного кредита фактически контролировалось двумя-пятью банками, причем крупнейшие из них по своей абсолютной мощи выглядят весьма внушительно. В 1965 г. их депозиты и активы составляли (млн. долл., приблизительно)³⁸:

	Депозиты	Активы
«Нэшл Бэнк оф Пакистан»	265	554
«Сентрал Бэнк оф Индия»	408	552
Деловой банк (Турция)	413	492
«Пенджаб Нэшл Бэнк» (Индия)	444	410
«Хабиб Бэнк» (Пакистан)	264	400
«Бэнк оф Инди»	314	394

Между монополистическими объединениями и крупными банками существует теснейшая связь, происходит сращивание промышленного и банковского капитала. В Индии «Сентрал Бэнк оф Индия» контролировался монополистической группировкой Таты, «Пенджаб Нэшл Бэнк» был подчинен группе «Далмия и Джайн» и т. д. Национализация 14 крупнейших банков (июль 1969 г.) нанесла ощутимый удар по финансовой мощи индийских монополий (эти банки сосредоточивали 56% депозитов всей банковской системы и 72% депозитов списочных банков и контролировали 50% всех банковских отделений стра-

³⁶ С. Ф. Левин. Формирование крупной буржуазии Пакистана, с. 222; L. White. Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan, с. 62.

³⁷ См.: Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 82—88; Политика и экономика современной Турции, М., 1977, с. 142.

³⁸ Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 90.

ны). После национализации в государственном секторе банковской системы сосредоточилось 83% всех депозитов и 78% отделений³⁹.

Турецкий Деловой банк в середине 60-х годов участвовал в акционерном капитале по меньшей мере 35 компаний, в том числе в капитале монополистических корпораций⁴⁰.

В Пакистане в конце 1968 г. семь крупнейших торгово-промышленных групп контролировали 91,6% всех депозитов и 84,4% ссуд частного банковского сектора, а также 75,6% активов страховых фирм⁴¹. Волна национализации, прокатившаяся в Пакистане в первой половине 70-х годов, затронула интересы местных монополий прежде всего и главным образом в финансовой сфере. В марте 1972 г. были национализированы все частные компании по страхованию жизни, а в январе 1974 г. — все 13 местных коммерческих банков и одна банковская компания. В результате все банковское и страховое дело (кроме иностранного) перешло в руки государства, а монополии практически полностью утратили свои позиции в этой важной области экономической деятельности. Накануне национализации банков (по состоянию на 28 ноября 1973 г.) последние контролировали 2097 млн. долл. всех частных депозитов и 1695 млн. долл. ссуд⁴².

В своеобразной форме происходило выделение верхнего слоя крупного капитала в Таиланде. Крупные объединения возникали под эгидой отраслевых ассоциаций предпринимателей, а также создавались на базе централизации банковского и страхового дела как финансовые группы, которые постепенно проникали в производство⁴³. В целом здесь связи банков с промышленностью еще не очень сильны и о подчинении денежного капитала промышленному говорить не приходится.

В Южной Корее уже в середине 60-х годов насчитывалось по крайней мере 17 крупных финансово-промышленных корпораций (чэболь), которые контролировали 110 различных фирм, главным образом в таких отраслях промышленности, как текстильная, цементная, химическая (производство потребительских товаров). Эти корпорации, как правило, включали в число контролируемых фирм и торговые компании. Что касается банковского дела, то в Южной Корее доминируют государственные кредитные институты и поэтому контролируемые корпорациями коммерческие банки не играют большой роли в движении банковского капитала, хотя на общем фоне их деятельность до-

³⁹ S. Gupta. *Indian Economy. It's Growth and Problems*. Calcutta, 1969, с. 471—472; «India. Reference Annual, 1970», с. 200.

⁴⁰ Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 82.

⁴¹ L. White. *Industrial Concentration and Economic Power in Pakistan*, с. 75, 79.

⁴² L. F. Rushbrook Williams. *Pakistan under Challenge*. Printed in Great Britain, 1975, с. 183; «Far Eastern Economic Review», Hongkong, 1974, vol. 84, № 13, April 1, с. 93, 95.

⁴³ См.: Крупный капитал и монополии стран Азии, с. 275—292.

статочно заметна. К середине 70-х годов число чэболь увеличилось до 50, а контролируемых ими компаний — до 400⁴⁴. В основе формирования этих группировок лежали объективные процессы концентрации и централизации производства и капитала. Однако быстрые темпы роста чэболь обуславливались прежде всего государственной поддержкой. Административно-бюрократический метод ускоренного насаждения крупных объединений предполагал тесную связь крупного бизнеса с государственным аппаратом, а отсюда происходили всевозможные злоупотребления и махинации, которые постоянно в расширенных масштабах воспроизводили политическую коррупцию южнокорейского режима. Подобный метод оказывает значительное влияние на формирование структуры чэболь, превратившихся в большинстве случаев в «семейные», замкнутые конгломераты, объединяющие промышленные объекты, торговые компании и увеселительные заведения.

В современном капиталистическом бизнесе многоукладных стран показатели концентрации производства и капитала, как мы видели, очень высоки, причем нередко превышают соответствующие цифры европейских стран, особенно в период появления в них монополий. Однако если в современных государствах Запада понятия «крупный капитал» и «монополистический капитал» в целом почти однозначны, то в многоукладных странах отнюдь нет.

Следует напомнить, что в тех странах Востока, где появился свой крупный, а тем более (в немногих из них) монополистический капитал, участок современного, развитого частнокапиталистического уклада все еще относительно невелик. Капиталистические «небоскребы» здесь сгрудились на небольшом островке, окруженном «невысокой» социально-экономической стихией, и поэтому кажутся выше.

Далее, в многоукладных странах централизация денежного капитала не отражает прямо концентрацию капиталистического производства, во всяком случае только ее. Сам процесс концентрации производства и капитала базируется на большинстве существующих укладов. Подобная «двойная» концентрация постоянно свидетельствует о незавершенности развития крупнокапиталистического предпринимательства, о его сложном взаимодействии с другими укладами, которые оно и отрицает, желает поглотить и от которых одновременно во многом зависит, эксплуатируя их.

Противоречивое взаимодействие существует у местного крупного бизнеса с иностранным финансовым капиталом. С одной стороны, местный крупный капитал и монополии, в частности,

⁴⁴ Кангоку но кигё (Предприятия Южной Кореи). Токио, 1967, с. 28, 35—36, 45—47, 123, 174, 213; Кангоку но кинью дзидзё (Денежное обращение Южной Кореи). Токио, 1969; «Asian Survey», Berkeley, 1976, vol. 16, № 5, с. 473.

стремятся ликвидировать свое неравноправное положение по отношению к иностранному капиталу, ибо по мере развития капитализма борьба за дележ прибавочной стоимости, произведенной местным рабочим классом, выступает на первый план; с другой стороны, верхушка национальной буржуазии заинтересована в усилении связей с иностранным капиталом, так как расширенное воспроизводство в экономически отставших странах крайне затруднено (зачастую практически невозможно) без привлечения иностранного оборудования, дефицитного сырья, патентов, специалистов и т. д.

К тому же вообще крупный бизнес в странах Востока с технико-экономической точки зрения развит односторонне, уродливо. Основную технологическую базу (если говорить о фабричной промышленности) местного крупного капитала и появляющихся здесь монополий составляли и составляют (в отличие от Запада) предприятия II подразделения. Концентрация и централизация именно в отраслях легкой промышленности привели в некоторых более развитых странах Востока к первым росткам местных монополий. Здесь к настоящему времени могли сложиться в лучшем случае лишь первые очаги тяжелой промышленности.

Таким образом, налицо существенные особенности как в производственных отношениях, так и в производительных силах, стоящих за местными монополиями на Востоке.

В литературе принято уподоблять монополии вершине капиталистической пирамиды. На Западе фундамент этой пирамиды занимал основную площадь экономики и поднималась она постепенно, слой за слоем, пока не была подготовлена прочная площадка для монополистической надстройки (серьезная специфика таких государств, как Российская империя и Австро-Венгрия, не меняет сути проблемы, хотя и очень важна для изучения ее особенностей и для практических выводов). В интересующих нас странах картина иная. Многоукладность остается важнейшей чертой всей социально-экономической структуры общества. Собственное основание местного капитализма продолжает создаваться, причем очень значительная часть строительной площадки даже как следует не подготовлена для расширения котлована, а в то же время растут (неравномерно и непоследовательно) этажи капиталистического здания, также оставаясь в чем-то существенном недостроенными.

В сравнительно узком и недостроенном круге современного предпринимательства (где налицо реальное подчинение труда капиталу) относительно высока концентрация и централизация производства. Под влиянием внутренних и внешних причин деформированное развитие капитализма в многоукладных странах при всей его незавершенности относительно быстро ведет к образованию крупного капитала и выделению монополий. Однако говорить о наступлении монополистической стадии в развитии

местного капитализма, естественно, не приходится. Местный крупный бизнес (и это главное) не определяет все основные законы социально-экономического и политического развития переходного общества, ибо он не выражает капиталистически организованного общественного характера всего или почти всего производства.

По мере укрепления местного развитого капиталистического уклада внутри его нарастает классовая борьба между буржуазией и пролетариатом. Одновременно быстро нарастает антагонизм с другими укладами и соответственно классами, связанными с ними. В результате против местного крупного капитала, против местных монополий выступает все более мощная классовая коалиция.

КООПЕРАЦИЯ

В 50—70-е годы в освободившихся странах Востока значительное развитие получает сельскохозяйственная кооперация, выступающая как один из путей преобразования старого аграрного строя, преодоления экономической отсталости и ускорения социального развития. В этот период в деревне молодых независимых стран региона происходит мучительная ломка отживающих докапиталистических производственных отношений и начинается становление новых для данных стран производственных отношений. Кооперация здесь развивается и функционирует преимущественно в условиях дезинтегрированной экономики, которые предопределяются «многоукладностью развивающихся стран, множественностью социальных и экономических структур, деформированных к тому же характером связей, вытекающих из подчиненного положения этих стран в системе мирового капиталистического хозяйства»¹.

Возникновение кооперативного сектора в сельском хозяйстве развивающихся стран — закономерное явление, вызванное комплексом факторов экономического, политического и социального характера; среди них следует назвать прежде всего потребность преодолеть малоземелье и безземелье крестьянства, ускорить темпы развития производительных сил в сельском хозяйстве, увеличить объем производства сельскохозяйственной продукции для нужд промышленности и решения острой продовольственной проблемы, ликвидировать диспропорции между капиталистической промышленностью и полунатуральным и мелкотоварным сельским хозяйством, вытеснить низшие и худшие формы капитала из сферы обращения. Во многих случаях отмечалось также стремление правительств создать в деревне определенный слой более или менее устойчивых хозяйств (без коренной ломки существующих аграрных структур), которые служили бы социальной опорой государственной власти, и смягчить классовые противоречия в деревне. В одних странах решающую роль в появлении и развитии кооперативного сектора играла одна сумма факторов, в других — другая.

¹ В. Г. Растяпников, *Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии*, М., 1973, с. 5.

Кооперация, в том числе сельскохозяйственная, не является в несоциалистическом мире специфическим институтом развивающихся стран. В странах Западной Европы она стала возникать в последней четверти XIX в. Однако в развитых странах, где давно господствует капиталистическая формация, кооперативная система не отличается особым разнообразием форм и социально-экономических типов: она обслуживает развитое капиталистическое либо мелкокапиталистическое производство, а иногда и то и другое, являясь связующим звеном между ними. Примером может служить Япония, где сельскохозяйственная кооперация выступает в качестве посредника между государством и сельскохозяйственными производителями, а также между последними и монополиями и играет роль нижнего звена в вертикальной интеграции.

В развивающихся же странах наличие различных укладов, сосуществование, а иногда и взаимопроникновение разнообразных социально-экономических структур, незавершенность или специфичность формирования ведущего уклада, а также особая экономическая роль государства предопределили большое многообразие кооперативных институтов. Не только в пределах определенного региона Востока, но даже в одной стране или ее районе существуют различные виды сельскохозяйственной кооперации и различные социально-экономические типы кооперативов.

Одна из характерных особенностей кооперативной системы в многоукладных странах состоит в том, что различные типы кооперативов обслуживают хозяйства различных экономических укладов и в то же время различные моменты воспроизводства. В первую очередь это относится к кооперативам, существующим в сфере обращения: кредитным, сбытовым, потребительским и многоцелевым, осуществляющим различные функции. Подобную же роль играют ирригационные кооперативы, создающиеся (например, в Индии, Пакистане, Непале, Египте) для строительства мелких ирригационных сооружений, обеспечивающих орошение земель пайщиков-производителей. Кредитные и другие кооперативы могут обслуживать хозяйства мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, но в ряде случаев выступают формой бытия торгово-ростовщического капитала, представляющего докапиталистические производственные отношения и использующего кооперативные займы для собственных посреднических операций. При определении роли кооперации в обслуживании различного рода хозяйств немаловажное значение имеет выявление характера использования кооперативных займов и их места в процессе воспроизводства.

Второй отличительной чертой кооперации в условиях многоукладной экономики является то, что различные социально-экономические типы производственных кооперативов (как формы организации хозяйства) существуют в рамках тех или иных ук-

ладов (в частности, мелкотоварного, мелкокапиталистического) или переходных структур (например, форм, применяющих докапиталистическую аренду, с одной стороны, или объединяющих тружеников — с другой). (Это хорошо прослеживается в кулацких, помещичьих кооперативах и кооперативах малоземельных крестьян и сельскохозяйственных рабочих Индии.) Иначе говоря, объединения, внутри которых или в связи с которыми складываются те или иные производственные отношения (это могут быть отношения между членами кооператива или отношения между пайщиками данного кооператива и эксплуатируемыми ими лицами), могут иметь укладные признаки. При этом характер определенного уклада могут носить не только объединения в сфере сельскохозяйственного производства, но и любые кооперативы, где пайщики сообща трудятся (или сообща эксплуатируют чужой труд) и объединяют средства производства. К таким объединениям могут относиться кооперативы по первичной обработке и переработке сельскохозяйственной продукции, кооперативы ремесленников и кустарей, рыболовецкие кооперативы и т. д.

Помимо двух отмеченных особенностей кооперативной системы следует отметить еще одну, не менее важную, хотя и существующую пока в виде тенденции. Речь идет о начальных этапах формирования в некоторых странах нового, кооперативного уклада, причем в разных странах он может иметь специфические оттенки.

Так, в настоящее время в Индии имеется кооперативно-капиталистический сектор, который существует в рамках и под эгидой государственно-капиталистического уклада, но постепенно отпочковывается в самостоятельный уклад. Кооперативные предприятия этого сектора начинают выкупать акции, принадлежащие местному правительству или вышестоящим кооперативным организациям, и получают большую финансовую самостоятельность.

Несколько иное положение складывается в Алжире. Здесь можно говорить о тенденции формирования на базе самоуправляемых хозяйств государственно-кооперативного уклада, являющегося коллективной и некапиталистической организационно-хозяйственной формой экономики.

Наибольшее распространение в странах Востока получила обслуживающая кооперация, особенно кредитная, которая во многих случаях стала появляться еще в колониальный период (в Индии, Бирме, Египте, Алжире и т. п.). После достижения независимости стимулирование кооперативного движения выступает составной частью национальной аграрной политики, в результате чего возрастают государственные ассигнования на развитие кооперативного кредита. Благодаря относительно дешевому кредиту кооперация становится конкурентом деревенским ростовщикам, способствуя таким образом постепенному вытес-

нению низших форм капитала из сферы обращения или их трансформации.

В Индии в 1976 г. насчитывалось 134 838 первичных кредитных кооперативов, их деятельность распространялась на 96% индийских деревень и 36% сельского населения. Однако не все кооперативы активно функционировали: примерно 12% кредитных обществ (главным образом в Ассаме, Манипуре и Раджастхане) были отнесены индийской статистикой в разряд «дремлющих»².

Согласно данным обследования кооперативного движения в Индии в 1974—1976 гг., первичные кредитные общества представили в 1975/76 г. краткосрочных и среднесрочных займов на сумму 10,234 млрд. индийских рупий (против 500 млн. в 1955/56 г.), показав увеличение за 20 лет более чем в 20 раз. При этом пайщики, владеющие земельными участками свыше 4 га, получили 41% кооперативных ссуд (в Махараштре — 50%), имеющие от 2 до 4 га земли — 25%, до 2 га — 29,7% и только 3,9% всей суммы предоставленных кооперативами ссуд пришлось на долю арендаторов и прочих малоимущих пайщиков. Остальные займы получили коллективные пайщики, т. е. другие кооперативы, являющиеся членами кредитных обществ, и пайщики, не занимающиеся земледелием³.

Приведенные данные, как и материалы иных обследований деятельности кредитной кооперации, периодически проводившихся различными комиссиями Резервного банка Индии, показывают, что основная масса кооперативных займов попадает в руки зажиточных слоев сельских хозяйств. Нередки случаи, когда часть кооперативных денежных средств оказывается у представителей торгово-ростовщического капитала (как профессиональных ростовщиков, так и ростовщиков-землевладельцев) и зачастую используется ими для посреднических операций. В таких случаях кооперативные займы способствуют эксплуатации крестьянства докапиталистическими методами.

Кроме основной функции — кредитования пайщиков — некоторые кооперативы осуществляют сбыт продукции пайщиков, распределение сельскохозяйственного реквизита: улучшенных сортов семян, инвентаря, удобрений, гербицидов и т. д. В 1975/76 г. 608 первичных кооперативов реализовали продукцию на сумму 182 млн. рупий, 52 436 — распределяли сельскохозяйственный реквизит на сумму 3096 млн. рупий, 48 805 — обеспечивали своих пайщиков потребительскими товарами и 94 — осуществляли первичную обработку сельскохозяйственной продукции⁴.

² Review of the Cooperative Movement in India 1974—76. Reserve Bank of India, Bombay, 1978, с. 100.

³ Там же, с. 108—110.

⁴ Там же, с. 112.

Однако высокий уровень задолженности и крайняя ограниченность собственных ресурсов, в особенности депозитных фондов, по-прежнему мешают быстрому и эффективному развитию кооперативного кредита.

Другим крупным звеном в обслуживающей кооперации является сбытовая кооперация. Она играет важную роль в сбыте сельскохозяйственной продукции, распределении сельскохозяйственного реквизита, потребительских товаров, постепенно усиливается ее значение во внутренней и внешней торговле. В 1975/76 г. в Индии насчитывалось 3174 первичных сбытовых кооперативных общества. Система сбытовой кооперации возглавляется в масштабах всей страны Национальной сельскохозяйственной кооперативной сбытовой федерацией. Подавляющую часть торговых кооперативных обществ (82%) составляют кооперативы, сбывающие различные виды сельскохозяйственной продукции, и лишь 18% их являются специализированными. Стоимость проданной кооперативами продукции возросла с 1750 млн. рупий в 1961/62 г. до 9,9 млрд. рупий в 1975/76 г., показав увеличение в 6,6 раза. При этом стоимость пшеницы составила 3,6 млрд. рупий, сахара — 1,94 млрд. и хлопка — 4,44 млрд. рупий⁵.

Недостатком сбытовой кооперации Индии по-прежнему остается то, что она в основном обслуживает предпринимательские хозяйства, частных торговцев и ростовщиков и только в незначительной степени — хозяйства мелких производителей. Займы под продукцию, выдаваемые сбытовыми кооперативами, попадают прежде всего в руки представителей сельской элиты. Во многих кооперативах зажиточные производители получают займы не только под собственную продукцию, но также под продукцию, скупаемую ими у мелких земледельцев. Многочисленные факты, вскрытые комиссией Резервного банка Индии во время обследования сбытовых кооперативных обществ в 1962—1963 гг., свидетельствуют о тесной связи кооперативов с местными торговцами, комиссионными агентами и владельцами ризорусек, которые захватывают наибольшую массу средств.

Анализ деятельности сбытовой кооперации в Индии показывает, что она из-за своей слабости и господства в сфере обращения, особенно в низших звеньях, неорганизованных форм капитала лишь отчасти способствует капиталистической трансформации сельского хозяйства и в то же время в ряде случаев превращается в инструмент эксплуатации мелких производителей низшими и худшими формами капитала.

В кооперативной системе Индии как в фокусе отразились все оттенки, структурные особенности, формы, противоречия, недостатки, все закономерности кооперативной сферы в развивающихся

⁵ Подсчитано по: «India 1975». Government of India. Delhi, 1975, с. 197; Statistical Statements Relating to the Co-operative Movement in India 1975—6, p. II, Bombay, 1978, с.1.

ся странах вообще, в том числе и кооперации по обслуживанию. Необходимость этой кооперации повсюду диктовалась сохранением сильных позиций торгового и ростовщического капитала, не только мешающего развитию предпринимательских хозяйств и накоплению капитала в этих хозяйствах, но и затрудняющего даже простое воспроизводство в сельском хозяйстве.

Различные кооперативные организации по обслуживанию получили в развивающихся странах довольно широкое распространение, что в значительной мере было обеспечено содействием и материально-финансовой помощью государства. По данным на вторую половину 60-х годов, в Алжире имелось 395 сельскохозяйственных, в Иордании — 262 кредитных, 36 потребительских и сбытовых и 4 многоцелевых, в Ираке — 450 многоцелевых, 33 потребительских и 19 снабженческо-сбытовых, в Пакистане — 14 170 кредитных, 481 потребительский, 2615 обслуживающих и 360 снабженческо-сбытовых кооперативов⁶. Основу деятельности большинства сельскохозяйственных кооперативов обслуживания (в том числе и многоцелевых) в этих и нижеупомянутых странах, как и в Индии, составило кредитование земледельцев.

В Шри Ланке в 1966/67 г. насчитывалось 14,5 тыс. первичных кооперативов. Их деятельность охватывала 1 776 733 человека, или две трети населения страны. К этому времени, за двадцатилетие (1947—1967), крестьяне получили через кооперативы 300 млн. ланкийских рупий. Ежегодная потребность в кредите определялась в 150 млн. рупий, так что кооперативы покрывали лишь 10% потребностей крестьян в заемных средствах. Однако даже члены кооперативов не всегда могли пользоваться кредитом из-за непогашенных долгов, а также несвоевременного внесения паевого взноса, размер которого был довольно высок. Правительство вынуждено было принять меры для реорганизации кооперативной структуры и пересмотра кооперативного законодательства; были облегчены условия кредитования как пайщиков, так и земледельцев, не являющихся членами кооператива; сумма займа была установлена в 10-кратном размере паевого взноса, причем минимальная сумма займа определялась в 175 рупий на 1 акр земли. Государство стало предоставлять кооперативам больше удобрений, семян, сельскохозяйственных орудий. Если в 1956 г. государственная финансовая помощь кооперативам составляла 13% их внутренних ресурсов, то к 1967 г. она увеличилась до 31%. В результате политики, проводимой правительством Шри Ланки с начала 70-х годов и направленной на организационное и финансовое укрепление кооперативного движения и укрупнение кооперативных обществ, число многоцелевых кооперативов сократилось с 5053 в 1965 г. до 256 в 1974 г.

⁶ International Directory of Cooperative Organizations. Geneva, 1971, с. 7, 112, 113, 116, 132, 174.

Прежние первичные многоцелевые кооперативные общества были преобразованы в отделения вновь созданных укрупненных кооперативов. Число этих отделений в 1977 г. составило 7 тыс., и они охватывали своей деятельностью 85% населения страны⁷.

Заметную роль в обслуживании сельского населения играла кооперация в Иране⁸. Функцию кредитования крестьянства здесь в основном осуществляли многоцелевые кооперативы, довольно интенсивное развитие которых началось с 60-х годов в ходе аграрных преобразований. В декабре 1976 г. в Иране насчитывался 2871 сельскохозяйственный кооператив, объединявший 2739 тыс. пайщиков. Деятельность кооперативов распространялась примерно на половину сельских населенных пунктов. В 1974/75 г. 66,2% пайщиков пользовались кооперативным кредитом. Правда, кооперативные ссуды в иранской деревне, как, впрочем, и в деревне других развивающихся стран, шли в основном не на производственные цели.

В Непале кооперативное движение стало развиваться с конца 50-х годов. В 1962/63 г. в стране было 870 кооперативных обществ: 559 многоцелевых, 221 кредитное, 21 потребительское, 12 сбытовых, 33 промышленных и 24 других⁹. Как видно из этих данных, подавляющее большинство составляли многоцелевые кооперативы. (К 1967 г. их число возросло до 911, они объединяли 64 973 человека, а функционирующий капитал достигал 181 294 непальских рупий¹⁰.) За ними следовали кредитные. Зачастую деление на многоцелевые и кредитные было условным, так как некоторые многоцелевые кооперативы занимались только кредитной деятельностью, тогда как некоторые кредитные кооперативы осуществляли и иные функции.

Если говорить об основной деятельности непальских кредитных кооперативов, то следует сказать, что они главным образом выдают краткосрочные (предназначенные на оплату текущих сельскохозяйственных нужд и домашних расходов) и среднесрочные (для покупки скота, инвентаря и т. д.) займы. Хотя согласно кооперативному законодательству займы, не превышающие 200 рупий, могут выдаваться безземельным крестьянам и издольщикам, в действительности эти категории сельского населения займов почти не получают. Бывают случаи, когда крупные помещики, состоящие членами кооперативов, берут ссуды и передают их арендаторам, также являющимся пайщиками, но не

⁷ Report on Ceylon Cooperative Movement for Year 1966—67. Colombo, 1968, с. 198; Cooperative and Development in Asia. A Study of Cooperatives in Fourteen Rural Committees of Irak, Pakistan and Ceylon. Geneva, 1972, с. 76; Report of the Royal Commission on the Cooperative Movement in Ceylon. Colombo, 1970; «Economic Times», Colombo, 5.V.1974; «The Ceylon Daily News», Colombo, 16, 17.VIII.1977.

⁸ См.: А. И. Демян. Современная иранская деревня. М., 1977, с. 197—207.

⁹ В. К. Синха. Co-operative Development in Nepal. Delhi, 1965, с. 11, 12.

¹⁰ International Directory of Cooperative Organizations, с. 159.

имеющим обеспечения под займы. Кооперативные кредиты составляют менее десятой части всех займов сельских производителей, что, по выражению одного чиновника, исследователя кооперативного движения в Непале, Б. К. Синхи, является «оазисом в пустыне»¹¹.

В целом, несмотря на численный рост, кооперация в Непале по ряду причин функционирует крайне слабо¹².

В Египте кредитная кооперация, появившаяся еще в начале XX в., в 50—60-е годы претерпела существенные изменения. Немаловажную роль в этом сыграли закон об аграрной реформе 1952 г. и весь комплекс мероприятий, проводившихся в тот период египетским правительством с целью развития кооперативного кредита в деревне¹³. За пять лет (1957—1962) число кооперативных обществ удвоилось, число их пайщиков увеличилось почти в 3 раза, а сумма предоставленных кредитов возросла на 60%. По данным на 1963 г., она составила 69 млн. ег. ф.

Кооперативный кредит предоставлялся на льготных условиях. Займами, полученными в кооперативах, пользовались 970 тыс. арендаторов и собственников земли, половина которых вела мелкое и среднее хозяйство, а половину составляли зажиточные крестьяне, кулаки и помещики. Последние зачастую расписывали свою землю между ближайшими родственниками из расчета 10 федданов на каждого и в качестве «мелких» земельных собственников обеспечивались кооперативными займами.

Увеличивая ассигнования на кооперативный кредит, государство стремилось поддержать в первую очередь крестьян, получивших землю при проведении аграрной реформы, помочь им укрепить хозяйство и увеличить выход товарной продукции. Кроме того, организованный кредит должен был способствовать вытеснению ростовщических элементов из сферы финансирования сельскохозяйственного производства.

Той же цели должно было служить и расширение сбытовой кооперации, рассматривавшейся как посредническое звено между государством и производителями. Через кооперативы осуществлялись закупки у крестьян по установленным ценам продовольствия и сырья, которые потом поступали на государственные предприятия, где подвергались первичной обработке. После национализации внешней торговли хлопком кооперативы установили контакты с государственными фирмами-экспортерами, которые скупали у кооперативов хлопок по фиксированным ценам. Подобная практика существовала, в частности, в четырех про-

¹¹ В. К. Синха. Co-operative Development in Nepal, с. 43.

¹² Подробнее см.: Г. И. Яковлев. Сельское хозяйство и аграрный строй Непала. М., 1975, с. 140—143.

¹³ Здесь и далее см.: В. К. Арикин. Проблемы кооперирования сельскохозяйственного производства в Египте. М., 1972; И. П. Иванова. Сельское хозяйство Объединенной Арабской Республики. 1952—1965. М., 1970.

винциях, где сосредоточено 30% площади под хлопчатником. Государство всячески поощряло также продажу через кооперативы продовольственного зерна, оплачивая при этом 50% транспортных расходов, связанных с доставкой сельскохозяйственных товаров на склады и пункты переработки. Сельскохозяйственный банк Египта ставил своей целью обслуживание мелких землевладельцев, имеющих не более 40 федданов земли. Правда, на практике зачастую ссуды получали крупные землевладельцы, использовавшие малоземельных феллахов в качестве подставных лиц.

Характер кооперативного движения в развивающихся странах в большой степени зависит от политической ориентации правительства, от того, на какие слои сельского и городского населения оно опирается и насколько значительны в стране демократические силы, способные отстаивать прогрессивный путь развития кооперативной системы. Об этом свидетельствует, в частности, опыт Индонезии, где после событий 1965 г. и прихода к власти нового правительства в кооперативной политике произошли существенные изменения. Идеологи кооперативного реформизма, стремясь к устранению воздействия на кооперативную систему оппозиционных новому режиму сил, стали выступать с призывами «деполитизации» кооперативного движения. Новая политика индонезийских властей в области кооперативного развития, как пишет советский исследователь Ю. Г. Александров, направлена «на недопущение использования кооперативного движения различными, прежде всего левыми, политическими силами, на превращение кооперации в инструмент „классового мира“». Вместе с тем кооперации придается важное значение как проводнику социальной и экономической политики и идеологии нового режима»¹⁴.

Значительных успехов добилась кредитная и снабженческо-сбытовая кооперация в странах социалистической ориентации, например в Алжире и Бирме.

В колониальном Алжире имелись кредитные, сбытовые, снабженческие кооперативы и объединения по переработке и хранению сельскохозяйственной продукции, которые служили целям выкачки из страны сельскохозяйственного сырья. После завоевания независимости начался процесс реорганизации и демократизации кооперативной системы. Чиновников колониального аппарата стали заменять представители трудящихся слоев крестьянства. Наибольшее развитие получила заготовительно-сбытовая кооперация, обслуживающая, в частности, самоуправляемый национализированный сектор. Возрастает роль кооперативной системы в вытеснении ростовщиков и посредни-

¹⁴ Ю. Г. Александров. Современная Индонезия. Аграрная политика. 1965—1975. М., 1977, с. 26—27.

ков из сферы торговли и переработки сельскохозяйственной продукции¹⁵.

В Бирме до освобождения, как и в Алжире и других странах Востока в колониальное время, кооперативы выступали орудием колониальной эксплуатации. С достижением независимости перед бирманской кооперацией объективно встала задача содействовать подъему сельского хозяйства, ослаблению влияния ростовщического капитала, решению продовольственной проблемы и росту занятости в стране, в целом проведению государственной политики в деревне. При этом в первые полтора десятилетия независимости торговая и кредитная кооперация в значительной степени использовалась торгово-ростовщическим капиталом в своекорыстных целях и лишь частично выполняла возложенные на нее функции. С октября 1962 г. стала проводиться политика укрепления кооперативной системы путем ликвидации бездействующих и объединения мелких, нерентабельных снабженческо-сбытовых кооперативов, а также усиления контроля за их деятельностью. Правительство стремилось создать в каждой бирманской деревне многоцелевой кооператив, который бы занимался сельскохозяйственным производством, кредитованием своих пайщиков, распределением товаров широкого потребления, сбытом продукции и, кроме того, мелким вспомогательным промыслом. Кооперация стала развиваться более быстрыми темпами, причем уменьшилось влияние в ней паразитических элементов. В 1962 г. в стране насчитывалось 3664 сельскохозяйственных и многоцелевых кооператива; в 1970 г. было уже 12563 многоцелевых кооператива, объединивших 3,8 млн. человек¹⁶.

Однако кооперация в Бирме развивалась волнообразно: ослабление государственной монополии во внутренней торговле приводило к усилению влияния частного сектора в сельском хозяйстве и снижению доли государства и кооперативов, и наоборот. Так, удельный вес частного сектора в торговле товарами местного производства в 1968/69 г. по сравнению с 1965/66 г. увеличился более чем в 2 раза, тогда как доля государственного и кооперативного секторов значительно снизилась, составив 48,8 и 6,7% соответственно против 70,4 и 12%. С начала 70-х годов наметилась обратная тенденция.

Ныне значительная часть товаров широкого потребления и сельскохозяйственного реквизита направляется в деревню через кооперацию, которая одновременно выступает агентом государства по закупкам сельскохозяйственной продукции. По данным

¹⁵ Подробнее см.: И. А. Егоров. Социально-экономическая структура Алжира. М., 1976.

¹⁶ Здесь и далее см.: А. Ф. Жабреев. Аграрные отношения в современной Бирме. М., 1971, с. 138—149.

на 1974/75 г., в бирманской деревне было 12 234 многоцелевых кооператива с более чем 4 млн. пайщиков¹⁷.

По мере укрепления и демократизации государственного сектора кооперация упрочивается. Зачастую, правда, кооперативы (а они обслуживают почти все уклады, существующие в бирманской деревне) становятся ареной классовых и социальных конфликтов. Но с успехами страны на пути некапиталистического развития, несомненно, будут развиваться прогрессивные тенденции бирманской кооперации. Этому должны способствовать, в частности, мероприятия по тесной увязке развития обслуживающих кооперативов с ростом производственной кооперации.

Производственная кооперация, являющаяся высшей формой кооперативной организации хозяйства, по ряду обстоятельств, таких, как незавершенность аграрных преобразований, барьер мелкособственнической психологии, сопротивление эксплуататорских элементов кооперированию, недостатки государственной политики и т. д., не достигла в странах зарубежного Востока заметного развития. Так, в сфере сельскохозяйственного производства Индии в 1968 г. имевшиеся земледельческие общества обрабатывали площадь, не превышавшую 0,02% всей обрабатываемой земли в стране. В июне 1974 г. в Индии было 9477 производственных кооперативов с 264 тыс. пайщиков, а размер их хозяйственной площади составлял 540 тыс. га¹⁸.

В отличие от кооперативов кредитных, сбытовых и потребительских, обслуживающих различные экономические уклады, производственные кооперативы, как уже отмечалось, сами носят укладный характер. В Индии, например, можно выделить два типа кооперативов, характеризующихся признаками определенных укладов: 1) эксплуататорские и 2) сельских труженников. К первому типу относятся кулацкие кооперативы, организованные кулаками и обуржуазившимися помещиками, которым принадлежит вся земля кооператива и которые соответственно присваивают весь его доход. Члены кооператива — обычно собственники земли или полноправные арендаторы. Вся земля здесь обрабатывается наемными рабочими, не являющимися пайщиками, хозяйства механизированы, применяются сортовые семена, удобрения, земля орошается. Такие объединения выступают коллективными эксплуататорами наемного труда (их прибыль — превращенная форма прибавочной стоимости, созданной трудом сельскохозяйственных рабочих); они получают

¹⁷ 1976—77 кукхи агуэ пьндаунзу соушели тамато мьянма найнгандо-и бандайе сплуайе лухмуе ачейаней хии патте-ди пьнду клудо-до аспинккназ (Доклад Народному собранию о финансовом, экономическом и социальном положении Социалистической Республики Бирманский Союз в 1976/77 г.). Рангун, 1977, с. 138—139 (на бирм. яз.).

¹⁸ Review of the Cooperative Movement in India 1972—4. Reserve Bank of India, Bombay, 1976, с. 229.

дешевые государственные кредиты и в первую очередь обеспечиваются дефицитным реквизитом и удобрениями.

К эксплуататорскому типу следует отнести и смешанные кооперативы, в которых одна группа пайщиков трудится, другая же не принимает участия в трудовом процессе, а вносит землю, денежный капитал, иногда инвентарь. Здесь часть земли обрабатывают наемные рабочие, а другую — безземельные пайщики. Трудом этих двух категорий работников и создается прибыль, получаемая кооперативом. По своему характеру такие объединения мало чем отличаются от описанных выше и являются хозяйствами мелкокапиталистического уклада.

Среди смешанных кооперативов есть и такие, которые связаны с докапиталистическими укладами. Это объединения, созданные помещиками с целью сохранить за своей семьей земельные площади сверх предусмотренных государственными нормативами. Землю в таких кооперативах обрабатывают арендаторы (на условиях издольной аренды), которые привлекаются организаторами кооператива в качестве фиктивных пайщиков. Здесь характер докапиталистических укладов маскируется новой, кооперативной оболочкой. Подобные кооперативы в Индии называют лжекооперативами или кооперативами-призраками.

Второй тип производственных кооперативов составляют объединения сельских труженников. В этих объединениях все или почти все пайщики трудятся. Распределение дохода в них, как правило, производится в соответствии с долей труда, денежного и земельного пая, внесенного в кооператив. В целом это малорентабельные хозяйства с низким органическим строением капитала, являющиеся чаще всего хозяйствами мелкоотварного уклада.

В отдельных объединениях создаются предпосылки новых, прогрессивных производственных отношений. Это бывает в тех случаях, когда участники кооператива отказываются от получения дивидендов на землю и распределяют доходы в зависимости от количества и качества труда, внесенного каждым участником. Например, в одном из объединений по совместной обработке земли в штате Гуджарат пайщики отказались от распределения части совокупного дохода на вложенную землю, благодаря чему 70% чистого дохода было распределено в качестве платы за труд, а 30% — отчислено в различные общественные фонды¹⁹.

К кооперативам труженников следует отнести кооперативы-колонии, организуемые государством на пустошах и залежных землях. Они существуют при большой финансовой и иной помощи государства и создаются не только для увеличения хозяйственного земельного фонда, но и для улучшения материально-

¹⁹ Report of the Committee of Direction on Cooperative Farming, New Delhi, 1965, с. 270.

го положения и обеспечения работой представителей племен, низших каст и самых необеспеченных прослоек сельского населения.

Во многих производственных кооперативах Индии, независимо от их социально-экономического типа, осуществляется совместная обработка земли. Собственность на землю здесь находит свое выражение в получении землевладельцами ренты в зависимости от размера предоставленного ими кооперативу участка.

Кооперация лишь на поверхности сглаживает классовые противоречия в индийской деревне, в действительности она очень часто становится ареной классовых, экономических и социальных конфликтов. Это проявляется в борьбе за кредиты между представителями торгово-ростовщического капитала, с одной стороны, и мелкими товаропроизводителями или сельскими предпринимателями — с другой, за кредиты, удобрения, семена, за распределение доходов кооператива между зажиточными и малоимущими пайщиками. Так, крупные пайщики-землевладельцы заинтересованы в увеличении доли совокупного дохода, распределяемой на земельный пай, а малоземельные или безземельные пайщики — в уменьшении этой доли, но в увеличении фонда заработной платы и общественных фондов. Кроме того, в кооперативах со смешанным кастовым составом часты кастовые конфликты, ибо здесь, как правило, на одном полюсе стоят представители высших каст, обладающие землей и властью, на другом — представители низших каст, не являющиеся полноправными пайщиками и борющиеся за повышение своего материального и социального статуса. Там же, где существуют однокастовые кооперативы, разгорается борьба между кооперативами, объединяющими представителей высших земледельческих каст, и кооперативами низших каст.

В Египте 50—60-х годов наделение части крестьянства землей при условии обязательного вступления в кооперативы имело целью улучшить положение безземельных и малоземельных крестьян, дать им возможность создать более или менее устойчивые товарные хозяйства. В кооперативах, созданных в результате осуществления аграрной реформы, земля, полученная от государства, обрабатывалась совместно. Этим коллективным хозяйствам в первую очередь предоставлялись семена, удобрения, сельскохозяйственная техника, беспроцентный кредит и т. д. Доходы, которые получали пайщики, были выше, чем в индивидуальных хозяйствах.

Помимо таких коллективных хозяйств стали появляться кооперативы в районах, не охваченных аграрной реформой. Эти кооперативы создавались по инициативе местных богатеев и крупных землевладельцев, которые, естественно, и захватывали руководящие посты в правлениях. По сути дела, это были многоцелевые объединения, обслуживающие хозяйства мелкокапи-

талистического и мелкотоварного укладов. Для ограничения в них влияния деревенской верхушки и помещичьих элементов правительство вынуждено было в 1961 г. ввести новый порядок выборов в правления, согласно которому $\frac{4}{5}$ членов правления должны были составлять феллахи, имеющие менее 5 федданов земли.

В 1971 г. в Египте насчитывалось 5 тыс. земледельческих кооперативов, однако в действительности далеко не все они являлись производственными объединениями. Особую роль играли кооперативы, основанные на новых землях. Таких кооперативов в 1971 г. было 87, они объединяли около 23 тыс. крестьян и освоили 400 912 федданов ранее пустующих земель²⁰.

В Ираке законом 1958 г. предусматривалось обязательное вступление в кооперативы крестьян, получивших землю по аграрной реформе. В 1965 г. этот закон был распространен и на арендаторов государственных земель. Могли вступать в кооперативы также крестьяне, земельная собственность которых не превышала установленный в стране земельный потолок. С приходом к власти в 1968 г. нового правительства и с принятием закона об аграрной реформе 1970 г. сельскохозяйственная кооперация в Ираке стала развиваться более быстрыми темпами. К сентябрю 1970 г. было создано 1050 производственных кооперативов (объединяющих 150 тыс. крестьянских семей) и 33 коллективных хозяйства более высокой степени производственного кооперирования (объединяющих 3124 крестьянские семьи)²¹.

В таких странах, как Алжир, Бирма и некоторые другие, производственное кооперирование явилось не только интегральной частью аграрной политики, но и средством преобразования всей социально-экономической структуры деревни и демократизации в интересах широких слоев трудящихся.

Существующие в аграрном секторе Алжира самоуправляемые хозяйства по своей организационно-хозяйственной структуре приближаются к кооперативам по совместной обработке земли, но отличаются от них тем, что основаны на государственной, а не на коллективной собственности. Они возникли на базе крупных латифундий колонистов, бежавших из страны после провозглашения независимости. Вначале трудящиеся стихийно захватывали брошенные имения и пытались наладить хозяйство. В дальнейшем самоуправляемые предприятия стали появляться и в других отраслях. В 1963 г. были приняты зна-

²⁰ См.: И. П. Иванова, Сельское хозяйство Объединенной Арабской Республики, 1952—1965, с. 110; В. К. Арыский, Проблемы кооперирования сельскохозяйственного производства в Египте, с. 79. Подробнее см.: И. О. Фаризов, Сельскохозяйственная кооперация в развивающихся странах, М., 1973.

²¹ Г. С. Шахбазян, Государственный сектор в экономике Ирака, М., 1974, с. 180, 182.

менитые «мартовские декреты» правительства, в которых было объявлено о национализации всех брошенных хозяевами земель. Все они перешли под контроль комитетов самоуправления и явились своеобразной формой коллективного владения. К середине 70-х годов система самоуправления охватила почти весь бывший колониальный сектор в сельском хозяйстве; 1873 самоуправляемых хозяйства объединили 22 тыс. плантаций и ферм.

Кроме того, в аграрном секторе значительное место занимают производственные земледельческие кооперативы (число их на конец 1973 г. составляло 1348), кооперативы по совместному использованию и приобретению сельскохозяйственной техники (827) и кооперативы по освоению малопригодных земель (318)²².

Правительство независимой Бирмы всячески поощряет развитие в стране производственного кооперирования. В мае 1970 г. была объявлена кооперативная программа, предусматривавшая создание 13 тыс. производственных земледельческих кооперативов, которые должны были объединить 5 млн. человек, и 1 тыс. промышленных кооперативов с 15 тыс. пайщиков. Кроме того, предусматривалось также преобразование многоцелевых обществ в производственные. К 1974/75 г. в сельском хозяйстве страны было создано 107 производственных кооперативов, объединяющих свыше 33 тыс. человек²³.

В странах социалистической ориентации, как вообще в развивающихся государствах, кооперация проходит сложный путь становления и испытывает немалые трудности. Но в этих странах существуют известные предпосылки для превращения кооперации в социалистический уклад.

Говоря о трудностях развития кооперации в многоукладных государствах, следует отметить, что большим препятствием в этой области во многих странах Востока наряду с сохранением сильных позиций торгово-ростовщического капитала в сфере обращения, господством в кооперативах частных интересов и кооперативной бюрократии является незавершенность аграрных преобразований, сохранение огромной массы хозяйств, относящихся к докапиталистическим укладам и промежуточным социально-экономическим формам. Правда, среди этих форм есть и такие, которые при определенных условиях могут способствовать развитию земледельческой кооперации. В странах Востока издавна существовали коллективные формы труда, особенно там, где требовалась концентрация труда в короткий промежуток времени.

В одном из докладов Международной организации труда говорится: «Кооперация имеет длительную традицию во мно-

²² Алжир. Справочник. М., 1977, с. 142, 147.

²³ См.: А. Ф. Жабреев, Аграрные отношения в современной Бирме, с. 148; 1976—77 кухни агуэ... асийникава, с. 138—139.

гих развивающихся странах и заметное родство с прочно установившимися племенными и общинными структурами, которые господствовали там с давних пор. Следовательно, нет больших препятствий социологического характера для дальнейшего роста кооперативов в таких странах»²⁴.

В Индии с давних времен известны различные традиционные формы совместной работы: обработка земли, расчистка ее от леса, очистка или сооружение колодцев и т. д. В разных районах страны эта система носит различные названия, например «пхад» в Колхатуре, среди производителей сахарного тростника, «гончи» в Андхре и др.²⁵. Некоторые из таких объединений уже официально зарегистрированы как производственные кооперативы, другие постепенно эволюционируют в них.

Подобные традиционные формы коллективного труда знают также в Непале. В долине Катманду мелкие крестьяне издавна объединялись для проведения трудоемких земледельческих работ (система «манка гутхи»). Известны также объединения скотоводов, по очереди пасущих скот на высокогорных пастбищах («манка халха») ²⁶.

Традиционные формы совместного труда как пережитки общинного строя существуют и в других странах Востока. В процессе своей эволюции и при соответствующей политике государства они могут стать предпосылкой для создания производственных кооперативов. Однако в большинстве развивающихся стран это вопрос будущего.

В мелком производстве стран Азии и несколько менее — африканских государств появился и институт промышленной кооперации. Как и сельскохозяйственные кооперативы, промышленные кооперативные объединения играют различную роль в многоукладной экономике этих стран: они могут обслуживать хозяйства (предприятия), существующие и функционирующие в рамках различных укладов, могут сами быть носителями признаков определенных укладов или же формировать новый, самостоятельный кооперативный уклад. (Заметим, впрочем, что последнее относится лишь к незначительному числу производственных объединений кооперативного типа.)

Термин «промышленные кооперативы» применяется к кооперативным объединениям, различным по своей организационной структуре, характеру и целям, отношению к труду и средствам производства, масштабу деятельности, размеру акционерного и оборотного капитала и т. д. Промышленные кооперативы, например, в странах Южной и Юго-Восточной Азии по сфере деятельности можно разбить на две группы: 1) коопера-

²⁴ Цит. по: Н. Шмелев. Проблемы экономического роста развивающихся стран. М., 1970, с. 177.

²⁵ Report of the Working Group on Cooperative Farming. New Delhi, 1959, vol. 1, с. 24—25.

²⁶ В. К. Sinha. Co-operative Development in Nepal, с. 1.

тивы в традиционных отраслях мелкого производства и 2) кооперативные объединения в современной мелкой промышленности.

Кооперативы первой группы включают как объединения ремесленников и кустарей, занятых индивидуальным производством традиционных изделий (ручных тканей, корзин, обуви, гончарных изделий, украшений, ковров, вышивок, резьбы по дереву и др.), так и кооперативы, члены которых осуществляют совместно операции (одну или несколько) по производству этих изделий. При индивидуальном производстве кооперативы снабжают своих пайщиков сырьем, обеспечивают кредитами, инвентарем и осуществляют сбыт готовой продукции, т. е. обслуживают мелких производителей — кустарей и ремесленников. При совместном производстве традиционных изделий мы имеем дело с более высокой степенью кооперативной организации, производственным объединением, наделенным чертами определенного уклада (мелкотоварного или мелкокапиталистического). Некоторые количественные данные о кооперативах в традиционных отраслях мелкого производства приводит на основе источников, по состоянию на 1966 г., знаток кооперативного движения в азиатских странах Мохиндер Сингх (табл. 15).

Таблица 15
Кооперативы в традиционных отраслях
мелкого производства*

Показатель	Шри Ланка	Индия	Полуостров Малайзия	Филиппины
Число первичных обществ	1 112	47 897	4	41
Число участников	71 784	2 911 199	185	2200
Число участников на одно общество	65	61	46	54
Стоимость годовой реализованной продукции на кооператив, долл.	5 542	2 721	...	83 229
Стоимость продукции в среднем на одного пайщика, долл.	86	45	...	1541

* M. Singh. Co-operatives in Asia. N. Y., 1970, с. 236.

Эти округленные данные свидетельствуют о том, что наибольшее число кооперативов в сфере традиционной мелкой промышленности приходится на Индию (из четырех стран в середине 60-х годов), однако по своей активности, определяемой стоимостью реализованной годовой продукции в среднем на одно общество, индийские кооперативы занимают последнее место. Для выяснения причин слабости промышленных кооперативов в стране и выработки специальных рекомендаций индийское правительство назначало рабочие группы (в частности, в 1957 и 1963 гг.). В этих рекомендациях, многие из которых нашли

отражение в пятилетних планах экономического развития государства, указывалось на необходимость увеличения кооперативам финансовой помощи, в том числе предоставления займов под более низкий процент, чем индивидуальным производителям.

В экономической программе, объявленной индийским правительством в 1975 г., подчеркивается необходимость стимулирования развития кооперации в области ремесла и мелкой промышленности²⁷. Такая политика осуществляется и ныне, она направлена на сохранение в условиях растущего аграрного перенаселения и безработицы источника занятости для десятков миллионов сельских и городских тружеников, а также на увеличение объема товарной продукции, поступающей на рынок. С помощью промышленных кооперативов государство пытается объединить мелких товаропроизводителей, ослабить их зависимость от торгово-ростовщического капитала, обеспечить сырьем, кредитами, усовершенствованными станками.

Предметом особой заботы индийских властей давно стало ручное ткачество. Объясняется это тем, что оно дает заработок миллионам людей, однако его развитие происходит в неблагоприятных условиях: ручное ткачество испытывает давление как со стороны торгово-ростовщического капитала (обеспечивающего ткачей пряжей, кредитами и т. д.), так и со стороны механизированного ткацкого производства, конкуренция которого все более усиливается.

С середины 60-х годов в области ручного ткачества заметными темпами стала развиваться кооперация. К 1976 г. число ткацких кооперативов достигло 10 631 (правда, около половины их бездействовало). Главным источником финансирования этих кооперативов были правительства штатов и вышестоящие кооперативные организации. Функционирующий капитал первичных обществ составлял 806 млн. рупий. В 1975/76 г. объединения ткачей произвели продукции на 1031 млн. рупий²⁸. Наибольшее число кооперативов ткачей находится в штатах Уттар-Прадеш, Ассам, Бихар, Западная Бенгалия, Махараштра и Карнатака.

В сущности, кооперация в данном случае выполняет функции, которые на первых этапах формирования капитализма в Европе выполняла рассеянная мануфактура. Это относится к тем кооперативным организациям, которые обеспечивают пайщиков сырьем, денежными ссудами и реализуют готовую продукцию. Здесь кооперация только обслуживает мелкотоварный уклад. А в тех случаях, когда осуществляется совместное производство пайщиков-ткачей, можно говорить о проявлении кооперативного уклада.

²⁷ «The Economic Times», 2.VII.1975.

²⁸ Review of the Cooperative Movement in India. 1974—6, с. 209—210.

Промышленные кооперативы в современных отраслях мелкого производства получили относительно широкое распространение в развивающихся странах. В Индии, например, существуют тысячи кооперативных объединений в нефабричном секторе химической и электрической промышленности, производстве строительных материалов, удобрений и т. д. От кооперативов традиционного сектора они отличаются применением современной технологии, соответствующего оборудования, ассортиментом изделий.

Большинство этих объединений выполняют функции обслуживания пайщиков. Однако изредка встречаются и такие, которые, по-видимому, можно считать хозяйствами нового, кооперативного уклада. Безусловно, ими могут быть кооперативы, осуществляющие совместное производство на базе кооперативной собственности и представляющие собой хозяйственные организации, находящиеся в определенных отношениях с государством (оно оказывает им различную помощь) и частным сектором и выступающие на рынке как самостоятельные единицы (состоят из пайщиков, получающих доходы от вложенного капитала, вознаграждение за труд, бонусы, а также определенные блага за счет общественных фондов).

Особое место среди промышленных кооперативов развивающихся стран занимают различные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Они появились как результат известного развития здесь земледельческого капитализма, с одной стороны, и определенного совершенствования самой кооперативной системы — с другой. Переработка сельскохозяйственной продукции на кооперативной основе является важной ступенькой в развитии кооперативной структуры, как бы мостом, соединяющим торговое предпринимательство с промышленным производством. Развитие кооперативной системы в сфере переработки сельскохозяйственной продукции происходит в двух направлениях: во-первых, организация переработки сбытовыми или многоцелевыми кооперативами и, во-вторых, создание специализированных перерабатывающих кооперативных предприятий, связанных с кредитными, сбытовыми или другими кооперативными обществами. Участие в этих предприятиях мелких и средних производителей дает им выход на арену более или менее крупного предпринимательства и позволяет пользоваться различными льготами, предоставленными государством кооперативным объединениям.

Сектор кооперативной переработки сельскохозяйственной продукции, например, в Южной и Юго-Восточной Азии охватывает как часть рисорушек, маслобоен, мелких предприятий по очистке и прессованию хлопка, так и некоторые прядильные фабрики, сахарные и рисоочистительные заводы, оснащенные современным оборудованием. Наибольшего в регионе развития кооперирование в сфере первичной обработки и переработки

сельскохозяйственного сырья достигло в Индии, где кооперативный сектор делает заметные успехи. На июнь 1976 г. в стране насчитывалось 1217 таких первичных кооперативов, среди них — 190 кооперативных сахарных заводов и 229 кооперативов по прессованию и очистке хлопка²⁹.

Эти предприятия, а особенно сахарные заводы, занимают наиболее значительное место среди промышленных предприятий формирующегося в Индии собственно кооперативного уклада, который как бы отпочковывается от государственно-капиталистического уклада, но пока остается связанным с последним прочными нитями. Кооперативная форма организации производства, труда, управления и распределения доходов на таких сахарных заводах сочетается с государственным финансированием и регулированием.

Характерной социальной чертой деятельности кооперативных сахарных заводов Индии является соединение в одном лице производителя сахарного тростника и пайщика завода (90% пайщиков сахарных заводов — производители сахарного тростника). Помимо производителей пайщиками могут быть чиновники, торговцы, посредники и целые кооперативные общества. На кооперативных сахарных заводах трудятся наемные рабочие, иногда ими бывают малоземельные пайщики-производители. Здесь существует сложный механизм взаимоотношений между различными категориями пайщиков и наемными рабочими, а также определенные отношения с государством и частным сектором. По сравнению с акционерными сахарными компаниями кооперативные заводы пользуются различными привилегиями, что обеспечивает их конкурентоспособность. В 1975 г. 97 кооперативных сахарных заводов давали 40% национального производства сахара³⁰.

Для кооперативных сахарных заводов характерна еще одна особенность. Хотя они являются предприятиями кооперативного уклада, их обслуживают хозяйства мелкотоварного уклада, поставляющие им сырье. При этом можно отметить, что мелкие пайщики кооперативных заводов, сами производящие сахарный тростник, приобщаются к крупному производству, оставаясь в то же время представителями мелкотоварного уклада. Таким образом, происходит своеобразная интеграция разнотипных экономических укладов.

В рамках кооперативного уклада можно рассматривать и кооперативные хлопкопрядильные фабрики Индии, особенно те из них, которые, наряду с прядильщиками, объединяют производителей хлопка и ткачей, т. е. тружеников с противоположными интересами (если крестьяне-хлопкоробы заинтересованы в максимально высокой цене на хлопок, то ткачи стремятся

²⁹ Там же, с. 192, 196, 198.

³⁰ «The Economic Times», 20.IX.1976.

ГОСУДАРСТВЕННО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

покупать пряжу по более низким ценам). Опыт работы 14 предприятий подобного типа³¹ показал не только возможность, но и целесообразность такой организации хлопкопрядильных фабрик.

На наш взгляд, кооперативный уклад в условиях многоукладности является формирующимся, тесно связанным с государственным сектором, но обладающим известной самостоятельностью по отношению к другим укладам. Характер кооперативного уклада в конечном счете определяется характером государственной власти и общим социально-экономическим климатом в конкретной стране. По мере изживания многоукладности и завершения формирования господствующего уклада развитие кооперативного уклада может пойти в двух направлениях: он может стать частью капиталистической либо социалистической системы хозяйства.

³¹ Review of the Cooperative Movement in India. 1972—4, с. 226.

Ликвидация в многоукладных странах Востока государственной надстройки империализма, создание национальной государственности способствовали возникновению первых, минимальных предпосылок если не для преодоления, то хотя бы для осознания необходимости преодоления основного экономического противоречия этих стран — между колониальной (или полуколониальной) структурой народного хозяйства (производительных сил) и потребностью кардинального изменения ее для обеспечения быстрого экономического, социального, культурного и политического развития или, короче, для достижения экономической самостоятельности. Преодоление основного противоречия неизбежно приводит к серьезным переменам и в области производственных отношений. Оно является общей национальной задачей.

Завоевание политической независимости (или укрепление ее) дает возможность прийти в движение такому важнейшему политико-экономическому средству борьбы за полную самостоятельность, как экономическая деятельность государства вообще и государственное предпринимательство в частности.

В нашей литературе для обозначения явлений, связанных с предпринимательской деятельностью государства, очень часто употребляется термин «государственный сектор». Широтой охвата этот термин, конечно, удобен, но в строго научном плане он чрезвычайно уязвим именно вследствие своей широты и неопределенности. Он пригоден для обозначения или описания производительных сил, находящихся в собственности государства, для характеристики их технико-экономического состояния. Понятие «государственный сектор» вполне приемлемо при анализе государственных предприятий (предпринимательства), при определении материальных границ хозяйственных владений государства, но это понятие непригодно для выявления существования производственных отношений. Действительно, государственный сектор может быть экономической основой производственных отношений разного типа. Так, если в индустриально раз-

витых капиталистических странах госсектор представляет собой государственно-монополистический капитализм, то в странах социалистического содружества — социализм. В подавляющем большинстве стран Востока за термином «государственный сектор» скрывается государственно-капиталистический уклад.

Государственное предпринимательство не может стать только стихийным порождением экономического базиса. Необходимо, чтобы требования последнего прошли через политическую надстройку и закрепились благодаря ее «осознанному» действиям. Колониальная администрация была органически не способна обеспечить подобную эволюцию. На это способно только национальное правительство. Поэтому экономическая деятельность интересующего нас типа появляется лишь при наличии государственной независимости.

Таким образом, с учетом политики регулирования национального хозяйства госкапитализм вызывается к жизни нуждами ускорения экономического развития многоукладного общества и «оформляется» конкретными политическими действиями государства. Первостепенное значение при этом имеют хозяйственные потребности (но не только они) многих местных укладов. Вот почему в анализе такого важного и сложного общественного явления мы должны видеть его общенациональную базу. Однако при этом всегда следует помнить, что госкапитализм каждого конкретного общества становится объектом столкновения и союзов различных классовых сил. Госкапитализм несет определенную классовую нагрузку, это и классовая категория. В молодых суверенных странах он отражает и специфику классовой борьбы. Как правило, он обслуживает интересы нескольких (не всех) классов, каждый из которых хотел бы занять доминирующее положение, обладать большим влиянием и преимуществами. Именно здесь, в изменениях классовой нагрузки госкапитализма, вызываемых сдвигами в многоукладном обществе, таится реальная причина его социальной трансформации.

Основная пружина «движения» госкапитализма — в его изменяющемся классовом содержании. Перемены в объеме госкапиталистического предпринимательства, т. е. в удельном весе государственных предприятий в какой-то отрасли или экономике в целом, в конечном счете диктуются классовыми интересами стоящих у власти социальных сил. То же самое следует сказать и о неизбежности изменений форм госкапиталистического предпринимательства, о методах и средствах его функционирования и о других явлениях, связанных с его существованием.

Противоречия переходного общества в целом и отдельных этапов борьбы разных тенденций во все большей степени сходятся, проявляются в особенностях состояния и развития государственного капиталистического уклада. По сути дела, это

наиболее динамичный уклад, состояние его подвижно и изменчиво и потому качественно всегда чем-то необычно.

На современном Востоке, как и в группе развивающихся государств в целом, в условиях свойственной многоукладным странам значительной неравномерности хозяйственного и политического развития госкапитализм очень разнообразен. Несомненно, его характер в конкретных странах зависит прежде всего от природы утвердившейся там власти.

Остановимся сначала на той категории стран, в которой у власти находятся или находились до недавнего времени правящие блоки во главе с помещичье-буржуазными либо буржуазно-помещичьими классовыми силами (например, Турция, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Пакистан, Тунис, Иран). При такого рода власти специфика и классовый характер госкапиталистического уклада определяются тем, что он призван содействовать трансформации хозяйственной и социальной структуры такими темпами и методами, которые выгодны в первую очередь верхушке имущих классов. Отсюда — откровенное поощрение роста развитого частного предпринимательства, главным образом местного крупного капитала.

Одно из характерных проявлений этого госкапитализма заключается в том, что упор в государственных капиталовложениях делается на расширение отраслей инфраструктуры. Так, в Малайзии по заданиям второго пятилетнего плана (1971—1975) на развитие инфраструктуры предусматривалось направить свыше 32% ассигнований госсектора¹.

Другое проявление госкапитализма подобного рода — относительная его непрочность. Наиболее ярко это выражается в том, что государственные промышленные предприятия могут передаваться частному сектору. В некоторых странах, например в Пакистане, приватизация в определенных отраслях в свое время специально оговаривалась в официальных декларациях. Подобным образом на Филиппинах приватизация логически завершала курс на поощрение местного крупного капитала².

В вышеперечисленных странах социально-классовая направленность экономической политики и госкапиталистического уклада формировалась, как правило, в условиях сохранения серьезной зависимости от иностранных монополий. Обычно такая зависимость оказывалась меньшей в бывших колониях, добивавшихся политического освобождения в результате решительной борьбы, чем в бывших полуколониальных странах, где, по существу, не происходило смены консервативного режима. Соответственно государственный капитализм в

¹ Ю. Ф. Хренов. Экономическое развитие Малайзии. М., 1975, с. 56.

² См.: С. Ф. Левин. Формирование крупной буржуазии в Пакистане. М., 1970, с. 90—106; Государственный капитализм в странах Востока. М., 1960, с. 280.

последних проявлял антиимпериалистические, прогрессивные потенции гораздо медленнее, чем в первых.

Известно, например, что в Таиланде уже с 30-х годов текущего столетия госкапитализм получил довольно широкое распространение. В сфере промышленности в конце 50-х годов на долю государственно-капиталистического уклада здесь приходилось более трети всех национальных капиталовложений³. Это, разумеется, благоприятствовало общему росту промышленного производства в стране. Вместе с тем на протяжении длительного периода режима военной диктатуры государственное предпринимательство ограничивалось почти исключительно легкой и пищевой промышленностью. Таиланд оставался по-прежнему зависимым от импорта средств производства. После реакционного путча 1958 г. правящие круги, представлявшие крупную буржуазию и помещиков, пошли на ограничение сферы деятельности госкапиталистического уклада. В частности, был ликвидирован государственный промышленный банк, взамен которого была учреждена финансовая корпорация, находившаяся в полной зависимости от США. Ряд государственных промышленных объектов был сдан в аренду частным компаниям. Государственные инвестиции уже целиком направлялись в отрасли II подразделения. Иностранному, прежде всего американскому, капиталу предоставлялась большая свобода действий. По сравнению с 1958 г. общая сумма частных иностранных инвестиций возросла, например, на конец 1969 г. почти в 22 раза⁴.

В Пакистане, который был менее зависим от империализма, уже с первых лет существования республики часть государственного капитала направлялась не только на создание инфраструктуры, но также в производство средств и предметов труда. В период осуществления третьего пятилетнего плана (1965/66—1969/70) заметно возросла доля вложений в тяжелую промышленность. В общей массе инвестиций в фабрично-заводскую промышленность доля государства в 60-х годах составляла примерно треть⁵. Наблюдался быстрый рост промышленной предпринимательской буржуазии. Президент Федерации торгово-промышленных палат Пакистана говорил об исключительном значении экономической активности государства для развития частнокапиталистического бизнеса: «Государство играет решающую роль в создании остова промышленного предпринимательства в стране. Почти все экономически слаборазвитые страны столкнулись с проблемой нехватки

³ В. И. Искольдский. Таиланд. Экономические очерки. М., 1971, с. 258.

⁴ Там же, с. 268.

⁵ Г. Г. Федорова. Государственный капитализм и развитие промышленности Пакистана. М., 1968, с. 162.

предпринимателей и изыскивают пути и средства, стимулирующие возникновение этого класса»⁶.

К концу 60-х годов в Пакистане обнаружилось приближение нового этапа эволюции госкапиталистического уклада, когда крупная буржуазия рассчитывала при поддержке этого уклада расширить рынок сбыта посредством освоения емкостей низших укладов. Тем самым верхушка имущих классов предполагала преодолеть в своих интересах глубокие диспропорции в национальном хозяйстве. Практически все это вело к обострению социальных контрастов и усилению классовой борьбы, в том числе и за госкапиталистический уклад.

После военно-политического кризиса 1971 г. экономическая роль государства в пакистанской экономике еще более возросла. В первую очередь это выразилось в резком расширении государственного сектора. В 1973 г. были национализированы 32 крупных предприятия в стратегических отраслях промышленности. Затем последовала национализация контролировавшихся отдельными слоями местного крупного капитала страхового и банковского дела, распределения нефтепродуктов, экспорта хлопка-сырца и т. д. Как признавалось в официальных кругах, частная банковская система способствовала углублению имущественного неравенства и установлению господства немногих богатых семей над командными высотами пакистанской экономики. Были введены ограничения деятельности иностранных банков и промышленных компаний. Соотношение между государственными и частными инвестициями значительно изменилось в пользу первых. К 1974 г. под контролем государства находилось свыше 20% производственных активов фабричной промышленности⁷.

Продолжительное сдерживание властью социальных перемен и консервация феодальных пережитков, боязнь народных масс и жесточайшее подавление их выступлений благоприятствовали засилью иностранных монополий в национальной экономике Ирана, что не могло не сковывать и не тормозить становления там госкапиталистического уклада. Долгое время этот уклад существовал главным образом в отраслях легкой промышленности, хотя начало его создания в экономике страны восходит к 20-м годам нынешнего столетия. Попытки национальной буржуазии сколько-нибудь значительно расширить рамки госсектора за счет иностранных компаний (национализация в 1951 г. Англо-Иранской нефтяной компании) были кратковременными и незакрепленными. В Иране многие государственные предприятия были переданы частнокапиталистическим предпринимателям.

⁶ Там же, с. 163.

⁷ Пакистан. Справочник. М., 1977, с. 280; «The Pakistan Times». Lahore, 17.I.1974; «Pakistan Economic Survey, 1974/75». Islamabad, 1975, с. 42.

Однако объективные нужды хозяйственного и социального развития все же вызвали в конечном счете заметную активизацию функций госкапиталистического уклада в этой стране. Так, ее пятый пятилетний план (1973/74—1977/78) устанавливал сумму капиталовложений по линии госсектора в 3118,57 млрд., а частного сектора — в 1580,23 млрд. риялов⁸.

С приходом к власти в Иране в 1979 г. новых политических сил государственное предпринимательство получило значительный стимул для своего дальнейшего развития.

Вся социально-экономическая и политическая обстановка в странах, где у власти стоит прослойка имущих классов, обуславливает весьма узкие в целом рамки для госкапиталистического уклада, ограничивает возможности подъема экономики. В результате общедемократические потенции этого уклада и, что не менее важно, его роль стимулятора экономического роста проявляются слабо и опосредствованно. И хотя постепенный рост госкапитализма происходит и при подобной общественной эволюции, он протекает крайне неравномерно, очень болезненно для масс и служит в основном укреплению позиций имущих классов во главе с крупной буржуазией. В этом, очевидно, кроется одна из причин того, почему государственный сектор в Турции, который существует полвека (в 1971 г. на его долю приходилось 48% стоимости выпуска валовой промышленной продукции), в первую очередь способствовал обогащению буржуазии и созреванию крупного бизнеса, но не общему подъему национальной экономики⁹.

Победа иных общественных и политических сил в многоукладном обществе вызывает другие, чуть ли не полярные отмеченным тенденции в развитии госкапитализма. Это видно хотя бы на примере начального периода истории независимой Индонезии.

С достижением независимости этой страны в ней довольно скоро наметился курс на расширение регулирующей и предпринимательской роли государства в целях ускорения подъема национальной экономики, что имело результатом сравнительно быстрый рост государственного сектора. Основой подобного курса была специфическая коалиция классовых сил, пришедших к власти. Важное значение имело то обстоятельство, что после достижения независимости индонезийские рабочие сами стали налаживать работу на предприятиях, либо принадлежавших колониальной администрации, либо брошенных иностранными владельцами в годы войны. В конституции 1945 г. декларировалось, что земля и природные богатства

⁸ Государственный капитализм в странах Востока, с. 212, 218; *Teheran, of Iran's Fifth National Development Plan (1973—1978, Revised). Summary 1975*, с. 35.

⁹ См.: Е. И. Уразова, *Турция: проблемы финансирования экономического развития*, М., 1974, с. 98.

принадлежат государству и используются им для максимального обеспечения благосостояния народа, что жизненно важные для страны и большинства народа отрасли производства находятся в руках государства¹⁰.

Помимо того Индонезия дает нам наглядный пример крайней переменчивости общественно-экономического содержания госкапитализма. В 1950—1958 гг., т. е. в период проведения политики «либеральной экономики», одной из основных задач провозглашалось укрепление и расширение материально-технической базы государства для содействия главным образом росту национального частного предпринимательства. Одновременно предусматривалось создание предпосылок для усиления борьбы с укладом крупного иностранного предпринимательства. Благодаря расширению нового государственного строительства, а также проведению политики «индонезианизации» собственности границы госсектора в стране существенно расширились. Так, в 1957 г. на долю государственных электростанций приходилось до 70% всей вырабатывавшейся электроэнергии, потребности в цементе на 60% покрывались за счет государственных заводов, в автопокрышках — на 30% и т. д.¹¹.

Курс на усиление социально-экономической значимости государственного сектора достиг своей кульминации в период осуществления политики «направляемой экономики» (1959—1965). Провозглашение этой политики практически означало отказ от концепции «либеральной экономики». Декларировавшаяся концепция «направляемой экономики» предусматривала установление твердого государственного контроля над распределением всех валютных и финансовых ресурсов, закрепление за государством доминирующего положения в торговле, банковском деле, инфраструктуре, добывающей промышленности, а также в других важных отраслях хозяйства. Подчеркивалась важность и необходимость планирования экономического роста. Госкапитализм уже не рассматривался как средство для формирования преимущественно частного национального капитала, а трактовался как самостоятельный и даже самодовлеющий фактор роста экономики. За местным частным бизнесом тем не менее сохранялись немалые возможности. Частная капиталистическая деятельность концентрировалась главным образом в легкой промышленности, розничной торговле и в сфере внутренних перевозок. Заслуживает быть отмеченным также тот факт, что политика «направляемой экономики» предполагала определенное содействие росту низших укладов, как и изменение соотношения укладов — прежде всего за счет вытеснения иностранного капитала.

¹⁰ *Manipol — Usdek, Bandung, 1959*, с. 72.

¹¹ «*Djakarta Times*», 13.XII.1957.

В новой экономической программе правящей партии на этом этапе указывалось, что государство должно не допускать эксплуатации человека человеком, не допускать и решительно пресекать использование богатства или права собственности без выполнения социальных функций, не допускать сосредоточения средств производства в руках небольшой группы людей. «Государство,— утверждалось в программе,— должно направить развитие экономики на построение справедливого и процветающего общества»¹².

Широкая национализация иностранной собственности и увеличение государственного предпринимательства привели к тому, что промышленное производство в госсекторе достигло в 1963 г. 40%¹³. Однако нехватка квалифицированных кадров, гипертрофированная коррупция и другие объективные и субъективные причины помешали правящим группам по-настоящему овладеть огосударственным и вновь созданным промышленным потенциалом и наладить эффективное управление государственными предприятиями. Сильно осложняли положение в госсекторе рост военных расходов и общий бюджетный дефицит. Резкое сокращение объема производства, в том числе и товаров, идущих на экспорт, катастрофическое нарастание инфляционной волны, недостаток товаров массового потребления и разбухание внешнего долга при фактическом истощении валютных запасов — все это губительно сказывалось на деятельности государственного сектора. Многие государственные стройки замораживались.

Сложный комплекс меняющихся социально-экономических и классовых факторов привел в середине 60-х годов к крутому повороту в экономической политике и практике государственного капитализма, выразившемуся, в частности, в приватизации на последующем этапе большого числа действовавших и строившихся государственных объектов. Начавшийся еще в 1964 г., названный процесс ознаменовался после событий 1965 г. временным существенным сужением сферы функционирования и воздействия госсектора. Целью государственного сектора стало стимулирование развитого частного национального и в значительной мере иностранного предпринимательства¹⁴. Госкапитализм в Индонезии по количественным экономическим показателям поначалу резко сократился, и изменилось его качественное, социально-классовое содержание.

Если обратиться к Индии с ее богатым «набором» укладов, большой спецификой социальных сил и классовой борьбы, то ей в соответствующей типологии надо отвести особое

¹² Reksodipuro Soebagio. *Ekonomi marhaenis*. Djakarta, 1959, с. 11.

¹³ «Djakarta Times», 7.IX.1963.

¹⁴ Объем иностранных капиталовложений в индонезийскую экономику к концу 1976 г. достиг 6,7 млрд. долл. («Правда», 19.I.1977).

место. Эволюция госкапитализма в стране характеризуется заметным своеобразием. Во многом это обусловлено тем, что здесь сформировалась относительно многочисленная национальная буржуазия, которая активно участвовала в освободительном движении и вкупе с другими, главным образом имущими, классами пришла к власти. Кроме того, правительство не могло не считаться в своей политике с мощным напором демократических сил, сыгравших очень важную роль в завоевании политической независимости.

В основополагающих документах партии Индийский национальный конгресс наряду с сильным буржуазным влиянием почти всегда было ощутимо влияние и мелкой буржуазии. Поэтому как антиимпериалистические и антифеодалные, так и в определенной мере внутренние антимонополистические аспекты формировавшегося государственного сектора выступали в них несколько отчетливее, чем в официальных правительственных декларациях, и в особенности на практике. За государством провозглашалось исключительное либо преимущественное право на развитие и создание важнейших стратегических и ключевых отраслей промышленности с последовательным овладением командными высотами в национальном хозяйстве. В экономической программе Национального конгресса, обнародованной в год освобождения (1947), прямо говорилось, что «средства производства, равно как и распределения и обмена, должны принадлежать обществу и регулироваться им в его собственных интересах»¹⁵. Наряду с этим декларировалось — как дальняя цель — кооперирование отраслей мелкой и средней промышленности и поощрение кооперации сельского хозяйства¹⁶.

Развитие госкапиталистического уклада стало происходить в независимой Индии главным образом за счет нового строительства в тех отраслях, в которых крайне нуждалась экономика. Национализации в промышленности придавалось меньшее значение, чем это делалось в программе Национального конгресса в годы колониального рабства. В первой резолюции о промышленной политике (1948) говорилось, что расширение рамок государственного сектора будет проводиться преимущественно путем активизации деятельности государства в тех отраслях промышленности, в которых оно уже принимает участие, а также путем строительства новых предприятий в других видах производства, но не посредством приобретения действующих предприятий¹⁷.

¹⁵ Цит. по: Report of the Panel on Economic Policy, December 1969. New Delhi, 1969, с. 1.

¹⁶ Planning and Development. Speeches of Jawaharlal Nehru (1952—1956). Delhi, 1957, с. 38.

¹⁷ Т. Р. Шарма. Размещение промышленности в Индии. М., 1958, с. 396.

Упор на новое промышленное строительство в госсекторе сочетался с относительно быстрым увеличением соответствующих государственных инвестиций по сравнению с частными: удельный вес первых в общей массе возрос с 18,4% в период осуществления первого пятилетнего плана (1951/52—1955/56) до 62,2% в заданиях четвертого плана (1969/70—1973/74). Результатом явился существенный рост доли продукции госсектора в промышленности. В совокупном производстве и продаже продукции всеми промышленными и коммерческими компаниями Индии в 1965/66 г., составлявших соответственно 52 227 млн. и 51 079 млн. рупий, доля государственных компаний определялась в 16,7 и 16,3% соответственно. В 1975/76 г. общий оборот одних лишь компаний и корпораций центрального подчинения превысил 120 млрд. рупий¹⁸.

Экономическая, в том числе госкапиталистическая, политика правительства объективно была подчинена задаче поощрения сбалансированного развития нескольких укладов. Но в числе прочих развитой частнокапиталистический уклад усиливался быстрее. Это нарушало равновесие и вызывало, особенно со стороны индийских монополий, стремление урвать побольше от госпредпринимательства и одновременно расширить сферу активности крупного капитала. В 60-е годы крупному бизнесу удавалось добиваться определенных (часто временных) успехов. В первоначальном проекте четвертого пятилетнего плана (1966 г.) даже предусматривалось относительное снижение государственных капиталовложений в общих размерах капиталовложений, а также сокращение их доли в ключевых сферах промышленности и увеличение в инфраструктуре. В целом в 60-е годы в системе государственного контроля и регулирования экономики были сделаны уступки частному капиталистическому предпринимательству, выразившиеся в пересмотре или отмене контроля над ценами дефицитных товаров в некоторых важнейших промышленных отраслях, в либерализации условий лицензирования (в первую очередь для мелкого предпринимательства) и т. д.

Такого рода колебания в экономической политике конгрессистских властей свидетельствовали о возрастающем давлении прежде всего крупного бизнеса; последнее вело к углублению классовых антагонизмов, усилению хозяйственных диспропорций и росту имущественного неравенства. Все это не могло не вызывать чувства недовольства в широких кругах индийской общественности и, несомненно, явилось одной из причин резкого падения во второй половине 60-х годов престижа Национального конгресса и усиления внутренней борьбы в нем.

С 1969 г. наметилась определенная переориентация хозяй-

¹⁸ The Public Sector in India. A Survey. Bombay, 1969, с. 34; «Economic and Commercial News». New Delhi, 8.I.1977, с. 8.

ственной политики. Она последовала за открытым обострением борьбы внутри Конгресса и правительства и отразила изменившуюся расстановку классовых сил в стране.

В опубликованной в 1969 г. новой экономической программе содержалось важное положение о том, что завоевание госсектором преобладающих позиций в национальной экономике отвечает интересам расширения мелкого предпринимательства; ставился вопрос об увеличении ему поставок средств производства, предоставлении кредитов и оказании всевозможной помощи¹⁹. Вместе с тем в 70-е годы рассматривались и осуществлялись (в частности, через изменения в лицензировании) меры, направленные на усиление регулирования и контроля деятельности большого бизнеса. Активизировались усилия по расширению позиций госсектора в области материального производства. Естественно, это были противоречивые процессы, и монополии делали все, чтобы приспособиться к менявшейся обстановке.

Пронсшедший на рубеже 60—70-х годов определенный пересмотр политики выразился в первую очередь в национализации 14 крупнейших коммерческих банков Индии, в результате чего в распоряжение госсектора перешло до 83% кредитных операций всей банковской системы²⁰. Государственные финансовые учреждения увеличили размеры кредитования мелкого производства, а также стали, по сути дела, решающим источником заемного капитала для развитого капиталистического предпринимательства, в том числе крупного²¹. Существенно были повышены масштабы деятельности государственных компаний во внешнеторговых операциях, в страховании и в материальном производстве. В 1971—1973 гг. были национализированы 214 шахт коксующихся углей, 12 коксовальных печей и 738 шахт некоксующихся углей. В первой половине 70-х годов был огосударвлен целый ряд местных металлообрабатывающих компаний, электроэнергетических объектов. В ведение государства перешли 103 текстильные фабрики и т. д. Повысились ассигнования на нужды государственного сектора, расширились размеры его операций в отраслях производства предметов потребления. Если в период реализации первого плана общее соотношение государственных и частных капиталовложений составляло 46,5:53,6, то на пятую пятилетку по проекту оно определялось как 66:34. На конец 1972/73 г. совокупные инвестиции госсектора достигли 220

¹⁹ «The Economic Times». Bombay, 29.XII.1969.

²⁰ «Hindustan Times». New Delhi, 21.VII.1969.

²¹ В конце 60-х годов из 4026 млн. рупий, предоставленных в виде кредитов государственными институтами, 2832,2 млн. рупий (70%) предназначались для частного сектора. Совокупный капитал крупнейшей монополии Таты на 80% слагался из заемных средств, полученных от государственных кредитно-банковских институтов («New Age» New Delhi, 25.VII.1970).

млрд. рупий по сравнению со 130 млрд. рупий в частном корпоративном секторе²².

Результатом различных мероприятий (как экономических, так и политических) явился заметный рост госсектора в отдельных отраслях экономики Индии. В начале 70-х годов его доля в угольной промышленности равнялась фактически 100%, в добыче нефти — 86, в производстве чугуна — 85, в железнодорожном и авиационном транспорте — 99, в экспорте — 20, в импорте — 73, во внутренней торговле нефтепродуктами — 54, хлопком — 27, продовольственным зерном — 20% и т. п. Общая доля госсектора в чистом внутреннем продукте возросла с 10,7% в 1960/61 г. до 15,3% в 1972/73 г. и 18,9% в 1976/77 г.²³

Приход к власти в 1977 г. политической коалиции «Джаната парти» сопровождался некоторым снижением темпов роста государственного предпринимательства, однако с возвратом в начале 1980 г. к управлению страной Национального конгресса они вновь стали увеличиваться.

В целом опыт Индии показывает, что на определенном этапе развития многоукладного общества по мере усиления в нем классовой борьбы в политике госкапитализма происходят определенные не только количественные, но и качественные изменения, которые становятся важным фактором эволюции и трансформации переходной экономики.

В ряде многоукладных государств, а именно в тех, которые провозгласили социалистическую ориентацию и социальная база власти в которых включает как низшие слои национальной буржуазии, так и трудящихся (в основном непролетарские и полупролетарские массы города и деревни), количественные и особенно качественные изменения в госкапиталистическом укладе обрели сравнительно стабильный характер. Как правило, радикальные преобразования или попытки приступа к ним имеют здесь уже некоторую историю.

Например, в Бирме начиная с 1962 г. были полностью национализированы иностранная собственность, а также предприятия местного крупного и в значительной мере среднего капитала, транспорт, кредитная система, внешняя и оптовая внутренняя торговля; установлен контроль государства над нефтяной промышленностью, разработкой лесных богатств и т. д. Доля государственных инвестиций росла и уже на 1966/67 г. определялась в общей массе почти в 70%. Особенно быстро увеличивались вложения в промышленность. В 1972/73 г. в госсекторе сосредоточивалось около 84% добывающей и 37% обрабатывающей промышленности. По данным 1977 г., на долю госсектора

²² Draft of the Fifth Five Year Plan, 1974—79. Delhi, 1973, с. 85; «New Age», 20.II.1977, Suppl., с. 28.

²³ «Commerce Year Book of Public Sector, 1975». Bombay, 1975; «The Economic Times», 24.IV.1975; 17.IV.1978.

в целом приходилась треть производства национального продукта²⁴. Границы государственного сектора расширялись, что наряду с социально-экономическими и иными преобразованиями создавало реальные возможности для улучшения планирования бирманской экономики.

В различных странах социалистической ориентации конкретные причины, обстановка проведения радикальных экономических и политических преобразований имеют значительную специфику; в еще большей мере подобное можно сказать о национальных формах госкапитализма, о нарастании количественных и качественных перемен в госкапиталистическом укладе. Эти перемены не могут происходить изолированно от других радикальных сдвигов в обществе. Для серьезных изменений в госкапитализме нужен комплекс социальных перемен в пределах всей страны. Решительное противодействие неокOLONIALИЗМУ часто подталкивает или обуславливает важные внутренние преобразования (включая расширение госкапитализма).

Так, в Алжире рост государственного сектора был непосредственно связан с результатами народной освободительной борьбы против французских колонизаторов. На 1973 г. промышленные предприятия госсектора вместе с самоуправляемым сектором²⁵ охватывали 80—85% всего промышленного производства²⁶.

Особенностью (по существу, уникальной) Алжира среди государств, выбравших социалистическую ориентацию, является высокий удельный вес контролируемого государством самоуправляемого сектора в сельском хозяйстве. В 1975 г. на его долю приходилось около 1/4 всех обрабатываемых площадей. Организация самоуправления трудящихся на покинутых европейскими хозяевами землях явилась важным шагом на пути утверждения в стране социалистической ориентации. Большую роль играла также национализация в частном секторе. К июлю 1975 г. в стране были полностью или частично национализированы земли 22 тыс. крупных собственников. На этих, а также на государственных землях было создано свыше 2,5 тыс. кооперативов, объединивших более 50 тыс. крестьянских семей.

В целом ряде развивающихся государств, добившихся принципиально важных политических изменений, форсированный

²⁴ Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial, Economic and Social Conditions for 1973/74. B. 1. Rangoon, 1973, с. 22; «Правда», 10.VIII.1977.

²⁵ Самоуправляемый сектор в промышленности и сельском хозяйстве, как известно, представлен ранее принадлежавшими европейцам предприятиями (фабриками, плантациями и т. п.), на которых после освобождения по инициативе снизу было установлено управление рабочих и младшего административного персонала. Этот сектор является новой формой организации наиболее развитой части алжирской экономики.

²⁶ Данные по Алжиру см.: В. П. Колесов. Государственный сектор в экономике развивающихся стран. М., 1977.

рост государственного предпринимательства, как и расширение функций госсектора вообще, становится ведущей особенностью социального развития. Наглядным тому примером служит Афганистан, покончивший с феодальной монархией. Здесь взят курс на ускорение индустриализации экономики, на укрепление государственного сектора и внедрение планирования, на демократизацию общественной жизни, обеспечение прав и свобод трудящихся, равноправия женщин. Осуществляется аграрная реформа, которая отвечает интересам широких трудящихся масс, принимающих активное участие в ее проведении. Создаются различные кооперативные объединения и государственные механизированные хозяйства. В руководящих кругах выражена твердая решимость положить конец феодальным и полуфеодальным отношениям в стране. Реализуется на практике декрет об отмене уплаты и сокращения крестьянских долгов помещикам и ростовщикам. Данная акция является важным шагом в ходе проведения аграрной реформы, существенно облегчающим положение крестьян Афганистана. Значительная часть трудового крестьянства уже полностью освобождена от уплаты таких долгов²⁷.

Действительность развивающихся государств, вместе взятых, продемонстрировала изменчивость госкапитализма, способность его к широкой амплитуде колебаний. Стали проявляться и отдельные элементы того механизма, который управляет эволюцией госкапиталистического уклада. Отчетливее проступила общественно-экономическая двусосновность последнего, хотя внутренние процессы в пределах самого госсектора продолжительное время ограничиваются переменами в его экономической структуре. Количественные сдвиги за счет (или в пользу) других укладов, а тем более социально-классовая трансформация существа госсектора, естественно, обуславливаются действиями надстройки, государства, т. е. являются следствием перемен в расстановке классовых сил многоукладного общества в целом, а также внешнего воздействия на него.

В данной главе мы только указываем на общие изменения, тогда как многие социально-политические аспекты развития рассматриваются в других разделах. Сейчас же коротко остановимся на некоторых внутренних экономических проблемах, возникающих в ходе эволюции госкапиталистического уклада.

Постепенная или быстрая активизация инвестиционной деятельности государства (особенно в производстве промышленного сырья и полуфабрикатов, а в ряде стран и капитального оборудования) диверсифицирует хозяйственную структуру, что в определенной мере ослабляет дорогостоящую зависимость от внешнего рынка. Отчетливее это выявляется в тех развивающихся странах (или в тот период их эволюции), где (или ког-

²⁷ «Правда», 18.VIII.1978; 5.XI.1979.

да) возможности госкапитализма не ущемляются, а, наоборот, получают поддержку. Примеры тому — эволюция госкапитализма в 60-е годы в Индии или Шри Ланке и особенно, разумеется, в странах социалистической ориентации.

О значительном развитии производительных сил с помощью госсектора говорят многочисленные факты. Так, в Индии с конца 60-х годов существенно уменьшен дефицит на черные металлы, некоторые виды тяжелого оборудования, удобрения, нефтепродукты и т. п. Расширение промышленной базы госсектора явилось весомым вкладом в ускоряющийся процесс индустриализации страны.

Не удивительно, что в начале 70-х годов около 64% механического оборудования, 92% стальных конструкций и 61% огнеупорных материалов для первой очереди государственного металлургического комбината в Бокаро обеспечивались уже за счет местного производства. При этом из указанных 64% оборудования отечественного производства примерно 50% производилось государственной корпорацией тяжелого машиностроения в г. Ранчи²⁸.

Госсектор продолжает увеличиваться в ряде стран за счет национализации иностранных предприятий. Так, в 1971 г. в Индии были национализированы все иностранные страховые компании, что позволило усилить контроль государства над сферой обращения и особенно над расходованием иностранной валюты. В Шри Ланке к 1975 г. были огосударствлены все плантации, принадлежавшие иностранному капиталу (наряду с частными местными плантациями). В конце 1974 г. в Алжире было объявлено о национализации последних частных компаний, составлявших иностранную собственность. В госсектор вошли предприятия автомобильной, химической, текстильной и пищевой промышленности. Важную роль в усилении госкапиталистического уклада играют предпринимаемые в некоторых странах шаги по огосударствлению иностранного имущества в сфере производства и распределения нефтепродуктов, о чем уже говорилось в специальной главе.

В целом осуществляемая в развивающихся государствах Востока в той или иной степени национализация собственности иностранных монополий свидетельствует о реализации стремления молодых государств стать полновластными хозяевами своих национальных богатств, как воспроизводимых, так и невоспроизводимых.

Чрезвычайно важное значение для усиления воздействия госкапитализма на процесс воспроизводства в развивающихся странах имеет рост госсектора в сфере торговли (внутренней и внешней). Тут перед нами выступают две часто переплетающиеся

²⁸ Committee on Public Undertakings, 1973—74. Fifth Lok Sabha, Fortieth Report, Role and Achievements of Public Undertakings. New Delhi, 1973, с. 22.

ся формы: 1) непосредственное развитие торговых операций в рамках госсектора (создание и укрепление специализированных организаций, налаживание снабжения сырьем и сбыта продукции государственных предприятий) и 2) установление государственного контроля над внутренним рынком с целью регулирования в той или иной степени операций частного торгового капитала (например, при помощи фиксирования цен на важнейшие товары). С этими чисто торговыми формами государственной деятельности смыкается создание, расширение или диверсификация за счет госбюджета объектов, так сказать, инфраструктуры обращения — складов, холодильников, транспортных средств и пр.

В соотношении спроса и предложения на рынках развивающихся стран отражаются сложные экономические связи многоукладного производителя с многоукладным потребителем, которые, в свою очередь, опосредствуют товарные отношения между укладами и внутри каждого из них. Разнопорядковое производственное положение укладов чрезвычайно запутанно проявляется и в разнопорядковой торговой структуре, поскольку зрелость, емкость и направление развития каждого уклада по-своему определяют доминирующий в данном типе хозяйства уровень производительности труда и экономической эффективности вообще. Удельный вес госкапиталистического уклада в торговле (оптовой или розничной) часто непропорционален его доле в совокупном производстве.

Сейчас практически все многоукладные страны в той или иной мере используют разнообразные средства государственного вмешательства в обращение. Это продиктовано объективной экономической необходимостью. Воздействие на спрос и предложение посредством государственной торговли и контроля способно в определенных случаях существенно изменить и элементы воспроизводства. Общественное разделение труда, как отмечал Ф. Энгельс, сообщает торговле свои законы движения, которое имеет «собственные фазы и... оказывает обратное действие на движение производства»²⁹.

Развитие государственного предпринимательства приводит к тому, что государство постепенно превращается (или в перспективе может превратиться) в крупного потребителя материальных ресурсов многоукладной экономики. Государственные инвестиции в различные отрасли промышленности, строительство, инфраструктуру, в научные исследования, а также ассигнования на нужды обороны создают основу для значительного государственного спроса на внешних и внутренних рынках. Одновременно перед государством встает проблема определения условий реализации средств производства, предметов потребления или услуг, производимых предприятиями госсекто-

²⁹ Ф. Энгельс. Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. — Т. 37, с. 415.

ра. Общеэкономические цели, поставленные в развивающейся стране перед госкапиталистическим предпринимательством как укладом в целом, влияют на основные направления, глубину и темпы развития государственного участия в торговле страны.

В Индии закон о развитии и регулировании промышленности 1951 г., явившийся логическим продолжением резолюции о промышленной политике 1948 г., юридически закреплял распределительную функцию государства: в компетенцию центрального правительства вошли равномерное распределение и реализация по справедливым ценам любых товаров 37 отраслей (в начале 70-х годов этот закон распространялся уже на 240 отраслей), а также аналогичных импортных изделий. Закон далее предусматривал фиксирование закупочных и продажных цен, лицензионный контроль над оптовой и розничной торговлей, запрещение продажи любого указанного товара, регулирование движения товаров от производителя или оптовика к потребителю. В свою очередь, специальный закон о важнейших товарах 1955 г. дал правительству право устанавливать ценностные потолки на ряд товаров, включая чугун, сталь, уголь, удобрения, хлопчатобумажные ткани и зерно³⁰.

Огосударствление экономики Бирмы, предусмотренное программным документом — политической декларацией «Бирманский путь к социализму», в сфере обращения сказалось в установлении государственной монополии внешней и оптовой внутренней торговли. Для реализации торговой монополии в соответствии с законом были образованы в декабре 1965 г. 22 торговые корпорации со строго определенными функциями (по товарным группам и роду деятельности). В октябре 1966 г. создается сеть государственных оптовых (около 500) и розничных (около 10 тыс.) магазинов; в главных рисоводческих районах с целью аккумуляции продовольственного зерна для внутренней реализации и экспорта организуется 1300 государственных заготовительных пунктов. Доля государства во внутреннем обороте возросла с 37% в начале 60-х годов до 60% в начале 70-х годов; через государственные каналы реализовалось теперь больше половины отечественных и все импортные товары³¹.

В программе Национального фронта НДРГ подчеркивалась определяющая роль государства в развитии розничного товарооборота: «Государство осуществляет руководство и контроль над розничной торговлей, устанавливает единые цены на всей

³⁰ T. Sharma. Industrial Economics. New Delhi, 1973, с. 71—78; R. Chatterji. Evolution of Price Controls in India. Delhi, 1958, с. 31.

³¹ J. Abbot. The Development of Marketing Institutions. Ithaca, 1968, с. 368; Problems of Marketing, Research Study, № 25. Economic Research Centre, Sardar. Patel University, Vidyanagar, 1974, с. 76.

территории республики»³². По закону об экономической организации госсектора и национального планирования активы национализированных торговых фирм переданы в 1969 г. государственным компаниям внешней и внутренней торговли. С начала 70-х годов внутренний оборот контролирует Управление внутренней торговли министерства экономики и промышленности НДРИ. Составленный Управлением единый прейскурант цен с учетом сезонных различий охватывал около 550 различных товарных наименований³³.

В начальный период независимости той или иной развивающейся страны стремление к огосударствлению торговли нередко отражало потребность различных слоев формирующейся национальной буржуазии обрести эффективное оружие для борьбы с иностранным капиталистическим предпринимательством, как монополистическим, контролировавшим в основном внешнее обращение, так и немонополистическим, мелким или развитым³⁴, занимавшим существенные позиции во внутренней торговле. Посредством государственного вмешательства в форме «филиппинизации», «индонезианизации», «бирманизации», «малайзациии», «ланкизации» и т. д. («индиджинизация») пробивалась стена иностранного предпринимательства, отгораживавшая развивающиеся национальные капиталистические уклады от прибыльного участия в оптовом или розничном, внутреннем или внешнем обращении. С этой целью помимо национализации использовался большой набор инструментов торгового регулирования: от запрещения или ограничения иммиграции торговцев-иностранцев, введения запретительного лицензионного и таможенного режима, а также нормирования снабжения до государственного поощрения или искусственного выращивания национального торгового капитала.

Так, по закону о филиппинизации розничной торговли 1954 г. «ни одно лицо, не имеющее филиппинского гражданства, и ни одна компания, не принадлежащая филиппинцам, не имеют права на прямое или косвенное участие в розничной торговле», которая определялась как «любой акт, занятие или обычай, связанные с продажей товаров для окончательного потребления»³⁵. Создание Национальной торговой корпорации и учреждение государственного фонда кредитной поддержки филиппинских торговцев явились первыми практическими шагами по реализации закона. В тексте второго четырехлетнего плана Бирмы указывалось, что «проведение национальной экономической

³² Цит. по: П. Г. Алхимов, В. И. Гусаров. Экономика Народной Демократической Республики Пеман. М., 1976, с. 121.

³³ R. Hartley. Marketing: Management and Social Change. Scranton, 1975, с. 579.

³⁴ Предпринимательство главным образом инонациональных элементов — потомков (или самих) пришлых индийцев, китайцев, лезантинцев и пр.

³⁵ Republic Act № 1180. Sec. 4. Manila, 1954.

политики невозможно в условиях, когда распределение сконцентрировано в руках иностранцев»³⁶. Вмешательство государства во внутреннее обращение Малайзии осуществлялось через поддержку (главным образом при помощи субсидирования цен на отечественный рис) создания среди малайцев торгово-сбытовых (розничных) и рисоочистительных кооперативов³⁷. Как монопольный импортер ряда товаров, Кооперативное оптовое общество Шри Ланки участвовало в реализации государственной политики ланкизации внешней торговли в 60-е годы³⁸.

Конкретные условия каждой страны вносят свою специфику в многозначную функциональную нагрузку государственного торгового предпринимательства. Перед государственной торговлей и торговыми предприятиями ставится, как правило, набор целей, отражающих в совокупности своеобразие базисных условий многоукладности и влияние политической надстройки. Множественность укладно-классовой основы и неоднородность политического содержания госсектора в многоукладных странах в известной мере затрудняют выделение главных и подчиненных причин государственного вмешательства в обращение. По отдельным странам (или группам стран) такие основные и второстепенные причинные связи часто переплетаются.

Глубокие преобразования в странах социалистической ориентации позволяют говорить о реальных возможностях постепенной интеграции производства и обращения в единый комплекс, в котором значительное внимание уделено улучшению положения трудящихся классов. Однако, как показывает практика, поспешная национализация обращения и перевод его в госсектор без необходимого и достаточного учета экономических и административных факторов может иметь негативные последствия, отрицательно отражаться на интересах местных производителей и потребителей, снижая объем товарооборота и соответственно уровень занятости и эффективности работающих на внутренний и внешний рынки отраслей и подрывая экономическую активность в целом. Подобные результаты негибкого огосударствления обращения проявляются с особой силой там, где значительная доля производства находится на стадии мелкотоварного или натурального хозяйства, способности которого работать на рынок существенно зависят от объема и условий предоставления торгово-посреднических услуг. Вытеснение из торговли посредников, в первую очередь оптовых, требует одновременного внедрения соответствующих институтов, которые

³⁶ Second Four Year Plan. Rangoon, 1960, с. 104.

³⁷ Подробнее см.: Lim Sow Ching. A Study of the Marketing at the First Trade Level in Selangor. Kuala Lumpur, 1968, с. 21; A Survey of First Level Dealers in Kelantan. Rubber Research Institute of Malaya. Kuala Lumpur, 1973, с. 14.

³⁸ A. Chandhry. Marketing Efficiency in Theory and Practices. Delhi, 1972, с. 14.

государственные торговые организации подчас не в состоянии предложить. При отсутствии «синхронности» в подобной замене резко усиливается товарный голод и его атрибут — черный рынок, а отыскание путей и средств их ослабления превращается в первоочередную экономическую проблему.

Длительное приспособление колониальных рынков к спросу и предложению метрополий отразилось на структуре и функциях государственного участия в торговле освободившихся стран. Логическим результатом значительной зависимости внутреннего оптового предложения от аккумуляции экспортных ресурсов, а национального спроса — от импортных поступлений (в сочетании с неравноправным положением в международном капиталистическом разделении труда, слабостью основных товаропроизводящих укладов, ограниченной емкостью национальных торговых каналов, низким платежеспособным спросом, отсутствием или острой нехваткой важнейших видов сырья) явилось совмещение внутренних и внешних функций государственных организаций, участвующих в обращении.

Задача зарегистрированной в 1956 г. в качестве акционерной компании Государственной торговой корпорации Индии, например, состояла в «общей реализации указаний по импорту, экспорту, внутренней торговле и распределению любых товаров, которые определялись центральным правительством в государственных интересах»³⁹. Наряду с импортом и распределением дефицитных товаров для стабилизации цен и выравнивания снабжения устав Корпорации предусматривал также развитие экспорта массовых товаров на долгосрочной основе, расширение существующих рынков сбыта и освоение новых, операции с государственными торговыми организациями других стран, сосредоточение импорта массовых товаров, бартерные сделки для устранения разрывов во времени между спросом и предложением товаров, необходимых для индустриального развития, дополнение частной торговли на внутреннем рынке и смягчение конкуренции национальных фирм во внешне-торговых операциях, создание и использование буферных запасов для поддержания цен, помощь мелким предприятиям в снабжении сырьем и сбыте продукции⁴⁰.

Среди государственных торговых организаций, действовавших в Индонезии в период «направляемой экономики», шесть экспортно-импортных корпораций (бхакти) сочетали внешне-торговые операции с закупками отечественных потребительских товаров, их реализацией вместе с импортными на внутреннем рынке, заготовкой собственных экспортных фондов, а также развитием торговых кооперативов. В задачи Кооперативного оптового общества Шри Ланки, созданного в 1943 г. и

³⁹ K. Dewett. *Indian Economics*. Delhi, 1972, с. 612.

⁴⁰ «Commerce Annual», Calcutta, December 1966, с. 112.

преобразованного в статутную корпорацию под юрисдикцией министерства торговли, входили: 1) товарные заготовки и снабжение кооперативных организаций, 2) импортные и экспортные операции, 3) осуществление оптовой и розничной торговли. Общество получало лицензии на импорт некоторых продовольственных товаров для равномерного распределения по доступным розничным ценам, участвовало в выполнении торговых соглашений (например, с Ираном — импорт сухофруктов, изюма, тмина и пр., Генеральной внешнеторговой компанией Египта — экспорт чая), занималось ввозом химических товаров, удобрений и медикаментов, а также вывозом какао-бобов и каучука. Управление масел Туниса не только закупало у производителей и реализовало внутри страны оливковое и другие растительные масла, но и занималось их экспортом, а при необходимости — импортом⁴¹.

В странах с полной или частичной внешнеторговой монополией государства прослеживается тенденция к более четкому разграничению функций государственных организаций в фазах внутреннего и внешнего обращения. Бирманская экспортно-импортная корпорация, например, назначалась агентом с исключительным правом на заключение от своего имени внешне-торговых сделок по поручению и за счет товарных корпораций и отдельных государственных организаций; 19 торговых корпораций участвовали в основном в заготовке экспортных товаров внутри страны и распределении импорта среди государственных предприятий и кооперативов. В соответствии с декретами 1971 г. в Алжире происходит постепенное укрепление импортной монополии по ряду товаров, которую осуществляют специализированные торговые компании государства⁴².

Противоречивость укладных, социально-классовых условий разных стран часто выражается в разномасштабности и юридической контрастности вовлечения государства в различные фазы обращения. Обратное воздействие политической надстройки на развитие меж- и внутриукладных связей, товарно-денежных отношений, экономической структуры, специализации, а также на положение и роль национального и иностранного торгового капитала внешне проявляется как в пестроте легального статуса государственных и смешанных (с участием государства) торговых организаций, так и в дифференцированной практике госсектора в обращении. В разные периоды и различных ситуациях государство может концентрировать свои усилия, например, во внутриторговом распределении соответствующих изделий и импорте или только в импорте, предо-

⁴¹ A. Waterston. *Development Planning: Lessons of Experience*. Baltimore, 1969, с. 43; C. Payer. *Commodity Trade of the Third World*. L., 1975, с. 15; «Food Policy», Guildford, May 1976, с. 97.

⁴² *State Trading in Asia*. ECAFE. Geneva, 1965, с. 14; J. Griggs. *Evaluating Marketing Change*. East Lansing, 1973, с. 20.

ставив экспорт полностью или в определенной степени частному капиталу (Пакистан); в некоторых случаях к импортным операциям допускаются частные агентские фирмы, но государство реализует право собственности на ввозимые товары, выступая товарораспорядителем (Непал); иногда государственный импорт сочетается с внутренними заготовками и распределение важнейших товаров осуществляется по официальным справедливым ценам (частичное зерновое снабжение в странах Южной Азии). Широкий диапазон государственного участия во внутреннем и внешнем обращении проявляется на всех стадиях движения товарных потоков — от внутренних или иностранных производителей к отечественным или зарубежным покупателям — конечным потребителям. Распределительные функции государственных организаций развивающихся стран в большинстве случаев непосредственно или косвенно связаны с импортными операциями.

В Пакистане, например, еще в 60-е годы практиковалась импортная монополия государства на зерно, уголь и удобрения. К распределению угля, в частности, допускались государственные железные дороги, а также уполномоченный центрального правительства по углю, одновременно занимавшиеся и его импортом: первые — для собственных нужд, второй — для снабжения промышленных предприятий госсектора и оптовой торговли через сеть торговых посредников. Провинциальные корпорации сельскохозяйственного развития осуществляли распределение импортных удобрений по ценам, субсидированным государством в ходе кампании по увеличению зернового производства. Зарегистрированная в 1962 г. Национальная торговая компания Непала не только занималась распределением по принципу «ни прибыли, ни убытков» товаров, которые закупались на иностранные кредиты или поступали из Индии, но также действовала в качестве импортного агента департамента торговли. Торговые операции компании включали широкий ассортимент импортных товаров. Ведомство снабжения сельского хозяйства Турции выступало основным продавцом импортной сельскохозяйственной техники, химических удобрений, пестицидов и пр., реализовало аналогичные товары национального производства и участвовало в сборке некоторых видов оборудования и машин (например, самоходных комбайнов на заводе «Арчелик») для предпринимательской верхушки деревни. Управление гражданского снабжения, образованное колониальной администрацией Бирмы после второй мировой войны для ввоза и распределения импортных товаров, было воссоздано правительством Антифашистской лиги народной свободы и до прихода к власти Революционного совета функционировало в качестве крупнейшего оптового заготовительного агентства (по импортным и отечественным товарам), в распоряжении которого была система распределительных пунктов и

потребительских кооперативов. Оборот Управления достигал 30—40% общего импорта потребительских товаров (включая монопольный ввоз сахара, сгущенного молока, консервированной рыбы, текстиля и пряжи) и около 12% всех частных потребительских расходов. В начале 70-х годов государственные оптовые и розничные магазины Бирмы сосредоточили наряду скупаемыми внутри страны почти все импортные потребительские товары, которые ввозились на монопольной основе Бирманской экспортно-импортной корпорацией. Национальное зерновое управление Филиппин активно участвует в импорте и снабжении населения зерном, на долю которого приходится от трети до половины всей стоимости сельскохозяйственной продукции, ввозимой в страну. Привлечение Управления к интенсивным торговым операциям фиксируется в официальных распоряжениях правительства как важный аспект государственной экономической политики. Одно из таких распоряжений, изданное в мае 1974 г. с целью сокращения государственных расходов по финансированию ввоза продовольствия и переложения бремени субсидирования зернового импорта на частное предпринимательство, обязывает каждую филиппинскую компанию с персоналом не менее 500 человек импортировать через Управление или закупать на внутреннем рынке рис для распределения среди рабочих и служащих по государственным ценам в период обычной нехватки зерна, с июля по сентябрь (из расчета 30 кг в месяц на одного занятого). В результате уже в 1974 г. Управление реализовало 200 частным фирмам около 40 тыс. т риса, примерно столько же предприятий и компаний закупило рис внутри страны, что в определенной мере стимулировало развитие собственного зернового хозяйства. Правом импорта продовольствия в случае возникновения дефицита пользуется алжирская распределительная организация — Национальное коммерческое управление. Его главная функция тем не менее состоит в оптовой заготовке внутри страны и сбыте широкой (более 600 наименований) номенклатуры товаров потребительского и производственного назначения, включая продукцию госсектора⁴³.

Вызванный энергетическим кризисом рост розничных цен на нефтепродукты на внутренних рынках развивающихся стран — импортеров нефти усилил необходимость уменьшения зависимости от международных нефтяных монополий и установления прямых контактов со странами-экспортерами. С этой

⁴³ E. Fitzgerald. *The State and Economic Development*. Cambridge, 1976, с. 48; *Agricultural Marketing Conference Proceedings*. Ministry of Food and Agriculture. Kathmandu, 1972, с. 16; J. Mellor. *The Economics of Agricultural Development*. N.Y., 1970, с. 353; *The Agricultural Situation in the Far East and Oceania*. Department of Agriculture. Wash., 1975, с. 42—43; Мьянма ситуаей чей-пья (Экономическое положение Бирмы) (на бирм. яз.). Рангун, 1972, с. 30; L. Darrab. *Agricultural Marketing in the Philippines*. Manila, 1975, с. 14; D. Ghai. *Current Problems of Economic Integration*. N.Y., 1974, с. 51.

целью импорт нефти и нефтепродуктов, а также распределение последних передаются в руки государства.

Что касается торговых организаций, закупающих продовольствие или иные товары внутри страны для последующей реализации по фиксированным ценам или для нормированного снабжения через сеть собственных магазинов и распределительных пунктов (Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланка, Бирма и др.), то и здесь их специализация как чисто внутренняя относительна. Продовольственная корпорация Индии, например, которая концентрирует почти все государственные заготовки зерновых, выступая на внутренних рынках агентом центрального правительства и администрации штатов с целью аккумуляции, хранения, транспортировки и реализации продовольствия, в то же время систематически получала значительные количества импортируемого зерна (в основном пшеницы из США по «Закону 480»), покрывавшие в разные годы от $\frac{1}{3}$ до $\frac{4}{5}$ оборота государственной распределительной системы. Продовольственная корпорация Непала, созданная в 1964 г. для внутренних закупок и снабжения продовольствием населения нуждающихся районов, также учитывала в своих операциях импортные поступления американской пшеницы и кукурузы, реэкспорт которой осуществляла Индия⁴⁴.

Импортные государственные организации, в свою очередь, выходят на внутренние рынки как продавцы, дифференцированно реагирующие на производственный и непроизводственный спрос разнородных по емкости и структуре категорий потребителей, качественное (поукладное) соотношение которых во внутреннем обращении в принципе определяет и реальные возможности рыночного регулирования. Такие возможности, естественно, увеличиваются тогда, когда расширяется государственное потребление или существенно подрывается воспроизводственная база, на которой функционирует многоукладное обращение частнохозяйственного предпринимательства.

Например, после прихода к власти в Бирме Революционного совета и до образования 22 торговых корпораций специализированные импортные организации в Бирме занимались обслуживанием разных групп потребителей, в отношении которых к тому же специфицировались валютные аллокации и лицензионный режим. Оборудование и промышленное сырье для предприятий госсектора закупал на комиссионных началах Комитет государственного снабжения (КГС) № 1; снабжение населения импортными потребительскими товарами составляло одну из функций КГС № 2, располагавшего для этой цели собственными магазинами; вместо упраздненных государственно-частных торговых корпораций возник КГС № 3, ввозивший на

⁴⁴ Report on Currency and Finance, 1973/74. Reserve Bank of India. Bombay, 1974, с. 14; K. Gupta. Working of State Trading in India. Delhi, 1970, с. 15.

оптовый рынок стройматериалы и продовольствие; к импорту товаров исключительно для производственных нужд допускались наиболее важные государственно-частные компании добывающей промышленности. Позднее государственные хозяйственные единицы и производственные организации (Управление ирригации, Строительная корпорация, Управление развития добывающей промышленности, Нефтяная корпорация и др.) могли объявлять торги на закупку необходимого оборудования и прочих товаров только от имени монопольного агента — Бирманской экспортно-импортной корпорации. С 1972 г. спрос на импортную продукцию производственных объединений в госсекторе Алжира удовлетворяется государственными торговыми компаниями, а также посредством самостоятельного выхода этих объединений на внешний рынок. Например, Национальная компания текстильной промышленности, которая объединяет семь предприятий, производящих около половины всех тканей в стране, обеспечивает свои потребности в импортном сырье через созданную в 1974 г. монопольную Компанию текстильной и кожевенной торговли⁴⁵.

С целью аккумуляции инвалютных ресурсов на внутренних рынках развивающихся стран активно действуют экспортные управления, корпорации или компании госсектора, осуществляя заготовку пользующихся мировым спросом товаров. В Бирме процесс огосударствления заготовок риса положило начало создание еще до провозглашения независимости Управления сельскохозяйственной торговли, которое занималось не только скупкой риса по гарантированным ценам у крестьян и владельцев рисорешек для экспорта, но и внутренней реализацией зерна для стабилизации цен. К рисовой торговле государство привлекали огромные экспортные доходы — до 80% всех инвалютных поступлений. Не удивительно поэтому, что на долю Управления приходилось 60—80% заготовок экспортного риса, а оборот организации достигал 10% ВВП страны. Торговля вторым по значению валютным товаром — древесиной твердых пород — была монополизирована Государственным лесным управлением, организованным вместо пяти довоенных английских фирм. Оно непосредственно занималось заготовкой и поставкой древесины (в основном тика), а также закупало кряжи и пиловочник у частных лесопилок. Аналогичные коммерческие мотивы служили на Филиппинах основанием для проникновения госсектора через специализированное государственное управление в производство, заготовку и экспорт манильской пеньки. Национальное управление торговли продукцией виноградарства и виноделия Алжира закупает соответствующие сорта и марки своей экспортной номенклатуры; прочие

⁴⁵ «Marchés tropicaux et méditerranéens». P., 1974, № 1507, с. 2715; G. Sial. State Trading in Asia. Delhi, 1969, с. 44.

сельскохозяйственные товары для вывоза заготавливает специализированное управление «Офис де фрюи э легюм д'Альжери». В Марокко Управление закупок и экспорта заготавливало до 95% экспортного количества цитрусовых и около половины вывозимого хлопка. В начале 70-х годов доля этой организации в общем экспорте страны достигала 40%. Государственная корпорация по торговле хлопком Судана, возникшая в 1970 г. в результате национализации экспортных фирм, скупает почти весь урожай хлопка для снабжения национальных предприятий и для вывоза⁴⁶.

Особую группу составляют государственные организации, связанные прямо или косвенно с развитием (разработкой или переработкой) минеральных ресурсов и получившие право реализации такой продукции на мировом рынке и внутри страны. В функциональном отношении торговая деятельность для таких предприятий может выполнять роль как ведущего, контролирующего, так и вспомогательного или даже придаточного механизма, в зависимости от системы приоритетов экономического развития, конъюнктурного положения на рынках, коммерческого значения продукции как источника инвалюты, последствий энергетического кризиса и пр.

В Турции, например, государственная организация «Этибанк» контролирует около $\frac{2}{3}$ производства и экспорта руд цветных металлов; ей принадлежат, в частности, крупнейшие хромовые и медные рудники. Смешанная Кувейтская национальная нефтяная компания сочетает производственные функции (строительство нефтеперерабатывающих заводов) со сбытом нефтепродуктов в стране и за рубежом. На внутреннем рынке она действует с 1961 г., после выкупа у компании «Кувейт Ойл» всех нефтехранилищ, трубопроводов и бензоколонок. Для вывоза и транспортировки нефти в 1968 г. была создана дочерняя специализированная компания «Трейддинг энд Транспорт», а также развернута сеть представительств в странах-импортерах. Заготовка и экспорт железной руды составляют $\frac{3}{4}$ оборота индийской корпорации по торговле минералами и металлами, отпочковавшейся в 1963 г. от Государственной торговой корпорации. От имени Ливийской национальной компании по добыче нефти и газа компания «Брега Ойл Дистрибьютинг», получившая имущество национализированных компаний, занимается с 1971 г. внутренним распределением нефтепродуктов, а также заключает сделки на экспорт и переработку нефти. Сбыт нефтепродуктов на внутреннем рынке Египта был монополизирован государственной «Миср Ойл Компани». Национальная компания по добыче, переработке, транс-

⁴⁶ J. Levin. *The Export Economics*. Cambridge, 1960, с. 238; Мьянма сипуаей ачей-пья, с. 52; *Foreign Agricultural Economic Report*, № 23, U.S. Department of Agriculture, Wash., 1965, с. 10; «Lamalif», Casablanca, 1973, № 59, с. 33; БИКИ, 1973, № 111.

портировке и сбыту нефти и газа Алжира (СОНАТРАК) осуществляет с 1968 г. внутреннюю реализацию нефтепродуктов. СОНАТРАК имеет крупные экспортные контракты с иностранными нефтяными корпорациями. Компания контролирует $\frac{3}{4}$ экспорта нефти и распоряжается собственным танкерным флотом. В Мавритании после национализации в 1974—1975 гг. железных и медных рудников торговля минеральным сырьем была сосредоточена в руках Национальной горнопромышленной компании⁴⁷.

Важным следствием расширения государственного предпринимательства, особенно в области инфраструктуры, промышленности и торговли, являются попытки хотя бы частично преодолеть глубокую неравномерность порайонного хозяйственного развития внутри многоукладных стран. Категория слаборазвитости отдельных районов в развивающемся государстве проявляется в их промышленной отсталости, узости базы инфраструктуры, ограниченности товарно-денежных отношений и т. д. Экономическая неравномерность развития районов во многом обуславливается разным сочетанием укладов, а также эколого-географическими, социально-этническими, военно-стратегическими и некоторыми другими причинами.

Предпринимаемые в освободившихся странах меры по возможному сглаживанию региональных отличий в хозяйственном развитии довольно многообразны. В Индии такому сглаживанию объективно содействовало размещение государственных металлургических заводов в штатах Мадхья-Прадеш и Орисса, заводов удобрений в Ориссе, Ассаме, Керале, Бихаре, Уттар-Прадеше и Тамилнаде, завода точных инструментов в Раджастхане и т. д. Тот факт, что сооружаемые государственные предприятия зачастую являются комплексными объектами, благоприятствует оживлению экономической деятельности в целом, содействует освоению местных природных ресурсов, облегчает задачу диверсификации хозяйства отдельных районов. В той же Индии сооружение бхилайского металлургического гиганта (штат Мадхья-Прадеш) обусловило форсированную разработку угольных месторождений в Джхарии, железорудных в Раджхаре. На базе аналогичного комплекса в Руркеле (штат Орисса) освоено производство удобрений. Складываются благоприятные возможности для возникновения индустриальных центров.

К числу задач, решению которых призван содействовать госкапиталистический уклад, относится, в частности, обеспече-

⁴⁷ C. Payer. *Commodity Trade of the Third World*, с. 40; *Petroleum Co-operation among Developing Countries*. UNO, N.Y., 1977, с. 70, 75; K. Gupta. *Working of State Trading in India*, с. 140; *Relationship of Oil Companies and Foreign Governments*. Office of International Energy Affairs, Wash., 1975, с. 5, 17; *Survey of African Economies*. International Monetary Fund, Wash., 1976, с. 25.

ние роста занятости и ликвидация безработицы — подлинного бича для трудового люда ряда развивающихся стран. В отдельных странах Востока как размеры занятости в госсекторе, так и ее отраслевая структура различны. Но везде она, как правило, растет. В Индии, например, за 1956—1975 гг. занятость на государственных предприятиях в добывающей, обрабатывающей промышленности, а также строительстве возросла примерно в 3,2 раза⁴⁸.

Значимость государственно-капиталистического уклада тем более существенна, что решение проблемы безработицы в многоукладных странах, аграрных по преимуществу, практически невозможно без расширения инфраструктуры и фабричной промышленности, создающих прочную основу и для подъема сельского хозяйства. Увеличение в госкапиталистическом укладе мощностей современной фабричной промышленности, поощрение связанных с ней побочных отраслей и промыслов, форсирование сельской электрификации, развертывание сети ремонтных услуг, значительное расширение фронта строительных работ и иная объективно обоснованная деятельность государства в сфере хозяйственной жизни положительно сказываются на решении проблемы занятости в развивающемся мире.

Важную роль госкапиталистический уклад призван играть в области подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов средней и высшей квалификации, равно как и в развитии национального научного и технологического потенциала: без этого немисливо сколько-нибудь значительное ускорение прогресса экономики, как и достижение и упрочение экономической самостоятельности. В связи с этим в ряде стран стимулируется курс на достижение самообеспечиваемости в области технологии. К примеру, в Индии ответственность за разработку собственной либо использование импортируемой технологии применительно к национальным хозяйственным нуждам или социальным условиям несут такие учреждения и ведомства, как Генеральный директорат технического развития, департамент науки и техники, Центр атомных исследований им. Бхабха, Совет промышленных и научных исследований, Национальная корпорация исследований и развития, Индийский институт сельскохозяйственных исследований и др. На госпредприятиях Индии создаются проектно-конструкторские подразделения, которые подчас преобразовываются в самостоятельные специализированные организации типа МЕКОН — Организации по проектированию металлургических заводов. В 1977 г. в стране было намечено начать (впервые в Азии) программу развертывания научно-исследовательских работ в 22 аграрных районах, с тем чтобы активизировать борьбу с безработицей и бедностью

⁴⁸ «Economic Survey, 1970/71», New Delhi, 1971, с. 109; «Economic Survey, 1975/76», 1976, с. 82.

сельского населения. С этой программой связывались надежды на покрытие примерно половины ожидаемых к 2000 г. потребностей в занятости в сельской местности, исчисляемых в 115 млн. рабочих мест⁴⁹.

Госкапитализм в хозяйственно слабо развитых странах, как известно, вызывается необходимостью ускорить экономический подъем и социальный прогресс. Важной стороной деятельности государства в этом направлении, конкретнее, в стимулировании определенных отраслей народного хозяйства, особенно фабричной промышленности, является активное вторжение его в процессы накопления. Составной частью этой широкой проблемы, анализируемой под разным ракурсом в ряде глав книги, выступает финансовый аспект развития самого госкапиталистического уклада. Огосударствление значительной по масштабам переходного общества собственности, количественные сдвиги в госсекторе, нужды планирования — все это на определенном этапе неизбежно (и остро) ставит вопрос о прибыльности и доходности государственных предприятий, об осязательности их вклада в общенациональные накопления.

Существует, строго говоря, два принципиально различных подхода к вопросу о рентабельности госпредприятий. Первый подход давно проявился в оценке деятельности объектов инфраструктуры и некоторых отраслей фабричной промышленности, представляющих во многом монопольную сферу государства. Он сводится к тому, что такие предприятия либо (и) не в состоянии быстро обеспечить рентабельное производство, либо (и) не должны к этому стремиться, так как обязаны в первую очередь заботиться о предоставлении товаров и услуг потребителю по льготным ценам. Данного рода подход проистекает из оценки госсектора только как катализатора роста других укладов, особенно развитого частного предпринимательства. При реализации этого подхода госкапиталистический уклад передает часть создаваемой стоимости в распоряжение иных укладов. Другими словами, государственные электроэнергетика, транспорт, ирригация, машиностроение и некоторые иные отрасли, так сказать, безвозмездно субсидируют своих клиентов — различные частные уклады.

Второй подход признает важность рентабельности госсектора. Он зародился на государственных предприятиях, функционирующих по законам конкуренции с частными объектами. Однако то обстоятельство, что госкапиталистический уклад нацелен главным образом на скорейшее преодоление колониальной или полуколониальной структуры экономики, долгое время приводило на практике к умалению значения прибыльности и эффективности его предприятий. Определенное воздействие оказывал сложившийся на Западе своеобразный психологический

⁴⁹ «Economic and Commercial News», 12.III.1977, с. 6.

стереотип, угодный буржуазии и заключающийся в утверждении, что государственные объекты не должны руководствоваться мотивами получения прибыли. Добиться рентабельной деятельности предприятий госсектора было трудно и по другим, объективным причинам, в частности производственно-технического характера. Новое строительство, дефицит капитального оборудования, нехватка квалифицированного персонала при найме, как правило, излишнего общего количества рабочей силы, задержки со строительством, монтажом или с освоением установленных мощностей и иные факторы (часто обуславливающие высокие национальные издержки производства, с одной стороны, и низкую производительность труда — с другой) сильно снижают доходность госпредприятий, а нередко и делают их убыточными. Резко негативное влияние оказывают в ряде случаев бюрократизм, коррупция и другие должностные злоупотребления административно-управленческого аппарата госсектора.

По мере возмужания государственного сектора проблемы производственной эффективности и прибыльности его объектов так или иначе приобретают первостепенное практическое значение, а в общенациональном плане становятся объектом столкновения разных слоев и классов общества.

Например, в независимой Индии все слои национальной буржуазии сперва были заинтересованы в получении за счет государственного предпринимательства дефицитных товаров и услуг, к тому же на льготных условиях. Однако в 60-е годы окрепший крупный капитал начинает все более тяготиться невыгодным ему направлением роста государственно-капиталистического уклада. Усилившаяся критика малой в целом рентабельности его предприятий со стороны апологетов монополистической буржуазии и выдвигавшиеся требования приватизации части государственной собственности носили явно негативный характер. Большой бизнес стремился доказать тщетность каких-либо усилий по увеличению прибыльности госпредприятий. Под фальшивым предлогом якобы неспособности госсектора к эффективной работе предлагалось положить предел расширению государственного сектора, а затем ограничить его рамками инфраструктуры и отдельных капиталоемких отраслей промышленности.

Основная часть низших слоев национальной буржуазии не поддерживала этой позиции крупного капитала. Что же касается широких демократических слоев трудового населения Индии, то они все более отдавали себе отчет в том, что ориентация на хозяйственную эффективность содействует выполнению госпредприятиями предписанных им социальных обязательств, включая предоставление продукции и услуг по доступным для потребителя расценкам. Знаменательным явилось принятое в 1969 г. решение конгрессистского правительства о фик-

сировании цен ниже рыночного уровня на товары тех предприятий государственного сектора, которые смогли добиться более низких издержек производства по сравнению с частными компаниями в аналогичных отраслях.

С конца 60-х годов требования упорядочить деятельность госсектора и поднять прибыльность его объектов становятся в Индии весьма широкими. Указывалось на ненормальность ограниченного вклада госпредприятий в финансирование планов или их обращения за бюджетной поддержкой для покрытия убытков. Считая, что в госсекторе сложилась необоснованная практика игнорирования прибыли, некоторые из местных экономистов утверждали, что в этом заключалась одна из основных ошибок, допущенных в ходе индустриализации в стране⁵⁰.

Действительно, если принять во внимание неизмеримо возросшие здесь за годы независимости масштабы государственного сектора (совокупные инвестиции на середину 70-х годов достигли примерно 276 млрд. рупий, а доля в использовании национальных накоплений приблизилась к 50%⁵¹), не будет преувеличением сказать, что прибыльность предприятий госсектора становится своего рода общественной потребностью. В опубликованном официальном обзоре хода выполнения четвертого пятилетнего плана Индии Плановая комиссия указывала, что «создание накоплений в форме нераспределенных излишков составляет такую же важную цель государственного сектора, как и заполнение физических лакун в структуре экономики»⁵². Примечательно, что в 1973 г. на уровне министерства промышленности страны предписывалось прилагать усилия к доведению нормы прибыли до 10% на занятый в производстве капитал⁵³.

Середина 70-х годов уже была отмечена ощутимыми достижениями госпредприятий Индии с точки зрения их экономической эффективности. В 1972/73 г. компании и корпорации центрального подчинения, на которые приходится внушительная часть инвестиций государства, впервые добились превышения общих доходов над расходами и обеспечили чистую прибыль в 173 млн. рупий. В 1973/74 г. чистая прибыль достигла 1415 млн. рупий, в 1975/76 г. — 3,5 млрд. (4,1% вложенного в производство капитала). Что же касается валовой прибыли, то она возросла в 1975/76 г. до 7 млрд. рупий против 510 млн. рупий в 1965/66 г.⁵⁴.

В государствах социалистической ориентации, которые в принципе отличаются весьма значительными размерами госсек-

⁵⁰ K. R. P. Singh, *State and Industrialization of Developing Countries* (with Special Reference to India), Delhi, 1969, c. 141.

⁵¹ «Commerce Yearbook of Public Sector, 1976/77», Bombay, 1977, c. 25.

⁵² Fourth Plan Mid-Term Appraisal. A Survey. New Delhi, 1972, c. 14.

⁵³ «The Economic Times», 16.X.1973.

⁵⁴ «Economic and Commercial News», 8.I.1977, c. 8.

тора в экономике, прибыльность и эффективность его объектов становятся одним из решающих условий стабилизации его положения, как и вообще дальнейшего успеха социально-экономических преобразований. Государственным предприятиям предоставляется необходимая автономия в ведении производственных дел, упорядочивается система распределения результатов труда, что распространяется не только на собственно госсектор, но и на кооперативный сектор (например, самоуправляемый — в Алжире). Не случайно в отдельных странах социалистической ориентации (в частности, в том же Алжире) уже ставится вопрос об утверждении в экономике принципа «равную оплату за равный труд»⁵⁵.

В некоторых развивающихся странах прибыль иногда используется для повышения заинтересованности работников госпредприятий в улучшении производственных показателей. В свое время в Ираке, после того как там была осуществлена национализация крупнейших промышленных компаний, на нужды соответствующего персонала стали отчисляться 25% прибыли: 10 — в виде дополнительной месячной заработной платы и 15% — в виде ассигнований на социально-культурные потребности (включая жилищное строительство)⁵⁶.

Наблюдающаяся в молодых независимых странах известная дифференциация в подходе к рентабельности госпредприятий дает основание утверждать, что отношение различных слоев к проблемам хозяйствования в госсекторе представляет собой, в сущности, одну из форм классовой борьбы за тот или иной вариант социально-экономического развития конкретного общества.

В переходном обществе растут силы, заинтересованные в самостоятельной эволюции госкапиталистического сектора, а не просто в лучшем обслуживании им нужд тех или иных укладов. Возможность достижения именно такого нового качества госсектора есть одна из серьезных предпосылок для возобладания социалистической направленности многоукладных государств. При этом варианте государственный сектор целиком или в решающей степени выходит из-под контроля местной буржуазии (и других имущих классов), хотя влияние ее низших слоев и учет ее интересов, как правило, не исчезают, а иногда даже усиливаются (по сравнению с прошлым). Специфика происходящего в этом случае классового сдвига состоит не только в том, что такой-то эксплуататорский класс (или такие-то его слои) теряет власть в целом и контроль над госсектором в частности, но и в том, что такой-то трудящийся класс (или такие-то его слои) приобретает эту власть и контроль. Конкретно в данном случае вперед выходит не рабочий класс,

⁵⁵ См.: «Правда», 1.V.1978.

⁵⁶ Г. С. Шахбазян. Государственный сектор в экономике Ирака. М., 1974, с. 154.

а другие трудящиеся (непролетарские или полупролетарские) классы и прослойки.

Государственный сектор при главенствующей роли мелкой буржуазии (и примыкающих к ней слоев) количественно значительно возрастает, в первую очередь за счет собственности иностранной и местной крупной буржуазии. Качественно госкапиталистический уклад приобретает огромную относительную самостоятельность от других существующих укладов.

Строго говоря, в развивающихся странах просматривается следующая закономерность: заинтересованность в развитии госкапиталистического уклада у различных групп буржуазии, так сказать, обратно пропорциональна зрелости капиталистического уклада, с которым данные группы связаны. Если иностранный и местный монополистический бизнес в целом соглашается лишь на минимальное и однобокое развитие госсектора (главным образом в сфере инфраструктуры), то низшие слои национальной буржуазии, как и мелкая буржуазия, идут на значительный его рост и диверсификацию. Обнаруживается своеобразная шкала допуска относительно самостоятельного развития госкапиталистического уклада со стороны всех прочих укладов и соответственно определенных классов. На крайних полюсах этой шкалы располагаются уклады иностранного монополистического предпринимательства и мелкоотоварный уклад. За госкапитализм, вокруг госкапитализма идет напряженная классовая борьба, в ходе которой раскрываются потенции будущих изменений⁵⁷.

Наилучшие возможности для раскрытия прогрессивных потенций государственного сектора в хозяйственной и социальной перестройке переходного общества появляются тогда, когда у кормила власти встают представители трудящихся масс. Именно тогда госсектор крепнет, энергичнее используется в борьбе за экономическую самостоятельность, за постепенную ликвидацию социального неравенства и за подъем жизненного уровня народа. Тогда же на передний план выступают задачи организационного укрепления структуры госсектора и его демократизации, чтобы добиться высокой эффективности государственного предпринимательства и его большего соответствия основным нуждам общественного развития.

Таким образом, госкапиталистический сектор, возникнув как средство преодоления хозяйственной отсталости и действуя в интересах определенных укладов, с переходом к социалистической ориентации становится все более важным «инкубатором» материально-производственных и классовых предпосылок для подготовки будущего строительства социализма.

⁵⁷ Подробнее об этих процессах и о существующих их оценках см.: Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока. М., 1972; Государственно-капиталистический уклад в странах Востока. Основные проблемы эволюции. М., 1972.

В условиях социалистической ориентации рост общественно-го характера производства, т. е. создание современной материально-технической базы для строительства социализма, протекает главным образом в пределах госкапиталистического сектора, когда он становится наиболее самостоятельным сектором экономики. В этих условиях развитие производительных сил, естественно, приобретает отличные от развития в частнокапиталистической утробе черты. В первую очередь элементы стихийности решительно теснятся элементами планового начала. Это создает новые и существенные резервы и возможности для более быстрого и всестороннего подъема национальной экономики. Различные рычаги товарно-денежных отношений, сконцентрированные в руках государства, позволяют рациональнее и полнее использовать закон стоимости не в интересах обогащения немногих частных, а в целях подъема рентабельности, увеличения внутренних накоплений, более равномерного порайонного роста экономики, увеличения доходов трудящихся классов, облегчения проблемы занятости и т. д. Короче, появляются новые закономерности хозяйственной эволюции, создающие и новые возможности для более эффективного и ускоренного продвижения к экономической самостоятельности.

МЕЛКОТОВАРНОЕ
И МЕЛКОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ
ПРОИЗВОДСТВО
В ГОРОДСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

В наши дни в странах зарубежного Востока наблюдаются быстрый количественный рост мелкобуржуазных слоев городского населения, расширение мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в городе. Это связано самым непосредственным образом с общим процессом урбанизации, который идет во всех развивающихся странах, причем во многих из них весьма интенсивно.

Быстрое увеличение населения городов (за счет миграции из деревни, а также собственного прироста) порождает множество новых экономических и социальных явлений. Одно из них — образование в городах обширной резервной армии труда. Это обстоятельство стимулирует развитие экстенсивных видов производства, основанных на примитивной технике и малоквалифицированном труде, в том числе расширение мелкого городского производства. Урбанизация влечет за собой и рост мелкого предпринимательства в торговле, сфере услуг, подрядном строительстве.

С точки зрения марксистско-ленинской политэкономии для определения мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в городе, а также базирующихся на этих укладах классов и их слоев важны не только размеры предприятия и число наемных рабочих, но и место владельца предприятия в трудовом процессе (участие или неучастие) и степень эксплуатации наемного труда. Мелкотоварный производитель и мелкий предприниматель-капиталист отличаются от среднего буржуа (не говоря уже о крупном) именно тем, что их собственный труд составляет необходимое условие процесса производства, поскольку получаемая ими прибыль недостаточна для того, чтобы вести дело полностью на основе эксплуатации наемного труда. Мелкий предприниматель становится настоящим капиталистом (а не просто собственником средств производства) только тогда, когда он сам может жить, а его предприятие функционировать исключительно за счет прибавочной стоимости, выжимаемой из наемных работников.

В буржуазных статистических источниках и литературе не встречаются данные, непосредственно характеризующие классовую структуру общества в ее марксистском понимании, но все же имеется ряд косвенных данных, которые можно использовать для нахождения ее особенностей. В частности, национальная статистика оперирует термином «самостоятельные работники». По существу, «самостоятельные работники» в развивающихся странах в значительной своей части и образуют тот социальный слой, который связан с мелкотоварным укладом в городе. Национальная статистика ряда стран использует и понятие «работодатель», куда относятся владельцы ценовых предприятий в промышленности, торговле и финансах. В условиях развивающихся стран большую часть этой категории составляют мелкие предприниматели, олицетворяющие имущий слой мелкокапиталистического уклада городской экономики.

Выявить более или менее точно удельный вес мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в хозяйственной жизни городского населения стран Востока — задача нелегкая¹. Естественно, что заключения, построенные на основе существующих данных в отношении мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в городе, неизбежно будут иметь относительно общий и приблизительный характер. Однако при всей неточности количественных данных можно все же составить достаточное представление о роли этих укладов в экономике развивающихся стран, в нашем случае — Азии и Северной Африки, хотя для характеристики мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов (в целом по всем указанным странам)

¹ Основные причины этого заключаются в следующем.

1. В зарубежных статистических справочниках и экономической литературе мелкотоварный уклад, как правило, не отделяется от мелкокапиталистического. В области промышленного производства, например, предприятия того и другого укладов рассматриваются совокупно и относятся к одной категории — «мелкого производства».

2. В имеющихся по настоящему вопросу источниках можно найти цифровые данные относительно мелкого промышленного производства (причем довольно немногочисленные); что же касается мелкой розничной торговли и мелкого предпринимательства в сфере услуг, то о них сведения почти совершенно отсутствуют.

3. Мелкое промышленное, в том числе ремесленное, производство в городе нередко не отделяется от аналогичных видов хозяйственных занятий в сельской местности, и сведения, как правило, приводятся общие.

4. В самом определении понятия «мелкое предприятие» нет единства. В разных странах существуют различные критерии для такого определения. В подтверждение сказанного сошлемся на исследование о промышленном развитии стран Востока, изданное специализированным учреждением при ООН — ЭКАДВ (ныне ЭСКАТО). Мелкая промышленность определяется в нем следующим образом: «В это понятие могут быть включены как мелкие фабрики, так и предприятия нефабричного типа, в том числе ремесленные мастерские, а также работа на дому». Границы термина «мелкая промышленность» весьма широки, и он охватывает «все производственные процессы, осуществляемые на относительно небольших предприятиях» (Industrial Development, Asia and the Far East, Vol. 4, UN, N.Y., 1966, с. 535).

нам придется опираться в основном на материалы о мелком производстве.

В зарубежной литературе принято делить мелкое производство на «традиционное» и «современное». Такое деление не учитывает принадлежности производственных предприятий к тому или иному экономическому укладу и, более того, скрывает различие в социальной природе отдельных производств. Однако подобное деление имеет реальную технико-производственную основу.

К традиционным видам мелкого производства относятся известные издавна ремесла и кустарные промыслы (в том числе работа на дому), которые в основном (или целиком) применяют ручной труд и местное сырье. В этих видах используются преимущественно труд членов семьи и передаваемая из поколения в поколение технология. Продукция сбывается в основном на местном рынке и лишь в отдельных случаях идет на экспорт. Такие виды мелкого производства включают столярное, гончарное, кузнечное, кожевенное, ювелирное ремесла, кустарное ковроткачество, плетение кружев, резьбу по дереву и т. п.

Современные виды мелкого производства базируются, как правило, на использовании наемного труда, механических двигателей и машинного оборудования. Чаще всего в них применяется привозное оборудование, продукция же нередко ориентируется на общенациональный рынок, а в ряде стран идет на экспорт. Эти виды мелкого производства во многом являются приложением фабричной промышленности. Они представлены мелкими заведениями по изготовлению металлической посуды, некоторых резиновых изделий (в том числе обуви), керосинок, примусов, несложных электроприборов, мастерскими по ремонту автомашин, мотоциклов, велосипедов, бытовых электроприборов и т. д.

Среди городской мелкой буржуазии в странах Азии и Северной Африки на нынешнем этапе исторического развития количественно преобладает тот слой, который связан с традиционными видами мелкого производства и в значительной мере представляет мелкотоварный уклад в городе. Однако перспективы этих видов мелкого производства и указанного слоя мелкой буржуазии весьма мрачны. В мелкотоварном укладе осуществляется, как правило, простое воспроизводство. Это значит, что в хозяйственных единицах данного уклада размеры накопленных слишком малы. Основная часть дохода городского мелкого производства идет на личное потребление. Темп накопления настолько невысок и капитализированная часть прибыли настолько незначительна, что производство практически возобновляется на одной и той же основе. Увеличение темпов на базе применяемой в таком производстве старой техники и технологии весьма затруднительно или почти невозможно. Трудности расширения рынка сбыта, связанные с небольшими экономиче-

скими потенциями низших укладов, в свою очередь, сильно ограничивают дальнейшее развитие этих укладов. Первичный результат указанного процесса — появление диспропорций между различными укладами. Производители, представляющие мелко-товарный уклад в странах Востока, находятся в сильной зависимости от торгового капитала. Масса ремесленников и кустарей работает по заказам средних и крупных торговцев. При низких темпах внутренних накоплений мелкие городские товаро-производители остро нуждаются в кредите. Но банковский кредит для них практически недоступен, и они попадают в кабалу к ростовщикам.

В ином положении находится слой национальной буржуазии, представляющий мелкокапиталистический уклад города. Хотя по численности он, как правило, уступает представителям мелкой буржуазии, связанным с мелко-товарным укладом, тем не менее это, несомненно, растущий социальный слой.

Выше была сделана оговорка о трудности дифференциации городского и сельского мелкого промышленного производства. Однако по ряду косвенных признаков можно считать, что основная масса предприятий, относимых к категории мелкой промышленности, расположена в городах и пригородных зонах. Поэтому не будет грубой ошибкой, учитывая задачи и цели данной работы, рассматривать мелкое промышленное производство преимущественно как часть городской экономики.

В самом деле, авторы всех работ по экономике многоукладных стран обращают внимание на то, что традиционные отрасли мелкого производства, связанные главным образом с деревней, сокращаются и утрачивают свое былое значение. Напротив, в городах быстрыми темпами увеличивается количество мелких промышленных предприятий.

Роль традиционного ремесла в экономике Востока постепенно уменьшается по следующим двум основным причинам. Во-первых, в результате развития современной фабричной промышленности, выпускающей широкий ассортимент потребительских товаров (обувь, одежда, ткани, ковры и т. п.), сокращается рынок сбыта для аналогичных предметов, производимых кустарным способом. Во-вторых, с развитием общества меняются вкусы и потребности населения, что также отражается на сбыте продукции ремесленного производства. Для того чтобы выстоять в конкурентной борьбе с современной фабрикой и подладиться к вкусам покупателей, ремесленникам в странах Востока приходится прилагать большие усилия.

В докладе миссии МБРР, обследовавшей состояние экономики Марокко в 60-е годы, так оценивается возможность сохранения традиционного ремесленного производства: «Будущее ремесленного производства в Марокко, как и во многих других странах, будет зависеть от его способности удовлетворять спрос на предметы роскоши на внутреннем рынке, а также обеспечить

настолько высокое качество изготовления различных кустарных товаров, чтобы они могли удовлетворить вкус иностранных туристов»².

Имеются отдельные, разрозненные данные, позволяющие судить о значении традиционного мелкого производства в северо-африканских странах.

В Марокко в начале 60-х годов по количеству занятых ремесленное производство традиционного типа было вторым после сельского хозяйства. Ремесло служило главным источником дохода для 250 тыс. человек, не считая членов семей, в той или иной степени участвующих в процессе производства. В стране изготовлялись различные изделия из кожи, металла и дерева, керамика, ткани, ковры и т. п. Стоимость производимой в год продукции исчислялась примерно в 500 млн. дирхемов (около 35,2 млн. ф. ст.)³ (это равнялось приблизительно 4% валового национального продукта за 1965 г.). В 60-е годы в стране все еще сохранялись средневековые формы организации ремесленников в гильдии. Однако постепенно шел процесс их распада.

В середине 50-х годов из всего самостоятельного населения Туниса более 25% составляли «самостоятельные работники». Из них более половины были ремесленники, а остальные — владельцы мелких промышленных и торговых предприятий⁴.

В промышленности Ливии в 50—60-х годах господствовало мелкое производство. По данным переписи 1956 г., здесь насчитывалось 3124 промышленных предприятия, и только на 25 из них было занято более чем по 50 рабочих. Основную массу — 87% — составляли предприятия с числом рабочих менее 5. Половина всех промышленных предприятий страны осуществляла переработку сельскохозяйственной продукции, 10% — производили стройматериалы, 10% — ткани, одежду, обувь и 30% — прочие товары. В традиционных видах профессионального ремесленного производства было занято примерно 10 тыс. человек⁵.

В Египте к началу 60-х годов из всего занятого в хозяйственной деятельности населения почти 30,5% составляли предприниматели и «самостоятельные работники» (в абсолютных цифрах соответственно 576,4 тыс. и 1752,1 тыс.). В 1960 г. мелкими и мельчайшими были 96% всех промышленных предприятий. Тогда же в обрабатывающей промышленности Египта более 51% всех занятых приходилось на ремесленные мастерские без наемных рабочих и предприятия фабрично-заводского типа с числом рабочих до 10. Эта группа предприятий давала около

² The Economic Development of Morocco. Report of Mission Organized by the IERD at the Request of the Government of Morocco. Baltimore, 1966, с. 197—198.

³ Там же.

⁴ Ch. Duwajl. Economic Development in Tunisia. N.Y., 1967, с. 47.

⁵ Н. Аршаруни. Ливия. М., 1965, с. 70—71.

40% всей вновь созданной стоимости в обрабатывающей промышленности⁶.

В 1967 г. в стране насчитывалось 145 тыс. промышленных заведений с числом занятых от 1 до 10. На этих предприятиях работала треть занятых в промышленности, или 4% занятых во всех отраслях экономики. Они производили половину продукции частного сектора, или 14% промышленной продукции Египта. Эти заведения давали 11% национального дохода⁷.

Что касается общей картины мелкого городского производства на Ближнем Востоке, то можно сослаться на статью американского социолога Чарльза В. Черчилля. На основании социологических обследований восьми крупных городов (Бейрут, Триполи, Дамаск, Хомс, Халеб, Амман, Иерусалим и Багдад) он заключает: «Значительная, если не большая часть продукции все еще производится в мелких ремесленных мастерских. Владелец такой мастерской является в одно и то же время производителем, продавцом, агентом по снабжению и управляющим»⁸.

Выборочное социологическое обследование, проведенное в столице Иордании в 1966 г., показало, что ремесленники и неквалифицированные рабочие составляли 30% всего самодельного населения города. Преобладающая часть промышленных предприятий Аммана представляла собой мелкие ремесленные мастерские и небольшие фабрики⁹.

Если говорить о Среднем Востоке, то в Иране, например, в 1963 г. мелкие хозяйственные предприятия (с числом рабочих от 1 до 10) составляли 62,9% общего числа предприятий страны. По отраслям экономики они распределялись следующим образом: мелкая торговля — 44%, промышленность и ремесло — около 40, личные услуги — приблизительно 10, прочие — около 6%¹⁰.

По данным переписи населения 1966 г., 24% всего экономически активного городского населения Ирана составляли «самостоятельные работники». Около 40% их было занято в торговле и более 35% — в промышленности и на транспорте¹¹.

В 1967 г. из всех промышленных предприятий иранских городов 97% приходилось на мелкие, с числом рабочих до 10; в 1967/68 г. в городах насчитывалось 451 621 хозяйственное пред-

⁶ R. C. Mead. Growth and Structural Change in the Egyptian Economy. Home Wood, 1967, с. 306, 339; В. Hansen, G. Marzouk. Development and Economic Policy in the UAR (Egypt). Amsterdam, 1965, с. 125.

⁷ Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974, с. 85.

⁸ «Middle East Economic Papers», Beirut, 1967, с. 21.

⁹ Studies on Social Development in the Middle East, 1969, N.Y., 1970, с. 30—32.

¹⁰ Барреси-йе ниру-йе энсани (Исследование источников рабочей силы). Тегеран, 1964, с. 596 (на перс. яз.).

¹¹ Саршомари-йе нофус ва маскан 1345 (Перепись населения и жилищ. 1966/67). Т. 168, Тегеран, 1968, с. 53 (на перс. яз.).

приятие, из них 176 045 (т. е. почти 38,9%) были розничные магазины¹².

В Афганистане в 1975/76 г. было проведено обследование кустарно-ремесленной промышленности в 11 провинциях. Согласно его данным, в 73,5 тыс. мастерских было занято 172 тыс. человек. При этом 76 тыс. обследованных кустарей работали в 30,4 тыс. ковровых мастерских. Общее количество кустарных мастерских в стране (а в них кроме ковров изготавливаются ювелирные изделия, шьется одежда, обувь, обрабатываются кожи и шкуры и т. д.) оценивалось в 120—130 тыс., а число занятых в них — в 280—300 тыс. человек. Если в 1970/71 г. стоимость всей промышленной продукции Афганистана составляла 16,3 млн. афгани и из этой суммы доля кустарно-ремесленного производства исчислялась в 10,6 млн. афгани (или 65,0%), то в 1975/76 г. эти показатели были равны соответственно 23,9 млн. и 12,8 млн. афгани (53,5%)¹³.

Развивалось и упрочивалось мелкотоварное и мелкокапиталистическое производство городов Южной и Юго-Восточной Азии.

В конце 60-х — начале 70-х годов доля мелкого производства во всем производстве Пакистана (в современных границах) равнялась 3,9%. Городское нецензовое производство в тот же период давало примерно десятую часть вновь созданной в промышленности стоимости. В конце 60-х годов в 10 крупнейших городах страны мельчайшие (менее 5 занятых) и мелкие (5—19) заведения составляли почти 95% предприятий¹⁴.

Наиболее полная статистика и сравнительно многочисленная литература о мелком производстве существует по Индии.

В конце 50-х годов «самостоятельные работники» в индийских городах составляли 46% всех занятых, в том числе в промышленности — 47%, в торговле и финансах — 60, на транспорте — 32%. В 60-е годы та часть самодельного населения, которая была занята в городском секторе мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, определялась более чем в 13 млн. человек. С учетом членов семей, которые непосредственно не участвовали в процессе производства, общее число лиц, зависящих от этих хозяйственных укладов в городах, возрастало до 20—25 млн. Кроме мелких в Индии имеются и мельчайшие (до 5 наемных рабочих) промышленные предприятия, не регистрируемые официально. По некоторым данным, таких предприятий в конце 60-х годов насчитывалось 200—250 тыс.¹⁵

¹² Амар-е санаати-йе сал-е 1346 (Статистика промышленности. 1967/68). Тегеран, 1968, с. 5 (на перс. яз.).

¹³ Малумат-е эхсайани-йе Афганистан (Статистическая информация Афганистана). Кабул, 1976, с. 165—185 (на дар. яз.).

¹⁴ Мелкое производство города в Азии и Африке, с. 175, 177—178.

¹⁵ «Народы Азии и Африки», 1964, № 6, с. 10; «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 11, с. 60; «Small Industry Bulletin for Asia and the Far East», N.Y., 1970, № 7, с. 119.

Несмотря на значительно большую обеспеченность материалами по Индии, чем по другим странам, все же при попытке выявить точные границы мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в индийских городах мы сталкиваемся с серьезным препятствием — смешением городского и сельского мелкого производства.

Индийские экономисты, как и большинство других зарубежных авторов, в первую очередь и главным образом подчеркивают деление мелкой промышленности на традиционную и современную. Например, авторы книги «Роль мелких предприятий в экономическом развитии Индии» Дхар и Лидалл пишут о традиционных мелких предприятиях, большая часть которых представляет собой типичную домашнюю промышленность с характерным для нее применением «традиционных методов для производства традиционных товаров»¹⁶ и размещается в сельской местности. Вторая основная группа мелких предприятий, отмечают авторы, включает мастерские и фабрики, которые используют «современную технику для производства современной продукции»¹⁷. Эти предприятия выпускают металлическую посуду, запасные части к велосипедам, механические инструменты, бритвенные лезвия и т. д. Они производят сборку весьма сложных устройств, например электромоторов, радиоприемников, швейных машин. Такие предприятия находятся преимущественно в городах, но некоторые из них размещаются в пригородных зонах и даже в сельских местностях. Вообще же ныне наблюдается тенденция создания специальных «промышленных зон» за чертой городских поселений для размещения мелких и средних промышленных предприятий. Часто эти зоны специально выносятся в сельскую местность с целью использовать избыточную рабочую силу.

Как уже подчеркивалось, деление мелких предприятий на традиционные и современные, безусловно, имеет под собой почву, но при таком делении остается в тени очень важный показатель — отсутствие или применение наемного труда. Например, Дхар и Лидалл пишут, что в традиционной промышленности в основном применяется труд членов семьи (данный сектор они называют также «семейной промышленностью»), однако есть и предприятия с наемными работниками¹⁸. То же можно сказать и о современных мелких предприятиях: они, как правило, базируются на наемном труде, но имеются и такие, где трудятся только члены семьи владельца.

Есть еще и мелкие предприятия, так сказать, переходного типа, применяющие технологию, которую можно назвать традиционной, но производящие вполне современную продукцию. На-

¹⁶ P. N. Dhar, H. P. Lydall. *The Role of Small Enterprises in Indian Economic Development*. Bombay, 1961, с. 1.

¹⁷ Там же, с. 2.

¹⁸ Там же, с. 1.

пример, обувь европейского образца может вырабатываться не только машинным способом на фабриках, но и вручную в мелких мастерских. Это же относится и к производству таких товаров, как мебель, мыло, свечи, спички, кирпич и т. п.

Значение мелкого промышленного производства в индийской экономике весьма велико. В 1967 г. мелкие предприятия (до 50 занятых) охватывали примерно 36% всех промышленных рабочих. На эти предприятия приходилось 92,3% всех промышленных заведений. Их валовая продукция составляла около 30% общей валовой промышленной продукции. На этих предприятиях было произведено более 20% всей вновь созданной в обрабатывающей промышленности стоимости. Число подобных заведений быстро возрастало. В 1970 г. их было 138 тыс. В таких отраслях, как производство ручного инструмента, кожаной обуви и спортивного инвентаря, мелкие предприятия составляли соответственно 100, 99 и 97% всех предприятий. Большая часть — 51% — мелких предприятий принадлежала одному владельцу, 40% находились в совместном владении, и только 9% были корпоративными или кооперативными¹⁹.

В такой промышленно слаборазвитой стране, как Непал, в 1964 г. насчитывалось 801 промышленное предприятие. Основная масса их были мелкие, с числом рабочих до 50²⁰. Домашняя промышленность и кустарные промыслы — и ныне преобладающий вид промышленного производства в этой стране.

В 1953 г. в мелкой промышленности Бирмы было занято 800 тыс. человек. Если прибавить к ним работающих членов семей и тех лиц, для которых участие в промышленном производстве не является основным занятием, то общее число лиц, извлекающих доход из мелкого производства, возросло бы до 1 млн., т. е. примерно до 75% всех промышленных рабочих, или 12% самостоятельного населения. В те годы мелкая промышленность давала около 10% национального дохода страны²¹.

Полные сведения о мелком предпринимательстве в городах Бирмы отсутствуют, но есть, например, данные о мелких промышленных предприятиях в Рангуне. В 1953 г. 92% (6045) промышленных предприятий города составляли мелкие (менее 10 человек на каждом). Из этих мелких предприятий 97% относились к категории «семейных» (т. е. ими владела одна семья и производство велось преимущественно силами членов семьи). На них применялся исключительно ручной труд, без механических двигателей. Среднее число работников на каждом таком предприятии составляло 3 человека. Большая часть мелких предприятий была занята производством предметов первой необходимости: пищевых продуктов, одежды, сигар и т. п. Осталь-

¹⁹ «The Economic Times», Bombay 14.IV.1973, с. 5; «Small Industry Bulletin for Asia and the Far East», 1968, № 6, с. 22; 1970, № 7, с. 119.

²⁰ Г. И. Яковлев. *Экономическое развитие Непала*. М., 1970, с. 74.

²¹ Мелкое производство города в Азии и Африке, с. 302.

ные предприятия сектора мелкой промышленности были оснащены механическими двигателями и выпускали товары длительного пользования, например мебель, металлические изделия и т. д.

Анализ группировки предприятий по числу рабочих, по данным на 1968/69 г., показывает, что подавляющую часть обследованных предприятий составляли предприятия мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов с менее чем 10 занятых на каждом²².

В Таиланде в 1963 г. имелось 164 002 промышленных предприятия, в том числе 160 418 (97,7%) мелких (до 10 рабочих). По данным обследования рабочей силы за июль—сентябрь 1969 г., работающие собственники и неоплачиваемые семейные работники составляли 87% активного населения страны (включая служащих в армии)²³.

Рост мелкого производства, количественное преобладание мелких предприятий над крупными являются как бы обязательным условием развития капитализма в Таиланде. Основная часть вновь создаваемых предприятий представлена мелкими заведениями. Так, только в январе 1973 г. в стране из 26 вступивших в строй предприятий 16 были мелкими. На их долю приходилось около 30% капитала указанных 26 предприятий²⁴.

Организатором новых предприятий мелкого производства в Таиланде, как и в других развивающихся странах, часто является торговый капитал, выступающий и как посредник между мелким производителем и рынком.

В Малайзии в конце 50-х годов в промышленном производстве преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, в которых в значительной мере использовался труд самих владельцев и членов их семей. В 1957 г. из 135 тыс. человек, занятых в обрабатывающей промышленности, 45,6 тыс., т. е. 34%, были «самостоятельными производителями». В отдельных отраслях, таких, например, как производство тканей и обуви, процент «самостоятельных производителей» достигал 50. По данным промышленного ценза 1959 г., из общего числа промышленных предприятий более 66% составляли мелкие, на которых было занято до 20 постоянных рабочих, а 20,5% — мельчайшие предприятия без постоянных наемных рабочих²⁵.

Весьма велика роль мелкотоварного уклада в промышленном производстве Индонезии. Согласно данным промышленной переписи 1961 г., 43% рабочих было занято на предприятиях,

²² Там же, с. 308.

²³ Там же, с. 317. Final Report of the Labour Force Survey, Jul.-Sept. 1969. [Б. м., б. г.]

²⁴ С. С. Грижуров. Промышленность современного Таиланда. М., 1975, с. 99.

²⁵ E. L. Wheelwright. Industrialization in Malasia. Melbourne, 1965, с. 5.

использующих исключительно ручной труд²⁶. Продукцию этого вида хозяйственной деятельности составляют хлопчатобумажные и шелковые ткани, местные сигареты и т. п.

На Филиппинах в 1958 г. было 7208 промышленных предприятий с 5 рабочими и более; 75% из них относились к категории мелких предприятий (с 5—19 работниками)²⁷. Домашняя промышленность и ремесла играют важную роль в экономике страны. К началу второй мировой войны низшие уклады охватывали две трети из 642 тыс. занятых в промышленности. Приводящий эти данные советский исследователь экономического строя Филиппин пишет: «Сотни мелких ремесленных предприятий, разбросанных по всей стране, изготовляли гончарные изделия, обувь, ткани, мебель, ножи „боло“ и другие металлические изделия, а также коричневый сахар мусковадо. Развилась капиталистическая промышленность на дому»²⁸. По материалам за 1963 г., на Филиппинах производством, квалифицированным как домашнее, занималось и от него зависело примерно 2 млн. человек (около 7% населения страны)²⁹.

Большой удельный вес мелкого промышленного производства наблюдался в 50—60-х годах и в колониальных и неоколониалистских образованиях Дальнего Востока. Например, в 1962 г. на Тайване было почти 52 тыс. фабричных предприятий, и 96% из них составляли мелкие. В Гонконге, по данным ценза 1961 г., в промышленности около 60% рабочей силы было занято на мелких предприятиях³⁰. В Южной Корее в мелком городском производстве отмечался абсолютный рост занятости при колебании удельного веса (сохранении или увеличении его в мелкотоварном укладе или снижении в мелкокапиталистическом). Например, в г. Тэгу за 1955—1967 гг. ремесленно-кустарное производство при абсолютном росте занятости в 4 раза показало и увеличение ее удельного веса (с 31,6 до 46% всех занятых). Занятость же на мелкокапиталистических предприятиях возросла за 1959—1963 гг. на 30%, а удельный вес ее снизился с 56,2 до 48%. В сфере обращения Южной Кореи низшие уклады преобладали по численности занятых и абсолютно и относительно. В 1968 г. имелось 13,9 тыс. оптовых предприятий, на каждом из которых в среднем было около 5 занятых. В розничной же торговле насчитывалось свыше 264 тыс. заведений в среднем с 2 занятыми. Характерно, что из общей численности занятых в торговле 74,5% составляли торговцы-разносчики и члены их семей. В целом можно считать,

²⁶ Мелкое производство города в Азии и Африке, с. 341.

²⁷ F. N. Golay. The Philippines: Public Policy and National Economic Development. N.Y., 1961, с. 50.

²⁸ О. Г. Барышникова. Филиппины. М., 1960, с. 113.

²⁹ «Small Scale Industry Bulletin for Asia and the Far East». 1970, № 7, с. 136.

³⁰ Industrial Development. Asia and the Far East. Vol. 4, с. 536, 537.

что в конце 60-х годов подавляющая часть экономически активного городского населения (примерно 70—80%) была связана с низшими укладами³¹.

Естественно, что на развитие мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в странах Востока оказывают влияние политика государства, связанная с ней та или иная степень поддержки этих укладов.

Со второй половины 60-х годов в Иране возрос интерес к развитию ручного прикладного искусства как источника получения иностранной валюты. Был создан так называемый Центр ручной промышленности, деятельности которого помогали некоторые учреждения, в том числе организации по привлечению туристов, банк промышленных кредитов. Центр ручной промышленности за шесть лет существования, до 1971 г., провел ряд мероприятий по основанию кооперативов в области прикладного искусства, созданию центров покупки сырья, налаживанию продажи продукции. Изыскивались рынки сбыта, увеличивался экспорт и т. д. В результате этих мероприятий сумма продаж кустарно-ремесленной продукции через Центр ручной промышленности значительно увеличилась³². В то же время шахское правительство почти не обращало внимания на развитие других отраслей мелкого производства.

В Индии быстрому росту мелких предприятий в новых и традиционных отраслях промышленности способствует и государственная политика, направленная на их поддержку. Государство считает, что расширение мелкой промышленности должно способствовать снижению безработицы, вовлечению в производство незанятого населения, ликвидации диспропорций в размещении производства. В период второго, третьего и четвертого пятилетних планов капиталовложения госсектора в отрасли мелкой промышленности и деревенское ремесло составили соответственно 1,75 млрд. рупий (4%), 2,62 млрд. (4%) и 3,7 млрд. (2,3%)³³. Эти государственные средства касались в основном современных отраслей мелкокапиталистического уклада. Традиционные же отрасли получали практически все меньшую помощь.

В целом в развивающихся странах исследуемых регионов государство, как правило, стремится стимулировать кооперативное движение мелких производителей. Создавая кооперативы в городах, государство пытается решить проблему незанятой рабочей силы, растущей с каждым днем и неспособной найти применение в таких секторах, как государственный и ча-

³¹ Мелкое производство города в Азии и Африке, с. 357—358.

³² «Техран-экономист», 15.V.1971, с. 27; Банк-е маркази-йе Иран. Гозареш-е салан-е ва тезазнаме, 1350 (Центральный банк Ирана. Отчет и баланс, 1971/72 г.). Тегеран, 1972, с. 99 (на перс. яз.).

³³ India. Planning Commission. Third Five Year Plan. Delhi, 1961, с. 33, 38; India. Planning Commission. Fourth Five Year Plan. New Delhi, 1970, с. 77.

стнокапиталистический. Тем самым государство способствует росту мелкой буржуазии из традиционных ремесленников, выходцев из крестьян, интеллигенции, люмпенов и т. д. Во многих случаях в развитии кооперативов мелкотоварных производителей государство видит большие возможности для увеличения притока иностранной валюты за счет сбыта изделий ручного прикладного искусства. Стимулируя развитие мелкотоварного производства, государство зачастую исходит не только из экономических, но и из политических соображений, пытаясь привлечь на свою сторону мелкую буржуазию — как производственную, так и занятую в сфере обращения и услуг, где она играет значительную роль.

Изложенное в данной главе позволяет сделать ряд выводов.

Прежде всего можно утверждать, что мелкотоварный и мелкокапиталистический уклады в городской экономике стран Азии и Северной Африки в 50-е — начале 70-х годов в целом развивались и укрепляли свое положение. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что основная или, во всяком случае, значительная часть городской рабочей силы была занята именно в мелком производстве.

Однако следует заметить, что если современное мелкое производство повсеместно прогрессировало, то домашняя промышленность и некоторые виды традиционного ремесленного производства испытывали трудности и численность занятых в них в ряде стран сокращалась.

Будущая судьба мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в городской экономике развивающихся стран в большой мере будет зависеть от того, какими способами будут решаться в этих странах общие сложные проблемы экономического развития, в том числе проблемы роста промышленного производства и обеспечения занятости растущего населения городов. В странах Азии и Северной Африки в наибольшей степени проявляются два главных направления, по которым идет решение подобных проблем:

1) стимулирование всеми средствами быстрого развития крупного частнокапиталистического предпринимательства. Мелкому производству и предпринимательству в этих условиях предоставляется «свобода» функционировать под воздействием законов стихийной капиталистической конкуренции. Так обстоит дело при капиталистическом пути развития;

2) расширение и укрепление государственного сектора, ограничение деятельности крупного частного капитала, содействие и помощь государства мелкому производителю (кооперирование, организация дешевого кредита и т. п.). В этом направлении трансформируется экономика стран, избравших социалистическую ориентацию.

ПЛАНИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Одной из важных форм государственной деятельности в бывших колониях и полуколониях является разработка различного рода планов и программ. Национальные государства предпринимают определенные усилия и по их реализации. Основным объектом такого планирования — экономика. Вместе с тем многие планы содержат рекомендации и в области социального развития. С их помощью правительства стремятся решать стоящие перед ними социальные и экономические проблемы и даже управлять общественно-экономическими процессами в своих странах.

В принципе любое государство всегда и везде в той или иной степени занимается тем или иным планированием. Но в прошлом, если речь идет о несоциалистических странах, планирование касалось лишь самой государственной деятельности. Наглядный пример такого планирования (его можно назвать традиционным) — разработка правительственных бюджетов. Ныне же, в частности, несоциалистические государства Востока вышли за рамки традиционного планирования и стремятся полнее охватить своими планами все общественное развитие.

Расширение сферы государственного планирования, возрастание его значения для развития афро-азиатских стран произошло под влиянием ряда факторов — как внутренних, так и внешних. К первым относится объективная потребность в скорейшем решении ряда экономических и социальных проблем, носящих общенациональный характер (экономическая отсталость и зависимость от бывших метрополий, массовая безработица и т. д.). Среди вторых важное место занимает появление экономического программирования в развитых капиталистических странах. Большую роль сыграл и демонстрационный эффект социалистического народнохозяйственного планирования. Основная причина, однако, кроется в объективных внутренних потребностях, вызвавших рост масштабов государственной экономической деятельности, расширение ее форм и

направлений, общее усиление роли государства во всем общественном прогрессе. Существенной составной частью этого процесса и явилось появление так называемого планирования развития (современных форм государственного планирования в странах Востока), анализу которого главным образом и посвящена данная глава.

Сохраняющаяся до сих пор общность важнейших черт социально-экономической структуры стран Востока и базирующихся на них главных закономерностей развития проявляется в общности многих черт плановой практики. Однако планирование несет на себе сильный отпечаток и различий в условиях развития тех или иных стран, своеобразия этого развития. Наиболее заметные особенности придает планам специфика их субъекта, т. е. государственной власти. Существенное влияние на плановую практику оказывают также и особенности социальной и экономической структуры страны, специфика ее положения в мировом капиталистическом хозяйстве, обеспеченность людскими и природными ресурсами.

В настоящее время в развивающихся странах сложились примерно одинаковые направления и формы государственного планирования. Планы разрабатываются прежде всего на национальном уровне. Вместе с тем все шире и интенсивнее предпринимаются попытки межгосударственного планирования, субъектом которого выступают различные международные государственные объединения. Объект их планов — отношения (прежде всего экономические) между странами-участницами, а также развитие отдельных сфер их общественной структуры (опять-таки главным образом экономики).

Можно выделить основные типы планов, которые в той или иной степени разрабатываются во всех странах Востока как на национальном, так и на международном уровне. Они различаются прежде всего по длительности планового периода. Выделяются *долгосрочные* (10 лет и более), *среднесрочные* (4—5 лет), *краткосрочные* (2—3 года) и *годовые* планы и программы.

По сфере своего действия различаются *«всеобъемлющие»* планы и *«частичные»* программы. Первые претендуют, по крайней мере формально, на как можно более полный охват всего процесса развития страны или даже всех освободившихся стран. Вторые относятся к какой-либо части этого процесса (сектору, отрасли и т. п.), особенно к государственной экономической деятельности. Подавляющее большинство афро-азиатских стран начинало свое планирование именно с разработки *«частичных»* программ. *«Частичными»* является также большинство межгосударственных программ. В теории и практике *«всеобъемлющие»* планы считаются более совершенными, чем *«частичные»*, а потому молодые государства, как правило, стремятся как можно быстрее переходить к их разработке.

По своему назначению выделяются прежде всего так называемые *планы развития*. Это основная разновидность государственного планирования в развивающихся странах. К ней относится большинство «всеобъемлющих» планов и «частичных» программ. Их главная цель — ускорение всего общественного развития, и в первую очередь темпов экономического роста. По образному выражению американского экономиста А. Уотерстона, национальный план наряду с гимном и флагом является сейчас символом суверенитета и современности¹.

На международном уровне своеобразной разновидностью планов развития являются, по нашему мнению, «десятилетия (декады)» ООН, а в региональных масштабах — соглашения об экономической интеграции. Сюда же относятся и соглашения (как правило, двусторонние) об экономическом, научно-техническом (а часто и культурном) сотрудничестве. Такие соглашения, заключаемые обычно на 4—5 лет, существуют, в частности, у многих стран Востока с социалистическими государствами. Они стали все шире практиковаться и между развитыми капиталистическими и развивающимися государствами, а также между самими освободившимися странами. В 1975 г. правительство Судана и Арабский фонд экономического и социального развития разработали 25-летнюю программу развития сельского хозяйства страны. Согласно этой программе Судан должен стать для арабских стран основным производителем продуктов питания. Финансирование программы, оцениваемой на первые 10 лет в 6 млрд. долл. и включающей более чем 100 различных проектов, будет осуществляться главным образом за счет средств названного фонда².

На национальном уровне в развивающихся странах наиболее известны среднесрочные, главным образом пятилетние, планы развития. Планы национального развития обычно состоят из ряда разделов, или программ. Можно выделить семь основных таких программ: 1) макроэкономическую, 2) общую инвестиционную, 3) государственной экономической деятельности, 4) развития частного сектора, 5) роста производства в важнейших отраслях экономики, 6) подготовки кадров и повышения занятости, 7) внешнеэкономическую. В странах, делящихся на автономные территориальные единицы (штаты, провинции), планы состоят также из общих и региональных программ. Конкретное содержание всех этих разделов, однако, далеко не одинаково не только в разных странах, но и в одной и той же стране. Оно часто меняется от плана к плану, отражая изменения в правительственной экономической политике, методологии и методике плановых расчетов и т. п.

¹ См.: La planification en Afrique: difficultés et perspectives, E/CN.14/CAF.2/inf.1, с. 2.

² «Africa Research Bulletin. Economic, Financial and Technical Series», Exeter, 1976, № 2, с. 3810.

Пятилетние планы, охватывающие вторую половину 70-х годов, имеются, например, в Иордании, Ираке, Кувейте, Ливии, Малайзии, Непале, Сирии. В ряде государств составляются четырехлетки. В Бирме и Алжире завершены вторые четырехлетние планы (1974/75—1977/78), в Тунисе после трех четырехлетних разработан пятилетний план (1977/78—1981/82). В Судане перешли к более длительному, семилетнему плану развития, охватывающему 1977/78—1983/84 гг.

В 50—60-х годах многие правительства стремились иметь систему долгосрочных и среднесрочных планов национального развития, причем последние официально рассматривались как составная часть и детализация первых. Например, в Ираке первая пятилетка (1961/62—1965/66) была начальным этапом реализации десятилетнего плана (1961—1970). В Египте десятилетка (1961—1970) была также первоначально разделена на два пятилетних плана, а алжирская семилетка (1967—1974) — на трехлетку (1967—1969) и четырехлетку (1970—1974). Однако в 70-е годы большинство стран отказалось от составления долгосрочных планов, так как они быстро устаревали, и основной разновидностью «всеобъемлющих» планов развития стали средние- и краткосрочные³.

Ряд афро-азиатских государств уже накопил порядочный опыт в планировании развития. Например, в Марокко в период со времени достижения независимости по 1980 г. осуществлялось шесть различных планов: двухлетний (1958—1959), два трехлетних (1965—1967 и 1978—1980) и три пятилетних (1960—1964, 1968—1972 и 1973—1977); в Индии в 1980 г. велась разработка шестого пятилетнего плана. В других же странах этот опыт значительно меньше, особенно там, где развитие отличается большой нестабильностью (в частности, в Ливане). Первые шаги в планировании развития делает большинство государств Аравийского полуострова.

Годичные планы развития призваны служить конкретизацией и дальнейшим развитием средние- и краткосрочных планов. Однако они разрабатываются далеко не везде. Очень часто, когда среднесрочные планы по каким-либо причинам отменяются или вовсе отсутствуют, годовые становятся основной формой государственного планирования. Так было, например, в Индии в 1966—1968 и 1978—1980 гг. и Египте с 1967 по 1976 г.

Наряду со «всеобъемлющими» планами во многих странах разрабатываются и самостоятельные «частичные» планы развития. Они относятся либо к тем или иным направлениям государственной экономической деятельности (в частности, программы аграрных реформ), либо к отдельным отраслям экономики (преимущественно программы, связанные с различными

³ Вместе с тем в ряде стран Востока существуют, по крайней мере формально, и перспективные планы развития. Сюда относятся, например, десятилетки Индии (1971—1980), Катара (1974—1983).

областями сельского хозяйства и инфраструктуры). На Филиппинах, например, наряду с общим планом развития 1973/74—1977/78 гг. действовала трехлетняя программа борьбы с наводнениями и пятилетняя программа развития телекоммуникаций.

Многие правительства все чаще разрабатывают планы развития отдельных районов своих стран. Имеются в виду преимущественно наиболее отсталые области, социально-экономический подъем которых объявляется одной из главных целей официальной экономической стратегии. Так, в Индии, в 1975 г. правительство разработало программу ускоренного развития отсталых районов, основная цель которой — ликвидация безработицы и улучшение условий жизни населения. В Шри-Ланке в 70-х годах осуществлялись программы освоения р. Махавели, в частности двухлетняя, начавшаяся в 1976 г.

Там, где «всеобъемлющие» планы по каким-либо причинам отсутствуют, основной формой планирования выступают различные «частичные» программы. С одной стороны, это страны, переживающие серьезный политический и экономический кризис, а с другой — государства, делающие только первые шаги в области планирования национального развития. Так, в Бангладеш имелась двухлетняя программа государственных капиталовложений в промышленность (1975/76—1977/78). Правительство Дубай в 1977 г. опубликовало список проектов, которые намерено осуществить в ближайшие годы.

Своеобразная форма планов развития — программы правительств или правящих партий, в том или ином виде имеющиеся во всех странах Востока. В одних случаях они являются «всеобъемлющими», т. е. включают все основные аспекты социально-экономического развития, в других — «частичными». К первым относятся, например, «Бирманский путь к социализму» (1962 г.) и Национальная хартия Алжира (1976 г.), ко вторым — принятая в Индии в 1975 г. «программа из 20 пунктов». Специфика всех этих программ — отсутствие строго определенного периода их реализации. Поэтому они очень часто детализируются в обычных планах развития, но иногда, когда последние по каким-либо причинам отсутствуют, — в «частичных» программах различных министерств и ведомств.

В практике государственного планирования стран Востока присутствуют, кроме того, так называемые *программы стабилизации и планы реконструкции* (восстановления) разрушенных стихийными бедствиями или военными действиями районов. Они либо входят как часть в общий план развития, либо составляются и осуществляются самостоятельно, нередко наряду с общим планом. Особенно возросла роль стабилизационных программ в условиях, когда практически все развивающиеся страны страдают от «импортированной» из мира развитого капитализма инфляции. В частности, такая программа была с помощью МВФ разработана в 1976 г. в Египте.

Наконец, своеобразной формой национальных планов являются так называемые *переходные планы*. В ряде стран они разрабатывались в первые годы самостоятельного развития (двухлетняя Марокко в 1958—1959 гг., трехлетняя Туниса в 1962—1964 гг., годовые планы в Алжире в 1965—1967 гг. и т. п.) и содержали меры по реорганизации системы колониального планирования и ее переориентации на нужды национального развития. В настоящее время это, как правило, краткосрочные планы, разрабатываемые вместо среднесрочных планов развития и закладывающие организационные и экономические предпосылки для следующего среднесрочного плана. Примеры — годовые планы Индии 1966—1968 и 1978—1980 гг.

Итак, в большинстве стран Востока разрабатываются самые различные по продолжительности, содержанию и назначению государственные планы. Очень часто эти планы сосуществуют во времени или пересекаются в пространстве, т. е. относятся частично или полностью к одним и тем же сферам экономики.

Национальные плановые органы в принципе стремятся, чтобы более частные и краткосрочные программы конкретизировали общие планы и служили их дальнейшим развитием. Однако на практике это редко удается. Анализ содержания различных плановых документов показывает, что более поздние, частные и краткосрочные программы, формально разработанные в рамках более долгосрочных и общих планов развития, часто оказываются по отношению к ним чуть ли не самостоятельными и де-факто как бы отменяют их целиком или соответствующие их разделы.

Долгосрочному плану в полной мере обычно соответствуют лишь первый по счету среднесрочный, а последующие — все больше и больше отклоняются от его основных наметок. В Тунисе, например, только трехлетняя 1962—1964 гг. была составлена в соответствии с «Десятилетними перспективами» (1962—1971), последующие же два плана содержали уже иные темпы и пропорции развития. В Индии третий пятилетний план (1961/62 — 1965/66) был начальным звеном пятнадцатилетнего, рассчитанного на 1961/62—1975/76 гг. Однако годовые планы 1966, 1967 и 1968 гг. уже существенно отличались от наметок пятнадцатилетки, а четвертая пятилетка (1969/70—1973/74) стала первым звеном нового десятилетнего плана (до 1980 г.). Пятый пятилетний план (1974/75 — 1978/79), однако, уже значительно расходится с прежними наметками на вторую половину 70-х годов.

Но особенно противоречивыми по отношению друг к другу бывают планы национального развития, с одной стороны, и программы стабилизации и реконструкции — с другой. Во многом автономны, далее, по отношению к планам центрального правительства программы, разработанные местными органами власти. В странах с федеральным устройством общегосу-

дарственные планы представляют собой в значительной степени простую сумму программ центра и провинций (штатов).

Все страны Востока стремятся, чтобы их международные программы были дополнением к национальным планам. Однако в полной мере такая взаимосвязь характерна лишь для соглашений с социалистическими государствами. Иные международные программы часто разрабатываются без такой увязки. Они либо механически включаются в национальные планы стран-партнеров, либо существуют отдельно от них.

Таким образом, различные по назначению государственные планы и программы в большинстве своем оказываются по отношению друг к другу самостоятельными или почти самостоятельными. В одних случаях они взаимно дополняют друг друга, в других — между ними возникают противоречия. И эти противоречия разрешаются государственной деятельностью.

Практически все государственные планы и программы в странах Востока в течение срока своего осуществления подвергаются тем или иным изменениям, а некоторые — даже по нескольку раз. Особенно это относится к общим перспективным планам. Часто модификации настолько значительны, что, по существу, дают жизнь новому самостоятельному плану. Такова была, например, переработка в 1975—1976 гг. пятого пятилетнего плана Индии. Изменениям нередко подвергаются и более частные и краткосрочные программы, например правительственные бюджеты.

Другой характерной чертой практики государственного планирования является то, что далеко не все планы и программы доживают до истечения отведенного им срока. Особенно это относится к долгосрочным и среднесрочным общим планам развития. Многие из них по тем или иным соображениям отменяются раньше времени и заменяются новыми. По приблизительным подсчетам, во всей группе развивающихся стран такая судьба постигла более трети всех национальных планов, разработанных после второй мировой войны. На Филиппинах, например, весь свой срок действовали лишь два плана (четырёхлетки 1949—1953 и 1971—1975 гг.), в Египте — также два (пятилетка 1960/61 — 1964/65 гг. и трехлетка 1967/68 — 1969/70 гг.). Подобными отменами и заменами, в частности, и объясняется ненормально большое число государственных долгосрочных и среднесрочных планов и программ, имевшихся в ряде стран в течение сравнительно небольшого периода. На Филиппинах, например, с 1947 г. было разработано 17 различных (в основном четырех-пятилетних) планов и программ (включая и различные их проекты, которые совсем не увидели свет), в Египте с 1952 г. — 13 планов и т. д.

Таковы важнейшие черты практики разработки государственных планов и программ, в той или иной степени свойственные всем странам Востока. Причины их существования кроются

в самой общественной структуре этих стран, в основных закономерностях их развития.

Самостоятельность более краткосрочных и частных планов по отношению к более долгосрочным и общим, как и частая отмена или переработка тех и других, связана с общей неустойчивостью и неравномерностью общественного развития рассматриваемых стран. А эти черты, как известно, в свою очередь, являются результатом, с одной стороны, общей социально-экономической отсталости освободившихся стран, преобладания в их экономике частнохозяйственных укладов, а с другой — экономической зависимости и привязанности к стихийно развивающемуся мировому капиталистическому хозяйству. Резкие изменения в экономической конъюнктуре внутри страны и за ее пределами часто перечеркивают прежние плановые расчеты или вынуждают их пересматривать. К этому привел, например, в развивающихся странах мировой экономической кризис 70-х годов. Частая смена правительств и даже общей ориентации государства (результат социально-политической нестабильности) также обычно ведет к отмене прежних планов или же по крайней мере к их значительным изменениям.

И наконец, одновременное существование различных «частичных» государственных программ, мало связанных или почти не связанных друг с другом, часто является результатом большой экономической автономии составляющих их государственных органов и организаций, которая позволяет им формулировать и самостоятельно осуществлять свои программы.

В еще большей степени все эти факторы влияют на условия осуществления государственных планов и программ и на сами результаты этого осуществления, о чем подробнее будет ниже.

Кризис оказал серьезное влияние на всю плановую практику в развивающихся странах. Он, в частности, вынудил многие правительства отказаться от «всеобъемлющих» перспективных планов социально-экономического развития в пользу более краткосрочных (чаще годовых) «частичных» экономических (в основном стабилизационных) программ. Так случилось в Индии второй половины 70-х годов, несмотря на формальное существование здесь пятой пятилетки. В Египте отход от общего перспективного планирования произошел еще раньше (практически с конца пятилетки 1960—1965 гг.) под влиянием ряда факторов, важнейшим из которых, по нашему мнению, была агрессивная политика Израиля, вынудившая страну уделять первостепенное внимание обороне.

Национальное планирование в развивающихся странах выражает обычно прежде всего интересы правящих кругов. Оно несет, в частности, большую пропагандистскую нагрузку — пожалуй, большую, чем все прочие направления государственной экономической политики. Вместе с тем планы, как и многие другие стороны деятельности государств Востока, отражают и

общенациональные интересы—правда, опять-таки, как правило, в той степени и под тем ракурсом, которые соответствуют интересам правящих кругов общества. В межгосударственных программах отражаются общие интересы сотрудничающих государств, те проблемы, которые вообще или лучше могут быть решены ими лишь совместно; и сами эти программы обычно являются результатом определенного компромисса между партнерами.

Для субъекта планирования последнее составляет важнейшую организационную форму разработки стратегии и тактики развития. Стратегия наиболее полно выражается в партийно-правительственных программах и долгосрочных «всеобъемлющих» планах. Более краткосрочные и частные расчеты конкретизируют государственную стратегию в рамках планового периода и «дезагрегируют» ее до уровня тактических средств и методов реализации.

Долговременная стратегия развития требует определенной преемственности следующих друг за другом «всеобъемлющих» планов и единства всех существующих одновременно «частичных» экономических программ. Данное условие, как можно заключить из сказанного выше, в странах Востока часто не соблюдается. Новые планы нередко содержат уже иную стратегию, иную ориентацию. Это, однако, не означает, что наметки предыдущего плана оказались успешно реализованными. Скорее наоборот: неудачи в осуществлении прежних планов, обострение старых и возникновение новых социальных и экономических проблем заставляют плановиков искать иные, чем прежде, пути и варианты развития. Часто к прерыву стратегической преемственности между планами ведет смена власти и (или) изменение социально-политической ориентации государства. И все же анализ содержания различных планов и программ представляет большую научную и практическую ценность, ибо позволяет выявить особенности процесса формирования государственной стратегии развития в отдельных странах и во всем освободившемся мире, основные ее черты и важные закономерности ее реализации.

В плановой стратегии афро-азиатских государств, как и в самой практике разработки планов, имеется много общего. Это вытекает прежде всего из общности многих политических, социальных и экономических проблем, частью унаследованных от колониального прошлого, а частью возникших в ходе самостоятельного развития.

Можно выделить ряд общенациональных целей, которые фигурируют практически во всех планах развития стран Востока, независимо от социально-политической ориентации последних.

Основная цель и главное содержание практически всех афро-азиатских планов развития—ускорение экономического роста и ликвидация в перспективе экономической отсталости. Тем-

пы прироста валового продукта, предусмотренные в большинстве планов, достигают 6—9% и часто значительно превышают фактические в предплановый период. Такие государства, как Алжир и Иран, наметили подняться в 90-е годы до экономического уровня среднеразвитых стран Западной Европы.

Почти повсеместно следующей по значению экономической целью современных планов является достижение страной хозяйственной самостоятельности, под которой понимается, однако, главным образом самообеспеченность финансовыми ресурсами. Первоначальный вариант пятой пятилетки Индии наметил, например, полный отказ к концу планового периода от внешней экономической помощи.

К важным целям большинства современных планов относятся и выравнивание доходов различных слоев населения, а также экономический и социальный подъем наиболее отсталых районов. Последней задаче уделяется особое внимание, в частности в Судане, Малайзии. Немало планов предусматривает меры по борьбе с инфляцией. Одной из характерных целей многих современных планов является, наконец, достижение страной самообеспеченности продуктами питания. Это свойственно, например, пятилеткам Ирака и Ливии (1976—1980), Туниса (1977—1982). Задача достижения в ближайшем будущем самообеспеченности промышленными товарами ставилась в планах Алжира.

Среди основных направлений планового развития повсеместно фигурирует модернизация общественной структуры, заключающаяся в вытеснении традиционных социально-экономических форм и всемерном развитии современных. Особое внимание при этом уделяется сельскому хозяйству, где традиционные институты (общинное, феодальное и полуфеодальное землевладение, ростовщичество и т. п.) до сих пор преобладают. Среди современных хозяйственных форм, учитываемых в планах стран Востока, общими являются государственное предпринимательство и кооперация. Однако масштабы и методы их развития, равно как масштабы и характер предусматриваемой планами модернизации, в разных странах далеко не одинаковы.

Характерная черта современной плановой стратегии — вытеснение из экономики иностранного предпринимательства и замена его местным (государственным, кооперативным и частным). Масштабы и формы этого процесса в планах различных стран, однако, также неодинаковы.

Важной составной частью плановой стратегии национально-экономического развития является диверсификация отраслевой структуры хозяйства страны, преодоление его узкой аграрно-сырьевой (или даже монотоварной) специализации. Особенно радикальные изменения в этом смысле намечаются в странах — производителях и экспортерах какого-либо одного-

или двух важных сырьевых продуктов, например нефти (в частности, Алжир, Ирак, Ливия). В большинстве же стран эта задача формулируется как дело отдаленного будущего.

Выбор приоритетной, ведущей отрасли — один из важнейших элементов любой стратегии развития. В большинстве современных планов такой отраслью остается, как и в прошлом, промышленность. Индустриализация выступает одной из основ плановой стратегии экономического роста в странах Востока. При этом акцент, как правило, делается на развитие обрабатывающей промышленности.

Вместе с тем для большинства современных планов характерно возросшее внимание к развитию сельского хозяйства. Ранние планы даже подвергаются в связи с этим критике за их якобы чрезмерное увлечение индустриализацией и пренебрежение к комплексному развитию экономики. При этом в ряде стран (Бангладеш, Ирак, Судан, Малайзия) сельскому хозяйству сейчас отдается абсолютный приоритет, которому подчиняется и развитие промышленности. Такой подход связан прежде всего с постановкой задачи добиться самообеспеченности продовольствием.

Все планы — с самых первых, относящихся к началу 50-х годов, до современных — повсеместно подчеркивают необходимость расширения экономической деятельности государства для ускорения темпов экономического и социального развития. Удельный вес государственных инвестиций в общей сумме в большинстве планов превышает половину. Вместе с тем из плана в план он может меняться довольно значительно. В первом пятилетнем плане Индии, например, доля государства в общей сумме капиталовложений составляла 50%, втором — 54, третьем — 66, четвертом — 61, проекте пятого — 66, а в пересмотренном его варианте — 58%⁴.

Важный раздел национальных планов развития — программа увеличения производства основных видов продукции страны. Эта программа раскрывает существенный момент государственной стратегии развития — место и роль отдельных отраслей и производств в общем экономическом процессе. Современные планы большинства афро-азиатских стран делают основной акцент на увеличение производства товаров массового потребления, предназначенных для внутреннего рынка. Вместе с тем во многих странах, особенно в более развитых, как Индия, Алжир, Египет, Марокко, Тунис, намечен также довольно быстрый рост объема производства и номенклатуры промышленной продукции для экспорта.

Иначе говоря, для производственных программ афро-азиатских планов характерно сочетание двух стратегий развития:

⁴ «Blitz», Bombay, 1974, January 16, с. 10; «Eastern Economist», New Delhi, 1974, January 4, с. 33; БИКИ, 30.X.1976, № 131, с. 2.

замещение импорта местным производством и диверсификация вывоза, увеличение списка товаров, предназначенных на экспорт. В большинстве планов преобладает первая из них.

Одна из самых острых экономических проблем несоциалистических стран Востока — рост полной и частичной безработицы. Программа увеличения занятости выступает как важный раздел планов развития этих стран. В качестве главной задачи увеличение занятости фигурировало, например, в двух турецких пятилетках (1963—1967 и 1968—1972), четвертом пятилетнем плане Индии и ряде других. Для сокращения безработицы большинством планов намечаются различные меры по государственному стимулированию маломеханизированных и трудоемких производств, особенно в сельской местности. Во многих планах подчеркивается необходимость развития и внедрения так называемой промежуточной техники и технологии, которые бы в максимальной степени способствовали использованию неквалифицированной и малоквалифицированной рабочей силы.

Место и роль внешней торговли во всем экономическом процессе — один из центральных моментов плановой стратегии развития в странах Азии и Африки. В связи с ориентацией на внутренние ресурсы большинство планов предусматривают значительное ускорение роста стоимостного объема экспорта и более низкие темпы роста импорта. Реализация плановых наметок по увеличению экспорта, как правило, ожидается за счет традиционных и новых видов сельскохозяйственного и минерального сырья. И лишь наиболее экономически развитые из освободившихся стран планируют значительное увеличение вывоза продукции обрабатывающей промышленности.

Темпы роста стоимостного объема экспорта, намечаемые большинством афро-азиатских планов, обычно более высокие, чем экономики в целом. В итоге роль экспорта в реализации национальной продукции должна в процессе выполнения плана увеличиваться. Рост экспортной ориентации национальной экономики является, таким образом, в большинстве афро-азиатских стран характерной чертой зафиксированной в планах государственной стратегии развития.

Таковы важнейшие общие черты государственной плановой практики в странах Востока. Наряду с ними в планировании каждой страны имеются и свои особенности, порой весьма существенные. Касаются они как характера и роли планирования, его места во всей государственной экономической деятельности, так и содержания плановой стратегии развития. Самые существенные различия вносит выбор пути социально-экономического развития.

Наиболее последовательную плановую политику проводят правительства, которые действительно стремятся осуществить в своих странах радикальные социально-экономические преобразования. В первую очередь речь идет о государствах социа-

либеральной ориентации, где планирование призвано быть главным инструментом революционно-демократических преобразований в обществе. Не случайно опыт Алжира в этой области является одним из самых богатых и поучительных во всей группе развивающихся стран. Значительные усилия предпринимают и некоторые государства капиталистической ориентации. Так, почти тридцатилетнюю историю имеет планирование в Индии. Гораздо меньше внимания уделяют планированию полуфеодалные и откровенно проимпериалистические режимы. «Всеобъемлющие» планы развития во многих таких странах разрабатываются нерегулярно, да и все государственное планирование здесь носит в основном формальный характер.

Особенно заметны, однако, различия в плановой стратегии развития. Практика показывает, что, чем дальше идет страна по пути прогрессивных, антикапиталистических преобразований, тем больше ее планы отличаются от планов государств капиталистической ориентации. Специфика планирования некапиталистического развития порождается прежде всего самим этим развитием. Она появляется также вследствие усиливающегося интереса в этих странах к теории и практике социалистического народнохозяйственного планирования, а также вполне понятного стремления их правительств использовать достижения такого планирования при решении насущных задач социально-экономического развития своих стран.

В странах, идущих по некапиталистическому пути, главная конечная цель планового развития — построение социалистического общества. Центральное место в планах здесь занимают прогрессивные, революционно-демократические преобразования в экономике и общественной жизни. Намечаются более решительные и радикальные, чем в остальных развивающихся странах, меры по сокращению экономической зависимости от империалистических государств. Основой планового развития является прогрессивное увеличение масштабов и роли социально-экономической деятельности государства, а сама эта деятельность, и особенно развитие госсектора в экономике, составляет преобладающее содержание всех планов и программ. Последнее обусловлено также преобладанием госпредпринимательства в современных отраслях национальной экономики.

Более того, в планах социалистической ориентации государство выступает как главный агент и основная движущая сила всего процесса социального и экономического развития. Частнокапиталистический сектор рассматривается лишь как дополнение к государственному, и ему отводится в экономике подчиненное, второстепенное место. В соотношении государственного и частнокапиталистического предпринимательства проявляется, пожалуй, одно из самых существенных различий в плановой стратегии между странами социалистической и капиталистической ориентации.

Буржуазная плановая стратегия ориентируется в первую очередь на количественный экономический рост. Структурные изменения в экономике обычно носят подчиненный характер и объективно направлены на ускорение роста частнокапиталистического предпринимательства. Такую же роль здесь призвана играть и государственная экономическая деятельность, включая развитие госсектора и само планирование. Во многих планах капиталистической ориентации частные капиталовложения преобладают над государственными (например, в пятилетке 1976—1980 гг. Малайзии и 1978—1982 гг. Филиппин, во всех планах Таиланда). Для стратегии капиталистического развития характерно различие в отраслевой структуре тех и других: первые направляются главным образом в материальное производство (особенно в промышленность и строительство) и сферу услуг, а вторые — в различные отрасли социальной и экономической инфраструктуры и на прямую финансовую помощь частному предпринимательству. И наконец, многие социальные и социально-экономические задачи, сформулированные в планах капиталистической ориентации, — выравнивание уровней доходов различных слоев населения, развитие отдельных районов страны, преодоление пережитков феодализма, ликвидация безработицы и т. п. — носят главным образом политический, пропагандистский характер, о чем свидетельствуют итоги осуществления этих планов.

О степени выполнения того или иного плана говорит сопоставление плановых наметок с фактическим развитием планируемого процесса. В этом сопоставлении самое важное, конечно, — установление качественного соответствия реальных достижений плановым наметкам. Однако качество имеет свою количественную определенность. Отсюда — необходимость расчетов процентов выполнения при анализе процесса реализации планов развития: только такие, количественные данные могут показать качественное соответствие (или несоответствие) фактического развития экономики афро-азиатских государств их планам.

Для выяснения эффективности и реальной роли планирования необходимо при помощи чисто количественных сопоставлений выявить степень действительного воздействия планов на ход социально-экономического развития. Важно знать, в какой мере это развитие осуществляется в результате сознательного планового воздействия государства, а в какой — связано всякого рода внешним, случайным и стихийным факторам, действие которых может иногда совпадать по своей направленности с плановыми наметками. Выполнение плана означает принципиально иное и гораздо большее, нежели простое совпадение фактических тенденций с этими наметками. Оно означает, что развитие планируемого объекта, т. е. важнейшие его темпы и пропорции, формируется под постоянным сознательным воздей-

ствием (управлением) субъекта планирования — в данном случае государства.

Практика показывает, что государственные планы и программы в странах Востока осуществляются далеко не полностью. В наибольшей степени это касается долгосрочных и среднесрочных общих планов развития. Краткосрочные «частичные» программы (в первую очередь годовые оперативные программы государства, включая правительственные бюджеты, отдельных министерств и ведомств, государственных корпораций и компаний и др.) в целом реализуются полнее. Это, однако, не относится к программам стабилизации, направленным против инфляции, ибо корни последней кроются в основных закономерностях мирового капиталистического хозяйства, т. е. находятся вне сферы влияния национальных правительств. Попытки решить проблему инфляции на международном уровне также до сих пор безуспешны, главным образом из-за нежелания развитых капиталистических государств пойти на сколько-нибудь серьезные уступки освободившимся странам.

«Всеобъемлющие» планы развития основное свое влияние оказывают на государственную экономическую деятельность. Между многими направлениями этой деятельности и соответствующими разделами общенациональных планов существует определенная причинно-следственная связь. Выражается она в том, что преобладающая часть запланированных мероприятий (включая новое строительство и расширение имеющихся производственных мощностей) в той или иной степени все же осуществляется. Эффективность программы государственной экономической деятельности оказывается заметно выше, если рассматривать не отдельные плановые периоды, а последовательный их ряд. Многие проекты, которые не реализуются по тем или иным причинам в первоначально намеченные сроки, переносятся в очередные планы и в конце концов, хотя и со значительным отставанием от сроков, сильным превышением сметных расходов и т. п., претворяются в жизнь. В принципе весь государственный сектор является результатом планомерной деятельности государства. Более того, все крупные современные предприятия типа металлургических заводов, нефтехимических комплексов и др. не могли бы возникнуть вне рамок перспективного общегосударственного планирования.

Правда, факты показывают, что развитие государственного сектора в целом в гораздо большей степени базируется на краткосрочных (чаще годовых) программах министерств и ведомств, нежели на соответствующих разделах «всеобъемлющих» планов развития.

Определенный положительный эффект дают и некоторые направления экономической политики (нередко также переходящие из плана в план), если они последовательно реализуются национальными правительствами. Речь идет об индустриа-

лизации, развитии сельского хозяйства, аграрных реформах, политике «индигенизации» и т. п. Прямые и косвенные меры, стимулирующие эти процессы, при благоприятном стечении внешних обстоятельств (климатические условия, конъюнктура мирового рынка, иностранная помощь) способствуют во многих странах росту промышленности, увеличению производства сельскохозяйственной продукции, экспортных поступлений и т. п., т. е. реализации важных целей планов развития. Экономическая политика в немалой степени обеспечила, например, рост валового сбора зерновых в Индии с 74,2 млн. т в начале второй пятилетки (1956/57) до 109 млн. т в 1970/71 г. и 118 млн. т в 1978/79 г.⁵

Вместе с тем фактическое развитие государственного сектора повсеместно значительно отстает от предусмотренного планами, а зачастую заметно отличается от такового в структурном отношении. И здесь речь идет в первую очередь об общих планах развития. Реальные объемы государственных капиталовложений каждый раз оказываются ниже намеченных. Так, по пятилеткам Пакистана (1965—1970) и Саудовской Аравии (1971—1975) они составили 72% плановых, Бангладеш (1973/74—1977/78) — всего 49%⁶.

Обычной и наиболее общей причиной отставания фактических государственных инвестиций от плановых является нехватка финансовых средств. При подведении итогов подавляющего большинства планов развития оказывается, что их было меньше, чем ожидалось. И этот недобор часто относится как к внутренним, так и к внешним источникам — правда, в разных странах в разной степени. Например, в период действия третьего пятилетнего плана Пакистана (1965/66—1969/70) государство получило для капиталовложений на 5,1 млрд. рупий меньше средств из внутренних и на 3,2 млрд. рупий из внешних источников, что составило соответственно 31 и 24% первоначально намеченных сумм. Пятилетка Бангладеш была выполнена по этим двум показателям соответственно на 46 и 87%⁷.

В этом отношении экономическое содействие социалистических государств развивающимся странам Востока имеет принципиальное преимущество перед империалистической «помощью». Во-первых, оно носит комплексный характер, охватывая финансовые, экономические и технические аспекты. Во-вторых, оно осуществляется строго в соответствии с экономическими планами стран-партнеров.

⁵ B. M. Bhatia. *India's Deepening Economic Crisis*. New Delhi, 1974, с. 123; БИКИ, 28.VI.1979, № 89.

⁶ UNIDO. *Summaries of Industrial Development Plans*. Vol. 2. N.Y., 1973, с. 79; «The Financial Times», L., 28.III.1977; БИКИ, 1978, прил. № 9, с. 36.

⁷ Fourth Five Year Plan, 1970—75. Islamabad, 1970, с. 48; UNIDO, *Summaries...* Vol. 2, с. 79; БИКИ, 1978, прил. № 9, с. 36.

Проблема финансирования государственных капиталовложений бывает относительно менее острой для стран-экспортеров какого-либо сырья, мировые цены на которое оказываются в данном плановом периоде высокими. В 1973—1975 гг. в результате главным образом учетверения мировых цен на сырую нефть бюджетные доходы стран-экспортеров нефти возросли в 3—5 раз, что означало, между прочим, почти такое же формальное перевыполнение первоначальных бюджетных наметок. Рост мировых цен на многие другие виды сырья способствовал общему номинальному перевыполнению государственных инвестиционных программ экспортирующих это сырье государств.

И все же в реальном выражении инвестиционные программы даже стран-экспортеров сырья оказываются чаще невыполненными, ибо большинство включенных в них проектов в намеченные сроки не осуществляется. Ко многим таким проектам вообще в плановые сроки не приступают. За четыре года первого пятилетнего плана Ливии (1976—1980) программа капиталовложений была недовыполнена номинально на 1,6 млрд. дин. Целый ряд плановых проектов общей стоимостью 3—4 млрд. дин. перенесен в следующее пятилетие⁸.

«Сверхплановые» капиталовложения, как правило, являются результатом роста мировых цен на оборудование. На протяжении 70-х годов этот рост во многих странах Востока составлял 15—25% ежегодно, что привело к соответствующему удорожанию плановых объектов. В результате этого, например, стоимость проектов, включенных в ливийскую первую пятилетку, за четыре года увеличилась на 25%⁹.

Невыполнение в срок намеченных первоначально мероприятий является результатом действия многих факторов (главным образом внутренних), среди которых важное место занимают нехватка квалифицированной рабочей силы, плохое качество проектных работ, недостатки в организации и управлении госсектором. В Ливии, например, бюджетные средства, выделяемые ежегодно для капиталовложений, именно по этим причинам используются на 75—80%¹⁰.

Вместе с тем повсюду осуществляется значительное число проектов (в широком смысле слова, т. е. включая и неэкономические акции, требующие финансовых расходов), которые планами развития не предусматривались. Это также одна из важных причин качественного расхождения между планами и реальной государственной экономической деятельностью. Наиболее распространенными внеплановыми проектами являются акции по национализации иностранной собственности. В Егип-

⁸ БИКИ, 26.I. 1980, № 11.

⁹ «Financial Times Survey», 16.VII.1979, с. XI.

¹⁰ Там же.

те, например, таковой была массовая национализация частной промышленности в 1961—1963 гг. Значительные по масштабам внеплановые акции, являясь часто необходимыми, важными и полезными, в то же время ухудшают условия реализации плановых проектов, а зачастую попросту срывают ее, ибо отвлекают финансовые, материальные и людские ресурсы от нужд плана.

Как уже отмечалось, экономическая практика государства в афро-азиатских странах гораздо сильнее связана с более краткосрочными, чем «всеобъемлющие» планы развития, «частичными» государственными экономическими программами. Такие программы представляют собой более гибкую форму планирования и поэтому могут лучше учитывать частые изменения во внутренних и внешних условиях социально-экономического развития стран Востока, оказывающие воздействие на всю государственную экономическую деятельность и практически не поддающиеся даже предвидению на несколько лет вперед. Как правило, в гораздо большем объеме реализуются и различного рода чрезвычайные программы (стабилизации, восстановления, помощи терпящим бедствие районам и т. п.), чему в немалой степени способствует их директивный и зачастую политический характер.

Выдвигаясь в практической государственной деятельности на первый план, краткосрочные «частичные» программы опять-таки ухудшают условия реализации более длительных программ, а иногда и попросту их отменяют де-факто. Так было, например, в Египте во второй половине 60-х годов, когда годовичные планы практически заменили второй пятилетний (1965—1970), а затем и сменивший его семилетний (1965—1972) планы. При этом направленность годовичных программ вследствие обострения арабо-израильского конфликта существенно отличалась от стратегии обоих планов.

Практика показывает, что в странах социалистической ориентации программы государственной экономической деятельности в общем и целом осуществляются (и номинально и реально) в гораздо большей степени, чем в капиталистически развивающихся государствах. Важнейшей причиной этого, на наш взгляд, является принципиальное отличие роли, отводимой правительствами первой группы стран государственному сектору во всем процессе социально-экономического развития. Огромное значение имеет экономическое и техническое содействие странам социалистической ориентации со стороны социалистических государств, оказываемое в соответствии с нуждами реализации национальных планов. Революционно-демократические правительства, как правило, более последовательно и эффективно реализуют планы по расширению госсектора, ограничению частнокапиталистического предпринимательства и т. п. Здесь можно назвать, например, Алжир,

который создал в рамках госсектора основы современной промышленности, ликвидировал засилье в национальной экономике иностранного капитала, успешно решает проблемы культурной революции.

Анализ реализации тех разделов планов развития, которые относятся главным образом к различным сторонам частного хозяйственной деятельности и экономике в целом (речь идет о частных капиталовложениях, динамике производства важнейших видов продукции, росте занятости, развитии внешней торговли, темпах роста валового продукта и т. п.), повсеместно в освободившихся странах дает очень пеструю картину. Соотношение между плановыми наметками и фактическими результатами складывается в конце плановых периодов самым различным образом в зависимости от множества конкретных условий. Перевыполнение одних показателей соседствует в одном и том же периоде с невыполнением других показателей или сменяется невыполнением в последующем плановом периоде.

Отклонения фактических выпусков от запланированных (как в ту, так и в другую сторону) могут достигать весьма значительных размеров — до нескольких десятков раз. Для динамики производства отдельных видов продукции чаще всего характерно отставание от плановых показателей. Согласно официальным данным, в итоге третьего пятилетнего плана Пакистана такое отставание имело место по 55 видам продукции из 73, включенных в план. В конце третьего пятилетия продукции машиностроения в стране было выпущено на 1165 млн рупий вместо 535 млн. по плану. В то же время нефтепродуктов было произведено (в тыс. т) 10 вместо 300, стали для литья — 0,09 вместо 1,2, азотных удобрений — 195 вместо 2500, серной кислоты — 100 вместо 600 и т. д.¹¹ Такой большой разброс между плановыми и фактическими показателями свидетельствует об отсутствии заметной причинно-следственной связи между государственным планированием и реальным развитием той или иной отрасли.

Отклонения фактических показателей от плановых обычно являются результатом того, что в одних отраслях под влиянием благоприятной рыночной конъюнктуры осуществляются значительные и не предусмотренные в плане частные инвестиции, а в других — вполне конкретные плановые объекты (государственные и частные) по тем или иным причинам не вводятся в намеченные сроки в строй. Амплитуда отклонений реального развития какой-либо отрасли или сферы общественного воспроизводства от запланированного в целом тем значительно больше (при прочих равных условиях), чем больше в

¹¹ Третий пятилетний план Республики Пакистан (1965—1970). [Б. и.], 1965, с. 64—65; Fourth Five Year Plan. 1970—75, с. 31—33.

них удельный вес частного сектора, особенно низших капиталистических и традиционных укладов.

Самый общий раздел национальных планов развития — макроэкономические программы. Сопоставление их показателей с действительной эволюцией национальной экономики дает более однообразную картину: реальный экономический рост, как правило, оказывается в большинстве случаев значительно ниже планового. Об этом свидетельствуют, например, итоги второго, третьего и четвертого планов Индии, первого и третьего планов Пакистана, большинства марокканских и тунисских планов.

Макроэкономические программы национальных планов повсеместно намечают определенные структурные сдвиги в экономике. Отраслевая структура в большинстве стран меняется примерно в том направлении, какое предусматривалось планами: доля сельского хозяйства падает, а промышленности растет. Однако чаще эти изменения в экономике происходят гораздо медленнее, чем намечалось. Удельный же вес сферы услуг, напротив, увеличивается, как правило, быстрее. Процесс индустриализации всей экономики почти повсеместно отстает от плановых наметок, а потому медленнее осуществляются все связанные с ним структурные сдвиги. Политика замещения импорта внутренним производством также не дает всех ожидаемых результатов. В то же время в некоторых странах имел место более быстрый, чем планировалось, рост добывающей промышленности и производства традиционной экспортной продукции сельского хозяйства. Наконец, страны, намечавшие существенно сократить свою зависимость от внешних источников финансирования капиталовложений, особенно малые, как правило, не смогли этого добиться, в чем проявилась определенная нереалистичность соответствующих плановых расчетов.

Таковы основные закономерности реализации национальных планов и программ в развивающихся странах Востока. Примерно так же обстоит дело и с выполнением разного рода межгосударственных планов и программ. Особенно низка здесь до сих пор эффективность соглашений о региональной экономической интеграции. Более результативными обычно являются товарные соглашения, которые реализуются на основе краткосрочных (обычно годовых) программ действий. Наглядный (хотя и не совсем типичный) пример — Организация стран — экспортеров нефти, планомерная и согласованная деятельность членов которой не только привела к многократному увеличению их доходов от экспорта нефти, но и во многом способствовала существенному ограничению (а кое-где практической ликвидации) прямого господства международных нефтяных монополий. Двусторонние межгосударственные соглашения обычно на практике также в целом выполняются,

хотя зачастую и со значительным отставанием от первоначальных сроков (особенно это характерно для программ экономического сотрудничества) и в неполном объеме. Повсеместно, однако, не осуществляются те разделы межгосударственных программ, которые относятся к частной предпринимательской деятельности (например, попытки ее активизировать в наименее развитых странах региональных группировок).

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что определенное регулирование и направляющее воздействие на экономику оказывают лишь программы государственной экономической деятельности. Они и являются наиболее реальной частью рассматриваемых планов. Что же касается развития частного сектора и всей экономики в целом, то оно осуществляется в своей основе самостоятельно и независимо от планов, а во многих случаях — даже в противоречии с их главными положениями, т. е. не планомерно, а стихийно.

Национальные правительства большинства освободившихся стран Востока предпринимают серьезные усилия по регулированию частнопредпринимательской деятельности и стимулированию ее развития в указанных планами направлениях. Практика, однако, свидетельствует о том, что эти усилия бывают успешными лишь при благоприятной рыночной конъюнктуре, т. е. когда «накладываются» на нее, увеличивая ее стимулирующее влияние. Во всех других случаях государственная экономическая политика оказывается малоэффективной, а правительственные налоговые и прочие стимулы — слишком слабыми по сравнению с отрицательным воздействием внутреннего и внешнего рынков.

Таким образом, во всех отраслях и сферах хозяйственной жизни стран Востока, где преобладают частнохозяйственные уклады, основным регулятором остается рыночная конъюнктура, а не государственная экономическая политика. Иначе говоря, прямая и непосредственная причинная связь здесь с соответствующими разделами планов развития в большинстве случаев отсутствует. Все разделы этих планов, исключая программы государственной экономической деятельности, являются своеобразными прогнозами, которые к тому же, как правило, не сбываются.

Думается, существуют по крайней мере четыре основные причины малой эффективности планового государственного регулирования социально-экономического развития стран Востока.

Во-первых, этому регулированию мешает наличие в экономике различных форм собственности на средства производства, многоукладность.

Во-вторых, «всеобъемлющему» планированию препятствует количественное, по числу занятых, преобладание в частнохозяйственных укладах мелких и мельчайших полунатураль-

ных и мелкотоварных хозяйств, которые по своей природе неподвластны сколько-нибудь эффективному государственному контролю и регулированию. Определенные предпосылки для государственного воздействия имеются лишь в отраслях, работающих на национальный и международный рынки и состоящих из достаточно крупных и современных предприятий. Лишь в странах, отвергших капиталистический путь развития, где государственный сектор занимает сейчас практически все ключевые позиции в экономике, существуют значительные возможности для успешного регулирования частного сектора.

Третьей причиной является сохраняющаяся экономическая зависимость освободившихся стран Востока от развитых капиталистических государств, хозяйственная привязанность к экономике последних. В этих условиях основным регулятором развития экономики зависимых стран часто оказывается стихийно складывающаяся конъюнктура на мировом капиталистическом рынке и в самих развитых капиталистических государствах.

Наконец, четвертой причиной в большинстве стран Востока выступает социально-политическая нестабильность. Именно она во многих случаях ведет не только к срыву намеченных ранее планов и программ (причем не только на национальном, но и на межгосударственном уровне), но и к формальному отказу от «всеобъемлющих» перспективных планов.

Итак, практика показывает, что в развивающихся странах в настоящее время отсутствуют необходимые предпосылки для «всеобъемлющего» государственного планирования социально-экономического развития. Вместе с тем здесь имеются определенные возможности для планирования более краткосрочного (в основном годового) и «частичного» (главным образом самой государственной деятельности).

Возникает, однако, вопрос: почему же планирование развивается в странах Востока прежде всего и главным образом в таких формах, для которых там нет достаточных предпосылок? Имеются в виду в первую очередь общие национальные планы с их претензией охватить весь процесс социально-экономического развития и акцентом на макроэкономические пропорции.

Представляется, что это связано прежде всего с неравномерным отождествлением потребностей и возможностей планирования социально-экономического развития. В самом деле, уже в первые годы самостоятельности правительства многих стран осознали необходимость своего целенаправленного, т. е. планомерного, воздействия на весь ход социально-экономического развития для его существенного ускорения и преобразования доставшейся от колониального периода архаической экономической и социальной структуры. Проявлялась также необходимость в планомерном регулировании наиболее развитых

отраслей экономики, особенно тех, которые работали на экспорт. Наконец, широкое участие стран Востока в международных отношениях, сильнейшая зависимость большинства из них от состояния и динамики этих отношений породили потребность в определенном международном планировании, которое бы дополняло национальное планирование и содействовало его успеху.

Возможностей для всего этого, однако, гораздо меньше, и, как уже отмечалось, они имеются главным образом применительно к государственной деятельности как на национальном, так и на международном уровне. Отождествление необходимости и возможностей планирования социально-экономического развития, а точнее, расширение границ возможностей до масштабов потребностей произошло в большинстве стран под прямым влиянием буржуазной экономической науки. Последняя, как известно, до сих пор отрицает необходимость создания определенных социально-экономических предпосылок для планирования развития¹². Вместе с тем во многих афро-азиатских странах (в частности, это характерно для Индии) свою роль сыграло стремление непосредственно использовать опыт планового народнохозяйственного развития социалистических государств. Пример советских пятилеток, в течение которых СССР из отсталой страны превратился в передовую индустриальную державу, слишком привлекателен, чтобы не пытаться следовать ему. Не случайно большинство национальных планов на Востоке являются также пятилетними. Прямое, без поправок на свою специфику, заимствование опыта планового развития социалистических стран не имеет, однако, в бывших колониях и полуколониях достаточно благоприятных условий.

Сказанное выше отнюдь не означает, что сложившаяся в афро-азиатских странах практика составления общенациональных планов, которые в большей своей части не осуществляются, беспочвенна и иррациональна. Прежде всего в них есть реальная часть — программа государственной экономической деятельности. Разработка таких программ способствует упорядочению развития государственного предпринимательства, для успеха которого необходимы сопоставление различных проектов, определенная централизация управления предприятиями и т. д. Расширение государственной экономической деятельности, в значительной степени происходящее в соответствии с этими программами, создает предпосылки для более успешного планирования развития государственного сектора, с одной стороны, и тесно связанных с ним частных отраслей — с другой. Особенно заметно это в странах социалистической ориентации.

¹² Подробнее см.: С. А. Бессонов. Национальные планы и экономическое развитие стран Африки. М., 1975, гл. 7.

Сами «всеобъемлющие» планы, хотя и носят в основном характер прогнозов, также играют известную положительную роль. Их появление и распространение прежде всего способствовало более четкому формулированию и пониманию общенациональных социально-экономических задач. Они содействовали распространению в странах Востока взгляда на экономическое развитие как на сложный и поэтапный процесс, все элементы которого тесно между собой связаны. Неудачи первых планов привлекли усиленное внимание к проблемам их реализации, и в частности к совершенствованию государственной административной и экономической службы, а также в определенной степени к разработке средств и методов государственного регулирования и стимулирования экономического роста. Очень многие правительства осознали также необходимость структурных, т. е. социально-экономических, реформ как важного условия ускорения национального развития. Составление национальных планов, наконец, стимулировало развитие национальной статистики и различных прикладных социальных и экономических исследований в афро-азиатских странах.

Таким образом, национальное планирование в развивающихся странах Востока, несмотря на его часто невысокую эффективность в настоящем, создает некоторые важные условия и предпосылки для повышения этой эффективности в будущем. Очень важно, однако, чтобы формирование этих условий и предпосылок было осознанным, планируемым само по себе и комплексным. Создание более благоприятных условий и предпосылок для государственного планирования социально-экономического развития является сейчас одной из важнейших задач всех разрабатываемых в развивающихся странах Востока планов и программ.

Однако сколько-нибудь значительное расширение масштабов и повышение эффективности государственного планирования в развивающихся странах — дело сложное и долговременное. Ведь оно требует фактически устранения всех отмеченных выше препятствий. На национальном уровне это означает отказ от капиталистического пути развития и проведение радикальных социально-экономических преобразований, сердцевиной которых является реальное обобществление всех важнейших средств производства.

Международный аспект совершенствования планирования в развивающихся странах связан с проблемой коренной перестройки международных экономических отношений, превращения их в подлинно равноправные и взаимовыгодные, базирующиеся на многостороннем и постоянном сотрудничестве различных государств. Определенные возможности для таких преобразований на международной арене есть уже сейчас. О них говорил на XXV съезде Л. И. Брежнев. «...При нынешнем

соотношении мировых классовых сил,— подчеркнул он,— освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений»¹³.

Итак, проблемы государственного планирования в развивающихся странах Востока суть составная часть более общей проблемы возможностей и пределов государственного воздействия на общественное развитие этих стран. И вместе с тем в планировании как в фокусе отражаются вся специфика, все трудности этого развития.

¹³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.

СОЧЕТАНИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ И РЫНКА КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Определенное распространение в странах зарубежного Востока (когда они еще не были закабалены империализмом) мелкотоварного производства, особенно в городе, несомненно, создавало предпосылки для аналогичных западным хода промышленного переворота и последующей социально-экономической эволюции. Однако совпадение втягивания этих стран в стадию машинного производства с полной или частичной потерей ими суверенитета привело к существенным отклонениям от западного образца, при котором промышленный переворот в одной сфере обуславливал подобный процесс в других сферах, включая выпуск машин машинами, а машинное производство обрело способность к быстрому, скачкообразному расширению, ограничивавшуюся лишь наличием сырья и рынка сбыта¹.

Нарождавшаяся в колониальных и полуколониальных странах местная фабрично-заводская промышленность (прежде всего легкая и добывающая) с самого начала оказывалась в чрезвычайно жестких, стесненных рамках, так как весь хозяйственный арсенал этих стран становился, как правило, придатком экономики метрополии. Возможности выхода этой промышленности на внешний рынок с его обострявшейся конкуренцией все более суживались. Рост тяжелой промышленности не только был медленным, но явно затормаживался. Понятно, что указанные обстоятельства отнюдь не способствовали здесь быстрому прогрессу машинного производства и его диверсификации. Известное внедрение иностранного капитала в экономику порабощенных стран также не решало проблемы промышленной революции, поскольку имело сравнительно узкую направленность, будучи связано в первую очередь с военно-стратегическими целями метрополии и задачами колониальной эксплуатации этих стран.

Складывавшиеся на периферии мирового капитализма столь неблагоприятные условия для промышленного переворота затрудняли и капиталистическую реорганизацию земледелия, рав-

¹ См.: К. Маркс. Капитал. Т. I. — Т. 23, с. 451.

но как и изживание застаревших форм общинного землепользования, хотя товарно-денежные отношения, говоря словами Ф. Энгельса, уже уничтожали «общую собственность на поля»².

Из истории европейского капитализма известно, что крупная промышленность с ее машинами, как отмечал К. Маркс, «оставляет прочный базис для капиталистического земледелия, радикально экспроприрует огромное большинство сельского населения и довершает разделение земледелия и домашней деревенской промышленности, вырывая корни последней — прядение и ткачество»³.

В отношении же колонизованных стран К. Маркс писал, что «так как в колониях еще нет отделения работника от условий труда и от земли — основы последних, или такое отделение является лишь спорадическим или наблюдается на слишком ограниченном пространстве, то в колониях нет еще и обособления земледелия от промышленности, не уничтожена еще сельская домашняя промышленность. Откуда же возьмется там внутренний рынок для капитала?»⁴.

Таким образом, если при капиталистическом развитии Запада весь процесс производства регулировался «при посредстве цены продуктов»⁵, то отмеченного рода специфика формирования промышленности и сельского хозяйства в закабаленных странах сопровождалась сдерживанием естественной эволюции товарного производства. В результате ко времени политического освобождения этих стран и в первые годы после него опосредствование их экономики товарно-денежными отношениями оказывалось чаще всего незначительным либо далеко не полным. Примечательно, например, что в Пакистане в середине 50-х годов не менее 30% национального дохода создавалось вне сферы действия товарно-денежных связей; в Индии (а она уже в колониальный период была сравнительно развитой в промышленном отношении страной) даже на середину 60-х годов примерно 43% всех операций в сельской местности и 11% в городах производилось без посредства денег⁶.

Понятно, что в таких условиях стихийное действие механизма цен в многоукладном базисе не могло обеспечивать имманентные развитому товарному производству стимулы для комплексной интеграции национального хозяйства, ускорения общественного разделения труда и осуществления промышленного переворота. Политэкономически это проявлялось в серьезных отклонениях движения форм стоимости, а следовательно, и всего комплекса товарно-денежных отношений от обычных за-

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — Т. 20, с. 323.

³ К. Маркс. Капитал. Т. I, с. 758—759.

⁴ Там же, с. 778.

⁵ К. Маркс. Капитал. Т. III, Ч. 2. — Т. 25, Ч. 2, с. 455.

⁶ P. Hasan. Deficit Financing and Capital Formation, The Pakistan Experience, 1951—59. Karachi, 1962, с. 47; «The Economic Times», Bombay, 1.1.1966.

кономерностей, характерных для сравнительно интегрированной хозяйственной структуры капитализма.

Во-первых, значительные особенности здесь имело формирование категории рыночной стоимости. Разумеется, в одних и тех же отраслях промышленности освободившихся стран (по аналогии с капитализмом Запада) наблюдались различия в органическом составе капитала разных типов экономики и разных предприятий, в квалификации рабочей силы и интенсивности труда, в территориальном размещении соответствующих объектов и в ряде других факторов производства. Очевидно, и здесь была вполне реальна внутриотраслевая конкуренция, которая должна приводить к выравниванию индивидуальных стоимостей в единую рыночную стоимость. Однако теоретически неизбежный в таком случае технический прогресс в отдельно взятой области отличался в молодых суверенных государствах заметной ограниченностью в пространстве и во времени. Дело в том, что возможное как результат внутриотраслевой конкуренции повышение производительности труда не обязательно и не в равной мере охватывало все уклады, тем более докапиталистические типы хозяйств. Причина заключалась прежде всего, очевидно, в самодовлеющем характере сельской общины. Но имело значение и своеобразие складывания спроса на промышленную продукцию (в том числе в городе), определявшееся, например, различиями в национальном, социально-кастовом, религиозном составе населения или в климатических условиях. В частности, в этом контексте можно привести следующее утверждение Г. К. Широкова, относящееся к Индии: «Производство промышленных изделий, удовлетворяющих спрос иногда небольших прослоек населения, отдельных каст и т. п., было невыгодным для механизированного предприятия с характерным для него массовым и стандартным производством»⁷.

Там же, где в пределах отрасли наблюдалось все же формирование рыночной стоимости, происходило заведомое ухудшение условий воспроизводства низших форм предпринимательства либо их вытеснение фабрично-заводской промышленностью. Ввиду обычного для многоукладной экономики товарного дефицита, как и огромной безработицы, подобного рода противостояние различных укладов не могло не осложнять и без того сложные проблемы хозяйственного и социального возрождения молодых государств.

Во-вторых, существенно отличался здесь процесс межотраслевого перелива капитала, а следовательно, и становления категории цены производства. В массовых сферах производства города и деревни хозяйство велось, как правило, в докапиталистических формах (мелкотоварное и полунатуральное), что отмечалось в «Капитале» в отношении земледелия мелкого

⁷ Г. К. Широков. Индустриализация Индии. М., 1971, с. 14.

крестьянства на Западе в XIX столетии⁸. Но в то время что освободившихся странах имела место своя специфика функционирования традиционных укладов. В немалой степени она определялась (наряду с чрезвычайной стойкостью соединения ремесла и земледелия) весьма значительной степенью докапиталистической и капиталистической эксплуатации. Как отмечал на основе исследования аграрной экономики Индии В. Г. Растяников, «обширнейшие слои крестьянства производят большие массы продукта прежде всего как потребительные стоимости для самих себя. В этом самая суть натуральных типов производства. Но только под влиянием обстоятельств, не зависящих от подобного производства, эти потребительные стоимости принимают форму меновой стоимости и без каких-либо компенсаций отчуждаются у него»⁹.

Типичная для переходной разноукладной экономики разобщенность, изолированность укладов (в том числе слабая связь между укладами города и деревни), осложненная социально-культурными, религиозными, языковыми и прочими различиями, представляла собой серьезную преграду для ликвидации присущей национальному хозяйству молодых государств дезинтеграции и производства и рынка. (О степени дезинтеграции рынка, к примеру, можно судить на том основании, что с точки зрения демографической структуры, покупательной способности и характера спроса потребителя в многоукладной экономике прослеживалась довольно четкая дифференциация между городским и сельским рынками, равно как и внутри последнего). В итоге всего этого, в том числе ввиду сохранения чуждых капитализму остатков прежних укладов, в освободившихся странах, заинтересованных в форсированном экономическом развитии и, как правило, в известном «достраивании» капитализма, перелив капитала, выравнивание нормы прибыли и превращение стоимости в цену производства были существенно затруднены.

Имелись также другие причины, которые сдерживали обычное для капитализма движение форм стоимости, тормозили постоянное выравнивание постоянно возникающих неравенств. Так, в экономически слабо развитой структуре прослеживалась сравнительно малая подвижность капитала; она проявлялась в трудностях его перелива между разными отраслями и территориями, в ограниченности регионального рассредоточения кредитно-банковской системы, в слабости предпринимательской инициативы. Немаловажное значение имела скованность свободы торговли, предопределявшаяся недостаточным развитием сети дорог и транспортных средств, равно как возникновением в ряде стран капиталистических монополий.

К числу факторов, серьезно тормозивших движение капита-

⁸ См.: К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. I. — Т. 25. Ч. 1, с. 215.

⁹ В. Г. Растяников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 126.

ла, а следовательно, и развитие форм стоимости, относились и свойственные освободившимся странам определенные затруднения с перемещением рабочей силы между различными отраслями и районами, что нередко увеличивало неравномерность плотности населения. Показательно, что Плановая комиссия Индии подчеркивала на заре независимости необходимость стимулирования большей мобильности рабочей силы и обеспечения порядка миграции между территориями с неодинаковой плотностью населения; при этом было заявлено, что вертикальная мобильность труда не менее важна, чем горизонтальная, ибо ничто так не подрывает надежды и усилия человека, как сознание своего низкого социального происхождения или положения¹⁰. Нельзя не упомянуть и о наблюдавшихся в рабочем классе проявлениях таких традиционных черт, как сезонность, коммуналлизм, сравнительно узкая профессионализация и др., которые, вне сомнения, сдерживали подчинение рабочих капиталистическому способу производства, т. е. становление пролетариев как определенного класса¹¹. Надо отметить и то, что характерная для бывших колониальных и полуколониальных стран крайне гипертрофированная резервная армия труда далеко превышала соответствующую категорию раннебуржуазного этапа европейских государств и ощутимо препятствовала ослаблению застойности докапиталистических типов хозяйства.

Таким образом, многоукладность структуры рассматриваемых стран и ограниченность в них условий для перелива капитала сдерживали возможности отраслевой и межотраслевой конкуренции, что, со своей стороны, лишало экономической базис этих стран соответствующих (хотя и далеко не оптимальных) импульсов движения и обрекало их национальное хозяйство на явно выраженную стагнацию. Экономическая действительность государств освободившегося мира наглядно подтверждала известный тезис К. Маркса о том, что для образования цены производства требуется «более высокое развитие капиталистического способа производства, чем для установления одинаковой рыночной стоимости и рыночной цены»¹².

Сохранение освободившихся стран в системе мирового капитализма во многом оставляло их на положении эксплуатируемой периферии вследствие относительно слабого развития производительных сил, сравнительно высоких национальных издержек производства и т. д.

¹⁰ Second Five Year Plan, Delhi, 1956, с. 22.

¹¹ В данной связи заслуживает упоминания следующая постановка вопроса А. И. Левковским: «Налицо относительно сепаратное бытие мануфактурных, фабричных, торговых и сельскохозяйственных рабочих, которых вдобавок ко всему еще прорезывают деления на постоянных и временных, местных и пришлых рабочих, по принадлежности к той или иной вере, к той или иной общине и т. д.» (см.: «Рабочий класс и современный мир». М., 1975, № 2, с. 146).

¹² К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. I, с. 197.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что в сложившихся в этих странах к моменту их политического освобождения условиях именно государство (правительство) должно было выступить в качестве решающей силы, призванной посредством активной экономической политики, включая государственный капитализм, гарантировать основные предпосылки для преодоления отсталости национального хозяйства, для его интеграции и диверсификации.

Прежде всего сам факт принятия в многоукладной экономике курса на планируемое создание и стимулирование современной промышленности должен был сыграть важную роль с точки зрения решения задачи скорейшей структурной перестройки общественного производства. К. Маркс пишет: «Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму производственного процесса как окончательную. Поэтому ее технический базис революционен, между тем как у всех прежних способов производства базис был по существу консервативен... Посредством внедрения машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда»¹³.

В целом, будучи направлена на создание смешанной экономики, политика государства в освободившемся мире предполагала осуществление «всеобъемлющего» планирования и контроля¹⁴. Между тем эта «всеобъемлемость» оказывалась в разных странах весьма различной. Глубина и последовательность предусматриваемых планами и регулируемыми мерами структурных сдвигов и темпов роста определялись в значительной степени как соотношением и взаимодействием различных укладов, природой власти и расстановкой классовых сил, так и в совокупности взаимозависимостью базиса и надстройки в соответствующих странах. Иначе говоря, социально-экономическая пестрота многоукладного общества исключала единообразие в подходе к целям и масштабам планирования.

Указанные обстоятельства (наряду со значительными вариациями в уровне развития экономики, ее дезинтегрированности и диверсификации) обусловили применение в переходной экономике довольно дифференцированного набора инструментов планирования и регулирования. В итоге их можно сгруппировать следующим образом: а) индикативные, т. е. непосредственно стоимостные методы — главным образом фискальная и кредитно-денежная политика; б) физические, или административные, т. е. в основном внестоимостные средства воздействия на экономику, куда следует отнести и прямое управление хозяйственными

¹³ К. Маркс. Капитал. Т. I, с. 497—498.

¹⁴ См.: «Economic Bulletin for Asia and the Pacific». Bangkok, 1974, № 2/3, September/December, с. 55.

ми процессами, связанное с планируемым распределением инвестиций государственного сектора и осуществлением иных форм огосударствления производительных сил (фактически директивное планирование).

Как свидетельствует опыт, даже в государствах откровенно капиталистической ориентации, возлагающих большие надежды на рыночный механизм, предпринимаются существенные усилия для поддержания определенных пропорций в национальном хозяйстве, для подъема ключевых отраслей промышленности, регулирования иностранных инвестиций и т. д. В Турции с ее явным упором на частное предпринимательство еще к концу 50-х годов было официально признано, что без плана и силами частного сектора возможно лишь медленное и одностороннее экономическое развитие¹⁵. В Пакистане уже в первом плановом пятилетии (1955—1959) намечалось в качестве одной из главных целей использование сельскохозяйственных излишков для стимулирования находившейся в младенческом состоянии обрабатывающей промышленности, доля которой в 1950 г. составляла лишь 1,4% валового национального продукта¹⁶. В Таиланде, где все еще сильно влияние иностранного капитала, объективные потребности подъема экономики нашли проявление в определенном расширении с 60-х годов государственного сектора в промышленности¹⁷.

В Индии с первых лет независимости планирование было нацелено на максимально эффективное использование имеющихся людских и материальных ресурсов в целях получения большего количества товаров и услуг, равно как на снижение неравенства в доходах, богатстве и возможностях. Подобного рода подход предполагалось применить не только к государственному сектору, но и к другим укладам. Как следствие провозглашения на заре независимости более радикальной, чем в упомянутых выше странах, программы социальные аспекты планирования приобретали здесь осязаемое звучание. Указывалось, например, что экономическая политика и институциональные изменения должны планироваться с таким расчетом, чтобы гарантировать хозяйственный прогресс на демократической и равноправной основе¹⁸. Кроме того, подчеркивалось, что такие категории, как частное предпринимательство, свободное ценообразование, частное управление, должны содействовать социальным преобразованиям и могут быть оправданы лишь с точки зрения социальных результатов. При этом Плановая комиссия Индии замечала, что

¹⁵ Е. И. Уразова. Турция: проблемы финансирования экономического развития. М., 1974, с. 4.

¹⁶ India, Pakistan and the West. 4th ed. L., 1965, с. 155.

¹⁷ См.: Экономическая политика и государственный капитализм в странах Востока. М., 1972, с. 293.

¹⁸ Second Five Year Plan, с. 24. Уместно заметить, что под понятием «демократия» понимался «скорее образ жизни, чем какой-то набор институциональных преобразований» (там же).

фактором решающего значения будет становление государственного сектора как доминирующего и эффективного компонента национального хозяйства, что позволит ему во все большей степени брать на себя ответственность за командные высоты в производстве и распределении капитальных и потребительских товаров, за направление развития всей экономики¹⁹.

Полнее и последовательнее позитивные аспекты планирования внедряются в странах, избравших социалистическую ориентацию. В данном случае планирование становится рычагом более или менее решительных социально-экономических преобразований антиимпериалистического, антифеодалного и в значительной мере антикапиталистического характера. Наблюдающиеся здесь значительные масштабы национализации частной местной и иностранной собственности, как и размах государственного строительства, объективно расширяют возможности внедрения в экономику планового начала и пропорциональности. В Сирии в конце 1975 г. учреждены укрупненные управления в машиностроении, в химической промышленности и жилищном строительстве, которые действуют на основе государственных планов экономического подъема²⁰. Именно при значительном огосударствлении производительных сил в такого рода странах предпринимаются более конструктивные, чем где-либо в развивающемся мире, попытки осуществлять долгосрочное планирование, роль которого во многом сводится к содействию качественным изменениям в развивающейся экономике и социальной сфере²¹.

Показателем основательности постановки планирования в странах социалистической ориентации может служить и признание необходимости демократизации планового процесса. В Хартии Фронта национального освобождения Алжира (1964 г.) говорилось: «Не может быть плана без сознательного участия и активного содействия трудящихся... Это участие должно осуществляться не только для защиты планирования против его противников, не только для контроля над его выполнением, но также и в особенности для выработки плана»²².

Для понимания существа сложившейся в развивающихся странах системы планирования представляется уместным рассмотреть вопрос, каким образом соответствующие приемы и формы планового регулирования экономики увязываются с функционированием рыночных отношений. Это тем более целесообразно, что утвердившаяся в данных странах система хозяйствования предполагает сочетание планирования и действия механизма цен в рамках смешанной структуры хозяйства. На-

¹⁹ Fourth Five Year Plan, 1969—74. Delhi, 1970, с. 28.

²⁰ «Monthly Survey of Arab Economics», Damascus, 11.XII.1975, с. 23.

²¹ См.: Теория и методология планирования в развивающихся странах. М., 1978, с. 116.

²² La Charte d'Alger. Constantine, 1964, с. 31.

званная модель выступает здесь едва ли не как основной принцип формирующегося хозяйственного организма, нацеленного на интеграцию и повышение эффективности экономики.

Абстрактно говоря, в какой мере осуществление общего планирования сопровождается внедрением тех или иных пропорций воспроизводства, в такой мере можно ожидать содействия развитию категории стоимости, а следовательно, интеграции и наращиванию производства. Применяется ли планируемое расширение новых областей хозяйства (в том числе в госсекторе), активизируется ли производство при помощи налоговых, кредитных мер, использования амортизационных фондов либо прямого контроля, лицензирования или других подобных рычагов — все это, по существу, благоприятствует увязыванию товарного предложения и платежеспособного спроса в пределах одних и тех же отраслей. В результате намечается известная рационализация условий формирования рыночной стоимости. Форсируемые планами перераспределение капитала и рабочего персонала между отдельными сферами производства и территориями и диверсификация деловой активности не могут не способствовать распространению категории цены производства. При прочих равных условиях может усиливаться соответствие между продажной ценой и рыночной стоимостью (а значит, и ценой производства). В этой связи чрезвычайно показательным выдвинутое Плановой комиссией Индии в начале 60-х годов положение о том, что, несмотря на дефицит функционирующего в стране капитала, кредитная политика должна в основном гарантировать соответствие между платой за ссудный капитал и его реальной стоимостью²³.

Следовательно, планирование, включая различного рода контроль и регулирование переходной экономики, способно воспрепятствовать складыванию неоправданно высоких рыночных цен, характерных для конъюнктуры товарного дефицита, и тем самым облегчить дальнейшее наращивание объема выпускаемой продукции. В этом, несомненно, заключается позитив обусловливаемых планированием перспектив сближения принципа и практики эквивалентного обмена. Примечательным в данном контексте представляется утверждение Плановой комиссии Индии о том, что стабильные и обоснованные цены, на которые рассчитывает фермер, выращивая свою продукцию, по-видимому, означают для него больший стимул, чем высокие, но колеблющиеся, неустойчивые цены²⁴.

Таким образом, планирование объективно призвано способствовать рационализации движения стоимостных категорий, а тем самым и улучшению условий функционирования всего общественного хозяйства. Вероятность такого исхода при соответ-

²³ Third Five Year Plan. Delhi, 1961, с. 128.

²⁴ Там же, с. 125.

ствующем физическом росте и диверсификации производства вытекает, в частности, из следующей закономерности, отмеченной К. Марксом: «Если же количество общественного труда, затраченного на производство определенного товара, соответствует размерам подлежащей удовлетворению общественной потребности, так что произведенная масса продукта соответствует обычному масштабу воспроизводства при неизменном спросе, то товар продается по его рыночной стоимости. Обмен или продажа товаров по их стоимости есть рациональный принцип, естественный закон их равновесия...»²⁵. Понятно, однако, что для превращения такой возможности в действительность требуется подлинное огосударствление и обобществление основных средств производства, что, конечно же, немыслимо без последовательного преобразования многоукладной структуры. Весьма примечательным в данной связи представляется утверждение Плановой комиссии Индии, что в слаборазвитой экономике «развитие крупного государственного сектора и кооперативного сектора — это важные условия содействия переходу к социализму»²⁶.

Кроме того, целенаправленное использование преимуществ планирования в перспективе может содействовать контролируемому снижению самой рыночной стоимости (и цены производства), а это может дать реальный эффект в отношении затормаживания инфляции, равно как и повышения покупательной способности населения и увеличения конкурентоспособности национальной продукции на внутреннем и международном рынках. В данной области роль пионера в развивающихся странах может выполнять прежде всего государственный сектор. Так, правительство Индии неоднократно рекомендовало государственным предприятиям, могущим выпускать более дешевые товары по сравнению с частным сектором, устанавливать отпускные цены ниже рыночного уровня. Существо проблемы заключается в том, что, поскольку, как указывал К. Маркс, рыночная стоимость может выступать как индивидуальная стоимость товаров при средних условиях данного вида массового производства²⁷, постольку возобладание объектов госсектора в этом виде производства становится во многом определяющим фактором формирования общественной стоимости соответствующей продукции. Так можно добиться более эффективного снижения отклонений рыночной цены от стоимости. Наибольший эффект в этом отношении позволяет получить именно директивное планирование, условием которого является та либо иная степень огосударствления производительных сил.

Вместе с тем, как свидетельствует конкретика развивающегося мира, трудности обеспечения научно обоснованных и эффективных стоимостных рычагов планирования (в том числе из-

²⁵ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. I, с. 205.

²⁶ Third Five Year Plan, с. 10.

²⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. I, с. 195.

за огромных масштабов мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов в городе и деревне и сравнительно низкого общего развития производства) ставят серьезные преграды сколько-нибудь быстрому преодолению стихийности товарно-денежных отношений в многоукладной экономике. Вот почему в освободившихся странах еще на заре планирования применялся целый ряд внеэкономических (внестоимостных) методов регулирования национального хозяйства, направленных в большей мере на сдерживание, нежели на развертывание, стоимостных связей. К таким, преимущественно прямым административным рычагам относятся, например, разграничение сфер действия госкапиталистического и частнохозяйственных укладов, внедрение многочисленных видов официального контроля (над размещением акционерного капитала, над ценами, внешней торговлей, иностранной валютой), лицензирование промышленности.

Отличительной чертой административных внеэкономических методов регулирования является широкая амплитуда колебаний в воздействии на стоимостные отношения: от полного предотвращения свободы действия механизма цен в областях, страдающих от разрушительной конкуренции, до поощрения определенной конкуренции в условиях нового предпринимательства. В то же время обращает на себя внимание большая или меньшая социальная направленность указанных способов планирования и регулирования.

Так, невозможность ускоренной перестройки дезинтегрированной структуры на основе крупного машинного производства зачастую побуждает правительства освободившихся стран принимать протекционистские меры в отношении различных отраслей полунатурального, мелкотоварного и мелкокапиталистического производства, составляющих сферу массовой занятости. Эти меры, наиболее типичные для государств, в которых предусматривается то или иное ограничение большого бизнеса, включают резервирование за упомянутого рода низшими укладами и хозяйственными подразделениями преимущественного или даже исключительного права на выпуск какой-то продукции, предоставление им льгот в снабжении товарами и услугами, организацию либо субсидирование сбыта их продукции, стимулирование их производственных связей с фабрично-заводской промышленностью. Тем же целям служит и предпринимаемая перестройка мелкого производства посредством создания специальных корпораций финансирования, аграрно-промышленных комплексов и т. д., что открывает для названных укладов возможности приобщения к современной технике и технологии (указанная практика наблюдается, например, в Индии, Шри-Ланке, Бангладеш, в ряде стран социалистической ориентации, таких, как Бирма и Алжир). Нередко происходящая при этом деформация эквивалентных отношений и закона стоимости означает не что иное, как перераспределение в пользу низших

укладов части стоимости, создаваемой в соответствующих отраслях. Правда, наряду с экстенсивным расширением национальных производительных сил в данном случае наблюдается некоторое сдерживание роста их вглубь, т. е. торможение их интенсификации.

Типичным примером существенной деформации эквивалентных, точнее — меновых, пропорций, обусловливаемой административными методами планирования, может служить также контроль над ценами, предпринимаемый в сфере обращения. Введенный во многих странах контроль над ценами и распределением разнообразной продукции производительного и потребительского назначения, с одной стороны, призван обеспечивать предложение товаров первой необходимости и дефицитной продукции по сравнительно умеренным ценам. Это тем более необходимо, что в ряде развивающихся стран принят, по сути дела, временный курс на несбалансированный рост, предусматривающий приоритетное развитие тех или иных решающих областей, таких, как импортзамещающие либо новейшие виды производства. Данный контроль предпринимается в различных странах, в сущности, прежде всего для обеспечения гарантированного минимума заработной платы наемного персонала. Это, вне сомнения, может способствовать распределению средств существования (заработной платы) в большем соответствии со стоимостью (ценой) рабочей силы и тем самым стимулировать рост производства. Не случайно в ряде развивающихся государств такой контроль над ценами нередко дополняется практикой льготной государственной либо кооперативной торговли потребительскими товарами (Шри Ланка, Индия и др.). В странах, где многие важнейшие отрасли промышленности сосредоточены в основном в государственном секторе, регулирование ценообразования нацелено вместе с тем на ограничение монопольных позиций соответствующих предприятий. Так было, например, в Бангладеш, где госсектор занимал господствующее положение в производстве удобрений, джутовых изделий, цемента, бумаги, сахара и некоторых других товаров²⁸. С другой стороны, контроль над ценами вызывается стремлением гарантировать определенную прибыль товаропроизводителям в отраслях неустойчивой конъюнктуры, чрезвычайно характерной прежде всего для сельского хозяйства.

Как следствие внедрения административных мер планирования, и регулирования в том числе, происходит известная, нередко неизбежная, деформация меновых пропорций и в государственном секторе. В основном это связано с его отраслевой специализацией, ибо, как отмечалось выше, он преимущественно ориентирован на создание либо развитие инфраструктуры, а по-

²⁸ The First Five Year Plan, 1973—1978. Planning Commission. Government of the People's Republic of Bangladesh. Dacca, 1973, с. 261.

рой и важнейших ключевых, базисных подразделений промышленности, отличающихся крупными капиталовложениями, как и замедленным оборотом средств. В Индии уже в период выполнения второго пятилетнего плана (1956—1960) инвестиции госсектора, направлявшиеся в фабрично-заводскую промышленность, составляли 56% общих вложений (государственных и частных) в промышленность²⁹.

Из-за свойственных развивающимся странам особых условий строительства капиталоемких, технологически сложных объектов в госсекторе этих стран складывается положение, во многом аналогичное тому, о котором упоминал К. Маркс в «Капитале». Он отмечал, что «на менее развитых ступенях капиталистического производства предприятия, требующие продолжительного рабочего периода и, следовательно, крупных затрат капитала на продолжительное время, — особенно, если они осуществимы только в большом масштабе, — ведутся» в основном «не капиталистически, а на общественный или государственный счет, как, например, проведение дорог, каналов и т. п. (в прежние времена... такие работы большей частью осуществлялись путем применения принудительного труда)»³⁰. Это значит, что какое-либо новое производство может осваиваться, так сказать, любой ценой.

Подобная трансформация стоимостных пропорций имеет место и на стадии функционирования госпредприятий — в тех случаях, когда в целях интеграции хозяйства или в интересах решения конкретных социальных задач предполагается фиксирование льготных цен на продукцию и услуги этих предприятий. Степень отклонения продажных цен от стоимости при этом разнится в зависимости от специфики положения госпредприятий на рынке сбыта³¹.

Уместно заметить, что, хотя данного рода физическое планирование (регулирование) в принципе ограничивает свободу действия механизма цен, оно тем не менее может и способствовать определению упорядоченности стоимостных связей. К примеру, происходящее в рамках контролируемого ценообразования фиксирование твердых цен нередко ориентируется на складывающуюся в каком-либо национальном хозяйстве среднюю норму прибыли, содействуя распространению, в сущности, категории цены производства.

Очевидно, однако, что даже самое совершенное планирование и даже в самом развитом товарном производстве не гарантирует обеспечения идеальных воспроизводственных пропорций

²⁹ Third Five Year Plan, с. 39.

³⁰ К. Маркс. Капитал. Т. II. — Т. 24, с. 262—263.

³¹ В общем виде условия сбыта определяются тем, действуют ли данные объекты как монополии (либо полумонополии), или они оперируют в рамках отраслевого контроля либо функционируют по законам рыночной конкуренции.

(хотя бы из-за случайностей в колебаниях спроса). Тем более идеальные пропорции недостижимы в многоукладной, дезинтегрированной экономике. Вследствие этого в освободившихся странах, причем не только капиталистического пути развития, предусматривается дополнение либо корректировка государственного регулирования рынком и конкуренцией.

Разумеется, сохранение конкуренции не может не означать растрачивания попусту какой-то части национальных стоимостей. Однако планирование позволяет поставить конкуренции определенные пределы, исключив возможности ее безудержного роста. В то же время предполагается, что конкуренция в слабо-развитой экономике будет в известной мере способствовать хозяйственному и техническому прогрессу. Суть, во-первых, в том, что если имеет место определенное давление поставщиков одготипных товаров друг на друга, то в некоторых своих аспектах конкуренция может действительно сопровождаться улучшением производственных показателей соответствующих предприятий: повышением качества либо увеличением количества выпускаемой продукции. Естественно, что в данных обстоятельствах каждый отдельный товаропроизводитель заинтересован в удешевлении продукции путем повышения производительности труда, коль скоро это способствует возрастанию массы прибыли за счет увеличения количества выбрасываемых на рынок товаров. Во-вторых, немаловажное значение для роста производства при этом приобретают перспективы распределения средств существования (заработной платы) по стоимости³². В-третьих, поскольку конкуренция неизбежно сопровождается применением рычагов материального поощрения, это способно повысить личную заинтересованность, а последняя, как писал В. И. Ленин, поднимает производство³³. Собственно говоря, возможность активизации производства посредством регулируемой конкуренции составляет, по-видимому, одно из основных экономических обоснований осуществления в переходном обществе планирования через действие механизма цен. Только в таком контексте реально ожидать в условиях слабо-развитой экономики создания «самовозрастающей», «самообеспечивающейся» структуры, которая, как известно, является для освободившихся стран принципиально важной целью.

Характерно, что в некоторых странах, в частности в Индии, Пакистане, Таиланде, конкуренция (по местной терминологии, «здоровая конкуренция») рассматривается как фактор быстрого, стабильного и всестороннего экономического развития. В Ин-

³² Показательно, что предполагаемое в Алжире упорядочение системы оплаты в народном хозяйстве предусматривает тесное увязывание заработной платы с количеством и качеством вложенного труда («Правда», 1.V.1978).

³³ См.: В. И. Ленин. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. — Т. 44, с. 152.

дии к тому же признавалось целесообразным допускать определенное соревнование между государственными предприятиями, функционирующими в однотипных областях; за счет излишков в доходах тех госпредприятий, которые отличаются меньшими издержками, рекомендовалось материальное поощрение рабочего персонала³⁴.

И все же нельзя не отметить, что позитивное использование конкуренции (хотя бы и регулируемой) возможно, очевидно, лишь при более высоком уровне развития экономики молодых стран и большем размахе товарно-денежных отношений. Принимая во внимание общий малый производственный потенциал этих стран, следует признать целесообразность только осторожного допущения конкуренции, дабы избежать неоправданной растраты большей частью скудных национальных накоплений. Объективные потребности поддержания здесь экономического роста вширь еще далеко не исчерпаны.

Как показывает нынешняя действительность развивающихся стран Востока, внедрение хозяйственной системы, базирующейся на сочетании планирования и рыночного механизма, дало ощутимые количественные и качественные сдвиги в производительных силах. Известные успехи достигнуты в смягчении отраслевых диспропорций, в преобразовании экономической структуры, чему, кстати сказать, в большой степени способствовала концентрированная помощь стран социализма. Достаточно вспомнить показатели импортзамещения, как и улучшившиеся возможности производительной реализации капитала на внутренней основе (о чем говорилось в предыдущих главах и что так необходимо для упрочения экономической независимости молодых государств).

Определенно наметились позитивные результаты и в интеграции производства и рынка, в том числе между городской промышленностью и сельским хозяйством. Иллюстрацией последнего служит тот факт, что в некоторых странах применение тракторной тяги в районах интенсивного земледелия становится экономически более выгодным по сравнению с использованием традиционной тягловой силы. Внедряется практика проката тракторов. Например, в сравнительно развитом штате Индии, Гуджарате, создана сеть прокатных станций, и, что особенно заслуживает упоминания, их услугами пользуются даже небольшие хозяйства — от 2 до 5 акров³⁵. Процесс механизации и модернизации аграрной сферы в ряде стран заметно стимулируется расширением ирригационных возможностей, обеспечиваемых как государственным сектором, так и частными земледельческими хозяйствами. Новая технология, таким образом, начинает проникать и в мелкотоварный уклад. Все это создает важные орга-

³⁴ Parliamentary Supervision over State Undertakings. New Delhi, 1959, с. 36.

³⁵ «The Economic Times», 13.IV.1974.

низационно-технические предпосылки для преодоления отсталости экономики и интенсификации производства в обозримом будущем — интенсификации, которая в конечном счете экономически оправдывает применение комбинации планирования и рынка³⁶. Пока же освободившимся странам Востока в целом, по-видимому, удалось лишь преодолеть длительную полосу экономической стагнации.

Рассматривая воздействие сочетания планирования и рынка на социально-экономическую эволюцию развивающихся обществ, нельзя не отметить вместе с тем, что на пути оптимального использования такого комплекса в переходной экономике стоят многочисленные препятствия. Здесь и несовершенство практики планирования, и неадекватность статистических, экономических и технических данных, и весьма низкий исходный уровень развития национального хозяйства, и др. Следует также подчеркнуть объективные трудности доведения до логического конца регулирующего и контролирующего начала в системе многоукладной экономики, которые усугубляются противоречиями еще растущего (хотя и в разной степени в различных странах) частнохозяйственного капитализма.

Например, явно недостаточное увязывание контроля над ценами, осуществляемого во многих странах, с масштабами расширения денежной массы в обращении не может не исказить характера воздействия планирования на развитие соответствующих отраслей. Возникновение в данных условиях повышенного спроса на дефицитные промышленные и сельскохозяйственные товары нередко приводит в рамках централизованного ценообразования к резкому отклонению продажных цен на эти товары от их стоимости и перекачке продукции на черный рынок. Указанное обстоятельство крайне усиливает товарный голод на контролируемом рынке, что подчас сводит на нет эффективность мер государственного регулирования. Конечным результатом такого положения становится в некоторых случаях рационализация предметов первой необходимости, прежде всего продовольствия. К тому же, если острота конкуренции среди продавцов не столь значительна, чтобы принудить их вынести соответствующую массу товаров на рынок, иные товаропроизводители склонны взвинчивать цены (и прибыль) при ограничении объема производства либо создании товарных запасов в спекулятивных целях. В некоторых странах это частично объясняется также заметным притуплением иностранной конкуренции на внутрен-

³⁶ В этой связи нельзя не согласиться с существующим мнением (в том числе высказываемым в зарубежной печати), что механизация сельскохозяйственного производства на нынешнем этапе не обязательно должна сопровождаться сокращением числа занятых в земледелии развивающихся стран при условии расширения использования искусственного орошения, выращивания свыше одного урожая и применения улучшенных семян (см., например: «South Asian Review», L., 1973, vol. 6, № 3, April, с. 298).

нем рынке вследствие проведения там мер усиленного таможенного протекционизма.

Определенные просчеты иногда допускаются в методике промышленного лицензирования. Так, жестко ограничивая выпуск товаров сверх потребностей внутреннего рынка, система лицензирования в Ираке затрудняла конкуренцию между национальными компаниями и снижала возможность форсирования роста национальной индустрии.

Уместно подчеркнуть, что трудности планирования, наблюдающиеся в сельском хозяйстве, обуславливаются во многом незавершенностью либо непоследовательностью проведения реформ землевладения и землепользования (преимущественно в государствах капиталистической направленности). Сохранение значительной земельной собственности или даже увеличение ее у имущей прослойки чрезвычайно осложняет регулирование и сдерживание роста товарных цен в условиях почти хронического в отдельных государствах дефицита продукции земледелия, а также не способствует наращиванию темпов производства. В связи с этим представляется справедливым утверждение индийской газеты о том, что, коль скоро 10% сельского населения страны оперирует 52% земли и обеспечивает монополию над всеми рыночными излишками, рост цен, по-видимому, приводит лишь к раздуванию фермерских доходов без увеличения выхода продукции и предложения на рынке. По мнению газеты, более высокие товарные цены, гарантируя повышение денежных доходов, не только вызывают увеличение потребления, но способны побудить богатых хозяев к накоплению запасов в расчете на еще больший рост цен в периоды максимального спроса³⁷.

Не удивительно, что в развивающихся странах, несмотря на планирование и регулирование, сохраняются серьезные проявления стихийной конкуренции. Это связано главным образом с наличием в их экономике огромной сферы мелкого производства, поощряемого к развитию и потому не подлежащего фактически основным мерам промышленного регулирования, таким, как лицензирование или контроль над выпуском капитала. В Индии на начало 1977 г. было зарегистрировано примерно 500 тыс. объектов мелкой промышленности по сравнению с 36 тыс. в 1962 г. и 318 тыс. в 1972 г. (без учета так называемых неорганизованных сфер национальной промышленности, представленных домашней промышленностью и ремеслом)³⁸. Такого рода непланируемый, в сущности, взлет мелкого производства, сочетавшийся с возникновением в известной степени излишних мощностей, имел следствием нарастание нерегулируемой конкуренции не только между представителями низших укладов, но даже между ними и крупными товаропроизводителя-

³⁷ «The Economic Times», 9.III.1975.

³⁸ Fourth Five Year Plan, 1969—74, с. 284; «Economic and Commercial News», New Delhi, 5.III.1977, с. 11.

ми. Это свидетельствовало о сохранении здесь еще значительной дезинтеграции укладов, как и разобщенности экономических районов. В частности, по данным индийской печати, в начале 70-х годов всего примерно 5% предприятий мелкой промышленности имели непосредственные производственные связи с фабрично-заводским сектором (тогда как в Японии — около 50%)³⁹. В ряде случаев объекты мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов, особенно в экономически отсталых районах страны, весьма непрочны в финансовом отношении и крайне устарели с точки зрения технической и технологической. Местная печать не без горечи писала в связи с этим об искусственном или даже «паразитическом» росте сектора мелкой промышленности⁴⁰.

Вполне понятно, что в подобных условиях фактически бесконтрольное действие механизма цен может иметь для экономики самые отрицательные последствия. В Индии, например, размеры операций черного рынка столь велики, что, по мнению местных экономистов, он представляет собой не что иное, как «параллельную экономику». В частности, опосредствуемые «черными деньгами» сделки в стоимостном выражении оценивались в стране в первой половине 70-х годов в 200 млрд. рупий ежегодно. Подчеркивая серьезность проблемы так называемых неучтенных денег, Плановая комиссия Индии отмечала, что их рост в обращении нарушает структуру производства и потребления, направляя ее в нежелательную с социальной точки зрения сторону⁴¹.

Рассмотренные объективные и субъективные факторы ограничения и трансформации стоимостных пропорций не могут не сдерживать эффективного использования на данном этапе преимуществ сочетания планирования и рынка в целях рационализации товарно-денежных отношений и форсирования отраслевой, укладной и территориальной интеграции экономики. Представляется, что перечисленные обстоятельства в немалой степени «ответственны» за то, что происходящий в молодых государствах Востока рост национального хозяйства пока имеет в основном экстенсивный характер.

Из изложенного выше следует, что использование комбинации планирования и рынка предполагает постоянное совершенствование системы государственного регулирования экономики. Страны Востока, большей частью капиталистической ориентации, связывают свои надежды главным образом с расширением косвенных, индикативных методов планирования и усилением значимости рыночных стимулов по мере ускорения материально-технического прогресса — в противовес физиче-

³⁹ «The Economic Times» 8 XI 1975.

⁴⁰ «The Economic Times», 23 VI 1974.

⁴¹ Draft Fifth Five Year Plan, 1974—79, Vol. 1, New Delhi, 1973, с. 21.

ским, административным способам. В Пакистане еще в заявлении о промышленной политике 1959 г. говорилось, что всякий контроль над ценами на различные потребительские товары должен рассматриваться как временное ограничение, отменяемое при улучшении состояния производства либо снабжения⁴². Показательно, что в период пребывания у власти в Индии «Джаната парти» в официальных кругах все более говорили об опоре на силы рынка⁴³.

Но, как убеждает опыт практически всех развивающихся стран, их производительные силы еще не поднялись до того уровня, когда сколько-нибудь существенным инструментом экономического регулирования становились бы присущие индикативному планированию мероприятия налоговой, кредитной, амортизационной и денежной политики. Нельзя не согласиться с утверждением Плановой комиссии Индии о том, что поворотный момент в этом отношении возможен лишь на стадии, когда достигнута должная эластичность предложения жизненных средств и основных видов сырья, равно как и высокая производительность труда в сельском хозяйстве и сравнительно диверсифицированная структура промышленности⁴⁴. По сути дела, Плановая комиссия утверждала, что наиболее эффективное комбинирование рыночных категорий с планированием в рамках смешанной структуры мыслимо только при значительном и многостороннем преобразовании национального хозяйства и существенном подъеме производства в абсолютном выражении. Для слаборазвитой экономики фактически признавалась объективная необходимость сохранения различных физических, т. е. большей частью вневещных, методов регулирования национального хозяйства, хотя и настоятельно подчеркивалась при этом неотложность пересмотра и усовершенствования действующей системы контроля и лицензирования.

Не менее важно отметить, однако, что императив совершенствования системы регулирования экономики не сводится, разумеется, к обеспечению тех или иных технико-организационных коррективов, но предполагает известное углубление социально-экономических преобразований. И, конечно, это не в последнюю очередь относится к крупнейшему отраслевому подразделению развивающихся государств — сельскому хозяйству, рост и интенсификация которого безотлагательно требуют осуществления последовательных аграрных реформ. В этой связи нелишне указать на обнародованные ЭКАДВ в 1969 г. конструктивные предложения по данному вопросу, согласно которым «аграрная реформа является не просто попыткой обеспечить справедливое

⁴² Г. Г. Федорова, Государственный капитализм и развитие промышленности в Пакистане, М., 1968, с. 151.

⁴³ См., например: «Patriot», New Delhi, 18.X.1977.

⁴⁴ Draft Fifth Five Year Plan, с. 16.

распределение, но и важной предпосылкой успешного осуществления планов»⁴⁵.

Тот факт, что в странах социалистической ориентации как следствие радикальных социально-экономических преобразований неуклонно растет доля производительных сил, принадлежащих государству, безусловно, облегчает плановое внедрение основных воспроизводственных пропорций, а значит, и рационализацию товарно-денежных отношений. Использование преимуществ директивного планирования при сравнительно эффективном ходе обобществления хозяйства принципиально улучшается, ибо в этих условиях, как правило, не только уже национализированы активы крупного и отчасти среднего иностранного и местного предпринимательства в промышленности, торговле и сельском хозяйстве, но и в известной мере ограничивается частная инициатива вообще. Поскольку директивное планирование облегчает применение отраслевых и финансовых балансов, способствующих охвату всех основных сторон расширенного воспроизводства, такое планирование служит реальным залогом ускорения в переходной экономике интеграционных процессов. Действенное же обеспечение обобществления производства есть непереносимое условие того, что В. И. Ленин рассматривал как путь «к сбережению народного труда, к предотвращению бессмысленной растраты его капитализмом»⁴⁶, т. е. к достижению оптимизации использования национальных ресурсов.

Ясно, что преимущества, обеспечиваемые директивным планированием, в том числе посредством применения балансовых счетов, служат существенным аргументом в пользу форсирования темпов роста госсектора. Но при этом не следует забывать, что масштабы государственного сектора определяются прежде всего социально-политическими и экономическими условиями в конкретной стране, способностью правительства эффективно использовать вновь созданные или изъятые у частных мощностей. Излишняя поспешность в огосударствлении производительных сил способна лишь усугубить препятствия на пути прогресса освободившихся стран. Наблюдающееся во многих молодых государствах Востока сравнительно медленное освоение мощностей национализированных и вновь созданных предприятий общественного сектора, несомненно, не способствует ускорению темпов роста их экономики в целом. Это весьма болезненно ощущается и в странах социалистической ориентации, которые, как правило, характеризуются более высоким удельным весом госкапиталистического уклада в структуре национального хозяйства.

⁴⁵ Планирование и осуществление планов в районе ЭКАДВ, 1951/52—1967/68. Бангкок, 1969 (E/АС: 54/L34, с. 5).

⁴⁶ В. И. Ленин. Грозная катастрофа и как с ней бороться. — Т. 34 с. 193; см. также с. 164, 169, 176, 192.

В свете очевидной целесообразности обеспечения гибкости в сочетании методов государственного экономического регулирования с рыночным механизмом, равно как необходимости совершенствования всякой такой модели, уместно указать на неотложность всемерного повышения в развивающихся странах физических размеров национального хозяйства. Несмотря на то что во всей группе этих стран сконцентрировано до 70% населения земного шара, на нее в 1972 г. приходилось лишь 7% выпуска совокупной промышленной продукции⁴⁷. Естественно, что ввиду общего низкого уровня развития экономики рассматриваемых стран одним из непереносимых условий хозяйственного роста вширь, как, впрочем, и вглубь, является форсирование планируемого роста внутренних накоплений, а также получение этими странами определенного финансового и технического содействия извне (если соответствующие нефтедобывающие государства составляют исключение, то отнюдь не во всех отношениях).

Итак, понятно, что оптимизация сочетания планирования и рыночных отношений в указанных странах во многом зависит от степени и своевременности учета таких конкретных составляющих, как достигнутый объем производства и уровень интегрированности экономики, как темпы развития и принятая социально-экономическая стратегия, как финансовая обеспеченность планов и пр. Только при наибольшем учете такого рода факторов, по-видимому, можно ожидать достижения адекватности хозяйственного механизма назревшим задачам развития — адекватности, критерии которой представляют собой, вне сомнения, категорию исторического порядка.

На основании всего сказанного, думается, правомерно сделать следующий вывод: если в государствах развитого капитализма попытки сочетания планирования и рынка предпринимаются для сдерживания неуправляемого роста производства, смягчения структурных диспропорций и ослабления экономических кризисов, т. е. в конечном счете для спасения обреченного госмонополистического капитализма, то в развивающихся странах Востока названная комбинация используется в интересах скорейшего подъема производства и его диверсификации, т. е. прежде всего, в сущности, в целях обеспечения экстенсивного движения производительных сил. Правда, такая эмпирически складывавшаяся стратегия хозяйственного строительства в освободившихся странах с самого начала не исключала признания важности интенсификации производства, в том числе и в государственном секторе. Так, в соответствии с заданиями второго пятилетнего плана Малайзии (1971—1975) предусматривалось повысить продуктивность труда мелких крестьянских хозяйств и традиционных видов городского производства, равно как сти-

⁴⁷ «The Economic Times», 17.XII.1975.

мулировать перемещение рабочей силы в секторы с более высокой производительностью труда⁴⁸.

Как свидетельствует опыт развития бывших колоний и полуколоний, усиление экономической деятельности государства, и прежде всего внедрение определенного сочетания планирования и рынка, при всей противоречивости данного явления сопровождается в целом наращиванием масштабов материального производства и заметным упрочением внутренней базы воспроизводства. Потребности же рассматриваемых стран Востока в форсировании хозяйственного роста, как и в удовлетворении других неотложных нужд, гораздо выше достигнутых показателей.

Своеобразие положения в развивающемся мире, однако, таково, что задачей первостепенной важности все еще является широкое использование в интересах социально-экономического подъема многообразных резервов и возможностей мелкокапиталистического и мелкотоварного производства. Как известно, их роль особенно существенна в обеспечении предложения товаров производительного и потребительского назначения за счет местных ресурсов, в борьбе с безработицей. Невозможно переоценить, например, значение мелкой промышленности в снабжении современных секторов национальной экономики некоторыми компонентами и полуфабрикатами. В свою очередь, велики не используемые еще полностью потенции фабрично-заводской промышленности в снабжении деревни сельскохозяйственным инвентарем, удобрениями и прочими насущными средствами труда, без чего немыслима сколько-нибудь реальная индустриализация земледелия в развивающихся странах.

Естественно, что неизбежная при этом некоторая консервация низших форм предпринимательства, характеризующихся преимущественно трудоинтенсивными методами, не благоприятствует ускорению накопления, а следовательно, повышению темпов экономического роста и сокращению углубляющегося, в частности по данной причине, разрыва между промышленно развитыми и развивающимися государствами. Вместе с тем сохраняющаяся разноукладность экономики, дезинтегрированность ее является серьезным тормозом на пути активизации системы сочетания планирования и рыночных отношений, как раз и призванного содействовать преодолению отставания развивающихся стран.

Безусловно, заслуживает быть отмеченным тот факт, что целенаправленное регулирование экономики в указанных странах ощутимо тормозится политикой неокOLONIALИЗМА, проводимой империалистическими державами и нацеленной на продолжение эксплуатации и ограбления национальных богатств освобожденного мира. Как указывалось на состоявшейся в Алжире в

⁴⁸ «Economic Bulletin for Asia and the Pacific», 1974, № 2/3, с. 58.

1973 г. конференции неприсоединившихся стран, «империализм не только противодействует экономическому и социальному прогрессу развивающихся стран, но и занимает агрессивную позицию в отношении тех, кто выступает против его замыслов, а также пытается навязать им политические, социальные и экономические структуры, которые благоприятствуют иностранному господству, зависимости или неокOLONIALИЗМУ»⁴⁹. Стабилизация и регулирование экономики молодых суверенных государств затрудняется также неустойчивой конъюнктурой мирового капиталистического рынка, характеризующейся валютно-финансовыми потрясениями, колебаниями деловой активности и т. п. Проблема осложняется тем, что на протяжении многих лет так называемые ножицы цен сдерживали экспортные возможности развивающихся стран по сравнению с индустриальными капиталистическими государствами. Для развивающихся государств, как известно, характерен вывоз продукции преимущественно первичных отраслей (сельского хозяйства и добывающей промышленности), а для развитых капиталистических — главным образом продукции обрабатывающей промышленности. Вместе с тем промышленные изделия, на которые приходится в совокупности до 2/3 импортных затрат развивающихся стран, по росту цен практически неуклонно опережали сырьевые товары (до 1973 г.). Поэтому бывшие колониальные и полуколониальные страны все настойчивее добиваются упорядочения своих экономических взаимоотношений с мировым капиталистическим хозяйством (в первую очередь торговых связей), с тем чтобы добиться улучшения условий интегрирования национальной экономики в мировой системе.

Внедренная по инициативе ЮНКТАД в 1971—1972 гг. схема общих преференций для стимулирования экспорта развивающихся стран не оправдала связывавшихся с ней надежд. Эта система предусматривает более свободный и льготный ввоз полуфабрикатов и готовых промышленных изделий из развивающихся стран в индустриально развитые государства. Причина явно недостаточной эффективности названной программы состоит не только в низкой конкурентоспособности широкого круга промышленных товаров освободившихся стран на мировом рынке. Имеет значение и то, что преференции носят временный и добровольный характер, а практика их осуществления не свободна от лазеек для их обхода. Известно и то, что некоторые государства, например США и Канада, весьма долго и настойчиво тормозили реализацию этой системы.

Наблюдаются и другие значительные препятствия широкому распространению названной схемы преференций. К ним относятся: а) исключение развитыми капиталистическими государ-

⁴⁹ Движение неприсоединения в документах и материалах. М., 1975, с. 233—234.

ствами тех или иных товаров из соответствующего списка (в частности, для защиты собственного производства); б) предоставление фактически номинальных преференциальных скидок в тарифах; в) установление ограничительных импортных квот и т. д. В качестве примеров можно указать на отказ государств Европейского экономического сообщества пойти на какие-либо уступки в отношении условий импорта в эти государства обуви, текстиля, изделий из джута и койры⁵⁰, равно как отказ Японии предоставить тарифные льготы на ввоз в нее текстиля и промышленного сырья. Что же касается продуктов сельского хозяйства и добывающей промышленности, то многие из них просто не включены в преференциальные списки. Помимо того не редкое среди развитых капиталистических стран стремление к большему взаимному кооперированию и интеграции обуславливает расширение между ними региональной торговли, тогда как развивающиеся страны сталкиваются в своем экспорте с дополнительными трудностями в виде более высоких расходов на фрахт и длительных сроков транспортировки товарной продукции.

Даже сейчас, в условиях небывалого скачка цен на многие сырьевые материалы на мировом рынке, этот скачок отнюдь не во всех случаях соответствует непрекращающемуся повышению цен на промышленные изделия. Взять, к примеру, столь важное техническое сырье, как каучук. Мировые цены на него и после 1973 г. продолжали какое-то время снижаться, хотя и не в прежних размерах. Кроме того, в середине 70-х годов Запад резко повысил цены на свои товары под предлогом компенсации потерь от роста цен на нефть.

В данном контексте представляются весьма показательными заявления, сделанные на VIII Азиатской региональной конференции Международной организации труда в октябре 1975 г. В частности, глава индийской делегации говорил о том, что происходившее на мировом рынке до недавнего прошлого падение цен на сырьевые материалы, вывозимые из развивающегося мира, наряду с ростом цен на промышленные изделия, экспортируемые развитыми государствами, имело следствием снижение импортных возможностей развивающихся стран в 6 раз по сравнению с общей величиной полученных ими за сопоставимый период займов от МБРР. Индийский представитель заявил, что диспропорции, проистекающие из фактически неравного статуса освободившихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве, не могут быть устранены посредством рыночного механизма, что действие последнего увековечивает и усугубляет их. Существующий порядок нерационален и должен быть изменен — таков был лейтмотив упомянутого выступления⁵¹.

⁵⁰ В 1977 г. «Общий рынок» принял решение вообще ограничить ввоз текстильных изделий из азиатских стран.

⁵¹ См.: «Times of India», New Delhi, 19.X.1975.

О важности ограничения стихии мирового рынка представители развивающихся государств говорили и на IV сессии ЮНКТАД в Найроби (Кения) в мае 1976 г. В августе 1976 г. на конференции неприсоединившихся стран в Коломбо (Шри-Ланка) настоятельно подчеркивалась давно назревшая потребность в установлении нового международного экономического порядка. В принятой в Коломбо декларации указывалось на необходимость расширять экономическое сотрудничество, укреплять солидарность и координировать действия развивающихся стран, чтобы противостоять попыткам империализма внести раскол в их ряды и оказать на них экономическое давление. Подобные требования стали обычным явлением на различных форумах развивающихся государств.

Большой резонанс у общественности освободившихся стран вызвало Заявление Советского правительства, сделанное в октябре 1976 г. В нем подчеркивалось, что СССР, «руководствуясь своим неизменным курсом на упрочение мира, на оздоровление всей системы международных экономических отношений, последовательно выступает за их перестройку на демократической и справедливой основе. При этом он исходит из того, что коренные интересы социалистических стран и развивающихся государств в этой области в основном совпадают. Социалистические государства твердо выступают против дискриминационной политики в любых ее проявлениях, против эксплуатации развивающихся стран»⁵².

В обобщенном виде под лозунгом нового мирового экономического порядка понимается кардинальная перестройка внешних хозяйственных связей, устранение прецедента неэквивалентного обмена, обеспечение равноправного участия развивающихся стран в решении мировых валютно-финансовых проблем, установление контроля над деятельностью межнациональных корпораций и т. д. Другими словами, речь идет о необходимости внедрения определенных элементов планирования в общие мирохозяйственные связи. Эта проблема, как ее ставят передовые силы развивающихся стран, заключается в том, чтобы подорвать навсегда базу империалистической эксплуатации и дискриминации, опираясь при этом на действительно справедливые, равноправные и взаимовыгодные связи, сложившиеся между развивающимися и социалистическими государствами⁵³.

Однако, как показывают результаты различных совещаний по конкретным проблемам перестройки международных экономических отношений, например по вопросам учреждения общего фонда финансирования резервных запасов сырьевых материалов (ноябрь—декабрь 1977 г.), урегулирования проблемы задолженности молодых суверенных стран (март 1978 г.), пред-

⁵² «Правда», 5.X.1976.

⁵³ См.: «Проблемы мира и социализма», 1977, № 5 (225), с. 25.

ставители капиталистических держав «создают лишь видимость делового обсуждения назревших проблем. На деле они препятствуют их решению на справедливой, универсальной, взаимоприемлемой для всех стран основе, добиваясь такого „компромисса“, который отвечал бы в первую очередь их собственным интересам»⁵⁴.

Проходившая весной 1979 г. в Маниле V сессия ЮНКТАД выявила дальнейшее углубление и обострение противоречий между развивающимся миром и ведущими капиталистическими державами, политика которых является «главным препятствием на пути установления нового мирового экономического порядка на принципах равноправия и справедливости»⁵⁵.

Заключая, следует признать бесспорным, что в рамках сочетания планирования и рынка в развивающемся мире впервые начинает складываться объективно динамичный механизм хозяйствования. Несомненно также, что значимость планируемых товарных связей здесь возрастает, а это, в свою очередь, требует упорядочения не только внутренних, но и мирохозяйственных отношений. Бесспорно и то, что наиболее эффективным формирующийся механизм хозяйствования может стать только при радикальных социально-экономических преобразованиях, которые знаменуют собой выход на прогрессивный путь развития.

⁵⁴ «Правда», 17 VIII 1978.

⁵⁵ «Правда», 4.VI.1979.

Классовая и политическая борьба в странах Востока

**ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО
РАЗВИТИЯ ВОСТОКА
НА НЫНЕШНЕМ ЭТАПЕ****Современные условия классовой
и политической борьбы**

Марксистско-ленинской наукой открыты общие законы классовой борьбы и определяемой ею борьбы политической. Но конкретные проявления общих закономерностей весьма специфичны. В зависимости от географических, исторических и прочих условий они отличаются местным национальным, социальным и духовным колоритом, характерным для общественного бытия каждого народа. Решающую роль при этом играют исторически сложившиеся различия в путях, темпах и уровнях развития тех или иных стран, регионов и даже континентов. Указанные различия не являются вечными и неизменными, как это пытаются утверждать буржуазные идеологи, а представляют собой как бы фиксирование результата, полученного на данном этапе непрекращающегося исторического процесса. На следующем этапе результат может быть иным и, следовательно, иными могут быть различия, не только складывающиеся, но и меняющиеся (а иногда даже исчезающие) в ходе исторического процесса.

Излюбленный тезис буржуазных идеологов — якобы «извечная» противоположность Востока и Запада. Для подлинно научного, марксистско-ленинского востоковедения речь может идти не о «фатально изначальном» несходстве Востока и Запада, а о том, как и в каких формах проявляются в современных странах Азии и Африки общие закономерности исторического развития человеческого общества. При этом следует иметь в виду, что единого Востока не существует, так же как нет и единого Запада, единой Европы или единой Америки. Между различными регионами (а внутри их между отдельными странами) Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Северной и Тропической Африки общего не больше, чем, например, между Канадой и Латинской Америкой, Скандинавией и европейским Средиземноморьем. Природное и культурно-этническое многообразие афро-азиатского мира, самобытность этногенеза, исторических

миграций и исторических судеб населяющих его народов во многом определили специфику форм общественного развития в большинстве стран Востока.

Все большее «осовременивание» этих стран, все усиливающееся воздействие на них достижений научно-технической революции, общий (хотя и более медленный, чем в развитых странах) рост производительных сил и модернизация экономики, внедрение в традиционное восточное общество более динамичных и прогрессивных экономических, социальных и политических структур происходят буквально на наших глазах. Сегодня мы присутствуем уже при завершении процесса, отмеченного К. Марксом и Ф. Энгельсом более 100 лет назад: «Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни»¹. Разумеется, в Азии и Африке этот процесс протекал по-иному прежде всего в силу сохранения большинства самодельного населения в орбите допромышленных укладов. Это обстоятельство и сейчас накладывает свою печать на характер классовой и политической борьбы в афро-азиатских странах.

Не преуменьшая степени «осовременивания» Востока, в первую очередь его вовлеченности в мировой революционный процесс и систему все более расширяющихся всемирных хозяйственных связей, попытаемся разобраться, как и в какой степени происходит это «осовременивание», как приемлет его специфическая афро-азиатская среда, какие новые формы общественной жизни при этом рождаются.

Весь комплекс проблем, касающихся специфических особенностей общественного развития афро-азиатского мира (географических, этнических, экономических, социальных, культурных, психологических), самым непосредственным образом воздействует на ход классовой и политической борьбы на Востоке. Поэтому следует рассмотреть условия данной борьбы, что поможет правильнее понять ее развитие и результаты.

1. Прежде всего бросается в глаза исключительная устойчивость традиций, структур и учреждений восточного общества. В свое время К. Маркс отмечал это качество общины на Востоке: «Всего упорнее и всего дольше неизбежно держится азиатская форма. Это заложено в ее предпосылке, т. е. в том, что отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине, что объем производства рассчитан только на обеспечение собственного существования, что земледелие и ремесло связаны воедино и т. д.»². Когда-то такое положение не было исключи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. — Т. 4, с. 444.

² К. Маркс. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов). — Т. 46. Ч. I, с. 474.

тельной привилегией Азии, а представляло собой, в частности в доклассовую и античную эпоху, всемирное явление. К. Маркс обращал на это внимание следующим образом: «В первобытных общинах, в которых господствует первобытный коммунизм, и даже в античных городских общинах сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства»³.

Естественно, в современных условиях сама патриархальная община на Востоке носит иной характер, находится в ином социально-экономическом окружении и довольно органично интегрирована в фундамент многоукладной экономики. Ее не следует считать лишь вредным реликтом хотя бы ввиду ее широкого распространения в наши дни, а также ввиду частых (и не всегда бесплодных) попыток самых различных афро-азиатских народов использовать лучшие общинные традиции для преобразования и более прогрессивной организации сельскохозяйственного производства. Традиционные общинные связи и ценности весьма реальны на Востоке, а социальное значение их очень велико. Поэтому речь может идти не о насильственном сломе общинной структуры в ходе самих революционных преобразований, переживаемых Востоком в наши дни, а о постепенном изменении общественной сути внутриобщинных связей и отношений с необходимостью учета фактора времени, опасности распада традиционно налаженного производства, разрыва устоявшихся социальных общностей, деградации морально-нравственных ценностей. Все эти негативные явления имеют место при попытках тотального сокрушения общины, сопровождающихся обычно полной неудачей стремления быстро ликвидировать наиболее консервативные черты связанной с общинными ценностями социальной архаики.

Несмотря на множество коренных изменений, происшедших в мире, в том числе изменений внутри самой азиатской общины, следует признать, что социальный быт этой общины и весь связанный с ней груз архаических пережитков оказались чрезвычайно живучими, особенно среди жителей деревни, составляющих громадное большинство населения стран Азии и Африки. Поэтому все новое в социальной жизни и политике обычно как бы накладывается сначала в виде чужеродного пласта на традиционную структуру восточного общества и не всегда быстро приживается к нему. Процесс такого усвоения протекает болезненно и заключается не только в «осовременивании» данного отсталого общества, но и в его обратном влиянии на ассимилируемые им новые политические и социальные институты, нормы и отношения, которые часто в ходе подобной адаптации изменяются до неузнаваемости.

³ К. Маркс. Капитал. Т. 3. — Т. 25. Ч. 2, с. 399.

Элементы родо-племенной патриархальщины почти всегда можно найти в основе влияния тех или иных реакционно-эксплуататорских сил на Востоке — от традиционных вождей и феодальных владык до буржуазии и профессиональных политиков. Эта глубоко укоренившаяся в сознании жителей Востока политическая архаика проявляет себя не только в деревне, но и в городе. Подобное положение — одна из важнейших причин относительно более медленного развития Востока и затяжки политической нестабильности во многих афро-азиатских странах. Часто, например в Индии и на Арабском Востоке, можно наблюдать, как противоречия внутри той или иной партии, политического движения или временного классового союза совпадают с противоречиями между уроженцами различных областей, представителями различных вероисповеданий или даже религиозных сект. Принадлежность к традиционному коллективу во всех этих случаях обычно доминирует над более смутно ощущаемыми экономическими и социальными интересами.

В этой связи представляет интерес свидетельство очевидца о специфике общественного быта в наиболее экономически мощной, наиболее продвинутой в культурном и техническом отношении, наиболее капиталистически развитой стране Востока: «Человек в Японии постоянно чувствует себя частью какой-то группы — то ли семьи, то ли общины, то ли фирмы. Он приучен подчиняться мнению этой группы и вести себя соответственно положению в ней. Он готов выплачивать долг признательности своему покровителю столь же безоговорочно, как собственному отцу, т. е. приучен ставить личную преданность выше личных убеждений. В этом-то и коренятся причины неистребимой фракционности, а проще говоря — групповщины, или семейственности, которые пронизывают общественную и политическую жизнь Японии, проникая даже в деловой мир»⁴.

Разумеется, эта черта социального быта Японии придает специфический характер развитию общества. Господство монополий плюс патриархальная дисциплинированность наемной армии труда усиливают японский капитализм за счет сплава новейших капиталистических и устойчивых докапиталистических общественных институтов. Вот каково мнение индийских экономистов на этот счет: «Япония модернизировала промышленность и сельское хозяйство, сохраняя в высшей степени стратифицированное, неравноправное и традиционное общество»⁵.

2. Многоукладность афро-азиатского общества предопределяет сложный, запутанный характер классовых противоречий, часто скрытых за оболочкой псевдопротиворечий. Многоукладная структура — не простая сумма укладов, каждый из которых живет своей особой жизнью, а постоянное диалектическое взаимо-

⁴ Всеволод Овчинников. Ветка сакуры (рассказ о том, что за люди японцы). — «Новый мир», М., 1970, № 2, с. 208.

⁵ «Journal of Asia Studies», Ann Arbor, 1969, № 2, с. 392.

действие, взаимосвязь и взаимовлияние этих укладов. Часто классовые конфликты, происходящие в рамках различных укладов, сплетаются воедино и не дают возможности четко определить смысл той или иной политической битвы. Прежде всего этому способствует сохранение господствующего влияния докапиталистических укладов (и соответствующих им категорий, правил, взглядов) на подавляющее большинство населения Азии и Африки. Их взаимодействие — «источник прочности, долговечности традиционных... социально-экономических отношений, препятствующих прогрессу»⁶.

В данной особенности — ключ к пониманию создавшегося на Востоке наших дней своеобразного положения, когда классовая борьба, в значительной мере слитая до недавнего времени с антиимпериалистической борьбой и, как правило, ей подчиненная, далеко еще не очищена от наслоений национально-этнических, религиозных, сословных, кастовых и прочих исторически сложившихся противоречий, среди которых определенное место должно быть отведено также до сих пор сохранившим свою силу противоречиям между общинами, базирующимися на кровном родстве (патриархальными родами, кланами, племенами, группами племен).

Это подтверждается сохранением кое-где коллективных форм эксплуатации (когда какое-нибудь племя, этническая или расовая группа выступает в качестве исторического порабощателя или завоевателя другого племени или группы), преобладанием межплеменной и межклановой розни над слабыми и только нарождающимися противоречиями более современного характера в некоторых районах Юго-Восточной Азии, громадной ролью религиозно-этнического фактора даже в таких относительно развитых странах, как Индия и Ливан. Традиционная вражда к представителю чуждого племени, иной касты, религии или секты часто оказывается сильнее еще не созревшей (а иногда даже не успевшей возникнуть) классовой вражды.

Вместе с тем некоторые исследователи считают многоукладную структуру одной из «важных причин социальной и политической нестабильности», возникающей вследствие отрыва политической надстройки от традиционных укладов⁷. Следует отметить, что нестабильность имеет место и в случае связи надстройки с традиционными укладами, ибо тогда она оторвана от укладов более современных⁸.

⁶ См.: А. П. Колонтаев, В. И. Павлов, В. И. Ленин о преобразовании многоукладных структур и частного сектора. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 2, с. 17.

⁷ Там же, с. 15.

⁸ Примером силы традиции и приверженности к почти дофеодальной первобытности, отвергающей даже отношения развитого феодализма, являлись отношения, сложившиеся у зейдитских племен послереволюционного Йемена (Северного).

3. Сложность и многообразие социального лица афро-азиатского общества, переплетение категорий различных укладов, естественно, порождают многоплановость классовых функций представителей одних и тех же социальных слоев, которые одновременно действуют как бы в различных общественных структурах. Крестьянин, сохраняя первоначальное качество свободного общинника или представителя закабаленного класса-сословия в рамках феодального уклада (иногда совмещая и то и другое в случае принадлежности к племени с вполне феодализовавшейся верхушкой знати), в то же время в поисках средств для уплаты долгов идет в батраки к хозяину, нанимающему работников, а иногда уходит на заработки в город (нередко даже эмигрируя при этом), временно становясь уже не сельскохозяйственным, а промышленным рабочим. Тем самым он приобретает третье качество — паупера поднимающегося капитализма. В этом случае его иногда эксплуатируют не только государство (через налоговый пресс) и феодал, но еще ростовщик и предприниматель (в том числе иностранный). А число подобных батраков-полуобщинников, полукрестьян-полурабочих достаточно велико во всех странах Востока. Еще более значительна категория крестьян, сочетающих земледелие с ремеслом и мелкой торговлей.

Помимо общеизвестных и распространенных связей рабочего класса стран Востока с деревней за последнее время среди рабочих многих стран, от Индии до Алжира, наметилась еще одна, ранее несвойственная им тенденция — использовать свою относительно высокую заработную плату (особенно если это квалифицированный рабочий и если в семье трудится несколько человек) для мелкого накопительства с последующим открытием небольшого «дела» в виде лавочки, мастерской, иногда мелкого кустарного предприятия. Нельзя сказать, что эта тенденция является массовой и что фигура подобного полутруженика-полубуржуа типична для современного Востока. Но она существует и во многом усложняет классовую борьбу, в частности проблему союза рабочих и крестьян. Объективно она питает антирабочие настроения крестьянского революционаризма, еще более обостряя противоречия между городом и деревней в условиях экономически отсталых стран. Тезисы о «привилегированности» и «индивидуалистическом сознании» нарождающегося пролетариата логически приводят к ошибочным утверждениям о том, что рабочие якобы представляют собой наиболее зажиточную часть народа и даже его «буржуазную» фракцию, которая «может потерять все», в то время как «только крестьянство является революционным», так как «ему нечего терять и оно может все приобрести»⁹.

⁹ F. Fanon. *Les damnés de la terre*. P., 1961, с. 44, 46, 84, 93.

Буржуазия на Востоке издавна считала наиболее выгодным помещением капитала в земельные владения с использованием феодальных методов эксплуатации крестьян. Вместе с тем многие феодалы, отказываясь от средневекового угнетения крестьян, переходили к капиталистическому хозяйству в деревне и к активным занятиям городским бизнесом, включая сотрудничество с иностранным капиталом. От Марокко до Пакистана широко распространен тип крупного помещика-капиталиста, который является вождем какого-нибудь влиятельного племени, имеет феодальный титул, владеет земельной собственностью и акциями иностранных банков и промышленных компаний. Это наглядный пример использования неокOLONИализмом феодального и патриархального наследия в целях создания собственной реакционно-компрадорской опоры в афро-азиатском мире, а заодно труднопреодолимого барьера на пути всякого прогрессивного развития, включая развитие по национально-буржуазному пути.

Не следует также забывать, что любой горожанин — от рабочего и ремесленника до чиновника и буржуа — часто совмещает социальные функции в «современном» секторе с таковыми в рамках «традиционного» общества благодаря сохранению связей с племенем, кастой, религиозной организацией (общиной, сектой, братством). Немало примеров, когда одно лицо и даже целая социальная группа сочетают различные классовые функции — являются представителями мелкой буржуазии, подрабатывающей на частных предприятиях или на государственной службе, высокопоставленными чиновниками, тайно занимающимися бизнесом, и т. д. Многоукладный характер общества плодит редкое обилие переходных и многоликих в социальном отношении типов¹⁰.

Это обстоятельство не может не сказываться на ходе и особенностях классовой борьбы. Восточное общество, как и всякое иное, максимально стремится к завершению отмежевания современных укладов (мелкотоварного, мелкокапиталистического, развитого частнокапиталистического и др.) от традиционных. Однако практически это вряд ли возможно, так как само развитие современных укладов предполагает втягивание в их орбиту все новых групп населения, находящихся в сфере воздействия традиционных укладов. Это непрерывно порождает новые формы социальных связей и переходных социальных типов, способствует сохранению прежних или возникновению новых, «нечис-

¹⁰ В приводимых некоторыми исследователями статистических данных об удельном весе различных укладов в странах Азии и Африки сведения о классах докапиталистического типа обычно отсутствуют не только потому, что их трудно учесть, но и потому, что представители этих архаических классов, в той или иной мере «современнаясь», одновременно фигурируют в рубриках «классы и социальные слои „современного“ типа» и «классы и социальные слои „промежуточного“ типа» (об этом см.: Л. А. Гордон, Л. А. Фридман. Некоторые особенности социальной структуры развивающихся стран. — «Народы Азии и Африки», 1964, № 6).

тых» укладов, а следовательно, и связанных с ними смешанных и многоликих в классовом отношении групп и прослоек. В классовой и политической борьбе это тысячекратно множит возможности неожиданных поворотов, парадоксальных на первый взгляд союзов, внезапных взрывов и прочих изменений. Непрерывающийся процесс перехода от традиционных укладов к современным, к формированию базирующихся на современных укладах «чистых» социальных типов придает внутренней динамизм всей общественной эволюции, обостряя классово-политическую ситуацию в целом.

4. Важнейшим обстоятельством, осложняющим и затемняющим подлинную суть классовых противоречий, остается крайняя острота национально-этнических противоречий.

Пестрота национального состава населения чаще всего сопровождается неравномерностью социально-культурного развития отдельных народностей и племен. Это создает благоприятную почву для всевозможных проявлений национализма, ведет к обострению различных межгосударственных и внутренних противоречий, часто сплетающихся в труднораспутываемый клубок с межплеменными и религиозными конфликтами.

Помимо сознательного стремления эксплуататорских классов утопить классовые противоречия в истерии национально-этнической вражды имеется и немало других, исторически сложившихся причин для незатухающей национальной розни в афро-азиатском мире.

Общезвестны маневры империалистов и неоколониалистов по использованию этнических и расовых (а также — религиозных и вообще межобщинных) конфликтов для вмешательства во внутренние дела молодых афро-азиатских государств, для провоцирования военных столкновений между ними. Эти маневры создают атмосферу напряженности и постоянной опасности стычек на расовой, национальной и этноконфессиональной почве.

Иногда даже объективно прогрессивное дело — стремление к политическому объединению населения молодого государства путем выдвижения идеи общности его национальных интересов — может стать в условиях страны, пестрой по национальному составу, источником обострения национально-этнических конфликтов. Во многих странах, населенных различными народностями и племенами, отличающимися к тому же разными верованиями, феодальными традициями и особенностями культуры, общенациональная идея становится нередко орудием эксплуатации и даже подавления одних народов, более слабых, более сильными. При этом национальная идея претерпевает причудливую социально-психологическую трансформацию: переносится на органы управления прежних общественных форм, отождествляется с властью князя, вождя данного племени и т. д.¹¹

¹¹ С. Тюльпанов, К вопросу о социальной стратегии развивающихся стран, «МЭ и МО», 1970, № 7, с. 40.

Недовольство масс, доведенных до отчаяния нищетой, ростом социального и материального неравенства, зараженных религиозными предрассудками и древними суевериями, легко направляется в русло националистического экстремизма. Лучшее доказательство этого — нередко случающиеся погромы национальных меньшинств, представители которых не пользуются какими-либо экономическими или другими преимуществами по сравнению с коренным населением. И если в случае с инонациональными буржуа шовинизм и ксенофобия как-то еще прикрываются (и до известной степени оправдываются) экономическими и социальными аргументами, то во втором случае они выступают без этого прикрытия, беззастенчиво демонстрируя себя как сохранившийся и в некоторой степени даже укрепившийся средневековый предрассудок, используемый внутренней и внешней реакцией для дезориентации масс.

5. В конкретных условиях Азии и Африки следует особенно подчеркнуть относительность тезиса о прямом воздействии экономических факторов на классовую борьбу. Это непосредственно вытекает из неэкономического характера социальных связей традиционного общества — родовых, племенных, патриархально-общинных, религиозных, земляческих и этнических, т. е. определяемых факторами не материальной зависимости и заинтересованности, а кровного родства или принадлежности к издавна сложившемуся и прочно сцементированному традицией замкнутому коллективу.

К. Маркс указывал, что «общность по племени, природная общность выступает не как результат, а как предпосылка совместного присвоения (временного) и использования земли». Он писал: «Естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность, есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность в качестве пастуха, охотника, земледельца и т. д.)»¹². Следовательно, не экономический, а кровнородственный характер социальных связей в первобытном обществе был, по К. Марксу, первичным. Но принадлежность к традиционному коллективу К. Маркс считал принципом организации социальных связей не только в рамках племени или патриархальной общины. Он отмечал, что «рабство и крепостная зависимость являются... лишь дальнейшими ступенями развития собственности, покоящейся на племенном строе». Указывая на неизбежное изменение при этом форм племенного строя, К. Маркс подчеркивал, что менее всего это происходит «при азиатской форме», в условиях которой человек «никогда не становится

¹² К. Маркс. Критика политической экономии (черновой набросок 1857—1858 годов), с. 462—463.

собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам — собственность, раб того, в ком олицетворено единое начало общины, и поэтому рабство не подрывает здесь условий труда и не видоизменяет существо отношения»¹³.

Таким образом, замечания К. Маркса дают возможность установить способность азиатской общины, не меняя существа сложившихся отношений между ее членами, приспособляться к последующим докапиталистическим формациям — рабству и феодализму. По сути дела, внутри этой общины экономическая целесообразность и заинтересованность крайне медленно пробивают себе дорогу вследствие подавленности индивидуальной инициативы и приученности подчиняться воле общины, т. е. «того, в ком олицетворено единое начало общины». Но с ростом производительных сил и трансформацией производственных отношений форма азиатской общины потеряла прямую связь с резко изменившимися потребностями экономической жизни. Даже разлагаясь и погибая, она консервировала свойственный докапиталистическим формациям личностный характер социальных связей и тормозила их замену «вещными» связями, присущими капитализму. Это породило иное, более сложное, чем в Европе, соотношение базиса и надстройки. В этой связи представляется необходимым вспомнить высказывания Ф. Энгельса относительно недопустимости вульгаризации материалистического понимания истории «в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом», в то время как «на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки»¹⁴.

Относительность роли экономических факторов в классовой борьбе на Востоке подчеркивается и распространением здесь форм эксплуатации, непосредственно определяемой политическим господством. Это выражается и в различных видах внеэкономического принуждения, характерных для докапиталистических укладов, и в отмеченных в свое время К. Марксом особой экономической роли государства и его сугубом деспотизме на Востоке с незапамятных времен. Об особом характере азиатского деспотизма и его связи «по признакам, очевидно, и экономическим и социологическим» с общей социальной отсталостью писал В. И. Ленин: «Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации»¹⁵. В наши дни большинство стран Востока таковыми уже не яв-

¹³ Там же, с. 482.

¹⁴ Ф. Энгельс — Полефу Блоху, 21—22 сентября 1890 г. — Т. 37, с. 394.

¹⁵ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. — Т. 25, с. 266—267.

ляются. Но временное сохранение системы многоукладности способствует консервации норм и порядков традиционного общества. По мере роста производительных сил с этим будет покончено. Но пока что сохраняются и даже воспроизводятся традиционная роль государства в экономике, прежние отношения между властью и подданными.

Разумеется, взаимодействие базиса и надстройки на Востоке осложняется в первую очередь не превалированием какого-либо фактора, экономического (т. е. воплощающего определенные социальные интересы в их материальном выражении) или неэкономического (выраженного в специфических консервативных нормах и порядках традиционного общества), а их сочетанием, взаимопереплетением и взаимопроникновением, принимающим неповторимо оригинальные формы в большинстве афро-азиатских государств. Вместе с тем это взаимодействие постоянно дополняется и обогащается (но одновременно и усложняется) новыми тенденциями в экономике и политике освободившихся стран. Эти тенденции могут быть прогрессивными или реакционными, в зависимости от конкретной ситуации, соотношения сил, этапа развития и поставленных им задач. Но вместе с тем многое зависит и от субъективного фактора — от характера и ориентации государственной власти, состава и происхождения государственного аппарата, всех тех деталей, которые лишь в общем виде и в исходной точке определяются социальной природой и формой осуществления политической власти.

Культ государства, почетность всякой близости к нему и причастности к его власти составляют одну из самых старинных восточных традиций. Поэтому противоборствующие классы характеризуются прежде всего своей устремленностью к овладению политическими структурами организации общества не только для того, чтобы направить развитие общества по удобному им руслу, но и для непосредственного извлечения экономических преимуществ через сам механизм власти. Тому слишком много свидетельств: 1) заполнение и безбрежное раздувание государственного аппарата вплоть до самых низовых звеньев мелкой буржуазией; 2) чудовищная коррупция чиновничества; 3) удвоившееся стремление феодалов и буржуазии удержать свои позиции в государственном аппарате (пусть даже не в самых высших и решающих звеньях) там, где ими утрачены полностью или частично командные высоты в экономике; 4) согласие представителей экспроприированных или ущемленных эксплуататорских классов в странах, избравших некапиталистический путь развития, натянув маску лояльности, занять посты депутатов, партийных функционеров, государственных служащих, даже руководителей кооперативов, профсоюзов, различных ассоциаций не столько из расчетов на будущий реванш, сколько из желания сохранить принадлежность к наиболее привилегированному на Востоке слою представителей власти.

6. Борьба за сам механизм политической власти усугубляется всевозрастающей необходимостью государственного принуждения. Любое правительство в развивающихся странах, независимо от его социально-политической ориентации, неизбежно встает перед поиском решения неотложных проблем: ликвидации экономической отсталости, повышения жизненного уровня масс, гармонизации роста населения и средств к его существованию, осуществления, хотя бы в скромных масштабах, индустриализации и технической модернизации экономики. Но все это, даже в ограниченных дозах, требует мобилизации усилий большинства (если не всего) населения, строгой дисциплины, контроля и учета со стороны государства. К тому же многочисленные группы населения совершенно не готовы к выполнению грандиозных задач общенационального характера. Вынужденное к этому государство с помощью мощного аппарата принуждения ломает оказываемое ему сопротивление и, добиваясь своего, начинает выполнение намеченных задач. Тем самым компенсируются политическими средствами социальная аморфность и слабое действие чисто экономического фактора.

Всякое насильственное изменение форм жизни общества, в том числе предпринятое в интересах большинства и в гуманных целях, связано с большими издержками. Поэтому довольно часто на первых порах активизация государства в области экономики связана с риском потерь. Однако вот что говорили К. Маркс и Ф. Энгельс о том, как может быть введен социализм: «Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают сами себя и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»¹⁶. Данное положение — как бы ответ на огульное очернение всякого рода реакционными критиками из числа афро-азиатских феодалов, буржуа и их агентуры революционных, социальных и экономических преобразований, осуществляемых прогрессивными режимами на Востоке. Неизбежные экономические и политические трудности, порожденные переломным моментом в развитии афро-азиатских народов, ошибки и вынужденные иногда отступления используются врагами свободы народов, чтобы объявить все радикальные прогрессивные меры «деспотическими» и «экономически несостоятельными».

Бурлящее афро-азиатское общество, переживающее переходный период своего развития, не может, как правило, породить сколько-нибудь долговечные и стабильные политические курсы

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, с. 446.

и формы экономической власти. Отсюда — постоянные поиски наилучшего решения, эксперименты, перегибы, перехлесты в следовании тем или иным рецептам и теориям. Неизбежные при этом неудачи, провалы тех или иных опытов, разочарование в каком-либо курсе или лидере гасят энтузиазм масс и их волю к преобразованиям, играют на руку и без того живучим настроениям социального консерватизма, деполитизации масс и усиливают их пассивность. Это затрудняет и осложняет действия правительства, которое вынуждено затрачивать энергию как на подъем производительных сил и решение насущных экономических проблем, так и на обуздание анархии, стихийности и дезорганизованности, вполне естественных для неустойчивого и хаотичного переходного периода. Отсюда — крайняя нужда в крепкой власти, ощущаемая как представителями противоборствующих социально-политических сил любой ориентации, так и всем народом.

Разумеется, оценка роли государственного принуждения не должна быть односторонней. Часто на его объективной необходимости спекулируют властолюбцы и диктаторы, действующие отнюдь не в революционных и прогрессивных целях. Но это обстоятельство не должно заслонять главного — объективно обусловленной необходимостью и неизбежностью государственного принуждения на нынешнем этапе развития Востока.

7. Исключительно важное значение для классовой и политической борьбы на Востоке имеет влияние внешнего фактора. Без преувеличения можно сказать, что для многих стран Востока фактор внешний есть фактор внутренний, настолько значительным может быть для той или иной афро-азиатской страны революционизирующее или, наоборот, тормозящее воздействие извне¹⁷.

В условиях застойности традиционного общества, цепкости архаических социальных структур и порождаемого ими консерватизма социального мышления, в условиях замаскированности и затемненности реального характера классовых противоречий обилием средневековых пережитков во много раз возрастает влияние всякого примера лучшей жизни, всякой «крамольной» информации из внешнего мира. В подобной обстановке иногда к далеко идущим последствиям может привести сама возможность сопоставления своих традиций и порядков с иными, более прогрессивными и разумными, не говоря уже о самых революционных и передовых. Прежде всего речь идет об огромной притягательной силе революционизирующего примера СССР и других социалистических стран, установивших дружественные отношения с большинством государств Азии и Африки.

¹⁷ В острых ситуациях, характеризующихся предельным накалом внутренней классово-политической борьбы, внешнее влияние может оказаться решающим, склонив чашу весов в пользу сил прогресса или реакции.

Помимо этого главного и решающего в нашу эпоху примера на ход и характер классовой и политической борьбы могут влиять и иные, менее глобальные, но весьма значимые для каждой конкретной страны факторы внешнего воздействия. В частности, известна та большая роль, которую сыграла и продолжает играть в радикализации обстановки во многих афро-азиатских странах постоянная и многочисленная эмиграция в бывшие метрополии или даже просто в более развитые страны (например, алжирская эмиграция во Францию, ливанская — в Северную и Южную Америку, суданская — в Египет, арабийская — в Ирак, Кувейт, Ливан и т. д.). Более четкой обрисовке позиции различных классов, ускорению процесса формирования их самосознания и пробуждению от общественной летаргии способствуют и такие внешние задачи, как борьба с империализмом и неокOLONиализмом, отражение иноземной агрессии и т. п.

Внешние факторы, активно воздействующие на внутреннее положение афро-азиатских стран, могут играть и отрицательную роль. «Длительное время доминирующее воздействие на зависимые страны оказывал такой внешний фактор, как колониализм западного капитализма (с конца XIX в. в монополистической его стадии). Все внутренние... факторы общественно-го развития под его влиянием серьезно модифицировались»¹⁸. Несмотря на радикальное изменение в наши дни данной комбинации внутренних и внешних факторов, прежде всего в результате успехов мирового социализма и выступающего в союзе с ним национально-освободительного движения народов Азии и Африки, губительное воздействие колониального прошлого еще сохраняется, особенно болезненно проявляясь в неравноправном положении Востока в мировой капиталистической системе разделения труда и обмена. К тому же для некоторых стран Востока колониальное положение фактически еще не стало прошлым. Господство иностранного капитала в таких странах, их подчиненность империализму и его военным блокам, давление (часто решающее) неокOLONиализма в области экономики, политики и идеологии способствуют консервации засилья эксплуататорских классов, общей реакционной социально-политической ориентации этих стран и закреплению их зависимого от империализма положения, мучительной трансформации отсталого, традиционного общества в капиталистическое ценой жертв и страданий народов.

Влияние внешних факторов на внутреннюю эволюцию афро-азиатских стран осложняется и имеет часто неожиданные последствия ввиду отмеченного Г. И. Мирским «парадокса третьего мира», который выражается в том, что в то время, когда «идет борьба двух систем на мировой арене... как правило, в

¹⁸ А. И. Левковский. Мелкая буржуазия: облик и судьбы класса. М., 1978, с. 103.

Азии и Африке нет полностью адекватной внутренней социальной опоры для борющихся между собой систем»¹⁹. Иными словами, слабость и буржуазии и пролетариата не дает заранее преимуществ ни капитализму, ни социализму с точки зрения расстановки сил внутри афро-азиатского общества.

Таковы главные (но далеко не все) специфические условия классовой и политической борьбы на современном Востоке. Разумеется, в различных странах эти условия по-разному влияют на ход этой борьбы. Прежде всего страны Востока резко отличаются по уровню экономического и социального развития, по соотношению удельного веса традиций и современности, по степени определенности общественно-политической ориентации. Но так или иначе, в той или иной форме, перечисленные выше специфические условия оказывают сильнейшее воздействие на ход и характер классовой и политической борьбы на всем зарубежном Востоке.

Для верной оценки дальнейших перспектив общественного прогресса на Востоке необходимо остановиться не только на условиях, но и на порождаемых ими особенностях классовой и политической борьбы. Главными из них следует считать специфику классовой структуры современного восточного общества и особую роль правящей элиты.

Специфика классов и социальной структуры

Традиционная структура общества на Востоке в нынешнем его виде возникла как результат разложения, а также частичной консервации предшествовавших способов производства, многие формы которых, как известно, не были схожи с европейскими. Тесная связь нарождающихся или укрепляющихся современных укладов с традиционными, в свою очередь, влияет на формирование новых классов, в том числе таких, которых вообще не было и нет в Европе. Но и те классы, которые имеют свои параллели и прототипы в европейском обществе развитого капитализма, генетически и часто даже функционально иные, чем в Европе (не говоря уже об особой роли политической элиты и военной бюрократии, имеющих тенденцию к своего рода кастовой обособленности и отчужденности от остального общества). «Иными словами, — отмечает А. И. Левковский, — в многоукладной стране знакомые общественные категории обладают „чудодейственной“ способностью нести необычную социальную нагрузку, что абсолютно исключает их механическое использование... С каждым из укладов прямо связано существование одного или нескольких (обычно двух) классов. Нередко

¹⁹ «МЭ и МО». 1970, № 8, с. 71.

связь эта весьма специфична (точнее, незнакома по истории Запада), как, например, у натурально-патриархального и патриархального и мелкотоварного укладов с классом феодальных помещиков»²⁰.

Особенности классов и классовой структуры в Азии и Африке наиболее ярко выступают при рассмотрении положения основной массы населения этой части земного шара — крестьянства. Именно в деревне наглядно выступают господство традиционного общества, примитивный уровень общественного разделения труда, неразвитость и замкнутость крестьянского производства. В афро-азиатской деревне имеется несколько крупных укладов (натурально-патриархальный, мелкотоварный, мелкий частнокапиталистический), заметны тенденции к становлению кооперативного уклада и сильное влияние прочих укладов — государственного капитализма, местного развитого капитализма и иностранных монополий. Процесс формирования из крестьянства класса мелкой буржуазии в основном завершён лишь в отдельных странах Востока (например, в Турции). А в некоторых из них (например, в Ираке) недавно только закончилось становление крестьянства как единого слоя из племенных групп.

В связи с общей замедленностью на Востоке разложения старых способов производства и докапиталистических отношений само сохранение патриархально-общинного, феодального и полуфеодального укладов, а также их сплетение и взаимосвязь с современными укладами имеют своим результатом консервацию крестьянства как единой общественной силы. Внутри ее наряду с процессами разложения на классы и их дифференциацией существует и некоторая общность интересов. Помимо незавершенности процесса классового образования внутри крестьянства и недостаточного размежевания различных социальных фракций крестьянства эта общность основывается на совместной борьбе против феодализма, иностранного монополистического капитала, местной крупной буржуазии.

Не менее важный аспект — гипертрофия пауперства. Основная масса крестьян на Востоке почти повсеместно живет в условиях нищеты. Средние и зажиточные хозяева составляют ничтожный процент, а обездоленные бедняки — подавляющее большинство. Последние представляют собой чрезвычайно горячий материал с потенциально высоким революционным зарядом. Но подлинно крестьянских революций и «чисто социальных» крестьянских движений на Востоке почти нет. Объясняется это крайне низким уровнем культурного и политического развития, забитостью, отсталостью и социальной приниженностью крестьянства, недостаточной степенью его организованности и осозна-

²⁰ А. И. Левковский, Третий мир в современном мире. М., 1970, с. 105.

ния своих собственных классовых (особенно пролетарско-бедняцких) интересов, что прямо вытекает из патриархально-общинных, родо-племенных, феодально-клерикальных и прочих добуржуазных социальных связей, на которых зиждется давящее на крестьянство традиционное общество. Поэтому крестьянство на Востоке — это армия без генералов, раздробленная на кланы, секты, региональные землячества и множество переходных групп.

Исключительно быстрый рост сельского предпролетариата и полупролетариата, все большее усиление гнета эксплуатации за счет переплетения полуфеодальных методов с полукапиталистическими способствуют постепенному (в кризисных ситуациях — чрезвычайно ускоренному) процессу сплочения различных отрядов обездоленного и трудового крестьянства в единый антиэксплуататорский фронт или, вернее, классовый союз. Рамки этого союза в зависимости от конкретных условий той или иной страны могут быть расширены за счет включения в него всех или почти всех «крестьянских» классов или, наоборот, сужены до объединения лишь некоторых из них. Чаще всего наблюдается слияние различных отрядов деревенской бедноты и середняков.

Борьба крестьян, однако, подчинена обычно либо интересам руководящих общенародными движениями социальных групп горожан, либо интересам тех или иных классовых союзов, в которые крестьянство или его составные части вовлекаются немолчаливым ходом событий. Поэтому крестьянство в целом (или его фракции) участвует в общественной борьбе не через собственные классовые или политические организации, а через организации руководящих городских классов. Чаще всего «исконно» крестьянское начало выражается через общенациональный институт — армию, внутри которой выразители кулацкой тенденции выступают как проводники ориентации на национальную буржуазию и развитие капитализма, выразители середняцкой тенденции — как представители широкого фронта средних и промежуточных слоев города и деревни, способных повести страну по пути некапиталистического развития. Проблема классовых союзов наиболее остро стоит перед крестьянством и любым его слоем, так как только с помощью этих союзов на Востоке удавалось что-нибудь сделать для крестьян. Не случайно наиболее массовое участие крестьянства отмечается в национально-освободительных движениях: они — самая приемлемая для него и доступная форма классового союза.

Несамостоятельность роли крестьянства во многом объясняется еще сохранившимся влиянием феодалов или сильных феодальных (а также дофеодальных) пережитков в жизни афро-азиатских стран. Живучесть пережитков феодализма выражается помимо всего в довольно частом обуржуазивании феодалов и смыкании их с классами капиталистов (национальных и иностранных). Такое положение во многом является прямым

наследием колониального гнета: «Капитализм в колониях был капитализмом особым, колониальным, неразрывно связанным с феодальной эксплуатацией и даже покоившимся на ней»²¹. В дальнейшем эксплуататоры, даже после ликвидации непосредственно колониального порабощения, постарались закрепить «феодальный» или «полуфеодальный» характер развивающегося капитализма. Этому способствовали и генетические связи большинства капиталистов с феодалами, из среды которых они вышли, и чрезвычайная замкнутость для малочисленных и экономически слабых национальных капиталистов нефеодального происхождения воспользоваться «надежными» средневековыми методами ограбления трудящихся, и сознательная консервация феодальных и полуфеодальных методов эксплуатации иностранным капиталом, который, сохранив свои позиции в большинстве афро-азиатских стран после обретения ими политической независимости, отнюдь не спешит заменить «азиатское» развитие капитализма более дорогостоящим для предпринимателей европейским развитием.

В современных условиях не только имеет место подлинный классовый союз буржуазии и феодалов против освободительных революций, приобретающих после избавления от империализма нередко и антифеодальный и антикапиталистический характер. Сплошь и рядом на Востоке, особенно на Арабском Востоке, приходится сталкиваться с двуединым буржуазно-помещичьим классом, сконцентрировавшим в своих руках все виды частной собственности на средства производства, все известные рычаги воздействия на политическую и духовную жизнь общества, все формы экономического и внеэкономического принуждения и угнетения трудящихся. Разумеется, подобный двуединый класс сложился не везде, как правило, лишь там, где феодалы достаточно ослабели, чтобы нуждаться в помощи и даже в социально-политическом объединении с буржуазией, которая, в свою очередь, еще недостаточно усилилась, чтобы действовать самостоятельно. В ряде стран эти классы даже продолжают противостоять друг другу. Но все эти исключения лишь подчеркивают правило: повсеместно наблюдаемые встречные процессы феодализации и обуржуазивания феодалов способствуют взаимопереплетению и взаимопроникновению интересов этих классов, их позиций и методов социально-экономического самовыражения. Подобное слияние различных функций и средств власти над обществом неизменно затрудняет борьбу против этого объединенного класса эксплуататоров. В то же время всякий удар по какой-либо фракции этого широкого класса-гибрида болезненно затрагивает и другие его фракции. Очень часто на Востоке сегодня интересы феодалов в той или иной степени страдают при

²¹ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 3. М., 1968, с. 258.

ущемлении буржуазии, а интересы буржуазии — при ущемлении феодалов.

Буржуазия на Востоке еще недавно представляла собой по преимуществу пассивный и консервативный класс, во многом принадлежащий отсталому феодальному обществу. Предприниматели современного типа в освободившихся странах, за исключением некоторых стран (Японии, Индии, Турции, Египта), решающей роли в ее среде не играли. Чрезвычайно сильны были позиции так называемой традиционной буржуазии, занимающейся преимущественно торговлей, сельским хозяйством, ростовщичеством и накоплением богатств без дальнейшего их пуска в оборот. Связи афро-азиатской буржуазии с феодалами и империализмом, преобладание во многих случаях в ее рядах компраторов и спекулянтов, а в странах, сохранивших формальный суверенитет, — грабивших государственную казну бюрократов лишь подчеркивали антинародность и паразитизм этого класса.

Революционные элементы национальной буржуазии начиная с эпохи «пробуждения Азии» играли видную роль в антиимпериалистической борьбе, будучи способны «представлять искреннюю, боевую, последовательную демократию»²². Но колониальная буржуазия в целом довольно быстро отделила свои интересы от интересов народа. Постоянно изменяя ему, она сплошь и рядом стремилась закончить дело компромиссом с колонизаторами.

После обретения независимости большинством колоний реакционные черты афро-азиатской буржуазии, ее своекорыстие и проимпериалистическое соглашательство выступили особенно ярко. Вместе с тем во многих молодых государствах Востока происходит убыстрение и расширение роста национального капитализма во всех сферах. В странах, избравших буржуазный путь развития, под непосредственным влиянием и при технико-экономическом содействии империализма формируется кое-где капитализм неокOLONиалистского компраторского типа. Практически антинациональные неоконпраторские элементы в той или иной пропорции имеются в рядах буржуазии любой афро-азиатской страны.

Радикальные ограничения капитализма, предпринимаемые многими национальными правительствами, свидетельствуют не только о силе антибуржуазных настроений во многих странах Азии и Африки, но и о слабости буржуазии, ее неспособности предложить какое-либо эффективное решение насущных проблем развивающихся стран. Справедливости ради следует отметить, что там, где буржуазию ограничили, ее вытеснили в основном из сравнительно слабо ею освоенного современного сектора, прежде всего из промышленности и финансово-кредитной системы, оставив, за редким исключением, почти не тронутыми такие

²² В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. — Т. 21, с. 402.

«заповедные» сферы деятельности восточной буржуазии, как торговля и сельское хозяйство. Объясняется это не только чисто экономическими, но и конъюнктурно-политическими соображениями.

Капитализм продолжает «лезть» из всех пор афро-азиатского общества, сбросившего колониальные оковы, ранее препятствовавшие развитию национального капитала. Это во многом незрелый и неоднородный по своему составу капитализм. «Он возник в иной, чем на Западе, исторической обстановке, приспособившись к аграрно-сырьевой специализации, навязанной извне империализмом, и вступил в сложные взаимоотношения с иностранными монополиями и местными докапиталистическими укладами»²³. Основу его развития составляет естественное после падения феодально-колониальных барьеров расширение мелкого кулацко-кустарного предпринимательства. В тех странах, где национальный капитал уже был относительно развит, этот процесс укрепляет его позиции. В странах слабого развития капитализма бурный рост низших форм бизнеса, способствуя накоплению буржуазного потенциала, представляет угрозу для иных, некапиталистических перспектив. Но ограничить этот процесс очень трудно, так как он — неизбежный и закономерный результат многих коренных перемен, происходящих в афро-азиатском мире наших дней, и прежде всего идущего исподволь разложения традиционного общества и медленного распада архаических социальных связей. Замена неэкономических общественных отношений экономическими в условиях постоянного воздействия мирового рынка и модернизации национального производства неотвратима; чаще всего она происходит в виде постепенного роста национального капитализма вследствие слабости или, как правило, даже отсутствия сил, способных направить развитие данного общества по социалистическому пути.

В условиях общей отсталости большинства стран Востока было бы неправомерно считать всякий рост национального капитализма объективно реакционным. В свое время В. И. Ленин выдвигал следующие критерии оценки объективной роли капитализма в относительно отсталых странах с пережитками азиатского деспотизма: «Пролетариат враждебен всякой буржуазии и всяким проявлениям буржуазного строя, но эта враждебность не избавляет его от обязанности различения исторически прогрессивных и реакционных представителей буржуазии». В. И. Ленин подчеркивал при этом, что, «борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем»²⁴. Поскольку в очень многих странах Востока колониализм с его консервацией докапиталистических укладов, использованием феодальных и полуфеодаль-

²³ А. И. Левковский. Многоукладные страны: кратко об одном укладе. — «Азия и Африка сегодня». 1969, № 11, с. 18.

²⁴ В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. — Т. 9, с. 156, 158.

ных методов эксплуатации и всех форм экономического и внеэкономического принуждения, с его тотальным грабежом и средневековым насилием над личностью объективно играл ту же тормозящую роль, что и феодальное крепостничество в Европе, ленинская характеристика относительной прогрессивности капитализма приложима и к нынешней ситуации в странах Востока. Речь идет, следовательно, не о пресечении всякого капиталистического развития, а об ограничении его рамками интересов развития общенациональной экономики и недопущении усиления буржуазии в ущерб этим интересам и первостепенным нуждам народа.

Единственная альтернатива национальному капитализму в подобных условиях — всемерное усиление экономической роли государства. Однако в подавляющем большинстве стран Азии и Африки государство не только экономически, но и технически не может взвалить на себя бремя полного руководства всем народным хозяйством и вынуждено проводить в тех или иных вариантах курс на длительное сосуществование государственного и частнокапиталистического секторов.

При определении классово-политической ориентации буржуазии следует учитывать и ее многослойность, связанную с существованием множества укладов и подукладов внутри афро-азиатского капитализма. Различные типы и масштабы предпринимательства, различные степени их переходного характера, от докапиталистических методов эксплуатации к собственно капиталистическим, разный уровень завершенности классового образования определяют качественные различия между отдельными слоями, прослойками и группами буржуазии, различие их социальных интересов и часто политических позиций. Национальные, религиозные, кастовые и прочие традиционные деления внутри буржуазии также играют немаловажную роль при этом.

Это различие ближайших политических интересов и временной ориентации тех или иных групп современной восточной буржуазии может играть и играет иногда весьма важную роль в формировании определенных классово-политических союзов, в исходе тех или иных социальных битв.

Мелкая буржуазия — наиболее многочисленный, широкий и многообразный класс афро-азиатского общества, вернее, социальная категория, охватывающая мелкособственнические классы различных укладов. В нашей литературе это иногда отрицается и под мелкой буржуазией понимается лишь «слой буржуазного общества», существующий на Востоке только «в той мере, в какой... произошел распад традиционных отношений и сложилась капиталистическая среда, превращающая крестьянина, ремесленника, торговца в мелкого буржуа, и лишь в тех границах, в которых действуют законы капитализма». На этом основании делается вывод о неправомерности причисления к мелкой буржуазии огромной (более половины неаграрного на-

селения) массы мелких собственников²⁵. С точки зрения классической политэкономии это правильно. Но не порождает ли это иллюзию статичности классового деления населения на Востоке, где непрерывно нарастает степень втянутости тех или иных «традиционных» слоев докапиталистических мелких производителей города и деревни (не говоря уже о мелких торговцах) в систему отношений капиталистического типа? Всегда ли можно определить рубеж между безусловным «докапитализмом» и несомненным обуржуазиванием мелкого собственника? Сохранение традиционных ремесел и промыслов в городах и селах Востока, как и различных форм традиционного разделения труда, в том числе с разновидностями полунатурального (или даже натурального) обмена, не вызывает никаких сомнений. К тому же в еще большей мере сохраняются архаические социальные формы традиционных отношений в мелкособственнической среде: патриархальные, цеховые, кастовые, родо-племенные, земляческие. Однако, как представляется, правильнее будет не выискивать в этом бескрайнем море социального полиморфизма «чистые группы» и типы «подлинной» мелкой буржуазии, соответствующие классическим европейским представлениям о ней, а поставить вопрос о многослойности и многоликости мелкой буржуазии, определяемых многоукладным характером афро-азиатского общества.

Политически это чрезвычайно важно, ибо мелкобуржуазная политика, идеология, тактика и социальная стратегия осуществляются на Востоке не «чистой» в политэкономическом смысле мелкой буржуазией (она для этого слишком слаба), а ее коалицией (довольно прочной и устойчивой) со всей массой мелкособственнических элементов самых разных укладов (мелкотоварного, мелкокапиталистического и развитого капиталистического — национального и иностранного), в том числе начавших высвобождаться из рамок натурально-патриархального и феодального укладов. В реальной жизни все эти элементы тесно связаны друг с другом, в немалой степени обилием переходных типов между ними. К тому же их связывает наличие у всех них (в разной мере) мелкобуржуазных тенденций и поползновений. Не случайно ввиду этого под мелкой буржуазией на Востоке подразумевают, как правило, мелких производителей, только начавших втягиваться в рыночную стихию и раннекапиталистические отношения: ремесленников, кустарей, мелких торговцев, крестьян, не всегда и не полностью отказавшихся от натурального хозяйства. Продолжающееся формирование и коалиционно-разнослойный состав мелкой буржуазии как класса делают особенно неправомерными попытки смазать разницу между восточными мелкими производителями и капиталистами. О решающем отличии таких собственников от буржуазии К. Маркс писал: «Част-

²⁵ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 273.

ная собственность... существует лишь там, где средства труда и внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, являются ли эти частные лица работниками или неработниками, изменяется характер самой частной собственности». И далее: «Мы знаем, что если средства производства и жизненные средства являются собственностью непосредственного производителя, то они не являются капиталом»²⁶. Об этой принципиальной разнице часто забывают, когда делают вывод о якобы принадлежности мелкой буржуазии к собственно капиталистам, а отсюда — об изначальной «буржуазности» всех устремлений, взглядов и политики мелкой буржуазии и возглавляемых ею движений. Вульгарное представление о том, будто «все непролетарское буржуазно», особенно несостоятельно в условиях господствующей на Востоке многоукладности.

Столь же ошибочно было бы преувеличивать и принципиально антибуржуазные тенденции мелкой буржуазии стран Азии и Африки. В связи с этим очень важно точно определить социально-экономические качества и потенции этого класса. Почти все классы афро-азиатского общества, разумеется, за исключением самой буржуазии и наиболее современной части пролетариата, связаны с капитализмом не полностью, частично или в самой ничтожной степени. Суммарный характер социальных противоречий, многоплановость общественных функций различных классов и обилие переходных, промежуточных между современным и традиционным обществами социальных типов приводит к тому, что в Азии и Африке «классовая принадлежность большей части населения вообще не поддается однозначному определению»²⁷. Но это не влечет за собой невозможности всякого ее определения и, наоборот, требует определения более широкого и всеохватывающего, чем в обычных случаях.

Социальная аморфность афро-азиатского мелкособственничества (как и других общественных классов и слоев) не может служить оправданием стремления уйти от его анализа, выделить собственно мелкобуржуазные компоненты, другие, находящиеся на различных стадиях подхода к ним, и третьи, не имеющие к мелкой буржуазии отношения. При этом истинной будет не только социально-экономическая, но и социально-политическая (в том числе идеологическая и психологическая) принадлежность к этому классу. Иначе его очень легко подменить формально не относящимися к нему категориями, с одной стороны представляющими «традиционные виды деятельности и социальных связей», с другой — «люмпен-пролетариат и полупролетариат», а также «мнимую занятость в мелком бизнесе»²⁸. Против существования этих категорий трудно что-либо возразить, но с одной

²⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I. — Т. 23, с. 770—771, 776.

²⁷ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. I, с. 29.

²⁸ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы, с. 274.

очень важной оговоркой: общей крышей для них, как и для ряда других социальных категорий, о которых речь пойдет ниже, является более или менее ярко выраженная мелкобуржуазность. Даже когда она выражена слабо, следует иметь в виду, что афро-азиатское общество — не арифметическая сумма обособленных друг от друга укладов, а их диалектическая взаимосвязь, в рамках которой современные уклады (представляющие собой сферу действия наиболее передовых фракций мелкой буржуазии) все более выходят на передний план.

В этой связи, очевидно, спорны тезис о якобы бесперспективности мелкой буржуазии на Востоке, а также утверждение о том, что она будто бы «оказывается уже не основой, а скорее побочным продуктом капиталистического развития, играющим весьма ограниченную роль в этом процессе». Этот тезис — прямое следствие убежденности в том, что капитализм в Азии и Африке — преимущественно следствие колониализма и неоколониализма и вообще возникает «во многом под влиянием внешних факторов».

Спорность такой точки зрения, как представляется, заключена в абсолютизации этих «внешних факторов», в игнорировании доказанного многими историческими примерами зарождения элементов национального капитализма (или предкапитализма) в афро-азиатских странах еще до их колониального порабощения, а также возникновения в этих странах собственных, более мощных, чем раньше, внутренних стимулов капиталистического развития. Только отвергая все это, можно считать, будто «крупная буржуазия, монополии, государственный капитализм — все это может появиться и вырасти раньше, чем возникнет „массовая“ мелкая буржуазия»²⁹. Другое дело, что в силу специфики развития современного Востока рост мелкой буржуазии и низших форм бизнеса происходит одновременно с ростом крупной и средней буржуазии, ибо очень часто они имеют различные экономические, классовые и социально-исторические источники формирования. Поэтому следует предостеречь от опасности не заметить или недооценить наметившиеся уже сейчас перспективы дальнейшего экономического и политического роста мелкой буржуазии. Значение мелкотоварного сектора на Востоке в целом не уменьшается в отличие от промышленно развитых стран. Некоторые исследователи прямо указывают на «процесс укрепления и увеличения традиционных мелкобуржуазных элементов и городских слоев», непосредственно связанный с сохранением их роли в экономике вследствие замедленности промышленного развития, что неизбежно приводит к большему их влиянию на хозяйственную и общественную деятельность, чем в развитых странах³⁰.

²⁹ Там же, с. 275.

³⁰ См.: Е. Клеер. Анализ общественно-экономических структур стран «третьего мира». М., 1968, с. 162—163.

При всей емкости и пестроте понятия «мелкая буржуазия» основным в ее характеристике является следующее: это мелкие собственники, не эксплуатирующие чужого труда или применяющие его в столь незначительной степени, что это не освобождает их от необходимости работать самим. Двойственная природа этих полувладельцев-полурабочников, этих трудящихся-собственников, численно доминирующих в развивающихся странах, как бы символизирует пестрый и переходный характер того общества, лицо которого они все больше и больше определяют за последние десятилетия.

При этом различная степень их втянутости в капиталистические связи и формы хозяйствования характеризует их классовую принадлежность, так же как их психология и социально-экономическая позиция.

Но не только мелким и мельчайшим владельцам средств производства присущи на Востоке социальные качества, позиция и психология мелкой буржуазии. Следует указать также на пролетариат, т. е. маргинальные слои, которые вернее назвать пауперами и люмпенами. И те и другие — беднота, низшие слои города и деревни. Пауперы — это те, кто еще цепляется за свое бывшее положение в обществе (например, бедняки-крестьяне, вынужденные периодически батрачить, разоренные ремесленники), кто еще сохранил иллюзию владения своей собственностью и своей хозяйственной самостоятельности (хотя таковых фактически уже нет), т. е. это действительно трудовая беднота, которой нищета еще представляется временным состоянием. В отличие от них люмпены — это вполне «нетрудовая беднота», т. е. довольно многочисленная в Азии и Африке деклассированная масса людей, полностью обнищавших и фактически утративших все прежние связи с обществом, не умеющих (или не желающих) трудиться и ведущих вынужденно паразитический образ жизни. Люмпенство — последняя стадия процесса деклассирования. Это бродяги, нищие, преступники, хронические безработные и лица без определенных занятий, перебивающиеся случайными заработками, но чаще всего подаянками и попрошайничеством. У них уже полностью атрофирована (очень часто под влиянием отчаяния и безысходности) психология труженика, но вполне сохранена психология собственности в несколько видоизмененном виде (рвачества, вымогательства, стремления преуспеть за чужой счет). Положение люмпенов крайне обостряет у них все отрицательные качества, имманентно присущие мелкой буржуазии: непостоянство, неустойчивость, шарханье из одной крайности в другую, изменчивость и продажность.

К ним всецело применим сегодня суровый вывод К. Маркса и Ф. Энгельса: «Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами вовлекается пролетарской революцией в движение, но в силу

всего своего жизненного положения он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней»³¹.

Численное преобладание бедняков среди мелкой буржуазии современного Востока оказывает сильнейшее воздействие на ее классово-политическую позицию, придавая ее выступлениям во многих случаях характер защиты интересов наиболее обездоленной части народа. В то же время это обстоятельство часто маскирует классовую суть позиции мелкой буржуазии, вуалируя ее сплошь и рядом псевдонародной демагогией. Удельный вес полупролетарских и люмпен-пролетарских элементов в Азии и Африке очень высок — 70—80% крестьянства и около трети городского населения³². Поэтому от их позиции может зависеть очень многое. Однако, как правило, эффективность их самовыражения снижается ввиду их распыленности, аморфности и неорганизованности, что в значительной мере предопределяет несамостоятельность этих слоев по отношению к более «солидным» группам мелкой буржуазии.

Сколько-нибудь специфическое участие люмпенов и особенно пауперов в общественных движениях имеет место там, где ими еще не утрачены полностью традиционные связи (племенные, этнические, религиозные, кастовые и т. п.) и где пауперизация произошла не только под влиянием экономических причин (например, при переселении индусов и мусульман во время раздела Индии в 1947 г., при исходе арабов Палестины после возникновения Израиля в 1948 г. и после арабо-израильской войны 1967 г., при бегстве миллионов людей накануне образования Бангладеш в 1971 г.). В этом случае к социальным факторам присоединяются факторы политические, национальные и религиозные, что делает массы обездоленных крайне фанатичными и склонными к экстремизму. Данное обстоятельство находит свое выражение в деятельности, например, левозэкстремистских группировок в некоторых других странах Южной Азии и Арабского Востока. Особенно велика опасность в том случае, когда социально-экономические и национально-политические аспекты проблемы стягиваются в тугую узел противоречий, осложняемых традиционно-историческими, правовыми и морально-этическими факторами. Именно такова проблема палестинских беженцев, которая давно уже переросла свои экономические, социальные и даже национальные рамки, став острым международным вопросом сама по себе, а также частью еще более важной политико-юридической проблемы защиты и удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, с. 434.

³² Л. А. Гордон, Л. А. Фридман. Некоторые особенности социальной структуры развивающихся стран. — «Народы Азии и Африки». 1964 № 6, с. 16—17.

Опыт почти всех стран Востока свидетельствует о том, что беднейшие слои населения представляют собой исключительно взрывчатый материал и обычно активно участвуют во всех революционных движениях и выступлениях (при этом люмпены более апатичны, более неразборчивы в средствах и неустойчивы в настроениях, являясь, как правило, временными и ненадежными попутчиками любого социального движения). Но они, за редчайшим исключением, главной роли не играют, а выступают под руководством доминирующей в данном обществе и в данный момент социальной силы: национальной буржуазии (в странах со значительным уровнем развития капитализма, где буржуазия сумела организационно и идеологически подчинить себе большинство народа), феодальной и родо-племенной знати (в наиболее отсталых странах с преобладанием докапиталистических отношений), пролетариата (обычно в странах с невысоким уровнем развития капитализма, где пролетариат, возникший в основном на иностранных предприятиях, сильнее и организованнее национальной буржуазии). Но чаще всего городская и сельская беднота, находясь в любом из перечисленных выше классовых союзов, идейно и политически тяготеет к мелкой буржуазии, поддерживая ее лозунги, ее политику, ее лидеров.

Мелкобуржуазность социально-политических устремлений низших слоев города и деревни прямо вытекает из мелкобуржуазности их социальной природы и социальной психологии. Они — часть мелкой буржуазии, утратившая ее имущественное положение, но сохранившая ее представление о жизни, ее отношение к ней, ее цели и позиции. Им обычно чужд идеал пролетариата — превратить человеческое общество в общество тружеников. Но они всецело за идеал мелкой буржуазии — сделать всех членов общества собственниками (разумеется, при этом они, как и мелкая буржуазия в целом, выступают против крупной собственности, отличаясь лишь большим порывом к утопическому эгалитаризму). Поэтому почти на всех решающих поворотах истории той или иной афро-азиатской страны позиция беднейших слоев была идентична позиции мелкой буржуазии, а внутри возникавших широких объединений различных классовых и политических сил эти слои, как правило, были выразителями и проводниками мелкобуржуазного влияния. Именно они выдвигают из своей среды ярых фанатиков какого-либо феодально-клерикального или коммуналистского движения, крайних экстремистов буржуазного национализма, различного рода уклонистов внутри рабочего движения и рабочих партий. И лишь в однородно мелкобуржуазных движениях и организациях они чувствуют себя наиболее естественно, отличаясь, пожалуй, большей крикливостью в отстаивании мелкобуржуазных лозунгов по сравнению с состоятельными мелкими буржуа.

Если городская и сельская беднота представляет своего рода низшую прослойку и низовую базу мелкой буржуазии, то

«сверху» к ней примыкают, частично даже в нее интегрируясь, особенно в идейно-политическом отношении, интеллигенция и средние слои. Интеллигенция, в том числе научно-техническая, является, в сущности, компонентом средних слоев, и выделение ее в особую категорию вызвано как спецификой положения лиц свободных профессий, сохраняющих связи с самыми различными классами общества (что и определяет их позицию в борьбе), так и важностью задач, которые в отсталых странах встают перед образованной прослойкой общества в целом.

Взаимоотношения мелкой буржуазии и средних слоев до настоящего времени еще недостаточно изучены и являются предметом научной полемики среди наших востоковедов. Часть из них склонна всячески подчеркивать разницу между средними и «промежуточными» (т. е. собственно мелкобуржуазными или близкими к ним) слоями, указывая на современную образованность и невладение средствами производства как на признаки первых и на традиционализм и обладание мелкой собственностью как на признаки вторых. Крайнее проявление этой точки зрения — выделение интеллигенции как имманентной социальной общности с «высокой степенью ее отчужденности от основной массы населения», с отрицательной характеристикой (как «дисквалификации») ее привлечения в «разрастающийся административно-управленческий аппарат» (т. е. с подчеркиванием ее отмежевания от служилой части средних слоев), а также с опасениями по поводу «массового антиинтеллектуализма» и вниманием к вечной коллизии интеллигент — мещанин, что в применении к афро-азиатскому миру формулируется как «драматическая напряженность отношений интеллигентского (и полунинтеллигентского) контингента с традиционалистской почвой», которая может вылиться и в «заискивание перед почвой».

Другая часть востоковедов, наоборот, делает упор на то общее, что объединяет в наши дни на Востоке традиционную мелкую буржуазию и несобственнические образованные прослойки, иногда, по сути дела, отождествляя между собой средние и промежуточные слои, иногда признавая различие между этими «взаимно пересекающимися», но все же разными «социальными категориями». Вместе с тем при этом подходе фактически «относительная и противоречивая социальная „общность“ основной массы средних слоев» трактуется весьма широко, вплоть до признания отсутствия у них «единой социально-экономической основы» и понимания мелкой буржуазии как компонента средних слоев³³. С последним тезисом вряд ли можно согласиться, ибо при всей малознучности взаимоотношений этих двух социальных сил скорее современные средние слои растут из мелкой буржуазии, чем наоборот.

³³ Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975, с. 7, 13—14, 37, 77—79.

Потребности современной жизни и производства вызвали ускоренное развитие в Азии и Африке всех классов современного типа, но прежде всего средних слоев, особенно служащих, включая чиновников, офицеров, технических специалистов новых отраслей экономики и средств связи, административные кадры на производстве и в непродовольственных сферах. По мере «осовременивания» Востока возрастает и число служащих в сельских местностях (обучающего, медицинского, технического, торгового и управленческого персонала). По своему месту в системе общественных отношений, по своему промежуточному положению (а иногда даже по своим посредническим функциям) между собственниками средств производства и трудящимися, по своей связующей роли в общественной организации труда, а еще чаще по своему происхождению, размерам дохода и социальной психологии средние слои в Азии и Африке тысячами видимых и невидимых нитей теснейшим образом связаны с мелкой буржуазией. И это несмотря на то, что «серединное» положение средних слоев Востока (особенно новейших фракций) во многом лишь кажущееся, что по своему реальному положению разные их группы связаны с разными классами (например, с буржуазией, с пролетариатом), что их рост не только количественно увеличивает образованную верхушку мелкой буржуазии, но и является формой ее разложения и ликвидации (частичной). В то же время средние слои — воплощение «осовременивания» мелкой буржуазии. Поэтому, несмотря на все различия экономического и социального положения средних слоев, рожденных современными укладами, и мелкой буржуазии, обычно связанной с традиционным обществом, социально-политическая роль мелкой буржуазии в Азии и Африке выполняется в прочном и пока что неразрывном блоке со средними слоями. Чаще всего это происходит при практически руководящем положении средних слоев как наиболее образованной и политически активной части всей коалиции промежуточных слоев.

Таким образом, мелкая буржуазия представляет собой сегодня на Востоке не столько самостоятельный класс (во многих странах до конца не сформировавшийся), сколько основу еще не распавшегося до конца (хотя кое-где этот процесс уже завершился) объединения мелкобуржуазных классов разных укладов. Удельный вес всех групп этого объединения, вместе взятых (средних слоев, традиционных мелких производителей, полупролетариев и пауперов), колеблется, по некоторым подсчетам, от 65 до 70% общей численности самодеятельного населения³⁴. Представляется неверным объединять мелких производителей лишь с полупролетариями и пауперами, «поскольку между городскими низами и собственно мелкой буржуазией

³⁴ Л. А. Гордон, Л. А. Фридман. Некоторые особенности социальной структуры развивающихся стран, с. 16—17.

не существует четкой границы», и отделять от них средние слои, «имеющие в качестве основы существования такой фактор, как образование»³⁵. В развивающихся странах образование — не столько привилегия материального достатка (безработица у получивших образование на Востоке довольно высока, что, с одной стороны, вызывает «утечку мозгов», т. е. эмиграцию интеллигентов на Запад, а с другой — способствует усилению любой оппозиции и укреплению ее подготовленными кадрами), сколько принадлежность к современному обществу, современному образу жизни и культуре³⁶.

Средние слои в наибольшей степени освободились от оков традиционного общества и осознают необходимость дальнейшего «осовременивания». Именно поэтому интеллигенция, офицерство, студенчество в Азии и Африке наиболее революционны и чутки к общенациональным настроениям. А эти настроения и идеалы, как правило, мелкобуржуазны ввиду численного преобладания мелкой буржуазии (но особенно тех, кто стремится в ее ряды) в большинстве афро-азиатских стран. К тому же самосознание средних слоев мелкобуржуазно ввиду их промежуточного положения между собственниками и тружениками. Отсюда и противоречивость в социальном поведении средних слоев, прежде всего интеллигенции: с одной стороны, забота об общенациональных интересах, сочувствие требованиям народа (особенно у демократических кругов интеллигенции и служащих), с другой — презрение к «простолюдиям», любованье собственной «элитарностью», стремление подчеркнуть и умножить свои привилегии. В то же время некоторые исследователи отмечают близость значительной части интеллигенции и служащих на Востоке к рабочему классу. Это особенно важно, так как удельный вес «новых средних слоев» во всем развивающемся мире примерно равен 6—7% самодеятельного населения, т. е. приблизительно идентичен удельному весу современного пролетариата³⁷. Но еще более важно, что средние слои благодаря своему положению и своей ведущей роли в коалиции мелкобуржуазных классов могут явиться (и очень часто выполняют эту функцию) связующим звеном между передовым пролетариатом и революционно настроенной частью широких

³⁵ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. I, с. 267—268.

³⁶ Старая «традиционная» интеллигенция принадлежала к докапиталистическим укладам, составляя часть класса феодалов (в том числе духовных), а также связанных с ним прослоев родовой знати, служителей культа, феодальных чиновников и политиков. Их роль была заметна до обретения независимости. После освобождения роль «традиционной» интеллигенции постепенно сходит на нет. Ее элементы, не сумевшие включиться в современную культурную и политическую жизнь, все чаще становятся опорой реакции.

³⁷ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы, с. 282.

трудовых слоев непролетарского населения. Опыт показывает, что именно в тех странах Азии и Африки, где средние слои выполняют (или имели возможность длительное время выполнять) эту жизненно необходимую задачу цементирования различных в классовом отношении отрядов трудящихся, были достигнуты наибольшие успехи на пути экономического, социального, культурного и политического прогресса.

В целом единство мелкобуржуазных слоев в рамках своеобразного класса-коалиции помимо сходства социальной психологии, социально-политических идеалов и устремлений держится еще и на непрекращающемся воздействии традиционного общества, на недостаточном отмежевании от него и еще не ослабевшей скрепленности социальных связей близких к друг другу классовых групп. Нет сомнения, что по мере вытеснения докапиталистических укладов и развития современных секторов экономики традиционные, архаические связи будут изживаться и на первый план будут выступать не только сходные черты составных частей мелкобуржуазной коалиции, но и противоречия между ними. В частности, бесспорно, что дальнейший процесс пролетаризации городских и сельских низов в сочетании с индустриализацией и созданием новых отраслей экономики должен привести к росту за их счет рядов рабочего класса. «Осовременивание» хозяйственной и культурной жизни Востока должно также привести к сокращению мелкобуржуазности средних слоев, к более четкому размежеванию их на привилегированную верхушку и массу рядовых тружеников.

В заключение следует отметить некоторые особенности роли рабочего класса в странах Востока. Постоянные кадры пролетариата (как промышленного, так и сельскохозяйственного) в этих странах насчитывают 10—20% самодеятельного населения³⁸. Он окружен гораздо большим, чем в развитых странах, обилием переходных типов — от пролетария к полупролетарию и мелкому буржуа. Религиозные, земляческие, патриархальные и прочие традиционные связи, молодость, незрелость, текучесть кадров мешают ему в большей степени, чем другим классам и слоям, осознать свое положение и свои интересы. Во многих странах наблюдается различие источников формирования «верхов» (из зажиточной мелкой буржуазии) и «низов» (из люмпенов и бесправной бедноты) пролетариата. Закрепляемое различие в оплате, квалификации, жизненном уровне, профессиональной подготовке и общей культуре, это различие постоянно воспроизводится, сказываясь также на поведении и позиции рабочих «верхов» и «низов». Высокий удельный вес нефабричных групп, крайняя малочисленность потомственных рабочих, распыленность большей части пролетариата по мелким пред-

³⁸ Рабочее движение в странах Азии и Северной Африки на современном этапе. М., 1969, с. 17.

приятням также задерживают его формирование как современного класса.

Нередко пролетариат в странах Азии и Африки (как вследствие неразвитости у него классового самосознания, так и ввиду тесной сплетенности в многоукладном обществе самых разных течений и тенденций в рамках сложных по своему составу классовых коалиций) еще не отделяет своих интересов от интересов «всего народа», т. е. крестьянства и мелкой буржуазии, численно и идейно над ним доминирующих. Его враги в этом случае — империалисты, феодалы и иностранные капиталисты. А против «своих», национальных буржуа он может либо вообще не пойти, либо пойдет с неохотой, не будучи убежден в том, что соотечественники и единовверцы могут быть такими же эксплуататорами, как колонизаторы и вообще иностранцы. Вследствие этого даже среди рабочих иногда имеют хождение мелкобуржуазные представления о наличии в природе якобы помимо эксплуататорского также и «неэксплуататорского» капитала.

Но не менее часто встает на Востоке вопрос о влиянии на пролетариат не только мелкобуржуазных, но и докапиталистических представлений, а также личностных социальных связей неэкономического характера (племенных, родовых, кастовых, патриархально-общинных, а также скрепляющих единство религиозной секты или традиционную верность тому или иному феодальному авторитету). В орбите таких связей находится значительная часть афро-азиатского пролетариата, а также его основного резерва в лице так называемых маргинальных слоев города и деревни, т. е. массы постепенно деклассирующихся пауперов. Это обстоятельство предопределяет достижение уровня подлинной классовой зрелости лишь меньшинством рабочего класса Востока. Более значительная его часть еще находится, как явствует из указанного выше, на стадии перехода от мировоззрения патриархально-общинного и мелкобуржуазно-крестьянского к пролетарскому, что служит объяснением значительного влияния среди рабочих Востока не социалистической (в научном понимании этого термина), а революционно-демократической идеологии. Кроме того, среди определенных групп пролетариата распространены также анархо-экстремизм и левачество, рожденные не только нищетой и бедственным положением, но и духовным самовыражением бедняцко-крестьянской, люмпенской или незрелой полурбочей среды.

Нерешенность задач борьбы за экономическую (а в ряде случаев и за политическую) независимость, необходимость придерживаться в отношении национальной буржуазии политики не только борьбы, но и союза в рамках единого антиимпериалистического фронта, затухание классовых противоречий национально-этническими и трибалистскими конфликтами, воздействие мелкобуржуазного окружения и мелкобуржуазных

идеалов (обычно преподносимых в виде общенациональных) — таковы многочисленные препятствия на пути к вызреванию классового самосознания афро-азиатского пролетариата, его организационного, политического и идеологического укрепления. Но, несмотря на это, пролетариат поставляет антиимпериалистическому движению наиболее дисциплинированные кадры и оказывает все большее влияние на расстановку социально-политических сил.

Имеются, однако, внешние и внутренние факторы, существенно замедляющие это исторически неодолимое движение вперед. Классово-политическое размежевание после достижения независимости привело в большинстве стран Азии и Африки к расколу единого национального фронта, ударам по профсоюзам и рабочим партиям. Поддерживаемые и направляемые тайно или явно неокOLONИализмом, буржуазия, феодалы, а зачастую и мелкобуржуазные реакционеры пытались (а кое-где пытаются и сейчас) обезглавить рабочий класс, подчинить его себе и заставить служить интересам эксплуататоров. Это задерживает рост влияния пролетариата, лишая его возможности вести легальную политическую деятельность, тормозя организационный рост и препятствуя высвобождению из-под мелкобуржуазного, а во многих случаях и буржуазного влияния. Наличие гигантской армии безработных (иногда в восемь-десять раз превышающей спрос на рабочую силу), сохранение многих кабальных форм эксплуатации и даже полufeодальной зависимости рабочих, постоянное снижение жизненного уровня и неизжитость кое-где особенно жестоких средневековых форм эксплуатации также замедляют процесс превращения афро-азиатского пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя», искусственно консервируют его отсталость и неорганизованность, что находит, в частности, свое выражение в несоединенности марксизма с рабочим движением в очень многих развивающихся странах, где компартии преимущественно состоят из представителей прогрессивной интеллигенции и революционно настроенной молодежи далеко не всегда пролетарского происхождения.

Невзирая на все перечисленные выше моменты, влияние пролетариата в развивающихся странах растет. В связи с этим постепенно меняется как положение самого пролетариата в обществе, так и отношение к нему. Все реже в последнее время наблюдаются антирабочие выступления мелкой буржуазии, и все чаще она соглашается на классовый союз с пролетариатом. Но во многих афро-азиатских странах с мощным государственным сектором (в том числе в странах, идущих по пути социалистической ориентации) пролетариат рекрутируется преимущественно из пауперизированной массы предпролетариата (а на работы, требующие квалификации, — даже из среды состоятельных слоев мелкой буржуазии, обладающих большими, чем беднота, возможностями получить хотя бы начальное образо-

вание). Этот молодой и только начинающий созреть рабочий класс обычно не проходит на государственных предприятиях школы классовой борьбы и вообще не чувствует себя угнетенным и бесправным. Различные социальные связи разных отрядов пролетариата (с зажиточной мелкой буржуазией-квалифицированной верхушкой, с бедной-неквалифицированной массой) также может тормозить его развитие как единого класса. В целом рабочий класс на Востоке часто видит в лице государства благодетеля, который предоставил ему относительно хорошо оплачиваемую работу, жилье, специальность, более высокий социальный престиж, что имеет большое значение для вчерашних крестьян, составляющих основу наиболее молодых и многочисленных кадров пролетариата. Государство обычно поддерживает у многих рабочих ощущение привилегированности (уровень жизни занятых рабочих в странах Востока обычно выше уровня жизни большей части мелкой буржуазии), проводит ряд экономических, социальных и политических мер по укреплению государственного сектора, дающих наиболее квалифицированной части рабочего класса весьма ощутимые выгоды.

Сказанное не означает отсутствия всякого воспитания пролетариата в классовом духе на предприятиях государственного сектора. В частности, в 1971—1977 гг. именно рабочий класс госсектора наиболее активно выступил в защиту прогрессивных преобразований в Индии, Египте, Тунисе и других странах. Но в целом экономическое и социально-правовое положение рабочих госсектора имеет свою специфику, которая еще нуждается в изучении.

Сложность и непрямолинейность путей формирования, развития и классового созревания пролетариата тем не менее не должны заслонять ближайших и отдаленных перспектив рабочего класса как наиболее прогрессивной и динамичной силы освободительного движения. Суть их — в неизбежном росте кадрового пролетариата по мере индустриализации и ликвидации общей экономической отсталости, в постепенном уменьшении мелкобуржуазного влияния на него и росте обратного влияния пролетариата на мелкую буржуазию, а особенно на левую интеллигенцию, низших служащих, прогрессивное офицерство и демократически настроенную часть студенчества. Иначе говоря, при распаде коалиции мелкобуржуазных классов и слоев пролетариат растет за счет низов этой коалиции и получает возможность все большего влияния на наиболее «осовременившуюся» ее часть, особенно на интеллигенцию и средние слои.

Особая роль правящей элиты

Одна из самых существенных особенностей общественного развития Востока наших дней — усиление роли правящей элиты. Внешне даже создается впечатление ее абсолютного само-

властия и произвола в выборе социально-экономического и политического курса. Во многом это объясняется тем, что укоренившиеся в общественном быту народов Востока традиции так называемого азиатского деспотизма питаются требованиями текущего момента и еще не изжили себя. Небывалое возрастание субъективной роли правящей элиты в странах Азии и Африки непосредственно определяется реальным положением в этих странах, современными потребностями достигнутого ими этапа общественного развития³⁹.

Само понятие «элита» обычно распространяется на верхушку всякого классового общества. Имеется следующее определение этого высшего слоя населения в развивающихся странах: «К элите относятся помещичье-бюрократическая верхушка (в странах, где господствовал феодализм), крупные капиталисты, землевладельцы, а также выражающая их интересы бюрократия и высшая офицерская верхушка (в странах, развивающихся по капиталистическому пути). В странах, где две первые категории элиты в силу характера исторического развития или по другим причинам не находятся у власти, в состав ее входят и представители, занявшие после достижения независимости руководящие посты в государственном аппарате, парламенте и партийной иерархии. В последнем случае речь идет о выходцах из средних слоев, но превращение в господствующую силу в государстве делает их представителями другой социально-политической категории»⁴⁰.

Данное определение дает расширенное толкование элиты как своего рода универсального обозначения «сливок общества» и практически не отделяет правящую элиту, как таковую (т. е. часть или агентуру правящего класса, непосредственно осуществляющую политическую власть), от правящего класса в целом. Но в многоукладном обществе очень часто власть (как экономическая, так и политическая) находится в руках не одного, а нескольких классов (причем иногда принадлежащих к различным укладам). Это предопределяет сложносоставной, социально-коалиционный характер правящей элиты, что исключает всякую ее однозначную характеристику. Из этого надо исходить даже при определенной социальной однородности генетических связей элиты. Примеры истории убедительно свидетельствуют о том, что выходцы из одной среды, оказавшись у власти в классовом обществе, часто могут придерживаться самой различной ориентации. В этой связи встает сложный и

³⁹ В качестве причин исторически сложившегося всемогущества верховной исполнительной власти на Востоке некоторыми авторами отмечаются «хозяйственная атомизация, экономическая раздробленность, социальная аморфность, национальная разорванность» (Ю. Островитянов, А. Стербалова. Социальный «генотип» Востока и перспективы национальных государств. — «Новый мир», 1972, № 12, с. 199).

⁴⁰ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. I, с. 267—268.

каждый раз сугубо конкретно решаемый вопрос о неизбежном в конечном счете обособлении политической бюрократии от правящего класса (или классов) в целом.

Вряд ли удачно определение элиты как тех слоев, «которые по своему социальному положению, безусловно, не могут быть отнесены к трудящимся классам и в то же время не являются представителями класса буржуазии хотя бы потому, что отсутствует соответствующая социально-экономическая база в виде капиталистических производственных отношений»⁴¹. Слабость данного определения — в отсутствии четкого выявления места, роли и функций элиты в обществе, в котором, в частности, представлены и различные типы капиталистического производства и буржуазных отношений. В Азии и Северной Африке наших дней практически нет «полностью докапиталистических» стран.

За последние годы в литературе все чаще делается упор на двойственную роль правящих классов и социальных слоев Востока, особенно функционально связанной с управлением прослойки, представляющей собой одновременно организатора национального хозяйства и коллективного эксплуататора. Нет сомнения, что эта прослойка, фактически отождествляемая с понятием правящей элиты, обладает громадными возможностями использовать власть в целях личного обогащения, применить упоминавшуюся выше «вторичную эксплуатацию». Тем не менее вряд ли правомерно полагать, что правящая элита — это «социальная общность, воплощающая государственную собственность во всех ее основных аспектах (как экономических, так и неэкономических)»⁴². В данном случае оригинальные черты правящей элиты современного Востока, ее социальная и функциональная непохожесть на политическую бюрократию эксплуататорских обществ Европы возводятся в черты первичной социальной общности, своего рода небывалого ранее класса, но без конкретного, достаточно широкого и точного объяснения самобытности и неповторимости ее функций. Во-первых, данная элита — это не только администрация госсектора, но и вообще вся верхушка государственного аппарата и системы управления в целом. Во-вторых, государственная собственность на средства производства далеко не везде и не всегда играет серьезную (а тем более главенствующую) роль в экономике, хотя и существует почти всюду на Востоке. В-третьих, первичность элиты как социальной общности в условиях многоукладного общества весьма сомнительна, ибо она не только и не столько элемент, составная часть этого общества (тем более имеющая классовые черты), сколько механизм, функция, ори-

⁴¹ М. Чешков, Элита и класс в развивающихся странах. — «МЭ и МО», 1970, № 1, с. 85—86.

⁴² Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы, с. 228.

ентатор динамики данного общества, что и объясняет возможность довольно быстрой смены социального лица, политического направления и даже персонального состава правящей элиты. Все ее черты и качества определяются диалектической связью с достигнутым этапом развития данного многоукладного общества, с изменением его характера и стоящих перед ним задач.

Роль элиты на современном этапе классовой борьбы в Азии и Африке связана с малоизученной проблемой «переходности лидерства при борьбе за наиболее рационально-радикальные решения задач соответствующего этапа развития многоукладного государства»⁴³. Этот переход лидерства в многоукладных странах, как правило, совершается в ходе внутренней борьбы в рядах самой элиты, социальная пестрота которой предрасполагает ее к постоянным кризисам, в ходе которых взрывается эфемерное единство правящей элиты, выдвигаются на авансцену ее фракции, связанные с побеждающим социально-экономическим укладом, классом или политическим курсом, отсекаются и подавляются побежденные фракции.

В некоторых странах борьба внутри элиты является преобладающей (а иногда и единственной) формой борьбы, отражающей классовые тенденции. Обычно это происходит там, где более всего сильны докапиталистические отношения, особенно родо-племенные и патриархально-общинные, там, где элита выступает одновременно в роли «совокупного» представителя и «совокупного» эксплуататора широких масс традиционных производителей. По мере втягивания данного общества в систему международных связей и расчленения функций элиты («представительской» и «собственническо-эксплуаторской») сохранение ею связей с народом ведет к утверждению коллективных форм собственности, производства и присвоения. В другом случае происходит сближение элиты с эксплуататорами, часто сращивание с ними, превращение в политическую фракцию правящего класса собственников средств производства.

Такова примерная схема становления и развития элиты в наиболее отсталых странах Тропической Африки и Юго-Восточной Азии. Но эта схема «не работает», когда речь идет об обществе, достигшем более высокой стадии развития, со значительным весом современных укладов и давно сформировавшимися классами, в том числе правящими или реально претендующими на власть. Многим из них (например, феодалам, еще до прихода колонизаторов державшим власть в руках, или буржуазии, располагающей собственными кадрами и капиталами) элита как своего рода «предкласс» совершенно не нужна.

⁴³ А. И. Левковский. Многоукладные страны: особенности классовой борьбы, с. 4.

Эти классы давно вышли из эмбрионального состояния и не только не нуждаются в элите как своеобразной оболочке, помогающей их созреванию, но, наоборот, заинтересованы в скорейшем ее поглощении и подчинении, ликвидации ее самостоятельной роли. Следовательно, роль и характер элиты различны в различных типах многоукладного общества на разных этапах его развития.

Некоторые исследователи понятие правящей элиты сужают до ограниченного числа лиц, непосредственно входящих в правительство или связанных с ним. В этом случае получается, что в 50—60-х годах, скажем, в Индонезии подобная элита составляла всего 500 человек, на Филиппинах — 200 человек, в Ираке — 1 тыс. семейств, в Таиланде — 1 тыс. человек⁴⁴. Вся же социальная категория, непосредственно связанная с функцией управления, именуется при такой интерпретации «правлящей прослойкой», которая имеет «постоянный состав в течение довольно длительного времени, тогда как состав элиты может изменяться». «Различные правительства (элита), — пишет Ежи Клеер, — как правило, опираются на тот же самый исполнительный аппарат, и не только на низшее и среднее, но и на центральное его звено... Очень часто наблюдаются несовпадения преобразований, предусмотренных прежней элитой, и мероприятий правящей прослойки, действующей во имя своих собственных целей и выгод»⁴⁵.

Как представляется, подобное разделение недостаточно обоснованно. Противоречия между правительствами и бюрократией — лишь проявление более глубоких и принципиальных противоречий внутри руководящей государством социальной категории, каковая сама по себе изначально противоречива, ибо в условиях многоукладного общества не может не включать в себя представителей разных классов и тенденций. Надо исходить не из столкновений между верхами и низами правящего слоя, а из антагонизма между составляющими его разными социально-политическими компонентами, из которых один обычно успевает захватить вершину пирамиды власти. Но бывает и так, что ни одна из противоборствующих групп эту вершину не захватывает. Поэтому нет нужды в делении на «элиты» и «прослойку», так как оно, останавливая внимание на одном из множества противоречий внутри руководящего слоя, ничего не дает для понимания его специфики на современном Востоке.

Правящая элита, преодолев раздражающие ее противоречия (не только классовые), обычно сплочена необходимостью срочного решения общенациональных задач, налаживания механизма государства и адаптации к трудным условиям натиска извне более передовых порядков. Для этого неизбежна ломка устояв-

⁴⁴ М. Чешков. Элита и класс в развивающихся странах, с. 85.

⁴⁵ Е. Клеер. Анализ общественно-экономических структур стран «третьего мира», с. 175.

шихся традиций. В практической деятельности элиты внешне проступают черты своего рода надклассовости, обособленности от находящегося под ее господством общества. Но в конечном счете истоки и социальные связи элиты дают себя знать на каждом шагу. При победе в ее рядах какой-либо определенной классовой группы она превращается в механизм политического господства соответствующих общественных сил, приобретая сходство с правящим слоем любого классового государства.

Эти две с одинаковой четкостью обозначенные стороны в деятельности элиты развивающихся стран тесно связаны и неразрывны. Однако имеет место тенденция разъединять и противопоставлять их, преувеличивать значение одной из сторон в ущерб другой, иногда вплоть до полного отрицания двойственности характера и функций элиты. В одном случае в элите видят «паразитический по своей природе слой» бюрократической буржуазии, как бы самобытную фракцию афро-азиатской частнособственнической буржуазии, для которой «государственная служба всегда была немаловажным источником первоначального накопления»⁴⁶. В другом случае под элитой понимается «самостоятельный полюс классовой дифференциации», опирающийся на социально-экономические уклады докапиталистического типа, «особая социальная общность, персонифицирующая государство-собственника», а также «исторически новый, особый тип социальной общности», осуществляющий управленческие функции в условиях, когда «власть и собственность на основные средства производства образуют единый нерасчлененный комплекс в лице государства»⁴⁷.

Конечно, афро-азиатская бюрократия и та ее часть, которая использует свои непомерно высокие доходы (в том числе от взяток и казнокрадства) для тайного или явного бизнеса, приобрели громадную власть, в самом процессе осуществления которой содержится немало возможностей для обогащения. Этому способствует наблюдаемый во многих странах от Юго-Восточной Азии до Тропической Африки «интенсивный процесс интеграции экономической эксплуатации и политического господства»⁴⁸. Но нельзя забывать и о том, что не везде и не всегда в Азии и Африке элита идентична бюрократической буржуазии. Иногда она лишь придаток или неотъемлемая часть правящего класса феодалов или национальной буржуазии (чаще всего их блока), в других случаях состоит в большинстве своем из еще не успевших (и не собирающихся) обуржуазиться революционных представителей средних слоев. Ее многоликость и в большинстве случаев сублимативный харак-

⁴⁶ Классы и классовая борьба в развивающихся странах, с. 34—36.

⁴⁷ М. Чешков. Элита и класс в развивающихся странах, с. 88—89.

⁴⁸ В. Ли. О бюрократической буржуазии в странах Азии и Африки. — «Азия и Африка сегодня». 1975, № 4, с. 25.

тер отвергают всякую возможность жестко однозначного и одностороннего определения. В то же время неверно представлять элиту лишь в виде своеобразного класса управляющих государственной собственностью, тем более что государство не является собственником основных средств производства в большинстве стран Востока.

Секрет многообразия и специфичности деятельности элиты может быть раскрыт, очевидно, лишь в том случае, если эту деятельность, как и саму элиту, рассматривать не статично, а в развитии, в постоянном поиске наилучшей формы приспособления к меняющейся действительности афро-азиатского мира. При крайне низком уровне классовой дифференциации элита некоторых развивающихся стран действительно является совокупным собственником главных средств производства и эксплуататором трудящихся через механизм государства. «Прямое расхищение государственной собственности в некоторых развивающихся странах — серьезная преграда прогрессивному социально-экономическому развитию». В ряде случаев это хищение и коррупция поглощают до 30% годового дохода страны (например, в Индонезии в 1974 г.).

Скрытый (а в ряде случаев открытый) бизнес чиновников, различные формы владения и совладения источниками извлечения капиталистической прибыли, вовлечение в процесс интеграции бюрократического и предпринимательского капитала «крупных получателей госкапиталистического дохода», малоизученный процесс «огражданивания» военной бюрократии с последующей (или даже одновременной) ее трансформацией в бюрократическую буржуазию — все эти негативные явления свойственны в различной степени самым разным странам Востока наших дней, но преимущественно странам низкого или невысокого уровня социально-экономического развития. Именно здесь чаще всего наблюдается засилье бюрократии, а ее непомерно высокие оклады рассматриваются «как неэквивалентное (нестоимостное) вознаграждение за непроизводительную деятельность». Именно здесь наиболее типична сфера «превращения бюрократического дохода в бюрократический капитал» (хотя столь же интенсивен этот процесс и в таких относительно продвинувшихся по капиталистическому пути странах, как Филиппины, Либерия до переворота в апреле 1980 г.).

Все эти проблемы — тема особого исследования. Но в качестве предварительной гипотезы можно согласиться с тезисом В. Ф. Ли о том, что «бюрократический доход и бюрократический капитал представляют собой лишь исторически переходные формы (или элементы) производственных отношений (на стыке госкапитализма и частнокапиталистической деятельности) в противоречивых условиях многоукладных стран»⁴⁹. Чем

⁴⁹ Там же, с. 26—28.

ниже уровень развития страны, тем более доминирование в ней бюрократической буржуазии, тем больше сводится к ней само понятие элиты. Однако, чем выше уровень развития данного общества, чем значительнее удельный вес представленных в нем развитых укладов с четким классовым делением, тем больше отделение политической власти от собственности на средства производства, тем сложнее задачи и сам характер элиты, тем прозрачнее ее внешняя «независимость» от противоборствующих сил данного общества. Само возникновение элиты как особой социально-политической прослойки, действующей относительно самостоятельно главным образом в сфере управления, связано с двумя факторами: а) в большинстве стран Азии и Африки существует потребность в проведении общенациональных преобразований, в которых заинтересованы все или почти все классы, но ни один из них не в состоянии сделать это в одиночку; б) неотложность осуществления этих преобразований и создания необходимых для них политических и моральных условий, нужда в крепкой власти выдвигают к рычагам управления некий суррогат класса, получающего возможность опереться на заинтересованность всего общества в его существовании, не связывая при этом своих непосредственных интересов (к тому же меняющихся или находящихся в стадии формирования) с ближайшими или узкопонимаемыми интересами какого-либо одного класса.

Однако элита существует не в вакууме, и присущее ей стремление играть роль надклассового арбитра бывает успешным лишь на короткое время. Рано или поздно ей приходится занять четкую классовую позицию по всем основным вопросам. Решающую роль при этом играют не столько социальное происхождение и социальные связи элиты, сколько общая обстановка и соотношение классовых сил в стране. В тех случаях, когда элита рекрутируется преимущественно из эксплуататорских классов, она обычно воплощает власть этих классов и мало чем отличается от политической элиты любого классового общества, оставаясь приказчиком буржуа и помещиков. Но в большинстве случаев возможности эволюции элиты гораздо более значительны, а амплитуда политических колебаний несравненно шире.

Сложный состав элиты как бы поощряет различные классы к тому, чтобы подчинить ее своему влиянию. Но эта борьба за подчинение элиты в большинстве случаев сплетается с ее усилиями к самосохранению в качестве надклассовой силы, монополизировавшей власть во имя общенациональных интересов. Поэтому в рядах элиты происходит постоянное противоборство течений с различной ориентацией (или даже тенденций, не всегда до конца определивших свою социальную направленность ввиду сложности и суммарности классовых позиций в афро-азиатском обществе). Обострения этого противоборства

чередуются с периодами временной стабилизации, когда кажется, что социальное лицо элиты наконец определилось. Но это не так, ибо, пока в многоукладном обществе идет сложная многоплановая и многоэтапная классовая борьба, элита будет оставаться объектом различных классовых притязаний и отражать взлет того или иного класса.

С противоречивым характером элиты связана особая роль армии в политической жизни Востока. В тех случаях, когда элита не опирается на какой-либо сильный и организованный класс, когда ее положение и власть во многом зависят от равновесия противоборствующих сил, она особенно нуждается в укреплении своего господства над обществом. И тут наступает момент, наиболее точно охарактеризованный Ф. Энгельсом: «В политике существуют только две решающие силы: организованная сила государства, армия, и неорганизованная, стихийная сила народных масс»⁵⁰. Не имея возможности (а иногда и желания) опереться на поддержку народа, как правило не организованного и не подготовленного в рамках традиционного общества, правящая элита развивающихся стран всей логикой событий обрекается на альянс с армией, в котором она далеко не всегда играет главенствующую роль.

Между элитой и армией существуют взаимосвязи и взаимовлияния благодаря параллельным отношениям сотрудничества и соперничества, а иногда самого прямого родства, так как в очень многих развивающихся странах у власти стоят военные и основу элиты составляет армейская верхушка. Значение армии в молодых государствах Азии и Северной Африки постоянно растет в связи с упоминавшимся выше увеличением потребности этих государств в орудиях принуждения и общенационального сплочения, в замене отживших административных форм и методов управления, в подтягивании отсталого общества до уровня современных требований, в мобилизации масс на выполнение крупномасштабных задач общенационального значения. Как наиболее организованная (а иногда единственно организованная) в соответствии с новейшими принципами сила страны, армия наилучшим образом подготовлена к выполнению этих функций.

Лишь в некоторых странах, где армейская верхушка прочно вросла в буржуазно-бюрократическую реакционную касту (Таиланд 70-х годов), а сама армия приобрела черты антидемократической эксплуататорско-милитаристской корпорации, можно говорить о безусловно негативном значении военного правления и его устойчиво правой ориентации. В большинстве же случаев офицерские правительства являются в основном выразителями политики мелкой буржуазии и средних слоев со всеми вытекающими отсюда последствиями, сильными и сла-

⁵⁰ Ф. Энгельс. Роль насилия в истории. — Т. 21, с. 446—447.

быми сторонами. Крайние меры, на которые легко соглашается военная элита, чувствуя себя всегда увереннее гражданских политиков, нередко применяемые ею казарменное администрирование и принуждение в ущерб методам заинтересованности и убеждения лишь подчеркивают указанные выше сильные и слабые стороны.

Совершенно особую социальную роль в развивающихся странах играет государственный сектор национальной экономики. Для правящей элиты этот сектор — непосредственная экономическая основа и оправдание ее деятельности, символ соответствия ее роли в экономике ее политическому положению. Отсюда — не всегда подкрепляемое чисто экономическими соображениями стремление элиты, особенно склонных к хозяйственному волюнтаризму военных правителей, к раздуванию государственного сектора и максимальному распространению его контроля на все отрасли экономики.

Вместе с тем следует учесть, что в афро-азиатском мире государственный сектор по своей природе весьма противоречив, как противоречиво само государство и общество, его породившие. Представляется интересным определение государственного сектора на Востоке В. Л. Тягуненко: «Для национальной буржуазии государственный сектор является приемлемой формой потому, что он создается в ходе борьбы против империализма и обычно ограничивает хозяйничанье империалистических монополий, защищает (особенно при наличии монополии внешней торговли) национальную экономику от пагубных последствий участия освободившихся государств в международной торговле на мировом капиталистическом рынке, может быть (и во многих случаях является) эффективной формой мобилизации национальных ресурсов и их направления в наиболее важные сферы хозяйства страны... Вместе с тем госсектор обладает такими чертами, в которых рабочий класс особенно заинтересован. Госсектор прежде всего объективно ограничивает сферу частнопредпринимательской стихии в национальной экономике; создает и развивает производительные силы в такой организационной форме, которая наиболее удобна для перехода в социалистическую собственность; создает предпосылки для использования в интересах национального прогресса опыта, накопленного социалистическими государствами в области планирования, индустриализации, кооперирования мелкого производства и других форм организации обобществления производства»⁵¹.

Нетрудно заметить, что речь здесь идет только о двух тенденциях (а их гораздо больше) в развитии государственного сектора, к тому же не всегда реальных, а лишь возможных. Есте-

⁵¹ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. Т. 3, с. 403—404.

ственно, что каждый класс и вообще организованная социально-политическая сила стремятся использовать лишь нужные им возможности и не допустить реализации иных, в которых они не заинтересованы.

В этих условиях государственный сектор, так же как и государственный аппарат, да и сама элита, становится полем борьбы различных классов. В ряде стран он превращается в кормушку для бюрократической буржуазии и легальное прикрытие официально ограничиваемого свободного предпринимательства. Там, где у власти стоит буржуазия, государственный сектор — просто подспорье капиталистическому развитию. Но даже там, где этот сектор планомерно поощряется и развивается за счет вытеснения буржуазии, одновременное существование государственного сектора и частнособственнической стихии порождает их взаимное приспособление и множество форм вклинивания различных групп буржуазии в те или иные сферы деятельности государственного сектора. В частности, бывшие собственники вошедших в государственный сектор предприятий проникают на руководящие посты в качестве специалистов, директоров и просто образованных чиновников, тысячами тайных нитей смыкаются с «новой буржуазией», т. е. разбогатевшими на сотрудничестве с государственным сектором подрядчиками, поставщиками, спекулянтами-оптовиками. Таким образом, рост государственного сектора может сопровождаться ростом паразитического капитализма (особенно в сфере торговли, строительства, общественных работ, владения недвижимостью).

Непрерывное порождение капитализма частнособственнической стихией, осложняемое к тому же заинтересованностью государства в общем росте производства и относительной прогрессивностью возникающего капитализма по отношению к застойному традиционному обществу, не только экономически способствует подрыву государственного сектора. Оно ставит под вопрос и его социально-политические перспективы. Определение этих перспектив происходит в ходе классовой борьбы, объектом и полем которой является, в частности, и государственный сектор. Буржуазные тенденции всех направлений и оттенков стремятся овладеть им, чтобы в конечном счете развалить и реприватизировать. Противостоящие им силы, наоборот, всемерно защищают и укрепляют государственный сектор. Но эта защита и укрепление не всегда способствуют некапиталистическому развитию, ибо часто являются делом рук не убежденных противников капитализма, а приверженцев политически не всегда определенно ориентированного экономического дирижизма, каковых всегда много среди высшего чиновничества и офицерства стран Азии и Африки.

Следовательно, правящая элита современного Востока — особая общественная прослойка, состоящая из политиче-

ских представителей одного или обычно нескольких правящих классов, связанных с функциями управления. В различных типах современного афро-азиатского общества и на разных стадиях его развития различны состав, роль и характер элиты. В целом неустойчивое соотношение противоборствующих классов позволяет элите в течение довольно продолжительного времени играть относительно независимую роль, подкрепляемую контролем над значительной или даже основной частью средств производства.

Характер и содержание деятельности правящей элиты определяются конкретным соотношением классовых сил, достигнутыми результатами классовой борьбы, социальной природой складывающегося или уже сложившегося государства, доминированием в нем тех или иных классовых интересов. Нестандартный характер элиты, невозможность заранее четко определить ее неразрывную и надежную связь с какими-либо ограниченными классовыми интересами, ее особая чуткость к общенациональным устремлениям и исповедуемая ею на практике своего рода «скользящая шкала» социально-политических ценностей, всецело зависящая от сложной и постоянно меняющейся обстановки, — таковы факторы, определяющие особую роль правящей элиты. С этой ролью связаны такие важнейшие для Азии и Африки проблемы, как возможный исход борьбы за тот или иной путь развития, переходный характер лидерства в данном обществе, классовом союзе и социальном движении.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФОРМЫ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Интернациональные факторы социальных битв 60—70-х годов

Середина нашего века войдет в историю как период триумфа национально-освободительных революций и образования молодых независимых государств, возродившихся к самостоятельной жизни. Этот триумф стал возможен благодаря помощи антиимпериалистическому движению угнетенных народов со стороны социалистических стран, и прежде всего Советского Союза. «Мировая система социализма является решающей силой в антиимпериалистической борьбе»¹, — подчеркивается в резолюции международного Совещания коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. Более того, само «возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов»². Это освобождение, ставшее в наши дни фактом, повлекло за собой ряд кардинальных изменений в расстановке сил на международной арене и внутри каждой освободившейся страны. Конец 60-х — начало 70-х годов в этом отношении особенно показательны.

В. И. Ленин учил, что «в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений», но «только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»³. Наша эпоха — эпоха заката и гибели империализма, торжества сил социализма. Освободительное движение народов Азии и Африки, являясь объективным союзником мирового социализма и международного рабо-

¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, с. 301.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961, с. 44.

³ В. И. Ленин. Под чужим флагом. — Т. 26, с. 142.

чего движения, может сыграть и уже играет в этой борьбе значительную роль. «Национальные государства все активнее выступают как самостоятельная сила на мировой арене, причем объективно это в основном сила прогрессивная, революционная и антиимпериалистическая»⁴. Отсюда — непрекращающиеся попытки империализма разгромить национально-освободительное движение колоннальных народов (например, на юге Африки), предотвратить образование новых национально независимых государств, а когда это не удается — превратить завоеванную ими независимость в фикцию. Это влечет за собой постоянные интриги и агрессивные действия империалистов, заговоры их агентуры в большинстве афро-азиатских стран. «Особую враждебность империализм проявляет в отношении стран с прогрессивными режимами. Желая столкнуть эти страны с избранного ими пути, империалисты пытаются разложить их политические партии, подчинить своему влиянию просветительные и культурные учреждения, средства массовой информации, организуют там свою контрреволюционную агентуру и поддерживают реакционные элементы в государственном аппарате и вооруженных силах. Они стремятся использовать антикоммунистические предрассудки, чтобы сеять рознь среди патриотов»⁵.

Всемирное противоборство сил социализма и империализма, в том числе их борьба за влияние на дальнейший путь развития афро-азиатского мира, — это не только международный фон современной классовой борьбы, происходящей в Азии и Африке, но и очень важный интернациональный аспект этой борьбы. Вместе с тем внешние факторы в каждой стране не существуют в неразрывной связи с факторами внутренними, также подверженными изменениям. «В освободившихся странах развивается дифференциация. Обостряется конфликт рабочего класса, крестьянства, других демократических сил, в том числе патриотически настроенных слоев мелкой буржуазии, с империализмом и силами внутренней реакции, с теми элементами национальной буржуазии, которые все более склонны идти на сговор с империализмом»⁶.

Ход классовой борьбы в афро-азиатском мире в 60—70-е годы, определяясь в первую очередь особым соотношением сил в каждой стране, в то же время все более и более зависел от эволюции международной обстановки во всем мире, от тех или иных глобальных и региональных изменений в соотношении социально-политических сил. Эти изменения в масштабах афро-азиатского мира находили свое выражение, в частности, в некоторых важных общественных процессах и переломных мо-

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 50.

⁵ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 313.

⁶ Там же, с. 311—312.

ментах, характерных для всех или для большинства стран Востока. «Шестидесятые годы внесли значительные перемены в расстановку сил в этой зоне мира. За это время 44 бывших колонии завоевали независимость»⁷. А это обстоятельство, в свою очередь, «внесло существенные перемены в политическую структуру мира и способствовало изменению соотношения сил в ущерб империализму»⁸.

К концу 60-х годов социалистическая ориентация общественных преобразований утвердилась в Алжире, Сирии, Анголе, НДРГ, Народной Республике Конго, некоторых других странах.

Но этого не произошло в большинстве других стран Востока. Во многих из них антинародная эксплуататорская верхушка смогла предотвратить сдвиг влево и сохранить свою классовую гегемонию. «В результате недостаточной организованности или пассивности прогрессивных сил в ряде стран бывшего колониального мира после провозглашения политической независимости власть захватили реакционные элементы, тесно связанные с империализмом. В некоторых из них хозяйничают военные диктатуры, господствует террор против всех прогрессивных сил. Империалистические государства используют территории многих из этих стран в своих агрессивных целях, в частности, для создания военных баз»⁹.

Разумеется, империалисты сделали все от них зависящее, дабы ликвидировать или подорвать все возможности самостоятельного, тем более прогрессивного развития недавно освободившихся стран. Наиболее яркими примерами этого являются война против вьетнамского народа, в которой США фактически участвовали с 1965 по январь 1973 г., и агрессия Израиля против арабских стран в 1967 г. Обе эти акции преследовали своей целью непосредственное подавление силой оружия освободительного движения народов. Война из Южного Вьетнама в 1965 г. была распространена на территорию ДРВ, в 1970 г. — Камбоджи, в 1971 г. — Лаоса. США максимально втянули в эту войну зависящие от них правительства стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Они всемерно поддержали кампанию мирового сионизма против арабских стран и социалистических государств, а также поощряли Израиль на то, чтобы шантажировать арабские страны угрозой полной аннексии незаконно захваченных у них территорий.

Взлет Палестинского движения сопротивления (ПДС), происшедший после войны 1967 г. и получивший в арабском мире название «палестинской революции», вызвал беспокойство как в Израиле, так и у наиболее реакционных кругов арабских стран. При активном вмешательстве ряда разведок, воен-

⁷ Там же, с. 60.

⁸ Там же, с. 311.

⁹ Там же, с. 61.

ных и финансовых ведомств крупнейших капиталистических держав во главе с США (хотя внешне более активную, даже с претензией на самостоятельность, агрессивную роль играл Израиль, непосредственно обрушивавший на арабов свою военную мощь) был организован широко разветвленный заговор, преследовавший целью ликвидацию ПДС руками арабской реакции или недовольных им режимов, преимущественно монархических. В результате столкновения 1968—1976 гг. привели к вынужденному уходу ПДС из Иордании в июле 1971 г., к тяжелым ударам по силам ПДС в Ливане, где реакция сначала спровоцировала в 1973 г. конфликт ПДС с ливанской армией, а в 1975—1976 гг. развязала кровавую войну против ПДС и выступивших в союзе с ним национально-патриотических сил (НПС) Ливана. Не довольствуясь этим, милитаристские круги Израиля (кстати, оказывающие ливанским реакционерам с 1976 г. прямую военную помощь), непосредственно поощряемые и вооружаемые из США, продолжали свои военные провокации против сил ПДС и палестинских беженцев на территории Ливана, стремясь максимально ослабить и по возможности истребить ПДС и левые силы в Ливане. В марте 1978 г. израильская армия оккупировала Южный Ливан, всегда бывший оплотом ПДС и НПС.

Палестинское движение сопротивления продолжает мужественную борьбу в защиту законных национальных прав арабского народа Палестины. Поддержка прогрессивных сил и прогрессивных режимов арабского мира, в первую очередь Ливии, НДРГ, Сирии и Алжира, коммунистических и рабочих партий всех арабских стран, а также активизация с 1972 г. общественно-политической деятельности ПДС на оккупированных Израилем территориях являются наряду с переходом руководства ПДС на более реалистические и свободные от экстремизма позиции залогом будущих успехов палестинских патриотов. Поручкой тому — решительная и принципиальная поддержка Советским Союзом и другими странами социализма права арабского народа Палестины на самоопределение, вплоть до образования собственного национального государства.

«На Ближнем Востоке сейчас нет войны, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду. — Но нет там и мира, а тем более спокойствия. И кто отважится поручиться, что пламя военных действий не вспыхнет вновь. Такая опасность будет сохраняться, пока израильские армии остаются на оккупированных землях. Она будет сохраняться, пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство»¹⁰.

¹⁰ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 14.

Неурегулированность палестинской проблемы, как и ближневосточного конфликта в целом, объяснялась в первую очередь отчаянными попытками сил империализма, среди которых все более ведущую роль стали играть многонациональные монополии, удерживать свои позиции на Ближнем Востоке в конце 60-х — начале 70-х годов и, если возможно, расширить и укрепить их за счет народов данного региона. Это определяло в рассматриваемый период политику США — главной из капиталистических держав. От США пытались не отстать и их более слабые партнеры. В частности, как отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г., «Англия остается в числе главных империалистических держав и стремится сохранить свои позиции в Африке, Азии, в Карибском море и на Ближнем Востоке с помощью методов неокOLONиализма, а иногда и посредством прямой военной интервенции»¹¹. Последующая политика Англии (особенно на юге Африки, в Омане, на Кипре) подтвердила это. Пытались сохранить свои позиции, а иногда даже усиливали свою экспансию монополии Японии (особенно в Юго-Восточной Азии, арабских странах и Африке), Бельгии, Франции, ФРГ, Италии. Правящие круги Испании сорвали решение ООН о предоставлении народу Западной Сахары права на самоопределение и пошли на раздел этой территории между Марокко и Мавританией в 1975 г. В 1979 г. Мавритания признала право сахарцев на самоопределение.

Все это сопровождалось усилиями империалистов по внедрению «климата страха» в странах Востока, так как в подобной обстановке намного увеличивались возможности для всякого рода происков, заговоров, интриг и маневров империализма и его агентуры в Азии и Африке. Участились проявления «коллективного колониализма», т. е. совместных выступлений сразу нескольких империалистических держав против свободы народов Востока.

Уже начало 60-х годов ознаменовалось преступным заговором международного империализма против прогрессивных сил Конго (ныне Заир), что привело к гибели выдающегося деятеля свободной Африки Патриса Лумумбы. В 1962—1968 гг. империалисты США и Англии активно поддержали силы монархической реставрации в Йеменской Арабской Республике. Они прямо дирижировали реакционными переворотами в Индонезии в 1965 г. и в Гане в 1966 г.

На всем протяжении 60—70-х годов страны Североатлантического блока оказывали военно-экономическую и морально-политическую помощь расистским режимам ЮАР и Южной Родезии как в борьбе с освободительным движением африкан-

¹¹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 295.

ского большинства населения этих стран, так и в деле постоянного давления на независимые страны Африки, прежде всего на Замбию и Танзанию, разжигания розни между ними (например, между Танзанией и Угандой). С этой же целью империалисты поддерживали постоянную нестабильность в молодых независимых государствах: только в Африке в 60—70-х годах произошло 30 государственных переворотов¹². С благословения англо-американских и других международных монополий, под их эгидой и на их субсидии фактически сколачивался блок расистов ЮАР и Южной Родезии, пытавшийся воспрепятствовать борьбе народа Зимбабве за освобождение, завершившейся победой в марте 1980 года.

Усиление и все большая изощренность наступления империализма на страны Азии и Африки — характерная черта 60—70-х годов. Данная особенность афро-азиатской истории не могла не сказаться и на ходе внутренней эволюции каждой страны Востока, так как она в дополнение к противоречиям, вызванным социальной дифференциацией после завоевания независимости, вновь обостряла «старые» противоречия времен борьбы за независимость между социально-политическими блоками антиимпериалистов и проимпериалистов. В каждой стране возрождение этих блоков существенно влияло на расстановку классовых сил, позицию, тактику и стратегию любого класса, классовой фракции или коалиции.

Размежевание по данному принципу в условиях нарастания классовой борьбы способствовало в 60-е годы убыстрению темпов политического созревания различных социальных сил, поставило эти силы перед необходимостью сделать выбор в пользу проимпериализма или антиимпериализма. В результате уменьшилось число стран и правительств в афро-азиатском мире, придерживающихся «чистого» нейтралитета во внешней политике. Последовательно патриотические режимы и партии эволюционировали влево, к сближению с народом своей страны и со странами социализма в международном плане. Но в ряде случаев реакции удалось либо в результате насильственной смены режима (в Индонезии в 1965 г., в Гане в 1966 г., в Камбодже в 1970 г.), либо путем всевозможного давления (Малави и др.) добиться изменения политического курса и сдвига вправо. Однако с начала 70-х годов империализм и связанные с ним реакционные силы снова начинают терпеть поражения и неудачи. В немалой степени это было связано с общим ослаблением империализма вследствие начавшихся в 1971 г. и с тех пор практически не прекращавшихся экономических потрясений, особенно в сферах финансов, торговли, занятости, источников сырья и энергии. Руководители США вынуждены были признать давно существовавшее равенство военных по-

¹² «Jeune Afrique». P., 1971, № 528, с. 22.

тенциалов с СССР и невозможность открытой с ним конфронтации. Почти повсеместно правые силы перешли от наступления к обороне.

США вынуждены были прекратить войну во Вьетнаме в 1973 г. Однако поддерживавшийся ими сайгонский режим Тхиену фактически продолжал с помощью вооруженной до зубов марионеточной армии войну против собственного народа. То же самое происходило в Камбодже, где режим Лон Нола с 1970 г. тщетно пытался с помощью США подавить освободительное движение кхмерского народа. Затянувшаяся с 1974 г. агония режимов Тхиену и Лон Нола объяснялась лишь продолжавшейся помощью США.

Весной 1975 г. крах обоих режимов и установление подлинно народной власти в Южном Вьетнаме стали свершившимся фактом. Еще раньше, в 1974 г., после достижения соглашения между королевским правительством Лаоса и силами народного освобождения этой страны было достигнуто справедливое урегулирование и в этом государстве Индокитая. Таким образом, был положен конец почти 35-летней (со времени японского вторжения в 1941 г.) войне в Юго-Восточной Азии. В ходе этой беспримерной по длительности войны силы колониализма и проимпериализма вынуждены были отступить, потерпев серьезное поражение.

Крупной неудачей для этих сил явилась и четвертая арабско-израильская война в октябре 1973 г. Хотя в ходе военных действий территориальные позиции сторон мало изменились, Израиль на этот раз понес серьезные потери и столкнулся с намного возросшей силой и боевой выучкой армий Египта и Сирии (которым помогали также боевые части Марокко, Ирака, Иордании, Алжира и ПДС). Вследствие этого Израиль вынужден был после окончания войны пойти на некоторые уступки, частично отвести свои войска на Синае и Голанских высотах, а также дать согласие на мирное урегулирование ближневосточного конфликта в рамках Женевской конференции с участием всех заинтересованных сторон, а СССР и США — в качестве сопредседателей конференции и гарантов предполагаемого политического решения спорных между Израилем и арабами проблем, включая проблему осуществления законных национальных прав арабского народа Палестины.

Однако предпринятые США и Израилем в 1974—1976 гг. усилия по расколу арабских стран («челночная» дипломатия Киссинджера, разжигание внутренних распрей в Ливане и открытая поддержка реакции в этой стране) привели к затяжке ближневосточного урегулирования. Перспективы его еще более осложнились после прихода к власти в Израиле в июне 1977 г. правозэкстремистского кабинета блока «Ликуд». Во время встречи Л. И. Брежнева с Я. Арафатом 7 апреля 1977 г. «было подчеркнуто, что определенные империалистические круги в

союзе с Израилем пытаются использовать продолжающуюся неурегулированность положения на Ближнем Востоке с тем, чтобы ослабить антиимпериалистический фронт на Арабском Востоке и закрепить израильскую оккупацию исконных арабских земель»¹³.

Крупным поражением империализма на Ближнем Востоке явилась победа демократической революции 1978—1979 гг. в Иране. Свержение шахского режима и отстранение от власти проимпериалистических кругов в этой стране знаменуют важную победу над неоколониализмом и его попытками задержать развитие всенародной борьбы за социальный прогресс.

Мощным ударом по остаткам колониальной системы империализма явилась демократическая революция в Португалии 25 апреля 1974 г. Пришедшее к власти в коалиции с антифашистскими партиями Движение вооруженных сил (ДВС) Португалии провозгласило курс на решительную деколонизацию. Тем самым начался организованный процесс ликвидации последней мировой колониальной империи. Результаты этого процесса — достижение в 1974 г. независимости республикой Гвинея-Бисау и островами Зеленого Мыса, провозглашение в 1975 г. независимости Принсипи и Сан-Томе, Народных Республик Мозамбика и Анголы, где силы колониализма и проимпериализма пытались застопорить нормальный ход событий, всячески осложняя обстановку. В конце 1975 — начале 1976 г. было предпринято широкое наступление войск раскольников и марионеток на Народную Республику Ангола. Однако, несмотря на поддержку интервентов со стороны блока НАТО, в том числе оружием и наемниками, Народная Республика Ангола, опираясь на помощь и солидарность стран социализма и прогрессивных афро-азиатских государств, отбила разбойничье нападение, разгромив как местных наймитов колонизаторов, так и поддерживавших их наемников и регулярные войска ЮАР. Значение деколонизации бывших португальских владений (особенно в Африке, так как азиатские колонии Португалии незначительны) огромно. Она ликвидировала последний серьезный оплот традиционного колониализма в афро-азиатском мире, изолировала и лишила своеобразного прикрытия с севера расистские режимы Родезии и ЮАР, существенно изменив соотношение сил в Африке и приблизив время полного освобождения Черного континента.

Серьезное осложнение в обстановку на Востоке в 70-е годы внесла раскольническая шовинистическая политика КНР, перешедшей на позиции прямого пособничества силам империализма и реакции. Выступая единым фронтом с неоколониализмом США и расистами ЮАР, пекинское руководство содействовало в 1975—1976 гг. расистам и их марионеткам в борьбе против

¹³ «Правда», 8.IV.1977.

Анголы, а в 1977—1978 гг. — сомалийской агрессии против революционной Эфиопии и репрессиям реакционного режима в Заире против повстанческого движения в провинции Шаба. Организуя провокации против социалистического Вьетнама, правители Пекина вовлекли в эти провокации вооружаемую ими клику Пол Пота, захватившую в 1975—1978 гг. власть в Кампучии. На протяжении всех 70-х годов продолжались поиски и экспансионистские акции КНР против Индии, Бирмы, Индонезии и других стран Юго-Восточной Азии.

После краха полпотовцев в Кампучии, пекинские лидеры при пособничестве со стороны международных империалистических кругов, прежде всего США, развязали в феврале 1979 г. вооруженную агрессию против Социалистической Республики Вьетнам. Опираясь на помощь стран социализма и всего миролюбивого человечества, вьетнамский народ дал отпор китайской агрессии. Хотя в 60-х и начале 70-х годов имели место попытки империалистов не только закрепить капиталистический характер развития большинства освободившихся стран, но и подорвать относительно немногочисленные и еще не устоявшиеся режимы социалистической ориентации, в целом на Востоке время работало не на силы империализма и реакции. Повсеместно наблюдался процесс дальнейшей дискредитации капиталистической перспективы, отказа от нее многих молодых афро-азиатских государств. И, несмотря на то что число этих государств, ставших на рельсы развития национального капитализма, превышает количество стран социалистической ориентации, соотношение сил в Азии и Африке медленно, но неуклонно меняется в пользу последних.

«Однако о значительной части освободившихся от колониальной зависимости государств можно, пожалуй, сказать, что их дальнейший путь еще не определился достаточно четко. Там идет напряженная борьба за будущее между прогрессивными силами и внутренней реакцией, поддерживаемой империализмом. В этих странах углубляется процесс внутреннего социального размежевания»¹⁴. В данной группе стран влияние внешнего фактора, т. е. воздействие мирового империализма, с одной стороны, и мирового социализма — с другой, имеет особо важное значение. И хотя силы империализма часто обладают в той или иной стране Востока временными преимуществами (ввиду давности экономических, политических и культурных связей, обладания разнообразнейшими рычагами давления на народное хозяйство и настроения различных слоев общества, наличия своей многочисленной агентуры в правящих кругах), в целом им нередко приходится отступать и маневрировать.

¹⁴ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 61.

Такова уж логика эпохи: чем больше империализм пытается воспрепятствовать прогрессу, тем значительнее и неодолимее становится движение вперед народов всего мира. А в ходе этого движения неизбежны и необходимы рост политической активности и зрелости ранее аполитичных масс, четкое выяснение: кто с кем, кто за что и за кого. В. И. Ленин в свое время указывал: «Всеякий действительный прогресс революции есть вовлечение в движение более широких масс, — следовательно, большая сознательность классовых интересов, — следовательно, большая определенность политических, партийных группировок и более точная обрисовка классовой физиономии разных партий, — следовательно, все большая замена общих, абстрактных, неясных и смутных в своей абстрактности политических и экономических требований конкретными, точно определенными *различными* требованиями различных классов»¹⁵. Это указание всецело относится к тому, что происходит сейчас в афро-азиатском мире, который переживает (в разных своих частях в различное время и по-разному) гигантскую национально-освободительную революцию, выполняющую (а кое-где уже выполнившую) буржуазно-демократические и даже в отдельных случаях народно-демократические задачи.

В ходе этого революционного процесса различны роль и позиция, поведение и достижения основных классов и классовых группировок в разных странах и группах стран.

Причины обострения классовой борьбы в 60—70-х годах

Упомянутые выше изменения в расстановке социальных сил и политической структуре несоциалистического Востока на протяжении минувших лет определили и новые формы классовой борьбы. Эти формы имеют свои отличительные особенности в каждой из перечисленных трех основных группировок восточных государств: прогрессивных режимов стран социалистической ориентации, буржуазных (и буржуазно-феодальных) режимов, государств с не определившейся в качестве главной социально-политической тенденцией. Эти группы не отделены друг от друга китайской стеной и имеют много сходных черт, в частности в особенностях классовой и политической борьбы. Те же особенности во многом присущи и странам, не входящим в упомянутые группы, например еще сохранившимся единичным колониям и немногочисленным государствам с докапиталистической общественной основой, находящейся уже всюду в стадии разложения.

¹⁵ В. И. Ленин. К вопросу об общенациональной революции. — Т. 15, с. 277.

Взрыв застойной преграды колониализма в афро-азиатском мире и ее докапиталистических придатков и подпорок привел в движение абсолютно все классы и социальные слои восточного общества, пробудив широкие массы угнетенных, впервые поверивших в свои силы. Это обстоятельство заставило эксплуататорские группы лихорадочно искать новые основы «солидного порядка». Выдвигаемые в подобной обстановке всеобщей неразберихи различные формулы «возрождения стабильности» чаще всего символизируют попытки консервативных сил, связанных с эксплуататорскими классами, найти выход, отвечающий их интересам. Часто выход видят либо в движении вспять, к союзу с бывшими колонизаторами на базе неоколониализма, либо в установлении «сильного», обычно военного режима. Отсюда — явное перепроизводство диктатур и политического деспотизма в современном афро-азиатском мире.

Для феодалов и вообще господствующих классов докапиталистических укладов азиатский деспотизм — обычный и естественный способ управления. Сложнее обстоит дело с буржуазией, которая, несмотря на ее связи с феодалами, всегда стремится учредить для наилучшего стимулирования «свободы частного предпринимательства» те или иные формы «либеральной демократии». Но за истекшее десятилетие в Азии и Северной Африке некоторые слои буржуазии часто предпочитали либерализму тоталитаризм. Повторяется с некоторыми модификациями, по-новому и в иных условиях социально-политическая схема, в свое время раскрытая К. Марксом при анализе положения в Испании в прошлом веке: «С одной стороны, имеется современная промышленность и торговля, естественная руководительница которых, буржуазия, питает отвращение к военному деспотизму; с другой стороны, как только она начинает борьбу против этого деспотизма, в борьбу вступают сами рабочие — продукт современной организации труда — и требуют причитающейся им доли плодов победы. Испуганная последствиями союза, навязанного ей таким образом против ее воли, буржуазия вновь отступает под защиту пушек ненавистного деспотизма»¹⁶.

Но в наше время афро-азиатская буржуазия далеко не всегда имеет возможность поступать указанным выше образом для спасения своих классовых интересов. Обычно это удается ей лишь в условиях феодальных монархий или буржуазно-помещичьих диктатур, либо пытающихся сохранить равновесие традиционного общества¹⁷, либо осторожно поощряющих «пруссский путь» развития капитализма с постепенной трансформацией общественных отношений при сохранении многих ин-

¹⁶ К. Маркс. Революция в Испании. — Т. 12, с. 43.

¹⁷ Что привело их к краху, например в Ливии в 1969 г. и в Эфиопии в 1974 г.

ституты средневековья. Как правило, это страны, не пережившие высокого накала освободительной борьбы и не знающие поэтому революционной самостоятельности низов. Таких стран не так уж много. В большинстве государств Востока у власти оказалась национальная буржуазия (обычно в той или иной комбинации с другими классами) в результате победы национально-освободительной революции. А революционизированное общество трудно «успокоить», перевести из динамичного состояния в статичное. Поэтому любая правящая группировка, даже самая консервативная, в таком обществе вынуждена хотя бы некоторое время плыть по течению революционного потока и лишь стараться, чтобы он не причинил серьезного ущерба ее интересам. Такое псевдореволюционное поведение антиреволюционных классов, объясняемое особой обстановкой, маскирует их подлинные намерения. Чтобы разобраться в этих намерениях, народным массам необходимы время и политический опыт.

Середина нашего столетия в истории Азии и Африки явилась тем рубежом, который отделяет период относительного доверия трудящихся к национальной буржуазии от нового этапа в развитии политического самосознания всех эксплуатируемых, этапа, характеризующегося началом поворота в настроениях народов Востока от прежней приверженности «общенациональным» (т. е. буржуазным) идеалам ко все более возрастающему пониманию реальности классовой борьбы и все более ожесточающемуся протесту против всех форм эксплуатации.

Дело не только в распаде единого антиколониального фронта после достижения независимости вследствие непримиримости классовых противоречий между его участниками. Дело еще и в сохранении широкими слоями народа (в большинстве стран и в большинстве случаев) боевого революционного запала времен освободительной борьбы. А это вынуждает эксплуататорские классы стран, переживших революции, искать новые формы и способы контроля над народными массами и приспособливаться к ситуации, максимально скрывая суть своей контрреволюционности.

В целях стабилизации положения, укрепления своей власти и спасения классовых привилегий буржуазия и обуржуазившиеся помещики почти повсеместно вынуждены отступать и отказываться от прежних форм и методов классового господства. Данное обстоятельство в наши дни характерно для всей мировой капиталистической системы. «Особенности современного капитализма в значительной мере объясняются тем, что он приспособливается к новой обстановке в мире. В условиях противоборства с социализмом господствующие круги стран капитала как никогда боятся перерастания классовой борьбы в массовое революционное движение. Отсюда — стремление буржуа-

зии применять более замаскированные формы эксплуатации и угнетения трудящихся, ее готовность в ряде случаев идти на частичные реформы, с тем чтобы по возможности удерживать массы под своим идейным и политическим контролем»¹⁸.

Это отнюдь не противоречит развитию капитализма, как такового. В. И. Ленин отмечал в свое время, что сопротивление колониализму (т. е. наиболее варварским формам капитализма) со стороны организованного пролетариата «не задерживает развитие капитализма, а ускоряет его, заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма»¹⁹. Именно этим и пытается заняться сейчас афро-азиатская буржуазия, используя, в частности, достижения научно-технической революции и помощь извне, привлекая иностранные инвестиции и иностранных специалистов, совершенствуя управление производством. Но сделать это без помощи государства невозможно, и поэтому буржуазия вынуждена мириться с этатизмом. Вместе с тем буржуазия прилагает все силы к тому, чтобы контролировать деятельность государственного сектора в экономике и вообще государственный аппарат. Отсюда — все большее сращивание буржуазии и ее союзников по эксплуатации трудящихся, буржуазно-помещичьего класса с чиновничеством. Возникает своего рода коалиция эксплуататоров, «связанных и с землевладением, и с национальным производством, и с государственным аппаратом, что приводит к консолидации буржуазно-помещичьей бюрократической диктатуры»²⁰. Однако такая диктатура не вечна, как и составляющий ее базу реакционный капитал, который, по словам В. И. Ленина, вытесняется «демократическим капиталом» под нажимом пролетариата²¹. Этот «демократический капитал» в лице средних и низших слоев афро-азиатской буржуазии за последние годы все громче говорит о себе, взрывая единство буржуазно-помещичьих блоков. События конца 60-х — начала 70-х годов в ряде стран (Иордании, Турции, Пакистане, Шри-Ланке) так или иначе связаны с этой борьбой внутри класса буржуазии.

Во второй (после Японии) по силе развитого частнокапиталистического уклада азиатской стране — Индии — тактика эксплуататорских классов, прежде всего крупной буржуазии и феодально-помещичьих кругов, заключалась в том, чтобы свести роль всячески поносимого ими государственного сектора к выполнению функций помощника и придатка частного сектора, резко ограничить любое вмешательство государства в дела национального капитала, максимально мобилизовать самые ши-

¹⁸ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 14—15.

¹⁹ В. И. Ленин — А. М. Горькому. — Т. 48, с. 12.

²⁰ Классы и классовая борьба в развивающихся странах. — Т. 3, М., 1968, с. 266.

²¹ См.: В. И. Ленин — А. М. Горькому. — Т. 48, с. 13.

рокие фракции средних и промежуточных слоев под лозунгами борьбы против «государственных монополий», защиты «свободного предпринимательства» и «создания государства всеобщего благоденствия» путем обеспечения «равных возможностей» для всех. Финансово-экономическая мощь усилившихся в 60-е годы индийских монополий (в 1967—1969 гг. 75 крупнейших концернов и фирм контролировали 55% активов всех частных компаний и банков Индии) — главная база социально-политической активности крупного капитала страны. Основная ставка делалась на использование объективно буржуазных потенций дальнейшего развития и соответствующих устремлений мелких производителей и так называемого среднего класса (чиновников, служащих, интеллигенции и пр.), не говоря о массе мелких и средних предпринимателей, а также сопутствующих им настроений и иллюзий разоряющихся предпролетариев традиционного сектора и даже части высокооплачиваемых рабочих. Для обмана народа проповедовалась фальшивая идея о частном предпринимательстве как якобы наилучшем пути достижения популярного в широких народных массах эгалитаризма²². Попытки подобного рода продолжались в Индии и в дальнейшем, найдя в 70-х годах наиболее яркое воплощение в движении Джайпракаша Нарайяна, объединившем вокруг себя самые пестрые политические силы.

Далеко не во всех странах Востока, идущих по капиталистическому пути, классовая борьба достигла столь высокого уровня развития, как в Индии, и привела к столь резкому размежеванию в стане буржуазии. Однако в той или иной степени многие типично «индийские» противоречия, в том числе внутрибуржуазные, присущи и другим странам. В целом это противоречия между частным мелкокапиталистическим укладом и крупным капиталом.

Как правило, различные слои буржуазии сплачиваются в случае угрозы национальному капиталу в целом. Тогда противоречия внутри буржуазии отходят на второй план, но могут вновь вспыхнуть, когда угроза минует. Под нажимом слева, со стороны рабочего класса и трудящихся непролетарских слоев, буржуазия при определенных внешних и внутренних условиях может либо сплачиваться (если имеется достаточно сильная поддержка справа, со стороны империализма и феодалов), либо раскалываться (если поддержка справа не в силах уравновесить нажим слева). В тех случаях, когда она раскалывается (иногда основная линия раскола проходит не между крупным бизнесом и его более низшими формами, а по национально-религиозному или иному «традиционному» признаку), имеет место подъем общедемократического движения против

²² П. В. Кудобин. Правые силы в Индии: цели и методы борьбы. — «Народы Азии и Африки». 1971, № 2, с. 19—25.

засилья крупного капитала и феодальной реакции. Если же буржуазия сплачивается²³, то в стране наблюдается сдвиг вправо, спад демократического движения, поражение или серьезные потери левых сил. Но это сплочение, как правило, недолговечно и постепенно сменяется возрождением старых или нарастанием новых противоречий как между буржуазией и ее временными попутчиками, так и внутри самой буржуазии.

Правящие эксплуататорские классы в целях предотвращения новых революционных кризисов часто прибегают к политике реформизма, чтобы сбить с толку противостоящие им демократические силы. К сожалению, наименее сознательная и устойчивая часть трудящихся, а также люмпены, склонные к беспринципному перебежанию из одного лагеря в другой, как правило, поддаются на такого рода приманки. «Что часть эксплуатируемых из наименее развитых среднекрестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор все революции»²⁴, — писал В. И. Ленин по этому поводу.

Разумеется, необходимо проводить различие между общественными преобразованиями, являющимися следствием победы прогрессивных сил (в Египте в 1961—1963 гг., в Алжире в 1963—1976 гг., в Сирии в 1965—1966 гг., в Ираке в 1968—1972 гг.), и реформами, имеющими цель предотвратить революционные потрясения. Даже там, где остаются у власти прежние эксплуататорские классы, они всюду стремятся всячески приукрасить и с виду смягчить свое господство, снять с себя классовую ответственность за тяжелое положение трудящихся, многочисленные трудности и нерешенные проблемы экономического развития.

В этой связи интересна закономерность, выявившаяся за последние годы: «старые» буржуазно-помещичьи режимы стараются казаться более «умеренными» и «либеральными», стремясь представить себя наиболее надежными и «солидными» на фоне всеобщей нестабильности афро-азиатского мира, а «новые» режимы, возникшие сравнительно недавно и опирающиеся на молодые, восходящие социальные силы, проявляют больше политической агрессивности и внешней жесткости в управлении общественной жизнью. В некоторой степени это объясняется революционным происхождением большинства этих режимов с унаследованными от антиимпериалистической борьбы решительностью и бескомпромиссностью. «Революция, — писал Ф. Энгельс, — есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна»²⁵. Но не только своего рода инерцией

²³ В таких случаях обычно за ней следуют и прочие собственнические классы, включая крестьянство.

²⁴ В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. — Т. 37, с. 263.

²⁵ Ф. Энгельс. Об авторитете. — Т. 18, с. 305.

революционности объясняется авторитарность многих молодых режимов. Обычно это следствие неопытности и отсутствия политической умудренности как у поднявшихся к власти социальных слоев, так и у выдвинутых ими политических лидеров и группировок. Кроме того, во всех ситуациях подобного рода социально-политическая схема примерно одна и та же: власть в руках революционных патриотов, обычно офицеров, опирающихся на самые широкие слои мелкой буржуазии города и деревни, а национальная буржуазия, оставаясь в тени и на втором плане, вводит режим в заблуждение иллюзией «делового сотрудничества» с ним, а на самом деле искусно пользуется его именем и его аппаратом для нанесения ударов по левым силам якобы «по воле народа». Все коварство тактики эксплуататорских классов в данном случае заключается в том, что они даже утрату непосредственного контроля над властью пытаются обратить в свою пользу и, косвенно влияя на политику чуждого им режима, добиваются своего чужими руками, максимально обеспечивая свое классовое алиби. Не удивительно, что в дальнейшем революционно-патриотические режимы, избавившись от иллюзий относительно «полезности» союза с буржуазией, естественно, отказывались играть удобную для нее антидемократическую роль.

Таким образом, тактика эксплуататорских классов в сражениях за социальную гегемонию исключительно разнообразна — от продолжения традиций азиатского деспотизма и блокирования с империализмом до приспособления к новым условиям путем модернизации, реформ, компромиссов и даже расправы с классовым противником чужими руками. В целом, однако же, эксплуататорские классы в большинстве случаев вынуждены отступать. Практически происходит утрата классовой гегемонии традиционными эксплуататорскими группами: там, где были сильны ранее феодалы, их привилегии урезаются или вообще отменяются, их усиленно теснит восходящая буржуазия, в ряды которой переметываются младшие отпрыски помещичьей аристократии и связанные с ней феодальные бюрократы; там, где был достаточно развит местный национальный капитал, в различное время и различными методами ведется наступление на позиции его высшего слоя, постепенно вынужденного сдавать рычаги власти более широкой коалиции средних и низших прослоек буржуазии, которая неизбежно делится плодами своей победы с поддерживающими ее небуржуазными классами.

Наконец, возникновение значительной группы стран Азии и Африки, вставших на путь некапиталистического развития, свидетельствует о том, что ныне на Востоке можно нанести эксплуататорским классам серьезное поражение.

Это обстоятельство является главной причиной обострения классовой борьбы: перед лицом вполне реальной угрозы пол-

ного банкротства и утраты всех рычагов власти классы-паразиты многократно усиливают сопротивление силам прогресса, прибегают ко все более изощренным и коварным методам борьбы. Это приводит, с одной стороны, к небывалому ожесточению социальных битв, а с другой — к гораздо большей, чем раньше, запутанности и завуалированности истинного смысла классовых конфликтов. Например, в странах, которые идут по некапиталистическому пути, следует помнить об особых формах мимикрии, используемых эксплуататорскими классами в оппозиции или даже внутри утвердившейся враждебной им социально-политической системы, и об остающихся у них возможностях для реставрации. В. И. Ленин писал в этой связи: «Не может быть равенства между эксплуататорами, которые в течение долгих поколений выделялись и образованием, и условиями богатой жизни, и навыками, — и эксплуатируемыми, масса коих даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрозненна. Эксплуататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги... кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех „тайн“ (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по-буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно) и так далее и так далее»²⁶. Зная социальную неоднородность трудящихся классов (пролетарских и непролетарских), эксплуататоры могут надеяться на реванш, используя как все указанные выше преимущества, так и сохраняющуюся возможность раскола противостоящего им лагеря на собственников и немущих.

Особую опасность на Востоке представляет многовековая традиция использования эксплуататорами национально-религиозной розни, заглупления (вернее, искажения) социальных устремлений этническими, конфессионалистскими и трибалистскими конфликтами. Наиболее ярким примером этого является гражданская война 1975—1976 гг. в Ливане, вызванная стремлением правобуржуазных сил нанести упреждающий удар по слишком усилившемуся, с их точки зрения, национально-прогрессивному лагерю левых и революционных демократов. В ходе этой войны господствующие круги христианской буржуазии (главным образом секты маронитов) поочередно, а иногда одновременно натравливали христиан Ливана на мусульман, а всех их вместе — на проживающих в Ливане палестинцев.

²⁶ В. И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский, с. 262—263.

Международные империалистические круги ввиду обрисовавшейся в начале 1976 г. перспективы поражения правых организовали прямую помощь правым из Израиля, а также постарались с марта 1976 г. максимально вовлечь в конфликт другие арабские страны, противопоставив их друг другу и добиваясь тем самым ослабления единого фронта арабов, противостоящего Израилю.

Однако будущее не за эксплуататорами, а за трудящимися. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть основные формы и специфические черты социальной борьбы и в целом общественной активности трудовых классов и слоев населения стран Азии и Африки. Разумеется, речь идет в первую очередь о крестьянстве. «Сегодня центральный вопрос революционного процесса в Азии и Африке — это вопрос о позиции крестьянства, составляющего там большинство населения»²⁷. Однако ввиду именно особой важности этого вопроса он рассматривается отдельно, в разделе данной работы, целиком посвященном проблемам современной афро-азиатской деревни. Здесь можно лишь ограничиться констатацией факта самого всестороннего влияния хода, особенностей, форм и результатов борьбы крестьянства на положение буквально во всех странах Востока, и в первую очередь на достижения социальной борьбы всех остальных трудовых классов. В силу тесной связи с крестьянством, сохраняемой в той или иной мере представителями этих классов, они нередко приспособливают свои социальные цели и задачи к целям и задачам крестьянского движения, иногда даже подчиняют первые вторым. Конкретно это выражается, например, в объединении самых разных отрядов городских трудящихся (рабочих, служащих, интеллигенции, ремесленников и др.) вокруг лозунга аграрной реформы, в активном участии этих отрядов и других представителей средних слоев, особенно учащейся молодежи, в практическом осуществлении радикальных преобразований восточной деревни. Только в 1975—1977 гг. яркие примеры такого участия дали пролетариат, студенчество и военнослужащие Алжира, Эфиопии, НДРГ, Гвинеи-Бисау. Но и в тех странах, где подобной активности нет или отсутствуют возможности для ее значительного проявления, наблюдается повышенное внимание всех городских классов, включая буржуазию, к аграрно-крестьянской проблематике. Степень решенности всех связанных с этой проблематикой вопросов — это во многом показатель общего уровня развития страны, который определяется наряду с прочим и тем, насколько крестьянство данной страны свободно от феодальных, полуфеодальных и прочих докапиталистических отношений, насколько обеспечено землей, насколько представляет собой самостоятельную обще-

²⁷ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 62.

ственную силу, способную играть видную или заметную роль в жизни общества.

В тех же случаях, когда крестьянство или по крайней мере его основная масса самостоятельной роли не играют, представляя собой главный резерв и опору какой-либо подчинившей их себе классовой коалиции, чаяния и требования сельского населения, его взгляды и представления все равно оказывают влияние на политическую позицию практически любой силы данного общества. Существенное значение при этом имеет не столько деревенское происхождение очень многих рабочих, городских интеллигентов, студентов, офицеров и даже предпринимателей (сохраняющих, как отмечалось выше, постоянные связи с односельчанами), сколько зависимость их социального статуса и будущей судьбы от решенности аграрно-крестьянского вопроса. От этого зависит, в какой мере считаться (или не считаться) буржуазии с феодально-помещичьим классом и вообще эксплуататорами докапиталистического типа, насколько очищены будут отношения наемного труда и капитала от феодально-патриархальных анахронизмов, насколько «дефеодализированы» окажутся общий социально-политический климат, общественная жизнь, культура, идеологические и духовные ценности, отношения между людьми (не только в процессе производства, но и в повседневном быту), традиционные представления о свободе, демократии, авторитете и власти.

Следовательно, все, что будет ниже сказано о рабочем движении, социально-политической деятельности и борьбе других отрядов городских трудящихся, в том числе средних и промежуточных слоев, неразрывно связано с крестьянским движением и, более широко, со всеми многообразными формами борьбы крестьянства (и не только крестьянства) за решение аграрно-крестьянского вопроса. Поскольку полностью и окончательно этот вопрос не решен ни в одной из стран Востока, вернее будет считать, что многое в тенденциях и формах классово-политической борьбы связано с той или иной степенью решения аграрно-крестьянских проблем.

Развитие и особенности рабочего движения

В первой половине 70-х годов, как и в 60-х годах, численность рабочего класса Азии и Северной Африки продолжала возрастать, хотя и в меньшей степени по сравнению с предшествующим периодом, что объясняется наметившимся процессом развития современных высокотехнологизированных отраслей экономики, требующих не только количественного, но в еще большей мере качественного роста рабочего класса.

К началу 70-х годов в Азии и Африке насчитывалось не менее 160—170 млн. лиц, полностью или преимущественно работающих по найму, что составило около 30% самостоятельного населения. Примерно половина из них — это наемные работники сельского хозяйства, четвертая часть занята в сфере обслуживания, и только 34—37 млн. человек можно отнести к категории промышленного пролетариата²⁸. В Северной Африке из 22 млн. человек экономически активного населения лишь 4,6 млн. приходилось на долю наемных работников (вне сельского хозяйства), а с сельскохозяйственными рабочими — батраками и поденщиками — 7,5 млн. человек²⁹.

Специальные исследования последних лет показали, однако, что во многих странах Азии и Африки начиная с 60-х годов отмечается усиление и расширение масштабов капиталистической индустриализации с привлечением иностранного капитала. (В Пакистане, например, в 70-х годах, к концу третьей пятилетки, около 70% стоимости всей промышленной продукции приходилось на долю крупной промышленности³⁰.) В странах, где развитие экономики и индустриализации достигло сравнительно высокого уровня, имеются уже и крупные отряды фабрично-заводского пролетариата (в Индии, Египте, Турции, Иране, на Филиппинах и в других странах). Вследствие быстрого развития некоторых отраслей добывающей промышленности, например нефтяной, нефтеперерабатывающей, горнорудной, наблюдается формирование кадрового рабочего класса (в Ливии, Пакистане, Кувейте, Малайзии, Сингапуре, Саудовской Аравии и в других странах).

В росте крупной индустрии заключается одна из важнейших предпосылок формирования фабрично-заводского пролетариата, способного напоминать не только о своих профессиональных, но и о своих классовых и политических требованиях, способного создавать и укреплять свои классовые организации, свои классовые позиции. В первой половине 70-х годов пролетариат Азии и Африки по сравнению с 60-ми годами не только численно вырос, но и качественно изменился. Значительно ускорился процесс формирования именно кадрового пролетариата, изменился отраслевой и профессионально-квалификационный состав рабочих, повысился уровень образования, общей и технической культуры, его классовое самосознание. По подсчетам советских ученых, фабрично-заводской пролетариат, т. е. рабочие современного типа, связанные с машинами и механизмами и представляющие собой костяк рабочего класса, составляют от 1/4 до 1/3 всей армии наемного труда³¹. Эти несколько миллионов рабочих принципиально теперь почти не отличаются по своему объ-

²⁸ Международное рабочее движение. 1970. М., 1971, с. 291.

²⁹ Там же, с. 332—374.

³⁰ «Рабочий класс и современный мир». 1973, № 6, с. 138.

³¹ «Рабочий класс и современный мир». 1975, № 9, с. 151.

ективному положению и роли в общественном производстве (разве только тем, что подвергаются более жестокой эксплуатации) от соответствующей группы рабочих в развитых странах и мало имеют общего с типом рабочего периода первых лет после деколонизации, а тем более колониального прошлого. Поскольку создание машиностроительных, нефтеперерабатывающих, металлургических, горнодобывающих отраслей невозможно без создания крупных предприятий, поэтому растет не только численность и качественный состав пролетариата, но и его концентрация.

В середине 70-х годов в Египте, например, из 4,5 млн. человек, работающих по найму, в промышленности, на транспорте, в строительстве и на предприятиях связи работало почти 30% — 1,4 млн. человек. В Алжире насчитывалось более 300 тыс. рабочих фабрично-заводского типа³². Пролетариат не только вырос численно, но и изменился качественно в Индии, Турции, Пакистане, Иране, Ираке, Сирии и других странах.

Степень организованности рабочих в ряде стран Африки и Азии порой даже выше, чем в некоторых развитых капиталистических странах. Всеобщая федерация рабочих профсоюзов Сирии, например, объединяет четверть миллиона человек, т. е. более 60% рабочих и служащих страны. 600 тыс. человек насчитывает Всеобщая федерация профсоюзов Ирака, что составляет 98% всех рабочих и служащих³³.

Не ниже и уровень участия рабочего класса и его организаций во многих странах Азии и Африки в забастовочном движении (если взять данные за последние десять лет), чем уровень участия рабочего класса в забастовочном движении в развитых странах. Теперь уже не так сильно, как это было принято считать еще недавно, отличаются и уровень грамотности, и возможность пользоваться современными средствами информации (радио, печать, а кое-где и телевидение), а также степень концентрации рабочих современного типа в крупных городах.

Степень политизации, т. е. политической активности рабочего класса, определяется его положением в общественном производстве, ростом организованности, классовой сознательности, которая развивается в ходе классовых боев, а именно классовые бои и сотрясают молодые государства ничуть не меньше, чем развитые капиталистические страны. Действительность убеждает трудящихся в антигуманной сущности капитализма и неизбежно приводит к острым противоречиям между рабочим классом и другими категориями трудящихся, с одной стороны, и национальной буржуазией, «национальными» монополиями (там, где они появились) и иностранными монополиями и империали-

³² А. И. Соболев. Роль пролетариата освободившихся стран в социальном прогрессе общества. Ротапринт. М., 1974, с. 13.

³³ «Народы Азии и Африки». 1976, № 4, с. 7.

стами — с другой. (Особенно наглядно это проявляется в Индии, Турции, Пакистане.) Подлинно пролетарское положение определяет и социально-политическое поведение рабочих стран Азии и Африки, в которых хотя и в неодинаковой степени, но повсеместно продолжается процесс осознания пролетариатом своих классовых задач и интересов. Поскольку в развивающихся странах происходит изменение состава рабочего класса, меняется и социально-политический состав их массовых организаций — профсоюзов, которые повсюду выступают за признание их полноправными участниками общественно-политической жизни. В современной ситуации все труднее всевозможным противникам рабочего класса противостоять прогрессивным, революционным влияниям на профсоюзы, на повышение уровня их политизации. Халед Багдаш в одном из интервью отмечал, что роль рабочего класса в общественной жизни арабских стран возрастает именно благодаря укреплению профсоюзных объединений, что именно они выступают против капиталистической эксплуатации, против проникновения иностранного капитала, за дружбу с Советским Союзом, за сотрудничество с коммунистической партией³⁴. Анализ рабочего и профсоюзного движения развивающихся стран в последние годы свидетельствует в пользу признания факта возрастания политической роли пролетариата и его союзников в общественно-политической жизни.

Изменение условий формирования пролетариата и сдвиги в его структуре не могли не отразиться на развитии и самого рабочего движения. Они ведут к качественным изменениям в самом рабочем движении наиболее развитых освободившихся стран, к расширению рядов профсоюзов, к общему повышению организованности и сознательности рабочего класса, хотя во многих освободившихся странах влияние рабочего класса на общественную жизнь еще остается ограниченным, недостаточно высоким для успешной защиты своих классовых интересов. Сохранение связей с деревней, контакты с торгово-ремесленным людом городов, высокий удельный вес временных и сельскохозяйственных рабочих продолжают оставаться характерными чертами пролетариата большого числа развивающихся стран. Отсюда — далеко не везде высокий уровень классового самосознания, недостаточное умение использовать свои потенциальные возможности и правильно сочетать классовые и национальные задачи и как результат присвоение итогов борьбы пролетариата иными социальными силами.

Указанные недостатки организованного рабочего движения особенно опасны потому, что социально-политическая борьба пролетариата Азии и Северной Африки за последние годы все больше осуществляется в рамках классовых союзов, прежде

³⁴ «Проблемы мира и социализма». 1975, № 8, с. 61.

всего с крестьянством, городской мелкой буржуазией и средними слоями. Профессиональные объединения служащих всех рангов и различных групп интеллигенции, крестьянские союзы сплошь и рядом входят в единые профцентры вместе с рабочими профсоюзами, а организованные пролетарии часто оказываются бок о бок с представителями трудящихся-непролетариев в рядах массовых общественных организаций, революционно-демократических партий или общенационального, антиимпериалистического фронта. В этих условиях от степени зрелости пролетариата, уровня его сознательности и организованности, способности проявить все свои лучшие качества во многом будет зависеть и степень эффективности того или иного классового союза, в какой бы форме он ни был воплощен.

В профсоюзах, самых массовых организациях трудящихся во всех странах, а во многих развивающихся странах и единственных организаций рабочего класса, может и должен оформиться союз, наладиться сотрудничество рабочего класса со средними слоями. В последние годы профсоюзы все в большей степени стали объединять не только рабочих, но и представителей других групп трудящихся: служащих многочисленных учреждений, банков, контор и т. д., ремесленников, кустарей, т. е., по сути дела, представителей средних городских слоев. Более того, в союзы стали объединяться и мелкие предприниматели, торговцы, которые также могут быть отнесены к средним слоям города. Почти в каждой стране трудящиеся создали профцентры либо на худой конец консультативные или координационные центры, которые определяют и направляют совместные действия и наступления трудящихся, их профессиональных организаций в масштабе страны, а также представляют их интересы на международной политической арене.

Практика профсоюзного движения во многих странах доказала, что профсоюзы нередко показывали на деле, что они в состоянии отстаивать как экономические, так и социальные интересы широких масс трудящихся, добиваться демократических свобод, их расширения и гарантий при условии единства действий.

Борьба огромной массы афро-азиатских трудящихся за свои интересы сталкивается с сопротивлением теперь уже не столько иностранного капитала, сколько растущей национальной буржуазии, а в некоторых многоукладных странах и монополистической буржуазии: там, где при поддержке правящих кругов стали образовываться и набирать силу «национальные» монополии, которые в значительной мере захватили жизненно важные, ключевые отрасли экономики (Индия, Турция, Шри Ланка, Малайзия, Филиппины, Сингапур). Система эксплуатации, основные элементы которой заимствуются в развитых капиталистических странах, с каждым годом становится все более интенсивной. Трудящиеся сталкиваются с антирабочей политикой

правящих кругов, выражающейся в замораживании заработной платы, повышении цен на предметы первой необходимости, пренебрежении существенными вопросами развития социального обеспечения и здравоохранения, в массовых увольнениях и создании выгодных условий для крупных предпринимателей.

В странах Востока трудящиеся и защищающие их интересы профсоюзы выступают за скорейшую ликвидацию старых систем организации и оплаты труда, сохранившихся от колониального прошлого, за принятие законов о праве всех граждан на труд, за повышение заработной платы и установление минимальных ее размеров, за сокращение продолжительности рабочего времени с сохранением прежней заработной платы, установление порядка оплачиваемых отпусков, введение и совершенствование систем социального обеспечения и страхования, ликвидацию неграмотности и введение системы профессионального обучения. В требованиях пролетариата стран Востока все чаще теперь фигурируют национализация важнейших отраслей экономики и банковского дела, перестройка систем обложения налогами и социального страхования, участие трудящихся в управлении предприятиями и отраслями промышленности, коренное улучшение систем образования и здравоохранения в интересах народных масс и др.

Успех борьбы за эти цели зависит от многих факторов, в том числе от ее интенсивности, способности организаций рабочего класса действовать независимо от национальной буржуазии, единства и решительности всех национальных профцентров и профсоюзных организаций, от прочности союза с непролетарскими массами трудящихся, в том числе от реальных условий совместной борьбы с крестьянством и городскими средними слоями. Причем реальные возможности усиления борьбы рабочего класса за демократические преобразования в союзе с непролетарскими эксплуатируемыми слоями налицо, и они нередко реализуются на практике. В большинстве стран Азии и Африки рабочий класс ведет борьбу за демократические преобразования, касающиеся всех трудящихся, совместно с непролетарскими и полупролетарскими силами, составляющими большую часть городских средних слоев. Это хорошо известно на примере Индии, Шри Ланки, Пакистана, Турции, где не прекращается забастовочное движение, в котором все чаще и активнее участвуют непролетарские силы. Это свидетельствует о больших потенциальных возможностях рабочего класса и его союзников в совместной борьбе. Пролетариат и его организации изучают интересы городских средних слоев и крестьянства, разоблачают политику буржуазных правительств по отношению к широким народным массам, разъясняют общность интересов всего трудового народа, передают непролетарским трудящимся массам пролетарские методы борьбы, в частности методы забастовочного движения. Во многих странах Азии, в меньшей сте-

пени Африки широкие слои различных отрядов армии наемного труда — мелкие чиновники, служащие здравоохранения, социального обеспечения, сферы обслуживания — стали все активнее не только пользоваться методами борьбы, выработанными рабочим классом, но и принимать участие в его борьбе.

В борьбе против феодализма и засилья монополий естественным союзником рабочего класса является крестьянство. Пролетариат поддерживает борьбу крестьян за перестройку унаследованных от колониального прошлого систем землепользования, за коренные аграрные преобразования. Вместе с крестьянами пролетариат добивается передачи земли тем, кто ее обрабатывает. В заключениях Комиссии по проблемам сельскохозяйственных трудящихся VII Всемирного конгресса профсоюзов еще в конце 60-х годов были сформулированы требования полного равноправия сельскохозяйственных рабочих с трудящимися, занятыми в промышленности, немедленной отмены всех дискриминационных по отношению к сельскохозяйственным рабочим норм и правил, проведения радикальных аграрных реформ, направленных на ликвидацию латифундий, на борьбу против крупного монополистического капитала и создание государственных ферм и кооперативов и т. д.

В большинстве стран Востока, завоевавших независимость, перед рабочим классом теперь стоит задача — бороться за право создания своих организаций, и в первую очередь профессиональных союзов. Как отмечал В. И. Ленин, «иначе как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса нигде в мире развитие пролетариата не шло и идти не могло»³⁵.

Профсоюзы разных стран Азии и Северной Африки к середине 60-х годов достигли различной степени зрелости. В большинстве своем они подпали под непролетарское влияние, что отрицательно сказалось на развитии классовой борьбы. Отсутствие сильных пролетарских партий во многих странах Азии и Северной Африки заставило некоторые профсоюзы как единственные организации трудящихся выполнять их функции. В этих условиях задача упрочения профсоюзов как формы классовой организации пролетариата является особенно важной.

Профсоюзы не представляют собой стопроцентного выразителя классовых интересов пролетариата, так как, во-первых, объединяют пестрые массы трудящихся, не только фабрично-заводских рабочих, но и низших служащих и чернорабочих (в том числе, например, кули) и т. д., а во-вторых, в огромной степени несут на себе печать идеологии своих политических ру-

³⁵ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Т. 41, с. 33—34.

ководителей, которыми иногда являются и буржуазные, и националистические, и реформистские, и даже религиозные лидеры. Поэтому они не в состоянии в полной мере защищать политические и социальные интересы пролетариата до тех пор, пока не будет создана подлинно революционная партия рабочего класса. Тем не менее борьба профсоюзов Азии и Африки в защиту интересов рабочего класса даже в столь ограниченных рамках имеет большое значение для судеб социального прогресса и укрепления союза всех демократических сил.

Однако одной из важнейших специфических особенностей рабочего и профсоюзного движения на Востоке, главным образом в Азии, пока что остается чрезвычайная его раздробленность, еще не исчезающая тенденция к созданию небольших профсоюзов, которые не могут иметь ни политического веса, ни авторитета, ни самостоятельности в решении важных вопросов борьбы рабочего класса за свои интересы.

Деятельность мелких профсоюзов зачастую ограничивается лишь выяснением жалоб, судебными тяжбами, арбитражными разбирательствами.

В Индии, Пакистане, на Филиппинах имеется множество мелких профсоюзов. Нередко на отдельных предприятиях или в небольших фирмах возникают «независимые» профсоюзы, не связанные ни с национальными профцентрами, ни с отраслевыми профсоюзными организациями. Существование мелких профсоюзов, несомненно, наносит ущерб делу развития рабочего движения.

На одних и тех же предприятиях, в целых отраслях экономики часто действуют по несколько конкурирующих между собой организаций. Лидеры различных профсоюзов ведут между собой ожесточенную борьбу, в основе которой нередко лежат интересы отнюдь не трудящихся, не рядовых членов профсоюза. Отсутствие единства профсоюзов, распри их лидеров успешно используются предпринимателями для наступления на права рабочих.

В странах Востока в настоящее время имеются и крупные профсоюзы, а также профсоюзные объединения, за которыми — будущее. В Индии, например, свыше 80% членов профсоюзов были объединены уже в 60-е годы в крупные профсоюзные центры общенационального масштаба³⁶.

Основным оружием рабочего класса и профсоюзов в борьбе за свои права была и осталась забастовка. Наиболее остро и с наибольшим размахом проходила борьба в Индии, Шри Ланке, Японии, где профсоюзы действуют под руководством рабочих партий, стоящих на классовых позициях.

С каждым годом трудящиеся, принадлежащие к профцент-

³⁶ R. D'Costa. The Role of the Trade Unions in Developing Countries. — A Study of India, Pakistan and Ceylon. Nivelles Harvaat, 1963, с. 110.

рам различных направлений, все чаще стремятся объединить свои усилия. В классовую борьбу включаются более широкие массы трудящихся. В Индии, например, получили особый размах массовые выступления трудящихся («бандх»), в которых принимали участие не только рабочие и служащие, мелкие чиновники, преподаватели средних и высших учебных заведений, но даже мелкие предприниматели и торговцы. Участники «бандх» выдвигали как экономические, так и политические требования. Забастовки служащих и учителей имели место в Пакистане, Малайзии, Турции, Ливане, Шри Ланке и т. д.

Крупные забастовки вспыхивали и в таких отраслях экономики, где трудятся далеко не самые низкооплачиваемые рабочие: машиностроители, нефтяники, химики, электрики, транспортники. В Южной Корее, Южном Вьетнаме (начало 70-х годов), Индии, Турции, Пакистане, Шри Ланке и в некоторых других странах были отмечены крупные забастовки на предприятиях, принадлежащих иностранному, главным образом американскому, капиталу, а также забастовки, направленные против политики империалистов, в защиту Вьетнама, забастовки против засилья и всевластия американских и английских монополий с требованием ограничения их деятельности и национализации имущества.

Рабочий класс стран Азии и Северной Африки в многолетней трудной борьбе добился известных успехов, к которым, в частности, надо отнести принятие трудового законодательства почти повсеместно, хотя оно и не везде одинаково отвечало и отвечает интересам трудящихся. Законы о труде, например, в Марокко разрешают использовать труд 12-летних детей; предприниматели, за редким исключением, не придерживаются установленного законом ограничения рабочего времени (8 часов в день, 48 — в неделю). Социальным страхованием, отпусками пользуется очень незначительное число трудящихся, можно сказать — лишь их привилегированные слои. В результате самоотверженной борьбы трудящихся в Судане было принято трудовое законодательство, которое признавало профсоюзы, но урежало их права, запрещало создание единого профцентра, ограничивало право на забастовки и т. д. В дальнейшем трудящимся пришлось вести ожесточенную борьбу за демократизацию трудового законодательства. В Тунисе трудовым законодательством определены продолжительность рабочей недели (40—48 часов), размер пенсий, назначаемых в случае потери трудоспособности на производстве или в результате несчастного случая, пособия семье и детям в случае потери кормильца. По трудовому законодательству Сирии и Ливана трудящиеся имеют право на 8-часовой рабочий день, двухнедельный оплачиваемый отпуск, на пособия по нетрудоспособности и безработице, право на забастовку. Для рабочих и служащих введено социальное страхование, которое предусматривает пенсии по инва-

лидности и старости, пособия в случае травмы, но не распространяется на сельскохозяйственных рабочих и прислугу. Под давлением трудящихся масс были приняты законы о профсоюзах и труде в Пакистане, Индонезии, Малайзии, Шри Ланке, на Филиппинах и в других странах.

Уровень развития трудового законодательства, степень его соответствия интересам рабочего класса и других категорий трудящихся в полной мере являются отражением интенсивности и успехов борьбы трудящихся за свои права, за демократизацию и социальные преобразования, находятся в зависимости от их сплоченности и решительности.

Способность профсоюзов отстаивать классовые интересы трудящихся зависит от многих факторов, в том числе и от того, под чьим руководством или влиянием они находятся. Наибольших успехов в классовой борьбе добиваются именно те профсоюзы, которыми руководят коммунистические и рабочие партии (в Индии, Шри Ланке, Японии). В тех же странах, где такие партии отсутствуют или недостаточно сильны, чтобы возглавить рабочие массы, профсоюзы, принимая активное участие в политической борьбе против иностранного господства, в то же время не в состоянии придать своим действиям последовательно классовую направленность. Если пролетариат не имеет своей партии, он легко может оказаться под влиянием буржуазии, мелкобуржуазных националистов, реформистских лидеров и т. д.

В многоукладных странах налицо возможности для распространения буржуазно-демократического мирозерцания, для распространения различных форм непролетарского социализма, в том числе «демократического социализма», т. е. социал-реформизма. Не только мелкобуржуазная масса, но и достаточно влиятельная часть рабочего класса в странах Азии и Африки (в частности, привилегированный слой рабочей аристократии, набранной преимущественно из мелкой буржуазии) являются носителями мелкобуржуазной идеологии и в политике легко склоняются к оппортунизму. Следовательно, в среде пролетариата еще влиятельны такие социальные и политические силы, которые либо пока не вполне способны к восприятию идей пролетарского социализма, либо не заинтересованы в развитии социализма по своим узкоклассовым интересам.

Политический контакт пролетариата с мелкой буржуазией, а также влияние на него буржуазной и социал-реформистской идеологии, распространявшейся правыми лидерами местной и зарубежной социал-демократии, способствовали затушевыванию классового содержания борьбы трудящихся, равно как и широкая пропаганда концепций классового мира и сотрудничества с колонизаторами и их агентами привела к укоренению реформизма в ряде крупных отрядов профсоюзного движения Азии и Северной Африки.

На протяжении многих десятилетий национальные лидеры воспитывали в рабочем классе сознание общности интересов всех слоев населения в деле освобождения от иностранного ига. В отличие от развитых капиталистических государств в освободившихся странах профессиональные союзы создавались в период начала и затем подъема общенациональной борьбы против господства колонизаторов.

Малограмотные, неквалифицированные в своей массе рабочие не могли, однако, сами управлять профессиональными союзами. Для этого требовалось знать законы, иметь элементарное понятие об экономике, о системе взаимоотношений между рабочими и предпринимателями и т. д. Отсутствие сильного ядра грамотных рабочих-руководителей отдавало профсоюзы людям, связанным с рабочим движением чисто формально. Это породило характерную для стран Азии профессию руководителя профсоюзов, которым становились и адвокат, и учитель, и студент — любой достаточно грамотный для выполнения такой работы человек. В большинстве руководителей были буржуазные националисты, лидеры националистических организаций, для которых рабочий класс представлял лишь пассивного участника в национально-освободительном движении. В своей деятельности они зачастую руководствовались исключительно политическими интересами той среды, с которой составляли одно целое.

Почти повсюду в странах Азии и Северной Африки, развивающихся на капиталистической основе, у лидеров национально-освободительного движения наблюдается тенденция к подавлению самостоятельности рабочего и профсоюзного движения. Налицо, таким образом, известное в истории и весьма опасное для судеб классовой борьбы пролетариата явление — стремление националистических лидеров заставить трудящихся и их организации отказаться от борьбы за свои классовые интересы. Последнее означает не что иное, как реформизм, возвращенный на почву национализма. Пролетариат и его организации могут и должны противопоставить реформизму в любой его модификации классовую политику на основе марксистско-ленинского учения.

Рабочее и профсоюзное движение в странах Востока вливается в общий антиимпериалистический фронт. «В конечном счете именно рабочее движение сыграло определяющую роль и в этом районе мира»³⁷. Несмотря на все трудности и слабости, оно достигло определенных успехов, и значение его в дальнейшем будет все больше возрастать. Залогом этого является и неуклонный рост поддержки со стороны международного коммунистического рабочего и прогрессивного профсоюзного движе-

³⁷ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 63.

ния. Секретарь ВФП Ибрагим Захария на VII Всемирном конгрессе профсоюзов отмечал: «За последние годы помощь социалистических стран развивающимся странам увеличилась почти вдвое. Тысячи заводов и других производственных единиц были построены социалистическими странами в развивающихся странах. Десятки тысяч молодых людей из стран Востока проходят подготовку в высших учебных заведениях социалистических стран.

Кроме этой помощи имеется и другой тип помощи со стороны профсоюзов социалистических стран. Эта помощь, которая значительно возросла за последние годы, предполагает подготовку профсоюзных кадров, направление экспертов по различным аспектам профсоюзной деятельности, поставки канцелярского оборудования и транспортных средств. Обмен делегациями, который также значительно возрос, и целевые поездки в значительной степени способствуют укреплению связей между профсоюзами социалистических стран и профсоюзами развивающихся стран, расширению действий международной рабочей солидарности»³⁸.

Но, разумеется, основой возрастания силы и значимости рабочего движения на Востоке является экономический, технический и социальный прогресс, который, несмотря на все препятствия, все же неуклонно пробивает себе дорогу в афро-азиатском мире. А он во всех своих проявлениях — росте промышленности и прочих современных отраслей экономики, модернизации производства, повышения общего образовательного уровня населения в целом и производственных кадров в частности — связан с ростом рабочего класса.

«Роль рабочего класса в развивающихся странах будет постоянно повышаться, так как он продолжает расти численно и так как расслоение общества будет осуществляться. Таким образом, на профсоюзы ложится в настоящее время ответственность за организацию рабочего класса на правильной основе. Формирование и воспитание рабочего класса и его руководителей должны проводиться в духе подлинно революционного, независимого, классового и массового профсоюзного движения, свободного от распространяемых неокOLONИализмом и его агентурой концепций, преследующих цель затушевать классовые проблемы»³⁹.

Вполне очевидно, что наиболее успешное воспитание рабочего класса (и его союзников) в таком духе возможно лишь при наличии пролетарской рабочей партии, строящей свою работу на основе идеологии, теории и практики международного коммунистического движения.

³⁸ VII Всемирный конгресс профсоюзов. Материалы и документы. Булапешт, 17—26 октября 1969 г., с. 79—80.

³⁹ Там же, с. 140—141.

**Социально-политический динамизм
интеллигенции и студенчества.
«Ново-левое» движение**

Интеллигенция и собственно средние слои⁴⁰, компонентом которых она, как отмечалось, является, представляют собой после рабочего класса самые динамичные и растущие социальные силы на Востоке. За исключением старой, «традиционной» интеллигенции (если к «традиционалистам» отнести также элиту добуржуазных укладов — племенную и феодальную знать), интеллигенция и, в более широком плане, средние слои — наиболее «осовременившиеся» общественные элементы. Они не только в наибольшей степени «политизированы», но и сами, как правило, являются творцами и техническими исполнителями любого политического курса на Востоке, так как в большинстве афро-азиатских стран именно из них — чиновников, учителей, служащих, инженеров и офицеров — формируются государственный аппарат и правящая элита. По сути дела, каждый класс общества выдвигает своих образованных лиц свободных профессий, творческих работников и просто людей умственного труда. Но, несмотря на то что интеллигенция разделена на антагонистические отряды по своему происхождению (феодальному, буржуазному, мелкобуржуазному и пролетарскому) и характеру представляемых каждым отрядом соответствующих классовых интересов, принадлежность к очень тонкой прослойке людей просвещенных и интенсивные, как правило, занятия политикой дают основания рассматривать интеллигенцию как социальную группу, внутри которой наряду с противоречиями имеется и общность интересов, взглядов, вкусов, настроений и профессиональных связей.

Численность интеллигенции значительно возросла в послевоенные годы, но тем не менее она составляет пока еще небольшую прослойку по сравнению с другими слоями населения в развивающихся странах. О росте численности интеллигенции можно судить по росту будущей интеллигенции — студенчества (в тыс. человек)⁴¹:

	1950 г.	1960 г.	1966 г.	1973 г.
Азия	1007	2131	4181	6378
Африка	71	192	334	677

В Азии число студентов возросло более чем в 6 раз, а в Африке — почти в 10 раз. Но вместе с тем во всех отраслях эко-

⁴⁰ См. подробнее: Средние слои городского общества в странах Востока. М., 1975.

⁴¹ Г. Е. Скорюв. Развивающиеся страны: образование, занятость, экономический рост. М., 1971, с. 80; Statistical Yearbook, 1975, с. 225—234, 244—253.

номики и общественной жизни развивающихся стран ощущается острая нехватка специалистов.

Численность преподавательского состава в Азии с 1950 г. также увеличилась в несколько раз. Но число преподавателей явно недостаточно, так же как зачастую неудовлетворительна их профессиональная подготовка, отчего особенно страдают учащиеся сельских местностей⁴². В Иране, например, в 1963/64 учебном году не хватало 53 тыс. учителей⁴³. В Турции с 1945 по 1960 г. число школ и учителей в них почти не выросло⁴⁴. В марокканских учебных заведениях в начале 70-х годов из-за нехватки национальных кадров работало 8 тыс. французских преподавателей. Квалификация местных преподавателей значительно ниже, чем иностранных. Только 50% марокканских преподавателей в вузах имеют ученые степени⁴⁵.

До сих пор на Востоке преобладает интеллигенция с гуманитарным образованием. Если несколько сократилась численность и влияние интеллигенции, связанной с религией, то появилась новая ее категория, связанная со средствами массовой культуры и информации (печать, радио, телевидение, кино). Научно-техническая интеллигенция практически еще только формируется, поэтому проблема подготовки собственной научно-технической интеллигенции в развивающихся странах стоит особо остро. В 1963 г., по подсчетам иранской статистики, требовалось свыше 26 тыс. специалистов всех отраслей, а фактически не было и одной трети этого количества⁴⁶. В Сирии в 1967 г. на тысячу рабочих обрабатывающей промышленности приходилось лишь четыре специалиста с высшим образованием⁴⁷. В Марокко, по подсчетам экономистов, требуется каждый год около 200 инженеров, а единственный до 1974 г. в стране технический вуз мог выпускать не более 65 специалистов⁴⁸.

По оценке ЮНЕСКО, к 1970 г. в Азии насчитывалось 1410 тыс. специалистов естественнонаучного и технического профиля, в арабских странах — 156 тыс., в Африке — 58,2 тыс.⁴⁹.

Качество подготовки инженерно-технического персонала также не всегда отвечает требованиям развития промышленности.

⁴² В Африке в начале 60-х годов 89% всех учителей относилось к разряду неквалифицированных или малоквалифицированных (Г. Е. Скорюв. Развивающиеся страны, с. 81).

⁴³ М. М. Алнев. Современная интеллигенция Ирана (после второй мировой войны). Автореф. канд. дис. Баку, 1967, с. 21.

⁴⁴ «Советские профсоюзы», 1969, № 1, с. 40.

⁴⁵ Attilio Gaudio. Allal al-Fassi ou l'histoire de l'Istiqlal. P., 1972, с. 156.

⁴⁶ М. М. Алнев. Современная интеллигенция Ирана..., с. 19.

⁴⁷ Ш. Салах. Проблемы занятости и подготовки рабочей силы в Сирии (на современном этапе). Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 21.

⁴⁸ L'école Mohammedia d'ingénieurs. Rabat, Maroc. UNESCO, P., 1967, с. 12, 28.

⁴⁹ К. Н. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974, с. 239.

Огромный ущерб наносит развивающимся странам «утечка мозгов». Она связана не только с лучшими условиями жизни и труда в развитых странах, но и с проблемой занятости, которая для молодой национальной интеллигенции стала серьезнейшей проблемой. В Индии, по данным на апрель 1971 г., каждый четвертый выпускник высших учебных заведений оказывался безработным, причем среди гуманитариев безработица была почти в 2 раза выше⁵⁰. В условиях современного экономического кризиса положение интеллигенции еще более усугубляется.

Только в 1962—1964 гг. в США выехало из стран Азии и Африки 40 тыс. человек⁵¹. 70% учившихся за рубежом студентов-африканцев не возвращаются на родину⁵². По сведениям ЮНЕСКО, ежегодно из 8 арабских стран (Сирии, Ливии, Египта, Иордании, Ирака, Алжира, Туниса, Марокко) эмигрирует около 10 тыс. ученых, инженеров, физиков, техников, врачей, фармацевтов, студентов. Они обосновываются главным образом в США, Канаде, ФРГ, Франции и Англии⁵³.

«Утечка мозгов» задерживает формирование национальной, особенно научно-технической, интеллигенции. А это не только замедляет процесс подъема национальной экономики, но и задерживает процесс становления нового мировоззрения, осложняет процесс внедрения прогрессивных тенденций в молодых освободившихся странах, существенно тормозит общее социально-политическое развитие, в том числе развитие классовой борьбы. В. И. Ленин писал, что «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»⁵⁴.

В своем большинстве современная интеллигенция — выходцы из более или менее зажиточных слоев⁵⁵. Это связано с той огромной пропастью, которая существует между экономическим положением и материальными возможностями различных классов, слоев и прослоек населения. Низкий уровень жизни большинства населения фактически закрывает ему доступ к образованию, особенно к высшему.

В Марокко, например, где неграмотность населения старше 10 лет составляет 76% (по переписи 1971 г.), из 250 учеников,

⁵⁰ Средние слои городского общества в странах Востока, с. 189.

⁵¹ «Народы Азии и Африки». 1970, № 4, с. 5.

⁵² «Проблемы мира и социализма». 1972, № 7, с. 68.

⁵³ Неоколониализм и Африка в 70-х годах. М., 1975, с. 314—315.

⁵⁴ В. И. Ленин. Задачи революционной молодежи. — Т. 7, с. 343.

⁵⁵ Среди студентов Калькутты выходцы из семей бизнесменов в конце 60-х годов составляли 16,5%, крупных землевладельцев — 4, адвокатов, врачей и других категорий интеллигенции — 15, служащих — 57, крестьян — 3 и других — 4,5% (см.: А. Г. Смирнов. Научно-техническая интеллигенция Индии. М., 1967, с. 109).

принятых в начальную школу, только один поступает в высшее учебное заведение⁵⁶.

Основная масса интеллигенции относится к лицам наемного труда. Лица свободных профессий составляют довольно малочисленную группу. Инженерно-техническая интеллигенция на Востоке, так или иначе участвуя в производственном процессе, приобретает, по выражению Маркса, черты совокупного рабочего⁵⁷. Неуклонно идет процесс «пролетаризации» восточной интеллигенции, утраты ею своего избранного положения. Этот процесс, в свою очередь, влияет на создание «рабочей интеллигенции», как говорил В. И. Ленин⁵⁸ (активисты рабочих и коммунистических партий, профсоюзов и т. д.).

Вместе с тем часть интеллигенции, занятая в производстве, нередко осуществляет надзор за рабочими, а та ее часть, которая занята в государственно-административном аппарате, выполняет функции подавления и угнетения трудящихся. Наиболее предприимчивые ее представители сами начинают заниматься бизнесом, выбиваются в ряды буржуазии. Так происходит социальное расслоение интеллигенции, смычка разных ее отрядов с разными антагонистическими классами.

Неуклонно растет разрыв в материальном положении различных слоев интеллигенции. Положение интеллигентов, экономически связанных с местной буржуазией, в целом довольно обеспечено, хотя их заработная плата зачастую в 3—4 раза меньше, чем у иностранных специалистов. Но условия жизни остальной части интеллигенции мало чем отличаются от положения других слоев трудящихся города. Наиболее низко оплачиваются учителя. Очень невысок уровень доходов большинства служащих, врачей, лиц свободных профессий, не имеющих твердых, постоянных заработков. Не менее трудно положение студентов, часть которых из-за недостатка средств вынуждена бросать учебу, жить впроголодь, часто в антисанитарных условиях⁵⁹.

В обстановке общей экономической отсталости не все специалисты, получившие образование, могут найти работу после окончания высшего учебного заведения. Несмотря на нехватку специалистов во всех областях экономики, среди них много безработных или полубезработных, особенно среди специалистов с гуманитарным образованием. Это связано с недостаточным количеством школ, больниц, с использованием иностранных специалистов вместо национальных кадров и т. д.

⁵⁶ Ali Yata. Bilan de 16 années d'indépendance marocaine Casablanca mars 1971, с. 32.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. — Т. 23, с. 431.

⁵⁸ См.: В. И. Ленин. Понятное направление в русской социал-демократии. — Т. 4, с. 269.

⁵⁹ В университетах Африки отсев студентов первого года обучения по причинам материальной необеспеченности составляет 60—80% (Revue Française d'études politiques africaines. Dakar, Juillet 1969, с. 86).

В советской литературе отмечается, что, подобно тому как успехи мировой медицины способствовали демографическому взрыву в развивающихся странах, каковой осложнил их многие социальные проблемы, успехи народного образования в этих странах вызвали, так сказать, «образовательный взрыв», который из-за нехватки новых мест привел к безработице на уровне новой и, как правило, молодой национальной интеллигенции и создал дополнительные проблемы. Эта безработная и неустроенная интеллигенция — источник большого социального недовольства и политического напряжения в развивающихся странах. Вопрос о социальной близости ее с рабочим классом в принципе не стоит, но она может быть его ближайшим политическим союзником⁶⁰.

Несмотря на общую нехватку специалистов, за последнее время наблюдается отток квалифицированных кадров из сферы производственной деятельности в управленческую, происходит бюрократизация интеллигенции, которая становится основным источником формирования бюрократической буржуазии. Это объясняется как возросшими потребностями государства, так и трудным положением интеллигенции, в частности учителей, инженеров, что заставляет их искать места в административном аппарате.

Своеобразие положения интеллигенции состоит в том, что она примыкает «отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим, по мере того, как капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»⁶¹. Промежуточное положение интеллигенции говорит о том, что она «не есть самостоятельный экономический класс и не представляет поэтому никакой самостоятельной политической силы»⁶². Но в интеллигенции как идеологической силе нуждается не только буржуазия, но и мелкая буржуазия и молодой рабочий класс Азии и Африки.

Современная интеллигенция Востока, как правило, гораздо более влиятельна и авторитетна, чем в развитых странах, в силу особого почета, которым окружены образованные люди в странах с огромным большинством неграмотного или малограмотного населения, а также в силу своей политической опытности и искушенности, так как на Востоке политика — второе ремесло интеллигента.

Интеллигенция составляет костяк многих политических партий, находится в руководстве профсоюзов, различных культур-

⁶⁰ Рабочее движение в развивающихся странах. М., 1977, с. 97—98.

⁶¹ В. И. Ленин. Рецензия. Karl Kautsky. Bernstein und des sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik — Т. 4, с. 209.

⁶² В. И. Ленин. По поводу одной статьи в органе Бунда. — Т. 14, с. 191.

но-просветительных и иных организаций. Так, созданный в апреле 1968 г. Союз революционных сил Турции включал 23 учительские, профсоюзные и студенческие организации. Большой процент представителей интеллигенции, как новой, так и «традиционной», входит в состав Национального союза народных сил и «Истикляль» — самых влиятельных партий современного Марокко, в правящую Дестуровскую социалистическую партию Туниса, во все филиалы Партии арабского социалистического возрождения (в Сирии, Ливане, Ираке и других государствах), в Индийский национальный конгресс. Интеллигенция выражает их идеологию, вырабатывая программу и политические требования, и является пропагандистом и организатором.

Во многих азиатских и африканских странах она способствовала внесению организованности в ряды рабочего класса, содействовала формированию в нем как пролетарского, так и мелкобуржуазного мировоззрения. Интеллигенция сыграла свою роль в создании профсоюзов, в вовлечении пролетариата в националистические партии и организации. Она создала и собственные профсоюзные организации.

Быстро растет число профсоюзов работников умственного труда, причем часто они входят в одно объединение с рабочими. В своей деятельности различные отряды интеллигенции и средних слоев (учителя, врачи, инженеры, техники, служащие государственных учреждений, контор и предприятий) тесно соприкасаются с промышленным производством, сельским хозяйством, вступают в контакты с различными слоями населения, видят трудности, стоящие перед национальной экономикой, осознают социальную пропасть, существующую между различными слоями населения, начинают лучше осмысливать свое собственное положение. «Все это, — отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г., — меняет отношение интеллигенции к капиталистическому строю, сближает ее интересы с интересами рабочего класса»⁶³.

Вместе со всеми трудящимися представители интеллигенции борются за улучшение своего экономического положения, выступают против дороговизны, увеличения налогов, за повышение заработной платы, улучшение условий труда и трудового законодательства, за улучшение и расширение системы социального страхования и обеспечения и т. д. Забастовка стала активной формой борьбы не только рабочего класса, но и интеллигенции. Бастуют журналисты, работники радио и телевидения.

Длительную борьбу за удовлетворение своих требований ведет Союз журналистов Пакистана. Работники печати требовали отмены всех антидемократических законов, особенно закона об обороне Пакистана, создания независимой организации, которая объединяла бы все газеты, освобождения от правитель-

⁶³ «Правда», 8.VI.1969.

ственного контроля радио, телевидения, агентства ААП. Кроме того, они выступают за освобождение всех арестованных рабочих и профсоюзных руководителей, а также за полную свободу деятельности профсоюзов. В декабре 1975 г. они провели 2-часовую предупредительную забастовку в поддержку своих требований. 24 февраля 1977 г. по призыву Всепакистанской конфедерации работников прессы журналисты провели «день требований». Митинги, демонстрации и собрания прошли в Пешаваре, Равалпинди, Лахоре, Мултане, Хайдарабаде, Карачи. Выдвигались требования повышения заработной платы, изменения закона о прессе, который обеспечил бы свободу печати.

Все чаще интеллигенция становится союзником рабочего класса не только в экономической, но и в политической борьбе. Стали правилом активные выступления различных ассоциаций творческой интеллигенции, профессиональных объединений служащих и лиц свободных профессий за мир, против угрозы войны, расизма и милитаризма. Все нарастающая «политизация» этих организаций в течение 60—70-х годов объясняется тем, что работники умственного труда не только видят страдания народа, но и сами становятся жертвами таких социальных бедствий, как безработица, снижение жизненного уровня и обнищание трудящихся, невозможность для все увеличивающегося числа лиц с образованием найти себе достойное занятие ввиду крайней отсталости большинства молодых государств, выражающейся, в частности, и в неумении использовать наличные кадры. На положении интеллигенции и средних слоев крайне болезненно сказывается «разрыв между темпами распада старых общественных структур и становления нового общества, новых общественных отношений»⁶⁴. Поэтому образованные прослойки, отличающиеся особой политической чуткостью и достаточным пониманием причин социального зла, все более и более сближались с угнетенными трудящимися массами — пролетариатом и крестьянством — на всем протяжении 60—70-х годов. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий отметило, что «союз работников умственного и физического труда становится все более значительной силой в борьбе за мир, демократию и социальный прогресс, за демократический контроль над производством, учреждениями культуры и информации, за развитие образования в интересах народа»⁶⁵.

Активное участие принимает интеллигенция во всеобщих забастовках, демонстрациях протеста, днях солидарности участников антиимпериалистической борьбы, во всех выступлениях за вывод иностранных войск и за ликвидацию американских баз. В этом отношении особенно проявила себя в 60—70-е годы

⁶⁴ В. Б. Иорданский. Тропическая Африка: в поисках политической стабильности. — «МЭ и МО», 1971, № 1, с. 45.

⁶⁵ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 308.

интеллигенция Ливана, Марокко, Ливии, Туниса, Турции, Филиппин. Интеллигенция выступает в защиту национального суверенитета, национальных богатств, за демократизацию общественного строя, за национализацию ключевых отраслей промышленности, банков и т. д., за аграрную реформу, за прогрессивное законодательство, расширение и улучшение образования, здравоохранения и т. д. Прогрессивная интеллигенция активно участвовала в развернувшемся с 1969 г. движении крестьян Индии за захват помещичьих земель. Значителен процент интеллигентов и студентов среди бойцов палестинского сопротивления (особенно в 1967—1977 гг.).

Широкий размах приняло в 60—70-е годы студенческое движение в странах Востока. Студенчество все время находится в первых рядах патриотических манифестаций. Наиболее массовые выступления студентов наблюдаются в Пакистане, Турции, Индонезии и многих странах Арабского Востока и Тропической Африки. Это очень симптоматичное явление. В. И. Ленин называл студенчество «самой отзывчивой частью интеллигенции»⁶⁶.

Характерно, что, начав с протеста против отсталой системы обучения и засилья неокOLONиалистской идеологии, студенчество, эта потенциальная интеллигенция, борется за право иметь свои организации, оказывать влияние на учебный процесс. Необеспеченность студентов является одним из постоянных стимулов брожения в студенческой среде. Студенты требуют снижения платы за обучение, улучшения материального положения преподавателей, создания административных советов в учебных заведениях и т. д. Вместе с тем недовольство студентов постоянно питается пылкой непосредственностью молодежи, более остро, чем старшее поколение, переживающей все, что говорит об отсталости отечества, его неравноправном положении, зависимости от иностранцев, национальном унижении, социальной несправедливости и т. д.

Упорную многолетнюю борьбу за свои права ведут пакистанские студенты, поддерживаемые различными слоями общества. Студенты Карачи и других городов организовывали в 70-е годы многотысячные митинги, забастовки, демонстрации. Выборы в студенческие советы в колледжах Карачи в марте 1976 г. сопровождались массовыми беспорядками (грабежи, насилие, разгромленные магазины и автозаправочные станции, разбитые машины на трассе Карачи — Хайдарабад, увечья водителей и пассажиров).

Во многих странах развернулось движение студентов за национализацию частных учебных заведений. Требование национализации иностранных учебных заведений поддерживает Национальный союз студентов Ирака. За национализацию част-

⁶⁶ В. И. Ленин. Задачи революционной молодежи. — Т. 7, с. 343.

ных высших учебных заведений и бесплатное обучение ведут борьбу студенты Турции.

Летом 1973 г. вновь активизировалось студенческое движение в Индонезии. Студенческие волнения — отражение общего недовольства в стране в связи с ростом инфляции и безработицы, которые привели к обострению социальных противоречий. В декабре 1973 г. свыше 3 тыс. студентов вышло на улицы Джокьякарты, чтобы заявить протест против стремительно растущей дороговизны жизни, против спекуляции, взяточничества, бездействия правительства; три недели продолжались демонстрации студентов в Джакарте.

Два дня происходили студенческие демонстрации в январе 1976 г., во время визита в Индонезию премьер-министра Японии К. Танака. Тысячи участников громили и поджигали автомашины, японские торговые предприятия, разрушили торговый центр. 13 убитых, 200 раненых, 800 арестованных — таков итог этих выступлений молодежи.

Вновь активизировалась молодежь в связи с избирательной кампанией весной 1977 г. Она требовала проведения выборов, намеченных на май, на законной основе. В апреле 1977 г. около 15 тыс. представителей молодежи и студенчества из Джакарты, Бандунга, Джокьякарты и других городов собрались в столице для проведения однодневного «диалога между молодым поколением и Партией единства и развития».

Подъем студенческого движения происходит не только в странах, переживающих острые кризисные ситуации или экономические трудности. Он затронул также «благополучные», с точки зрения неоколониалистов, страны, развивающиеся по капиталистическому пути. «Африканские предприниматели, — пишет французский африканист Пьер Биарнес, — так же как и студенты, рабочие и служащие, все решительнее требуют покончить с засильем иностранцев в различных областях жизни страны, что, в свою очередь, вызывает недовольство правительством, политика которого, как им представляется, слишком благоприятствует иностранным интересам»⁶⁷.

Часто студенческие выступления кончаются кровавыми столкновениями с полицией, арестами студенческих активистов, ссылкой, исключением из учебных заведений и т. д. Левые студенческие организации дают активный отпор правым элементам. Нередко к студентам присоединяется и профессорско-преподавательский состав. По мере пробуждения политического сознания борьба студентов приобретает антикапиталистическую и антиимпериалистическую направленность. Студенты Турции с 1968 г. активно выступали против засилья американских монополий, за выход Турции из НАТО, против пребывания амери-

⁶⁷ Пьер Биарнес. Социальный кризис, студенты и власть. — «За рубежом» М., 1970, № 23, с. 15.

канского флота в турецких портах. Они протестовали против войны во Вьетнаме, выступали за мир во всей Юго-Восточной Азии. В мае 1977 г. пакистанские студенты организовали демонстрацию у здания американских информационных служб, осуждая американское вмешательство в дела Пакистана.

Если антикапиталистические тенденции у интеллигенции ослабляются ее зависимостью от капиталистической среды, интересами карьеры и другими факторами, то студенты в силу своего возраста и неопределенности положения в современном обществе меньше подвержены действию этих факторов. Будущая интеллигенция проходит отличную школу политической борьбы, воспитывая свои организаторские кадры, завтрашних политических деятелей.

Нередко студенты выступают в поддержку борьбы рабочих и крестьян, распространяют газеты и листовки среди населения с критикой существующего режима, организуют совместные митинги. Имели место (например, в Стамбульском университете) случаи бойкота, объявленного студентами в знак солидарности с забастовками рабочих.

«Политизацию» студенчества нельзя отождествлять, однако, с общим проявлением настроений студенческой массы. Студенческий «авангардизм», переоценка своей революционной роли зачастую становятся одним из источников слабости студенческого движения. Не все студенчество одинаково активно участвует в политической и общественной жизни. Часть молодежи вообще не входит в состав студенческих организаций, охвачена разочарованием, подвержена влиянию реакционных партий. Наибольшую активность проявляют студенты гуманитарного и естественного профиля. Более пассивны студенты технических специальностей (они менее «традиционны» для Востока и требуют более сложной подготовки), что объясняется часто их социальным происхождением (выходцы из буржуазии чаще могут получить соответствующую подготовку), лучшими перспективами в будущем. В отличие от гуманитариев их, как правило, ждет после окончания учебного заведения не безработица, а обеспеченная и хорошо оплачиваемая работа. Кроме того, на студентов технических специальностей большое влияние оказывают научно-технические достижения стран развитого капитализма. Не следует забывать и того, что технические кадры на Востоке почти на 100% обучаются иностранными преподавателями или же за рубежом. А капиталистические страны стараются всячески оказывать идеологическое воздействие на студентов, прибывающих из афро-азиатских стран⁶⁸.

Оборотной стороной разочарования и апатичности, являющихся во многом следствием обуржуазивания части интеллиген-

⁶⁸ Только в Тропической Африке в середине 60-х годов из 68 тыс. студентов 27 тыс. обучались за границей (Africa Report, Wash., 1966, June 24).

ции Востока и ее студенческого резерва, стало в 60-е годы «ново-левое» движение, превратившееся постепенно в Азии и Африке в значительный фактор социально-политической активности интеллигенции и молодежи. Как и в развитых странах Запада, это движение во многом строилось на идейной платформе неотрецизма и маркузизма.

Некоторые «ново-левые» Востока подхватили модный на Западе тезис об «особой» роли образованной молодежи в борьбе против «истеблишмента» (под которым на Востоке обычно понимались колониализм, его структуры и агентура). Но кумуляция «ново-левыми» разновидностей социального и антиколониального протеста сопровождается судорожными метаниями, дезориентирующими борьбу масс, вовлекающими в левозкстремистский авантюризм и здоровые, ранее не зараженные им элементы патриотического движения. Этот псевдорадикализм «отражает прежде всего неустойчивую, стихийную ультрареволюционность мелкобуржуазных и люмпенских масс города и деревни». В то же время он может быть и отражением недовольства «наиболее угнетенных и политически отсталых групп крестьянства (сельскохозяйственных рабочих, отсталых племен, низших каст)», подобно движению наксалитов в Индии⁶⁹. Но при всех проявлениях левозкстремизма, как правило представляющих реакцию на деспотизм феодалов, эксплуатацию капиталистического характера, репрессии полиции, коррупцию и т. п., он остается незрелым и неумелым включением молодежи в политическую жизнь, не столько свидетельством готовности к борьбе, сколько показателем незрелости этой борьбы.

«В выступлениях молодежи... зачастую еще сказывается нехватка политического опыта и связи с авангардом революционной борьбы... — отмечал Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г. — Этим пытаются воспользоваться экстремистские, по существу враждебные коммунизму элементы, а подчас и прямая агентура империалистов»⁷⁰. Анархизм и радикализм молодежного движения на Востоке во многом смыкаются с антиимпериализмом, являются не только выражением отчаяния деклассированных или деклассирующихся элементов общества, теряющих вместе с социальными связями и социальную перспективу. Это также реакция молодежи на незавершенность или постепенное свертывание антиимпериалистической борьбы и социальных преобразований, нерешенность или задержку с решением жгучих проблем, антинародную политику и коррупцию правящих верхов, перерождение или оппортунизм старого руко-

⁶⁹ Средние слои городского общества в странах Востока, с. 21, 191.

⁷⁰ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 59.

водства антиколониальным движением. Поэтому, как правило, «ново-левое» движение в странах Востока, наиболее проявившее себя за последние годы в арабских странах (особенно в рядах борцов палестинского сопротивления), Турции, Пакистане, Шри Ланке, Индии, вдохновляется в первую очередь именами Франца Фанона и Эрнесто Че Гевары, причем не только их теориями, но и их личным благородным примером участия в освободительной революционной борьбе.

Современному «ново-левому» движению, большинство которого составляет студенчество, свойственны демонстративный радикализм и склонность к авантюрам, игра в революцию. Отсюда — такие анархистские формы борьбы, как разгром и поджог различных учреждений, кровавые побоища между различными студенческими группировками, похищение членов молодежных организаций соперничающими группировками, содержание их в качестве заложников, культ индивидуального террора.

Восприимчивость к псевдореволюционным лозунгам привлекла некоторую часть студенчества и учащихся Шри Ланки в лагерь левых экстремистов в период антиправительственного мятежа в апреле 1970 г. Студенты составляют значительную силу в наксалитских группах в Индии, находящихся под влиянием маоизма и осуществляющих террористическую деятельность.

Но нельзя отрицать, что в целом это движение за последние годы сыграло важную, хотя и специфическую роль в жизни ряда стран, в том числе в антикапиталистической борьбе.

Многие студенческие организации до сих пор находятся под влиянием правореформистских, реакционных партий, фашистских группировок, церкви, религиозных сект. В ряде случаев левый экстремизм порождается борьбой демократической части молодежи против засилья правых. В такой борьбе, часто принимающей ожесточенный характер, отсутствие опыта и выдержки, четкой социальной ориентации, изолированность от рабочего и коммунистического движения в огромной степени способствуют левому экстремизму.

Усиление левацких тенденций, настроения бунта, безответственность порождаются в молодежной среде также неопределенностью положения, ослабленностью социальных связей, свободой от обязанностей, в первую очередь у безработной молодежи, среди которой немало бывших студентов и прочих «полунинтеллигентных» люмпенов.

На студенчество Азии и Африки в гораздо большей степени, чем на западное студенчество, оказывает влияние маоизм. Стихия «культурной революции», псевдореволюционная демагогия и спекуляция на романтизме молодежи, востокоцентристский экстремизм имели определенное воздействие на радикально настроенное юношество.

Характерно, однако, что влияние маоизма, как правило, не переходит в идеологическую подчиненность Пекину. Это, в частности, выражается в том, что, заимствуя из арсенала маоизма многие экстремистские лозунги, ультрареволюционные фразы, представления о характере антиимпериалистической борьбы и даже методы привлечения сторонников, наиболее видные лидеры «ново-левого» движения в качестве образца для себя предпочитают Кубу и Вьетнам. Причин тому много: несогласие (обычно молчаливое) с гегемонистскими претензиями Пекина, уважение к героизму небольших народов, бросивших вызов силам империализма, особый интерес к опыту кубинских и вьетнамских партизан (более соответствующему представлениям «новых левых» о народной войне, нежели китайская теория окружения города деревней) и т. д. Популярность Кубы и Вьетнама наряду с некоторыми другими обстоятельствами способствует тому, что в отличие от «ново-левого» движения на Западе, все более отдаляющегося от марксизма, на Востоке оно испытывает всевозрастающее влияние марксизма.

В сущности, как анархо-синдикализм в свое время был наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения, так и современное «ново-левое» движение на Востоке — своего рода возмездие за невыполненные обещания старых лидеров, за незаконченность или перерождение революционных процессов. В ряде случаев это во многом незрелая и эмоционально-импульсивная реакция поднявшей голову молодежи стран Азии и Африки на особо жестокие и циничные формы национального угнетения и попрания законных национальных прав, на невыносимое положение безработной интеллигенции, на утрату социально-политической перспективы (обычно после неудачи или поражения прогрессивных сил той или иной афро-азиатской страны). Поэтому правильнее будет считать это движение уродливым искажением в кривом зеркале анархического авантюризма справедливого в своей основе социально-политического протеста молодежи и интеллигенции. «Можно не сомневаться, однако, что, овладев теорией научного социализма и вооружившись опытом классовых битв, молодые борцы против империализма свершат большие дела»⁷¹.

Усиление роли и значения «ново-левого» движения в 60—70-е годы связано со множеством социальных факторов, прежде всего с так называемым «демографическим взрывом» (который ведет к быстрому омоложению населения)⁷², распространением грамотности среди молодежи и увеличением ее общей тяги

⁷¹ Там же, с. 59.

⁷² Значение молодежи как политического фактора особенно велико в развивающихся странах, так как там молодежь до 20-летнего возраста составляет 50% населения, в то время как в развитых странах — только 27% («Всемирная проблема занятости. Доклад генерального директора для Международной конфедерации труда». Женева, 1969, с. 5).

к достижениям современной культуры, все увеличивающимся притоком в города пауперизованного сельского населения, вследствие чего города становятся не только центрами экономической и культурной жизни, но и средоточием всех наиболее кричащих противоречий национального бытия, всех наиболее разительных социальных контрастов, всех последствий нерешенных проблем, непреодоленных трудностей и невыполненных задач общегосударственного масштаба.

Молодежь реагирует на все это особенно болезненно в силу своего возраста и меньшей, чем у старшего поколения, скованности канонами и инерцией общественного консерватизма. Это прежде всего относится к образованной молодежи, благодаря своей чуткости и подготовке как бы аккумулирующей в себе почти все настроения и идеалы социального протеста.

Таким образом, «ново-левое» движение, наносящее «небольшой вред делу национального освобождения» своими призывами к «борьбе против революционно-демократических режимов, а также против прогрессивных мероприятий правительств, возглавляемых представителями национальной буржуазии, стоящих на антиимпериалистических позициях»⁷³, — своеобразная «детская болезнь левизны» одного из важных отрядов антиимпериалистического движения Азии и Африки, а именно молодой части интеллигенции. Переболев этой болезнью, большинство борцов этого отряда, несомненно, займут свое место в борьбе за подлинное национальное и социальное освобождение, за демократию, прогресс и социализм.

Разумеется, нельзя говорить о какой-либо решающей роли студенческого и вообще молодежного движения, в том числе «ново-левого» движения, не сумевшего, да и не способного установить связи с широкими массами. Но студенческие беспорядки, несмотря на относительную малочисленность и изолированность студенчества, становятся грозной силой, когда смыкаются с крестьянскими бунтами и рабочими забастовками, когда учащаяся молодежь находит верные пути к народу. Вопрос об этих путях — часть общего вопроса о связях афро-азиатской интеллигенции с широкими массами трудящихся.

В современных условиях интеллигенция часто выступает выразительницей интересов крестьянства, самого многочисленного класса Востока. Особенно это характерно для радикально настроенной интеллигенции, ставшей опорой революционно-демократических режимов. Гораздо острее ставится ею вопрос о ликвидации феодальных и дофеодальных форм эксплуатации, о необходимости радикального решения крестьянского вопроса, защите мелкого производства и мелкой собственности.

Националистические настроения, широко распространенные среди интеллигенции, также во многом связаны с ее прокрестьянскими

⁷³ Б. Пономарев. Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса. — «Коммунист». М., 1971, № 15, с. 70.

янской позицией. Однако часто они сознательно внедряются определенными политическими силами, связанными с буржуазией или реакционным крылом мелкой буржуазии, и нередко превращаются в националистический экстремизм, во враждебность к интернационализму.

В странах социалистической ориентации особенно заметно расслоение интеллигенции, часть которой испытывает на себе влияние пролетарской идеологии, идей социализма. В условиях, когда социализм стал явлением всемирного характера, притягательная сила марксизма воздействует уже не только на рабочий класс, а все шире распространяется на непролетарские общественные слои, имеющие буржуазное происхождение. Это особенно заметно в странах Африки и Азии и определяет одно важное явление — приток в прогрессивное движение незрелых в идейном отношении непролетарских слоев. Таким путем происходит проникновение мелкобуржуазных идей в социалистическое движение.

Наиболее передовая часть интеллигенции, освободившись от мелкобуржуазной идеологии, способна подняться до осознания классовых задач пролетариата, стать не только активной защитницей его интересов, но и его руководителем. Другая часть ее становится поборником капиталистического развития. Роль интеллигенции в жизни молодых, развивающихся стран неизменно будет возрастать и в качестве организатора экономики, и в качестве двигателя социального прогресса.

Роль мелкой буржуазии

Выдвижение на первый план мелкой буржуазии представляет собой одно из наиболее интересных явлений в расстановке классовых сил внутри афро-азиатского общества в 60—70-е годы. Как уже отмечалось, в конкретных условиях стран Востока нашей эпохи мелкая буржуазия исключительно пестра и многослойна, представляя собой не единый класс, а скорее конгломерат мелкособственнических классов, принадлежащих к различным укладам, но спаянных одинаковым положением в сложной структуре многоукладного общества, сходством социальной психологии и общественных идеалов, еще не ослабшей скрепленностью социальных связей докапиталистического характера. Составляя со всеми своими многообразными отрядами в городе и деревне большинство населения, мелкая буржуазия за последние полтора-два десятилетия все активнее пробивает себе дорогу к политическому лидерству. Это происходит не столько вследствие ее численного превосходства над любым другим классом или ее особых боевых качеств (обычно мелкая буржуазия как раз более аморфна и хуже организована, чем

буржуазия и пролетариат), сколько ввиду слабости ее классовых соперников.

Национальная буржуазия, за исключением буржуазии отдельных стран, обнаруживает все большую склонность к компромиссу с иностранными монополиями, всевозрастающее желание воспользоваться их неокOLONиалистскими податками. В ее среде большое развитие получают неоконпраторские тенденции, а также сращивание с обуржуазившимися феодалами. Это приводит (а во многих странах уже привело) к ее неспособности руководить антиимпериалистической борьбой, что не исключает революционной роли буржуазии в отдельных регионах и движениях. Но господствует тенденция к спаду или ликвидации всякой революционности буржуазии.

При этом следует учесть некоторые новые явления, особенно четко выявившиеся в начале 70-х годов.

Усиление интеграционных процессов в мировом капиталистическом хозяйстве — своего рода защитная реакция против нарастающих трудностей и кризисных явлений этого хозяйства. Одна из форм этих процессов — расширяющаяся интернационализация международного капитала, взрывающая прежние перегородки, социальные градации и даже предрассудки. Мировой капитализм в стадии империализма не может существовать без экспансии, а в условиях борьбы с мировым социализмом — без отчаянных метаний в попытках расширения своей базы и вовлечения в свою орбиту социально чуждых ему новых организмов и элементов. Отсюда — усиление за последние 10—15 лет внимания к национальной буржуазии Востока, к переходу от прежнего помыкания ею к союзу и сотрудничеству с ней, к облегчению ее становления и формирования там, где ее нет, ко всемерному поощрению буржуазной эволюции и потенциально капиталистических тенденций самых разных слоев населения Востока — от феодалов и бюрократов до интеллигенции, мелких буржуа и даже высокооплачиваемой рабочей верхушки, занимающей на Востоке привилегированное положение. Сращивание феодалов и буржуазии в единый эксплуататорский класс-симбиоз давно наблюдается на Востоке. Но сейчас наметился следующий этап эволюции — сращивание этого класса-симбиоза с международным монополистическим капиталом. Наиболее яркие примеры — помещение огромных капиталов Ирана (до 1979 г.), Кувейта, Саудовской Аравии и некоторых других стран — экспортеров нефти (т. е. собственности феодально-бюрократической элиты этих стран, почти не использующей или мало использующей свои богатства для развития национальных производительных сил) в банки Англии и Швейцарии, скупка ими акций крупнейших корпораций (например, Круппа и Даймлера-Бенца в ФРГ), реализация ими значительных инвестиций в экономику США, Франции, ФРГ, приобретение крупных предприятий и даже органов прессы в Англии.

Привлекая к экономическому партнерству верхушку буржуазии и особенно феодально-бюрократические элементы Востока, империалистические круги Запада стремятся достичь сразу нескольких целей:

1) временного оживления дряхлеющего механизма мирового капитализма;

2) разделения ответственности с «нефтяными шейхами» и возможности, когда будет нужно, именно против «арабского засилья» и вообще против «пришельцев с Востока» направить недовольство трудящихся Западной Европы (в случае удачной маневр дал бы возможность справедливый гнев против капитализма трансформировать в национализм и расизм по отношению к миллионам трудовых и политических эмигрантов, учащихся и других выходцев из стран Азии и Африки, живущих в Европе, особенно арабов, турок, курдов, индийцев, африканцев, пакистанцев);

3) привязывания к мировой капиталистической системе эксплуататорских верхов Востока с последующим расширением экономической экспансии в молодые независимые государства и закреплением их капиталистической ориентации;

4) внедрения в оформляющийся в борьбе за «более справедливый мировой экономический порядок» единый фронт развивающихся стран собственного троянского кося.

Сказанное выше частично объясняет усилившуюся за последние годы активность национальной буржуазии, ее внезапную самоуверенность и даже агрессивность не только в странах капиталистической, но и в отдельных государствах социалистической ориентации. Это — одно из последствий межнациональной солидарности капиталистов, их сплочения (далеко, впрочем, не повсеместного), вопреки давней националистической вражде и социальной несовместимости, на основе охватившего их всех панического страха перед успехами мирового социализма, коммунистического и рабочего движения в странах капитала, национально-освободительного и демократического движения в Азии и Африке, левые и прогрессивные тенденции которого все более и более выступают на первый план. Пытаясь воспротивиться всему этому, буржуазия Востока все более играет роль контрреволюционной силы, старающейся максимально организовать и до предела использовать все средства своего экономического (несколько возросшего за последние годы), политического и особенно идеологического влияния на массы.

В то же время пролетариат в подавляющем большинстве афро-азиатских стран еще слаб численно и организационно. Удельный вес кадрового пролетариата, обладающего развитым классовым самосознанием, обычно крайне незначителен среди афро-азиатских рабочих. Социальная и политическая незрелость рабочего класса мешает ему возглавить национально-освободи-

тельное движение, а в ряде случаев вообще оказывать серьезное влияние на общественную жизнь.

Отсутствие в ряде стран коммунистических и рабочих партий или их крайняя слабость, отсутствие даже профсоюзов или же охват профсоюзами лишь ничтожной части рабочих не только мешают сплочению пролетариата и ведению им классовой борьбы в организованных формах против «своей» буржуазии. Эти, к сожалению, еще сохраняющиеся во многих афро-азиатских странах негативные явления препятствуют включению рабочего класса той или иной страны в интернациональную борьбу мирового пролетариата, а следовательно, препятствуют установлению связей с передовыми и наиболее мощными отрядами международного рабочего движения, заимствованию методов организации, опыта и способов борьбы этих отрядов, а также получению от них прямой материальной, технической, организационной и идеологической помощи. Это неизбежно ослабляет молодой пролетариат стран Востока, особенно на фоне расширения интернационализации международного капитала и усиления связей национальной буржуазии Востока с главными силами мирового капитализма. Тем не менее во многих странах (особенно с неопределившейся ориентацией) установилось своего рода равновесие сил (разумеется, шаткое и временное): экономическому усилению, росту организованности (и социальной и политической) и международных связей восточной буржуазии противостоят быстрый количественный рост рядов пролетариата, обгоняющий, как правило, масштабы и возможности национального предпринимательства (большинство новых рабочих мест за последние 10—15 лет возникает в госсекторе или на предприятиях иностранного капитала), увеличение его удельного веса как в структуре общества, так и в его политической жизни (обычно косвенно, через усиление стихийно-социалистических и патриотическо-антикапиталистических тенденций революционной демократии, все более активно опирающейся на растущий пролетариат). В подобной ситуации неизбежно возрастание роли и значения средних и промежуточных слоев.

Городские средние слои в странах Востока — интеллигенция, служащие, офицерство и студенчество, т. е. самые просвещенные, способные мыслить в национальном масштабе и чуткие к новейшим требованиям прогресса социальные прослойки⁷⁴, — еще только формируются как самостоятельная общественная сила, обычно относительно малочисленны и выступают на политической арене в тесном блоке с традиционной мелкой буржуазией, т. е. с широкими массами ремесленников, мелких торговцев, различного рода посредников и хозяйчиков в сферах обращения и услуг. Если наиболее современные группы сред-

⁷⁴ См. обзор: Средние городские слои в развивающихся странах Азии и Африки. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 2, с. 27—45.

них слоев относительно сильны в более развитых странах (типа Индии, Египта, Алжира, Туниса, Ливана) и могут считаться там самостоятельной социальной категорией, то в более отсталых странах они слабы и являются безликим придатком феодально-буржуазной бюрократии. Практически же средние слои и в первом случае нельзя считать полностью социально независимыми. Даже тогда, когда они играют фактически руководящую роль в стране, они выступают как наиболее динамичная часть мелкой буржуазии, вернее, еще сохраняющегося широкого единства мелкобуржуазных слоев.

После завоевания независимости в большинстве молодых государств Азии и Северной Африки имеет место общая тенденция к сохранению, росту и укреплению средних слоев, а иногда к их появлению там, где ранее они отсутствовали. Это объясняется тем, что с развитием крупной промышленности и других современных отраслей экономики нужды народного хозяйства требуют воспитания все новых и новых квалифицированных научных, технических и управленческих кадров в развивающихся странах. И хотя прогрессирующее «осовременивание» хозяйственной и культурной жизни Востока неизбежно должно привести к уменьшению мелкобуржуазности средних слоев, к постепенному их превращению в трудовую интеллигенцию, в демократически мыслящих «рабочих сферы умственного труда» сегодня можно наблюдать лишь начало этого процесса, да и то не везде.

Ввиду того что буржуазия стран Востока, как правило, уже не может, а рабочий класс еще не может возглавить антиимпериалистическое, антифеодальное движение, резко возрастают роль и значение мелкой буржуазии. Она — социальный источник, определяющий классовый характер любой политики, разрабатываемой интеллигенцией и средними слоями на Востоке с виду «самостоятельно», а на самом деле под эгидой мелкой буржуазии, по ее заказу и от ее имени (даже если она принимает псевдоним «народ»). При всех особенностях положения этих наиболее активных и подготовленных социальных отрядов, примыкающих к мелкой буржуазии, они, как правило, не могут порвать прочные и многообразные связи с ней. Степень ее влияния на них прямо пропорциональна ее удельному весу в общественной жизни каждой конкретной страны. Внутри класса мелкой буржуазии решающую роль играет городская мелкая буржуазия (мелкие торговцы, ремесленники, кустари). Сельская мелкая буржуазия (т. е. крестьяне-середняки) более многочисленна, но политически менее развита, менее опытна и более распылена, что затрудняет ее организацию для защиты своих интересов⁷⁵. Кроме того, сельская мелкая буржуазия часто свя-

⁷⁵ «Чаще руководящие, ключевые узлы освободительного движения в этом случае находятся в руках представителей городской мелкой буржуазии. При преобладании сельских ее „компонентов“ городская мелкая бур-

зана с бытующими в азиатской и африканской деревне остатками патриархально-родовых или общинных традиций (в наиболее отсталых районах эти традиции до сих пор господствуют) и в силу этого во многом зависит от позиции крестьянства, в целом еще не вырвавшегося из орбиты докапиталистических укладов. Там, где расслоение крестьянства только намечается (например, в условиях сохранившейся относительно крепкой общины), вообще нельзя говорить о существовании мелкой буржуазии в деревне. Таким образом, когда речь идет о политической роли мелкой буржуазии, следует прежде всего иметь в виду городскую мелкую буржуазию.

В. И. Ленин отмечал в 1921 г., что «все попытки мелкой буржуазии вообще, крестьян в частности, осознать свою силу, по-своему направить экономику и политику кончались крахом. Либо под руководством пролетариата, либо под руководством капиталистов — середины нет»⁷⁶. Это ленинское положение вполне применимо к современным странам Азии и Африки. Однако в новых условиях, когда на Востоке борьба собственно буржуазии и рабочего класса за влияние на промежуточные слои дополняется борьбой двух мировых систем за влияние на все афро-азиатские страны, у мелкой буржуазии этих стран появляются новые возможности для маневрирования во внутривнутриполитическом и международном масштабе. Благодаря этому она, лавируя и используя столкновения различных социально-политических сил внутри той или иной страны, а также вне ее, имеет в настоящее время шансы довольно долго держаться на поверхности общественной жизни и даже играть во многих случаях решающую роль.

Следовательно, приведенное выше ленинское положение в применении к современным Азии и Африке следует понимать не как отрицание всякой возможности для мелкой буржуазии «по-своему направить экономику и политику», а как указание на то, что все ее попытки осуществить это в конечном итоге неизбежно ведут к союзу либо с буржуазией, либо с рабочим классом. Вместе с тем факты последних лет убедительно свидетельствуют о том, что афро-азиатская мелкая буржуазия не является надежным союзником ни для буржуазии, ни для пролетариата. По В. И. Ленину, этот класс иначе вести себя не может: «Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к

жуазии нередко через какое-то время (или на следующем этапе социальной эволюции многоукладного общества) перехватывает инициативу и выходит на первый план (в частности, через абсорбцию, перетягивание в город ведущих „представителей деревни“)» (А. И. Левковский. Многоукладные страны: город и деревня. — «Азия и Африка сегодня». 1970, № 12, с. 4—5).

⁷⁶ В. И. Ленин. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. — Т. 43, с. 136—137.

пролетариату. Самостоятельной „линии“ у него экономически быть не может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату»⁷⁷. В. И. Ленин также указывал в «Докладе об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии»: «Беспощадно подавляя буржуазию и помещиков, мы должны привлекать к себе мелкобуржуазную демократию. Когда они говорят, что хотят быть нейтральными и быть с нами в добрососедских отношениях, мы отвечаем: этого только нам и надо. Мы никогда не ожидали, что вы станете коммунистами.

...Но мы знаем, что мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя, что здесь нужно постепенно, ходом событий, убеждать в неизбежности социализма. Эти элементы никогда не станут социалистами по убеждению, прямыми, настоящими социалистами. Они станут социалистами, когда увидят, что выхода нет»⁷⁸.

Важная политическая роль мелкой буржуазии и неразрывно связанных с нею средних слоев, в ряде случаев даже их политическое господство во многом определяются тем, что в большинстве стран Востока перед ними открылась небывалая ранее возможность — временно занять относительно самостоятельную позицию в международном и национальном масштабе. При этом двойственность, эмпиризм и непоследовательность, характерные вообще для мелкой буржуазии, осложняются в афро-азиатских странах давлением еще не изжитых феодальных, религиозных и прочих средневековых пережитков на общественно-политическую жизнь. В этом помимо всего прочего сказывается незавершенность процесса классовообразования на Востоке, где мелкая буржуазия и современные средние слои развиваются в условиях сохранения докапиталистических укладов.

Бытовавшее в научной литературе длительное время нежелание проводить различие между мелкой буржуазией и собственно национальной буржуазией (хотя это различие между собственником-трудящимся и собственником-эксплуататором весьма существенно) не давало возможности разобраться в социальной подоплеке многих важнейших событий и правильно определить классовую сущность власти во многих странах Азии и Африки, классовую направленность ряда движений в этих странах. Часто мелкая буржуазия, находясь у власти, пытается вести борьбу на два фронта: и против капиталистов, и против рабочих. При этом иногда проходят годы, прежде чем она решается на союз с кем-либо из них. В результате некоторые правительства, например, расценивались то как представляющие власть крупной буржуазии, то как выразители интересов рабочего класса и крестьянства, хотя они не были ни теми, ни

⁷⁷ В. И. Ленин. О конституционных иллюзиях. — Т. 34, с. 40.

⁷⁸ В. И. Ленин. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. — Т. 37, с. 219.

другими, а всегда представляли собой революционно-патристическую власть мелкой буржуазии соответствующей страны. Пришущие им полярные изменения политики от преследований коммунистов до практической ликвидации крупной буржуазии как класса отражают соответствующие изменения позиции мелкой буржуазии в целом. Кроме того, надо учитывать, что даже в тех случаях, когда мелкая буржуазия сохраняет свое весьма относительное на Востоке единство и может рассматриваться как единая сила, она действует не в социально-политическом вакууме. На нее, как уже отмечалось, активно влияют иные классы, иногда добивающиеся своего ее руками.

В первую очередь страдая от любых социальных потрясений и экономических неурядиц, мелкая буржуазия обладает комплексом социальной неполноценности и остро ощущает свое неустойчивое положение в обществе, раздираемом антагонистическими противоречиями. Отсюда — ее шараханья и метания в поисках устойчивого положения, ее склонность к крайним мерам и политическая неразборчивость, ибо она то готова экспроприровать ультрареволюционным путем крупную буржуазию, то обрушивается на рабочее движение со всей яростью затравленного мелкого собственника. На базе подобных настроений могут возникнуть как реакционно-экстремистские течения клерикального и националистического характера, часто используемые в своих интересах империалистами и феодалами, так и антиимпериалистические, революционно-патристические устремления, являющиеся объективной основой для союза мелкобуржуазных слоев с широкими массами рабочего класса и беднейшего крестьянства.

Тяготение к диктаторскому режиму свойственно мелкой буржуазии вообще, а особенно в Азии и Африке. Разумеется, не всякая диктатура (например, буржуазно-помещичья и буржуазно-бюрократическое правление в некоторых странах Юго-Восточной Азии) мелкобуржуазна, но почти везде, где мелкая буржуазия стоит у власти или является ее главной опорой, форма ее господства — диктатура. Она дает ей иллюзию социальной устойчивости, освобождает от сознания собственного бессилия и приниженности в классовом обществе, представляется ей единственно возможным орудием борьбы за свои интересы с классовыми конкурентами как справа, так и слева. В этом социальные корни популярности диктаторов среди мелкобуржуазных масс, доходящей до обожествления мещанством всякого рода «сильных личностей».

Обычно мелкая буржуазия в целом революционна, когда страна еще не сбросила колониальное ярмо или когда у власти стоят либо феодалы, либо буржуазия. Реакционные стороны мелкой буржуазии более четко выступают, когда она сама приходит к власти или делит власть с другими классами, особенно если в стране существуют сильное рабочее движение и

крепкая компартия. Но конкретные условия вносят коррективы в эту общую схему, что легко прослеживается на примере тех стран, в общественно-политическом развитии которых видная роль принадлежит мелкой буржуазии.

Для этих стран в 60-е и особенно 70-е годы характерны процессы некоторой дезинтеграции мелкой буржуазии, начавшегося в ее рядах определенного размежевания классово-политических позиций. Эти явления очень сложны и самобытны, сопровождаются периодическими уклонами или движением вспять, попытками вновь обрести утрачиваемые единство и равновесие мелкой буржуазии. В сущности, это одно из проявлений «ломки-движения» многоукладности афро-азиатского мира, характеризующегося в целом весьма диалектическим и непрямойным развитием.

Упомянутая дезинтеграция, в частности, проявляется в усилении реакционных течений в рядах мелкой буржуазии, порожденных совместным давлением взаимосвязей и традиций докапиталистического типа и новейших тенденций к обуржуазиванию. Объективно выражаясь в антипролетарских тенденциях хозяйчиков мелкотоварного и мелкокапиталистического секторов, в приверженности определенной части интеллигенции и средних слоев к прокапитализму и «западной цивилизации», в националистическом волюнтаризме правого офицерства и бюрократическом тоталитаризме старого чиновничества, реакционные течения мелкой буржуазии часто вырастают в большую и опасную силу, нередко приводящую к сдвигу вправо в развитии той или иной страны. В 60—70-е годы эта сила явилась питательной средой и социальной опорой почти всех реакционных переворотов, на гребне которых к власти пробирались или возвращались представители традиционных эксплуататоров.

Но, как правило, торжество реакции, за некоторыми исключениями, не было и не могло быть долговечным. Причина этого прежде всего в выдвигании на первый план общенациональных экономических и социальных задач, решение которых явно не по силам эксплуататорским классам, а также реакционным фракциям мелкой буржуазии, тщетно пытающимся воздвигнуть барьеры на пути социального прогресса. Превратившись в балласт и тормоз, эти фракции самым ходом истории отбрасываются прочь с дороги общественного развития.

Укреплению прогрессивных тенденций мелкой буржуазии способствует рост недовольства ее численно преобладающих низов. Полупролетарии и люмпены, легко увлекаемые в русло праворадикального движения мелкобуржуазной (да и прочей) реакции, после поражения или даже торжества этого движения быстро разочаровываются в нем, ибо их положение никак не меняется. Политически активные элементы этой среды начинают постигать банальную истину: без коренных изменений общественной жизни надеяться на улучшение своего положения

нельзя. И тогда масса люмпенов и полупролетарских слоев обращается против реакции, оказывает давление на всю мелкую буржуазию снизу, побуждая ее к повороту влево. Процесс перехода к этой ориентации обычно не прост, изобилует множеством опосредствующих связей и привходящих моментов, часто носит временный характер. Но в случае его совпадения с оживлением рабочего, крестьянского и студенческого движения он, как правило, создает революционную ситуацию в стране. Этот процесс полевления мелкой буржуазии или его существенные элементы лежат в основе многих революционных событий и прогрессивных сдвигов 60—70-х годов на Востоке.

60—70-е годы — не только свидетели выдвигания мелкой буржуазии и выполнения ею новой роли гегемона общественного развития в очень многих странах Востока, но и более заметного, чем раньше, ее размежевания на «традиционные» и «современные» группы. Размывание социально-политических связей между ними приводит к выявлению до того скрытых различий в интересах, к оформлению тенденций самостоятельности политического выбора каждой из групп, примыкающих к мелкой буржуазии. Это не исключает, конечно, периодов сплочения всех групп, особенно в моменты наибольших успехов в выполнении мелкой буржуазией функций социального гегемона. Сплочение и дезинтеграция — параллельные процессы внутренней эволюции мелкой буржуазии Востока в 60—70-е годы. В этих условиях особое значение приобретает проблема классовых союзов, ибо возможность объединения одной или нескольких фракций мелкой буржуазии (или всех ее фракций) с теми или иными классовыми группировками и слоями на основе правой или левой ориентации — это в каждом конкретном случае решение (пусть временное) вопроса о прогрессивном или реакционном пути развития.

Классовые союзы и проблема революционной демократии

Значение классовых союзов определяется особенностями эволюции многоукладного общества и теми формами, которые неизбежно принимает при этом социально-политическая борьба. Дробность различных классов, крупные прослойки которых связаны с различными укладами, обилие переходных социальных типов и категорий, разрыв между быстротой распада традиционных укладов и замедленными темпами формирования укладов более современных (что приводит к постоянно высокому удельному весу деклассированных элементов) почти исключают возможность «чистых» одноклассовых движений и интересов. Любые классовые интересы в многоукладном обществе неизбежно будут отражать многообразие социальных функций

и связей данного класса в рамках многоукладности. В свою очередь, это обстоятельство облегчает формирование классовых коалиций, более или менее адекватных не только временному совпадению интересов различных классов, но и тесному их переплетению.

В. И. Ленин писал в 1919 г.: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»⁷⁹. Применяя ленинское определение к пестрой социальной структуре многоукладного общества, мы должны признать, что внутри всех основных крупных классов Азии и Африки выделены (или выделяются или, наоборот, еще сохранились в наследие от прошлого) большие прослойки, имеющие тенденцию к социальной самостоятельности (наряду с сохранением многих, часто главных общих интересов), различающиеся по общественному положению, экономической роли и размерам дохода. Эта тенденция к внутриклассовой дезинтеграции умножает и усложняет направления классовых интересов.

Взаимопроникновение и взаимопереплетение интересов и стимулов, присущих различным классам разных укладов, взаимодействие внутри- и межукладных конфликтов, невозможность, как правило, в условиях многоукладности удовлетворить какие-либо чисто одноклассовые интересы порождают объективную группировку различных классовых сил в социально-политические коалиции, сражающиеся друг с другом за разрешение того или иного противоречия, ставшего главным на данном этапе развития данной многоукладной страны. При этом «основное сражение идет, как правило, между классами, связанными с разными укладами, а для расстановки сил в ходе этого сражения характерно размежевание отдельных прослоек одного и того же класса (например, буржуазии) по различным лагерям»⁸⁰.

Вопрос о классовых союзах и коалициях — в целом не новый и поднимался основоположниками марксизма-ленинизма еще в связи с анализом классовой борьбы в странах развитого капитализма. Ф. Энгельс и В. И. Ленин не раз отмечали, что в эпоху демократического переворота буржуазия не бывает единой и никогда не господствует вся в целом. Это дает возможность трудящимся вступать с отдельными фракциями буржуазии во временные союзы и коалиции. Подчеркивая, что «рабочему классу безусловно выгодно устранение всех остатков старины, мешающих широкому, свободному и быстрому развитию капи-

⁷⁹ В. И. Ленин. Великий почин. — Т. 39, с. 15.

⁸⁰ А. И. Левковский. Третий мир в современном мире, с. 110—111.

тализма», В. И. Ленин тем самым определял одно из важнейших оснований для заключения временного союза рабочего класса и буржуазии против гнета феодальной ветоши. Но далее В. И. Ленин специально оговаривал, что сознательный борец за дело рабочего класса «никогда и ни на минуту не должен забывать о неизбежной классовой борьбе пролетариата за социализм с самой демократической и республиканской буржуазией и мелкой буржуазией... Из этого вытекает временный характер нашего „вместе бить“ с буржуазией, обязанность строго надзирать „за союзником, как за врагом“ и т. д.»⁸¹.

В странах Азии и Северной Африки за последние десятилетия помимо трудной борьбы с феодальным и вообще докапиталистическим наследием (эта борьба в 60—70-е годы в разных формах и с различной долей успеха шла во всех без исключения государствах Востока) особо важным основанием для фактического, а иногда и формального союза рабочих и национальной буржуазии было развитие и углубление национально-освободительного движения, а также нерешенность всего сложного комплекса национально-этнических проблем. В афро-азиатском мире недостаточная развитость пролетариата как класса и зачастую смутное осознание им своих собственных интересов приводят к тому, что в очень многих случаях (особенно когда пролетариат только зарождается или в большинстве своем еще не является кадровым, сохраняя тесные связи с деревней или городской мелкой буржуазией) основная масса пролетариата еще не выработала своей классовой политики и поэтому временно (в широком историческом смысле этого слова) следует за политикой буржуазной, считая ее своей. В этих случаях имеет место не классовый союз, а классовое подчинение, когда пролетариат введом буржуазией и лишен возможности отстаивать свои интересы.

Наиболее частой и доступной массам формой классового союза является национально-освободительное движение, способное объединить самые различные и антагонистические классы. Очень часто этот союз (по крайней мере его политическая форма) сохраняется и после достижения национального освобождения.

Очень специфичен на Востоке вопрос о взаимоотношениях классов буржуазии и феодалов. Кое-где они слились практически в единый и мощный класс эксплуататоров, пользующихся одновременно и капиталистическими и «традиционными» методами ограбления и угнетения масс. В других случаях феодалы и буржуазия (по крайней мере ведущие их фракции) еще противостоят или противостояли до недавнего времени друг другу. В большинстве же стран (в том числе осуществляющих анти-

⁸¹ В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Т. 11, с. 37, 74—75.

феодалы и антибуржуазные преобразования) налицо классовая коалиция буржуазии и феодалов. В случае слабости буржуазии и вообще социальных слоев, связанных с капиталистическими укладами, в такой коалиции доминируют феодалы, предпочитающие осуществлять свое господство в форме абсолютной монархии (Непал, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты). Там же, где буржуазия сильнее, ее удельный вес внутри коалиции с феодалами значительнее, что и отражают «полуфеодалы монархии, уже вступившие на путь более или менее интенсивной трансформации в государства буржуазно-помещичьего типа»⁸². Таково было в 70-е годы положение в Иране (до 1979 г.), Марокко, Эфиопии (до 1974 г.), Иордании, Кувейте. Даже в большинстве стран, где национальная буржуазия сумела единолично утвердиться у власти (Филиппины, Индия, Пакистан, Шри Ланка, Турция, Ливан), наблюдались те или иные формы ее сотрудничества с феодалами. В некоторых странах (Индия, Шри Ланка) это привело в конце 60-х годов даже к расколу буржуазии, к переходу наиболее передовых среднебуржуазных слоев от прежней поддержки крупной буржуазии к союзу с широкими демократическими кругами городской мелкой буржуазии, крестьянства и пролетариата, выступающими против иностранного капитала, местной крупной буржуазии и феодалов.

Следует особо отметить, что так называемая «чистая» власть национальной буржуазии, отвергающей, допустим, союз с империализмом и феодалами, везде фактически поконит на коалиции с мелкой буржуазией города и деревни. Малочисленная и лишенная поддержки извне или со стороны традиционных институтов, буржуазия просто не смогла бы удержаться на поверхности. В этом случае ее опорой и питательной средой являются объективно буржуазные тенденции мелких собственников, их стремление к обогащению, возможность перерождения собственника-труженика в собственника-эксплуататора.

Проблема классовых союзов должна также рассматриваться в свете не только межклассовых, но и внутриклассовых отношений, а также специфики взаимодействия города и деревни в многоукладных странах. «В частности, появляется необходимость увидеть в сталкивающихся между собой основных классовых коалициях их подгруппы, специфику входящих в них подкоалиций городских и деревенских классовых сил, которые полностью не тождественны друг другу... Классовый состав каждой может быть или шире, или уже, и они обладают различной долей относительной самостоятельности; бывает часто, что и возглавляются они не совсем одинаковыми классовыми слоями или организациями»⁸³.

⁸² Классы и классовая борьба в развивающихся странах. — Т. 3, с. 265.

⁸³ А. И. Левковский. Многоукладные страны: город и деревня, с. 2, 5.

Аграрная буржуазия, особенно связанная, как правило, с феодалами и докапиталистическими методами эксплуатации, занимает гораздо более реакционные позиции, чем буржуазия промышленная. В то же время относительная слабость промышленной буржуазии в большинстве стран Востока позволяет обычно начать антикапиталистические преобразования с удара именно по этой группе буржуазии, оставив почти не тронутыми или мало затронув позиции буржуазии в торговле и сельском хозяйстве. Часто это объясняется еще определенной изолированностью промышленников в среде восточной буржуазии как лиц, наиболее «осовременившихся», наиболее порвавших с традиционными укладами и часто связанных с иностранным капиталом. Таково, в частности, положение во многих арабских странах.

Еще более различаются городские и сельские фракции мелкой буржуазии. Интересы торгово-ремесленного люда городов и крестьянства очень часто непосредственно сталкиваются и ярко выражают противоположность между городом и деревней в условиях капитализма, а тем более господствующего в афро-азиатском мире послеколониального «полукапитализма» или «недокапитализма». Эти столкновения и противоречия — основа нередкой враждебности крестьянских революционеров Востока к городу как продукту «иностранной цивилизации», критики ими «испорченности» и «обуржуазивания» горожан вообще (т. е. не только буржуазии и «обуржуазившегося», по деревенским понятиям, городского пролетариата, но и представителей городской мелкой буржуазии). Подобная позиция обычно присуща обездоленным беднякам, сельским пролетариям и полупролетариям, но нередко она — маскировка середняцкой (или середняцко-кулацкой) тенденции, пытающейся под флагом защиты интересов деревенской бедноты перехватить лидерство у городских фракций мелкой буржуазии.

Противоречия между городом и деревней еще больше осложняют проблему внутренней структуры и внутреннего равновесия мелкой буржуазии, как таковой. Дробность этого класса приводит иногда к противопоставлению и обособлению различных его слоев. Общеизвестны недоверие офицерства и чиновничества к интеллигенции, враждебное отношение лавочников к студенчеству и т. п. Нередко они порождают подлинные социально-психологические барьеры, являющиеся причиной внутренней неустойчивости многих массовых организаций, движений и режимов. Мелкобуржуазные фракции и прослойки вступают в самые различные классовые союзы и коалиции (с феодалами, буржуазией и пролетариатом или с отдельными частями этих классов), имея тенденцию иногда к очень широкой социально-политической самостоятельности. В сущности, сама мелкая буржуазия, когда она выступает единым фронтом, представляет собой уже не столько единый

класс, сколько класс-коалицию, своеобразную категорию типа классового союза.

Если комбинация любого слоя мелкой буржуазии с любой частью феодалов и буржуазии или со всем этим блоком эксплуататоров даст тот или иной вариант феодального, буржуазно-помещичьего или буржуазного движения или режима, то союз с пролетариатом содержит гораздо большее многообразие социально-политических возможностей. Если этим союзом руководит пролетариат, то перед нами классовая коалиция, способная бороться за народно-демократическую или социалистическую революцию. В других случаях возможны иные варианты — от реакционно-клерикального или националистического (при руководстве традиционной или современной мелкой буржуазии) до анархо-революционаристского (при высоком удельном весе люмпенов и «ново-левой» интеллигенции) или революционно-демократического (особенно при преобладании полупролетариата и значительном влиянии рабочего класса). Доминирование средних слоев как самостоятельной силы внутри мелкобуржуазно-пролетарского союза обычно дает социал-реформистский вариант.

В этих условиях политика классовых союзов и коалиций приобретает для пролетариата новый аспект — не допустить объединения всех своих потенциальных противников, сорвать планы реакции по сколачиванию единого фронта всех собственных классов против пролетариата, противопоставив им тактику сплочения всех своих возможных союзников и попутчиков на антиимпериалистической и демократической основе (с участием патриотических и прогрессивных элементов национальной буржуазии), в более благоприятных условиях — на антикапиталистической основе единства всех трудящихся, включая непролетарские их слои, т. е. городскую и сельскую мелкую буржуазию.

В случае победы классовой коалиции такого типа речь идет о государстве национальной демократии, основа которого — «блок всех прогрессивных, патриотических сил, борющихся за полную национальную независимость, за широкую демократию, за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции»⁸⁴. Политически руководит этим блоком революционная демократия, которую В. И. Ленин называл пролетарской и мелкобуржуазной, указывая, что ее база — «народ, т. е. рабочие и крестьянство»⁸⁵.

Революционно-демократическая коалиция возникает обычно после победы национально-освободительной революции (или в ходе ее), когда от антиимпериалистического движения отходят правые элементы из числа буржуа и феодалов. Но

⁸⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза, с. 49.

⁸⁵ В. И. Ленин. Классовый сдвиг. — Т. 32, с. 384.

революционным демократам присущи «наряду с прогрессивными сторонами и известные слабости, связанные с двойственным характером социальной природы тех течений, которые они представляют»⁸⁶. Революционная демократия в современных условиях Азии и Африки — это та ступень социально-политического развития и соответствующей перегруппировки классовых сил, когда в ходе строительства новой жизни выясняется невозможность решения актуальных проблем на путях капитализма. Однако это осознается большинством революционных демократов через призму своеобразных условий своих стран и опыта знакомства преимущественно с капитализмом колониального типа. Отсюда — сосредоточение их внимания главным образом на борьбе с иностранным капиталом, будь то многонациональные корпорации, монополистические круги той или иной империалистической державы или местные капиталисты иноземного происхождения. Подобная националистическая интерпретация антикапиталистической борьбы свойственна революционным демократам почти всех стран Востока, независимо от того, стоят ли они у власти или находятся в оппозиции. Причины такой интерпретации социальные: революционные демократы являются выразителями суммарной позиции политического блока прежде всего непролетарских трудовых сил, т. е. главным образом крестьянства, мелкой буржуазии, интеллигенции и городских средних слоев, которые, будучи в массе настроены патриотически и антиимпериалистически, далеко не всегда являются сознательными антикапиталистами, тем более последовательными. Да и рабочий класс, входящий в этот политический блок, до недавнего времени воспитывался в борьбе главным образом против иностранного капитала. Учитывая к тому же все ранее отмеченное относительно уровня зрелости и социально-политического потенциала афро-азиатского пролетариата, следует принять как вполне закономерное его согласие на трактовку антикапитализма как борьбы прежде всего и в основном против иностранного капитала. В этой связи не вызывает удивления, что многие революционно-демократические идеологи на Востоке 60-х годов, в принципе выступая против капитализма, фактически подразумевали под ним (хотя специально этого не оговаривали) иностранный капитал.

Но подобная интерпретация объективно выгодна национальному капиталу, особенно если он еще находится в стадии становления. Поэтому наиболее динамичные и прогрессивные его круги, как правило, поддерживают революционных демократов, стараясь с их помощью вышвырнуть иноземных конкурентов, избавиться от засилья традиционных империали-

⁸⁶ Б. Пономарев. Актуальные проблемы теории мирового революционного процесса, с. 67.

листов и опеки неоколониалистских монополий. Помимо этого на союз с патриотическими элементами национальной буржуазии революционных демократов ориентируют общность главных идеологических установок (в плане антиколониализма, антифеодализма, национализма, религии и самобытных традиций) и экономические соображения (там, где революционные демократы находятся у власти). В результате — стремление даже наиболее радикальных революционных демократов, открыто провозгласивших необходимость борьбы против любой буржуазии, включая национальную, вести эту борьбу осторожно, выборочно, в основном против тех фракций буржуазии, которые либо особенно скомпрометировали себя антипатриотизмом и коллаборационизмом, либо отказываются сотрудничать экономически, либо могут быть опасны политически из-за своего богатства, международных связей, резкой оппозиции провозглашенным целям революционной демократии и тенденции к образованию самостоятельного центра власти. В отношении же остальных групп буржуазии (особенно средней) революционные демократы обычно занимают либо нейтральную, либо дружественную позицию. В целом же их отношение к национальному капиталу сложное, зависящее от многих факторов и колебаний политико-экономической конъюнктуры, содержащее и элементы союза, и элементы борьбы. Поэтому, например, президент Египта Насер, проводя антикапиталистические по своей сути преобразования, одновременно включал национальную буржуазию наряду с крестьянами, рабочими, интеллигенцией и военными в число компонентов своей социальной опоры. Практически так же поступали и многие другие революционно-демократические лидеры и режимы, не фиксировавшие подобной позиции в документах и заявлениях.

Это, однако, не означает, что логика последовательной антиимпериалистической и антифеодальной борьбы при прочих благоприятных условиях не может привести к полному разрыву с буржуазией общенародного блока, возглавляемого революционными демократами. Это обычно происходит прежде всего тогда, когда буржуазия не в силах преодолеть своих проимпериалистических и профеодальных тенденций. Ее позиция в таком случае объективно становится антинациональной, что в первую очередь отталкивает от нее революционную демократию, субъективно и интуитивно всегда стремящуюся обычно к опоре на неэксплуататорские классы, питающую отвращение к угнетению и эксплуатации. При этом варианте в наибольшей степени возрастают потенциальные способности революционной демократии реализовать социалистическую ориентацию развития своей страны. Однако и тогда возможности движения как вперед, так и вспять продолжают оставаться весьма значительными. «Революционная демократия —

собрание разнороднейших (по своему классовому положению и интересам, что совсем не одно и то же!) элементов... разделение пролетариев и полупролетариев от мелкой буржуазии неизбежно, но возможно, что сплочение собственных элементов революционного блока дойдет до того, что пересилит организацию масс вокруг пролетарских лозунгов»⁸⁷.

Это ленинское положение сохраняет свое значение и для современного Востока, где в 60—70-е годы неоднократно наблюдался разрыв (иногда временный) социально-политического союза между пролетариатом и мелкой буржуазией, вызванный многими причинами, в том числе происками империализма и его агентуры, давлением местных феодально-буржуазных сил и особыми формами их мимикрии в рамках новых социально-политических систем. Но основная причина та, о которой писал В. И. Ленин, — неизбежность размежевания внутри революционной демократии по классовому признаку. И чем опытнее, искуснее пролетариат и его партия, тем более умело они направляют этот объективный процесс, не доводя дело до раскола, выгодного лишь реакции.

Таким образом, устойчивость всех перечисленных выше форм классовых союзов во многом зависит от взаимоотношений пролетариата с непролетарскими классами и прослойками, от его умения найти правильные и гибкие формы этих взаимоотношений. Разумеется, там, где пролетариат многочисленнее и влиятельнее, крепче в идейном и организационном отношении, успех его вероятнее. Когда же пролетариат, не имея сильных позиций в экономике и общественной жизни, слепо следует за господствующим в данный момент классом, речь идет не о классовом союзе, а о недостаточно высоком уровне классовой дифференциации и соответствующего социально-политического размежевания.

Борьба за выбор пути дальнейшего развития

Завоевание независимости большинством стран Азии и Африки сопровождается усилением борьбы классов. В ходе ожесточенной классовой борьбы определялось и продолжает определяться социально-политическое лицо освободившихся стран. Это очень долгий, сложный и многообразный процесс, об окончательных результатах которого говорить еще преждевременно. Но уже сейчас можно заметить, что при всей пестроте форм и направлений классовой борьбы на современном Востоке основным предметом ее является выбор пути общественного развития.

⁸⁷ В. И. Ленин. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). — Т. 31, с. 246.

Борьба за выбор пути, например, в Индии свидетельствует о том, насколько необычными и быстро изменяющимися могут быть направления, акценты и задачи классовой борьбы в многоукладном обществе. Постепенно назревавшее после достижения независимости размежевание буржуазных классов, связанное с различным их положением внутри того или иного уклада и в системе межукладных взаимосвязей и взаимоотношений, привело к фактическому расколу буржуазии на сторонников «крупномонополистического» и «среднекапиталистического» путей развития.

Среди самих капиталистов спор о том, направить ли страну по руслу дальнейшего усиления монополий и концентрации капитала или по пути радикального решения экономических проблем общенационального характера и создания сильного государственного сектора, стимулирующего среднее и мелкое предпринимательство в массовом масштабе, привел к разрыву между крупным капиталом (в союзе с которым выступили империалисты и феодальная реакция) и основной частью национальной буржуазии.

Подобная поляризация социально-политических сил достигнута лишь в немногих, преимущественно более развитых, странах Востока. В большинстве из них этого нет, современные классы (буржуазия и пролетариат в первую очередь) слишком слабы и пока не могут играть в борьбе за выбор пути развития главной роли. В таких странах иногда наблюдаются специфические формы вовлечения в эту борьбу традиционных институтов, например общины. В странах с уже сложившимся феодально-помещичьим хозяйством, но еще сохранивших племенную или патриархально-общинную организацию большинства сельского населения община может играть значительную роль в антифеодальной борьбе крестьянства, одновременно являясь тормозом на пути трансформации крестьянства из единого класса-сословия в многообразие классов современного многоукладного общества. Если феодалы в такой стране очень сильны (как это было в дореволюционном Пемене или Ливии и как обстоит дело сейчас в Саудовской Аравии), то обычно и государственный сектор, и частное предпринимательство служат им или ими контролируются, являясь своеобразным дополнением или даже частью господствующего феодального уклада (который остается самим собой, несмотря на всю его, нередко значительную, внешнюю «модернизацию»). В подобных случаях ценность общины как главного орудия борьбы с феодализмом объективно снижается, ибо она замедляет развитие такого важного внутреннего фактора этой борьбы, как местные капиталистические уклады, включая госкапиталистический. Однако после краха феодалов в таких странах (например, в Южном Пемене после 1968 г.) создаются благоприятные условия для развития на базе общины крестьянской

кооперации. Разумеется, в этих условиях антифеодальная борьба ведется без использования национально-буржуазного потенциала, поскольку его практически нет или почти нет. Задача состоит в том, как избежать его появления после разгрома феодалов.

В других обстоятельствах возможны иные варианты антифеодальной борьбы: либо под руководством отечественной буржуазии (где она еще не утратила или не полностью утратила революционный потенциал, например в Индии, Шри-Ланке, Марокко и Иордании), либо при ее активном и объективно необходимом участии в национально-демократической коалиции, возглавляемой представителями неэксплуататорских классов (в Алжире, Сирии, Ираке).

Результаты борьбы за выбор пути дальнейшего развития в каждой стране определяются прежде всего достигнутым уровнем социально-экономической эволюции, степенью преодоления многоукладности и соответствующими общественными задачами. Практически в большинстве афро-азиатских стран рост современных укладов за счет укладов традиционных так или иначе выдвигает на авансцену буржуазию, даже в тех случаях, когда она уже утратила или еще не приобрела политическую власть. Причина: буржуазия экономически еще не изжила себя даже в странах, вступивших на некапиталистический путь развития. Как правило, решительный разрыв с ней (там, где его хотят) бывает невозможен не столько по социально-политическим, сколько по экономическим причинам. Необходимость срочного решения задач хозяйственного развития, подъема производства и жизненного уровня властно диктует и соответствующую политику.

Но в любом случае сложившееся своеобразное «разделение труда» между государством, развивающим в основном капиталоемкие отрасли, и буржуазией, окопавшейся в более прибыльных сферах, является временным и неустойчивым. Сохраняя богатство и положение в обществе, используя связи с феодалами и бюрократией, опираясь на стихийный рост мелкого национального капитализма, буржуазия имеет возможности изменить ситуацию в свою пользу. В некоторых странах она это уже сделала, либо захватив контроль над государственным аппаратом и тем самым подчинив себе государственный сектор, либо начав активно проникать в те отрасли экономики, над созданием которых государство уже достаточно потрудились, мобилизовав все средства народа. Успех или неуспех этой буржуазной «реконквисты» будет во многом зависеть от того, сумеет ли государство, опираясь на трудящихся, решительно ограничить национальный капитализм (о его ликвидации пока не может быть и речи) путем умелой экономической, социальной, технической и административной политики. А это в каждом конкретном случае зависит от социальной

природы и ориентации государственной власти, прочности ее связей с народом, степени подготовленности как правящего слоя, так и всей страны к следованию по пути социалистической ориентации.

Особую сложность представляют уже упоминавшиеся режимы «с неопределенной социальной основой» или «не вышедшие из стадии консолидации». Они наиболее ярко демонстрируют основную особенность классовой борьбы в современном афро-азиатском мире — ее концентрацию вокруг выбора пути дальнейшего развития. Это имеет место во всех странах Востока, но четче всего выступает на первый план там, где противоборство классов и классовых коалиций, а иногда соответствующих классовых тенденций (в странах с невысоким уровнем классовой дифференциации) принимает характер ожесточенной борьбы внутри самого правящего слоя.

Характерно, что именно на тенденцию обуржуазивания технократии и средних слоев (часто именуемых новым средним служилым классом) делают сегодня ставку идеологи и политики буржуазии как Запада, так и Востока.

Соответствующие надежды следующим образом выразил в 1965 г. американский востоковед Манфред Халперн: «Сегодня новый служилый средний класс поднимается и устанавливает контроль над ближневосточными правительствами. В отличие от традиционной буржуазии он жаждет модернизации общества и политических форм не менее, чем модернизации экономики. Стабилизируя законодательство, исподволь внушая заботу о производстве, создавая новые профессии, поднимая покупательную способность, увеличивая сбережения и капиталовложения, улучшая средства транспорта и связи, новый служилый средний класс может успешно расширить возможности для независимой буржуазии, образуемой как членами традиционного высшего класса, так и наиболее удачливыми представителями нового служилого среднего класса»⁸⁸.

Иначе говоря, лагерь капитализма ждет, что средние и промежуточные слои на Востоке, добившись национальной независимости, удовлетворятся этим и дальнейшие решения всех проблем будут искать на пути капитализма. Поощрить и стимулировать эту тенденцию, сделать ее, если возможно, доминирующей — таков основной принцип тактики и стратегии мирового империализма.

В этих условиях исключительно важное значение для судеб социального прогресса в афро-азиатском мире имеют связи передовых общественных сил с пролетариатом и с общей ориентацией на социализм. В наши дни именно на этих связях держится сама сущность революционной демократии.

⁸⁸ M. Halpern. *The Politics of Social Change in the Middle East and North Africa*. Princeton, 1965, с. 50.

Коалиция пролетариата и мелкой буржуазии в рамках естественно складывающегося во всех странах, идущих по пути социалистической ориентации, широкого классового союза всех неэксплуататорских трудовых слоев общества объективно прогрессивна, наилучшим образом способна выполнять движущую роль в революционном развитии восточного общества и отвечает назревшим потребностям достигнутого этапа социально-экономической эволюции. Обе стороны в равной степени заинтересованы в сохранении и упрочении данного союза. Мелкая буржуазия, порвав с пролетариатом, ослабляет собственные позиции в борьбе против империализма, феодализма и национального капитала, становится пленником своего правого, прокапиталистического крыла, непрерывно рождающего буржуазию.

Потеря антиэксплуататорской ориентации, как правило, ведет к размыванию связей между самими мелкобуржуазными классами, к обострению конфликтов между собственниками на деле и собственниками по названию. Пролетариат, порывая с мелкой буржуазией, самоизолируется от большинства населения, теряет возможность влиять на ход событий и на политику мелкобуржуазного руководства.

Государства, вставшие на путь социалистической ориентации, вносят весомый вклад в дело борьбы против империализма. И хотя таких государств еще немного и в их развитии встречается немало трудностей, «никакие трудности не могут умалить значения главного факта: положено начало принципиально новому направлению развития освободившихся стран»⁸⁹. Это направление, характеризующееся не только антиколониальной, но и антиэксплуататорской заостренностью, по-новому ставит вопрос о выборе пути развития странами Востока.

В оценках социально-политического строя афро-азиатских государств, объявивших о своем социалистическом выборе, следует избегать крайностей. Некапиталистический путь может привести к социализму и объективно создает некоторые предпосылки к этому с помощью важных мер общенационального масштаба: национализации средств производства, индустриализации и аграрной реформы, развития кооперации и образования. «Однако и теперь многое на этом пути еще не определено и в теории и на практике. Было бы опасно спешить с конструированием жестких или искусственных схем и не учитывать полную противоречий и еще не устоявшуюся реальность»⁹⁰.

⁸⁹ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы, с. 61.

⁹⁰ С. И. Тюльпанов. XXIV съезд КПСС о современном этапе национально-освободительной борьбы. — «Вестник ЛГУ». 1971, вып. 3, № 17, с. 36.

Для того чтобы претворить в жизнь все богатство объективно прогрессивных потенциальных возможностей пути социалистической ориентации, требуется мобилизация и консолидация всех передовых сил многоукладного общества, в первую очередь усиление и расширение позиций рабочего класса, повышение уровня его сознательности и степени организованности. Только в этом случае политическая активизация пролетариата позволит ему преодолеть объективно буржуазные тенденции мелкобуржуазной стихии, инертность и реакционные потенции мелких производителей докапиталистических укладов, привлечь на свою сторону трудовое крестьянство, демократическую интеллигенцию и городскую бедноту. От того, как сложится, насколько будет крепок и эффективен этот союз, полностью зависит реализация социалистических перспектив развития стран с прогрессивными режимами.

Как говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, «отношение Советского Союза к сложным процессам в развивающихся странах четкое и определенное. Советский Союз не вмешивается во внутренние дела других стран и народов... Но мы не скрываем своих взглядов. В развивающихся странах, как и повсюду, мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе»⁹¹.

⁹¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 12.

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ СТРАН ВОСТОКА В БОРЬБЕ ЗА НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС

Современный этап национально-освободительного движения характеризуется прежде всего его поворотом в сторону решения острых социальных проблем. В ходе этой борьбы уже нередко ставится вопрос о ликвидации не только национального, но и социального гнета, эксплуататорских отношений вообще.

«Исключительно важно, — говорил Л. И. Брежнев, — что многие освободившиеся государства отклоняют капиталистический путь развития и ставят своей целью построение общества, свободного от эксплуатации, ориентируются на социализм»¹.

Социалистическая ориентация становится одной из ведущих тенденций современных национально-освободительных революций. Именно сегодня с особой остротой встали вопросы, связанные с политическим руководством этих революций. В какой мере в странах Азии и Северной Африки преодолевается очевидное противоречие, заключающееся в том, что широкое массовое, подчас стихийное, движение за социалистическую ориентацию не нашло еще той общественно-политической силы, которая могла бы наиболее последовательно возглавить этот процесс? Речь идет о степени дееспособности рабочего класса и его политических партий в афро-азиатских странах.

Возникшее под прямым воздействием Великой Октябрьской социалистической революции, коммунистическое движение стран Востока прошло большой, трудный и славный путь.

Несмотря на то что в большинстве стран политическая независимость была достигнута под руководством национальной

¹ Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. Доклад на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. — «Правда», 3.XI.1977.

буржуазии или средних городских слоев (вследствие малочисленности и недостаточной организованности пролетариата и его партий), выдающийся вклад коммунистических партий стран Азии и Африки в дело политического освобождения своих стран общеизвестен.

В ходе борьбы за политическую независимость коммунисты проявили себя как наиболее последовательные и стойкие борцы. Тысячи коммунистов отдали жизнь за свободу своей родины. Героическая борьба коммунистов за политическую независимость способствовала росту популярности коммунистических партий среди широких масс народа, укреплению самого коммунистического движения в этих странах.

После завоевания политической независимости коммунистическое движение в афро-азиатских странах вступает в новый этап. На рабочий класс и его партию ложится историческая ответственность за дальнейшее развитие и углубление национально-освободительных революций.

Быстрый рост численности пролетариата молодых государств, его крепнущая классовая и профессиональная организованность, активизация рабочего движения, принимающего все более определенный классовый характер и политическую направленность, растущая популярность идей социализма — все это обусловило развитие и укрепление коммунистического движения в этих странах.

При общем росте числа коммунистов в мире в 2,5 раза число коммунистов в Азии к началу 60-х годов возросло в 15 раз, в Африке — в 12, в Латинской Америке — в 7 раз (по сравнению с 1939 г.). В середине 70-х годов только в несоциалистических странах Азии действовали 22 коммунистические партии, объединявшие около 720 тыс. членов (без Коммунистической партии Индонезии)² по сравнению с 20 тыс. коммунистов в 1939 г.³ Девять коммунистических партий, объединивших свыше 60 тыс. членов, действуют на Африканском континенте⁴.

Коммунистические партии стран Востока превратились в один из важных отрядов мирового коммунистического движения. «Коммунисты отстаивают свободу, национальную независимость и социалистическое будущее своих народов, они являются носителями идей научного социализма, передовыми борцами национально-освободительного движения»⁵.

² Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, национальное и социальное освобождение (К 40-летию VII конгресса Коминтерна). М., 1976, с. 72.

³ Рабочее движение в капиталистических странах (1959—1961). М., 1961, с. 19.

⁴ П. И. Манчха. В авангарде революционно-освободительной борьбы в Африке. М., 1975, с. 117.

⁵ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. М., 1969, с. 313—314.

Закономерный исторический процесс развития коммунистического движения в молодых государствах не могут остановить ни запрещения коммунистических партий (в подавляющем большинстве этих стран они находятся на нелегальном положении), ни жесточайшие преследования, ни террор и физическая расправа, которым в ряде стран подвергаются коммунисты.

Об усилении авторитета и популярности коммунистических партий ряда афро-азиатских стран среди широких слоев трудящихся говорят результаты проходивших в последние годы парламентских и местных выборов, во время которых сотни тысяч избирателей (а в таких крупных странах, как Индия, миллионы) отдали свои голоса коммунистам.

Под влиянием, а нередко под непосредственным руководством коммунистических партий (там, где эти партии работают легально) находятся многие крупные профсоюзные, крестьянские, женские, молодежные и другие общественные организации (в Индии, Японии, Шри Ланке, до 1965 г. в Индонезии).

Однако, оценивая коммунистическое движение в афро-азиатских странах в целом, нужно сказать, что оно еще значительно отстает от уровня и размаха современного революционного процесса.

Наряду с позитивным опытом в развитии коммунистического движения выявился ряд отрицательных моментов, обусловленных как историческими и национальными условиями, т. е. факторами в целом объективными, так и ошибками или сознательным отходом от марксизма руководителей этого движения в отдельных странах, т. е. факторами субъективными.

В свете откровенно антиленинских, раскольнических действий нынешнего руководства КПК может возникнуть вопрос, связанный с судьбами коммунистических партий в афро-азиатских странах: не являются ли события в КНР неизбежными «издержками» аграрно-крестьянской страны, где, как известно, коммунистическая партия развивалась в условиях слабости крупного промышленного пролетариата и тем самым внутренние социально-экономические условия как бы «детерминировали» своеобразное перерождение руководства КПК? Вопрос этот не простой. В свое время В. И. Ленин указывал: «Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отстающие или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные... лозунги, требования, не будучи в

состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности»⁶.

В. И. Ленин писал об этом в декабре 1910 г., анализируя причины роста ревизионизма в европейском рабочем движении, хотя его принципиальная оценка относительно полноты усвоения марксизма как идеологии рабочего класса в странах развитых приобретает универсальное значение. Однако после победы Октябрьской революции, когда началась полоса триумфального шествия марксизма, создания коммунистических партий, В. И. Ленин в своих разработках проблем стратегии и тактики мирового революционного движения большой акцент делает на принципиальной важности создания коммунистических организаций в отсталых странах.

В. И. Ленин понимал, что коммунистические организации, возникающие в отсталых странах, могут стать жизнеспособными и сыграть надлежащую им роль только при условии, если они сумеют, опираясь на общие принципы марксистской теории, применить ее к своеобразным местным условиям. Он неустанно учил коммунистов Востока, «каким образом применять коммунистическую тактику и политику в докапиталистических условиях» и где, таким образом, «не может быть и речи о чисто пролетарском движении»⁷.

Для многих коммунистических организаций Востока эта задача становления «национальной силы» оказалась очень сложной; и неизбежные, как говорил В. И. Ленин, ошибки стали столь серьезными, что они так и не смогли в ряде стран превратиться в крупные, дееспособные политические партии, оставаясь долгое время на стадии «кружковщины». Здесь, конечно, необходимо иметь в виду и естественные политические и иные трудности, с которыми сталкивается коммунистическое движение по мере своего развития, вследствие действия различных объективных и субъективных факторов. Вопрос о тактико-стратегических просчетах в таких партиях весьма сложен, и он, естественно, требует серьезных научных исследований. Исторический опыт показывает, что там, где руководство коммунистических партий сумело правильно сочетать свои национальные и интернациональные задачи, путем кропотливой, повседневной работы глубоко внедриться в массы, достигнуты выдающиеся успехи, такие партии стали политическим руководителем масс. В качестве примера можно назвать Коммунистическую партию Индокитая — предшественницу Партии трудящихся Вьетнама (ныне Коммунистическая партия Вьетнама).

⁶ В. И. Ленин. Разногласия в европейском рабочем движении. — Т. 20, с. 65.

⁷ В. И. Ленин. II конгресс Коммунистического Интернационала, 19 июля — 7 августа 1920 г. — Т. 41, с. 244.

Поэтому временная победа мелкобуржуазных националистических тенденций в руководстве КПК, концентрированным выражением которых является антиленинский курс маоизма, продолжающийся и после смерти Мао Цзэдуна, не может служить основанием для вывода о том, что в условиях отсталых стран фатально неизбежна подобная «трансформация» коммунистических партий. Более того, исторический опыт свидетельствует, что коммунистическое движение в странах Востока, несмотря на все неудачи и даже временные поражения, в целом развивалось, постепенно превращаясь в крупную политическую силу в национально-освободительном движении.

Существенный рост рядов коммунистического движения за послевоенные годы произошел в процессе национально-освободительной борьбы народов. Рост национально-освободительного движения значительно усилил мировое коммунистическое движение, придав ему больший размах. Вместе с тем диалектическая оценка этого процесса показывает, что он имел и побочные отрицательные явления: коммунистические партии иногда пополнялись мелкобуржуазными и националистическими элементами, которые усиливали неустойчивость, колебания движения.

Преобладание крестьянства и относительно слаборазвитый пролетариат приносят здесь в революционный процесс чрезвычайно много разнообразия. Социальные слои, пробужденные к самостоятельному историческому творчеству, наполняют революционное движение новыми силами и в то же время порождают внутри его побочные явления, связанные с их классовыми особенностями.

Поэтому для правильного понимания проблем коммунистического движения в зоне национально-освободительного движения весьма важен анализ социально-классовой структуры афро-азиатских стран, и прежде всего современного этапа формирования и развития рабочего класса. Ввиду того что процесс изменения в социально-классовой структуре развивающихся стран Азии и Африки дан в предыдущих главах, здесь коротко остановимся лишь на некоторых вопросах структуры рабочего класса, касающихся главным образом степени его социально-экономической и политической зрелости.

Известное положение об узости пролетарской базы в афро-азиатских странах нуждается, на наш взгляд, в некотором пояснении. Действительно, констатация самого факта, что в настоящее время рабочий класс в странах Азии и Африки составляет 20—25% армии наемного труда и немногим более 5% самостоятельного населения, хотя в общем и подтверждает общий вывод относительно слабости пролетариата, однако не может иметь универсального значения.

В отдельных, наиболее развитых странах Востока численность рабочего класса достигла: в Индии — 9,5 млн.

(1974 г.)⁸, в Египте — 1,1 млн. (1963 г.)⁹, в Турции — свыше 3,5 млн. (1972 г.)¹⁰, в Иране — 3,5 млн. (1971 г.)¹¹, в Индонезии (в крупной и средней промышленности) — свыше 1 млн. (1964 г.)¹² и т. д. Поэтому есть все основания утверждать, что в указанных странах рабочий класс с точки зрения количественных показателей превратился в значительную силу. При этом нужно помнить указание В. И. Ленина о том, что сила рабочего класса «в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения»¹³.

Следовательно, когда мы говорим об узости пролетарской базы в афро-азиатских странах, то речь идет не о количественных показателях. Количественный рост афро-азиатского пролетариата за последние годы происходит на фоне общих демографических сдвигов, и прежде всего за счет общего роста населения городов. С 1950 по 1970 г. доля городского населения в странах Азии и Африки примерно удвоилась, составив соответственно 20 и 17%¹⁴.

Практически во всех афро-азиатских странах сейчас развернулось большое промышленное строительство, что требует нового притока рабочей силы. То ядро пролетариата, которое олицетворяет его классовые качества, постоянно подвергается своеобразному «разрыхлению» в результате всевозрастающего притока новых сил.

Происходящий процесс роста численности пролетариата сопровождается пополнением его рядов за счет вчерашних крестьян, ремесленников, представителей мелкой буржуазии, которые несут с собой чуждые рабочему классу идеологию, привычки, нравы и т. д., снижая, особенно на первых порах, его «качественный» уровень. Это также приводит к снижению удельного веса кадровых промышленных рабочих — естественных носителей революционных традиций и опыта классовой борьбы.

Еще одно важное обстоятельство должно быть учтено, когда речь идет о современном этапе формирования индустриального пролетариата в афро-азиатских странах. Как известно, в настоящее время наиболее быстрыми темпами рабочий класс в развивающихся странах растет в связи с осуществлением тех или иных программ индустриализации, причем в их реализацию в разных формах вовлечены развитые в промышленном отношении государства. Сооружаемые с их помощью в

⁸ Международное рабочее движение. М., 1976, с. 184.

⁹ Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1964, с. 421.

¹⁰ Турецкая Республика. М., 1975, с. 373.

¹¹ Международное рабочее движение, с. 194.

¹² В. Я. Архилов. Экономика и экономическая политика Индонезии. 1945—1968. М., 1971, с. 259.

¹³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. — Т. 3, с. 13.

¹⁴ Г. Е. Скоров. Развивающиеся страны: образование, занятость, экономический рост. М., 1971, с. 285.

афро-азиатских странах современные промышленные предприятия (как правило, с высоким органическим составом капитала) требуют «новых» рабочих, отвечающих довольно значительному минимуму образовательного ценза. В афро-азиатских странах, где подавляющее большинство населения неграмотно, социальной базой для набора рабочих на такие предприятия обычно служат имущие слои города и деревни, т. е. те слои, выходцы из которых получили образование. Их привлекают такие предприятия относительно высокой заработной платой, позволяющей им рассчитывать на материальные блага. Эта своеобразная новая «рабочая аристократия» сохраняет собственническую идеологию и объективно задерживает процесс классовой консолидации пролетариата.

Все это создает условия для проникновения в ряды рабочего класса мелкобуржуазных настроений и реформистских иллюзий. Положение осложняется и тем, что у молодого пролетариата не накопилось еще достаточных традиций революционного рабочего движения. В период антиколониальной борьбы он не смог приобрести достаточный опыт классовой борьбы против «своей» буржуазии. После завоевания независимости национальная буржуазия, опираясь на «свое» государство, использует репрессии и меры идеологического воздействия, чтобы помешать росту классового сознания пролетариата. В силу этого фактическое влияние пролетариата на общественную и политическую жизнь большинства развивающихся стран на нынешнем этапе национально-освободительных революций является еще ограниченным, его сдвиг в сторону превращения из «класса в себе» в «класс для себя» происходит медленнее, чем рост его численности, он делает еще первые шаги на пути к превращению в авангардную силу национально-освободительного движения.

Указанные выше объективные факторы, сдерживающие процесс превращения рабочего класса в политического гегемона масс, в немалой степени затрудняют становление и превращение коммунистических партий афро-азиатских стран в наиболее влиятельную политическую силу современных национально-освободительных революций.

Как показал исторический опыт, от коммунистических партий требуются большие и длительные по времени усилия, чтобы повседневной, кропотливой работой обеспечить воспитание вчерашних крестьян и ремесленников, рабочего класса в духе революционных традиций пролетариата.

В этом одна из основных причин того, что большинство марксистско-ленинских партий развивающихся стран еще не стали массовыми партиями и вне их руководящего влияния все еще остается значительная часть рабочего класса.

К отрицательным субъективным факторам относятся некоторые ошибочные теоретические установки, просчеты в стра-

тегии и тактике (эти вопросы нуждаются в специальных исследованиях), которые имели место в международном коммунистическом движении — условно до VII конгресса Коминтерна в 1935 г., а по существу вплоть до начала второй мировой войны — и которые проявились в коммунистическом движении ряда стран Востока особенно сильно в период, последовавший за достигнутым политическим независимости. Речь идет о недооценке роли национальной буржуазии, мелкобуржуазных и средних слоев, о последствиях догматизма, левого сектантства, а нередко и авантюризма, которые дали себя знать в политике и деятельности ряда коммунистических партий на протяжении довольно длительного времени.

«Раньше, а точнее, до второй мировой войны,— говорил Х. Багдаш,— марксисты-ленинцы считали, что антиколониальная национально-освободительная революция может победить лишь под руководством рабочего класса этой страны, так как национальная буржуазия обанкротилась и в силу своего реформистского характера не в состоянии идти до конца в борьбе за завоевание национальной независимости и освобождение от господства колониализма. Роль средних слоев из числа мелкой и сельской городской буржуазии, включая и интеллигенцию, по существу, отрицалась»¹⁵.

В коммунистическом движении стран Востока вплоть до XX съезда КПСС доминировала точка зрения, высказанная в тезисах VI конгресса Коминтерна (август 1928 г.), который, исходя преимущественно из факта контрреволюционного переворота гоминьдановской буржуазии в Китае, сделал вывод о невозможности использования национальной буржуазии в освободительных революциях. Этим выводом руководствовались вплоть до 1956 г. многие коммунистические партии Азии и Африки.

Выступая на XX съезде КПСС, О. В. Куусинен говорил, что «наши историки и пропагандисты имеют основание критически изучать и пересмотреть также другие наши издания, например известные тезисы VI конгресса Коминтерна по колониальному вопросу. Конкретно я имею в виду данную в этих тезисах характеристику и оценку роли национальной буржуазии в колониальных и полуколониальных странах. Такая оценка еще в то время, когда упомянутые тезисы по колониальному вопросу были выработаны, носила определенный налет сектантства. В изменившихся условиях современности, при сильно возросшем авторитете Советского Союза, такая оценка во все не соответствует действительности»¹⁶.

¹⁵ Х. Багдаш. Выступление на международной научной сессии, посвященной 100-летию I Интернационала. — «Проблемы мира и социализма», 1964, № 11, с. 76.

¹⁶ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. Т. I. М., 1956, с. 503.

XX съезд КПСС, руководствуясь ленинским положением о необходимости диалектического подхода к характеристике общественных классов в соответствии с конкретными историческими условиями их деятельности, исправил допущенную ошибку в определении места и роли национальной буржуазии. Было также пересмотрено положение документов XIX съезда КПСС, в котором безотносительно ко времени и этапу революции говорилось об исчерпании всяких революционных возможностей буржуазии.

Но эти установки в политической деятельности ряда коммунистических партий сохранялись еще многие годы. В Коммунистической партии Индии (КПИ), например, острые и серьезные разногласия по вопросу о роли индийской национальной буржуазии, о характере и сущности единого национального фронта, о мирном или немирном пути развития революционного движения в стране существовали с 1947 г. вплоть до VI съезда КПИ (1961 г.). II съезд КПИ (1948 г.) выдвинул в качестве основной задачи свержение правительства индийской национальной буржуазии и захват власти рабочим классом, т. е. фактически ставился вопрос о пролетарской революции. (Лозунг о свержении правительства дискутировался в партии до начала 60-х годов.)

Подход КПИ к правительству национальной буржуазии как к агенту британского империализма, выдвинутый в программе партии (1951 г.), не позволил ей правильно определить соотношение классовых сил в стране и выработать правильную линию по вопросу о едином национальном фронте. КПИ в этот период проводила программу узкого единства сил, нанесшую ущерб партии.

Левосектантские ошибки в политической линии КПИ в этот период, догматические взгляды ее тогдашнего руководства, как отмечал впоследствии один из видных деятелей партии, Г. Адхикари, «привели нас к неправильным выводам о том, что буржуазия целиком и полностью перешла в лагерь империализма и что пролетариат должен одним махом завершить и буржуазно-демократическую и социалистическую революцию»¹⁷.

Единый фронт в течение ряда лет рассматривался КПИ как узкий фронт левых сил, направленный в основном против индийской национальной буржуазии и партии Индийский национальный конгресс. Ошибочной была и политика создания единого фронта на базе максимальных требований КПИ.

В основе левосектантских тенденций КПИ по вопросу о едином фронте, как впоследствии отмечалось в партийных документах, лежала недооценка значения борьбы за общена-

¹⁷ G. Adhikari. The Communist Party and India's Path to National Regeneration and Socialism. New Delhi, 1964, с. 112.

циональные требования, за ликвидацию остатков феодализма и колониализма, что только и могло ей обеспечить завоевание на свою сторону большинства народа.

Эти ошибки нанесли КПИ большой политический ущерб. Они помешали ей использовать благоприятную обстановку для сплочения всех национально-патриотических сил в единый фронт для борьбы с империализмом и внутренней реакцией, для развития демократического движения, привели к изоляции партии, не позволили КПИ превратиться в массовую партию и влиятельную политическую силу в стране. Все это, как писал об этом периоде деятельности Коммунистической партии Индии А. Гхош, «привело к затяжному и глубокому кризису внутри партии и фактически деморализовало ее на долгий период времени»¹⁸.

Выработка правильной, реалистической линии по вопросу о едином фронте и отношении к национальной буржуазии потребовала от КПИ немало времени, больших усилий и происходила в острейшей внутрипартийной борьбе. Решения IV (1956 г.), V Чрезвычайного (1958 г.), VI (1961 г.) и последующих съездов КПИ, практическая деятельность партии по реализации этих решений позволили КПИ избавиться от левосектантских и догматических ошибок, способствовали укреплению массовой базы партии, повышению ее роли в политической жизни страны, активизации демократического движения в Индии. Число членов КПИ в период между VIII (1968 г.) и IX (1971 г.) съездами увеличилось со 173 тыс. до 243 тыс.¹⁹, к X съезду (1975 г.) достигло 417 тыс.²⁰, а в 1976 г. — 600 тыс.²¹.

Подобные же ошибки левосектантского и доктринерского характера имели место на протяжении ряда лет в деятельности иранских коммунистов. Они проявились в самые кульминационные моменты послевоенной истории Ирана²².

Так, в период борьбы за национализацию нефтяной промышленности в 1953 г., «несмотря на нашу поддержку Моссадыка, — отмечал член бюро ЦК партии Туде Абдулсамид Камбахш, — левачские перегибы мешали завоеванию его доверия и образованию единого фронта борьбы. После неудачи первого переворота реакции... головокружение от успеха привело к тому, что стали самовольно выдвигаться требования установления режима народной демократии. Это отпугнуло национальную буржуазию, средние слои и Моссадыка... От-

¹⁸ «Правда», 21.X.1961.

¹⁹ «Правда», 8.X.1971.

²⁰ «Проблемы мира и социализма», 1975, № 9, с. 67.

²¹ «Правда», 16.IV.1976.

²² 30-летие VII конгресса Коминтерна. Материалы международной встречи в Праге. Прага, 1966, с. 74.

сутствие единого фронта опять повлекло тяжелые последствия...»²³.

Очень сильно проявились догматизм и сектантство в деятельности ряда коммунистических партий стран Юго-Восточной Азии (Бирма, Малайзия и Филиппины).

К 50-м годам народы Бирмы, Филиппин, а позже и Малайи при активном участии пролетариата и его партий сокрушили колониальные режимы и завоевали государственную независимость. К власти, однако, пришла национальная буржуазия, отражавшая интересы капиталистического развития. Государственный суверенитет этих стран был урезан в результате неравноправных договоров, навязанных Англией и Соединенными Штатами Америки.

Изменение обстановки в странах Юго-Восточной Азии, развившееся в основном в крушении колониальных режимов в этом районе, поставило коммунистические партии перед необходимостью разработки новой политики и тактики, соответствующей новым условиям, и прежде всего поисков выхода из подполья и включения в революционный процесс в качестве активной политической силы. Это было тем более необходимо, что национальные правительства в Бирме, Малайе, на Филиппинах, вынужденные считаться со стремлением народных масс к экономическим и социальным преобразованиям, начали осуществлять планы социально-экономического развития.

Между тем коммунистические партии Бирмы, Малайи и Филиппин, продемонстрировавшие большое мужество и героизм в борьбе за национальное освобождение своих народов и за интересы трудящихся (когда вооруженное выступление против колонизаторов было объективно закономерно и сыграло прогрессивную историческую роль), после 50-х годов, когда эти страны освободились от колониального гнета, продолжали исходить из политики только вооруженной борьбы, на этот раз с национальными правительствами. В этих странах начались гражданские войны, в которых на одной стороне находились армейские части буржуазно-помещичьих правительств, а на другой — вооруженные силы ушедших в подполье коммунистических партий.

В результате долгого пребывания в подполье и допущенных левосектантских ошибок влияние компартий Бирмы, Малайи и Филиппин в массах пошло на убыль. Произошла изоляция этих партий от международного коммунистического движения, усилилась их односторонняя ориентация на КПК. Это, в свою очередь, не могло не ослабить позиции различных связанных с компартиями легальных левых сил.

То обстоятельство, что коммунистические партии Бирмы, Малайзии, а в недавнем прошлом и Филиппин в течение дол-

²³ Там же.

того времени вместо проведения последовательной политики объединения всех антиимпериалистических и демократических сил своих стран придерживались тактики преимущественно вооруженной борьбы, немирных форм развития революции, рассматривая эту тактику как главное средство политической борьбы рабочего класса, нанесло этим партиям серьезный политический ущерб. Кроме того, в ходе этой многолетней, почти непрерывной вооруженной борьбы было физически уничтожено старое пролетарское ядро этих партий. Недооценка руководством этих партий больших революционных возможностей непролетарских классовых сил в конкретных условиях Востока препятствует установлению союза рабочего класса с мелкобуржуазными и средними слоями с национальной буржуазией, приводит эти партии (не без подсказки из Пекина) к ошибочной тактике абсолютизации вооруженного насилия как единственного средства освободительной борьбы.

Пока только Коммунистическая партия Филиппин сумела встать на путь преодоления ошибок своей политической линии. «У нас существовала левацкая тенденция,— пишет филиппинский публицист Хорхе Маравилья,— опираться исключительно на вооруженную борьбу в ущерб другим формам деятельности, а также наблюдалось стремление добиться полной гегемонии КПФ в освободительном движении в ущерб широкой антиимпериалистической борьбе. В этот период не удавалось преодолеть изоляцию КПФ и филиппинского национально-освободительного движения от их международных союзников. Наша партия извлекала серьезные уроки из этих неудач»²⁴.

В основе ошибок, имевших место в политической линии и практической деятельности коммунистических партий, о которых шла речь, не только недооценка больших революционных возможностей непролетарских классовых сил на нынешнем этапе национально-освободительных революций, но также и недооценка значения борьбы за общенациональные требования. Однако перенесение центра тяжести борьбы исключительно в сторону общенациональных задач также может увести коммунистические партии с позиции марксизма-ленинизма на позиции национализма, притупить революционную бдительность, привести к недооценке сил реакции и ослаблению борьбы с ней, как это было, например, в деятельности Коммунистической партии Индонезии. Следствием ее ошибок в 1963—1965 гг. явилась активизация реакционных сил, которая привела к разгрому этой крупнейшей партии Азии, к фактической ликвидации основных завоеваний индонезийской революции. Коммунистическая партия Индонезии, которая действует сейчас в глубоком подполье, анализируя причины трагических событий в стране,

²⁴ «Проблемы мира и социализма». 1970, № 2, с. 33.

отмечала: «В области политической партия не проводила решительного курса защиты своей классовой позиции, вела линию на классовое сотрудничество с буржуазией, утрачивала самостоятельность и свободу в деле укрепления святого союза рабочего класса и крестьян... абсолютизировала применение некоторых форм борьбы, взяв на вооружение только часть из всех форм, которыми должна пользоваться партия рабочего класса. Все это делало партию неспособной играть роль гегемона революции».

Забвение уроков истории и игнорирование важнейшего указания В. И. Ленина об исключительной важности овладения пролетариатом всеми формами борьбы приводили эти коммунистические партии к тяжким поражениям. В. И. Ленин еще на заре зарождения коммунистического движения предлагал коммунистам усвоить два очень важных вывода: «Первый, что революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности... второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою»²⁵.

Сравнивая пролетарскую партию с армией, которая вооружается всеми видами оружия, В. И. Ленин писал: «Мы можем потерпеть громадное — иногда даже решающее поражение, если не зависящие от нашей воли перемены в положении других классов выдвинут на очередь дня такую форму деятельности, в которой мы особенно слабы»²⁶.

Абсолютизация вооруженной борьбы, да еще в условиях неподготовленности масс, узкий взгляд на общенациональные проблемы своих стран наносили серьезный урон деятельности многих коммунистических партий афро-азиатских стран. Конструктивную роль в устранении ошибок, в выработке правильной стратегии и тактики, их практическом осуществлении сыграли документы XX и последующих съездов КПСС, Программа КПСС, документы международных Совещаний коммунистических и рабочих партий 1957, 1960, 1969 гг., а также решения руководящих органов и съездов самих братских партий.

Раскольническая, подрывная деятельность руководства КПК, проникновение в коммунистическое движение ревизионистских течений как «правого», так и «левого» толка оказали отрицательное влияние на коммунистическое движение афро-азиатских стран 60-х и начала 70-х годов. «Ревизионизм — это отступление от пролетарских классовых позиций, это подмена марксизма-ленинизма разного рода буржуазными и

²⁵ В. И. Ленин, Детская болезнь «левизны» в коммунизме. — Т. 41, с. 81.

²⁶ Там же.

мелкобуржуазными концепциями»²⁷, — говорил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г. Разительным примером «ревизионизма в действии» явилась позиция и практика руководства КПК.

Деятельность маоистов, охватившая начиная с 1963 г. многие коммунистические партии Азии и Африки, не только усугубила трудности, которые существовали в коммунистическом движении этих стран, но нанесла и продолжает наносить огромный ущерб всему международному коммунистическому движению, национально-освободительной и антиимпериалистической борьбе народов. Эти подрывные действия привели к расколу ряда компартий (Индии, Шри Ланки и др.), образованию параллельных компартий, фракционных групп и группировок²⁸.

Раскол Коммунистической партии Индии в 1964 г. нанес идеологический и политический ущерб коммунистическому движению в стране. Хотя в последнее время отмечается постепенное усиление процесса сближения позиций КПИ и отколовшейся КПИ(м) по некоторым тактическим вопросам, преодоление раскола в рядах индийского коммунистического движения остается его поистине исторической задачей.

Большой вред массовому демократическому движению в Индии нанесло левозэкстремистское движение так называемых наксалитов (1967—1971). Эта группировка, руководствуясь маоистскими лозунгами «окружения города деревней» и захвата власти «единственным путем — путем вооруженной борьбы», подняла крестьянство на антиправительственный мятеж, который рассматривался в Пекине как «первая искра революционной вооруженной борьбы, которая охватит своим пламенем всю Индию»²⁹.

Считая главной силой освободительного движения крестьянство, наксалиты начали партизанскую войну по созданию «красных баз» и террористическую кампанию по «уничтожению классового врага» в ряде штатов. Бессмысленные убийства, грабежи и поджоги оттолкнули крестьян от наксалитов. Их авантюристическая попытка крестьянского мятежа под экстремистскими лозунгами захвата политической власти и организации «революционных крестьянских комитетов» привела к тому, что они оказались в изоляции от масс и были разгромлены правительственными войсками летом 1971 г.

Национальный совет компартии Индии, давая оценку действиям наксалитов, указал, что «индивидуальный террор является серьезным отходом от марксизма-ленинизма, не имеет ничего общего с революцией и революционной борьбой. Это

²⁷ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, с. 66—67.

²⁸ Там же, с. 200.

²⁹ Mohan Ram. Maoism in India. Delhi, 1971, с. 39.

дает удобный повод для развязывания репрессий против активного массового движения... Это играет на руку прореакционными силам, использующим оружие антикоммунизма для раскола и уничтожения»³⁰.

Под сильным идейным влиянием, если не под прямым контролем КПК, находится компартия Бирмы, часть руководства которой постоянно живет в Пекине. Пропекинскую линию проводят компартии Малайзии и Сингапура. Компартия Бирмы продолжает вести непопулярную вооруженную борьбу против правительства Не Вина, осуществляющего в стране ряд важных прогрессивных социально-экономических преобразований.

О провокационной роли маоистов на Филиппинах пишет филиппинский публицист Хорхе Маравилья: «Огромный вред национально-освободительному движению филиппинского народа наносит подрывная и раскольническая деятельность ультралевых элементов, особенно той псевдореволюционной группы, которая причисляет себя к последователям Мао Цзэдуна.

Эта антипартийная группа, возглавляемая карьеристом и авантюристом Хосе Сисоном, называет себя филиппинской компартией („реорганизованной“)... Хотя эта ревизионистская группировка невелика, она широко рекламируется империалистической пропагандой с целью раскола и дискредитации народного движения. Главный вред деятельности этой группы состоит в том, что она стремится спровоцировать насилия во время демонстраций, отталкивая тем самым от участия в борьбе некоторые слои населения, готовые поддержать народное движение. Эта группа наносит ущерб также своим ультраэкстремистскими лозунгами, которые лишь запутывают и искажают действительные проблемы... Империалисты и неокOLONIALИСТЫ, используя провокационные действия группы Сисона, пытаются оправдать свои репрессивные меры против всего народного движения в целом»³¹.

Но наиболее трагическим примером того, куда может завести компартии следование пропекинской политической линии, служит кровавый разгром Коммунистической партии Индонезии. В конце 1965 г. в результате массового террора было физически уничтожено около 800 тыс. индонезийских коммунистов, в том числе почти все руководящие деятели партии. «Разгром партии после событий „движения 30 сентября“ привел к таким тяжелым последствиям, — писала подпольная марксистско-ленинская группа Коммунистической партии Индонезии в документе „Насущные задачи коммунистического движения

³⁰ Resolution of the National Council of the Communist Party of India. New Delhi, 1 to 5 October, 1970. New Delhi, 1970, с. 43—44.

³¹ «Проблемы мира и социализма». 1970, № 12, с. 35.

в Индонезии (декабрь 1969 г)», — что в настоящее время индонезийские коммунисты, по существу, вынуждены „начать сначала“ в обстановке более сложной, чем прежде».

Эти и другие подобные факты ярко обнажили порочность курса маоистов, всячески стремящихся столкнуть революционные силы афро-азиатских стран на путь авантюризма и сектантства. Можно сказать, что на коммунистическое движение в Азии и Африке большое негативное влияние оказало маоистское руководство КПК. Нельзя считать случайностью тот факт, что уже с конца 60-х годов многие деятели, ранее находившиеся под воздействием авантюристических установок КПК, начинают пересматривать свои взгляды и переходить на реалистические позиции. «Теперь уже мало сказать, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»³².

Несмотря на упорные попытки руководства КПК распространить свое влияние, важнейшим политическим моментом коммунистического движения афро-азиатских стран 60-х — начала 70-х годов является тот факт, что они не только не увенчались успехом, но получили решительный отпор. Факты свидетельствуют о том, что подавляющее большинство коммунистических партий прочно стоят на позициях марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, следуя генеральной линии международного коммунистического движения, выработанной на Совещаниях 1957, 1960 и 1969 гг.

Особое место в развитии коммунистического движения занимает международное Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. в Москве. Принятые на нем документы знаменовали крупный успех международного коммунистического движения в его борьбе против империализма, в укреплении единства действий коммунистических и рабочих партий, в сплочении всех антиимпериалистических сил.

Сплоченность и неразрывная связь компартий развивающихся стран с международным коммунистическим движением были вновь продемонстрированы на XXV съезде КПСС, в работе которого приняли участие представители почти всех коммунистических и революционно-демократических партий Азии и Африки. Съезд знаменовал собой новый этап в развитии мирового коммунистического и рабочего движения, внес крупный вклад в укрепление единства всех революционных сил современности. Важное место в работе съезда заняло принципиальное, непримиримое разоблачение маоизма, политика которого «прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских пра-

³² Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 11.

вителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма»³³.

Особое место в стратегии и тактике международного коммунистического движения занимают страны с революционно-демократическими режимами, вставшие на некапиталистический путь развития. В данном случае речь идет о большой группе стран с населением более 120 млн. человек, в которых правящие революционно-демократические партии и их лидеры провозгласили курс социалистической ориентации и в этом направлении осуществляют целый комплекс революционных преобразований.

Какова должна быть оценка марксистами-ленинцами сущности этих режимов и перспектив их развития? В конечном итоге от ответа на этот вопрос зависят взаимоотношения коммунистов и революционных демократов, приобретающие на современном этапе первостепенное значение³⁴.

В противоположность утверждениям левых экстремистов-марксисты-ленинцы считали и считают, что «деревня идет за городом» и при всей важности внимательнейшего учета революционного потенциала крестьянства нельзя обуславливать «революционность своего движения революционным настроением крестьянства»³⁵.

В. И. Ленин, указав на закономерную роль города как ведущего начала в социальном прогрессе, обосновал важнейшее положение о том, что для марксиста главный вопрос состоит в том, «какой класс из „городских“ классов сумеет вести за собой деревню, осилит эту задачу и какие формы это руководство города примет»³⁶.

В национально-демократических революциях велика роль мелкой буржуазии и средних слоев, и проблема единого фронта в значительной мере должна решаться с учетом позиций этих социальных групп.

В настоящее время роль непролетарских слоев трудящихся в национально-освободительных революциях очень велика, и коммунистические партии стран Азии и Северной Африки стремятся в своих программных документах определить их место на всех этапах революции, содержание и характер политического союза рабочего класса с этими слоями. Очевидно, что каждая коммунистическая партия с учетом исторических и национальных условий, традиций и конкретного политическо-

³³ Там же, с. 10.

³⁴ Подробнее см.: Р. А. Ульяновский. Социализм и развивающиеся страны. М., 1972, с. 552—553.

³⁵ В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. — Т. 4, с. 229.

³⁶ См.: В. И. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. — Т. 40, с. 5.

то положения в своей стране определяет отношение пролетариата к непролетарским слоям и их роли в революции.

Экономический и политический вес, соотношение различных слоев и прослоек в непролетарских массах непостоянны. Они очень подвижны и меняются под воздействием различных внутренних и внешних неполитических факторов, под влиянием борьбы двух мировых систем.

Учитывая все эти социальные и политические условия, международное коммунистическое движение считает, что наиболее целесообразной формой политического и классового сотрудничества в странах социалистической ориентации может быть единый национальный демократический фронт, включающий рабочий класс, крестьянство, непролетарские слои города, прогрессивную часть национальной буржуазии.

На этом важном этапе революции огромное значение приобретает правильная политика и тактика коммунистических партий. Если прежде пролетариат, руководствуясь принципом сочетания национальных и классовых интересов, нередко подчинял свои политические программы общенациональным требованиям, то на новом этапе революции он имеет возможность сформулировать свою собственную программу.

Именно на этом этапе революции решающее значение будет иметь установление правильных отношений рабочего класса с крестьянством и средними городскими слоями, установление политического союза между ними. Необходимость союза рабочего класса и крестьянства непосредственно вытекает из их положения как естественных союзников в борьбе за уничтожение колониального наследия, укрепление политической самостоятельности и обретение в полной мере экономической независимости, за жизненные права трудящихся города и деревни. Это отмечают многие компартии афро-азиатских стран.

«Союз рабочих и крестьян, — отмечалось в материалах расширенного пленума ЦК Суданской компартии (январь 1965 г.), — это основа для создания демократического блока, для создания национально-демократического фронта. Это наиболее существенный фактор в развитии революционного движения»³⁷.

Отношение пролетариата к средним слоям и патриотической буржуазии является одним из актуальных вопросов тактики его авангарда — марксистско-ленинской партии. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что тактика пролетариата по отношению к буржуазным или мелкобуржуазным партиям на трудном и сложном пути национальной и классовой борьбы должна быть предельно гибкой и изменяться в зависимости от

³⁷ Документы коммунистических и рабочих партий стран Ближнего Востока и Северной Африки. Ч. II. М., 1970, с. 268.

конкретных исторических условий и самой политики Коммунистической партии по текущим вопросам. В основе этой тактики лежит стремление пролетариата использовать революционность этих слоев до конца в данных конкретных условиях. В. И. Ленин писал: «Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы через все компромиссы, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче»³⁸.

Любая революция — не столкновение двух классов (хотя на самом острие противоборствующих сил и выступает авангард двух блоков), а борьба союзов классов и социальных групп. В национально-освободительных революциях (в многоукладных странах с их пестрой социально-классовой структурой) эта черта проявляется довольно рельефно. Относительная слабость отдельных классов выдвигает необходимость классовых союзов и политических блоков.

Важнейший инструмент политического действия и главная форма единения классов и прогрессивных сил этих партий в антиимпериалистической борьбе — национально-демократический фронт приобретает новое содержание, имеет новые лозунги, ставит перед собой новые цели. Из организации блока антиколониалистских сил, объединившей все антиимпериалистические силы и поставившей основной целью борьбы за национальную независимость, он стал блоком, направленным в первую очередь против внутренней реакции, за создание демократического государственного аппарата, за осуществление коренных социально-экономических преобразований, за некапиталистический путь развития. Особенность этого блока состоит в том, что каждая из входящих в него сил не может из-за своей слабости на долгое время удержать власть и самостоятельно проводить социально-экономические изменения. Конечно, это не означает, что все силы, входящие в этот блок, обязательно составляют и государственный аппарат. Это также не исключает и внутренней борьбы между этими силами. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на все противоречия, в новых условиях возникает настоятельная необходимость союза политических сил не ради политического и утилитарного кратковременного успеха в межпартийной борьбе, а на основании долговременной тождественности ряда важных пунктов их социальных программ.

Особое место в создании единого национально-демократического фронта в этих странах занимают взаимоотношения коммунистов и революционных демократов, представляющих наиболее прогрессивные силы нации и олицетворяющих, в сущности, взаимосвязь между пролетарской и мелкобуржуаз-

³⁸ В. И. Ленин. О компромиссах. — Т. 34, с. 133.

ной, крестьянской демократией. Революционные демократы еще в значительной мере несут на себе груз мелкобуржуазных предрассудков. В свое время К. Маркс указывал на претензии мелкой буржуазии отождествлять себя со всем народом. Отсюда — сильная тенденция у ее политических представителей к монополизации руководства, к нежеланию допускать существование каких-либо иных политических сил, как «враждебных народу», т. е. той же мелкой буржуазии. Однако ввиду подавляющего численного превосходства мелкой буржуазии и мелких производителей вообще (в том числе крестьян) над пролетариатом в странах Азии и Северной Африки революционная демократия чрезвычайно изменчива и неустойчива. Это обстоятельство многократно усиливается объективно идущим в ее рядах процессом классового размежевания, о котором В. И. Ленин писал: «Революционная демократия — собрание разнороднейших (по своему классовому положению и интересам, что совсем не одно и то же!) элементов...»³⁹. Она, будучи социально неоднородной, несет в себе большой потенциальный заряд противоречий. В этом и заключается суть возможных конфликтных ситуаций, хотя, когда речь идет о национально-демократических революциях, положение меняется, ибо здесь имеются долговременные социальные и политические основы сотрудничества между рабочим классом и мелкой буржуазией. Игнорирование этого момента и попытки форсированного «отмежевания» этих сил неизбежно ведут к резкому ослаблению национально-демократической революции.

Конкретно-исторический анализ позволяет нам установить важнейшую черту развития революционных демократов, а именно их склонность и способность к эволюции. Начав свой путь с национальных революционеров, они стали сегодня революционными демократами, и многие факты свидетельствуют о возможности дальнейшей их эволюции, вплоть до восприятия идеологии научного социализма. В ходе этой эволюции существенно меняется и лицо революционной демократии. В сущности, в странах Азии и Африки в иных условиях и в иной форме повторяется процесс, уже происходивший в свое время в России: революционная демократия самым ходом жизни обречена на расслаивание, на отход от нее правых элементов, не воспринимающих основ научно-социалистической идеологии. Вместе с тем специфика современных афро-азиатских стран вносит коррективы в старые схемы. В частности, сложный и «многослойный» характер классовой борьбы в многоукладном обществе способствует иногда возрождению ранее распавшихся классовых коалиций или возобновлению их

³⁹ В. И. Ленин. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). 14—22 апреля (27 апреля — 5 мая) 1917 г. — Т. 31, с. 246.

деятельности на новой основе. Например, нет сомнений, что революционный демократизм 1945—1947 гг. в Бирме, вновь восторжествовавший в 1962 г., возродился уже на иной основе, на базе полевения мелкобуржуазного революционного демократизма и его расширения за счет заимствования в теории и на практике многих существенных позиций пролетариата. Факты возобновления союза коммунистов и революционных демократов на революционно-демократической основе после периода расхождений и даже ожесточенной борьбы можно наблюдать и в других странах: в Сирии (сближение компартии с баасистами в 1956—1957 гг. и с 1965 г.), Алжире (в 1951—1952 и 1956—1965 гг.) и т. д.

Совещание представителей коммунистических партий арабских стран (сентябрь 1973 г.), приветствуя создание прогрессивных национальных фронтов⁴⁰ и укрепление сотрудничества прогрессивных партий и организаций в некоторых арабских странах, в своем документе отметило, что «это явление отражает, в частности, качественный сдвиг в позиции прогрессивных и национальных сил, понимание ими опасности лозунгов антикоммунизма»⁴¹.

Таким образом, необходимость союза между коммунистами и революционными демократами на данном этапе развития афро-азиатских стран несомненна. Этот союз возможен ввиду наличия у обеих сторон общих ближайших основных целей революции.

Исторический опыт показывает, что тактика единого фронта требует выдержки, осмотрительности и принципиальности. Любой поспешный шаг, игнорирование объективного учета всех внутренних и международных сил могут зачеркнуть годы титанического труда. Тактика единого национально-демократического фронта по своей сути — расширение социальной базы революционной демократии в странах социалистической ориентации. Только опора на широкие народные массы может придать революционно-демократическим режимам устойчивость и гарантию успешного развития. Именно в этой связи с острой злободневностью встает вопрос об участии в политической жизни широких масс. В. И. Ленин учил, что «чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов»⁴². Сумеют выполнить эту задачу страны с революционно-демократическими режимами — значит, будет обеспечен успех в борьбе за социалистическое переустройство на некапиталистическом пути развития.

⁴⁰ Подробнее об этом см. Т. 3 настоящего издания, гл. III.

⁴¹ «Правда», 19.X.1973.

⁴² В. И. Ленин. VIII Всероссийский съезд Советов, 22—29 декабря 1920 г. — Т. 42, с. 140.

«...Национальный и международный опыт... доказал, — говорится в политической резолюции Партии социалистического авангарда Алжира (1969 г.), — что бдительность и мобилизация масс являются наиболее надежной гарантией сохранения прогрессивных завоеваний»⁴³.

Одним из важных положений документов региональных совещаний представителей компартий арабских стран в 60—70-е годы было решительное требование к правительствам ряда стран о предоставлении народу демократических свобод, о прекращении репрессий против коммунистов. «Представители коммунистов арабских стран считают, — отмечается в документе совещания 1966 г., — что меры, принимаемые раньше и в настоящее время некоторыми правительствами арабских стран против основных демократических свобод народа, поощрение ими антикоммунистической кампании позволяют реакции узурпировать власть, оказывать империализму помощь в осуществлении заговоров против каждого арабского народа в отдельности и против всех арабских народов в целом»⁴⁴.

«По нашему мнению, — пишет генеральный секретарь Партии прогресса и социализма (Марокко) Али Ята, — между окончательным освобождением, с одной стороны, и демократизацией государственных институтов и участием народа в решении важнейших проблем стран — с другой, существует самая тесная диалектическая взаимосвязь»⁴⁵.

Суть вопроса состоит в том, что национально-демократические партии могут осуществить общедемократические задачи, провести антиимпериалистические, аграрные и частично антикапиталистические преобразования и, таким образом, пройти большую или меньшую часть некапиталистического пути развития. Но, отражая в конечном счете интересы промежуточных слоев и не являясь пока воплощением классового союза между пролетариатом и крестьянством, эти партии политически не в состоянии проводить последовательные социалистические преобразования. Демократический этап революции в этих условиях растягивается во времени, а это усиливает опасность дальнейшего классового расслоения общества, появления или усиления буржуазии — главного препятствия на пути некапиталистического развития.

Генеральный секретарь ЦК Ливанской компартии Никола Шауи (сейчас — председатель ЦК) отмечает, что Ливанская компартия «оценивает мелкобуржуазных революционных демократов как антиимпериалистическую силу, заинтересованную в социально-экономических преобразованиях, но считает, что мелкая буржуазия как класс и революционные демократы не спо-

⁴³ Документы... Ч. I, с. 62.

⁴⁴ «Ав-Нида», 20.V.1966.

⁴⁵ «Проблемы мира и социализма», 1975, № 7, с. 26.

собны довести революцию до победы социализма. Эту задачу может осуществить лишь рабочий класс — самый передовой и революционный класс общества»⁴⁶.

Что касается крестьянства, то, несмотря на его огромную роль в национально-освободительной борьбе на всех этапах освободительной революции и крайнюю необходимость использования всех его революционных потенций в наше время, само оно не может быть носителем социалистической ориентации и, следовательно, идеологическим и политическим руководителем революционного движения против капитализма.

Марксизм-ленинизм не знает иных путей соединения движения широких народных масс с идеями социализма, кроме создания коммунистической партии, которая, вырабатывая правильную стратегию и тактику, вносит эти идеи в рабочий класс и в среду трудящихся, постепенно вооружая ими передовые силы общества. От правильной деятельности коммунистической партии во многом зависят судьбы национально-освободительных революций, в том числе и в тех странах, которые стали на путь некапиталистического развития.

Коммунисты этих стран, проводя политику сотрудничества с правящими прогрессивными режимами, вместе с тем последовательно выступают за идеологическую и организационную самостоятельность компартий, против их роспуска или объединения в рамках одной партии с мелкобуржуазными социалистическими течениями. Опыт послевоенных десятилетий показал, что отдельные тенденции к самороспуску, которые имели место среди некоторых деятелей ряда компартий, привели к тому, что влияние коммунистов и рабочего класса в таких случаях значительно ослаблялось.

«Какие бы события ни происходили в данный период, — подчеркивается в политической резолюции Партии социалистического авангарда Алжира (1969 г.), — постоянной остается необходимость построения партии (независимой) трудящихся на основе научного социализма...»⁴⁷.

Период перехода новых национальных государств к социализму, минуя капитализм, будет, по всей вероятности, длительным. Он может быть использован для формирования и укрепления марксистско-ленинских партий в афро-азиатских странах. Формирование коммунистических партий — неотложная историческая задача пролетарских и других прогрессивных общественных сил в тех странах, где этих партий еще нет. Это особенно необходимо подчеркнуть в связи с тем, что в последнее время иногда мы встречаемся с утверждениями, что, поскольку во многих странах Востока рабочий класс не играл и не играет руководящей роли в национально-освободительной

⁴⁶ «Проблемы мира и социализма», 1971, № 9, с. 20.

⁴⁷ Документы... Ч. I, с. 78.

революции, а радикальные социально-экономические преобразования проводятся национально-демократическими режимами без коммунистических партий, процесс перехода освободившихся стран к социализму будет происходить под руководством других, непролетарских сил.

Конечно, формирование и укрепление жизнеспособных пролетарских партий, освобождение отдельных коммунистических партий от груза сектантских ошибок представляют собой достаточно сложную задачу, в особенности учитывая организационные и идеологические слабости рабочего класса и другие политические факторы. Однако ленинское указание о важности и необходимости создания в странах Востока партий с научно-социалистической идеологией для успешной борьбы за социалистическую перспективу полностью сохраняет свою силу и в современных условиях. Отрицать это — значит идейно разрушить рабочий класс, выхолостить политическую и классовую направленность его борьбы, что может только сыграть на руку врагам социализма. Конечно, при этом нельзя исключать и возможности дальнейшей эволюции революционно-демократических партий и их превращения в партии научного социализма.

В этом направлении отмечаются новые важные сдвиги. С углублением социального содержания национально-демократических революций в ряде афро-азиатских стран социалистической ориентации наметился качественно новый момент — создание и укрепление авангардной революционной партии, провозгласившей научный социализм в качестве своей идеологической основы.

В этом направлении важными событиями следует признать объединительный съезд Национального фронта НДРГ (1975 г.), выдвинувший задачу создания в течение короткого времени партии научного социализма; процесс идейно-организационного укрепления Конголезской партии труда; распространение научно-социалистической идеологии среди членов Партии африканской независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) и т. д.

Эти явления с теми или иными оговорками могут быть отнесены к начавшемуся знаменательному процессу возникновения авангардной партии научного социализма на базе эволюции революционно-демократических организаций.

Рабочий класс был и остается наиболее последовательной, решительной и сознательной движущей силой национально-освободительной революции.

Исторический процесс становления и укрепления коммунистических партий в странах Азии и Африки, в том числе в государствах, ставших на путь некапиталистического развития, в наше время стимулируется двумя факторами: во-первых, неуклонным ростом рабочего класса в большинстве афро-ази-

атских стран и, во-вторых, наличием мировой системы социализма, широким распространением социалистических взглядов и превращением социализма в средоточие передовой политической и философской мысли нашего века. Углублению и развитию этого процесса в большой степени способствуют усилившийся здесь в последние годы «сложный процесс размежевания классовых сил»⁴⁸, обострение классовой борьбы, непрерывное нарастание социальных противоречий, вовлечение все более широких народных масс в борьбу против империализма и внутренних реакционных сил.

Положительное воздействие на развитие коммунистического движения в этих странах, как и на весь ход мирового революционного процесса, оказывают также, как это подчеркивается во многих документах и выступлениях руководящих деятелей компартий развивающихся стран, разрядка напряженности между двумя системами, общее улучшение международного климата, связанные с реализацией Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС и получившей дальнейшее развитие на ее XXV съезде.

Мирное сосуществование, сковывающее империалистическую политику агрессии и вмешательства во внутренние дела развивающихся стран, создает оптимальные условия для выявления внутренних движущих сил революционного процесса, для расширения классовых союзов рабочего класса, для формирования широкой антиимпериалистической коалиции.

Политика коммунистических партий в странах социалистической ориентации исходит из двух факторов: во-первых, из необходимости всемерной поддержки программ национально-демократических режимов и партий, реализация которых может при известных условиях открыть путь для перехода к социализму; во-вторых, из необходимости создания условий для завоевания на свою сторону прежде всего городского и сельскохозяйственного пролетариата, крестьянства и средних городских слоев. Коммунисты стремятся к расширению и упрочению классовых и политических союзов в интересах развития и углубления революции.

Коммунисты ни в коем случае не умаляют прогрессивного характера и мобилизующей силы революционно-демократических программ, присутствия в них социалистической цели, совпадения взглядов по ряду идеологических, социально-экономических и политических вопросов, что создает объективные возможности для политического сближения между национально-демократическими и коммунистическими партиями.

Коммунистические партии, таким образом, не упускают из виду революционной перспективы, реалистически оценивая революционные возможности национальных демократов и пер-

⁴⁸ Материалы XXV съезда КПСС, с. 12.

спективы развития национально-демократических революций. Интересы развития коммунистического движения, интересы социального прогресса освободившихся стран повелительно требуют единства прогрессивных сил, и прежде всего коммунистов и революционных демократов, внутри каждой страны, упрочения их союза с международным рабочим движением и его главным завоеванием — социалистическим содружеством.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

Актуальность проблематики, связанной с социалистической ориентацией, постоянно возрастает. Это определяется многими факторами. Во-первых, в последние годы значительно расширилась зона стран социалистической ориентации. Сейчас в нее входит около двух десятков стран. Важные политические и социально-экономические преобразования развернулись в ряде других молодых государств, для которых социалистическая ориентация может стать ближайшей перспективой их общественного развития.

Во-вторых, в процессе некапиталистического развития стран Азии и Африки выявились значительные трудности, некоторые негативные, а в какой-то мере и неожиданные тенденции, черты и явления. Практика показывает, что религия и национализм имеют весьма стойкое влияние на общественную жизнь, что мелкобуржуазные взгляды, мелкобуржуазная психология (в частности, стремление во что бы то ни стало завести свое собственное, пусть грошовое дело, стать хозяйчиком) присущи довольно широкому слою населения даже в странах с преобладающими дофеодальными укладами, с сильными пережитками родо-племенного строя.

Кое-где появились «новые богачи» из числа работников государственно-партийного аппарата — лиц, призванных, казалось бы, по долгу службы стоять на страже интересов социального прогресса; окрепли в отдельных странах антисоциалистические силы в деревне, главным образом кулачество, усилившееся, как правило, после аграрных реформ. В ряде случаев имеют место затянувшиеся хозяйственные трудности, низкие темпы экономического роста, не получил подлинного развития процесс демократизации общества, наметились тенденции к авторитарному режиму правления. В большинстве стран наблюдается относительно медленный рост социально-политических сил, являющихся наиболее прочной опорой некапиталистического развития. Это касается прежде всего рабочего класса, особенно в африканских странах. Хотя со времени независимости в некоторых из них прошло уже 15 лет и более, пролетариат еще медленно растет количественно и особенно качественно.

В-третьих, по мере дальнейшего углубления национально-демократической революции перед странами социалистической ориентации в практическом плане встают многие сложные проблемы, на которые мировая практика развития к социализму, минуя капитализм, не всегда может дать ответы: они или не возникали раньше, в иной исторической обстановке, или их решение требует другого подхода (впрочем, даже решение однотипных проблем современных стран социалистической ориентации требует дифференцированного подхода, поскольку различны местные условия). Это прежде всего такие проблемы, как пути и методы использования в интересах более быстрого движения к социализму иностранного и местного частного капитала; ликвидация безработицы; определение приоритетов в развитии народного хозяйства; источники финансирования; особенности индустриализации и аграрных преобразований на разных этапах некапиталистического развития стран со сходными условиями. Одним словом, речь идет о стратегии социально-экономического развития стран социалистической ориентации.

Заслуживают пристального внимания проблемы привлечения трудящихся к активному строительству новой жизни в условиях массовой неграмотности, низкой политической сознательности значительной части населения; вопросы демократизации общественной жизни в обстановке отсутствия демократических традиций, при наличии сильных центробежных тенденций как следствия порой острых этнических противоречий.

Не менее актуальными являются и такие вопросы, как особенности распространения идей научного социализма в странах, население которых находится под большим влиянием традиционалистских представлений; становление авангардных революционных правящих партий при слабости национального пролетариата; проблема сотрудничества коммунистов и революционных демократов; формирование наций в условиях социалистической ориентации; пути и методы расширения и углубления взаимовыгодного сотрудничества между социалистическими странами и государствами социалистической ориентации; проблема расширения социально-политической базы революционно-демократических режимов.

В-четвертых, требуют дальнейшей разработки и некоторые чисто теоретические проблемы развития к социализму освободившихся стран, которые также во многом имеют или приобретают практическое значение. Это различные варианты некапиталистического развития, закономерности перерастания национально-демократических революций в социалистические, критерии социалистической ориентации (некапиталистического развития), особенности национально-демократических революций и др.

Многообразие социалистической ориентации

В исторической практике существует несколько вариантов некапиталистического развития. Это путь к социализму бывших отсталых окраин нашей страны, Монгольской Народной Республики и нынешних стран социалистической ориентации. Общее здесь то, что движение к социализму осуществляется «в обход» развитой капиталистической формации. В этом смысле эти три варианта являются некапиталистическим развитием. Вместе с тем, как известно, существуют и серьезные, принципиальные различия.

Некапиталистическое развитие в отсталых районах нашей страны происходило в условиях диктатуры пролетариата и являлось составной частью социалистической революции в СССР. Здесь строительство социализма фактически началось — безусловно, более медленно, более осторожно — сразу же после установления в них Советской власти; социалистические преобразования в производственной сфере и в городе и в деревне были проведены лишь с небольшим отставанием по срокам от центральных районов. Хотя народы национальных окраин пришли к социализму, минуя капитализм, основным методом общественных преобразований с момента установления в них Советской власти был социалистический метод, и революция, по существу, с самого начала приняла характер социалистической, а не национально-демократической. Общедемократические задачи, разумеется, решались, но решались попутно, по мере развертывания социалистической революции.

Первым в мире независимым государством, осуществившим переход к социализму через некапиталистический этап развития, была Монголия. Однако необходимо отметить, что страна находилась в непосредственной близости от СССР и под его фактической защитой. Правящая Монгольская народно-революционная партия, еще будучи по своему составу крестьянской партией, при содействии международного пролетариата приняла в качестве своей идеологической основы марксизм-ленинизм и присоединилась к Коминтерну на правах сочувствующей организации. МНР вышла из системы мирового капиталистического хозяйства.

Иное положение у стран современного некапиталистического развития. В них у власти, как правило, находится широкий блок социально-политических сил. Революционный процесс направляют национальные (революционные) демократы, идейно-политические взгляды которых отличаются широким диапазоном. Одни провозглашают своей идеологией научный социализм, содействуют распространению среди трудящихся основных его принципов, развивают всестороннее сотрудничество и дружеские связи с социалистическим содружеством. Другие под фла-

гом социализма выдвигают свои собственные концепции социального прогресса. С принципами социализма в их мировоззрении часто соседствуют националистические и религиозные воззрения, мелкобуржуазные, народнические, правореформистские и тому подобные представления. Идеология правого крыла национальной демократии порой несет на себе отпечаток антикоммунистических предрассудков. К тому же экономика современных стран социалистической ориентации еще тесно связана с мировым капиталистическим хозяйством.

Процессы социалистической ориентации ныне развертываются в двух основных «вариантах-условиях»: в странах с сильными родо-племенными пережитками и лишь зачатками феодальных и капиталистических отношений (в основном государства Тропической Африки) и в странах с развитыми феодальными, а в какой-то мере и капиталистическими отношениями (главным образом арабские страны). Эти два «варианта-условия» диктуют различную стратегию социально-экономических преобразований, перестройку идейно-политических институтов. При сопоставлении государств, относящихся к разным «вариантам-условиям», бросаются в глаза порой существенные различия в характере политической власти, правящих партий, их идеологии, в глубине влияния в массах национализма, религии, концепций западной правой социал-демократии и т. д.

Эти различия вытекают прежде всего из разных уровней социально-экономического развития, из неодинакового влияния на массы буржуазной и других видов враждебных социалистической ориентации идеологий еще до вступления страны на некапиталистический путь.

В этих двух группах стран нередко по-разному стоят одни и те же актуальные проблемы; неодинаковыми путями и методами, в другой последовательности осуществляются социально-экономические преобразования. Скажем, аграрная проблема имеет разное содержание в государствах социалистической ориентации Северной Африки и Ближнего Востока, с одной стороны, и в странах Тропической Африки — с другой. В первой группе стран решение аграрно-крестьянского вопроса предполагает прежде всего ликвидацию феодально-помещичьего землевладения, наделение безземельных, и малоземельных крестьян землей; во второй — нет сколько-нибудь значительного частного крупного землевладения (не считая плантаций, принадлежащих иностранцам), практически не существует земельного голода. В первой группе основной акцент делается на развитии промышленного производства, во второй — сельского хозяйства. Подобные примеры можно было бы продолжить.

Тенденция такова, что чем ниже уровень развития капитализма, тем легче в известном смысле осуществляются изменения в базисе и надстройке; общедемократические преобразования идут бок о бок с антикапиталистическими; частное пред-

принимательство обычно находится под строгим контролем государства и в ограниченных, все более суживающихся рамках. Иногда даже возникает опасность преждевременных мер против частника. В странах этой группы ведется, как правило, решительная борьба с бюрократической буржуазией, зарекомендовавшей себя одной из наиболее реакционных, проимпериалистических сил. Идеино-политические позиции руководящих кругов являются весьма радикальными, официальная идеология сближается с научным социализмом.

Странам с более развитыми экономическими и социальными структурами некапиталистическое развитие (направляемое национальной демократией) дается, если можно так выразиться, с большим трудом. В этих странах более сильны позиции противников социалистической ориентации, которым удается сохранять то или иное влияние не только в экономической, но и в политической, идеологической, культурной областях. В руках противников социалистической ориентации в отдельных случаях продолжают находиться те или иные рычаги воздействия на общественное сознание, а также идеологические центры, что несовместимо с социалистической ориентацией.

Для второй группы стран национально-демократическая революция не является единственным исторически «целесообразным» путем к социализму. В них фактически уже сложились объективные предпосылки для более высокого, народно-демократического типа революции. Известно, что по уровню своего развития некоторые нынешние страны социалистической ориентации мало чем отличаются от таких, скажем, стран, как ДРВ или Куба, в которых социалистическим преобразованиям предшествовал лишь непродолжительный период общедемократических преобразований. Решающее значение при этом имеет зрелость субъективного фактора, историческая обстановка, классовый характер власти на этапе перехода страны на рельсы прогрессивного развития. Не исключается, например, более быстрый путь к социализму (через непродолжительный этап общедемократических преобразований) отдельных африканских стран.

В то же время следует подчеркнуть, что наименее развитые в социально-экономическом отношении страны социалистической ориентации (т. е. страны первой группы) испытывают, как правило (бывают, разумеется, исключения), большие трудности в хозяйственном строительстве. Известно, что идейно-политическая надстройка тесно связана с экономическим базисом и в конечном итоге им опосредуется. Поэтому, если надстроечные институты слишком далеко отрываются от базиса, могут возникнуть серьезные противоречия в развитии общества. Выражаются они прежде всего в нарастании экономических трудностей, что при определенных условиях может привести к сни-

жению уровня общественного производства, затяжной экономической стагнации. Такие явления уже наблюдались в отдельных странах социалистической ориентации.

Вместе с тем страны социалистической ориентации разнятся не только в силу неодинакового исходного уровня; примерно при одном и том же уровне экономического и социально-классового развития они отличаются различной глубиной политических, социально-экономических и демократических преобразований, идейно-политическими позициями руководителей, характером связей с миром социализма. Среди них явно выделяется группа стран (НДРГ, Ангола, Мозамбик и некоторые другие), в которых официальной идеологией провозглашен марксизм-ленинизм, проводится определенная работа по распространению идей научного социализма среди трудящихся масс, ширится фронт антикапиталистических преобразований. Многие делается на основе изучения советского опыта, особенно в деле партийного строительства, создания общественных организаций, партийной печати, активного вовлечения масс в процесс созидания новой жизни.

Таким образом, государства, объединяемые общим понятием «страны социалистической ориентации», имеют между собой существенные отличия. В связи с этим нам представляется, что о социалистической ориентации правомерно говорить в широком и узком смысле. В первом случае молодое государство устами своих руководителей заявляет, что оно отвергает капитализм как историческую перспективу общественного прогресса, объявляет о своей приверженности социализму; в нем на деле проводятся серьезные политические, социально-экономические и иные преобразования прогрессивного характера. Вместе с тем его официальной идеологией провозглашается социалистическая доктрина, отличная от научного социализма, хотя и имеющая с ним нередко много общих моментов. Социалистическая ориентация в широком смысле — это еще лишь предпосылки для развития по пути социального прогресса в сторону социализма.

Предполагается, что при дальнейшем развитии национально-демократической революции будет происходить эволюция идейно-политических взглядов правящей национальной демократии, ее постепенное сближение с научным социализмом, а руководимых ею стран — с социалистическим содружеством. Но эволюция может идти и в противоположном направлении, как это известно из практики, в частности на примере АРЕ, тем более что нет прямой связи между степенью глубины прогрессивных преобразований и продолжительностью развития по новому пути. Правящая национальная демократия порой стремится на каком-то этапе развития по пути прогресса затормозить движение вперед, подвести под переходную (мелкобуржуазную) структуру власти соответствующую экономическую базу, при-

тормозить дальнейшее развитие революционного процесса. В таком случае ее интересы вступают в противоречие с интересами подлинных сторонников социалистической ориентации, которых она старается убрать со своего пути, подорвать их влияние в массах, дискредитировать, обвиняя их в «импорте чуждой идеологии», в том, что они, подлинные интернационалисты, являются антинациональной силой.

Во втором случае (т. е. когда речь идет о социалистической ориентации в узком смысле) прогрессивный режим не только проводит глубокие преобразования в сфере производственных и общественных отношений, но и провозглашает своей идеологией научный социализм, делает практические шаги по его распространению среди трудящихся, развивает всесторонние связи с миром социализма.

Отличия, таким образом, принципиальные, они относятся прежде всего к надстроечной области, но в немалой степени касаются также методов и форм социально-экономических, политических и демократических преобразований, их последовательности и глубины.

С известной долей условности можно сказать, что в первой группе стран осуществление прогрессивных преобразований, в основном общедемократического характера, еще не выводит страну за рамки буржуазных (мелкобуржуазных) отношений; провозглашение ориентации на социализм еще не подкрепляется ни содержанием социально-экономических преобразований исключительно в интересах трудящихся, ни характером политической власти, отражающей интересы прежде всего рабочих и крестьян, ни официальной идеологией, сближающейся с научным социализмом. В другой группе стран социально-экономические преобразования направлены уже непосредственно против капиталистических отношений, политическая власть в гораздо большей и все возрастающей мере отражает интересы трудящихся.

Предлагается рассматривать страны обеих групп в рамках социалистической ориентации, но дифференцированно, в соответствии с классовым характером власти, глубиной и направленностью социально-экономических преобразований, характером правящих партий. Важнейшими показателями при таком дифференцированном подходе являются отношения к частному собственнику, научному социализму, социалистическому содружеству.

Нельзя, например, не заметить, что в странах социалистической ориентации в широком смысле слова еще не преодолены: стремление сохранить мелкое и частично среднее частное предпринимательство как неизменный компонент «смешанной экономики», которая, в свою очередь, рассматривается как постоянный фактор создаваемого общества; настороженное отношение к марксизму-ленинизму, марксистам-ленинцам, извест-

ное недоверие к рабочему классу, к неконтролируемой инициативе трудящихся масс, боязнь классовой борьбы и т. д.

При дифференцированном подходе к феномену социалистической ориентации становятся яснее причины перерождения отдельных прогрессивных режимов, например в Египте. Египетский пример еще раз напоминает о том, что социалистическая ориентация противоречива по самой своей природе, с чем в первую очередь и связана свойственная ей в большой мере обратимость¹.

Противоречивость современной социалистической ориентации вытекает из целого ряда факторов. Прежде всего из самой социальной природы правящей революционной (по преимуществу мелкобуржуазной) демократии, для которой часто характерны непоследовательность в проведении политического курса, идейные шатания, колебания; из того факта, что переход к социализму сокращенным путем, минуя капитализм или прерывающая его развитие, должен быть осуществлен в отсталых многоукладных странах с большим грузом патриархальщины, средневековых пережитков и предрассудков, в странах, в которых еще пролетариат окончательно не консолидировался в класс, а его авангард либо еще не сформировался, либо не всегда превратился во влиятельную силу в обществе.

Большинству нынешних стран социалистической ориентации Азии и Африки предстоит пройти путь к социализму, минуя как капиталистическую, так и развитую феодальную формацию, преодолеть не только социально-экономическую и культурную отсталость, бедность, но и зачастую унаследованные от колониального прошлого сложные межэтнические противоречия. Следует также учитывать, что мировой капитализм приспосабливается к меняющимся условиям, использует все более гибкую тактику, с тем чтобы оказывать влияние на процессы, протекающие в странах социалистической ориентации. В качестве приманки чаще всего служит финансовая и научно-техническая помощь. Он не только прямо, но и косвенно, уже в силу одного своего существования, создает немало помех на пути углубления национально-демократической революции.

Серьезные трудности для развития социалистической ориентации создает и маонизм. Особая его опасность заключается в том, что он, прикрываясь марксистско-ленинской фразеологией, антиимпериалистическими, антинеоколониалистскими лозунгами, стремится изолировать страны социалистической ориентации от Советского Союза, социалистического содружества перед лицом широкого контрнаступления империализма. Пропандируя ложные концепции и тезисы вроде господства «двух сверхдержав», «богатых» и «бедных» наций, эклектические, мел-

¹ См.: Социалистическая ориентация: проблемы и перспективы. — «Азия и Африка сегодня». 1976, № 1.

кобуржуазные в своей основе воззрения, Пекин вносит путаницу в идейно-политические представления части прогрессивных лидеров. Не меньшая опасность маонизма состоит также в том, что он пытается навязать прогрессивным режимам свои антинаучные методы решения насущных проблем, подтолкнуть революционные силы на преждевременные, необдуманные, а то и откровенно авантюристические акции.

Помешать прогрессивному развитию освободившихся стран стараются и местные консервативные режимы, располагающие крупными средствами за счет реализации дефицитного минерального сырья, в частности нефти. Пользуясь тем, что многие другие развивающиеся страны остро нуждаются в капиталах, эти режимы — речь прежде всего идет о ближневосточном регионе — готовы оказать им финансовую помощь в обмен на определенные политические уступки. Правительства «богатых» нефтедобывающих стран проимпериалистической ориентации не скрывают, что они хотят добиться изоляции государств некапиталистического пути от социалистического содружества, переориентации направления их развития. Причем характерно, что действия правящих консервативных кругов «богатых» нефтедобывающих стран Ближнего Востока, направленные на то, чтобы с помощью нефтедолларов затормозить процесс социального обновления освободившихся стран, согласуются с политикой империализма. Как пишет К. Н. Брутенц, ныне «осуществляется координация политических действий неокOLONИализма и местной реакции, направленных против прогрессивных сил в ряде регионов мира. Складывается новая, специфическая по своему характеру международная реакционная социальная коалиция»².

Особенно наглядно «смычка» неокOLONИзаторов и местной арабской реакции проявилась в отношении Египта. Агрессия Сомали против революционной Эфиопии произошла в большой мере под воздействием политики реакционных арабских режимов и стоящих за их спиной империалистических кругов.

Что же касается Египта, то здесь и в годы президента Насера, несмотря на глубокие прогрессивные изменения в производственных и общественных отношениях 60-х годов, развитие страны по пути социального прогресса носило противоречивый характер. В ходе обмена мнениями о революционном процессе в африканских странах социалистической ориентации, организованного журналом «Проблемы мира и социализма», указывалось на расхождения между декларациями руководящих кругов и их практическими шагами. В частности, отмечалось, что в реальной жизни «шел процесс систематического подчинения профсоюзов буржуазно-бюрократической управленче-

² К. Брутенц. Империализм и освободившиеся страны. — «Правда», 10.11.1978.

ской прослойке госсектора экономики и госаппарата, что затрудняло рост политического сознания рабочего класса и его классово-самостоятельные действия с целью сохранения и углубления прогрессивной ориентации развития»³.

Можно напомнить, что в Хартии национальных действий⁴, основном программном социально-политическом документе правящей партии Арабский социалистический союз (АСС) и правительства страны, принятом в 1962 г., не было высказано четкого отношения к научному социализму. Хартия наряду с отдельными марксистскими положениями содержит в себе мелкобуржуазные, националистические, религиозные воззрения. АСС, объединяя практически все взрослое население, не стал политической организацией, способной руководить обществом на некапиталистическом пути развития. Он с самого начала был аморфным в организационном отношении, стоял на расплывчатых идейно-политических позициях, в его рядах находились разнородные социально-политические силы, включая явных противников социалистического выбора. Деятельность АСС к тому же не распространялась на армию, службу безопасности, полицию. Армия, впрочем, как и весь государственный аппарат, не была реорганизована таким образом, чтобы стоять на страже революционных завоеваний, служить социалистической ориентации.

Социально-экономическая политика Египта 60-х годов также отличалась своей непоследовательностью, двойственностью. С одной стороны, под руководством президента Насера был создан мощный государственный сектор экономики, проводился курс на усиление его прогрессивного, антикапиталистического содержания. С другой стороны, как подчеркивалось в ходе вышеназванного обмена мнениями, развитие госсектора в промышленности подчинялось интересам частного сектора. В сельском хозяйстве политика правительства в процессе осуществления антифеодальной аграрной реформы практически «была направлена на укрепление сельской буржуазии. Так, ограничение земельной площади, находившейся в собственности индивидуальных землевладельцев (или их семей), не распространялось на сельскохозяйственные фермы, т. е. на капиталистические предприятия в сельском хозяйстве. Более того, эти предприятия были полностью освобождены от налогов. Характерно также, что зажиточные крестьяне, начавшие практиковать формы капиталистической эксплуатации, при поддержке государственных органов поставили под свой контроль кооперативы»⁵.

Все это говорит о том, что негативные тенденции в общественном развитии Египта, так усилившиеся после смерти Насера, берут свое начало еще в 60-х годах.

³ «Проблемы мира и социализма», 1978, № 1, с. 58.

⁴ The Charter of National Actions. Cairo, 1962.

⁵ «Проблемы мира и социализма», 1978, № 1, с. 61—62.

Для оценки перспективы развития того или иного прогрессивного режима важнейшее значение имеет его отношение к накопленному в мире опыту строительства социализма, к социалистическому содружеству в целом. Не подлежит никакому сомнению, что миновать или ускоренно пройти одну, а то и две формации естественноисторического развития освободившаяся страна в отрыве от реального социализма не может. Основатель научного коммунизма К. Маркс подчеркивал, что ни одна нация своими собственными силами и средствами «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»⁶.

Современное некапиталистическое развитие, в сущности, и стало возможным благодаря поддержке социалистического содружества. В свете этого трудным, если не сказать проблематичным, представляется путь к социализму «в обход» капитализма того молодого государства, которое хотя и проводит важные социально-экономические преобразования и заявляет о своей приверженности социализму, но под флагом нейтралитета и неприсоединения стремится держать курс на «равную удаленность» и от капиталистических и от социалистических стран, робко идет на развитие политических и экономических связей с социалистическим содружеством, с большой долей недоверия относится к мировому опыту социалистического строительства, а порой даже пытается играть на противоречиях между социалистической и капиталистической системами.

Противоречивость социалистической ориентации в немалой мере также связана с тем, что страны некапиталистического пути продолжают входить в мировое капиталистическое хозяйство, в большой степени зависеть от мирового капиталистического рынка, от западных источников финансирования. Достаточно сказать, что в общем объеме иностранной помощи африканским странам социалистической ориентации кредиты и субсидии капиталистических государств все еще составляют от 20 до 70%; так же примерно обстоит дело и в области их внешне-торговых связей⁷.

Глубокие перемены, некоторые проблемы развития

Однако, несмотря на определенные трудности в развитии стран социалистической ориентации, несмотря на отдельные попятные движения, в экономической и политической жизни этих стран происходят важные изменения. «Новые прогрессивные сдвиги, — говорится в Отчетном докладе ЦК КПСС

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. — Т. 23, с. 10.

⁷ Африка: проблемы социалистической ориентации. М., 1976, с. 11.

XXV съезду нашей партии, — произошли в экономике и политической жизни арабских, африканских и азиатских стран социалистической ориентации»⁸. Сегодня уже неверно было бы говорить о том, что государства социалистической ориентации отличаются от других развивающихся стран только идейно-политической надстройкой. Важные изменения происходят и в социально-экономическом базисе. Так, основательно подорваны позиции феодалов и помещиков (Сирия, Алжир, Эфиопия и другие страны), родо-племенной знати (Гвинея, Танзания, Бенин и др.), лишилась командных высот в национальной экономике иностранная буржуазия (Алжир, Танзания, Сирия, Народная Демократическая Республика Йемен и др.).

Вытеснена из экономической сферы крупная, а во многих случаях и средняя местная буржуазия, ее предприятия перешли в собственность государства; в большинстве стран социалистической ориентации государственный сектор занял доминирующее положение в народном хозяйстве⁹.

Увеличилась численность пролетариата, повысилась его организованность, политическая сознательность (особенно в Алжире, Сирии и др.). Значительное влияние на общественную жизнь оказывает молодой пролетариат Анголы. Но и в тех государствах, где рабочий класс сравнительно немногочислен, он играет важную роль в борьбе за социалистическую перспективу (Мозамбик, НДРГ).

В части стран (Танзания, Гвинея и др.) почти полностью исчезла как влиятельная общественная прослойка бюрократическая буржуазия, зарекомендовавшая себя силой, враждебной социальному прогрессу, склонной к сговору с империализмом. Аграрные реформы в деревне подорвали феодально-помещичьи устои, позволили наделить землей сотни тысяч крестьянских семей¹⁰.

Улучшению положения крестьянских масс, повышению их организованности, политической зрелости, развитию коллективистского начала в большей мере содействуют кооперативы, особенно производственные¹¹.

В национально-специфических условиях стран социалистической ориентации возникли новые, оригинальные формы коопе-

⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 14.

⁹ В Алжире государственный сектор охватывает 90% промышленного производства, в Сирии — 98, в Ираке — более 70% («Правда», 9.III.1975; «Новое время», 1977, № 10, с. 8).

¹⁰ В Алжире, где аграрная реформа еще не завершена, к началу 1975 г. земельные участки получили 150 тыс. крестьян («Новое время», 1975, № 27, с. 19).

¹¹ В 70-е годы наблюдается быстрый рост числа кооперативов различного типа. Так, в Алжире за 1973—1975 гг. оно увеличилось с 2750 до 5000, в Бирме в 1974 г. насчитывалось 17 703 кооператива различного типа, в которых состояло 6,5 млн. человек (там же; «Азия и Африка сегодня», 1976, № 1, с. 26).

рации. В Алжире помимо хорошо известных самоуправляемых хозяйств появился новый вид хозяйствования на коллективных началах — «социалистическая деревня» или «кооператив аграрной революции». Это благоустроенный поселок современного типа, в котором кроме производственных сооружений и жилых домов имеются школа, почта, торговый центр, отделение банка, дом культуры, спортивные сооружения, медицинский пункт и т. д. В середине 60-х годов в стране было 50 таких деревень и еще 90 находилось в стадии строительства¹².

Оригинальной формой кооперирования крестьянства Танзании стала деревня «уджамаа» (в переводе с местного языка суахили слово «уджамаа» означает «большая семья», на английский язык танзанийцы переводят его и как «социалистическая деревня»). Деревни «уджамаа» создаются в условиях сохранившейся традиционной общины. При организации современных коллективных хозяйств танзанийцы стремятся использовать позитивные ценности, накопленные общиной в течение веков, помешать стихийному распаду общины, что неизбежно повело бы к углублению дифференциации крестьянства, усилению в деревне капиталистических элементов. Это привлекает внимание других стран Африканского континента, в которых в том или ином виде сохранилась традиционная община и которые еще не нашли эффективных путей ее модернизации.

«Уджамаа» — это не только производственный кооператив, основанный на принципах, близких социалистическим (оплата по труду, недопущение эксплуатации одних членов другими и т. д.). Селение крестьян в компактную деревню, которая вырастает из разбросанных крестьянских хозяйств и насчитывает от сотни до тысячи и даже более человек, решает ряд социально-экономических проблем: в ней создаются школа, медпункт, учреждение по уходу за детьми, небольшие ремесленные предприятия, мастерские и т. п. В стране уже создано несколько тысяч деревень «уджамаа»¹³. (Вместе с тем следует отметить, что большинство деревень «уджамаа» — ввиду крайне слабой материально-технической базы государства, недостатка квалифицированных кадров и т. п. — находится в тяжелом положении, и в целом жизнеспособность этой формы хозяйствования в деревне еще не прошла проверку временем.)

Интерес представляют и производственные кооперативы в Мозамбике — так называемые коллективные деревни. Членами коллективных деревень могут быть только бедные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие; что касается зажиточных крестьян, они также могут вступить в кооператив (коллективную деревню), но при условии передачи частной собственности в общественный фонд.

¹² «Правда», 23.III.1977.

¹³ «Правда», 26.II.1978.

Глубокие изменения социально-экономического характера идут бок о бок с дальнейшей демократизацией государственной и общественной жизни, формированием новых органов власти, соответствующих целям социалистической ориентации. Эти изменения происходят под флагом внедрения принципов выборности, более широкого представительства трудящихся, очищения государственного аппарата от ставленников эксплуататорских классов. Цель заключается в том, чтобы открыть простор широкому участию масс в строительстве нового общества, развязать их инициативу.

Вместе с тем было бы преувеличением считать, что процесс складывания новой идейно-политической надстройки успешно идет во всех странах социалистической ориентации или что в ходе создания новых государственных органов и общественно-политических организаций всегда удается избежать формализма, преодолеть пассивность масс, политически изолировать эксплуататорские элементы. Еще нередко в органах государственной власти, в особенности на местах, продолжают работать представители эксплуататорских классов и прослоек, подчас они сохраняют те или иные позиции и в массовых организациях. Не всегда еще новая надстройка адекватно отражает цель борьбы за общественное развитие в сторону социализма.

В некоторых из стран с прогрессивными режимами все еще недооценивается роль идеологии как воспитательной и мобилизующей силы и важность борьбы против враждебной пропаганды. В такой ситуации у империализма и реакции сохраняются довольно широкие возможности воздействовать на местное население с помощью радио, кино, телевидения, литературы и т. д. Империалистическая пропаганда стремится навязать политически активной и влиятельной части населения, особенно интеллигенции, студенчеству, молодежи, западные (буржуазные) взгляды на жизнь, систему ценностей, понятия о демократии и т. д. Остатки бывших эксплуататорских классов, представители не затронутой национализацией части средней буржуазии, различного рода нувориши, спекулянты продолжают вести «сладкую жизнь», в то время как подавляющее большинство народа живет в крайней бедности.

Такая обстановка в какой-то мере деморализует массы, вселяет в них сомнение в том, что новое общество будет строиться на началах равенства и справедливости. Не удивительно, что при подобных обстоятельствах трудящиеся нередко не откликаются на призывы проявлять инициативу на производстве, бороться за повышение производительности труда, делать трудовые (бесплатные) вклады в сооружение различного рода объектов производственного назначения и т. д.

Но есть еще один важный аспект проблемы. Активности масс, их энтузиазма и творчества трудно добиться, если не

преодолены унаследованные от колониального прошлого сословное чванство, дух кастовости, корпоративная психология; если нет истинного демократизма, если квалифицированный рабочий смотрит свысока на разнорабочего, инженер — на техника, офицер — на солдата, если существует огромная дистанция между людьми умственного и физического труда.

Идейно-политическая работа среди масс и демократизация общественной жизни тесно взаимосвязаны, одно предполагает другое. Из опыта многих развивающихся стран известно, что даже самые прогрессивные мероприятия могут остаться на бумаге или быть искажены, выхолощены в ходе реализации, если они как бы «дарятся» сверху, проводятся без участия масс, без их поддержки, основанной на ясном понимании цели политики. «Любой шаг партии и правительства, если он не встречает поддержки масс, — справедливо писала газета „Этумба“, орган Конголезской партии труда, — не может эффективным образом достичь своих целей»¹⁴. Так, аграрные реформы в ряде молодых стран, сами по себе радикальные и отвечающие интересам крестьянства, не доводились до конца, ибо осуществлялись без активного участия самих крестьян; в результате укреплялась прослойка кулачества. По этой же причине многие методы хозяйствования, формы коллективного труда и другие начинания, рожденные, казалось бы, самой жизнью и в наибольшей степени соответствующие местным условиям, подчас быстро теряют свою эффективность, сходят на нет.

Страны социалистической ориентации, как и большинство других стран со слаборазвитой экономикой, испытывают потребность во внешних источниках финансирования, в передовой иностранной технологии. Другими словами, существует объективная потребность в иностранном, в том числе частном, капитале, ибо местные источники накопления крайне ограничены.

Попытки некоторых национальных государств, в частности Бирмы, опираться лишь на собственные силы, не прибегая к внешним источникам финансирования, как правило, оборачивались низкими темпами экономического роста, немалыми хозяйственными трудностями, вели к неблагоприятным политическим и социальным последствиям. В конечном итоге от такой политики в Бирме отказались. «Ухудшение экономических, социальных и политических условий постепенно приняло такие масштабы, — подчеркнул на чрезвычайном съезде правящей Партии бирманской социалистической программы (октябрь 1976 г.) ее генеральный секретарь Сан Ю, — что это стало препятствием на пути реализации программы партии»¹⁵. На III очередном съезде ПБСП (февраль—март 1977 г.) было принято решение о необходимости использования иностранной экономи-

¹⁴ «Etumba», 2, 9.III.1974.

¹⁵ Цит. по: В. Ф. Васильев. Рабочий класс Бирмы. М., 1978, с. 159.

ческой помощи и создания смешанных предприятий. (О том, как скажется эта мера на дальнейшем социально-экономическом развитии страны, судить рано.)

Но иностранный капитал, и в первую очередь частный, разумеется, не заинтересован в развитии освободившихся стран по некапиталистическому пути и всячески противодействует этому. Следовательно, в интересах успешного продвижения по пути социалистической ориентации, равно как и достижения экономической самостоятельности, необходимо в конечном итоге вытеснить иностранный капитал из национальной экономики. Это тоже объективная потребность. Возникает, таким образом, диалектическое противоречие. Как оно разрешается?

Тенденция такова, что, привлекая иностранные инвестиции, страны социалистической ориентации стремятся установить над ними строгий государственный контроль; наряду с этим основываются смешанные предприятия (с участием государства и иностранного капитала), в которых контрольный пакет акций принадлежит национальному государству; деятельность иностранных компаний в первую очередь разрешается во второстепенных отраслях при сохранении за государством командных постов в народном хозяйстве (при этом ставятся условия, чтобы эти компании помогали в подготовке из местных граждан специалистов, способных в будущем занять руководящие посты в их управленческом аппарате). В кругах правящей революционной демократии рассчитывают, что в конечном итоге в собственность национального государства перейдут и те предприятия, которые создаются иностранным капиталом.

И тем не менее иностранный капитал, в особенности филиалы многонациональных корпораций, все еще имеют в отдельных странах социалистической ориентации сравнительно широкое поле деятельности. Этому содействуют огромная финансово-экономическая мощь МНК и то, что их филиалы в молодых государствах (даже если они частично национализированы или перешли в собственность этих государств) в технологическом отношении все еще зависят от головных предприятий. Из-за нехватки местных кадров подчас в национализированном предприятии ключевые посты по-прежнему занимают те же иностранные специалисты.

Следует также иметь в виду, что внешняя торговля стран социалистической ориентации, как об этом уже отмечалось, все еще слишком «привязана» к мировому капиталистическому рынку, а некоторые из них на правах ассоциированных членов входят в ЕЭС. До сих пор добыча многих видов сырья и ряд производств, в том числе современных, рассчитаны исключительно на капиталистический рынок. Народное хозяйство бывших поработанных стран продолжает зависеть от импорта из развитых капиталистических государств машины, оборудования, запасных частей, бытовой техники, других промыш-

ленных товаров. Экономические и валютные потрясения капиталистического мира самым серьезным образом отражаются и на освободившихся странах с прогрессивными режимами.

В странах некапиталистического пути развития отдают себе отчет в том, что такое положение не может долго сохраняться без ущерба для их успешного продвижения по пути к социализму. Но перестройка внешнеэкономических и внешнеторговых отношений — дело сложное, требующее значительного времени, хотя процесс выхода по крайней мере части этих стран из мирового капиталистического хозяйства, в сущности, уже начался. В основе его лежит развитие всестороннего, глубокого сотрудничества государств некапиталистического пути с СССР, другими социалистическими странами. Например, торгово-экономические связи социалистического содружества с Анголой, НДРГ и рядом других стран (которые все чаще строятся на основе долговременных планов кооперации и специализации) основательно подорвали хозяйственную зависимость этих стран от мирового капитализма, содействовали их успешной борьбе за экономическую самостоятельность. Достижению хозяйственной самостоятельности способствует и нынешняя международная обстановка, в частности укрепление на мировом рынке позиций развивающихся стран — производителей минерального и сельскохозяйственного сырья.

Разумеется, речь идет не о разрыве торгово-экономических связей стран социалистической ориентации с капиталистическими государствами, а о ликвидации такого положения, при котором развивающимся странам отведена роль аграрно-сырьевого придатка мирового капиталистического хозяйства.

Сложнейшим вопросом, на который практика некапиталистического развития не может дать однозначных ответов, является отношение к частному (местному) предпринимательству. Страны социалистической ориентации стремятся привлечь частный капитал для более быстрого развития производительных сил, увеличения занятости. Это диктуется и соображениями социально-политического порядка — использовать мелкого и отчасти среднего собственника как союзника революционно-демократической власти, в интересах борьбы с иностранным капиталом, с крупными местными нуворишами, а там, где они есть, и феодалами.

Но когда власть принадлежит широкому блоку сил (в основном мелкобуржуазных), частный предприниматель может оказывать влияние на общественные процессы, стать социально опасным для социалистической ориентации. В АРЕ, например, средние предприниматели пополняли свои ряды за счет верхнего слоя мелких частных собственников — на этом пути не было практически никаких преград. Представители средней буржуазии, объединяясь, стали участвовать в таких сделках и коммерческих операциях, которые обычно в состоянии осуще-

ствлять лишь крупные капиталисты. Постепенно возникла коалиция сил, враждебных социалистическому выбору, — местный частный собственник, обуржуазившийся бюрократ, иностранный капиталист. Причем все они зависят друг от друга: представитель местной буржуазии является посредником иностранного предпринимателя, иностранный предприниматель связан с чиновником-бюрократом, имеющим свое дело или стремящимся им обзавестись.

Переориентация направления общественного развития может произойти как потому, что укрепившая позиции буржуазия стремится к самостоятельной политической деятельности, так и потому, что частный сектор «засыпает» своих представителей в госаппарат, армию, полицию, правящую партию, общественные организации.

Местная буржуазия старается повлиять на процессы в рядах правящей революционной демократии. С дальнейшим углублением социально-экономических преобразований при переходе от общедемократических к антикапиталистическим мерам неизбежно обостряется классовая борьба. Империализм пытается воспользоваться объективными трудностями, переживаемыми отдельными странами. Какая-то часть правящей революционной демократии, испугавшаяся этих трудностей, не устоявшая перед давлением внешней и внутренней реакции, порывает с социалистической ориентацией.

До тех пор, пока частное предпринимательство продолжает занимать важное место в экономической жизни, объективно сохраняются условия для укрепления антисоциалистических элементов в экономике, политике, идеологии. Вместе с тем само по себе факт сравнительно широкого «присутствия» частного сектора в национальной экономике еще не дает ключа к пониманию ситуации в стране. Все зависит от классового характера власти, проводимой политики, главной тенденции в области социально-экономических отношений, т. е. от того, в каком направлении, от чего и к чему совершается движение¹⁶.

Во многих странах социалистической ориентации, как уже отмечалось, в том или ином виде сохранилась традиционная община. Теоретически наилучшим путем создания прочной социальной опоры некапиталистического развития в деревне была бы организация производственной кооперации на основе общинного коллективизма, традиций взаимопомощи и взаимовыручки и т. д. В противном случае социальное расслоение в деревне будет нарастать и африканская община разделит судьбу германской или русской общины; в лице обуржуазившейся родо-племенной верхушки и кулачества укрепятся противники социалистических преобразований.

¹⁶ См.: К. Брутенц. Современные национально-освободительные революции. М., 1974, с. 407.

Но производственное кооперирование наталкивается на ряд объективных и труднопреодолимых препятствий. Среди общинного крестьянства, особенно там, где фактически нет земельного голода, еще только вызревают социальные силы, готовые решительно бороться за антикапиталистические, в конечном итоге социалистические преобразования. Производственные кооперативы, создаваемые на базе общины, в связи с особенностями ее исторической эволюции, присущего ей консерватизма, устойчивых ретроградных обычаев и традиций, как правило, маложизнеспособны¹⁷. Об этом, в частности, свидетельствует практика проводившегося в более или менее широких масштабах кооперирования в Мали. У стран социалистической ориентации к тому же еще недостаточно возможностей, чтобы предоставлять кооперативам серьезную материальную помощь, столь необходимую им на этапе становления.

В настоящее время наиболее перспективными являются два пути развития производственной кооперации. Это, во-первых, создание производственных кооперативов на землях, полученных крестьянами от государства в результате аграрной реформы (Алжир, Сирия, НРДИ, Эфиопия и др.), а также на землях, принадлежавших ранее европейским поселенцам (Ангола, Мозамбик и др.).

И, во-вторых, развитие производственного кооперирования через этап простейшей кооперации. В этом смысле интерес представляет программа кооперирования крестьянства в НРК. Она предусматривает тщательную подготовительную работу перед тем, как развернуть широкое кооперирование, и осуществление его в несколько этапов: вначале организация простейших форм кооперации, так называемых предкооперативов, проведение разъяснительной работы среди крестьянства, оказание им помощи, в том числе технической, затем организация сбытовых и, наконец, производственных кооперативов. И в то же время НРК находится лишь на самом начальном этапе реализации этой программы. Широкое развитие получает производственная кооперация в Эфиопии.

Ряд стран социалистической ориентации все еще испытывают серьезные экономические трудности, имеют низкие темпы роста производства. В отдельных случаях, как, например, в Бирме и Гвинее, хозяйственные неурядицы затянулись на многие годы. Причин здесь много, и они носят как объективный, так и субъективный характер. К числу основных причин следует отнести естественную сложность перевода экономики на некапиталистические рельсы, да еще в условиях недостатка национальных специалистов, опытных администраторов, организаторов производства, слабой материально-технической и фи-

¹⁷ См. подробнее: Африка: проблемы социалистической ориентации, с. 239—246.

нансовой базы, живучести старых, сложившихся зачастую еще в недрах родо-племенного общества традиций и предрассудков, стоящих на пути экономического и социального прогресса. Налаживанию в короткие сроки нормального функционирования хозяйства серьезно мешает подрывная деятельность империализма и внутренних реакционных сил. Неокolonизаторы урезают или вовсе прекращают финансовую и технико-экономическую помощь странам социалистической ориентации; когда же они ее оказывают, то стремятся стимулировать рост капиталистических элементов, с одной стороны, и подорвать государственный сектор — с другой.

Нередко иностранные фирмы прекращают поставки нового оборудования, запасных частей и т. п. тем предприятиям, которые им когда-то принадлежали, но были национализированы прогрессивными режимами. В результате возникают серьезные трудности в работе таких предприятий, особенно в наиболее экономически отсталых странах.

Есть и причины, возникновение которых в конечном счете связано с низким уровнем социально-экономического и культурного развития соответствующих стран, с той социально-политической и идеологической атмосферой, которая сложилась в них до вступления на путь социалистической ориентации. Здесь и просчеты, и ошибки в планировании развития экономики, в проведении экономической политики, и поспешность в реализации ряда социально-экономических мероприятий (например, широкого производственного кооперирования), для которых чаще всего еще не созрела материально-экономическая база и к которым население в основной своей массе ни политически, ни психологически не подготовлено. Нерентабельность части предприятий госсектора в отдельных случаях объясняется тем, что определенные круги пробуржуазной ориентации с самого начала стремились использовать его в интересах развития частного сектора, как «кормушку» для «возвращения» бюрократической буржуазии. Показательно, что немало египетских миллионеров-нуворишей выросло в системе госсектора, где они занимали ответственные посты. Хищения (чему способствуют плохо налаженные учет и контроль), безхозяйственность, граничащая с саботажем, — еще нередкие явления в жизни стран социалистической ориентации. (Порой нерентабельность тех или иных предприятий госсектора является как бы запланированной, она обусловлена соответствующей политикой руководящих кругов революционной демократии, считающих целесообразным временно пойти на известный экономический ущерб ради уменьшения безработицы — например, за счет увеличения штатов на тех или иных предприятиях государственного сектора, т. е. ради решения социально-политических задач).

Есть, однако, иного рода причины хозяйственных трудностей, низких темпов экономического роста отдельных стран со-

циалистической ориентации¹⁸. В широком смысле они вытекают из игнорирования объективных закономерностей общественно-экономического развития, слишком большого упора на внеэкономические методы хозяйствования. Назовем некоторые из них. Это прежде всего поиски своего собственного, «особого» пути развития к социализму и соответственно способов и методов решения хозяйственных проблем. В результате недооценки накопленного в мире опыта строительства социализма допускаются ошибки, которых можно было бы избежать, много усилий тратится впустую на поиски давно известных решений. Это и непоследовательность в проведении социально-экономических преобразований, когда они не доводятся до логического конца. Скажем, сужение сферы товарно-денежных отношений в деревне (Бирма), и в частности вытеснение торгово-ростовщического капитала, подрывает источники капиталистического накопления и воспроизводства. Но если одновременно с этим не получают широкого внедрения государственные и кооперативные методы хозяйствования, плановые начала, тогда фактически происходит частичная закупорка развития производительных сил, их стагнация, ибо механизм рыночного хозяйства серьезно нарушен, а планового хозяйства — не создан.

В сборнике статей Такин Чит Мауна, вышедшем в Рангуне в 1973 г.¹⁹, указывается на непоследовательность в проведении социально-экономических преобразований в стране. «В экономической области, уничтожив господство иностранного монополистического капитала и феодализма, заложив основы госсектора, мы пока не достигли успехов в развитии „новых созидательных“ задач революции, не довели до конца аграрную реформу, поскольку не создали производственных кооперативов и показательных государственных хозяйств. Произошло также разрушение такого „переходного моста“ к социализму для господствующей в стране средней и мелкой промышленности, каким могла бы стать кооперация. Частные предприятия не уничтожены, но и не налажено сотрудничество с ними»²⁰. В числе причин экономических трудностей Такин Чит Маун называет незавершенность аграрной революции; слабое развитие кооперации; недостатки экономической политики, которая не делает акцент на индустриализации, устанавливает приоритет торговли над производством; сохранение старой бюрократической машины управления; методы командования в экономике; расточительство и разбазаривание средств в государственном секторе, взяточничество и другие злоупотребления и т. д.

¹⁸ Согласно официальным данным, ВВП Бирмы увеличился за период с 1964/65 по 1973/74 финансовый год на 22%, в то же время и население возросло на 22% («Азия и Африка сегодня», 1976, № 1, с. 27).

¹⁹ Такин Чит Маун. Критические заметки о политической жизни. Рангун, 1973 (на бирм. яз.).

²⁰ Там же, с. 122.

Это и попытка опираться преимущественно на свои собственные силы и ресурсы, причем не только отвергается идея широкого экономического сотрудничества с капиталистическими государствами, привлечения иностранного капитала, но и имеет место сдержанное отношение к развитию всестороннего равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с социалистическими странами. Подобный курс на некую автаркию в развитии народного хозяйства если не полностью, то в значительной мере лишает государство внешних источников накопления, преимуществ, связанных с широким участием в международном разделении труда, с налаживанием кооперации и специализации в условиях научно-технической революции.

Это и попытка при проведении аграрных преобразований опираться на изжившие себя институты родо-племенного общества, в частности на африканскую общину, что практиковалось в свое время в Гвинее, Мали и привело к снижению продуктивности сельского хозяйства.

Если такая политика проводится в особо широких масштабах, то она может вызвать общее понижение достигнутого уровня развития производительных сил, не говоря уже о ее отрицательных политических последствиях.

В процессе борьбы за подъем национальной экономики кое-где также имеет место недооценка важности всемерного развития творческой инициативы масс, их активного участия в строительстве новой жизни. Еще нередко проявляется со стороны части правящей революционной демократии патерналистский подход к массам, недоверие к общественным организациям, в том числе партиям, массовым движениям. Все это мешает организации подлинно массовой борьбы за увеличение производства, повышение производительности труда, объективно ведет к усилению бюрократических тенденций, которые, в свою очередь, могут вырасти в серьезные препятствия на пути к повышению эффективности общественного труда.

Революционно-демократические партии

Специального рассмотрения заслуживает проблема становления правящих, авангардных (революционно-демократических) партий в странах социалистической ориентации²¹. Правящие революционно-демократические партии в недалеком прошлом не раз оказывались слабым звеном прогрессивных режимов. Можно напомнить о печальной судьбе Народной партии конвента Ганы, Суданского союза — РДА (Мали). Они были недостаточно организованы, слабо связаны с массами, слиш-

²¹ См. подробнее: А. В. Кива. Страны социалистической ориентации. Основные тенденции развития. М., 1978.

ком подвержены влиянию личности ведущего национального лидера. Будучи широкими, практически общенациональными движениями, эти партии объединяли в своих рядах и сторонников и противников социалистической ориентации, что крайне затрудняло выработку четкой идейно-политической платформы, делало эти партии трудноуправляемыми. Организационная слабость их идейно-политических позиций мешала им вести целенаправленную идейно-политическую работу среди населения и систематическую борьбу с враждебными социалистической ориентации формами идеологии. Они, по сути дела, не были правящими партиями в полном смысле этого слова: их деятельность либо не охватывала многих областей жизни, либо была поверхностной, формальной. При первом серьезном политическом кризисе, в обстановке обострения классовой борьбы по мере углубления национально-демократической революции партии такого толка оказывались недееспособными и чаще всего терпели фиаско.

Анализ причин поражения ряда прогрессивных режимов привел многих руководящих деятелей стран социалистической ориентации к выводу о том, что задачам успешного развития в сторону социализма не может отвечать партия типа национального фронта, сформировавшаяся в годы борьбы за политическую независимость или на начальном этапе развития страны по пути социального прогресса. Для этого нужна авангардная партия, хорошо организованная, сплоченная, объединяющая в своих рядах представителей трудового народа, сторонников социалистического выбора и свободная от антисоциалистических элементов, партия, руководствующаяся в своей деятельности передовой идеологией.

К решению о необходимости создать такую партию или преобразовать существующую приходят руководители большинства стран социалистической ориентации. Так, в основном партийном документе ТАНУ, Арушской декларации, принятой в 1967 г., записано, что «ТАНУ — это партия крестьян и рабочих». Здесь уже указывается, что «пришло время перенести внимание с численности рядов партии на их качественный состав»²².

К настоящему времени наметилось несколько путей формирования авангардных партий. Во-первых, это оформление правящей партии в тех государствах, в которых к власти пришли прогрессивные офицеры. Так, Конголезская партия труда (КПТ) с момента своего возникновения в 1969 г. функционирует как авангардная, объявившая научный социализм своей теоретической основой²³.

²² The Arusha Declaration and TANU's Policy on Socialism and Self-Reliance. Dar es Salaam, 1967, с. 19.

²³ См.: Programme du Parti Congolais du Travail. Edition du CC, 1973.

Во-вторых, авангардная правящая партия формируется (по мере углубления в стране революционного процесса) в результате объединения всех революционных организаций, стоящих на платформе признания принципов научного социализма. Так, в частности, произошло в Народной Демократической Республике Йемен, где три политические партии — Национальный фронт (НФ), Народно-демократический союз (НДС) и Партия народного авангарда (ПНА) — в октябре 1975 г. создали одну организацию — Объединенную политическую организацию Национальный фронт (ОПОНФ). Объединение трех партий произошло на основе идей научного социализма, ОПОНФ рассматривалась как переходная ступень к формированию авангардной марксистско-ленинской партии. В октябре 1978 г. на съезде ОПОНФ было провозглашено создание новой партии — Йеменской социалистической партии на основе научного социализма.

В-третьих, на путь превращения в авангардные встают широкие национальные движения, такие, как Чама Ча Манидузи (Революционная партия) Танзании, постепенно очищая свои ряды от антисоциалистических, оппортунистических элементов, укрепляя организационные основы, совершенствуя принципы взаимодействия с государственными органами, углубляя связи с массами.

Дееспособность таких партий, как Чама Ча Манидузи (ЧЧМ), во многом зависит от того, что их руководство сумело создать крепкий, хорошо политически подготовленный партийный аппарат почти на всех уровнях, воспитать сравнительно многочисленный партийный актив. Ведь в реальной жизни в деятельности массовых, фактически всенародных партий может принимать активное участие лишь незначительная, политически сознательная часть населения.

Вместе с тем ЧЧМ — все еще общенациональная партия, ее трансформация в авангардную партию проявляется лишь в виде тенденции, хотя и вполне определившейся. Марксистско-ленинизм для подобного рода партий еще не стал идейно-теоретической основой, хотя ряд его принципов и положений интегрированы в национальные концепции социального прогресса.

Некоторые революционно-демократические партии (например, ПБСП) строятся по типу авангардных, но не провозглашают своей идеологической основой научный социализм. Их теоретической основой являются концепции, включающие ряд положений марксистско-ленинского учения, но в то же время находящиеся под определенным воздействием религии и национализма, идей социал-демократии. Отдельные революционно-демократические партии провозглашают себя авангардными, хотя на деле такой роли пока не играют.

В-четвертых, авангардные революционно-демократические партии создаются на базе общенациональных партий типа еди-

ного национального фронта (ЕНФ). Так были образованы новая партия ФРЕЛИМО в Мозамбике (февраль 1977 г.) и МПЛА — Партия труда в Анголе (декабрь 1977 г.). Обе партии провозгласили себя авангардными партиями рабочих и крестьян, руководствующимися принципами марксизма-ленинизма.

Строго говоря, партии типа МПЛА, ФРЕЛИМО — это уже не совсем революционно-демократические партии, они уже чем-то напоминают марксистско-ленинские партии. (Точно так же многие руководители таких партий в чем-то еще революционные демократы, а в чем-то уже марксисты). Действительно, устав МПЛА, например, обязывает каждого члена партии систематически изучать марксистско-ленинскую теорию и применять ее на практике, служить примером в труде, активно и сознательно защищать интересы рабочих и крестьян и народную власть, помогать партии воспитывать трудящихся в духе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма²⁴. Примерно такие же требования к членам партии предъявляет и устав ФРЕЛИМО.

Партии такого типа не только провозглашают своей теоретической основой марксизм-ленинизм, но и многое заимствуют из опыта КПСС, других коммунистических и рабочих партий в том, что касается принципов их организационного построения и деятельности в целом.

Создание авангардной революционно-демократической партии, берущей на вооружение научно-социалистическую идеологию, — это, безусловно, важный шаг на пути трансформации революционной непролетарской партии в марксистско-ленинскую партию. (В свое время такой путь прошли нынешние марксистско-ленинские партии Монголии, Кубы и др.) Но это процесс сложный, долговременный и протекает он тем успешнее, чем решительнее осуществляются глубокие экономические, социальные и культурные преобразования, вызывающие коренные сдвиги в социальной структуре общества, в сознании трудящихся.

Между тем задача создания авангардных партий далеко не всегда успешно решается, во всяком случае, этот процесс иногда идет относительно медленно, встречая на своем пути немалые трудности. Главная причина сравнительно медленного становления авангардных революционно-демократических партий, на наш взгляд, заключается в недостаточной зрелости социальной базы, в незавершенности процесса классового образования, в сильном влиянии на массы отсталых форм идеологии — национализма и религии.

Формирование подлинной авангардной партии в некоторых случаях может и сознательно тормозиться сверху. Отдельные руководящие лица либо проявляют колебания в отношении

²⁴ "Jornal di Argola", 22.II.1978.

социалистического выбора, либо не желают допустить какого-либо контроля над своей деятельностью, в частности со стороны сильной правящей партии, построенной на принципах демократического централизма.

Как отмечалось, в условиях социалистической ориентации (во всяком случае, в части стран) противники социализма в течение более или менее длительного времени удерживают те или иные позиции в национальной экономике, в сфере политики. Проникая в государственный аппарат, в руководящие звенья правящей партии (в том числе и по причине недостатка подготовленных прогрессивно настроенных кадров), они прилагают все усилия, чтобы не допустить ее превращения в эффективный инструмент государства социалистической ориентации.

Становление авангардной партии облегчается в тех случаях, когда прогрессивные режимы (при слабости национального пролетариата) непосредственно опираются на народную армию, как, например, в ИДРИ. Но специфика обстановки в этой стране заключается в том, что в ходе вооруженной борьбы против колонизаторов и их приспешников были созданы преданные народу вооруженные силы. Этот же фактор играет немалую роль в процессе перестройки на новых началах ФРЕЛИМО и МПЛА — Партии труда. Фактически при непосредственной опоре на армию действуют авангардные революционно-демократические партии в Конго и Бенине (Партия народной революции Бенина).

Незавершенность процесса превращения рабочего класса в ведущую общественную силу, известная политическая пассивность крестьянства, социально-экономическая отсталость, безусловно, замедляют темпы прогрессивных преобразований в странах социалистической ориентации, в том числе формирование авангардных партий, затрудняют усвоение революционным авангардом в полном объеме марксистско-ленинского учения.

Господствующей тенденцией, однако, является то, что передовая часть революционной демократии все ближе подходит к научному социализму, революционно-демократические партии в целом расширяют связи и углубляют сотрудничество с марксистско-ленинскими партиями социалистических и капиталистических стран.

Страны социалистической ориентации Азии и Африки — наглядное свидетельство того, что развитие к социализму, минуя капитализм, стало реальной перспективой для многих молодых государств. Главное состоит в том, что в афро-азиатских странах социалистической ориентации берет верх стремление к углублению политических и социально-экономических преобразований, крепнет решимость преодолеть существующие трудности; все чаще завершаются удачей поиски решения сложных проблем, возникших в национально-специфических условиях бывших поработанных стран.

В обстановке дальнейшего продвижения по пути социалистической ориентации и как следствие обострения классовой борьбы чрезвычайно важное значение имеет единство всех антиимпериалистических, прогрессивных сил. В особенности это касается коммунистов и революционных демократов, представляющих собой наиболее передовые силы нации и олицетворяющих, по сути дела, союз между пролетарской и мелкобуржуазной демократиями. Прошедшие годы убедительно показали, что отсутствие или нарушение единства рядов прогрессивных сил грозит поражением национально-демократической революции.

Не меньшее значение имеет упрочение союза стран, избравших социалистическую перспективу, с мировым социализмом. Вопреки империалистическим пронкам дружественные отношения между СССР, социалистической системой, с одной стороны, и молодыми странами некапиталистического пути развития — с другой, становятся все более прочными.

Страны социалистической ориентации успешно продвигаются в направлении общей для всего человечества перспективы — к социализму.

ГЛАВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Политическая организация общества в странах Азии и Африки претерпела значительные изменения в 60—70-е годы. Крупные сдвиги произошли в базе и надстройке Бирмы, Алжира, Афганистана, Эфиопии, Южного Йемена, Ливии, Сирии, Анголы, Мозамбика и других стран. Только в 1973—1976 гг. решающие, исторически переломные изменения произошли в судьбе, например, народов Индокитая и бывших португальских колоний, окончательно избавившихся от гнета империализма и приступивших к строительству новой жизни и совершенно новой (в некоторых из этих стран, например в португалоязычных, ранее вообще не существовавшей) государственности. Повсюду в современной общественной структуре трудно признать ту, которая существовала одно или два десятилетия назад. Даже там, где организация постколониального общества обнаружила значительную тенденцию к устойчивости, серьезную эволюцию претерпели партийная система, многие политические и государственные структуры, возникли новые, «дополнительные» центры влияния и власти.

Самая общая черта политической организации постколониального общества — ее переходный, нередко противоречивый характер. В условиях многоукладности и соответствующего ей многообразия промежуточных классов и слоев процессы, протекающие в надстройке, отражают всю сложность и противоречивость базисных отношений, их переплетения с комплексом многообразных социальных связей. Пока существует множественность типов отношений между людьми, пока более современные связи не одержали верх над традиционными, будет сохраняться основа неустойчивости всей общественной организации, надстройка будет подвергаться изменениям и потрясениям. Вместе с тем процессы изменения надстройки различны в каждой из трех групп стран Востока: вступивших на путь капитализма, избравших социалистическую ориентацию и еще не окончательно определивших свой путь развития. Но общая черта этих стран — многоукладность базиса — определяет и значительное сходство важнейших элементов политической орга-

низации общества: государственного аппарата, партий, других массовых организаций, а также принципов их функционирования. Чтобы показать, как «взаимодействуют» эти элементы, необходимо обратиться к еще одной категории — политическому режиму. Последний представляет собой форму организации власти и совокупность методов руководства обществом в данной стране. Речь идет не о вопросах чисто правового характера, как-то: форма государственного устройства, характер конституции и т. п., а о проблемах той реальной политической организации общества, которая функционирует независимо от формальных учреждений и законов, а нередко и в явном противоречии с ними.

Изменения в аппарате управления

Политико-административная структура молодых государств Востока теснейшим образом связана с их классовой основой. Независимо от своего происхождения чиновничество служит классу (или коалиции классов), стоящему у власти. Однако политическая нестабильность, борьба и соперничество социальных ориентаций внутри правящих групп, эклектичность противоречивость и продолжающаяся эволюция официальных концепций государства создают в Азии и Африке особые, отличные от известных в Европе формы зависимости политических лидеров от профессионального чиновничества. Служащие государственного аппарата в афро-азиатских странах занимают специфическое положение в системе социальных связей и политического управления, фильтруя решения правительства и имея возможность тормозить (иногда проваливать) или ускорять их реализацию. Они не статисты, а «актеры и даже (в высших звеньях этого „театра“) режиссеры, действующие в пределах данного сюжета, но трактующие его сообразно своим представлениям, вкусам и интересам, своей манере игры»¹.

В ряде стран Востока прежняя колониальная администрация, особенно там, где шла длительная массовая (вооруженная или хорошо организованная политически) борьба за независимость, развалилась или была фактически ликвидирована путем последовательных реформ и чистки. Например, в Тунисе уже через три месяца после провозглашения независимости почти две трети чиновников прежнего аппарата были заменены в основном активистами пришедшей к власти партии «Новый Дустур» (с 1964 г. — Дустуровской социалистической партии)². В государственном аппарате Алжира в 1963 г. на 22 182

¹ Л. И. Селезнев. Аппарат государственного управления и пути развития освободившихся стран. — «Вестник ЛГУ», 1971, № 17, вып. 3, с. 78.

² Н. А. Иванов. Современный Тунис. М., 1959, с. 92.

старых чиновника приходилось 34 097 активистов-патриотов³. Но такие случаи были не правилом, а скорее исключением.

Большинство стран современного Востока унаследовали бюрократический аппарат колониальной эпохи, который был интегрирован в надстройку национального государства. Несмотря на различия в путях этой интеграции, практически везде буквально на другой день после провозглашения независимости бывшие колониальные службы и институты вместе со своим персоналом стали достоянием суверенной власти. Так было в Индии и Индонезии, в Пакистане и Малайзии, в Сирии и Судане, во многих других государствах Азии и Северной Африки. В ряде случаев национальные правительства шли даже на сохранение бывших колониальных ведомств и учреждений. Даже там, где государственный аппарат формально создавался заново, действовал он во многом по-старому. Лишь в конце 60-х годов, когда с началом радикальных преобразований общества перед ним встали новые задачи, эволюционная трансформация государственного аппарата кое-где стала принимать характер его коренной ломки.

Различные способы формирования нового аппарата молодых государств определялись различиями пути этих государств к независимости и социальной природы возникшей власти. Во многом на государственное строительство в Азии и Северной Африке повлияли исторически сложившиеся традиции ранее проводимой колониальной политики; преимущественно «прямого управления» (в колониях Франции) и «косвенного» (в английских владениях). Но помимо различий имело место и сходство.

Для многих бывших колоний в Азии общим моментом в истории формирования национального государственного аппарата была его органическая связь с таким институтом колониальной эпохи, как гражданская служба — «сивил сервис». Колонизаторы рассматривали ее в качестве инструмента своего управления. Если в конце XIX — начале XX в. контингент этого узкого, элитарного института укомплектовывался преимущественно европейцами, то ко времени второй мировой войны в него были допущены представители местного населения, занимавшие иногда весьма высокие посты. Каково было соотношение местных и европейских чиновников в «сивил сервис» азиатских колоний Великобритании, дает представление табл. 16.

Везде, кроме Шри Ланки, английские чиновники составляли большинство. Однако процент национальных кадров был также значителен. В отдельных случаях местные бюрократы высшего эшелона составляли намного более половины персонала «сивил сервис». Таким образом, была подготовлена значительная группа местных администраторов «широкого про-

³ G. Chaliand, *L'Algérie est-elle socialiste*. P., 1964, с. 89.

Таблица 16

Численность чиновников гражданской службы в азиатских колониях Великобритании накануне провозглашения независимости*

Страна	Число чиновников		Всего чиновников	Процент английских чиновников
	местных	английских		
Индия	549	608	1157	52,6
Пакистан				
Шри Ланка	137	32	169	18,9
Малайя	103	202	305	66,2
Бирма	64	81	145	55,9

* Asian Bureaucratic Systems Emergent From the British Imperial Tradition, Durham, 1966, с. 645.

филя», которые в перспективе могли продолжать исполнять свои функции после ухода колонизаторов. Их отличали, во-первых, привилегированное аристократическое или буржуазно-помещичье происхождение, а во-вторых, органическая связь с образом жизни и взглядами колонизаторов. Многие из участников «сивил сервис» Индии, Пакистана, Шри Ланки, Малайи, Бирмы учились в английских колледжах, были воспитаны в английских традициях, преклонялись перед западной цивилизацией, а нередко практически забывали родной язык и культуру. Тесно были связаны с колонизаторами бюрократы голландской гражданской службы («памонг праджа») в Индонезии. Некоторые ее представители из индонезийцев даже после провозглашения независимости остались верны колонизаторам.

В Индии, Пакистане и Индонезии, Малайзии и Судане, Иордании и Ливане, Марокко и Сирии в первые годы после освобождения правящие круги не мыслили себе формирование аппарата государства иначе, как путем самого широкого использования в управлении «национализированных» колониальных институтов, делали все от них зависящее, чтобы укрепить старую государственную машину, не допустить ее развала.

Кроме того, всякие реформы бывшего колониального аппарата или тем более создание нового, соответствующего нуждам национального государства объективно были невозможны. Для этого требовались время и соответствующие внутренние условия. За неимением лучших инструментов власти местные правительства широко использовали институты колониального управления, тем более что «сивил сервис», бывшие колониальные войска, полиция, судебные органы обладали необходимым опытом и кадрами, без которых не могли обойтись местные правящие классы. В условиях, когда территории одной страны (например, Индонезии) были отделены друг от друга десятками

и даже тысячами километров, «сивил сервис» явилась фактически единственным инструментом их объединения.

Гражданская служба стала могучим инструментом сохранения духа и традиций колониальной эпохи в рядах профессиональной бюрократии. Это обстоятельство чрезвычайно важно, если учесть, что «при частой смене политических лидеров и общей политической нестабильности... высшие чиновники государственного аппарата действительно выступают в качестве реальной стабильной власти, не затрагиваемой верхушечными политическими колебаниями и изменениями. В их руках все нити управления, знание условий и возможностей, опыт руководства, находящийся в строго иерархической подчиненности персонал исполнителей»⁴.

Во многих государствах Азии по-прежнему велика роль подготовленного колонизаторами высшего чиновничества. В 60-е годы бывшие чиновники Индийской гражданской службы занимали в Пакистане более трети постов в секретариате центрального правительства; они составляли 83% в секретариатах центральных министерств и в секретариате президента страны. Из 23 министерств Индии в 19 должности секретарей министров занимали бывшие чиновники Индийской гражданской службы⁵. Исключительно велика была их роль в центральных правительственных службах Малайи и Шри Ланки. В условиях господства чиновничьей иерархии колониальных времен высшие чиновники задают тон в работе всей административной машины, насаждают слепое повиновение, апатизм и пассивность персонала. Нельзя не согласиться со следующим тезисом Г. И. Мирского: «После ухода колонизаторов бюрократия составила ядро новой элиты, у нее не было соперников. Как пролетариат, так и буржуазия ввиду своей слабости и малочисленности не могли претендовать на гегемонию в обществе, мелкая буржуазия распылена и политически неорганизована, крестьянство политически инертно, и, наконец, молодая радикальная интеллигенция не обладала ни реальными позициями, ни — после ликвидации господства колонизаторов — эффективными, мобилизующими массы лозунгами. Бюрократический аппарат чувствовал себя хозяином положения»⁶.

Другой важной причиной сохранения колониального духа в административном аппарате молодого государства было закрепление многих административных постов за вчерашними колонизаторами. Даже в государственном аппарате Алжира в 1963 г. на 56 279 алжирцев (в том числе чиновников старой школы) приходилось 13 729 иностранных, преимущественно

⁴ Л. И. Селезнева, Аппарат государственного управления..., с. 78.

⁵ Asian Bureaucratic Systems Emergent From the British Imperial Tradition, Durham, 1966, с. 146, 248.

⁶ Г. И. Мирский, «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976, с. 246.

французских, экспертов⁷. А это означало сохранение прежних административных порядков и норм, общего стиля колониальной бюрократической службы. О масштабе английского влияния на аппарат ряда государств в первые годы после провозглашения независимости см. табл. 17.

Таблица 17

Численность чиновников гражданской службы в ряде государств в первые годы независимости*

Страна	Численность чиновников		Всего чиновников	Процент английских чиновников
	местных	английских		
Индия	418	33	451	7,3
Пакистан	96	50	146	34,2
Шри Ланка	137	32	169	18,9
Малайя	162	130	292	44,5
Бирма	53	0	53	0

* Asian Bureaucratic Systems Emergent From the British Imperial Tradition, с. 646.

Опыт создания государственного аппарата Индонезии также весьма показателен. Радикальный характер революции на первых этапах явился причиной падения влияния местных колониальных чиновников. Роль голландских администраторов была сведена на нет.

Однако «памонг праджа» продолжала существовать. Посты голландских чиновников заняли их воспитанники из средних звеньев чиновничества. Косвенное воздействие колониальной традиции на государственный аппарат республики даже усилилось после того, как в состав республиканской администрации вошло чиновничество из созданных голландцами в 1947—1948 гг. марионеточных государств-штатов.

Однако сохранение черт колониального аппарата в административной машине независимого государства — лишь одна из сторон его сложного бытия в постколониальном обществе. В классовом составе даже высшего чиновничества произошли важные изменения. В середине 60-х годов, например, около половины чиновников гражданской службы Пакистана происходили из семей среднего достатка, главным образом государственных служащих. Из них половина была связана с гораздо более зажиточными категориями населения. Буржуазно-предпринимательская прослойка составила около 20% кадров «сивил сервис»⁸. Огромный наплыв представителей средних слоев, мелкой буржуазии в государственный аппарат Индии, Индонезии, Пакистана и других стран весьма изменил социальное лицо низших, средних и даже высших звеньев чиновничества.

⁷ G. Chaliand, L'Algerie est-elle socialiste, с. 89.

⁸ Asian Bureaucratic Systems..., с. 153, 256, 278.

Рост управленческого аппарата повсюду происходит по мере возникновения ранее не существовавших административных служб — технических, сельскохозяйственных, медицинских, планирования и многих других. Их комплектование требует новых кадров, расширения системы образования, изменения ее профиля, приспособления к современным нуждам. Широкая общая «административная» специальность чиновников колониальной школы становится ныне препятствием в развитии активности и инициативы технических и прочих современных служб. Характер подготовки и профессиональные качества бывших колониальных чиновников зачастую не соответствуют новым задачам, выдвигаемым перед государством.

Отсюда — постоянные попытки реорганизации, кампании чистки и борьбы с коррупцией. Однобокая ориентация на бывшие метрополии становится все менее популярной. В Индии, Индонезии, Пакистане, Марокко и ряде других государств правящие круги открыли путь к насаждению новых административных норм и порядков, инициатором введения которых были США, международные организации. В соответствии с «Программой технической помощи ООН», а также Агентством международного развития США и Фондом Форда с 1952 по 1962 г. было истрачено по меньшей мере четверть миллиарда долларов на «административную модернизацию», поддержку местных, готовящих административный персонал 75 учебных заведений и непосредственную подготовку не менее 7 тыс. чиновников для развивающихся стран. Если же учесть расходы капиталистических государств по подготовке персонала для осуществления программ развития сельского хозяйства, общего образования и др., то, как утверждают западные авторы, указанная выше сумма возрастает вдвое⁹.

Однако проимпериалистическим тенденциям противостоят широко распространенный в Азии и Африке антиимпериализм. Национально-освободительная борьба оказывает мощное воздействие на чиновничество. Еще в колониальный период политизации подверглись его низшие и средние звенья. Из его рядов вышло немало деятелей антиимпериалистического движения. Даже некоторые представители гражданской службы в Индонезии, Малайзии, Пакистане и других странах поднялись выше кастового сознания колониального чиновничества, хотя в своей практической деятельности они так навсегда и остались консерваторами, сторонниками административно-бюрократических методов управления.

Особенно интенсивно политизация государственного аппарата протекает в период независимости. Средние и низшие чиновники привносят в него ценности и представления тех классов, из которых они вышли. Партии и профсоюзы оказывают неви-

⁹ Там же, с. 4.

данно широкое воздействие на государственных служащих, вовлекая их в свои ряды, прививая им классовое и политическое сознание. Несмотря на категорические запреты властей заниматься политической деятельностью, повсюду непривилегированная часть чиновничества участвует в забастовках, демонстрациях, митингах и других подобных акциях. Ее протест бывает направлен не только против правящих классов, но также против высшей бюрократии. Средние и низшие категории чиновничества рассматривают ее в качестве силы, которая стоит на страже интересов (нередко является частью) имущей верхушки. Огромные оклады чиновничьих верхов иногда в сотни раз превосходят заработную плату низших служащих, а тем более рабочих. В Индии разрыв между официальным уровнем окладов высших чиновников и средней зарплатой рабочих-текстильщиков возрос с 70—80 раз в конце 40-х годов до 240—250 раз в конце 50-х годов, в Гане средняя зарплата рабочего или сельского учителя в 70—100 раз ниже оклада министра. «Для верхних категорий технократической служба в хозяйственно-управленческом аппарате становится нередко своеобразной формой раннекапиталистического накопления»¹⁰. Для них обычным становится получение в 15—20 местах высоких должностных окладов, в 10—15 раз превышающих жалование младших служащих. «Стереотипы социального мышления и поведения технократии во многом определяются ее близостью (а иногда и сращиванием) с управленческой верхушкой частного бизнеса»¹¹. Сотни менеджеров государственного сектора в Турции, Пакистане, Малайзии, Тунисе, на Филиппинах являются на деле представителями крупного частного капитала.

У рядовых служащих мало (или вовсе нет ничего) общего с высшими чинами технократии, нередко представляющими собой «сливки» коррумпированной бюрократической буржуазии или просто делегатов буржуазии в государственном аппарате. Огромная разница в материальном положении высших и низших чиновников — отражение в рамках бюрократического института того неравенства, которое существует в обществе. Оно усугубляется протестом против самой обстановки в бюрократическом учреждении с его иерархией, рабоподобным подчинением нижестоящих вышестоящим, зависимостью от «босса», подхалимством, взяточничеством, коррупцией. Против этих пороков выступают широкие слои служащих, рабочего класса, интеллигенции, требующие демократизации государственного аппарата.

Недовольство высшим чиновничеством проявляют и категории чиновников, связанных с функциональными службами — инженерно-техническими, сельскохозяйственными и др. Их тя-

¹⁰ В. Ф. Ли. О бюрократической буржуазии в странах Азии и Африки. «Азия и Африка сегодня», 1975, № 4, с. 25.

¹¹ Там же.

готовит подчинение бюрократам старой школы, которых они считают малокомпетентными в специальных областях. Но конфликт старых бюрократов и лучше подготовленных «технократов» скорее представляет собой реакцию более современной буржуазной элиты на непрофессиональное вмешательство в сферу ее компетенции. Начавшись в середине 60-х годов в Пакистане, этот конфликт ныне стал почти повсеместным.

Правящие круги большинства государств искусственно сохраняют элитный характер бюрократии старой школы. Несмотря на критику в ее адрес, ни одно буржуазное правительство, даже относительно радикальное, не пошло на ее объединение и уравнение в правах и обязанностях с другими службами. Национальные лидеры сами заинтересованы в сохранении кастового института гражданской службы, который играет роль «общей канцелярии», занимающейся делами имущих классов. Его ликвидация могла бы привести к распылению централизованной бюрократической власти и влияния буржуазных правительств в министерствах, находящихся нередко под контролем различных политических партий.

Приспособление старого аппарата к новым задачам экономического и социального развития происходит с огромными трудностями. Во многих странах процесс адаптации чиновничества к новым задачам принял затяжную, болезненную форму. Он сопровождался загниванием аппарата власти, его деградацией.

Высшее чиновничество традиционного типа стоит за максимальную централизацию исполнительных функций в различных областях, пытается сосредоточить в своих руках необъятную власть. Особое положение некоторых министерств и служб открывает перед правительственными чиновниками широкие возможности контроля над всеми остальными государственными организациями и учреждениями.

Кроме того, расширение различного рода институтов и создание новых государственных органов, занимающихся специальными вопросами, порождают противоположную тенденцию, выразившуюся в стремлении части государственных чиновников децентрализовать аппарат, повысить его гибкость и оперативность, приблизить к жизни отдельных районов. Носителями этих настроений являются так называемые технократы, связанные с современными буржуазными классами.

Рост буржуазной технократической прослойки среди чиновничества, усиление конкуренции с его стороны заставляют чиновников старой школы пересматривать прежние формы административной деятельности. После переподготовки в своей стране и за границей часть из них смогла вполне идти в ногу со временем. В колледжах и академиях по подготовке чиновников «широкого профиля» ныне введены новые предметы — экономика, политические дисциплины. Государство заботится о

том, чтобы процесс эволюционных изменений в чиновничьей среде прошел по возможности гладко и не затронул основ существующей административной машины.

Общей чертой эволюции государственного аппарата бывших колоний и зависимых стран являются усиление в нем коррупции, увеличение неэффективности, разбухание штатов. В 1969 г. число чиновников в Индии достигало 9271 тыс., в Пакистане — 995 тыс., в Шри Ланке — 286 тыс., в Малайзии — 94 тыс., в Бирме — около 300 тыс. человек¹². В Марокко к середине 60-х годов вся масса госбюрократии в 1,5 раза превосходила по численности кадровый пролетариат страны¹³. В течение первых пяти лет существования Республики Индонезии численность ее аппарата возросла в 4 раза — до 600 тыс. чиновников по сравнению со 150 тыс. накануне второй мировой войны¹⁴. В дальнейшем его численность продолжала стремительно возрастать. Если же принять во внимание численность вооруженных сил, в ряде стран весьма значительную, станет очевидной действительная величина и громоздкость бюрократической машины. Разбухание аппарата сопровождается падением его эффективности, снижением общей квалификации служащих.

Попытки правящих кругов стран некапиталистического развития преодолеть традиционные пороки бюрократии пока дают лишь временный эффект. Опыт показывает, насколько ограничены и бесперспективны чисто административные методы борьбы против них. Дело в том, что подобные меры не подрывают корней самой системы, порождающей эти пороки. Причины слабой эффективности аппарата — засилье взяточничества, родственных связей, волокиты, коррупции — лежат за пределами государственной машины. Не случайно прогрессивные революционные режимы рассматривают процесс радикальной реорганизации старого аппарата как составную часть преобразования общественных отношений (в этом плане весьма показателен опыт Революционного совета Бирмы в 1962—1970 гг.).

Особый характер имеет эволюция старого государственного аппарата в странах с монархическим правлением, где разложение феодально-патриархальных форм и зарождение капиталистических отношений ведут к тому, что освященные властью монарха институты — чиновничество и армия — также превращаются в более современные. В консервативных кругах родовой аристократии появились люди, чувствующие необходимость перемен. Но с самого начала они стремятся поставить под традиционный феодальный контроль мероприятия буржуазного характера, пытаются в известном смысле приспособить модернизацию госаппарата к архаизму господствующих феодальных

¹² Asian Bureaucratic Systems..., с. 648—649.

¹³ В. Ф. Ли. О бюрократической буржуазии в странах Азии и Африки, с. 25.

¹⁴ Major Governments of Asia. N.Y., 1965, с. 580.

отношений и тем самым сохранить монархический строй в абсолютистском или конституционном обличье. Весьма ловкое лавирование «просвещенных» феодальных правителей между новым и старым тем не менее имеет своим объективным итогом рост чисто буржуазных тенденций в таких странах, как, например, Иордания, Саудовская Аравия, Марокко. Бюрократический аппарат монархии постепенно приспосабливается к требованиям буржуазии, но осуществляют этот процесс обычно сам монарх, деятели его окружения, связанные узами кровного родства, традиций, принадлежностью к правящей олигархии. Естественно поэтому, что высшие звенья государственного аппарата не претерпевают радикальных изменений. История многих монархий в послевоенный период свидетельствует о том, что уже в недрах старого аппарата вызревают новые социальные силы, требующие перемен. Таков объективный итог внутренней эволюции феодально-монархического строя в современную эпоху. Наиболее яркие примеры — события 1974 г. в Эфиопии, где задержка реформ сверху привела к революционному взрыву снизу, демократическая революция 1978 г. в Афганистане, иранская революция 1978—1979 гг. В еще уцелевших монархиях скорость изменений в бюрократическом аппарате зависит от степени давления современных классовых сил, а также от гибкости правящих кругов в осуществлении назревших реформ. Но как правило, нигде феодальные правители не идут на подлинный разрыв с господствующими традиционными порядками. Слом бюрократического аппарата может осуществить только революционная сила. Во многих странах Ближнего Востока ею стала «военная» часть государственного аппарата — армия.

Офицеры и генералы давно уже подчиняют себе штатских чиновников и гражданских политиков во многих странах, таких, как Индонезия, Ливия, Нигерия и др. В Индонезии, например, они заняли в 1966 г. 12 постов министров (из 24) и 11 генеральных секретарей департаментов (из 20). При этом в целом среди индонезийского генералитета и старших офицеров выходцев из феодально-буржуазной среды и бюрократии было в 2 раза больше, чем их коллег мелкобуржуазно-крестьянского происхождения, а в Таиланде в конце 60-х годов — в 17 раз больше¹⁵. В данных случаях армия приблизительно была тем, что называют «зеркалом общества», и превалирование в рядах ее командования представителей эксплуататоров говорило лишь об интеграции армии в структуру профессиональной бюрократии госаппарата. Однако на рубеже 60—70-х годов (а в ряде стран, таких, как Сирия и Ирак, гораздо раньше, еще в 50-е годы) армия либо начинает играть особую роль в госаппа-

¹⁵ В. Ф. Ли. О бюрократической буржуазии в странах Азии и Африки, с. 26.

парате, либо, занимая революционную позицию, вовсе отмежевывается от него.

В основе антиимпериалистических и антифеодальных «военных» революций — классовые сдвиги в социальном составе офицерства, проникновение в его среду революционной националистической идеологии. В общем это часть процесса проникновения в государственный аппарат взглядов и концепций поднимающихся классов, а именно национальной и мелкой буржуазии, из которых во всевозрастающем количестве рекрутировались новые кадры в ряды служащих. Однако важной особенностью военных было то, что в отличие от всех других категорий чиновничества они получали в руки оружие. Их протест против существующего строя мог быть вооруженным протестом.

Особое значение проблемы государственного аппарата приобретают на этапе перехода от буржуазно-демократических преобразований к реформам некапиталистического характера. Опыт ряда стран показывает, что именно на этом этапе в работе бюрократической машины обнаруживаются наиболее серьезные перебои, буржуазные элементы в рядах чиновничества пытаются затормозить проведение прогрессивных преобразований в аппарате и вне его. Возросшая во многих государствах Арабского Востока и в некоторых странах Азии прослойка менеджеров «технократии» стремится ограничить всю административную деятельность мероприятиями, не выходящими за рамки государственного капитализма. В то же время силы менее привилегированных категорий чиновничества, многочисленного и не связанного с аппаратом прежней власти, обычно недостаточны, чтобы давление снизу могло преодолеть влияние занимающих ключевые позиции чиновников «новой формации». В этих условиях огромное значение приобретает административная политика правящей власти, олицетворяемой высшим военным или гражданским руководством. Будет ли оно стремиться к подлинной демократизации аппарата, установлению контроля над «технократией» со стороны трудящихся и органов администрации или, наоборот, пойдет навстречу прослойке высшего чиновничества — от этого зависят в немалой степени как быстрота реализации прогрессивных преобразований, так и их эффективность.

Существует еще одна опасность для прогрессивных режимов: вызванное объективными причинами расширения хозяйственного механизма увеличение числа различных государственных служб ведет к возрастанию численности чиновничества, бюрократизации жизни страны. Административный аппарат отчуждает в свою пользу новые группы общественных интересов, имеет тенденцию к «отрыву» от общества. В этих условиях всевластие чиновничества становится особенно опасным. Ослабление контроля над ним со стороны политического руководства

может привести к тому, что новоявленные чиновники попробуют привести свой новый административный статус в соответствии с имущественным. Так на стыке государственного аппарата и частного сектора возникает новый тип чиновника, совмещающего государственную службу с участием в деловых операциях и махинациях. Его принято именовать капиталистом-бюрократом. В ряде стран именно эти люди оказались у власти. В одном лице они совмещают политические, бюрократические и частно-деловые функции, как это, например, имело место в Таиланде и Индонезии на рубеже 60—70-х годов. Не застрахован от опасности буржуазно-бюрократического перерождения любой революционный режим. Поэтому по-прежнему настоятельным требованием широкого движения трудящихся классов являются демократизация аппарата управления, последовательное выкорчевывание всех его традиционных зол, борьба против бюрократической буржуазии.

Особенности партий

Партии стран Азии и Африки, явившись формой современной политической организации преимущественно новых классов восточного общества — буржуазии, пролетариата, мелкобуржуазных сил, прошли исторический путь в своем развитии. С самого начала их активность была стеснена жесткими рамками колониальных режимов, что не только вызывало значительные деформации в возникавшей национальной партийной системе, но и нередко приводило к ее удушению. Однако многим буржуазно-национальным партиям удалось не только пройти через испытания и трудности, но и сохранить свою организацию вплоть до завоевания независимости. В большинстве стран Азии и Африки крупные партии представляли собой широкие и несколько аморфные союзы, объединявшие представителей самых различных социальных сил — от помещиков и национальной буржуазии до революционной мелкой буржуазии и пролетариата. По мере того как общий лозунг независимости терял свою сплачивающую силу, а различные классы стремились вложить в него вполне определенное социальное содержание, в этих партиях происходили размежевание и раскол. Так, распались Вафд в Египте (в 50-е годы), «Истикляль» в Марокко (в 60-е годы) и некоторые другие «общенациональные» партии социально-коалиционного типа. Опыт политического развития в Индии, Пакистане, Бирме и ряде других стран показывает, что формирование многопартийных систем в них шло главным образом за счет «деления» и «дробления» крупных партий, имевших характер национального фронта. В других государствах Востока воссозданные или созданные заново организации возникли как вполне самостоятельные. Такова история большин-

ства индонезийских, малайзийских и некоторых других партий.

Особенностью процесса становления партийных систем в странах Азии и Африки было то, что в одних странах бывшая «общенациональная» партия в целом сохранила доминирующее влияние на жизнь страны, а в других — потеряла его безвозвратно. Авторитетнейшие буржуазные и буржуазно-помещичьи партии — Мусульманская лига Пакистана, индонезийская Машуми и др. — рушились, а если и были воссозданы впоследствии, то без прежнего влияния. В то же время такие организации, как Индийский национальный конгресс, «Новый Дустур», крупные филиппинские партии, обнаружили тенденцию к устойчивости в течение нескольких десятилетий, справившись с периодически возникавшими в их рядах расколами и фракционными течениями.

Слабость и сила политических партий объясняются как общими, так и специфическими причинами. Важнейшая причина слабости большинства партий Востока заключается в молодости и неразвитости современных классов. Они пока только формируются и далеко не набрали той силы и того влияния, какими обладает, например, буржуазия в Индии, на Филиппинах, в Турции и некоторых других государствах. Наличие многочисленных прослоек и групп переходного типа в условиях многоукладности общества стало одной из причин «дробности» партийной системы в таких мелкобуржуазных странах, как Индонезия и Бирма. Для Индонезии был характерным процесс «деления» в партиях даже после того, как определились наиболее сильные из них. Национальная партия Индонезии и Машуми пережили немало расколов, приводивших к выходу из них групп и фракций, обычно оформлявшихся в самостоятельные организации. Ни одна буржуазная партия не нашла в себе сил для консолидации. Различные группировки и прослойки в рядах национальной буржуазии предпочитали иметь собственную партию. Аналогичный процесс протекал также в Бирме, где буржуазия так и не смогла предотвратить окончательного раскола в организации типа национального фронта — эволюционировавшей в буржуазном направлении Антифашистской лиге народной свободы.

Важная причина слабости большинства буржуазных и буржуазно-помещичьих партий заключается в ограниченности, неустойчивости и аморфности их социальной базы. Наиболее сознательные и активные их сторонники находятся в городах. Они представлены главным образом выходцами из имущих слоев. Члены «статисты» из городского плебса, используемые партийным руководством в демонстрациях и митингах, не являются надежной опорой организации. Хотя кандидаты партии на выборах могут получать голоса десятков и даже сотен тысяч избирателей, это еще не говорит о том, что народ сознательно голосует за них. Массовая поддержка партий обычно достига-

ется за счет сельского населения, а здесь действуют иные «политические» нормы, чем в городе. Помещичьи и клерикальные круги, деревенская администрация организуют процедуру выборов и других подобных кампаний таким образом, что она фактически не выходит за рамки традиционалистских отношений. Партии дают взятки сельским старостам, чтобы они организовали голосование местных жителей в пользу того или иного кандидата. В избирательной кампании широко участвуют мусульманские, буддийские и прочие священнослужители, вызывающие к религиозным чувствам избирателей, требующие от них голосовать в пользу той или иной религиозной и даже светской организации. Зависимое от помещика, ростовщика, кулака крестьянство делает вынужденный «политический выбор» под сильнейшим нажимом этих сил.

Однако обратный эффект широкого использования традиционалистских отношений заключается в том, что партии фактически лишаются прочных, глубоких корней в обществе, их влияние подчас эфемерно. Речь идет в первую очередь о тех организациях, которые выражают интересы буржуазно-помещичьих сил. Их «массовые» члены, в том числе из рядов сельской буржуазии, обычно бывают нужны, так сказать, для представительства. Они не оказывают влияния на политику партии. В этих условиях ее внутренняя жизнь все более вырождается в конкуренцию клик и кланов в партийном руководстве. Партии становятся игрушкой в руках честолюбивых политиков. Каждый из них старается собрать как можно больше сторонников на основе принципа личной преданности. Нередко новые партии создаются «сверху», из числа участников буржуазных законодательных органов. Они даже не нуждаются в массовом членстве для представительства. Сначала с учетом социального статуса и престижа избираются депутаты в избирательных округах, а затем они создают «партию» из себе подобных депутатов. В действительности это не партии, а скорее группы, «близко напоминающие политические клики, хунты, фракции и фамильные кланы, которые господствовали в европейской и американской политике в XVIII в.»¹⁶. Не удивительно, что партийная система разбухает за счет новых и новых организаций и псевдоорганизаций, а параллельно этому возрастает ее неэффективность как важнейшего механизма регулирования политической жизни общества.

Нередко свою политическую слабость и маловлиятельность отдельные партии и лидеры пытаются компенсировать сколачиванием собственных вооруженных сил в замаскированной или открытой форме (Индия, Ливан, Филиппины, Бирма). Иногда наличие таких сил является следствием давней исторической традиции противоборства национально-этнических или религи-

¹⁶ Asian Bureaucratic Systems... с. 414, 430.

озных групп в данной стране. Обычно эти группы создают свою партию, объединенную вокруг какой-либо влиятельной личности. Таковы партии некоторых этнических общин Индии, Юго-Восточной Азии, Африки, в Ливане — партия «Аль-Катаиб» («Фаланги») клана Жмайелей, влиятельная среди христиан-маронитов. В Алжире в 1963—1965 гг. антиправительственный регионализм кабиллов пытался разжечь «Фронт социалистических сил» Хосина Айт Ахмеда, а в 1967—1970 гг. — «Движение за демократическое обновление» Белькасема Крима. Партию «Аль-Умма», довольно влиятельную до 1970 г. в Судане, возглавляло издавна семейство аль-Махди, опиравшееся на секту ансаров, т. е. приверженцев махдизма. Все эти партии, как и многие другие, имели свои вооруженные силы (ливанские фалангисты — даже танки и артиллерию, поставляемые с 1976 г. из Израиля).

Классовый характер существующих буржуазных и буржуазно-помещичьих партий предопределил их внутреннее строение, принципы организации, нормы партийной жизни. Использование «массовых» членов в целях представительства ведет к тому, что в рядах организации может оказаться всякий, кто готов поддержать ее в период различных общенациональных кампаний. Чтобы состоять в такой партии, не требуется заявления, кандидатского стажа, нередко уплаты членских взносов. В ней фактически не существует своей внутренней жизни, обсуждения и критики программы рядовыми членами и даже средними звеньями партийного руководства. Лидеры организации стремятся назначить на ответственные посты не единомышленников, а платных чиновников, задача которых — поддерживать существование формальной партийной иерархии. Только с началом избирательной кампании, т. е. политической борьбы за парламентские кресла, портфели министров и т. д., партийный механизм начинает работать на полных оборотах. В странах Азии и Африки, ориентирующихся на капитализм, мелкобуржуазная партия редко становится реальной силой в национальной политике. Руководимая мелкобуржуазной интеллигенцией, она обычно малочисленна и маловлиятельна. Ее радикальные программы нередко бывают заполнены демагогическими, чисто декларативными лозунгами. По мере того как часть членов достигает своих целей в партии, она нередко выходит из нее. В этом отношении весьма показательна история индонезийской партии «Мурба» («Пролетариат»), ряда мелких националистических партий Ближнего Востока. Если в период антиимпериалистической борьбы они были весьма активны, то в годы независимого развития оказались в состоянии разброда и разложения.

Опыт развития ряда буржуазных, буржуазно-помещичьих и мелкобуржуазных партий показывает, что их органическая слабость — стремление руководства использовать организацию

прежде всего в интересах ничтожного меньшинства из имущих классов. Партия становится игрушкой корыстолюбивых политиканов, никак не реагирует на классовые сдвиги в обществе, остается закрытой для общественных влияний. Все это ведет к ее загниванию, застою, а нередко к развалу. Достаточно одного удара, чтобы состоящая из таких организаций партийная система рухнула, как это имело место в 1958 г. в Пакистане, в 1962 г. в Бирме, в первой половине 70-х годов в некоторых государствах Африки.

На фоне этого кризиса политических структур долговечностью и относительной устойчивостью поражают партии, которые выдержали испытание временем и до сих пор сосредоточивают в своих руках руководство целыми странами. Нередко силу таких партий объясняют характером их организации, дисциплиной, массовостью, обладанием развитой системы профсоюзных, крестьянских, молодежных и прочих организаций, наконец, материальной силой класса, который они представляют. Нельзя, например, отрицать того, что относительная мощь Индийского национального конгресса (до 1975—1977 гг.) объяснялась именно этими факторами, а также наличием такой своеобразной организации, как конгрессистские волонтеры, и выплатой в казну партии 80% всех финансовых дотаций частного капитала, получаемых основными буржуазными партиями Индии¹⁷.

Но ни характер организации, ни влияние в ней опытного, признанного лидера, ни структура партии не могут служить первопричиной ее силы и веса в обществе. Действительно, такие партии, как Мусульманская лига или Вафд, имели и деньги, и массовую базу, и исторических лидеров. То же можно сказать и о некоторых мелкобуржуазных организациях, которые даже обладали своими вооруженными частями в период борьбы за независимость, например «Мурба» в Индонезии. Разветвленную тайную организацию, отличающуюся высокой дисциплиной, имели до середины 60-х годов экстремистские организации типа Ассоциации братьев-мусульман в Египте, Сирии и некоторых других арабских странах (в 70-е годы эти организации возродились и пытаются распространить свою деятельность на те страны, где их раньше не было, например на Ливию и Алжир). В современной Индии, Пакистане, Бангладеш (особенно после 1973 г.) и ряде других государств коммуналистские партии располагают вымуштрованными отрядами фанатиков, проходящих специальную полувоенную подготовку и готовых на все.

Опыт, однако, показывает, что подобного рода «материальной» силы той или иной партии явно не хватает, чтобы добиться успеха. Экстремисты и фанатики сплошь и рядом терпят

¹⁷ «МЭ и МО», 1969, № 10, с. 90.

поражения в силу недальновидной стратегии, тактической негибкости, неумения и нежелания считаться с требованиями объективно складывающейся обстановки. В этом их обычно превосходили и превосходят «умеренные», «гражданские» и «светские» политики.

С начала 50-х годов в крупнейшей партии Индии происходила борьба между ее так называемыми «правительственным» и «организационным» крылом. Последнее было представлено в основном лидерами из местных организаций Индийского национального конгресса в штатах. Они вели настойчивое наступление на центральное руководство, были энергичны при выборах в местные и центральные органы партии, старались учитывать «местные, общинные и аграрные нужды»¹⁸. Вместе с тем на социально-политический курс Конгресса влияли самые разные силы: помещики, торговцы, зажиточные крестьяне, а также трудовые слои деревни и городские рабочие, что обусловило противоречивость и непоследовательность политики Конгресса¹⁹.

За годы независимости в составе основной массы конгрессистских деятелей в центре и на местах произошли важные сдвиги. Если в прошлом во главе партийной организации в деревне были главным образом выходцы из высших каст, и прежде всего брахманы, то с введением в стране всеобщего избирательного права поднялось влияние предприимчивых дельцов из торговых каст и крестьян-собственников. Как указывает Т. Ф. Девяткина, принадлежность к правящей партии давала определенные преимущества, что побуждало вступать в нее деловую и наиболее предприимчивую часть населения²⁰. Изменениям в кастовом составе конгрессистских деятелей соответствовали сдвиги в социальной организации партии, в ее руководящих органах.

Ориентация лидеров Конгресса на новые, нарождающиеся группы буржуазии, прежде всего сельской, сказалась на составе ее органов. Так, две трети членов парламентской фракции партии, опрошенные в 1960 г., по роду занятий распределялись следующим образом²¹:

Партийные и профсоюзные функционеры	58
Люди умственного труда	66
В том числе юристы	50
Занятые в сельском хозяйстве	54
Бизнесмены	20
Прочие	13

¹⁸ S. Huntington. Political Order in Changing Societies. New Haven — London, 1969, с. 446.

¹⁹ А. И. Регинин. Индийский национальный конгресс. М., 1978, с. 10.

²⁰ Т. Ф. Девяткина. Индийский национальный конгресс. М., 1966, с. 70—71.

²¹ Там же, с. 67.

Весьма высокий процент деятелей, связанных с сельским хозяйством, свидетельствовал о том, что Конгресс отражал в своем составе и в своей политике интересы новых буржуазных слоев. В этом была его сила. Партия и после независимости осталась открытой для общественных влияний, она смогла учесть интересы новых имущих групп. Поэтому расколы, выход целых фракций и организаций, влиятельнейших лидеров долгое время (вплоть до выборов 1977 г.) не могли подорвать ее могущества. Характерно, что пришедший к власти в Индии в 1977 г. оппозиционный Конгрессу и очень многообразный политический блок, оформившийся вскоре в «Джаната парти», решил не отвергать с порога многие из политического наследия Конгресса. В конце 1979 г. Конгресс вернулся к власти.

Другим примером может служить опыт Малайзии, в которой правит не религиозно-общинная ультранационалистическая Панмалайская исламская партия, а так называемый Малайзийский альянс, или Союзная партия, объединяющая три различные организации — Объединенную малайскую национальную организацию, Китайский конгресс Малайзии, Индийский конгресс Малайзии. Казалось бы, в ней объединились весьма разнородные национально-буржуазные силы — обуржуазивающаяся малайская аристократия, торгово-промышленный китайский капитал, индийская буржуазия. Внутреннее строение партии аморфно. До недавнего времени каждая общинная партия сама принимала своих членов, которые автоматически становились членами альянса.

По сегодняшний день Союзная партия не является в полном смысле слова единой партией с централизованной организацией. Но как раз в этом заключена ее сила. Она олицетворяет буржуазный многонациональный союз, который сплачивает интересы имущих классов различных общин. В борьбе с левой оппозицией, в вопросе об отношении к профсоюзам она выступает единым фронтом. В вопросах, затрагивающих деловые интересы национальных групп буржуазии, механизм партии используется в качестве основного средства регулирования отношений и разрешения конфликтов путем компромиссов, взаимных уступок и т. д. Несмотря на значительные трения между руководителями партий — членов альянса, последний пережил не одно испытание и сохранил свою силу по настоящий день. Секрет его многолетнего существования заключается в том, что в Союзной партии оказались представлены интересы основных привилегированных групп малайзийского общества. Если организация перестанет в должной мере отражать чаяния восходящей малайской буржуазии или охранять позиции китайского капитала, ее развал неминуем.

Тунисская Дустуровская социалистическая партия (до 1964 г. — партия «Новый Дустур») до независимости представляла собой блок радикальных буржуазных, мелкобуржуазных

и даже полупролетарских сил. После завоевания суверенитета в партии постепенно одержало верх буржуазное крыло. Правда, лидеры партии неизменно продолжают заявлять о том, что «она по-прежнему представляет интересы всех классов общества», а ее программа «тунисского социализма» основывается на «сотрудничестве и гармонии между всеми категориями и классами...»²². Ее секции (ячейки) действуют по всей стране. С 1956 г. она полностью контролирует государственный аппарат. Дустуровская социалистическая партия имеет свои профсоюзное, студенческое, молодежное, женское, скаутское объединения. Хотя эти союзы рассматриваются как автономные, они не являются на деле независимыми.

Итогом многолетней борьбы партии является ее полная институционализация в государстве. Сплотив под националистическими лозунгами представителей различных классов — от национальной до мелкой городской и сельской буржуазии, привлекая на свою сторону часть рабочего класса, партия осуществляет буржуазную революцию, направленную против наиболее консервативных укладов и порядков²³.

Превращение партии в правящую сопровождалось усилением в ней внутренней борьбы. Радикальные элементы в профсоюзах требовали более последовательных преобразований от руководства партии. Нередко левоориентированные функционеры с многолетним стажем выражали несогласие с официальной политикой. Кроме того, весьма сильной была оппозиция справа, часть представителей которой требовала взять за образец развития для Туниса «классический» западный капитализм. Но в конечном итоге оппозиция была побеждена, попавшие в опалу партийные деятели сняты с занимаемых постов. В организацию влились многочисленные молодые кадры, не обладавшие значительным опытом борьбы и авторитетом. В обстановке внутренней борьбы, особенно усилившейся с 1970 г., выработался курс на постепенное урезывание прав членов партии, свертывание внутрипартийной демократии. Если раньше местные секции (ячейки) избирали вышестоящие органы, то теперь они возглавляются назначаемыми из центра делегатами.

В то же время огромными полномочиями наделены центральные органы партии и ее лидер президент Туниса Хабиб Бургиба. Они осуществляют изменения партийной структуры, например определяют количество секций, которые занимаются главным образом местными проблемами. Секции ныне являются ско-

²² Политические партии Африки. М., 1970, с. 230.

²³ По мнению работающего во Франции социолога Мухаммеда Шерифа, в различных районах Магриба после завоевания независимости утвердились особые национальные общности со своими чертами. Он характеризует их следующим образом: «Монархическое, феодальное и крупнобуржуазное» Марокко, «народный, мусульманский и социалистический» Алжир и, наконец, «городской и мелкобуржуазный» Тунис (Introduction à l'Afrique du Nord, contemporaine. P., 1975, с. 46).

рее инструментом мобилизации масс, чем местом партийных обсуждений и дискуссий. С разрастанием государственной бюрократии и увеличением ее бесконтрольности значение партий в Тунисе стало падать: к началу 70-х годов в ее аппарате работало не свыше 1% имевшихся в стране высших кадров. Несмотря на сохранение Дустуровской социалистической партией крепких связей с различными слоями тунисцев, по мнению французского политолога Юбера Мишеля, «главной целью партии был не контроль над бюрократией, а контроль над населением»²⁴.

Партия перестает быть эффективным каналом реализации интересов определенных классов снизу, а именно тех, которых она представляла раньше. Она превращается в оружие в основном господствующего буржуазного класса. Сосредоточение в руках его представителей основных постов государственной администрации означает выполнение цели, которую они ставили в период борьбы за независимость. Поэтому становится ненужной партия, обладающая развитой внутренней жизнью, внутрипартийной демократией, подлинной выборностью. Сохранить за ней все это означало бы всегда иметь потенциальную оппозицию.

Проблема взаимоотношений партии и государственного аппарата особенно остро стоит для тех стран, где государственное руководство создавало собственную партию административным путем. Образованной «сверху» организацией являлся, например, Арабский социалистический союз (АСС) в Египте, а также некоторые другие. Хотя социальное и политическое лицо этих партий было различным, их объединяет общность происхождения и связанная с ней проблема обретения ими внутренней самостоятельной жизни. Задача заключается в том, чтобы превратить созданную «сверху» организацию в живую, саморазвивающуюся, открытую для определенных общественных классов.

Превращение партии в подлинно руководящую силу общества требует преодоления бюрократического начала в управлении. В Египте в середине 60-х годов была предпринята попытка создания революционного авангарда на базе массовой политической организации — АСС, в которой были бы представлены все основные классы и группы населения — крестьяне, рабочие, служащие, национальный капитал²⁵. Важным моментом в реорганизации АСС являлось введение принципа выборности всех его руководящих органов. Но после внутренних трудностей 1971 г. и октябрьской войны 1973 г. процесс реорганизации осложнился.

Экономические, социальные и внешнеполитические трудности развития АРЕ непосредственно отразились и на внутриполитической ситуации, в частности на партийной структуре.

²⁴ Там же, с. 295.

²⁵ Political Parties and Development. N.Y., 1966, с. 234, 237.

В 1974 г. под нажимом правых было решено допустить существование внутри АСС трех различных течений, или «платформ», на базе которых в 1976 г. были образованы самостоятельные Социалистическо-либеральная организация (правая), Арабская социалистическая организация (центристская) и Национально-прогрессивное объединение (левое). Правая партия (лидер — Мустафа Камаль Мурад, бывший участник движения «Свободных офицеров», ныне президент хлопковой компании) требует «рзсчистить все пути для частного капитала» и резко ограничить государственный сектор. Ее сторонники — главным образом бизнесмены и буржуазные политики дореволюционной формации. Левая партия (президент — известный деятель июльской революции 1952 г. и прогрессивный публицист Халид Мохи Эд-Дин) отстаивает социалистическую ориентацию Египта, антиимпериалистические и социальные завоевания революции, выступает за развитие государственного сектора. К концу 1976 г. в ее рядах, несмотря на преследования и клевету в прессе, состояло свыше 85 тыс. человек²⁶. После народных волнений в январе 1977 г. она подверглась репрессиям и позиции ее ослабли. Помимо этих партий оживились в АРЕ и прочие группировки («братья-мусульмане», возродившийся в 1977 г. новый Вафд, независимые и др.).

Однако фактической монополией на руководство политической жизнью обладает центристская партия, насчитывавшая к концу 1976 г. около полумиллиона членов (лидер — премьер Мамдух Салем, фактически президент Садат). Таким образом, практически вся «партийная реформа» в АРЕ свелась к удалению из АСС всех «нежелательных» и к укреплению «центристов» как опоры правительства. В августе 1978 г. было объявлено о роспуске «центристов» и их реорганизации в так называемую национально-демократическую партию, которая, судя по всему, будет простым придатком госаппарата.

Более развита партийная жизнь в Сирии, где правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) действует с 1972—1973 гг. в едином фронте с коммунистами и другими прогрессивными силами. Разумеется, и здесь решены далеко не все проблемы. Более того, периодически единство действий ПАСВ с коммунистами подвергается испытанию, преодолевает препятствия и трудности. Но сам по себе опыт такого единого фронта представляет большую ценность для обеих заинтересованных сторон.

Опыт развития большинства партий Востока показывает, что они выстояли, укрепили свои позиции там, где партия оставалась открытой организацией, чутко реагирующей на новые требования, интересы, чаяния определенных общественных классов. Попытки превращения партий в «закрытые», изолиро-

²⁶ «За рубежом», М., 1977, № 5 (866), с. 15.

ванные от общественных влияний объединения на службе верхушки какого-либо класса, узкого слоя, тесной группы лидеров ведут к их омертвлению и развалу.

Некоторые черты развития политических режимов

Анализ изменений в государственном аппарате, эволюции партий в странах Азии и Африки дает возможность перейти к изучению общей категории, в которой эти элементы организации общества «взаимодействуют», образуя определенную форму руководства обществом. Речь идет о политическом режиме. Там, где имелась «доминирующая» партия типа Индийского национального конгресса (до 1977 г.), Малайзийского альянса, Партии народного действия Сингапура, партийный режим оказался весьма прочным и выдержал не одно испытание. Меньшей стабильностью отличаются двухпартийные режимы — например, на Филиппинах (до 1972 г.), с некоторыми оговорками в Турции. Филиппинская двухпартийная система, по существу, олицетворяла двусторонний альянс основных эксплуататорских групп. Националистическая и Либеральная партии Филиппин — два конкурирующих крыла единого политического механизма, призванного обеспечивать интересы имущих классов, регулировать отношения между ними. В рамках этой закрытой системы вращалась вся филиппинская политика. Иное положение сложилось в Турции, где политическая жизнь с 1960 г. и особенно после 1971 г. периодически обострялась вмешательством армии, а мелкие партии (религиозные, традиционные, националистические), набирая не более 20% голосов избирателей (как, например, на выборах в июне 1977 г.), сохраняли возможности серьезного влияния на политику правительства, возглавлявшегося лидером одной из двух основных партий-конкурентов: Народно-республиканской партией (НРП) и Партией справедливости (ПС). При этом, если раньше, в 50—60-е годы, различие между НРП, руководившейся заветами основателя республики Мустафы Кемала Ататюрка, и ПС, также от них не отрекавшейся, не всегда четко прослеживалось, то в 70-е годы оно обозначилось более резко. ПС все больше защищала частное предпринимательство и крупный капитал, в более широких масштабах прибегая к услугам реакции и правых экстремистов. Наоборот, НРП все решительнее выступала против иностранных монополий и привилегий буржуазии, опираясь на профсоюзы рабочих и служащих, мелких предпринимателей. Вместе с тем наметилось идеологическое сближение НРП с западной социал-демократией (в 1977 г. она объявила даже о намерении примкнуть к Социнтерну).

Развитие монархических режимов на феодальной или буржуазно-помещичьей основе характеризовалось в 60—70-х годах попытками господствующих классов модифицировать традиционные методы управления. Однако трансформация абсолютистских монархий в конституционные не повсеместна. Феодально-буржуазные силы, представители родовой аристократии далеко не всегда отказывались от прежних методов государственного руководства в условиях роста буржуазной и радикальной мелкобуржуазной оппозиции. В борьбе за влияние и голоса избирателей феодально-аристократические круги Кувейта, Иордании, Марокко, Непала обращались к нормам современной политической жизни там, где это способствовало консолидации их власти.

Однако как относительно стабильные буржуазно-республиканские, так и монархические режимы по сегодняшний день подвергаются постоянным испытаниям. В Индии время от времени вводится президентское правление в штатах, в Малайзии была заморожена деятельность парламента после всеобщих выборов 1968 г., на Филиппинах оппозиционные выступления приняли такой размах в сентябре 1972 г., что президент Маркос вынужден был прибегнуть к введению чрезвычайного положения, которое фактически положило начало принципиальным изменениям в характере режима. Свержение монархии в Эфиопии (1974 г.) и Иране (1979 г.), попытки сделать это в Марокко (1971—1972 гг.), отделение Бангладеш от Пакистана (1971 г.) являются еще более яркими примерами политической нестабильности в этой группе стран. Однако в большинстве случаев правящим кругам удавалось сохранить господствующий режим. Более того, некоторые монархические режимы (например, в Марокко, Саудовской Аравии) в середине 70-х годов резко усилили свою внешнеполитическую активность, играя, в частности, роль оплотов реакции в борьбе против прогрессивных режимов, особенно в Африке и на Ближнем Востоке.

По-иному сложилась ситуация в значительной группе государств с неопределившейся социальной ориентацией. Огромное значение здесь приобрели временные объединения партий и политических лидеров, различные формы коалиций, фронтов и т. д. В них обычно сплачивались временные союзники, преследующие тождественные цели на каком-то из этапов внутривнутриполитической борьбы. В этих условиях нередко значительный вес приобретали средние и мелкие буржуазные и мелкобуржуазные партии. Их участие в правящей коалиции могло склонить стрелки политического барометра в пользу определенной классовой группировки. Парламентская борьба за портфель министра не всегда отражала реальные отношения, существующие в обществе. Неизбежно наступал момент, когда ее возможности были исчерпаны. Гражданские лидеры шли на закулисные соглашения с армией в лице ее командования. Каждая политическая груп-

пировка стремилась заручиться поддержкой высшего офицерства, использовать армию в качестве прикрытия своего правления, для борьбы с противником. История Индонезии, Пакистана, Судана и некоторых других стран изобилует примерами такого рода. Объективно это вело к увеличению роли чрезвычайных методов правления, введению военного положения, сокращению партийной активности. Парламент все больше отходил на задний план, партии теряли влияние, а в политической организации общества возникал новый центр власти — армия и офицерство.

Далеко не везде армия в лице своего командования сразу выступила в качестве единоличного творца нового режима. Осознание своей силы военными кругами приходило не сразу. Например, в Алжире, Бирме, Индонезии, Пакистане военные нередко вступали в коалицию с государственными и партийными деятелями, чтобы совместно противостоять оппозиции. Характер этих временных союзов был различным в зависимости от социальной природы армии и гражданских политических сил, сотрудничавших с ней. Однако их общим итогом было появление своеобразных переходных режимов с несколькими центрами влияния и власти, как это имело место, например, в период «направляемой демократии» в Индонезии.

Мы не случайно касаемся проблемы переходных режимов. Правда, элемент переходности присущ всем системам власти в странах Востока, учитывая развивающийся, изменчивый характер самого общества. Однако одно дело — оформившиеся режимы, в которых сделан вполне определенный выбор в пользу той или иной организации общества, достигнута его относительная консолидация, а другое — режимы, стоящие на распутье, в которых органически заложен элемент нестабильности, незаконченности, переходности.

Различия в исходных уровнях социально-экономического развития отдельных стран, в классовом характере доминирующих политических сил, неповторимость местных ситуаций — все это создает многообразие вариантов переходности. Было бы большой натяжкой свести все переходные режимы к нескольким группам, ибо каждое новое потрясение в общественной жизни государств современного Востока будет рождать новые, неповторимые типы переходных политических режимов. Учитывая этот факт, целесообразно отметить их некоторые общие черты.

Важнейшая черта такого режима — ослабление или кризис «традиционных» для развитого буржуазного общества политических структур: партий, парламентов, гражданских правительств. На Востоке почти везде эти институты не выдержали проверки временем. В силу различных причин они оказались резко ослабленными или развалились сами. Скопированная с политических систем капиталистического Запада организация

общества в целом не прижилась и не могла прижиться в большинстве государств Азии и Африки.

Другая важная особенность переходных форм власти заключается в том, что основной политической организацией, руководящей обществом, нередко становится государственный аппарат в лице армии и гражданской бюрократии. При этом не следует рассматривать государственную машину как некую надклассовую, оторванную от общества силу. Выступление армии обычно социально обусловлено. В нем отражаются интересы, чаяния и надежды новых растущих классов, не нашедших себе места в существовавшей раньше политической организации общества, а также попытки «старых» классов чрезвычайными средствами сохранить статус-кво.

«В виде исключения встречаются, однако, периоды, — писал Ф. Энгельс, — когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними»²⁷. Это важнейшее теоретическое положение марксизма имеет непосредственное отношение к переходным состояниям политических систем, столь часто встречающимся в афро-азиатских странах.

Но здесь чрезвычайную важность приобретают слова Ф. Энгельса о том, что обладающая известной самостоятельностью от борющихся классов власть является лишь «кажущейся посредницей между ними». Действительно, ни в сукарновской Индонезии 1957—1965 гг., ни в Ираке 1958—1963 гг. (периода правления Касема), ни в Камбодже накануне 1970 г. общенациональный лидер никогда не олицетворял в одном лице власть, в равной степени служившую эксплуататорам и эксплуатируемым. Будучи готов скорее служить не полностью всем классам, чем какому-то одному определенному, в своих действиях он в первую очередь зависел от той части аппарата государства, которая тысячами нитей была связана с имущими слоями. Реальная компенсация высшей бюрократии и ближайшего политического окружения такого лидера всегда должна была быть много выше той, которую получали левые организации за готовность «тормозить» процесс классового противоборства и превозносить достоинства «отца нации». Другими словами, «кажущаяся посредница» между классами объективно служила в первую очередь имущим классам.

Субъективные причины описанного выше балансирования между классами следует искать помимо специфических интересов системы личной власти, как таковой, в классовой природе поведения лидера, которое может иметь типично мелкобуржуазный характер (как было в Индонезии). В других случаях оно

²⁷ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. -- Т. 21, с. 172.

представляет собой попытку части феодально-буржуазных элементов сохранить относительную независимость от рождающейся буржуазии, близких ей групп из числа аристократии (как было в Камбодже).

Однако во всех случаях обращает на себя внимание временный, переходный характер описанных выше состояний политической системы. Характерно, что в 70-х годах примеры такого состояния гораздо чаще встречались, чем в 50—60-х годах. Казалось, партии и режимы в целом как бы извлекли уроки из опыта прошлого, поэтому на рубеже 60—70-х годов «надклассовое» балансирование общенациональных лидеров особенно часто обрывалось с утверждением у власти вполне определенно классово ориентированной группы. Причем победительницей в противоборстве различных социальных сил обычно оказывается та организация, которая олицетворяет «материальную» силу государства. Ею обычно бывает армия.

Однако в 70-е годы особенно четко проявилась тенденция к «политизации» и даже «идеологизации» военных переворотов. Например, военный переворот 1976 г. в Таиланде сразу же выявил свой реакционный, проимпериалистический характер. Все большее отступление военного режима в Судане после 1971 г. от идеалов демократической революции 1969 г. в 1977 г. закономерно привело страну в лагерь реакции, к союзу с монархистами из Саудовской Аравии и гегемонистами из Пекина. В то же время быстро эволюционировал в сторону прогрессивной ориентации военный режим в Ливии. В марте 1977 г. в Ливии была установлена самобытная политическая система, не имеющая параллелей в действительности современного Востока. Страна стала называться Ливийским арабским социалистическим народным государством. Власть в стране осуществляется путем «прямой народной демократии», т. е. через посредство избираемых на местах «народных собраний», а также профсоюзных и других общественных организаций. Из представителей этих выборных органов избирается Всеобщий народный конгресс (ВНК), которому принадлежит вся полнота законодательной власти. Между сессиями ВНК власть осуществляет Высший народный комитет, избираемый на сессиях²⁸.

Наиболее последовательные и настойчивые попытки создания отличной от прошлой организации общества предпринимаются в тех странах, которые избрали путь некапиталистического развития. В Алжире, Анголе, НРДИ и некоторых других государствах вот уже не один год идет создание нового, прогрессивного механизма национальной экономики и соответствующей надстройки. Однако потребуется немало усилий, чтобы вдохнуть жизнь в рождающуюся политическую организацию нового общества. Сделать это чрезвычайно трудно, учиты-

²⁸ «Правда», 1—4.III.1977.

вая тот факт, что новый социально-политический порядок не стабилизировался, старые консервативные и буржуазные отношения продолжают существовать, каналы роста капитализма «снизу» далеко не перекрыты, буржуазному перерождению подвержены иногда сами люди, представляющие новый строй, вопрос всякой подлинной социальной революции — «кто—кого?» — далеко не снят с повестки дня.

Однако выбор уже сделан: революционно-демократические силы приступили к созданию авангардных партий, массовых организаций. В некоторых странах уже не один год работают законодательные институты, в которые впервые в истории допущены крестьяне и рабочие.

На фоне революционных преобразований в институционной части надстройки ряда государств социалистической ориентации в глаза бросается застой тех военно-бюрократических режимов, которые фактически выродились в оторванное от всех классов бонапартистское правление верхушки офицерства и высших гражданских чиновников. Опыт показывает, что военно-бюрократическая организация власти не может оздоровить существующий буржуазно-помещичий строй и, в сущности, является временным паллиативом.

РОЛЬ АРМИИ В ГОСУДАРСТВАХ АЗИИ И АФРИКИ

Армия и классовая ориентация

Первая половина 70-х годов характеризовалась дальнейшим обострением социально-классовой борьбы в развивающихся государствах Азии и Северной Африки, которая в условиях многоукладной экономики и замедленных темпов классового образования часто создавала обстановку политической неустойчивости, иногда затягивающейся на длительный период времени. Наряду с сохранившимся в обществах этих государств взглядом на армию как общенациональный институт, определенные социальные группы все чаще стали возлагать на нее функции «политического арбитра» в борьбе за свои позиции в экономической структуре и административно-политическом механизме государства.

Армия, в большинстве случаев монополющая средства вооруженного насилия, во многих случаях — единственно организованная и дисциплинированная сила, к тому же приобретающая опыт политической борьбы, постепенно выделялась как особый институт в государстве, способный в результате решительных действий коренным образом изменить внутриполитическую ситуацию и в большинстве случаев устранить слабые или неустойчивые гражданские режимы, взять на себя их функции и привести страну к внутриполитической стабилизации. Нередко это превращало армию в более эффективное, чем гражданское чиновничество, средство связи общественных верхов с массами, более того, «политизация» армии, ее относительная многочисленность, действенность и дисциплина делали ее своего рода суррогатом политической организации. В этом причина того, что военные режимы часто обходятся без массовых партий.

Присвоенная армией или в большинстве случаев предоставленная ей естественным ходом событий роль авангарда нации в молодых государствах Азии и Северной Африки нередко выражается в выполнении ею не только военных, политических и административно-полицейских, но и важных народнохозяй-

ственных и идейно-воспитательных функций. Армия, особенно с революционно-партизанским прошлым (в Алжире, Анголе, НДРГ, Бирме), обычно активно участвует во всех массовых кампаниях, имеющих хозяйственное значение (в севе, сборе урожая, лесопосадках и т. п.), является застрельщиком многих культурных начинаний (например, в борьбе с неграмотностью), на принадлежащих ей предприятиях и землях ведет «образцовые хозяйства», одновременно использующиеся и для воспитания нужных стране кадров. Все эти важнейшие общественные функции еще более возвышают армию в глазах населения и способствуют усилению ее политического влияния.

Армия на Востоке сыграла революционную роль не только в странах, завоевавших независимость силой оружия. Эта роль еще более отчетливо и социально выпукло проявилась при свержении реакционных монархий, в частности на Арабском Востоке. Появление в составе офицерского корпуса монархических армий Египта, Ирака, Ливии, Северного Йемена выходцев из непривилегированных классов — детей средних и мелких служащих, крестьян, представителей национальной буржуазии — вело к изменению социального лица армии, хотя и не меняло до поры до времени ее социальной ориентации. Дело в том, что на высших постах долго еще сохранялись военные старой школы, связанные с правящей властью общим происхождением, принадлежностью к привилегированному слою общества. Они играли (кое-где играют до сих пор) роль тормоза прогрессивных изменений, в том числе в армейской среде.

Социальные изменения в офицерской среде сопровождались идеологическими сдвигами. В странах Арабского Востока пробуждение военных к политическому действию осуществлялось в обстановке невиданно широкого распространения в послевоенный период, а особенно после первой арабо-израильской войны 1948—1949 гг., идей арабского национализма и арабского единства. Офицеры выступили не только как военная интеллигенция, но и как политическая сила, явившаяся выразителем настроений и организатором революционной борьбы мелкой буржуазии и средних слоев. Так было в 1952 г. в Египте, в 1958 и 1968 гг. в Ираке, в 1963 и 1970 гг. в Сирии, в 1969 г. в Ливии и НДРГ. То же самое наблюдалось и в других странах: в 1974 г. в Эфиопии, в 1978 г. — в Афганистане.

Таким образом, социальные связи и классовая ориентация армии легко прослеживаются в странах, где армия сыграла революционную роль. Сложнее обстоит дело в других странах, особенно в государствах с еще не определившейся ориентацией. В большинстве их бывшие колонизаторы постарались сохранить (в качестве советников и инструкторов) часть командования колониальной армии, «специалистов» из полицейского аппарата, разведки и контрразведки. Молодым государствам были навязаны неравноправные соглашения, по которым оставалась

и часть военных, военно-морских и военно-воздушных баз, ранее созданных империалистами, особенно в период второй мировой войны. Оставленный инструкторский аппарат колонизаторов принимал деятельное участие в реорганизации бывшей колониальной армии в национальную, чем обеспечивалась благонадежность, с точки зрения правящего буржуазного класса, военного командования и армии в целом.

Западные идеологи неокOLONиализма увидели в подобном явлении новую надежду, решив, что они нашли в лице армии того «опекуна», которому предстояло по их планам направить развитие многоукладных стран Азии и Африки в сторону их превращения в капиталистические.

Колониальное наследие, связь ряда афро-азиатских армий с военной машиной прежних колонизаторов сыграли немаловажную роль в ходе оформления нового направления в неокOLONиалистской политике империалистических держав. «Было бы неверным недооценивать терпеливую работу, которая сопровождала развитие и подготовку колониальных армий»¹, — писал американский политолог Л. Пье. Созданные в свое время для борьбы против национально-освободительного движения в колониях, эти армии служили интересам метрополии. Правда, по мере развертывания антиколониальной борьбы патристические идеи проникали также и в колониальные войска, вызывая определенные сдвиги даже в сознании выходцев из консервативных социальных слоев. Но процесс проникновения идей национализма в военную среду обычно был неглубок. Сохранявшие до последнего момента командные позиции в колониальных вооруженных силах европейцы почти полностью контролировали местное офицерство, прививая ему аполитизм, космополитизм и приверженность к узкокастовой «профессиональной этике» западных буржуазных армий.

В тех странах Азии и Африки, где освободительный процесс протекал в мирных формах, колониальный военный институт оказался почти целиком интегрирован в политическую надстройку молодого независимого государства. После ухода офицеров-европейцев выходцы из привилегированных классов продолжали оставаться в ряде стран на высших ступенях армейской иерархии, им принадлежали основные командные и штабные должности. Командующие родами войск и видами вооруженных сил были в подавляющем большинстве случаев представлены офицерами бывшего колониального войска.

Социальное происхождение старшего офицерства многих армий Востока, сохранение на командных постах этих армий военных-профессионалов старой выучки, теснейшая связь в ряде случаев между неокOLONизаторами и местной военщиной — все это в глазах Запада служило гарантией того, что в случае вме-

¹ Political Development and Social Change, N.Y., 1966, с. 380.

шательства армии в политику вряд ли армейское руководство проявит стремление и способность к проведению радикальных реформ или крупных демократических преобразований в жизни местного общества.

Происхождение высшего и старшего офицерства, связанного с аристократическими, буржуазно-помещичьими слоями, наследственной военной кастой, предопределило его умеренную националистическую ориентацию, антикоммунистические и прочие реакционные взгляды генералитета и значительной части офицерского корпуса. Многолетняя антикоммунистическая пропаганда империализма еще более усилила среди офицерства патологическую боязнь коммунизма, находившую свое выражение в осуществлявшихся силами армии репрессиях против коммунистов. Кстати, именно антикоммунизм офицерства во многих армиях Востока сделал военных в глазах западных стратегов и политиков наиболее перспективной и «последовательной» силой в борьбе против прогрессивного движения; он также гарантировал «твердую» позицию армии против «коммунистической угрозы». Помощь антикоммунистически настроенной военщины рассматривалась и рассматривается неокOLONиалистами, прежде всего империалистами США, в качестве главного условия борьбы против революционного движения.

Влияние империализма на военные круги ряда стран Азии и Африки в известной степени определялось состоянием вооруженных сил молодых государств после достижения независимости. В условиях хозяйственной отсталости, отсутствия современной промышленности было исключительно сложно поднять уровень национальных армий до положения современных вооруженных сил, оснащенных техникой, обеспеченных подготовленными кадрами. Армия в экономически отсталой стране была столь же зависимой от внешнего мира, как и другие государственные службы, связанные с хозяйственной деятельностью государства. Это порождало особую заинтересованность армейских кругов в получении не только «чисто» военной, но и экономической, технической, финансовой и другой помощи извне. Нередко империалисты за счет этой помощи сознательно коррумпировали верхушку той или иной афро-азиатской армии.

Внимание империалистических держав к армиям развивающихся государств Востока во многом привлекало исполнение ими полицейских функций. Поддержание так называемой внутренней безопасности и порядка, борьба против национально-освободительного движения — таковы важнейшие, а временами основные «боевые» функции многих афро-азиатских армий. Облегчается это еще и тем, что в колониальные времена они и создавались прежде всего для выполнения полицейских функций (например, в Ираке) или как вспомогательные формирования армии метрополии (например, в Марокко и Тунисе), использовавшиеся для подавления антиимпериалистической

борьбы за пределами своих стран (например, в 50-е годы солдаты из стран Индокитая использовались против патриотов Магриба, а магрибинцы — против народов Индокитая). Неоконизаторы в 60—70-х годах стремились изо всех сил продлить эту позорную «традицию». Наиболее яркими примерами в этом отношении является использование империалистами в 1969—1972 гг. южнокорейских солдат против народа Вьетнама, заирских войск против патриотов Анголы в 1975—1976 гг., а в 1977—1978 гг. марокканских войск против заирских повстанцев, сомалийской и суданской армий против революционеров Эфиопии.

Ориентация империалистических кругов на армию как инструмент «стабильности и порядка» — это активная, целенаправленная политика обработки офицерского и сержантского состава местных вооруженных сил в расчете на то, что пришедшие к власти военные будут проводить угодный империализму внутренний и внешнеполитический курс. Воздействие империализма на внутреннюю жизнь армии молодого государства осуществляется при помощи широкого набора военно-политических и военно-технических средств, разведки, шпионажа.

Важным инструментом воздействия на внутреннюю жизнь афро-азиатских армий стали военные миссии. Они закрепляли подчиненное положение ряда афро-азиатских государств в военно-политической области, серьезно ограничивали их суверенитет. Миссии предоставляли помощь в подготовке военных кадров различных специальностей, вспомогательного персонала для нужд вооруженных сил, а также военное оснащение и снаряжение, оборудование для учебных центров. Взамен молодые государства обычно были вынуждены идти на сотрудничество в военной области с империализмом. Хотя в ряде стран Востока военные миссии были упразднены еще в 50-е годы, влияние Запада на местные вооруженные силы и ныне реализуется через военный и военно-технический персонал империалистических держав. Местные офицерские кадры из развивающихся стран обучаются в академиях и военных колледжах США, Англии, Франции, ФРГ, Бельгии. С 1950 по 1969 г. только Соединенные Штаты подготовили у себя и в самих молодых государствах соответственно 81 824 и 46 642 военнослужащих из стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, 40 733 и 8040 — из стран Ближнего Востока и Южной Азии, 4948 и 1048 — из стран Африки².

В течение всего послевоенного периода наблюдалось неуклонное сокращение влияния западноевропейских государств в армиях Востока и возрастание американского. Хотя помимо прежних колониальных держав в борьбу за влияние на местное офицерство включились ФРГ, Израиль и ряд других капиталисти-

² The Arms Trade with the Third World. Stockholm — New York, 1971, с. 166.

ческих государств, крупнейшая держава капиталистического мира далеко обогнала по возможностям и диапазону воздействия своих партнеров, в особенности таких, как Голландия, Бельгия и др. Империализму США удалось резко снизить влияние Англии и Франции в военных кругах ряда азиатских государств, несмотря на то что местный командный состав воспитывался в духе английской или французской «военной традиции». Примером тому в 50—60-х годах служили Южный Вьетнам, Камбоджа (до 1975 г.), Пакистан, а в 70-е годы — Иордания, Саудовская Аравия, в меньшей мере Марокко.

Рост американского влияния в армиях молодых государств не всегда означает, что влияние европейского империализма сокращается в них абсолютно. В 60—70-е годы в результате определенного слияния усилий правящих кругов США и Западной Европы отдельные развивающиеся страны и их вооруженные силы стали объектом коллективного воздействия держав капиталистического мира³.

При содействии агентуры колонизаторов в некоторых независимых государствах вставшие во главе национальных армий реакционные генералы и старшие офицеры, боясь политической активности солдат и офицеров — выходцев из низших социальных слоев города и деревни, выступавших в поддержку требований народа о проведении радикальных социальных и политических реформ, провели законы о демобилизации, переформировании и передислокации ряда частей и подразделений. Это была скрытая чистка армии от политически неблагонадежных (с точки зрения феодально-буржуазной верхушки) солдат и офицеров. Производилась в то же время перестановка в командовании армии с целью укрепления ядра военной верхушки за счет лиц, социально близких буржуазии и помещикам, готовых к защите реакционных порядков.

Однако помимо воли империализма, буржуазии и консервативной части армии тяга солдат к политической жизни страны, их заинтересованность в судьбах родины, в ускорении ее движения по пути социального прогресса росли.

Возвратившиеся, например, в город и деревню демобилизованные солдаты, особенно те, кто участвовал в войне против фашизма в годы второй мировой войны, в политической борьбе против колонизаторов, несли с собой революционные настроения, активно выступали в поддержку антифеодального движения крестьян и движения за демократизацию общественной жизни, национализацию крупной помещичьей собственности, наделение земель безземельных и малоземельных крестьян, национализацию собственности крупной национальной буржуазии и антинациональных элементов, служащих колонизаторам.

³ См.: Г. И. Мирский. Армия и политика в странах Азии и Африки, М., 1970, с. 327.

Как правило, правительства освободившихся стран не проводили серьезной фильтрации военной верхушки. В результате среди верхушки армии остались открытые или замаскированные враги антиимпериалистической революции. Большинство их были воспитанниками военных академий и колледжей метрополии, а иногда и просто платными агентами монополий и правительства метрополии. Хотя они и составляли меньшинство среди военного командования армий освободившихся стран, обстановка политического доверия со стороны правительства, традиционного преклонения народа перед военными вождями, вера в безусловную преданность армии интересам нации создавали в целом благоприятные условия для маскировки реакционной части военного руководства. Только усиление роли и политического значения национально-демократической части военного руководства, рост политической активности армии в целом, укомплектованной преимущественно из низших слоев мелкой буржуазии города и деревни, создавали обстановку изоляции реакционной части военной верхушки. В противном же случае реакционная часть руководства армии совершала антинациональные военные перевороты, отбрасывавшие страну назад. Идеологи буржуазного толка стараются доказать «надклассовость» или «внеклассовость» армии и ее руководства, а отсюда и «естественную объективность» военных при решении силой спорных социальных и политических проблем.

Теорию «надклассовости» и «внеклассовости» армий используют и правящие круги империалистических государств в целях маскировки своей связи с реакционными генералами и офицерами армий развивающихся стран, подготовки и осуществления военных переворотов в интересах внешнего и внутреннего капитализма. Для этого применяется также метод раздувания и создания искусственных внутренних трудностей, как экономических, так и политических. Это делается для того, чтобы дискредитировать тот или иной, особенно прогрессивный, режим, привести к его насильственному свержению и вместо него поставить угодный империализму режим военной хунты.

После прихода к власти проимпериалистического, антикоммунистического режима, несмотря на явную контрреволюционную сущность его мероприятий (открытие путей для ввоза иностранного капитала, укрепление экономических и политических позиций буржуазии и помещиков, тесно связанных с иностранным капиталом, осуществление антикоммунистического, антидемократического террора и репрессий и т. п.), буржуазная внутренняя и внешняя пропаганда продолжает доказывать «надклассовость», «внеклассовость» армии, участвовавшей в перевороте, «национальный характер военного режима», пришедшего к власти. Однако сама государственная политика режима убеждает в противоположном: позиции капитализма укрепляются, эксплуатация трудового народа усиливается, растет угроза завое-

ваниям национальной революции со стороны империалистических держав. В этом убеждаются и те представители армейской верхушки, которые выводили свои войска в поддержку военного переворота. Усиливается в связи с этим процесс размежевания в самой военной верхушке. Однако в условиях террора, введенного новой властью, запуганные этим террором национально-демократические элементы в армии на время вынуждены воздерживаться от оппозиционных выступлений.

Военные перевороты совершаются и национально-демократическим руководством армии, которое в процессе политической борьбы сумело изолировать часть военной верхушки, сблизиться и сплотить вокруг себя все силы, стоящие за кардинальные социально-экономические реформы (например, в Ираке в 1968 г., в НДРГ и Ливии в 1969 г., в Эфиопии в 1974 г., в Афганистане в 1978 г.). Результат таких переворотов — установление режима, способного направить развитие общества по некапиталистическому пути. Армия в этих государствах представляет вооруженную опору народа против империалистической агрессии и внутренних антинациональных сил.

Армия остается наиболее организованной силой, на которую можно и нужно опереться в борьбе за решение насущных проблем внутривластного развития, не говоря уже о том, что армия признается единственной силой, способной отстоять независимость государства от посягательств извне. Признание «универсальности» армии создает ей и в дальнейшем значительный авторитет и, несомненно, является тем фактором, который способствует длительности ее монополии на власть, тормозя формирование других политических сил и партий во многих государствах Азии и Африки.

Национально-демократическими элементами среди интеллигенции, в том числе и армейской, мелкая буржуазия и средние слои признаются в качестве главной силы общества, способной противостоять как нажиму сверху, со стороны той части национальной буржуазии, которая склонна опереться на помощь империалистических держав и укрепить свои позиции — экономические и политические, так и давлению снизу, со стороны пролетарских слоев города и деревни, требующих реформ в их пользу. В ответ на это мелкая буржуазия и средние (городские и сельские) слои еще больше надежд стали возлагать на армию и ее верхушку.

Однако социальный состав и политическая ориентация определенной части верхушки армии, да и социальный состав армии в целом часто не соответствуют задачам, которые возлагались на армию, т. е. здесь сказалось то, что в области комплектования, обучения и воспитания личного состава армии, особенно в области подготовки кадров командного состава, развивающиеся государства Востока не только не имели опыта, но и недооценили необходимость коренным образом изменить принци-

пы руководства армией и взаимоотношения государства с ней. Нередко армия навязывала государству свою политику, а не наоборот. Особенно типично это было в 60—70-х годах для стран с неопределившейся социально-политической ориентацией.

Армии в таких государствах под командованием генералитета и офицерского состава, в большинстве своем несменяемого многие годы, выполняя свой национальный долг по защите государства от военного насилия со стороны колонизаторов, в то же время нередко подавляют вооруженные выступления революционных, антикапиталистических сил нации. Эти армии без труда направляются на войну из-за межнациональных и религиозных противоречий и на подавление выступлений оппозиционных сил внутри страны.

В тех странах Востока, где произошли значительные изменения не только в руководстве государством (к власти пришли национально-демократические представители армии и интеллигенции), но и в рядовом и младшем офицерском составе армии, сложилось иное положение. Несмотря на то что верхушка армии не прошла достаточной фильтрации, а в системе воспитания личного состава наряду с антиимпериалистическим остается религиозное содержание, армия в целом стала способна с помощью прогрессивных интернациональных международных сил отстоять завоевания национальной революции, содействовать достижению успеха в области экономического и культурного строительства, закладывающего основу для некапиталистического развития.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в некоторых государствах Востока, где деятельность военной верхушки бесконтрольна, за ней сохраняется право вмешиваться во внутриполитические дела, а сама она становится легкой добычей империалистических и внутренних проимпериалистических сил. Армия в этих случаях, оставаясь формально на позициях защиты государства от империалистической интервенции, превращается в орудие проимпериалистической внутренней политики.

Однако в связи с обострением классовой борьбы в странах Востока в самой военной верхушке происходит политическое размежевание, вызванное как ростом авторитета и популярности научного социализма, так и изменениями в социальном, политическом и профессиональном составе верхушки армии.

К началу 70-х годов в армиях освободившихся от колониального режима государств Востока заметно уменьшилась прослойка генералов и старших офицеров, выходцев из семей крупных помещиков и буржуазии, ранее тесно связанных с монополиями империалистических государств, а также из семей потомственных военных. Многие из этих генералов и офицеров были удалены из армии, поскольку они себя дискредитировали

связями с внутренними антинациональными элементами и реакционными кругами империалистических государств, другие ушли из армии по возрасту.

Если в 50-х годах в армиях Египта, Бирмы, Филиппин такие генералы и офицеры составляли 37—40% в общем штате генералитета и офицерского корпуса, то в 1972 г. их осталось 22—23%. До 48—50% генералов и старших офицеров были выходцами из семей средней и мелкой буржуазии города, национальной интеллигенции, выдвинувшимися в ходе национально-освободительной вооруженной борьбы. Из семей военных и крупных чиновников осталось около 20—22%, остальные 5—10% военнослужащих — представители высшего духовенства⁴. Среди офицеров среднего ранга (командиры рот и батальонов и им равные) большинство — выходцы из семей мелкой и средней буржуазии города, зажиточных крестьян и трудовой интеллигенции (учителя, врачи и др.), мелких служащих. Среди младшего офицерского состава абсолютное большинство — из семей мелкой буржуазии города и деревни, из крестьян-арендаторов, пролетарских и полупролетарских слоев города. Политические позиции этой части офицеров, взгляды на перспективу развития государства «не совпадали со взглядами генералитета и старших офицеров, близких к наиболее имущим слоям общества, они часто стали высказывать несогласие с мероприятиями государства»⁵.

Приведенные данные свидетельствуют о резком уменьшении доли выходцев из семей потомственных военных и крупных чиновников, зато заметно растет доля выходцев из среды мелкой буржуазии города и деревни. В перспективе можно ожидать дальнейшего роста влияния офицеров — представителей мелкой буржуазии города и деревни, среди которых широко распространены революционно-демократические идеи. Но это предвещает дальнейшее обострение борьбы в среде верхушки армии.

В Индии, Пакистане, Таиланде в 60—70-е годы из лиц, принятых в военные училища и военные колледжи, 63,8% были выходцами из мелкой буржуазии⁶. «Когда речь идет о прогрессе и достижениях общества „третьего мира“, — пишет американский бригадный генерал К. С. Пирсон, — средние слои заверяют, что только они способны построить „справедливое общество, отвечающее интересам (национальным, традиционным) всего народа“»⁷. Такая оценка косвенно отражает беспокойство высших военных кругов Запада перед лицом все увеличивающейся демократизации личного состава офицерства в странах Востока.

Революционные, общенациональные задачи армии, призванной защитить государство и народ от империалистической аг-

⁴ Analysis Board. Annual Military Information Army Social. L., 1973, с. 788.

⁵ Ibid.

⁶ Подсчитано по: «Strategic Survey», 1968, 1972, с. 41, 43.

⁷ K. S. Pirson. The Middle Class in National Policy. Toronto, 1969, с. 182.

рессии, обеспечить дальнейшее развертывание строительства независимой экономики, развитие демократических принципов общественных отношений, в условиях мира требуют наличия постоянной армии, укомплектованной по закону о воинской повинности для всех граждан соответствующих возрастов. Таким образом, армия представляла бы собой отражение социальной структуры («сколок общества»). В настоящее время в большинстве государств Азии и Африки еще не принят закон о всеобщей воинской повинности. Армия комплектуется по набору или по административной разверстке. Такое положение дает возможность военному командованию в странах капиталистической ориентации регулировать набор в армию и подготовку младшего офицерского состава — решающего звена в обучении и воспитании солдат — за счет наиболее политически отсталых или же «традиционно», т. е. религиозно, воспитанных контингентов города и деревни. Что касается рядового состава, то и здесь представляется возможность за счет безработных или разоренных крестьян набрать такие контингенты, которые легко поддаются религиозному и националистическому воспитанию, для которых казарма — второй дом и своего рода убежище от безработицы и нищеты.

При обучении и воспитании армий афро-азиатских стран большие трудности создает массовая неграмотность населения. Так, по данным на 1971 г., в суданской армии среди солдат и младших офицеров неграмотных было 80,3%, в северийемской — 85,1, в индонезийской — 79,8%*. Такой высокий процент неграмотных мешает овладеть основами современного боя, препятствует изучению и использованию современной боевой техники. Именно поэтому в армиях, например, ряда арабских стран (прежде всего — Алжира, НДРЙ, Сирии и Ирака) обращается большое внимание на ликвидацию неграмотности, подготовку солдат к овладению современным оружием и боевой техникой, тактикой современного боя.

Быстрой ликвидации неграмотности и малограмотности мешают условия казарменного быта и определенная степень изоляции казармы от общественного и политического движения народных масс. К делу идеологического воспитания солдат и младших офицеров, как правило, не допускаются гражданские идеологи (кроме религиозных). Оно полностью контролируется армейским командованием.

Воспитанию армейских кадров в демократическом духе даже в странах социалистической ориентации иногда мешают предрассудки и предубеждения, страх перед отчуждением частной собственности и «лишением народа его индивидуальности», что якобы ведет к «духовному рабству общества». При этом выдвигается тезис о том, что никакие другие идейные концепции

* «Monthly Military Review SSP», 1972, № 211, с. 126—127.

и теории, кроме религиозных (будь то ислам, буддизм, индуизм и т. д.), не могут стать идейной основой построения «справедливого общества», что «научный социализм, стоящий на принципах классовой борьбы, — противник национальных традиций и национальных особенностей, он нивелирует все человечество, превращая его в безликую массу»⁹. Будучи применена к армии развивающихся государств, эта «теория» означает замену интернационального воспитания, воспитания афро-азиатского единства в борьбе против колониализма, религиозно-фанатическим воспитанием, разрушением единства интернациональных, антиимпериалистических сил.

Такое положение в области моральной и идеологической подготовки личного состава армий развивающихся государств вполне устраивает реакционную часть военной верхушки, поскольку в современных условиях роста политической активности общества привлечение армии для выполнения антинациональных замыслов только силой приказа недостаточно. Тогда на помощь приходят националистически, религиозно-фанатически воспитанные солдаты и младшие офицеры, слепо выполняющие отданные им приказы.

В свете всего сказанного совершенно очевидно, что национально-демократическим элементам в руководстве армии, революционно-демократическим и марксистским партиям предстоит еще много сделать для идейно-политического воспитания армии.

Армия как орудие воздействия на общество в афро-азиатских странах

Усиление политической роли армии в странах Азии и Африки, а также немалые заслуги военных в деле становления и функционирования революционной демократии, проведение политики социалистической ориентации четко продемонстрировали возросшие в 60—70-е годы возможности воздействия армии на развитие общества в целом. Отсюда — рост значения армии как одного из главных орудий преобразования жизни общества. И если во многих странах (Египте, Сирии, Ираке, Алжире, Ливии, Бирме, Северном и Южном Йемене, Эфиопии) в 50—70-х годах армия изменяла лицо общества в прогрессивном направлении, то с тем большим ожесточением силы империализма и реакции пытались в этот же период использовать армию в странах капиталистической или неопределившейся ориентации в своих целях. В рамках военно-политической и социальной стратегии империализма армии отводилась роль «орудия модернизации», т. е. социального, политико-культурного, тех-

⁹ F. Adams, Orientalistische Nationale Forschtelle, Basel, 1968, с. 74.

нологического и иного преобразования общества в буржуазном направлении. С начала 60-х годов эта концепция составила методологическую основу империалистической ориентации на военно-бюрократические режимы афро-азиатских стран.

Во-первых, армию в странах Азии и Африки рассматривали как наиболее современную организацию, отличную от политических партий, имеющих нередко религиозно-общинный характер, и от государственных бюрократических институтов, связанных с консервативными кругами (помещиками, аристократией). В отличие от гражданских организаций, по мнению буржуазных ученых США, вооруженные силы не разъединяют, а сплачивают разнородные этнические элементы в более широкую национальную общность¹⁰. Причем приобщение представителей отсталых народностей к современным порядкам может происходить наиболее легким для них путем, ибо, как указывал Л. Пье, «водораздел между традиционным и рационально ориентированным поведением не очень велик в армиях». Причина того — иерархический характер их организации, который, по его мнению, одинаково подходит к традиционным и современным нормам поведения¹¹.

Во-вторых, огромное значение в трудах западных социологов придавалось характеру военного образования офицерства, способности членов армии владеть современным оружием, подчеркивалась общая техническая направленность их профессиональной подготовки. При этом образование гражданских политиков рассматривалось как чисто гуманитарное, а если и техническое, то без необходимого технократического уклона. Абсолютизация технократического подхода военных, стремление видеть в них в первую очередь последовательных сторонников технологических изменений в жизни молодых государств характеризуют большинство буржуазных взглядов и концепций. «В слаборазвитом обществе [армия] приобретает новое измерение: хороший солдат является также в определенной степени современным человеком»¹².

В-третьих, западные теоретики обычно противопоставляли военных гражданским политикам, для которых якобы свойственны чрезмерная «националистическая эмоциональность», политическая демагогия и т. п. «Военные лидеры часто менее подозрительны по отношению к Западу, чем гражданские... Чувство эмоциональной безопасности дает возможность армейским руководителям реалистически смотреть на свои страны. Для них легче воспринять тот факт, что их страны слабы, а Запад силен. Поскольку эти лидеры в меньшей степени считают необ-

¹⁰ The Role of the Military in Underdeveloped Countries. Princeton, 1962, с. 33.

¹¹ Political Development and Social Change, с. 380.

¹² The Role of the Military in Underdeveloped Countries, с. 180.

ходимым избегать реальностей, с ними в действительности легче иметь дело»¹³.

Наконец, большинство буржуазных социологов отмечали важную административную роль офицерства, его компетентность в различных областях, способность обучать своих сограждан техническим специальностям¹⁴. Вместе с тем западные авторы обвиняли гражданских политиков в иррациональности и отсутствии чувства прагматизма.

Слишком часто рассуждения буржуазных идеологов носили абстрактно-теоретический характер, а оперировали они надклассовыми категориями «элиты», «страты» и т. п. Постоянное подчеркивание военно-технической стороны жизни и деятельности вооруженных сил или, наоборот, чисто административно-бюрократической функции военных создавало иллюзию того, что классовая сторона дела оставалась без внимания. Указать с точностью класс или социальную прослойку, на которые делал ставку империализм, не входило в задачи буржуазных идеологов, не заинтересованных в саморазоблачении. Более откровенны они были, когда говорили о модели общественного устройства, которую должны насаждать военные, сделавшись руководящей силой в государстве. В этих случаях «модернизация» означала подконтрольный процесс перехода от консервативных феодальных и полufeодальных порядков к буржуазным. Армия рассматривалась при этом не только в качестве силы, которая призвана осуществлять «опеку» в переходный период от старых к новым порядкам, но и служить школой подготовки гражданина буржуазного общества¹⁵. Путем развития экономической системы, образования, связи, путем увеличения «среднего класса» буржуазные идеологи предлагали военным воплотить в жизнь социальный идеал неокOLONиализма, насадить «сверху» буржуазные порядки в освободившихся странах при сохранении за ними роли зависимого звена в мировом капиталистическом хозяйстве.

Военно-бюрократические режимы

Насколько оправдались расчеты империалистов на армию, офицерство стран Востока? В одних случаях к власти приходили явно проимпериалистические группировки, в других — выступления военных знаменовали начало глубоких революционных преобразований в общественной жизни.

При всем своеобразии и неповторимости каждого из выступлений военных в 60—70-х годах представляется возможным выделить три основных типа армейских диктатур: военно-бюро-

¹³ Там же, с. 86—88.

¹⁴ Там же, с. 33.

¹⁵ Там же, с. 82.

кратический режим буржуазно-националистического характера, военно-бюрократический режим неокOLONиалистского типа, режим революционно-демократической военной диктатуры¹⁶.

В конце 50-х годов возникли военно-бюрократические режимы буржуазного характера в Пакистане и Судане, в середине 60-х годов — военно-бюрократическая форма организации власти в Индонезии. Черты военно-бюрократической диктатуры с элементами личной власти приобрело также правление Касема (1959—1963 гг.) и братьев Ареф (1963—1968 гг.) в Ираке.

Для Пакистана и Судана было характерно использование армии в качестве своего рода щита новой власти. В отличие от других стран Востока здесь не наблюдалось массового участия офицерства в управленческо-административной деятельности. Только высшие звенья правительственного аппарата оказались под контролем представителей старшего и высшего офицерства. Воспитанный в традиции строго профессионального войска, командный состав не мог пойти на широкое вовлечение армии в жизнь гражданского общества, усматривая в этом опасность возрастания роли тех офицерских групп, которые выражали интересы непривилегированных классов. В то же время в обеих странах военные имели готовый инструмент управления делами общества — воспитанную еще при англичанах государственную бюрократию.

Механизм военно-бюрократического правления в Индонезии значительно отличался от того, который возник в Пакистане и Судане в первые годы пребывания военных у власти. Можно сказать, что механизм военно-бюрократического правления Индонезии в основных чертах сложился в период, предшествовавший правому перевороту 1965 г. Важной его чертой было широкое участие военных в гражданских делах. Представители офицерства занимали не только высшие, но и средние, а то и низшие посты в иерархии власти, вплоть до управления в деревнях.

Во второй половине 60-х и в начале 70-х годов явно прослеживалась тенденция все большего проникновения членов вооруженных сил в государственный аппарат, в управление экономикой, за что буржуазные политические партии подвергали военных правителей критике, обвиняли их в «милитаризме».

Последствия военно-бюрократического правления в выше-названных странах весьма различны, как и исходный уровень социально-экономического развития, а также классовая природа правящей коалиции. Для Пакистана десятилетнее правление М. Айюб-хана ознаменовалось ускоренным ростом капитализма, расширением и усилением позиции местных и иностранных монополий. Происходило все более тесное переплетение привилегированных слоев с военной верхушкой и высшим звеном

¹⁶ Поскольку о революционной демократии речь шла выше, здесь рассматриваются только первые два типа режимов.

гражданской бюрократии. Вместе с тем, несмотря на значительный толчок в экономическом развитии Пакистана, а также изменения во внешней политике (некоторый отход от односторонней, прозападной ориентации), военно-бюрократическая система власти освящала прежний социальный порядок, хотя правящие силы предпринимали попытки его «оздоровления» и «улучшения».

Но по мере дальнейшего развития капитализма в Пакистане происходил рост новых социальных классов и слоев — пролетариата, разночинной интеллигенции, студенчества, непролетарских слоев трудящихся. Социальные сдвиги в пакистанском обществе предопределили дальнейшее углубление несоответствия между новыми общественными потребностями и характером буржуазно-бюрократической системы правления. Расширение рядов рабочего класса, возникновение новых профсоюзов привели к усилению рабочего движения. Все активнее выступали средние слои — городская мелкая буржуазия, адвокаты, учителя, студенты, требовавшие решения насущных проблем Пакистана. Росло и ширилось национальное движение народов Восточной Бенгалии против господства западнопакистанской крупной буржуазии и связанных с ней военно-бюрократических кругов. В условиях углубляющегося кризиса пакистанские генералы встали на путь авантюристической агрессии против Индии, стремясь переложить на нее ответственность за свой оголтелый шовинистический курс. После создания в 1971 г. на территории бывшего Восточного Пакистана суверенного демократического государства бенгальского народа Бангладеш в результате мощного оппозиционного движения власть генералов в Пакистане пала. В стране было установлено гражданское правление. Однако в 1977 г. военные снова взяли власть в свои руки.

Рядом особенностей характеризуется становление военно-бюрократического режима в Индонезии. Во-первых, переход к военно-бюрократическому правлению здесь происходил в обстановке невиданного террора и репрессий против демократических сил, в первую очередь против коммунистов. В результате разгрома коммунистической партии, а также других национально-демократических организаций невероятно сузилась база возможностей оппозиции господству правой военной элиты. Во-вторых, разгромив левые силы, военные власти сохранили правые и ряд умеренных партий, а некоторые из них, ранее запрещенные, смогли даже возродиться в новом обличье, как это было с правой Мусульманской партией Индонезии — наследницей Машуми. Путем прямого нажима, различного рода вмешательства в партийную жизнь военным удалось навязать свой режим индонезийской буржуазии и, более того, вырвать у нее признание законности новой власти. В-третьих, военные временно смогли привлечь на свою сторону значительные массы мо-

лодежи из состоятельной и мелкобуржуазной среды, руками которой в значительной степени осуществлялись расправа над политическими противниками и расчистка почвы для «нового порядка».

Все эти причины, а также огромная финансовая и военная помощь империалистических держав в совокупности объясняют, почему военно-бюрократический режим в Индонезии в 60—70-е годы с первого дня существования характеризовался постоянным расширением каналов и возможностей для ускоренного капиталистического развития в различных областях.

Если военно-бюрократические режимы Пакистана, Индонезии, Судана возникли в политически независимых странах, а приход военных к власти в них представлял результат сложного развития внутривластных процессов, то по-другому обстояло дело в таких неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ государствах, как Южная Корея и (до 1975 г.) Южный Вьетнам, где основным инструментом власти — армия не была производным национального государства, а представляла собой искусственное образование, выкроенное по иностранному образчику. Исследователь проблем Южного Вьетнама Д. Дункансон писал о том, что идеалом военной миссии США в этой стране было создание такой южновьетнамской армии, которая являлась бы «дубликатом» американской армии. Структура ее командования, службы обеспечения, военного управления, психологической подготовки — все это почти дословно повторяло организацию вооруженных сил США¹⁷. Полная зависимость марионеточной южновьетнамской армии от ее империалистических хозяев находила свое выражение в поставках американского оружия и снаряжения, в помощи американских советников и военнослужащих их «союзникам» в делах управления местным населением оккупированных районов. Более того, вся армия находилась на полном американском содержании¹⁸. Огромное сходство по своему характеру с южновьетнамской имела также находящаяся до сих пор под американским контролем южнокорейская армия.

Приход к власти в 60-х годах военно-бюрократических режимов неокOLONИАЛИСТИЧЕСКОГО типа был обусловлен рядом причин международного и внутреннего характера.

Рост могущества мирового социализма, углубление революционных процессов в освободившихся странах вынуждали империализм полагаться в первую очередь на те режимы, которые были всецело ему обязаны своим существованием. Представляющие интересы феодально-помещичьих, буржуазно-консервативных и иных реакционных социальных сил, режимы Ли Сын Мана в Южной Корее, Нго Динь Зьема в Южном Вьетнаме,

¹⁷ D. J. Duncanson, *Government and Revolution in Vietnam*. L., 1968, с. 269.

¹⁸ Там же, с. 292.

Чан Кай Ши на Тайване связывали всецело свою судьбу с империализмом США. Крупнейшая держава капиталистического мира была для них главной опорой и защитой против гнева и ненависти народных масс. В то же время американский империализм рассматривал эти режимы как плацдармы для наступления на мировое революционное и национально-освободительное движение. Таких «льготных» условий для закрепления своих военных, экономических и политических позиций империализм, пожалуй, не имел ни в одном из других государств, даже вовлеченных в систему военных блоков.

Однако чрезвычайно узкая внутренняя социальная база реакционной власти вела к ее неминуемому краху в течение всего послевоенного периода. В начале 60-х годов Южная Корея и Южный Вьетнам оказались на грани общенационального восстания. Небывалая активность широких масс студенчества и верующих фактически парализовала механизм правления, который формально выступал в конституционном и даже парламентском обличье. Это заставило империализм США срочно искать ему замену. Замена была найдена в военно-бюрократическом режиме неокOLONИАЛИСТИЧЕСКОГО типа.

Если в политически независимых государствах Востока теории западных стратегов о модернизирующей роли активных в гражданской жизни армий проходили проверку в условиях, когда национальный суверенитет в большей или меньшей степени сохранялся, когда воздействие на них империализма принимало косвенные и подчас весьма завуалированные формы, то Южная Корея и Южный Вьетнам стали в полном смысле слова «опытным полем» американских стратегов и политиков, стремившихся применить на практике эти теории. Местные вооруженные силы неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ режимов были наиболее удобным инструментом для этой цели. Руководили ими фактически американские генералы. Офицерский корпус этих армий был подготовлен под надзором американских инструкторов. В его высшие и средние звенья набирались обычно выходцы из привилегированных буржуазно-помещичьих кругов, а иногда из среды сельской буржуазии.

Воспитание в глубоко проимпериалистическом, антикоммунистическом духе сделало офицерский состав этих армий надежной опорой неокOLONИЗАТОРОВ. Последним удалось настолько тщательно проконтролировать внутреннюю жизнь войска, что всякие изменения и реорганизации в нем практически всегда направлялись американцами. По их воле в южновьетнамской армии произошли в начале 60-х годов перемены в командовании. На смену высшим офицерам «французской школы» пришли молодые военнослужащие американской выучки, выпускники военных школ и колледжей США. В отличие от прошлых лет им была уготована гораздо более широкая политическая миссия.

Захват высшего государственного руководства местной военщиной в 1961 г. в Южной Корее¹⁹ и в 1963 г. в Южном Вьетнаме привел к изменению формы осуществления власти, но не изменил ее сущности. В противовес тому, что утверждали теоретики модернизации, называвшие местное офицерство и «младотурками» и «революционерами», внутреннее развитие военно-бюрократических режимов неокOLONИАЛИСТСКОГО типа показало, что они никак не представляют новые социальные силы. Запрет же буржуазно-помещичьих партий — верных прислужников американского капитала — не имел характера революционной меры.

Опыт Южной Кореи показывает, как практически вся прежняя гражданская политическая верхушка через несколько лет была интегрирована в состав правящей группировки, возглавляемой военными. Особенно это стало видно после 1963 г., когда под давлением американцев южнокорейская диктатура приняла обличье «избранного народом» правления. Правящая верхушка зависела в своих средствах от южнокорейской буржуазии, связанной с американским капиталом. Давая характеристику созданной ею Демократическо-республиканской партии, южнокорейский исследователь Хан писал: «Во всяком случае, сейчас ДРП так близко ассоциируется со старыми силами, что ориентация военных на развитие во главе с объединенной и эффективной правящей элитой оказалась не более чем лозунгом. Возможно, единственно крупным изменением в старой форме правления в Южной Корее является то, что военные ныне включены в список старых сил... В итоге господство ныне существующей правящей группы в Южной Корее — это продукт четырехстороннего альянса: военных, крупного бизнеса, высокопоставленных чиновников и ДРП»²⁰.

Приблизительно на таком же этапе социально-политического развития находился в 60-е и начале 70-х годов южновьетнамский военно-бюрократический режим. Он опирался во внутренней жизни на существующую при помощи американских штыков структуру военно-бюрократического управления, олицетворяемую назначенными в провинции из Сайгона военными и гражданскими чиновниками²¹. Поддержание этой глубоко централизованной системы управления, естественно, какое-то время могло сохранять у власти сайгонский режим. В обстановке нарастания национально-освободительной борьбы южновьетнамская армия широко использовалась в так называемых контрреволюционных (контринсургентских) действиях, а также в гражданском управлении оккупированными территориями. Разработанная империализмом США теория и практика войн

¹⁹ См.: В. М. Мазуров, Южная Корея и США, М., 1971.

²⁰ «Pacific Affairs», Winter 1969/70, с. 449—451.

²¹ «The Economist», 29 August 1970, с. 30.

против национально-освободительного движения определяла всю внутреннюю политику сайгонской администрации.

В «противоповстанческой» стратегии империализма в 50—60-х годах можно проследить ряд общих и особенных черт. Доктрина контринсургенции является одним из важнейших орудий борьбы империализма и связанных с ним местных реакционных сил против национально-освободительного движения. В определении империалистических политиков, она представляет собой сочетание «военных, политических, экономических, психологических и гражданских акций»²², направленных на подавление «повстанцев», под которыми подразумеваются борцы за свободу. Причем «военные акции», или, по-другому, война против национально-освободительного движения, рассматриваются империалистическими стратегами в качестве основного средства. Все же остальные играют подчиненную роль. В этом отношении американская стратегия в Южном Вьетнаме была прямым продолжением французской «противоповстанческой» стратегии. Д. Дункансон указывал даже на тождественность этой стратегии у французов и американцев²³.

Однако в отличие от французской практики контринсургенции в Индокитае и Алжире, английской в Малайе, американо-филиппинского «опыта» с подавлением движения «Хукбалахан» на Филиппинах в конце 40-х — в 50-х годах, в Южном Вьетнаме американские империалисты вели массированные военные операции, невиданные по своим масштабам, против широкого национально-патриотического движения. Здесь чисто военные методы подавления с использованием полумиллионной американской армии, самого современного по западным стандартам оружия оставили далеко позади все остальные.

Увеличив сайгонскую армию почти до 1,5 млн. человек, оснастив ее современным тяжелым вооружением, американские правящие круги взяли курс на превращение ее в агрессивную силу, бронированный кулак империализма в районе Юго-Восточной Азии.

Однако курс мирового империализма на решительное подавление национально-освободительного движения с использованием методов и приемов контринсургенции потерпел полный провал. И в этом одно из принципиальных отличий между двумя фазами военно-политической контрреволюционной экспансии империализма на Востоке, т. е. между периодами 50-х и 60-х годов. Если английским колонизаторам в Малайе и американским на Филиппинах удалось резко сократить масштаб вооруженных выступлений левых демократических сил путем широкого использования «политических и экономических, психологических» акций, то коллективная контринсургенция на

²² M. Weston Dow, Nation Building in Southeast Asia. Boulder-Colorado, 1966, с. 17.

²³ См.: D. J. Duncanson, Government and Revolution in Vietnam, с. 304.

протяжении 60-х годов терпела провал за провалом. В основном те же самые методы противопартизанских действий, которые прошли испытание в Малайе и на Филиппинах, оказались неэффективными в Южном Вьетнаме. В конце 60-х — начале 70-х годов проявились с невиданной силой симптомы глубокого кризиса в неокOLONIALИСТСКОМ курсе на военно-бюрократические режимы. Наиболее красноречивое свидетельство этого — бесславный крах в Южном Вьетнаме, Лаосе и Кампучии неокOLONIALИСТСКИХ режимов в середине 70-х годов. Победа патриотов над ставленниками империализма и самим империализмом стала возможной в результате героической борьбы народов, использования всех ее методов — военных, дипломатических, политических, в результате братской поддержки стран социалистического содружества, в первую очередь СССР, наконец, единых действий международного движения солидарности с героическим сопротивлением народов Индокитая. Память об этом навсегда останется в истории, несмотря на последовавшие вскоре, в 1977—1978 гг., попытки Пекина отравить атмосферу в Индокитае, противопоставив клику Пол Пота в Кампучии единому социалистическому Вьетнаму.

Совсем по-другому складывалась обстановка и в тех странах Востока, где по замыслу западных стратегов в ходе армейского вмешательства должен был установиться относительно «стабильный режим». Хотя в течение многих лет западные политологи и рассматривали вооруженные силы молодых стран Азии и Африки как привилегированную организацию, строгая иерархия которой гарантирует буржуазно-консервативную и проимпериалистическую ориентацию, в жизни все оказалось по-другому. Во многих государствах Азии и Африки вооруженные силы по своему составу никогда не были организацией какого-то одного класса или социального строя. Упорная борьба между различными офицерскими группами и фракциями в Бирме, Египте, Судане и других странах в течение всего послевоенного периода свидетельствовала о том, что вооруженные силы, их офицерский корпус далеки от консолидации. В самом широком плане борьба в армии отражала процесс размежевания различных классовых сил в постколониальном обществе.

В среде офицерства многих восточных стран оказались выходы из непривилегированных слоев, которые в социальном отношении не были связаны с аристократией, крупной буржуазией. После антимоноархических революций в некоторых арабских государствах высшее, связанное с правящей верхушкой офицерство было изгнано из национального войска.

Конечно, все это отнюдь не означает, что армия на Востоке обязательно становится средоточием демократических элементов в силу непривилегированного происхождения значительной части военнослужащих. По мере дальнейшего развития национально-освободительного движения, углубления процесса раз-

межевания классовых сил различные офицерские группы и фракции вновь и вновь вынуждены определять свою классовую позицию. Часть офицерства пытается в корыстных целях употребить приобретенные им невиданно широкие каналы социального продвижения, наладить новые «деловые» связи, в том числе с теми классовыми группировками, которые были свергнуты революцией.

Именно поэтому империалистические стратеги стремятся максимально использовать в своих целях процесс образования прослойки бюрократической буржуазии, который является общей закономерностью для подавляющего большинства военно-бюрократических режимов. Военнослужащие самого различного происхождения, от буржуазно-помещичьего до мелкобуржуазного, могут использовать рычаги государственного правления для личного обогащения, расширения возможностей для капиталистического развития. В большинстве случаев сотрудничество с империализмом рассматривается ими как необходимая предпосылка капиталистической эволюции государства.

Тем не менее опыт 60—70-х годов показывает, что значительная прослойка патриотически настроенного радикального офицерства в армиях стран Востока оказывает возрастающее влияние на внутреннюю жизнь вооруженных сил: стремится к решительной борьбе с внутренней реакцией и империализмом. В этом отношении весьма показателен опыт стран, вступивших на некапиталистический путь развития под руководством офицеров-патриотов национальных армий — Алжира, Бирмы, Сирии и некоторых других стран.

Национальная армия постколониального общества Востока совершает ныне иной, не predetermined империализмом путь. НеокOLONIALИЗМ стремится использовать любые уязвимые места вооруженных сил стран Азии и Африки, чтобы превратить их в продолжение своих «оборонительных рубежей» в борьбе против мирового социализма и национально-освободительного движения. Однако развитие армии, как и других институтов молодых государств, происходит в современную эпоху в принципиально иной международной обстановке, отличной от той, которая существовала четверть века назад. Рост могущества мировой системы социализма, ее дружеская помощь в упрочении экономического потенциала и обороноспособности молодых суверенных государств создают серьезную преграду на пути неокOLONIALИСТСКИХ действий против афро-азиатских армий. Это могущество демонстрирует антиимпериалистическим силам местного офицерства и рядового состава неуклонную волю социалистических государств и стоящих на страже их рубежей армий противостоять проискам общего врага всех народов — империализма. Глубокое осознание демократическими военными кругами молодых стран этой новой реальности, ее необратимости будет способствовать дальнейшему укреплению суверените-

та афро-азиатских государств, превращению местных армий в подлинно национальную, революционно-демократическую силу, упрочению международных позиций неприсоединившихся стран Востока.

Армия и защита национальных завоеваний

В 60—70-х годах военные действия и непрекращающиеся провокации империалистических сил против народов Азии и Африки (войны во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе, Анголе, Ливане, израильская агрессия на Ближнем Востоке), конфликтные ситуации между отдельными государствами Азии и Африки (китайско-индийский, индийско-пакистанский пограничные конфликты) привели к тому, что проблемы национальной обороны и создания системы коллективных общенациональных мер для отражения агрессии стали более актуальными. Империалистическая подрывная политика в Азии и Африке преследует цель держать народы в постоянной тревоге, а правительства государств этих континентов — заставить расходовать значительные средства и напрягать экономику для содержания значительной армии, строить укрепления и создавать специальные военно-промышленные предприятия. Подобная политика империализма представляет также серьезную угрозу позициям неприсоединения и позитивного нейтралитета многих государств Азии и Африки.

Трудности развивающихся государств Азии и Африки обусловлены еще и тем, что они не накопили достаточного опыта организации национальной обороны, такой обороны, которая была бы способна противостоять агрессивным армиям современного империализма. Выходом из создавшегося положения могли бы служить коллективные усилия развивающихся государств в деле организации отпора империалистическим агрессорам и их пособникам. Однако такие механизмы коллективной безопасности еще не созданы. Поэтому остается задача организации и совершенствования национальной обороны. Решение этой задачи связано с радикальными социальными преобразованиями, с определенной перестройкой планов развития.

Как писал Ф. Энгельс, «ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения»²⁴. Эта зависимость видна, когда приходится с оружием в руках отстаивать завоеванную свободу. В этом случае заметно отставание военного дела в целом, военно-экономической базы в частности.

²⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. — Т. 20, с. 171.

Во многих развивающихся государствах Азии и Африки нет или почти нет современной национальной промышленной базы, нет отрасли производства вооружения и военной техники, отсутствуют кадры инженерно-технического персонала для конструирования и производства, а также эксплуатации современного оружия и военной техники, поэтому армии этих государств находятся в большой зависимости от поставок оружия и военной техники из-за рубежа.

В силу этого проблема вооружения и технического оснащения армий развивающихся стран Азии и Африки приобрела не только экономическое, но и военно-политическое значение. Армия, оснащенная оружием и военной техникой за счет поставок и «даров» из капиталистических стран, «привязывается» к их военно-промышленному комплексу, становится зависимой от поставок техники и снаряжения, от импортированных частей для ремонта. Мало того, наличие импортной военной техники и оружия влечет за собой приспособление боевой подготовки и способов ведения боевых действий подразделений и частей национальной армии к тактико-техническим данным импортного оружия и военной техники, а не наоборот, как это имеет место в армиях с собственной национальной военно-промышленной базой.

Поскольку поставки и «дары» военной техники и оружия из стран развитого капитализма для армий независимых государств Азии и Африки нередкое явление, военно-политические круги этих стран получают возможность для непосредственного вмешательства в подготовку кадров, в планирование боевой подготовки.

Конечно, наличие социалистического содружества с его постоянной готовностью оказать необходимую поддержку (в том числе и в создании современных армий) существенно ограничивает эти «возможности» империализма.

По состоянию на 1974—1975 гг., под ружьем в азиатских государствах, входящих в военно-агрессивные группировки, находилось 2 851 881 солдат и офицеров (без учета вооруженных сил Южного Вьетнама — 565 тыс. человек), в армиях неприсоединившихся государств Азии и Северной Африки — 2 719 300 человек, в армиях государств остальной Африки — 453 750 человек, а всего армий этих двух континентов насчитывали 6 589 931 человека. На содержание такой армии ежегодно расходуется примерно 25,5 млрд. долл. (более точная цифра — 25,360 млн. долл.)²⁵.

Эти данные показывают одну из форм современного неокolonизма, когда методом нагнетания напряженности международной обстановки и провоцирования военных конфликтов можно вызвать значительный рост непродуцируемых военных

²⁵ The Military Balance 1974—1975. L.

расходов, наносящий огромный вред экономике развивающихся государств. Буржуазные социологи и экономисты признают «за благо» то обстоятельство, что в условиях ограниченной возможности для роста занятости армии развивающихся государств имеют условия для содержания миллионов молодых парней, выплачивая им «хороший прожиточный минимум» за службу в вооруженных силах. Однако при этом скрывается то обстоятельство, что эти парни надолго потеряны для общества в качестве квалифицированной рабочей силы.

Не менее остро разворачивается борьба вокруг проблем развития форм организации вооруженных сил и военного искусства. Несомненно, формы организации и военное искусство армии зависят от политической организации государства, его экономических возможностей, а также контингентов, в частности. Все эти показатели, в свою очередь, обуславливают военную и политическую зрелость армии, ее готовность защищать завоевания национальной революции.

Подготовка кадров военных специалистов всех звеньев для армий независимых стран Азии и Африки имеет принципиальное военно-политическое значение, и на этой почве разворачивается острая борьба как в правительственных кругах, так и в армиях этих государств, ибо речь идет не только о боеспособности, но и о будущем армии, ее политической ориентации и социальной роли.

Выше было обращено внимание на отрицательное влияние отсутствия системы обязательной воинской повинности в армиях большинства афро-азнатских государств. Это вызвано желанием определенных классов и социальных групп общества оградить армию от проникновения революционных, социалистических идей под предлогом необходимости «профессионализации» армий. Логика подобных рассуждений такова, что мобилизованный в армию «на работу особого характера, при этом хорошо оплачиваемую», может стать профессиональным воином, а в современных условиях научно-технического прогресса, быстрого внедрения достижений науки и техники в военном деле нужен солдат-профессионал. Сама армия при этом, мол, может быть ограничена численно. Действительно, многотысячная армия — тяжелое бремя для народа, расходы на содержание такой армии чрезвычайно обременительны. Но к защите завоеваний национальной независимости, развития по пути прогресса и социализма должен быть готов весь народ. Его наиболее физически и морально подготовленные контингенты молодежи, воспитанные в духе ответственности за судьбу своей страны, готовятся служить с оружием в руках делу национальной независимости. Система обязательной воинской повинности может обеспечить армию подготовленными резервами, расширить социальные рамки воинских формирований, привести к изменению армии по социальному составу, придать ей более демо-

кратический характер, укрепить ее как подлинно народную армию.

Кардинальной проблемой современности является всеобщее и полное разоружение, которое стало бы основой для укрепления всеобщего мира и безопасности народов. Значительное сокращение армий и военных ассигнований на оборону освободило бы государства, и в первую очередь развивающиеся государства Азии и Африки, от тяжелого бремени непроизводительных расходов, позволило бы им успешно бороться за экономическую независимость, демократию и прогресс.

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ВОСТОКА

Тот факт, что страны Востока выступают в общественно-экономическом плане в целом как отсталые по сравнению с империалистическими, не должен скрывать от нас другого важного факта — серьезных различий в достигнутых уровнях общественно-экономического развития между отдельными странами или группами стран.

В данном случае исключительно важно учитывать, что вследствие неравномерности экономического развития освободившихся стран, обусловленной неодинаковостью социальных, исторических, политических, географических, этнических и других условий, ликвидация разрыва между развивающимися и высокоразвитыми капиталистическими странами будет решаться по-разному и в значительно различающиеся между собой исторические сроки.

Научный, марксистско-ленинский метод анализа и сопоставления результатов социально-экономического развития отдельных стран или групп стран требует строгого учета фактора сравнимости их показателей. Буржуазные авторы часто игнорируют важные формационные различия и пытаются подменить их различиями в чисто количественных показателях экономического роста. Наглядным примером этого может служить получившая довольно широкое распространение теория американского ученого У. Ростоу о «стадиях экономического роста»¹.

Наряду с формационной неоднотипностью страны Востока характеризуются и существенными различиями в степени своего промышленного и сельскохозяйственного развития. Нужно отметить при этом, что степень различия между какими-либо двумя странами может оказаться столь же значительной, что и между развитой капиталистической страной и одной из освободившихся стран. В самом деле, Индия или Сингапур в экономическом отношении весьма далеки от Англии или Швеции.

¹ W. Rostow. The Stages of Economic Growth. Cambridge (Mass.), 1960.

Но и такие страны, как Непал или Северный Йемен, также отделяет значительная дистанция по результатам экономического развития от Индии и Сингапура. Достаточно указать на такой, например, факт, что к концу первой мировой войны индийские капиталовложения в промышленность уже превышали английские и что ко времени достижения независимости отрасли легкой промышленности Индии, на которые приходилось почти четыре пятых валовой стоимости производства, практически полностью захватили внутренний рынок и обеспечивали основную часть экспорта обработанных товаров². Многие же другие освободившиеся страны лишь после 10—20 лет независимого развития смогли приблизиться к подобному положению³.

Вследствие неодинаковости исходной социально-экономической базы, равно как и различий природных и общественно-политических условий, экономическое развитие стран Азии и Северной Африки и ныне отмечено печатью неравномерности. Это обстоятельство приобретает тем большее значение, что экономика подавляющей части указанной группы государств (в том числе и с прогрессивными революционно-демократическими режимами) в значительной мере продолжает функционировать в рамках капиталистических мирохозяйственных связей. И пока такое положение сохраняется, дальнейшее экономическое развитие этих государств неизбежно будет характеризоваться углублением этой неравномерности. Отдельные страны, отдельные отрасли и предприятия в этих странах могут вырваться вперед, тогда как другие будут топтаться на месте или даже отставать.

В этой связи хотелось бы коснуться вопроса о методике суммарных оценок и основанном на них прогнозировании перспектив социального и экономического развития стран Востока. Неточные оценки перспектив экономического развития указанных стран и связанные с ними социально-политические прогнозы весьма часто являются следствием применения методики общерегиональных и тому подобных расчетов, использования «валовых» показателей по всем развивающимся странам. Тем самым сбрасывается со счетов не только неодинаковость наличных уровней общественно-экономического развития этих стран, но и различие реальных и потенциальных возможностей их дальнейшего роста и модернизации.

Так, в ежегодном докладе председателя Комитета помощи развитию за 1975 г. констатировалось, что темпы прогресса всей

² См.: Г. К. Широков. Индустриализация Индии. М., 1971, с. 21.

³ В первой половине 60-х годов созданная в странах «третьего мира» промышленность обеспечивала в среднем до 4/5 всех поставок для внутреннего потребления и экспорта. Но лидирующее место в этом плане занимают страны Латинской Америки, а не страны Востока, тем более Африки (см.: А. Я. Эльянгов. Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок. М., 1976, с. 212—214).

группы развивающихся стран, взятой в целом, «были беспрецедентными, далеко превосходя темпы, достигнутые индустриальными странами на какой-либо сопоставимой ранней стадии их развития»⁴. В докладе отмечалось, что в течение 60-х годов реальный национальный продукт развивающихся стран рос в среднем ежегодно на 5,5%, т. е. превышал намеченный на первую декаду развития ООН показатель (5%), который поначалу считался многими «амбициозным». Среднегодовые темпы прироста национального продукта в течение 1970—1974 гг. составили примерно 6%, т. е. опять же соответствовали наметкам ООН на вторую декаду развития. Причем темпы прироста в промышленности (8%) и удельный вес накоплений (20% национального продукта) значительно превышали основные прогнозы.

Но можно ли на основе подобных обобщенных показателей дать хотя бы приблизительную оценку действительного экономического положения в развивающихся странах, не говоря уже о перспективе? Разумеется, нет. Ведь в одной, численно небольшой группе стран этот показатель значительно превышен, в другой — далеко не достигнут, в третьей — колеблется в районе этого показателя. К тому же реальные и потенциальные факторы дальнейшего экономического роста в разных странах весьма неодинаковы.

Вот некоторые цифры, дающие определенное представление о степени неравномерности экономического развития освободившихся стран. Из 112 стран, которые, по определению ООН, относились в 60-х годах к развивающимся, на долю 63 приходилось более 90% валового национального продукта этой группы государств. Доля остальных 49 государств составляла лишь 10%. Причем и внутри первой группы стран темпы экономического развития были весьма различными. Так, в 1960—1966 гг. валовой национальный доход 20 развивающихся стран увеличивался ежегодно в среднем на 7,1%, 25 других — на 4,8, а 18 — лишь на 2,3%⁵.

Неравномерностью отмечено и последующее развитие этих стран. В 1972 г. зарубежная статистика уже насчитывала 142 развивающиеся страны. Из них 46 стран относились к категории «бедных» (с национальным доходом 200 долл. и менее на душу населения), но почти половину этой группы стран следовало отнести к категории «наиболее бедных», так как прирост национального дохода в течение 1960—1972 гг. не превышал 3%, что в пересчете на душу населения составляло менее 1%. Поэтому, когда в 1974 г. прирост национального дохода упал до

⁴ «Development Co-operation. Efforts and Policies of the Members of the Development Assistance Committee, 1975 Review», P., 1975, с. 10 (далее — «Development Co-operation... 1975 Review»).

⁵ «Проблемы мира и социализма», 1971, № 1, с. 75.

2,5%, то это практически означало, что для 1 миллиарда людей не произошло вообще никакого прироста доходов. В то же время темпы прироста душевого национального дохода в более чем 60% стран с доходом свыше 375 долл. на душу (исключая нефтеэкспортирующие страны) превышали в течение 1960—1972 гг. 3%⁶.

Нужно отметить и то, что при прочих равных условиях различные группы стран имеют неодинаковые возможности и перспективы дальнейшего экономического роста. Так, как правило, группа среднедоходных стран, уровень душевого дохода в которых в 1973 г. был 200—700 долл., сравнительно легче перенесла крайнее обострение энергетического кризиса в 1974—1975 гг. В указанные годы темпы прироста душевого дохода в этой группе стран были примерно на уровне 3%. Это ниже соответствующего показателя для данной группы в течение 60-х годов, но нельзя не видеть при этом, что группа более высокоразвитых капиталистических стран (с душевым доходом свыше 700 долл.), импортирующих нефть, оказалась в значительно худшем положении. В 1974—1975 гг. темпы прироста душевого дохода здесь составляли в среднем менее 1%. Вместе с тем в 40 беднейших странах (с доходом менее 200 долл.) прирост душевого дохода в 1974—1975 гг. был чисто символическим (в 1974 г. он уменьшился на 0,7%, в 1975 г. — увеличился на 1,7%), а в 8 из них наблюдалось даже сокращение и без того низкого дохода⁷.

Тот факт, что обобщающие статистические данные по всем освободившимся странам в целом дают лишь самое приблизительное представление об их общей отсталости и что за этими данными скрываются весьма существенные различия, связанные с неравномерностью развития отдельных стран, осознается теперь многими специалистами. Поэтому все чаще прибегают к более подробной региональной статистике.

При таком подходе несколько иначе будет выглядеть и сравнительная картина экономического развития освободившихся и развитых капиталистических стран. Так, если темпы среднегодового роста реального продукта в 1960—1970 гг. составляли по Азии в целом 5,5% (в том числе на душу населения — 3%), а по Европе — 6,9% (5,3%), то аналогичные, но более подробные порегиональные показатели по Азиатскому континенту выглядят уже так: Средний Восток — 8,2% (5,3%), Южная Азия — 4 (1,7) и Дальний Восток — 6,3% (3,5%)⁸. Из этих данных, казалось бы, очевидно, что перспектива сокращения разрыва в уровнях экономического развития для Среднего Востока совершенно иная, чем у Южной Азии и даже Дальнего Востока.

⁶ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 25, 52—53.

⁷ «Development Co-operation... 1976 Review», P., 1976, с. 14, 35.

⁸ «Development Co-operation... 1971 Review», P., 1971, с. 116.

И все же этот вывод может не иметь никакого непосредственного практического значения с точки зрения оценки реальной ситуации в экономике отдельных стран этих подрегионов, а стало быть, и в смысле попыток разработать конкретную программу развития для них. Ведь когда мы говорим, что Средний Восток находился в лучшем положении, чем Северная Африка, то тем самым как бы подразумеваем, что страны внутри этих регионов представляют собой нечто более или менее однородное. На деле же факторы, сдерживающие или стимулирующие экономическое развитие, могут быть настолько различными, что результаты индивидуальных сопоставлений стран различных регионов могут противоречить выявленным ранее общерегиональным тенденциям.

Нет ничего удивительного поэтому, что авторы Экономического обзора ООН за 1967 г. вынуждены были в конце концов прийти к «наиболее важному выводу» о том, что «обобщения» лишь в очень ограниченной степени могут служить «основой для действий» и что в конечном итоге «стратегия развития должна основываться на показателях по странам и постоянно обновляться в свете происходящих событий»⁹. К аналогичному выводу, хотя и с более узкопрагматических позиций, пришел также и автор упомянутого выше доклада Комитета помощи развитию. Он отмечает, в частности, следующее: «За последние годы стало во всевозрастающей степени очевидным, что объединение всех получателей помощи в одно целое, именуемое развивающимися странами, хотя удобно при дискуссиях и примерно соответствует политической группировке, тем не менее ведет к затемнению различий в положении отдельных стран. Эти различия быстро усиливались, что привело к следующим результатам: несколько успешно развивающихся государств имеют в настоящее время доходы, близкие по своим размерам доходам некоторых стран-доноров, в то время как на другом полюсе оказались страны, которые все еще очень бедны и доходы которых растут едва быстрее, чем их население, если только это вообще имеет место»¹⁰.

Однако если ни глобальный, ни региональный или подрегиональный подходы в оценке ситуации и перспектив экономического развития освободившихся стран не представляются достаточно продуктивными, то и использование в этих целях какого-либо одного универсального экономического показателя для группировки этих стран также не разрешает полностью проблемы. До недавнего времени считалось, например, что национальный доход на душу населения может служить наиболее точным показателем общего уровня развития, так как он учитывает не только масштабы экономического роста, но и соот-

⁹ «Development Co-operation... 1971 Review», с. 202—204.

¹⁰ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 51.

ношение последнего с демографической динамикой¹¹. Этот показатель имеет то бесспорное преимущество, что он как бы «уравнивает в правах» разные страны, беря за основу сопоставления общую для всех единицу населения и, таким образом, давая сравнительную картину экономического развития.

Так, исходя из азиатских масштабов развитости, можно было бы выделить, скажем, три основные группы стран: с крайне низким национальным доходом на душу населения — 100 долл. в год; со средним уровнем дохода — 101—400 долл., с довольно высоким уровнем дохода — свыше 400 долл. на душу. Тогда государства и территории Азии, по состоянию на 1973 г., распределялись бы, как показано в табл. 18 (для сопоставления и выявления динамики приводятся также данные за 1960, 1971 и 1975 гг.).

Группировка стран в приведенной выше таблице дает некоторое представление о резких различиях в уровнях экономического роста азиатских стран. Из таблицы можно также составить определенную картину неравномерности этого роста в течение 60-х годов, или первую ооновскую декаду развития. Для первой группы стран характерен весьма слабый экономический рост. Во второй группе есть государства или территории, которые уже к началу первой декады развития перешагнули рубеж 100 долл. национального дохода на душу населения и которые в течение последующего времени развивались в довольно устойчивом темпе, быстро приближаясь к третьей группе. Другие страны именно в течение декады совершили переход из первой группы во вторую. За редким исключением, для последних характерен в настоящее время довольно умеренный дальнейший прирост национального дохода на душу населения. Наиболее скачкообразный характер роста экономики носил в странах третьей группы. Некоторые страны за декаду миновали сразу два рубежа, другие перешли из второй группы в третью, остальные по рассматриваемому показателю приблизились к развитым капиталистическим странам или даже превзошли их.

Вместе с тем легко заметить и то, что группировка в приведенной таблице более чем условна, так как принадлежность к одной и той же группе по показателю экономического роста (в данном случае национального дохода на душу населения) далеко не всегда служит свидетельством равного или примерно равного уровня общего экономического развития. Достаточно сделать несколько сопоставлений, чтобы убедиться в этом. Например, в первой группе Индонезия и ИАР имели примерно равные показатели дохода на душу в 1973 г. Однако из этого было

¹¹ На недостаточность использования данного показателя при сопоставлении уровней развития различных стран указывалось и в первом издании настоящей работы. В недавно вышедшей монографии «Типология несоциалистических стран» (М., 1976) этот вопрос обстоятельно разобран в специальном параграфе.

Таблица 18

Национальный доход на душу населения
в различных группах стран и территорий*

Страна	1960 г.	1971 г.	1973 г.	1975 г.
100 долл. и менее				
Афганистан	43	64	90	130
Бангладеш	—	70	70	110
Бирма	40	80	90	110
Индонезия	59	80	100	180
ИАР	36***	90	100	—
Непал	39	90	90	110
Лаос	40	120	70	—
101—400 долл.				
Индия	57	110	120	150
Иордания	126	260	290	460
Камбоджа	104**	130	120	—
НДРЙ	155**	120	110	240
Сирия	104	290	320	660
Пакистан	38	130	140	140
Таиланд	76	210	240	350
Филиппины	155	240	250	370
Шри Ланка	32	100	110	150
Южная Корея	129**	290	370	550
Турция	132	340	400	860
Свыше 400 долл.				
Бруней	70	1370	1490	—
Гонконг	381**	900	1040	—
Ирак	134	370	510	1070
Израиль	223	2190	2790	3570
Иран	118	450	570	1440
Катар	1600	2370	3450	—
Кувейт	2340	3860	4210	9350
Ливан	248	660	900	—
Малайзия	194	400	480	720
Оман	43	450	620	—
Саудовская Аравия	120	540	790	3060
Сингапур	478**	1200	1580	2510
ОАЭ	—	3150	3500	—
Тайвань	151**	430	570	890

* «Мировая экономика и международные отношения», 1964, № 11, с. 120. «Development Co-operation... 1974 Review», с. 284—287; «Development Co-operation... 1975 Review», с. 241—242, 260—261; «Development Co-operation... 1976 Review», с. 270—271; Yearbook of National Accounts Statistics 1969, vol. II, International Tables, N. Y., 1970, с. 5—7.

** Данные за 1963 г.

*** Данные за 1958 г.

бы неверно заключить об их равной развитости и одинаковости дальнейших перспектив. В действительности Индонезия более развитая в социально-экономическом отношении страна, тогда как ИАР представляет собой все еще традиционное в значительной мере (феодално-племенное) общество. Различны и их ближайшие перспективы. Индонезия располагает в последние годы существенными инвалютными средствами благодаря значительному расширению и диверсификации экспорта. В 1972/73 г., например, доходы от нефти составили 965 млн. долл., от других экспортных товаров — 974 млн., в 1973/74 г. — 1708 млн. и 1905 млн. долл. соответственно. В 1975 г. доходы только от нефти составили 3 млрд. долл. С учетом этих изменений национальный доход на душу населения в 1975 г. приблизился к 180 долл., что передвигает Индонезию во вторую группу стран¹².

Еще более разителен контраст между различными странами в третьей группе. Здесь такие страны с особенно высокими показателями дохода на душу населения, как Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Катар, Бруней и т. п., в действительности являются глубоко отсталыми, традиционными обществами, а высокий уровень дохода на душу населения в них связан с сочетанием двух факторов: необычно высокими доходами от экспорта нефти и крайней малочисленностью населения. В то же время Ливан, Сингапур, Малайзия или такие территории, как Гонконг и Тайвань, весьма существенно продвинулись по пути становления капиталистических отношений в рамках большей части их экономических структур. Вследствие этого национальный доход на душу населения не может быть сравнительным индикатором для таких стран, как, скажем, Малайзия и ОАЭ, хотя они включены в одну и ту же группу. В структурном отношении экономика Малайзии ближе к португальской. В связи с этим и показатель национального дохода на душу населения при сравнении этих двух стран может дать нам более реальное представление об относительной степени их экономической развитости (в ам. долл.)¹³:

	1960 г.	1963 г.	1971 г.	1973 г.
Малайзия	194 (Малайя)	264 (Малайя)	400	480
Португалия	297	359	770	1250

В основе более высоких (в сравнении с Малайзией) уровня и темпов роста национального дохода на душу населения в Португалии лежат ее несколько большая общая экономическая развитость или преобладание промышленности в целом и ее обрабатывающих отраслей в частности над сельским хозяйством и

¹² Indonesia Handbook 1974 (Djakarta), 1975, Table 32; «Fortune», 1974, V. XCII, № 1, с. 40; «Far Eastern Economic Review» 1975, V. 90, с. 36.

¹³ «Yearbook of National Accounts Statistics, 1974», vol. III, с. 13—14; «The OECD Observer», 1973, № 63, с. 20—21; 1975, № 74, с. 20—21; «Development Co-operation... 1974 Review», с. 284—287.

торговлей, вместе взятыми. Вместе с тем португальская и малайзийская экономики находятся в пределах закономерной сравнимости, так как в структуре первой из них сельское хозяйство также играет весьма значительную роль. В 1973 г. в нем все еще было занято 28,8% гражданского самодельного населения страны. К тому же португальское сельское хозяйство отличается также низким уровнем модернизации, что видно хотя бы из того факта, что в указанном году в нем было произведено лишь 16,3% ВВП. В то же время движение удельного веса промышленных отраслей (включая энергетику и строительство) в ВВП Португалии отличалось стагнационными тенденциями: в 1967 г. он составлял 43,7%, в 1969 г.— 42,8, в 1971 г.— 44,3, а в 1973 г.— 43,2%¹⁴.

Таким образом, действительность такого показателя, как национальный доход на душу населения, ограничена рамками однотипных государств. Этот показатель бессилён вызвать неравномерность общественно-экономического развития стран, находящихся на разных уровнях исторической эволюции. Картина сопоставления будет соответствовать действительности лишь в том случае, если совокупные производительные силы сравниваемых стран будут более или менее качественно однопорядковыми. Например, можно сравнить США с национальным доходом на душу населения, равным 5554 долл. (1973 г.), с такими странами, как Бельгия (4287 долл.), Нидерланды (4103 долл.) или даже Австрия (3350 долл.). Но было бы бессмысленно сравнивать Бельгию, Нидерланды и Австрию, например, с Катаром или ОАЭ, национальный доход на душу населения в которых составлял в том же, 1973 г. 3450 и 3500 долл.¹⁵ Хотя в отношении количественных показателей эти три европейские страны ближе к названным арабским государствам, но в качественном отношении они родственны США.

Но обобщающие показатели затушевывают также неравномерность развития самой внутренней экономической структуры развивающихся стран, в частности неравномерность развития города и деревни. Конечно, общее представление о том, что в сельском хозяйстве дело обстоит хуже, чем в промышленности, могут дать и суммарные показатели. Достаточно красноречив, например, тот факт, что ежегодный рост сельскохозяйственного производства развивающихся стран в течение первых четырех лет второй декады развития ООН едва достигал половины намеченного 4%-ного показателя, в результате чего наблюдалось даже снижение подушевого производства в этой отрасли¹⁶. Но

¹⁴ «The OECD Observer», 1969, № 38, с. 20—23; 1971, № 50, с. 20—23; 1973, № 63, с. 20—23; 1975, № 74, с. 20—23.

¹⁵ «Yearbook of National Accounts Statistics, 1974», III. International Tables (UN), N.Y., 1975, с. 11, 14; «Development Co-operation... 1975 Review», с. 260—261.

¹⁶ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 11.

опять же ситуация по отдельным странам столь неодинакова, давление «груза» сельскохозяйственной отсталости на общеэкономическое развитие так различно, что попытки строить на подобных обобщениях политику весьма малоэффективны.

Вопрос о неравномерности развития города и деревни особенно остро стоит в наиболее густонаселенных районах и странах Азии, придерживающихся капиталистической ориентации, обладающих сравнительно разветвленной экономической структурой, но не имеющих особо благоприятных природных условий. Судя по обобщающим показателям, в этих странах наблюдается более умеренное и по внешнему проявлению более равномерное общеэкономическое развитие. Тем не менее неравномерность экономического роста, обусловленная не только природными условиями, но прежде всего закономерностями капитализма, носит достаточно серьезный характер, чтобы ее можно было игнорировать.

Если мы оглянемся на исторический опыт становления капитализма в Европе, то легко обнаружим, что он нигде и никогда не развивался равномерно во всех отраслях народного хозяйства. Форсированная индустриализация неизменно нуждалась в соответствующем накоплении либо за счет деревни, либо за счет внешних источников. К тому же капитализм, в особенности на ранних стадиях своего развития, никогда и не ставил перед собой задачи радикального решения аграрной, продовольственной и тому подобных проблем. На современном Востоке большинство стран осуществляют свое промышленное развитие за счет деревни, некоторые страны преимущественно используют существенные экспортные поступления (от нефти, каучука, олова, копры, чая и т. п.) в иностранной валюте. Думается, что правительства многих азиатских стран капиталистической ориентации, которые вступили на путь индустриализации и делают это преимущественно за счет внутренних накоплений, придерживаются следующей политики в продовольственной области: 1) добиться удовлетворения минимально необходимого уровня продовольственного потребления в новых центрах промышленного развития и 2) сохранить деревенское потребление на предельно допустимом (с точки зрения угрозы социального взрыва) низком уровне. А это означает временное превращение таких стран из экспортеров продовольствия в его импортеров.

Характерно, что именно Азия, где больше всего стран, недавно вступивших на путь индустриализации, является главным ареалом продовольственного дефицита. В 1948—1952 гг. чистый импорт (за вычетом экспорта) зерновых всей Азии составлял в среднем ежегодно по 6 млн. т, в 1960 г.— 17 млн, в 1966 г.— 34 млн., в 1973/74 г.— 37 млн. и в 1974/75 г.— 41 млн. т¹⁷. Если не считать стран с чрезвычайными общественно-политиче-

¹⁷ «Development Co-operation... 1974 Review», с. 66.

скими и экономическими обстоятельствами (Бангладеш и т. п.), то крупный импорт зерновых характерен был именно для стран, осуществлявших в более или менее широких масштабах индустриализацию, как об этом свидетельствуют следующие данные (в тыс. т) ¹⁸:

	1960 г. (или 1961 г.)	1970—1972 гг. (в среднем)	1973 г.
Индия	5145	2703	4563
Пакистан	1510	424	1373
Шри Ланка	763	905	1001
Египет	1371	1843	1872
Южная Корея	347	2955	3284
Филиппины	341	992	1004

Правда, периодические стихийные бедствия могут вносить определенные коррективы в нарисованную выше картину. Так, в 1974/75 г. потребности только наиболее затронутых стихийными бедствиями стран в импорте продовольствия (зерновых) составили 18,9 млн. т, а в 1975/76 г. — 18,6 млн. т. Но в целом тенденция роста потребности в продовольствии на начальных этапах индустриализации сохраняется и превалирует. В 1975 г. в развивающихся странах в целом был рекордный урожай, но и масштабы импорта зерновых также достигли рекордного уровня 57 млн. т. По имеющимся оценкам, при сохранении подобной тенденции дефицит зерновых у развивающихся стран может достичь к 1985 г. уровня 85 млн. т ¹⁹.

В связи со сказанным выше хотелось бы подчеркнуть ту мысль, что важная (хотя далеко не единственная) причина отставания процесса модернизации сельского хозяйства и нехватки продовольствия в большинстве стран Востока заключается не только в консерватизме и традиционности деревни, не только в сопротивлении помещиков и непоследовательности буржуазии (все эти факторы, несомненно, вносят огромную лепту), но и в сознательной ориентации на начальном этапе правительств ряда таких стран на форсированную индустриализацию за счет аграрного сектора.

Эту сознательно поощряемую тенденцию можно достаточно четко проследить во всех предшествующих планах или плановых пометках народнохозяйственного развития соответствующих стран, где предпочтение явно отдавалось до недавнего времени «современному сектору» промышленного производства. Она же проявляется и в структуре иностранной помощи, оказываемой развивающимся странам. По оценочным данным, вся официальная помощь развитых капиталистических стран на двусторонней и многосторонней основе сельскому хозяйству развивающихся государств (в эту рубрику входят также лесное хозяйство и ры-

¹⁸ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 74—75.

¹⁹ «Development Co-operation... 1976 Review», с. 102.

боловство, некоторые инфраструктурные проекты, связанные с сельским хозяйством, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и т. п.) равнялась в 1973 г. 2,1 млрд. долл., в 1974 г. — менее 3,7 млрд. и в 1975 г. — более 4,2 млрд. долл. Доля сельского хозяйства в общей сумме всех видов помощи увеличилась с 10% в 1973 г. до 16% в 1976 г. Характерно, что на наиболее многонаселенные Южную и Юго-Восточную Азию и Дальний Восток приходилась примерно лишь треть всех сумм сельскохозяйственной помощи ²⁰.

В результате отмеченной целеустремленности удельный вес промышленных отраслей в ВВП стран Востока неизменно возрастал за годы независимого развития, а сельского хозяйства — падал. Так, в Южной и Юго-Восточной Азии удельный вес всех индустриальных отраслей (промышленность, строительство, транспорт) увеличился за 1950—1975 гг. с 18,8 до 31,2% (в том числе обрабатывающей промышленности — с 10,5 до 18,2%). Удельный же вес сельского хозяйства за тот же период снизился с 52,2 до 35,3%. А. Я. Эльянов, приведший эти данные в своей монографии, делает следующий вывод: «Промышленность, очевидно, и впредь останется главным двигателем хозяйственного прогресса в группе развивающихся стран. Ее дальнейший опережающий рост, по существу, не вызывает сомнения. Такая тенденция предопределяется самой динамикой общественных потребностей» ²¹.

Иными словами, дело не просто в «неспособности» капитализма решить проблему деревни, а в проявлении традиционной закономерности становящегося капитализма, его неравномерности и одностороннем упоре на первоначальных фазах развития на промышленную индустриализацию, поощряемых к тому же неокOLONIALISTСКОЙ стратегией империализма. Правда, в современную эпоху противоборства двух мировых систем и интенсивной интернационализации международных хозяйственных связей практически ни одно серьезное правительство не может полностью игнорировать остроту аграрно-продовольственных проблем, поэтому определенные мероприятия в этой области проводятся в большинстве развивающихся стран и на начальном этапе индустриализации, но они, как правило, не носят всеобъемлющего и кардинального характера.

Впрочем, уже сегодня наметилась вполне отчетливо тенденция к повышенному вниманию, уделяемому некоторым проблемам сельского хозяйства даже в странах капиталистической ориентации. После первых шагов в области индустриализации стало очевидным, что дальнейший прогресс в этой области в большинстве стран упирается в нерешенность аграрных проблем,

²⁰ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 90—91; «Development Co-operation... 1976 Review», с. 138.

²¹ А. Я. Эльянов. Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок, с. 150—151.

в растущие и валютные расходы на ввоз продовольствия, нестабильность аграрного источника промышленных накоплений вследствие сильной его подверженности природным и конъюнктурным колебаниям. Кроме того, растущая безработица и социальная нестабильность в аграрном секторе большинства многонаселенных стран грозили вообще поставить под вопрос перспективы капиталистической ориентации. Процесс индустриализации, осуществляемой в основном за счет деревни, выявил свою неспособность в сколько-нибудь серьезных масштабах поглощать избыточную рабочую силу, генерируемую в аграрном секторе путем как естественного прироста, так и вытеснения людей из сферы традиционных хозяйственных организмов: ростом капитализма.

И в историческом прошлом способность индустриализации на ее ранних этапах втягивать в процесс модернизации широкие массы людей, выбиваемых из традиционных укладов общества, была неадекватной, в результате чего в европейских обществах образовывались значительные люмпенские и пауперские слои. Сегодня во многих развивающихся странах эта проблема носит еще более актуальный характер. Как отмечается в упоминавшемся уже обзорном докладе председателя Комитета помощи развитию, нормы роста рабочей силы в целом в развивающихся странах «по крайней мере вдвое превышают нормы, типичные для Европы времен промышленной революции. Технология существенно изменилась с тех пор: упор в ней делается на интенсивном использовании капитала, что означает меньшее количество рабочих мест на единицу инвестиций, чем 20 или 30 лет назад»²². В докладе приводится пример Индии, где, по имеющимся подсчетам, рабочая сила может возрасти с 210 млн. человек в 1970 г. до 273 млн. к 1980 г. Однако лишь 16 млн. человек могут надеяться найти работу за пределами аграрного сектора, что касается остальных «новых» 47 млн. людей, то они вынуждены будут искать себе применение в сельском хозяйстве.

Нет ничего удивительного поэтому, что о необходимости переноса центра внимания на решение назревших аграрных проблем все чаще говорят как в самих развивающихся странах Востока, так и за их пределами. Правда, в целом ряде стран капиталистической ориентации поначалу пытались решить указанные проблемы в чисто технологическом плане, без сколько-нибудь серьезных изменений в социальной структуре деревни. Существовала тенденция прагматического подхода, решения прежде всего продовольственной проблемы в интересах продолжения программы индустриализации, а не социального переустройства деревни в интересах общего подъема. Именно на это направлены были программы осуществления «зеленой революции» в таких странах, как Индия, Филиппины, Индонезия, Ма-

²² «Development Co-operation... 1975 Review», с. 78.

лайзия, строительства в этих странах заводов искусственных удобрений и т. п.

В 1965—1971 гг. Международное агентство развития (при МБРР) предоставило 150 млн. долл. на строительство заводов сельскохозяйственных удобрений в Индии, Южной Корее, Индонезии и Бразилии. На эти же цели средства предоставляются Экспортно-импортным банком США, Японией и ФРГ. Индия со-оружает аналогичные предприятия с помощью экспортных кредитов Италии и субсидий Великобритании. Сегодня в этой стране фактически возникла целая отрасль по производству удобрений. Однако вообще по Азии в 1972 г. было потреблено лишь несколько более 5,83 млн. т основных видов промышленных удобрений, из которых 2,96 млн. т. (т. е. свыше половины) было произведено уже в самих странах региона²³. Строительство заводов удобрений занимает второе приоритетное место в программах сельскохозяйственной помощи. Сумма обязательств и расходов на начатые изыскательские работы в этой области достигла за 1965—1975 гг. 2 млрд. долл. Ожидается, что такие страны, как Индия и Пакистан, смогут достичь самообеспечения удобрениями к 1980 г.²⁴

Но чисто технологический подход в разрешении проблемы неравномерности развития города и деревни не спасал, да и не мог спасти положения, поэтому многие правительства приступили к разработке и осуществлению более глубоких аграрных преобразований.

Следует, очевидно, в оценке перспектив общего экономического развития учитывать и такую возможность: по мере того как процесс индустриализации будет пересекать «черту зрелости» в тех или иных странах капиталистической ориентации, будет возрастать и «отдача» на сельское хозяйство. Тогда, возможно, скажутся более полно также и результаты только еще разворачивающейся «зеленой революции».

Неравномерность развития стран Востока усиливается вследствие того, что процессы постепенной экономической эволюции перемежаются со скачкообразным ускорением развития отдельных групп и отдельных стран, и на этой основе складываются принципиально иные соотношения экономических и политических сил уже среди самих развивающихся стран.

До недавнего времени возможность скачкообразного ускорения социально-экономического развития освободившихся стран практически не учитывалась в обобщающих исследованиях. Тем отраднее, что авторы коллективной монографии «Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост» неоднократно затрагивают эту проблему. Они предвидят возможность того, что «колоссальный багаж цивилизации и культуры, накопленный

²³ Подсчитано по: «Development Co-operation... 1974 Review», с. 71.

²⁴ «Development Co-operation... 1976 Review», с. 142—143.

многими развивающимися странами с древнейших времен, может в один прекрасный день легко превратиться из силы пассивной в силу активную и сыграть гораздо более значительную роль, чем можно предположить», и указывают, в частности, на «качественный скачок» в сельскохозяйственном производстве ряда развивающихся стран во второй половине 60-х годов²⁵.

Сегодня мы являемся свидетелями начала нового, весьма серьезного скачкообразного ускорения экономического развития целой группы нефтьэкспортирующих стран. Причем последствия этого скачка весьма существенно затронули и более широкий круг стран. Так, одним из последствий «нефтяного противоборства» 1973—1974 гг. было складывание нового центра или источника финансовых ресурсов, могущего быть использованным как для внутреннего экономического развития нефтьэкспортирующих государств, так и для оказания помощи другим развивающимся странам. О том, что это не простое предположение, лишённое серьезных оснований, говорят следующие факты. В 1974 г. «излишки» нефтедолларов или положительное сальдо платежного баланса стран ОПЕК составили 67 млрд. долл., в 1975 г. (оценка) — 40 млрд. долл. Значительная часть этих сумм (45 млрд. долл. в 1974 г.) все еще депонировалась или инвестировалась в развитых капиталистических странах²⁶. Тем не менее эти средства могут послужить также важным источником финансирования экономического развития самих бывших колониальных и полуколониальных стран.

Так, в 1970—1973 гг. экономическая помощь стран — членов ОПЕК другим развивающимся странам колебалась в среднем на уровне 400—500 млн. долл. ежегодно. Общая сумма выделенных средств в конце 1973 г. составила 3 млрд. долл., но 83% этой помощи было предоставлено (в основном Саудовской Аравией, Кувейтом, Ливией) лишь узкому кругу стран, пострадавших в ближневосточной войне, — Египту, Иордании и Сирии. Ситуация принципиально изменилась после 1973 г. Уже в 1974 г. общая сумма всех видов обязательств стран ОПЕК значительно более широкому кругу развивающихся стран достигла 8 млрд. долл., из которых 6,1 млрд. — на двусторонней и 1,8 млрд. — на многосторонней основе. Кроме того, МВФ было выделено 3,2 млрд. и МБРР — 2,1 млрд. долл.²⁷.

Специфически концентрированный в географическом отношении характер помощи стран ОПЕК в основном сохранился, хотя круг стран — получателей займов и помощи расширился. 88,9% всех обязательств, взятых на себя этими странами на двусторонней основе в 1974 г., приходилось на исламские го-

²⁵ Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., 1975, с. 15—16, 94.

²⁶ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 17—19.

²⁷ «Development Co-operation... 1974 Review», с. 136—139; «The OECD Observer», 1975, № 74, с. 18.

сударства, в том числе 61,8% — только на арабские страны. В целом в 1974 и 1975 гг. 70% всей помощи, предоставленной государствами ОПЕК на двусторонней основе, досталось пяти странам: Египту и Индии (в 1975 г. около половины всей суммы), а также Сирии, Иордании и Оману. Пакистан, который в 1974 г. получил 750 млн. долл. и был крупнейшим получателем этой помощи, переместился в 1975 г. на шестое место (140 млн. долл.). Судя по взятым государствами ОПЕК обязательствам, круг получателей, составлявших в 1974 г. 40 стран, а в 1975 г. — 35, в 1976 г. вновь должен значительно расшириться²⁸.

Поток финансовых ресурсов из стран ОПЕК в развивающиеся страны состоит как из льготной помощи, так и из займов и кредитов, предоставляемых на коммерческих условиях. Чистая сумма реально выделенной в 1974 г. помощи составляла 2,5 млрд. долл., или 1/5 всей помощи, полученной развивающимися странами из различных источников, а сумма обязательств была немногим меньше 3,9 млрд. долл. соответственно. В 1976 г. был учрежден также специальный фонд ОПЕК, которому выделялось для распределения в указанном году 800 млн. долл.

Экспорт финансового капитала из стран ОПЕК на коммерческой основе принял довольно широкий характер. В 1974 г. обязательства составили 5,2 млрд. долл., а выделенные средства — 2,2 млрд. (увеличение в 5 раз по сравнению с 1973 г.). В 1975 г. сумма выделенных средств поднялась до 3,2 млрд. долл., значительно превысив льготную помощь²⁹.

Такая страна, как Кувейт, уже превратилась в крупный финансовый центр арабского мира. Только в 1974—1975 гг. Кувейт взял на себя обязательства оказать помощь в размере более 1,1 млрд. долл. Кроме того, он обязался предоставить развивающимся странам еще свыше 500 млн. долл. на коммерческих условиях. А в декабре 1974 г. Кувейт заключил соглашение относительно инвестиций в экономику Египта (жилищное строительство, водные ресурсы, морской транспорт, туризм и промышленность) на общую сумму до 1,3 млрд. долл. Крупнейшими донорами стали в 1974—1975 гг. Саудовская Аравия и тогда еще шахский Иран. Только обязательства по льготной помощи указанных стран составили в этот период 2,7 млрд. долл. соответственно³⁰.

Среди заслуживающих внимание новых тенденций следует отметить также создание «джойнт венчерс» — совместных предприятий «богатых» нефтьэкспортирующих и других развивающихся стран. Примерами такого рода могут служить ирано-индийское предприятие по добыче железной руды в Индии (с последую-

²⁸ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 167—168, 183; «Development Co-operation... 1976 Review», с. 102.

²⁹ «Development Co-operation... 1976 Review», с. 99—101.

³⁰ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 167—168; «Development Co-operation... 1976 Review», с. 101.

щим обеспечением ею быстро развивающейся металлургии в Иране), несколько предприятий по переработке нефти и распределению нефтепродуктов. Было решено создать также саудо-аравийско-индийскую комиссию для утверждения и осуществления совместных промышленных предприятий в Индии, финансируемых Саудовской Аравией³¹.

Наконец, внезапное расширение инвалютных ресурсов уже сегодня имеет своим следствием тенденцию к финансово-экономической интеграции ряда нефтьэкспортирующих стран с государственно-монополистическим капитализмом империалистических стран. Элементы интеграции были и до того, но они строились на совершенно иной основе, на принципе «господства — подчинения» и связанной с ним односторонней эксплуатации нефтьэкспортирующих стран. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что при капитализме и империализме иного принципа, как сила, не может быть при дележе добычи и прибылей. Теперь соотношение финансовых сил существенно изменилось (да еще в таком благоприятном сочетании с проблемой энергетического кризиса), и некоторые нефтьэкспортирующие страны требуют своего места под солнцем.

Наметившаяся новая тенденция интеграции проявляется теперь не только и не столько в возрастающих портфельных инвестициях нефтьэкспортирующих государств в империалистических странах, сколько в крупномасштабных сделках по сооружению самых современных промышленных предприятий, модернизации всей социальной и экономической структуры.

Широкие планы тесного и крупномасштабного экономического сотрудничества с США и другими империалистическими странами имеются у Саудовской Аравии. Оно предусматривается в рамках второго пятилетнего плана (примерно с июля 1975 по май 1980 г.), на реализацию которого правительство Саудовской Аравии выделяет 498 млрд. риялов (около 144 млрд. долл. по курсу 3,47 рияла за 1 долл.), что в 9 раз превышает ассигнования по предшествующему плану. Помимо дальнейшего развития нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей планом предусмотрены весьма быстрые ежегодные темпы роста обрабатывающих отраслей производства (14% в среднем в год), энергетики, транспорта, строительства (по 15%)³². Судя по всему, правительство Саудовской Аравии решило преодолеть камень преткновения быстрой модернизации глубоко отсталого, традиционного общества — острую нехватку современных индустриальных кадров — по «кувейтской моде-

³¹ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 165, 169. Интересно, что общая сумма займов и кредитов Ирана Индии составила к концу 1974 г. примерно 2,8 млрд. долл.

³² «Middle East Economic Survey», Supplement to vol. XVIII, 1975, № 32, с. 1, 6.

ли», а именно путем массового импорта квалифицированной рабочей и технической силы. (В Кувейте в 70-е годы самый высокий в мире прирост населения — 7,1% в год, главным образом за счет широкой иммиграции и последующей натурализации части иммигрантов³³.) Планом предусмотрен ежегодный прирост иностранной рабочей силы в размере 21%, в результате чего численность ее увеличится с 314 тыс. в 1975 г. до 812,6 тыс. человек в 1980 г., что должно будет составить до 35% всей рабочей силы Саудовской Аравии.

Нельзя не отметить и такое качественно новое явление: интеграция стала носить не только двусторонний, но и многосторонний характер. Начали появляться так называемые «треугольные соглашения», сутью которых является соединение нефтедолларов с западной технической помощью и оборудованием для сооружения промышленных объектов в третьих развивающихся странах. Так, Саудовская Аравия вложила 50 млн. ф. ст. в английскую фирму «Лейлэнд» в целях сооружения в свободной от пошлин зоне Египта автомобильного завода, продукцию которого намечено экспортировать на прочие арабские рынки. Более широкое по участникам соглашение состоялось по поводу строительства завода химических удобрений в Иордании (фирма США + Международная финансовая корпорация + арабские инвесторы, включая саму Иорданию)³⁴.

Перечисление подобных фактов можно было бы продолжить, но и приведенных уже достаточно, чтобы поставить под вопрос абсолютизацию «комплексного» подхода к странам Азии, Африки и Латинской Америки, развитие которых, как это принято иногда считать, характеризуется «общими тенденциями и закономерностями»³⁵. В самом деле, если одна группа стран уже интегрируется с государственно-монополистическим капитализмом, другая преимущественный упор делает на углубление экономических взаимосвязей с мировым социализмом, третья всячески поощряет частнокапиталистические тенденции и придерживается принципов либерализма во внешнеэкономических отношениях, четвертая предпочитает различные модели «самобытного» развития и т. д., то в какой мере возможно говорить о едином комплексе? И не повернут ли такой подход в значительной мере в историческое прошлое развивающихся стран, когда они объективно представляли единый комплекс колониальных и полуколониальных стран? Коль скоро мы говорим об историческом рубеже завоевания политической независимости и превращения бывших колоний и полукolonий из объекта в субъект мировой истории, то не правомерно ли поставить также

³³ «Правда», 2.IV.1976. «Development Co-operation... 1975 Review», с. 42—43.

³⁴ «The OECD Observer», 1975, с. 27—28.

³⁵ Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 132.

вопрос и о начале процесса распада бывшего единого комплекса?

Нам представляется, что при сравнительном социально-экономическом анализе полезной была бы группировка стран по типам социально-экономических структур. При этом следует, очевидно, учитывать по крайней мере два следующих фактора: во-первых, возможность периодических изменений в составе выделяемых групп, перемещений некоторых стран из группы в группу; во-вторых, то обстоятельство, что после провозглашения независимости подавляющее большинство стран (если не все) переживают период внутренней социально-политической стабилизации и национальной консолидации. В разных странах острота этих проблем и длительность их решения бывает неодинаковой, но прохождение через этот период, как правило, сопровождается торможением экономического роста, а иногда даже значительным разрушением уже имеющихся производительных сил. И если в оценке перспектив этого роста не учитывать подобных ситуаций, то тем самым будет допущена методологическая ошибка. По мере же решения социально-политических и национальных задач современного этапа будут создаваться и принципиально иные условия для последующего экономического развития.

Исходя из сказанного выше, мы попытаемся дать примерный вариант группировки стран Востока, учитывающий помимо формальных показателей также и общий уровень социальной и экономической развитости³⁶.

1. Страны, сравнительно быстро развивающиеся по капиталистическому пути. Сюда можно было бы отнести такие государства и территории, как Малайзия и Сингапур, Ливан, Тайвань и Южная Корея, Турция, Кувейт, Гонконг. Конкретные модели экономического развития в этой группе весьма различны, но, как нам представляется, все они пересекают сейчас тот рубеж, после которого происходит утверждение капитализма как господствующей системы экономических отношений.

³⁶ Мы полностью разделяем мнение авторов коллективной монографии «Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы» о том, что «создание типологии развивающихся стран по уровню развития производительных сил и степени трансформации социальных структур — эта задача, весьма сложная даже по чисто техническим причинам, еще только ставится в советской экономической науке» (с. 139—140). Одна из наиболее солидных попыток классификации 85 несоциалистических стран по уровню и типу их народнохозяйственного развития была предпринята советскими авторами в книге «Типология несоциалистических стран (Опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств)» (М., 1976). Мы согласны также с соображением о том, что многообразие попыток классификации на основе различных критериев и возникающие из этого противоречия являются отражением противоречивости «третьего мира». Поэтому предлагаемая ниже классификация стран Востока представляет собой лишь еще один «рабочий вариант», отдельные моменты которого могут оказаться полезными для последующих изысканий в этой области.

Для государств этой группы характерны относительная устойчивость экономического развития, определенная эластичность их экономических структур и некоторый запас прочности, позволяющий им значительно легче по сравнению с другими странами Азии переносить конъюнктурные кризисные ситуации. Если взять, например, два таких не самых развитых государства из данной группы, как Турция или Южная Корея, то за последние пять лет (по данным на 1974 г.) для них были характерны постоянный 4% прирост национального дохода на душу населения, утроение экспортных доходов и удвоение импорта (в основном за счет товаров производственного назначения), существенное повышение удельного веса внутренних доходов в валовом национальном продукте и т. п.

Для государств этой группы (лишь за некоторыми исключениями) характерно и то, что они удовлетворяют свои потребности в импорте капитала в значительно большей степени через экспортные кредиты, банковские займы, евродолларовые займы, прямые инвестиции, чем через различные формы помощи. Это свидетельствует о большей органической включенности стран данной группы в общую систему капиталистических мирохозяйственных связей.

Ниже мы приводим данные, дающие некоторое представление о состоянии платежного баланса, масштабов производства электроэнергии и уровня грамотности населения в ряде стран рассматриваемой группы (по данным на 1974 г.)³⁷:

	Резервы, млн. долл.	Электроэнер- гия, кВт·ч на душу	Грамотность, %
Малайзия	1618	395	61
Сингапур	1392	1764	—
Кувейт	1398	4568	55
Южная Корея	1055	392	88

2. Страны, выходящие «из исходные позиции» для последующего быстрого экономического развития. К этой группе относятся, по-видимому, такие государства, как Индия, Пакистан, Филиппины, Таиланд и др.

Страны второй группы достигли существенных результатов в промышленном развитии, а также значительно диверсифицировали свой экспорт. Индия, например, на наших глазах превращается в индустриально-аграрную страну. Ее промышленное производство более чем утроилось по сравнению с периодом, предшествовавшим независимости, и сейчас Индия входит в первую десятку стран мира по объему промышленного производства. Если к моменту достижения независимости выплавка стали составляла 1,5 млн. т, то к 1976 г. в стране имелось шесть

³⁷ «Fortune», 1975, vol. XLI, No 5, с. 246.

крупных металлургических заводов мощностью 9 млн. т стали в год³⁸.

Серьезным препятствием ускоренной индустриализации стран данной группы является узость существующих источников прогрессивных видов энергии, что особенно дало себя знать в период энергетического кризиса. Ведь Индия, например, импортировала две трети потребляемой нефти. Не лучше (а подчас хуже) обстояло дело и у других стран этой группы. Однако не следует и переоценивать глубину и долговременность этого негативного фактора. Во-первых, повышение цен на нефть стимулировало ускоренные поиски собственных нефтяных месторождений. Например, на биржах Манилы уже развернулась в 1976 г. крупная спекулятивная игра вокруг акций нефтяных компаний, что было связано с обнаружением нефти в юго-западной части филиппинского архипелага. Усиленные поиски и расширение добычи нефти имеют место также в Таиланде и Пакистане. В ближайшие три года Индия почти удвоит добычу нефти, доведя ее до 15 млн. т в год, что стало возможным благодаря открытию и разработке новых месторождений в Ассаме, Гуджарате, на континентальном шельфе у Бомбея. Во-вторых, рассматриваемые страны стали переходить к альтернативным видам энергии: углю (Индия), гидроэлектроэнергии (Таиланд, Филиппины), геотермической энергии (Филиппины), ядерной энергии (Индия)³⁹.

Главным же тормозом ускоренного экономического развития большинства этих стран в данный момент являются их многонаселенность и крайне низкий уровень модернизации сельского хозяйства. (Индия ввозит в среднем ежегодно до 5—10% потребляемого ею зерна и до 50% удобрений⁴⁰.) Многие из этих государств (Индия, Пакистан, Филиппины) все еще сильно подвержены негативному воздействию конъюнктурных колебаний на мировом рынке и общих кризисных ситуаций в мировом капиталистическом хозяйстве. Каждый неурожай и стихийное бедствие необычайно болезненно отражаются на общем состоянии экономики.

Следующие данные дают некоторое представление о том, что даже внутри рассматриваемой группы демографический фактор оказывает существенное воздействие на неравномерность социально-экономического развития. В менее населенных Таиланде и Филиппинах дела, в общем, обстоят пока более благоприятно. Для сопоставления и наглядности приводятся данные также по Индонезии, которая, строго говоря, пока еще не может быть полностью отнесена к рассматриваемой группе⁴¹:

³⁸ «Правда», 25.I.1975; «Правда», 26.V.1976.

³⁹ «Правда», 23.III, 24.IV.1976. «Development Co-operation... 1975 Review», с. 42—43.

⁴⁰ «Development Co-operation... 1975 Review», с. 42.

⁴¹ «Fortune», 1975, vol. XLI, № 5, с. 246.

	Резервы, млн. долл.	Электроэнергия, квт. ч на душу	Грамотность, %
Индия	1325	121	29
Пакистан	460	120	20
Таиланд	1855	182	79
Филиппины	1504	221	83
Индонезия	1492	20	60

3. «Потенциально богатые», но отстающие в социально-экономическом отношении страны. Сюда относится группа нефтеэкспортирующих стран — Саудовская Аравия, Бахрейн, Катар, Оман, ОАЭ и др. Производительное использование огромных финансовых ресурсов, которыми владеют эти страны, до последнего времени наталкивалось на крайне ограниченную способность к их поглощению существующей традиционной социальной и экономической структурой.

Общая сумма доходов от экспорта нефти всех стран — членов ОПЕК увеличилась с 23 млрд. долл. в 1973 г. до 90 млрд. долл. в 1974 г. Из последней суммы только на те страны Азии — члены ОПЕК, которые мы относим к группе «потенциально богатых» (без Омана и Бахрейна — не членов этой организации, хотя сделанные ниже выводы могут быть отнесены и к ним) и население которых составляло всего 10,87 млн. человек (1973 г.), приходилось 8,7 млрд. долл. в 1973 г. и 33,3 млрд. долл. в 1974 г. А на такие сравнительно развитые страны, как Индонезия и Иран с населением около 156 млн. человек, приходилось в 1973 г. 5 млрд. долл. и в 1974 г. — 20,4 млрд.⁴² Таким образом, даже без учета демографического роста за год в 1974 г. на каждого жителя в «потенциально богатых» странах пришлось бы в среднем по 3006 долл. в год, а на одного жителя в Иране — чуть больше 559 долл., в Индонезии — примерно 24 долл. в год (с учетом демографического прироста соотношение было бы еще более неблагоприятным для последних двух стран, особенно Индонезии).

Таким образом, преимущество финансовых предпосылок экономического развития «потенциально богатых» стран налицо, но в странах этой группы экспорт денежного капитала (преимущественно портфельные инвестиции в развитых капиталистических странах) пока существенно превалирует над его производительным накоплением. Впрочем, в ближайшей перспективе в ряде этих стран возможно повторение «кувейтской модели» развития: незначительное коренное население может превратиться в своеобразную привилегированную и образованную элиту, занимающуюся стрижкой купонов либо выполняющую административные, управленческие, военные и тому подобные функции в обществе, где «черновая» производственная сфера будет обеспе-

⁴² «Development Co-operation... 1974 Review», с. 44.

чиваться иммигрантской (из соседних, более многонаселенных арабских и африканских стран) наемной рабочей силой.

4. Особо следует выделить страны Востока, вступившие на путь социалистической ориентации (Алжир, Сирия, НДРГ и др.). Экономическое развитие этой группы стран характеризуется пока еще крайней неравномерностью. Значительных успехов достиг Алжир. Опираясь на существенные нефтяные доходы, правительство этой страны проводит важные социальные преобразования и осуществляет широкую программу индустриализации. ВВП в 1965—1973 гг. возрастал в Алжире в среднем в год на 8,4% (на душу населения — на 4,6%) и в 1973 г. составил 460 долл.). В дальнейшем темпы роста резко возросли, так как доходы от нефти увеличились в Алжире с 900 млн. долл. в 1973 г. до 3,7 млрд. долл. в 1974 г.⁴³

Сирия развивалась довольно быстрыми темпами, и, если бы не вовлеченность в вооруженный конфликт на Ближнем Востоке, ее экономические успехи могли бы быть более значительными. Определенная замедленность экономического развития НДРГ была тесно связана с фактической консервацией до недавнего времени порта Аден вследствие прекращения судоходства по Суэцкому каналу. Более сложно обстоит дело с Бирмой. Здесь Революционный совет страны в течение ряда лет (1962—1970) вел линию на самое широкое огосударствление экономической деятельности и значительное сужение внешнеэкономического сотрудничества. Результатом курса «опоры на собственные силы» и недостаточно подготовленных преобразований в деревне была временная стагнация производства. Но с начала 70-х годов правительство Бирмы занято поисками новых методов хозяйствования, корректирующих прежний курс. Правительство страны более широко открыло двери для потока иностранной финансово-экономической помощи.

Вот некоторые сведения, дающие приблизительное представление об общей социально-экономической ситуации в странах рассматриваемой группы (на 1974 г.)⁴⁴.

	Резервы, млн. долл.	Электроэнергия, квт. ч на душу	Грамотность, %
Алжир	1689	151	26
Сирия	795	186	40
Бирма	182,4	20	—

Читатель легко заметит, что некоторые страны Востока оказываются как бы «непристроенными», так как не подпадают под приведенную выше группировку. Но мы и не ставили перед собой задачу разложить все страны Востока по полочкам, да это,

⁴³ «Development Co-operation... 1974 Review», с. 44; «Development Co-operation... 1975 Review», с. 200—261.

⁴⁴ «Fortune», 1975, vol. XCI, № 5, с. 246.

учитывая скоротечность социально-экономических и политических процессов на современном Востоке, и невозможно. Главная задача заключалась лишь в определении более или менее особых групп или типов стран в зависимости от конкретной стадии их общественно-экономической эволюции. То, что ряд государств Востока оказываются при этом в «промежуточном» между теми или иными группами положении, вряд ли снимает практическую значимость приведенной группировки, так как последняя служит определенным ориентиром и при оценке ситуации в «промежуточных» странах.

Предпринятая выше группировка не только дает представление о существующей на сегодня неравномерности общественно-экономического развития освободившихся стран, но и подкрепляет вывод о дальнейшем углублении этой неравномерности. Во всяком случае, мы склонны скорее солидаризироваться с выводом авторов одной из упоминавшихся выше монографий о том, что «к 2000 г. расслоение внутри „третьего мира“ настолько увеличится, что отдельные регионы и субрегионы, как, например, Латинская Америка, Ближний и Средний Восток, могут выйти на рубеж Западной Европы 50-х годов, а некоторые страны даже презойдут его»⁴⁵.

⁴⁵ Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост, с. 40.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

ТОМ 1

Введение — Г. Ф. Ким.

Раздел I

Проблемы социально-экономического развития стран Востока
(руководитель А. И. Левковский):

А. И. Левковский (гл. I, гл. IV — совместно с А. И. Новичковым, гл. VIII — совместно с Б. В. Синицыным, гл. X — совместно с И. И. Егоровым и В. Н. Уляхиным), Н. А. Длин (гл. II), Н. Г. Лозовая (гл. III), В. И. Искольдский (гл. V), Г. А. Кочукова, Е. А. Панкова, Н. Н. Цветкова (гл. VI), Н. А. Аршарунц (гл. VII), Л. К. Орлеанская (гл. IX), Ш. М. Бадн, Т. К. Савельева (гл. XI), С. А. Бессонов (гл. XII), И. И. Егоров (гл. XIII).

Раздел II

Классовая и политическая борьба в странах Востока
(руководитель Р. Г. Ланда):

Р. Г. Ланда (гл. I—II, гл. V — совместно с Р. Э. Севортьяном), А. С. Плотников (гл. II, параграф третий), Э. В. Павлудкая (гл. II, параграф четвертый), Г. Ф. Ким и И. Т. Савович (гл. III), А. В. Кыва (гл. IV), Б. Г. Сапожников, Р. Э. Севортьян (гл. VI), Н. А. Симония (гл. VII).

ТОМ 2

Раздел III

Аграрно-крестьянский вопрос
(руководитель В. Г. Растянников):

В. Г. Растянников (гл. I, параграфы первый, второй, гл. II, параграфы первый, второй, гл. III, гл. IV, вводная часть, параграф первый, заключение, гл. V, параграф первый: крестьянское движение в странах с независимыми от государства организациями сельских трудящихся масс — Индии), Ю. Г. Александров (гл. I, параграф третий, гл. II, параграф третий, гл. V, параграф первый: вводная часть, крестьянское движение в странах с контролируемой правящей политической группой организациями сельских трудящихся масс, параграф второй), Ж. Д. Смирнская (гл. IV, параграф второй, гл. V, параграф первый: крестьянское движение в странах с независимыми от государства организациями сельских трудящихся масс — Филиппины).

Раздел IV

Национальный вопрос
(руководитель М. С. Лазарев):

Раздел написан в основном М. С. Лазаревым при участии В. Ф. Васильева (Бирма), Г. М. Григорьевой (Индия), В. И. Кочнева (Пакистан), Л. С. Кюзаджяна (Китай), Н. С. Луцкой (страны Магриба), И. Б. Маруновой (Кампучия), И. М. Меликсетовой (Океания), И. М. Ошурковой (Непал), П. И. Пучкова (Океания), Н. И. Семеновской (Индия), Н. А. Симония (Индонезия), Э. Д. Талмуд (Шри-Ланка), В. В. Трубецкого (Иран). Кроме того, использованы тексты и материалы Л. М. Демьяна (Индонезия), Р. Г. Ланды (Алжир), Г. И. Левинсона (Филиппины), Лю Юаня (китайцы в Юго-Восточной Азии), Г. И. Мирского (арабский мир), Ю. В. Хренова (Малайзия), Р. И. Шерковниной (Пакистан).

ТОМ 3

Раздел V

Общественно-политическая мысль в странах Востока
(руководитель Л. Р. Полонская):

Л. Р. Полонская (гл. I, параграф первый, гл. V, параграф первый, параграфы второй — четвертый — совместно с В. И. Корневым [буддизм] и Г. И. Левинсоном [христианство]), В. Г. Хорос (гл. I, параграф второй), А. И. Чичеров (гл. II), А. С. Кауфман (гл. III), Л. С. Кюзаджян (гл. IV), А. И. Ионов (гл. V, параграф пятый), А. Х. Вафа (гл. VI, параграф первый, общая редакция гл. VI), А. Д. Литман (гл. VI, философская мысль), Л. С. Аганина, Е. П. Чельшев (гл. VI, литература, при написании параграфа «Литература» использованы материалы В. И. Брагинского, Н. Д. Гавришиной, А. А. Герасимовой, В. Н. Кириченко, В. Б. Кашторной, Э. Н. Петруничей, А. С. Сухочева, С. Н. Утургаури, Б. В. Чукова), С. И. Потапенко (гл. VI, искусство), О. К. Дрейер (гл. VI, наука), Т. И. Кухтина (гл. VI, образование), Л. Б. Никольский (гл. VI, языковая ситуация).

Раздел VI

Международные аспекты национально-освободительных революций
(руководитель В. Ф. Ли):

В. Ф. Ли (гл. I), Н. А. Симония (гл. II), Ю. Ф. Шамрай (гл. III), М. А. Александров, Г. К. Широков (гл. IV), В. С. Котляров (гл. V), А. Г. Бельский (гл. VI).

Заключение — Г. Ф. Ким.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

*Раздел первый*ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СТРАН ВОСТОКА

Глава I. Общая характеристика многоукладного социально-экономического базиса развивающихся стран Востока	21
Глава II. Основные социально-экономические типы развивающихся афро-азиатских стран	36
Глава III. Проблема занятости населения	47
Глава IV. Промышленное развитие	61
Глава V. Внутреннее накопление	82
Глава VI. Иностраный капитал и внешнее финансирование	109
Глава VII. Нефть и новые аспекты социально-экономического развития многоукладных стран	127
Глава VIII. Местное развитое частнокапиталистическое предпринимательство	142
Глава IX. Кооперация	166
Глава X. Государственно-капиталистическое предпринимательство	187
Глава XI. Мелкотоварное и мелкокапиталистическое производство в городской экономике	221
Глава XII. Планирование социально-экономического развития	234
Глава XIII. Сочетание планирования и рынка как инструмент интеграции переходной экономики	259

Раздел второй

КЛАССОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В СТРАНАХ ВОСТОКА

Глава I. Особенности общественного развития Востока на нынешнем этапе	287
Современные условия классовой и политической борьбы	287
Специфика классов и социальной структуры	301
Особая роль правящей элиты	320
Глава II. Основные тенденции и формы классовой борьбы	332
Интернациональные факторы социальных битв 60—70-х годов	332
Причины обострения классовой борьбы в 60—70-х годах	341
Развитие и особенности рабочего движения	350
Социально-политический динамизм интеллигенции и студенчества. «Ново-левое» движение	362
Роль мелкой буржуазии	376
Классовые союзы и проблема революционной демократии	385
Борьба за выбор пути дальнейшего развития	393
Глава III. Коммунистические партии стран Востока в борьбе за национальную независимость и социальный прогресс	399
Глава IV. Социалистическая ориентация	425
Многообразие социалистической ориентации	427
Глубокие перемены, некоторые проблемы развития	435
Революционно-демократические партии	446
Глава V. Главные направления эволюции политической жизни общества	452
Изменения в аппарате управления	453
Особенности партий	464
Некоторые черты развития политических режимов	474
Глава VI. Роль армии в государствах Азии и Африки	480
Армия и классовая ориентация	480
Армия как орудие воздействия на общество в афро-азиатских странах	491
Военно-бюрократические режимы	493
Армия и защита национальных завоеваний	502
Глава VII. Неравномерность и противоречивость социально-экономического развития Востока	506
Авторский коллектив	530

**ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Том 1

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *А. Г. Лиодков, В. Н. Колабжли*
Младший редактор *С. П. Качаникашвили*
Художник *Л. С. Эрмен*
Художественный редактор *В. Л. Резникова*
Технический редактор *Л. Е. Силенко*
Корректоры *В. В. Воловик*
и *Л. И. Пасьяк*

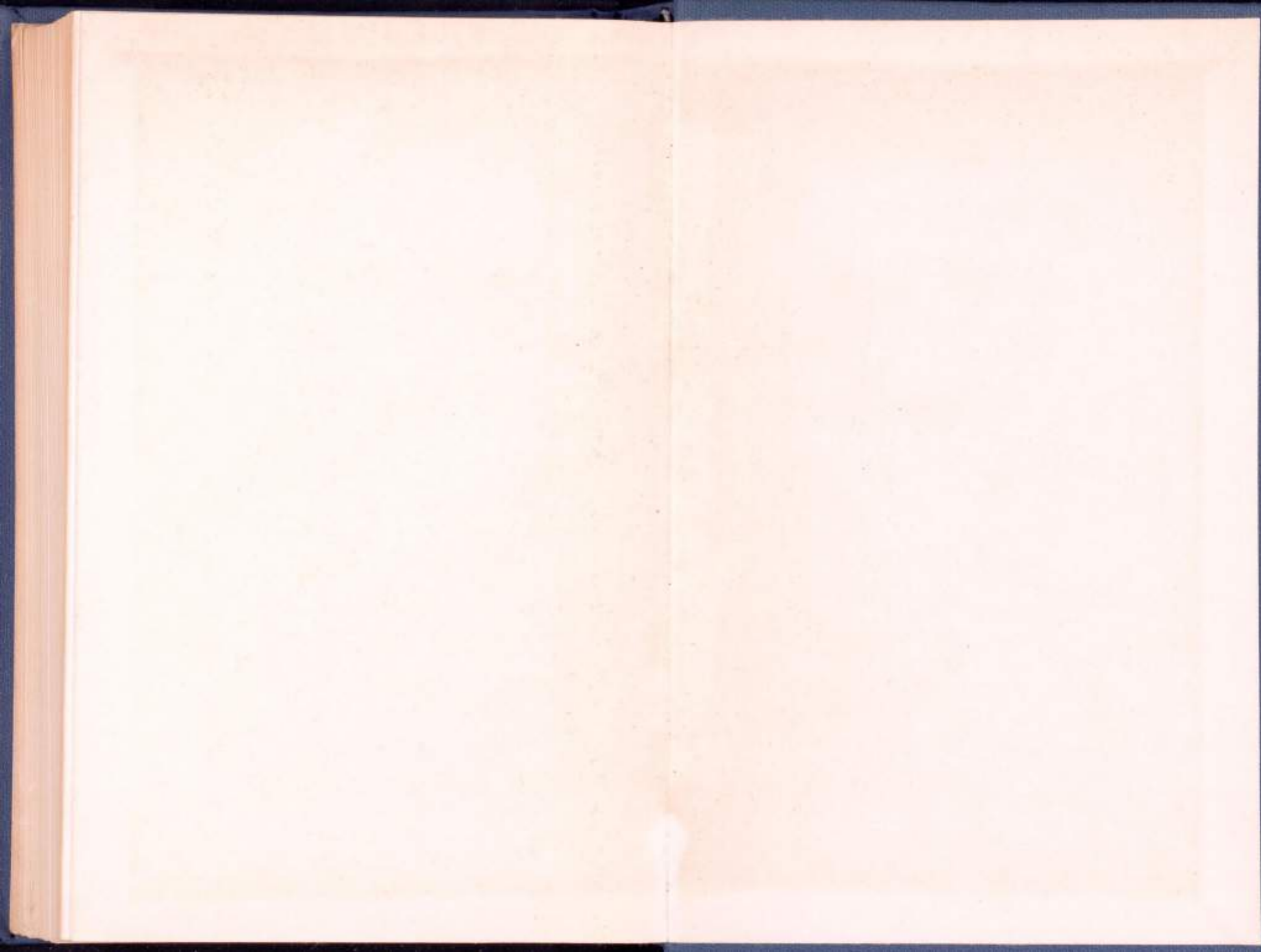
ИБ № 13837

Сдано в набор 25.04.79. Подписано к печати 22.09.80. А-12095. Формат 60×90^{1/8}.
Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 33,5. Уч.-изд. л. 35,98. Тираж 18 200 экз. Изд. № 4336. Зак. № 688.
Цена 2 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Л-я типография Профиндата, Москва,
Жрutiцкий пзд, 18.

2164

